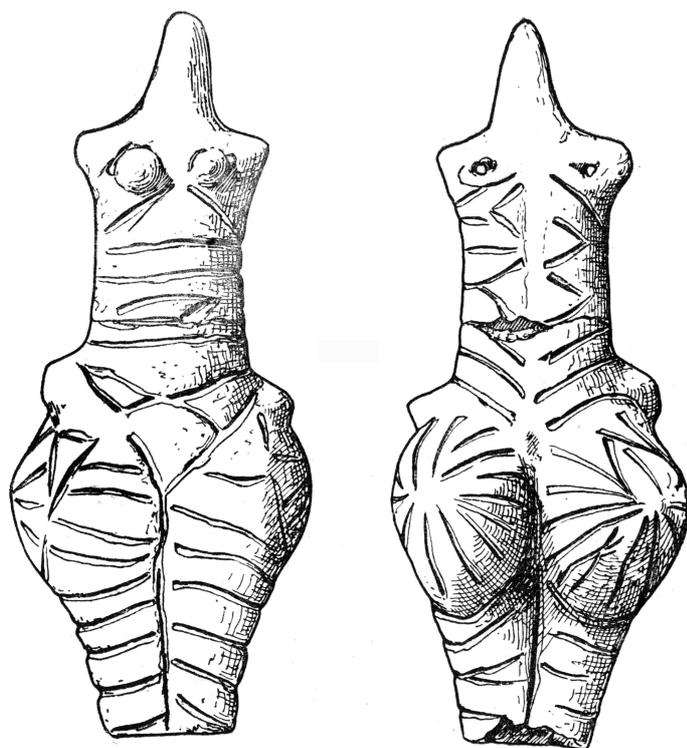

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**С.Н. БИБИКОВ
И ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ**

Санкт - Петербург

2009

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY
NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY**

**SERGEY N. BIBIKOV
AND PREHISTORIC ARCHAEOLOGY**

St.Petersburg

2009

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**С.Н. БИБИКОВ
И ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ**

Санкт-Петербург

2009

Сборник рекомендован к печати Ученым Советом ИА НАНУ и
Ученым Советом ИИМК РАН

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках совместного проекта РГНФ-НАНУ "Международная конференция "Сергей Николаевич Бибикив и первобытная археология" (проект № 08-01-91181 г/У)

Ответственные редакторы:

Доктор исторических наук *Васильев С.А.*
Кандидат исторических наук *Кулаковская Л.В.*

Редколлегия:

Академик НАНУ *Толочко П.П.*
Член-корреспондент РАН *Носов Е.Н.*
Доктор исторических наук *Шуныков М.В.*
Доктор исторических наук *Леонова Н.Б.*
Доктор исторических наук *Зализняк Л.Л.*
Доктор исторических наук *Отрощенко В.В.*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *Сытник А.С.*
Доктор исторических наук *Анисюткин Н.К.*

ISBN

© С.А. Васильев, 2008

С.Н. Бибикив и первобытная археология. СПб.: ИИМК РАН, 2009 – 392 С.

Сборник содержит доклады, представленные на проведенной в 2008 г. в Киеве международной научной конференции, посвященной 100-летию выдающегося археолога, чл.-корр. АН УССР С.Н. Бибикива. Он включает работы ведущих специалистов Украины, России, Молдовы, Болгарии, Израиля. Тематика сборника соответствует широте научных интересов С.Н. Бибикива и охватывает различные разделы первобытной археологии – древнекаменный век, триполье, эпоха бронзы. Особое место в книге занимают воспоминания об ушедшем от нас ученом, принадлежащие перу его друзей и коллег.

Sergey N. Bibikov and Prehistoric Archaeology. The book contains the proceedings of the international conference dedicated to the Centennial of the outstanding scholar, the corresponding member of the Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, Sergey N. Bibikov, held at Kiev in 2008. It includes the contributions of leading scholars from Ukraine, Russia, Moldavia, Bulgaria, and Israel. The topics covered correspond to the wide research interests of Sergey N. Bibikov and embrace the different areas of prehistoric archaeology – The Old Stone Age, the Tripolye Culture, and Bronze Age. The memoirs on the late professor Bibikov written by his friends and colleagues take a particular place in the volume.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного ученого, члена-корреспондента АН УССР, лауреата Государственной премии Украины С.Н. Бибикова. На протяжении 14 лет С.Н. Бибикив возглавлял Институт археологии Академии наук УССР; именно он начал издание трехтомной "Археологии УССР", продолжением чего стал выход фундаментального труда "Древняя история Украины". Научные интересы исследователя охватывали широкий круг проблем первобытной археологии – палеолита, мезолита и энеолита, в частности, трипольской культуры. Вместе с тем, С.Н. Бибикив внес значительный вклад в разработку общих вопросов археологии, таких как реконструкция духовной культуры, палеоэкономики и палеогеографии, демографии первобытного общества, анализ кризиса охотничьего хозяйства и первоначального заселения человеком Восточной Европы. Его научные исследования выделяются широтой взглядов, историзмом, смелыми гипотезами, детальным научным анализом. В мировой археологической науке давно известен термин "школа Бибикива"; он воспитал плеяду учеников, последователей и единомышленников. Значительный период жизни ученого был связан с его работой в Ленинграде, в Государственной Академии истории материальной культуры, где начиналась его научная карьера, сформировался круг исследовательских интересов, развились организаторские способности.

По случаю юбилея С.Н. Бибикива Институт археологии Национальной академии наук Украины (ИА НАНУ) вместе с Институтом истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) провел с 4 по 7 ноября 2008 г. в Киеве международную научную конференцию "С.Н. Бибикив и первобытная археология". Мероприятие было организовано на базе ИА НАНУ и его подразделения – Археологического музея. Работа проходила в двух секциях: палеолита-мезолита и неолита-бронзы, а также на пленарном заседании. В конференции участвовали ведущие специалисты Украины, России, Молдовы, Болгарии, Израиля. Примечательным фактом стал приезд в Киев представительных делегаций из всех трех основных центров изучения древнекаменного века в России – Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска. Активное участие в мероприятии приняли молодые исследователи – аспиранты ИИМК РАН и ИА НАНУ, аспиранты и студенты кафедры археологии Киевского университета. Проблематика научного форума включала вопросы первоначального заселения Восточной Европы, духовной культуры эпохи палеолита и трипольской культуры, проблемы древнейшей архитектуры и обустройства гигантских поселений в энеолите, палеоэкономических и палеодемографических аспектов, истории исследований.

В Археологическом музее к конференции была подготовлена небольшая мемориальная выставка, посвященная С.Н. Бибикиву, включающая подборку фотографий и документов из личного архива семьи исследователя. На доме по адресу: ул. Леонида Первомайского, 3, где ученый провел последние 30 лет жизни, была торжественно открыта мемориальная доска. Был издан красочный буклет, посвященный С.Н. Бибикиву, а также переиздана принадлежащая его перу книга "Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека", впервые увидевшая свет в 1981 г., и ставшая ныне библиографической редкостью. Богато иллюстрированное издание дополняется СД-диском с записью пояснений С.Н. Бибикива и воспроизведением звучания музыкальных инструментов из кости мамонта. Эта примечательная работа положила начало новому направлению в изучении древнейшей культуры человека – музыкальной археологии палеолита, о чем хорошо сказал в послесловии к переизданию книги профессор Льежского университета М. Отт.

Перейдем к научному содержанию конференции. Открывая ее, академик П.П. Толочко (Киев) говорил о значении С.Н. Бибикива в формировании современной украинской археологии, о традиционных российско-украинских научных связях и необходимости их поддержания и развития. На пленарном заседании, состоявшемся в парадном зале Киевского дома ученых, были заслушаны доклады, посвященные памяти С.Н. Бибикива. С.А. Васильев (Санкт-Петербург) рассказал о ленинградском периоде жизни и творчества ученого, его деятельности в ГАИМК-ИИМК, полевых исследованиях по палеолиту и мезолиту в Крыму, на Урале и Днестре, проведенных в 1930-1940-х гг. В докладе А.А. Сеницына (Санкт-Петербург) прозвучал вопрос об актуальности изучения демографии палеолита, проблеме, впервые поднятой в нашей археологии С.Н. Бибикивым. В.Г. Збеневич (Иерусалим) поделился воспоминаниями о киевских годах С.Н. Бибикива и остановился на роли ученого в деле изучения трипольской культуры. Вклад С.Н. Бибикива в исследование древностей западной части Украины стал темой доклада Л.Г. Мацкевого (Львов).

Секция палеолита-мезолита провела 5 заседаний, на которых было заслушано 37 устных выступления и представлено 2 стендовых доклада. Два доклада затрагивали вопросы истории и

методологии изучения древнекаменного века. Н.И. Платонова (Санкт-Петербург) в докладе, основанном на архивных материалах, говорила о раскопках крымских пещер в 1920-1930-е гг., об учениках Г.А. Бонч-Осмоловского, среди которых центральное место занимал С.Н. Бибииков как непосредственный продолжатель исследовательского поиска учителя. С.В. Палиенко (Киев) выступил с обзором современных подходов к культурно-историческому членению материалов позднего палеолита Восточной Европы.

Естественно, что основное место на конференции заняли вопросы изучения палеолита Украины и южной России. Хроностратиграфии древнейших культурных слоев нижнего и среднего палеолита на многослойном местонахождении Королево в Закарпатье посвятила свое выступление Л.В. Кулаковская (Киев). В.И. Усик (Киев) остановился на определении хроностратиграфической позиции комплекса начала среднего палеолита (слой 5 Королево). С.Н. Рыжов (Киев) изложил результаты стратиграфического и планиграфического исследования среднепалеолитической стоянки Малый Раковец 4. Закарпатской тематике был посвящен также стендовый доклад О.Л. Волковой (Киев) "Палеолитические стоянки вблизи с. Рокосово".

Средний палеолит запада Украины (Галицкого Приднестровья) стал темой доклада А.С. Сытника (Львов). В.Н. Степанчук с соавторами (Киев) рассказал о среднепалеолитических памятниках бассейна реки Большая Высь.

Основная часть выступлений затрагивала верхнепалеолитическую тематику. С.И. Коваленко (Кишинев) продемонстрировал сложную стратиграфическую картину, вскрытую при возобновлении раскопок многослойной стоянки Рашков 8 в Приднестровье. В.И. Беляева (Санкт-Петербург) обобщила данные, полученные в ходе полевых исследований последних лет в Пушкарях. О.М. Кононенко (Киев) изложила результаты технико-типологического исследования острий стоянки Радомышль. Расширяется география распространения верхнепалеолитических стоянок Украины. Л.Л. Зализняк и Д.О. Ветров (Киев) рассказали о раскопках граветтской стоянки Троянова-4 в Кировоградской области, а Л.Л. Зализняк с соавторами (Киев) – об открытии ранней верхнепалеолитической стоянки Высь в том же районе.

И.А. Снежко (Харьков) проинформировала об открытии новых верхнепалеолитических памятников на недостаточно изученном пока Северском Донце, а П.Е. Нехорошев (Санкт-Петербург) представил полную сводку верхнего палеолита на территории Волгоградской области, включая мало известные местонахождения. А.А. Бессуднов (Санкт-Петербург) рассказал о новых памятниках древнекаменного века в Воронежской области (пункты в районе Дивногорья). Н.Б. Ахметгалеева (Курчатов) предприняла трасологическое исследование предметов неутилитарного назначения, происходящих из раскопок стоянки Быки в Курской области. Широкою панораму развития и смены финальнопалеолитических культур в центральной части и на северо-западе Русской равнины представила Г.В. Сеницына (Санкт-Петербург). В.А. Манько (Киев) коснулся характеристики памятников того же периода для территории степного юга Украины и Крыма.

Вопросы усовершенствования методики вскрытия и фиксации объектов культурного слоя, реконструкции структур обитания всегда находятся в центре внимания исследователей верхнепалеолитических поселений. Отсюда понятен интерес к докладам Н.Б. Леоновой и Е.А. Виноградовой (Москва), посвященных планиграфическому анализу жилых площадок Каменной Балки – этого своеобразного полигона по развитию методики полевого исследования. В выступлении А.А. Кротовой (Киев) содержалась попытка реконструировать хозяйственную деятельность и облик поселений охотников эгиграветта Восточной Европы. Особое внимание исследовательница уделила практике длительного хранения припасов, свойственной палеолитическим обитателям стоянок. Интересным оказался доклад Н.П. Оленковского (Херсон) о топографической привязке памятников палеолита на аллювиальной равнине левобережья Нижнего Днепра и вероятных выводах относительно особенностей адаптации древних сообществ к условиям этого региона.

Мезолитической тематике был посвящен только один доклад. И.М. Гавриленко (Полтава) изложил свои соображения относительно возможной демографии и общественного устройства раннеголоценовых обитателей левобережья Днепра (памятники зимниковской культуры).

Особой темой рассмотрения на конференции стала археозоология палеолита. А.В. Старков (Киев) продемонстрировал приемы планиграфической фиксации костного материала и обсудил некоторые спорные вопросы взаимодействия археологов и палеозоологов в процессе практической работы. Н.Д. Бурова (Санкт-Петербург) в совместном с Е.Н. Машенко (Москва) докладе представила результаты археозоологического изучения материалов из Зарайской стоянки, остановившись на распределении скелетных остатков мамонта. К упомянутым выступлениям примыкал по тематике стендовый доклад А.А. Леоновой (Киев) "Планиграфия фрагментов рогов северного оленя на позднепалеолитическом памятнике Анетовка 2".

Естественно, что на посвященной С.Н. Бибикову конференции, нашлось место для обсуждения вопросов древнейшего прошлого Урала. В.С. Житенев (Москва) рассказал о результатах обследования пещер и гротов региона, проведенных в последние годы, остановившись на спорных моментах датировки красочных пятен и изображений на стенах скальных убежищ.

Большая серия выступлений касалась вопросов изучения древнекаменного века азиатской части России и сопредельных стран, где лидирующие позиции занимают исследователи из руководимого академиком А.П. Деревянко Института археологии и этнографии СО РАН. Кавказской проблематике было посвящено два доклада. А.А. Анойкин (Новосибирск) рассказал об открытии раннепалеолитической индустрии на пункте Рубас-1 в Прикаспийской зоне Дагестана, а В.Н. Зенин (Новосибирск) – о местонахождении Дарвагчай-1.

Другая область активного исследования каменного века – Средняя Азия. Подлинной сенсацией стал доклад А.Н. Кривошапкина (Новосибирск), продемонстрировавшего нуклеусы со следами снятия микропластинок, открытые в неожиданно древних среднепалеолитических слоях грота Оби-Рахмат. К.А. Колобова (Новосибирск) сообщила о новых раскопках верхнепалеолитических памятников Узбекистана.

Что касается Сибири, где за последние десятилетия произошел подлинный прорыв в изучении палеолита, то наибольшее внимание участников конференции привлек развернутый доклад М.В. Шунькова (Новосибирск) о процессах перехода от среднему к верхнему палеолиту. Благодаря блестяще проведенному исследованию группы многослойных стоянок на северо-западе Алтая впервые для Северной Азии стало возможным на фактической основе выделять варианты среднего и начального верхнего палеолита, обсуждать характер сложных культурных трансформаций. Поражает открытие великолепной серии украшений, в том числе каменного браслета и кольца, происходящих из ранних верхнепалеолитических комплексов. Это выступление непосредственно дополнял доклад Н.А. Кулик (Новосибирск), посвященный петрографической характеристике пород камня, использовавшихся для изготовления украшений. А.Н. Зенин (Новосибирск) доложил о новых раскопках среднепалеолитических слоев в пещере Страшная на Алтае. Л.В. Лбова с соавторами (Новосибирск) рассказала об открытии признаков символического поведения (украшения, необычные каменные конструкции) на ранних верхнепалеолитических поселениях Западного Забайкалья (Хотык и Каменка 1). Тематику раннего верхнего палеолита продолжил в своем выступлении Е.П. Рыбин (Новосибирск), рассказавший о памятниках этого возраста в Монголии. Кроме того, прозвучали посвященные открытиям прежних лет выступления С.Н. Астахова (Санкт-Петербург) "Палеолит Саянского каньона Енисея" и Ю.А. Мочанова (Якутск) "Значение бифасов для классификации и систематизации палеолитических памятников Северной Азии".

На заседаниях секции развернулась оживленная дискуссия, посвященная сущности понятия "адаптация культуры" применительно к эпохе палеолита, вопросам культурно-хронологического расчленения позднего и финального палеолита Восточной Европы, характеристике понятий "селет" и "эпиграветт" применительно к материалам с территории Украины и др.

Не менее насыщено протекала работа секции неолита-бронзы. Первая серия выступлений здесь была посвящена роли С.Н. Бибикова в усовершенствовании методики реконструкции хозяйственной и духовной жизни обществ позднего каменного века и палеометалла. В.В. Отрощенко (Киев) дал развернутую характеристику идеологических представлений первобытного населения, представленных в работах С.Н. Бибикова. С.Ж. Пустовалов (Киев) высоко оценил исследования С.Н. Бибикова в области теории археологии; докладчик проанализировал методику палеоэкономического моделирования, впервые примененного ученым для интерпретации археологических материалов, происходящих Украины. И.Т. Черняков (Киев) поделился воспоминаниями о совместных с С.Н. Бибиковым изысканиях на юго-западе Украины и о влиянии, которое последний оказал на формирование одесского коллектива археологов.

Следующая серия докладов касалась неолитической проблематики. Д.Л. Гаскевич (Киев) дал определение характерным признакам керамики буго-днепровской культуры, выделенной В.Н. Даниленко в "самчинский" тип. На основании радиоуглеродных датировок сделан вывод об отсутствии отдельного самчинского периода буго-днепровской культуры. Выдвинута гипотеза относительно связи происхождения местной керамики с гребенчатой орнаментацией с областью распространения неолитических культур с керамикой *impresso* Средиземноморья и Северо-восточной Африки, а не субнеолитических культур Северо-восточной Европы, как считалось до сих пор. П.С. Шидловский, Е.В. Пичкур и Д.К. Черновол (Киев) представили участникам конференции сообщение о раскопках комплекса раннего этапа культуры линейно-ленточной керамики на многослойном памятнике Йосиповка 1 в Львовской области. Авторами дан подробный анализ встреченной на памятнике

кремневой индустрии и применявшейся древними обитателями стоянки техники расщепления кремня, планиграфическая характеристика поселения. Более широким охватом отличался доклад Н.Р. Михайловой (Киев), в котором была собрана информация о жертвоприношениях оленя в архаичных и традиционных культурах, свидетельствующая о трансформации культа оленя у носителей разных культурно-хозяйственных типов на протяжении нескольких эпох – от палеолита до бронзового века.

Безусловно, в центре внимания участников секции находилась трипольская проблематика. Н.Т. Товкайло (Киев) посвятил свое выступление особому типу раннетрипольских комплексов, исследованных автором в степной зоне Побужья, которые предложено выделить в степной вариант Триполья А – Прекукутени. Вероятно, эти раннетрипольские памятники являются свидетельством определенного типа культурно-хозяйственной адаптации трипольцев к экологическим условиям региона. В докладе Э.В. Овчинникова (Киев) представлен анализ памятников трипольской культуры в регионе Каневского Поднепровья, освещено взаимодействие носителей разных локально-хронологических групп Триполья на этапах В II – С I. Н.Б. Бурдо (Киев) рассмотрел проблемы реконструкции идеологических представлений населения трипольской культуры, традиция изучения которых заложена С.Н. Бибиковым. Предложена систематизация сакральных образов и ритуалов. Д.К. Черновол (Киев) в своем докладе обратился к характеристике архитектурных остатков глинобитных построек Триполья А, известных по раскопкам 1950-1980-х гг. Н.Н. Скакун (Санкт-Петербург) сосредоточилась на изучении одного из ведущих центров кремнеобрабатывающего производства трипольских племен на Волини, функционирование которого относится к периоду Триполья В докладе Е.В. Цвек и И.И. Мовчан (Киев) были приведены данные о раскопках начала 1960-х гг., проведенных на трипольском поселении Гребени под руководством С.Н. Бибикова. В.А. Косаковский и В.С. Рудь (Винница) представили информацию об интересном многослойном поселении трипольской культуры на Винничине, исследованным авторами в последние годы; ими рассмотрены вопросы музеефикации объектов трипольской культуры. В.М. Билоусько и Г.Н. Бузян (Переяслав-Хмельницкий) посвятили свой доклад анализу археологической коллекции с позднетрипольского поселения Гремячка, хранящейся в фондах заповедника в Переяславе-Хмельницком. В.Н. Гладилин (Киев) предложил трактовку керамической модели постройки из Россоховатки, представленной в экспозиции Археологического музея НАНУ, как изображения печи для обжига керамики. С.А. Гусев (Винница) посвятил доклад анализу антропоморфной пластики поселений среднебужской локально-хронологической группы Триполья. Предложена оригинальная графическая реконструкция трипольской скульптуры больших размеров по материалам новых находок.

Проблематика работы секции далеко вышла за рамки трипольской тематики. Б.И. Матева (Исперих) изложила методические подходы к исследованию каменного сырья, использовавшегося древнеземледельческим населением на территории Болгарии. Предложена исчерпывающая характеристика сырья и способов его обработки с привлечением этнографических аналогий. Ю.В. Болтрик (Киев) озаглавил свое выступление "Древние пути Правобережной Украины". Докладчик продемонстрировал возможность реконструкции сети древних сухопутных коммуникаций в зоне степи и лесостепи, руководствуясь фактом их длительного существования, как минимум со времени эпохи ранней бронзы, вплоть до поры появления железных дорог. Принцип энергетической целесообразности принуждал торговые караваны использовать водоразделы крупных рек как основные направления движения. В.С. Бочкарев (Санкт-Петербург) зачитал доклад о типологии клепаных котлов эпохи бронзы, открытых на территории Восточной Европы. Единственный доклад на секции, посвященный сибирской тематике, был зачитан С.А. Федосеевой (Якутск). В нем была дана развернутая характеристика сылахской и белькачинской неолитических культур, а также ымяхтахской культуры переходного этапа от неолита к эпохе бронзы. Обосновывается положение, что каждая из этих культур последовательно занимала всю территорию Якутии, а также Таймыр и Чукотку.

Всего было заслушано более 60 докладов и сообщений. Прошедшая конференция наглядно продемонстрировала успешное развитие археологии палеолита в Восточной Европе и Сибири и крепнущие связи между археологами России и Украины.

Организаторы конференции приняли решение не публиковать тезисы, а собрать том докладов на русском и украинском языках, который ныне предлагается вниманию заинтересованного читателя. Помимо текстов зачитанных и представленных на стендах докладов, мы решили включить в сборник ценные воспоминания о С.Н. Бибикове, принадлежащие перу старейшего российского палеолитоведа В.П. Любина, а также его совместную статью с Е.В. Беляевой. Статьи публикуются в авторской редакции.

*С.А. Васильев
Л.В. Кулаковская*

П.П. Толочко¹

Л.В. Кулаковська²

Інститут археології НАН України

¹пр. Героїв Сталінрада, 12, Київ, 04210, Україна

²вул. Богдана Хмельницького, 15, Київ, 01030, Україна

E-mail: laros@i.kiev.ua

СЕРГІЙ МИКОЛАЙОВИЧ БІБІКОВ (1908-2008)

Цього року виповнилось 100 років від дня народження відомого вченого, члена-кореспондента НАН України, людини зі світовим іменем Сергія Миколайовича Бібікова.

20 років назад похмурого листопадового вечора він пішов із життя, залишивши у друкарській машинці недописану сторінку статті. До останньої хвилини він був у вирі наукового життя, у середовищі колег-археологів.

Справжнє усвідомлення місця й ролі вченого у розвитку науки настає, як правило, лише після закінчення його земного буття. Тільки тепер настає час неупереджених оцінок із позиції вічності, коли єдиним критерієм у підході до зробленого людиною є правда. А ще справедливість, якої так не вистачає сучасникам, обтяженим нерідко дрібним і суєтним. Час дійсно найсправедливіший суддя, який усе і всіх розставляє по своїх місцях.

Адже йдеться про людину надзвичайно масштабну, археолога Божою милістю, вченого світового рівня. Близько 60 років С.М. Бібіков віддав служінню археології, лишивши в ній глибокий і неповторний слід. Його наукова спадщина вражає тематичною широтою, скрупульозністю аналізу археологічних артефактів, високим рівнем історичної інтерпретації, сміливістю наукових гіпотез.

Сергій Миколайович Бібіков народився 14 вересня 1908 р. у м. Севастополі у родині службовців: Миколи Дем'яновича та Софії Іванівни Бібікових (рис. 1, 2). Закінчивши у 1927 р. школу другого ступеню (рис. 3), а вже у 1928 р. він вступає до Кримського педінституту ім. Фрунзе. У 1929 р. С.М. Бібіков переходить до Ленінградського держуніверситету, де навчається на етнографічному відділенні географічного факультету. Доля звела його з відомим археологом, фахівцем у галузі палеоліту Глібом Анатолійовичем Бонч-Осмоловським. Саме в його експедиціях і під його керівництвом проходив Сергій Миколайович школу палеоліту. В цей же час він зустрів ученицю Г.А. Бонч-Осмоловського – Серафиму Трусову, з якою згодом одружився (рис. 4).

З 1931 до 1934 він перебуває на військовій службі у Качинській школі льотчиків. У 1934 р. С.М. Бібіков повертається до Ленінграду і поступає на роботу в Державну академію історії матеріальної культури (згодом ІМК). Він формувався як археолог в оточенні таких видатних учених як П.П. Єфименко, В.І. Равдонікас, М.І. Артамонов, О.П. Окладников, О. Бернштам, П.Й. Борисковський, О.М. Рогачов та багатьох інших. Саме в ІМК Сергій Миколайович пройде шлях від науково-технічного працівника до заступника директора. У 1941 р. Сергій Миколайович захистив кандидатську дисертацію на тему "Позднепалеолитические поселения Шан-Коба и Мурзак-Коба".

Велика Вітчизняна війна поставить перед ним нові випробовування: у 1941-1942 рр. його призначили заступником голови комісії з управління Ленінградськими установами АН СРСР, згодом – головою евакотрійки АН СРСР. В ці тяжкі воєнні роки померла Серафима Трусова.

За кілька років він одружиться з Валентиною Зубаревою (Бібіковою), відомим палеонтологом. Валентина Іванівна до кінця його днів буде йому вірним другом, помічником, одnodумцем (рис. 5).

У 1953 р. С.М. Бібіков захистив докторську дисертацію на тему "Раннетрипольское поселение Лука Врублевская на Дністрі (к истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы)".

У 1955 р. С.М. Бібіков переїздить до Києва. Тридцять три роки він провів у стінах Інституту археології Академії наук України, чотирнадцять із них – директором (рис. 6). Безперечною заслугою Сергія Миколайовича є надання українській археології історичного спрямування. Він настійливо впроваджував ідею історизму в археології, речознавчий аспект якої мусив слугувати справі пізнання історичного процесу. Заклик – "за речами бачити людей, що їх породили", і сьогодні пам'ятають молодші сучасники видатного вченого. У Києві С.М. Бібіков знайшов благодатний ґрунт для реалізації своїх ідей. Його одnodумцями тут були провідні українські археологи Л.М. Славін, О.І. Тереножкін, В.Й. Довженок, Ю.М. Захарук та ін. Разом із ними йому вдалося створити фундаментальну тритомну "Археологію Української РСР", якої не мала тоді жодна з республік СРСР. Своєрідною підготовкою до створення цієї непересічної праці були "Нариси стародавньої історії УРСР", які вийшли за авторською

участю і під редакцією С.М. Бібікова. Йому належить також ідея написання багатотомної "Давньої історії України", реалізація якої здійснилася в кінці ХХ-го століття молодшими сучасниками й учнями вченого.

Теоретичні узагальнення, нові археологічні напрямки й відкриття завжди мали у С.М. Бібікова широку джерелознавчу базу, її складали результати власних розкопок, які проводились у Криму і на Уралі (рис. 7), на Дністрі (рис. 8) й Дніпрі, а також фантастичне володіння матеріалами своїх колег. Здавалось, що археологічна ерудиція С.М. Бібікова не знала меж. Причому, це стосується не лише первісної археології, але й інших її розділів, зокрема, античної, скіфської і, навіть, слов'яно-руської. Це створювало йому незаперечний авторитет і приналежувало численних учнів. В Інституті археології НАН України, а в останні роки на квартирі, довкола С.М. Бібікова постійно збирались студенти, аспіранти, молоді науковці, які йшли до маститого вченого за порадою й консультацією.

Надзвичайно важливий внесок С.М. Бібікова у вивчення трипільської культури, одного з найяскравіших явищ в історії первісного суспільства Східної Європи. Продовжуючи справу В.В. Хвойки, М.Ф. Біляшівського, М.Ю. Макаренка, М.Я. Рудинського вчений здійснив широкі археологічні дослідження трипільських пам'яток на Середньому Дністрі й Дніпрі. Ним уперше в археологічній практиці було повністю розкопане трипільське поселення Лука-Врублівецька. Присвячена йому монографія [1953] і досі лишається одним із кращих досліджень, до якого постійно звертаються не лише археологи, а й історики, етнографи, мистецтвознавці.

Особливу увагу приділив С.М. Бібіков проблемі ідеологічних уявлень і світогляду наших далеких пращурів. Праці на цю тему вражають незвичайним проникненням у внутрішній світ первісної людини, неординарністю, а нерідко і несподіваністю висновків. Це стосується насамперед дослідження міфологічного світосприйняття давніх хліборобів, яке відбулось в оригінальному трипільському орнаменті, культу "родючості", який знайшов свій образний вияв у знаменитих трипільських жіночих статуєтках, реконструкції обрядів.

Досліджені С.М. Бібіковим пам'ятки стали класичними зразками археологічних розкопок та їх історичної інтерпретації. Археологічна пам'ятка для нього була не просто фактом відірваним від реального життя, існуючим сам по собі, а певною ланкою в історичному ланцюгові становлення та розвитку людського суспільства. Він, в першу чергу, шукав пояснення будь якому явищу на широкому тлі історичного процесу, шукав той момент, який об'єднує розпорошені археологічні дані в чітку систему історичного розвитку. Звертаючись до його ж вислову, він воістину умів бачити "за речами людей, що їх породили".

Більше 20 років назад вийшла монографія С. М. Бібікова "Древний музыкальный комплекс из костей мамонта" [1982], у якій запропонована смілива та шокуюча ідея про існування музики в палеоліті. Учений уперше чітко й обґрунтовано сформулював висновок про духовний світ первісної людини, про наявність у них музичних інструментів, про побутування театралізованих ритуальних дійств. Запропонована гіпотеза була аргументована системою скрупульозних аналізів орнаментованих кісток мамонта, виявлених у с. Мізин Чернігівської обл. експедицією Інституту археології НАН України під керівництвом І.Г. Шовкопляса та І.Г. Підоплічка. Слід додати, що комплекс доказів на той час у Сергія Миколайовича був вичерпуючим. Згідно сучасної класифікації ці вироби можуть бути віднесені до групи музичних інструментів ударного типу. Експеримент, проведений під керівництвом заслуженого артиста України В.І. Колокольникова, підтвердив правильність висновку С.М. Бібікова. Модель звучання мізинських кісток була записана на платівку Всесоюзною фірмою грампласту "Мелодія".

Відкриття, зроблене С.М. Бібіковим у 70-80 роки минулого століття і сьогодні є актуальним і досить часто стає предметом наукових дискусій.

Усе життя С.М. Бібіков перебував у безперервному пошуку. Його хвилювала проблема взаємин людини і природи, їй присвячено ряд ґрунтовних наукових праць, у яких знайшли своє висвітлення питання кризи мисливського господарства в кам'яному віці, палеоекономіки й палеодемографії у мезоліті та енеоліті. Висновки, до яких прийшов учений, багато в чому змінили наші традиційні уявлення про поступальність історичного розвитку первісного суспільства.

Сергій Миколайович завжди знаходив у людях ті здібності, які могли сприяти розвитку науки, він умів пробуджувати інтерес до знань в інших. Простота і разом із тим неухильна вимогливість були невід'ємними його рисами.

Життя С.М. Бібікова – постійних рух, пошук. Спілкування з ним завжди було цікавим і емоційним, завжди пробуджувало думку. Він був великим ерудитом, дивним співрозмовником та оповідачем, великим життєлюбом. Це і приналежувало до нього людей, молодь, створювало незаперечний авторитет. Так і виникла "школа Бібікова", яка об'єднала його учнів та послідовників у

різних куточків Євразії. Його цінували та цінують учні, він умів цінувати їх. Швидше за все, це було найголовнішим у його житті, саме людські стосунки.

Сергій Миколайович був абсолютно спокійним до відзнак та нагород. Він умів сприймати їх із гідністю, він не колекціонував нагороди і ніколи не протиставляв свої заслуги іншим. Та все ж було б несправедливо не згадати, що заслуги С.М. Бібікова перед українською наукою належним чином відзначені. Він був членом-кореспондентом АН УРСР, лауреатом Державної премії України, заслуженим працівником науки, членом-кореспондентом Центрального археологічного інституту ФРН (Берлін), був нагороджений Орденом Трудового Червоного Прапора.

Сергій Миколайович Бібіков прожив повноцінне життя, таке, яке вибудував сам.

З нагоди 100-річчя С.М. Бібікова 4-7 листопада 2008 р. у Інституті археології НАН України відбулася Міжнародна наукова конференція "Сергій Миколайович Бібіков та первісна археологія" (рис. 9). Конференція була проведена спільно з Інститутом історії матеріальної культури РАН в рамках спільного проекту РГНФ-НАНУ. Цей науковий форум зібрав близько ста учасників з України, Росії, Молдови, Ізраїлю та Болгарії.

4 листопада на будинку № 3 по вул. Леоніда Первомайського у Києві була відкрита меморіальна дошка (рис. 10, 11).

Автори та учасники конференції щиро вдячні родині С.М. Бібікова за надані фото та документи (рис. 12).

Список літератури

Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука Врублевская на Днестре. МИА. – 1953. – № 38. – 460 с.

Бибиков С.Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев: Наукова думка, 1981. – 108 с. (с пластинкой).

БІБЛІОГРАФІЯ ПРАЦЬ С.М. БІБІКОВА

Про С.М. Бібікова

- Бибиков С.Н.** (Краткая биография в связи с избранием в члены-корреспонденты) // Украинський історичний журнал. – 1958. – № 6. – С. 145.
- Довженко В.И., Захарук Ю.Н., Тереножкин А.И.** К 60-летию С.Н. Бибикова // СА. – 1968. – № 3. – С. 101-104.
- 80-річчя чл.-кор. АН УРСР С.М. Бібікова** // Вісник Академії наук УРСР. – 1988. – № 9. – С. 102.
- Сергій Миколайович Бібіков (1908-1988)** // Вісник АН УРСР. – 1989. – № 1. – С. 110.
- Збенович В.Г.** Пам'яті вчителя // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 4-6
- Борисковський П.Й.** Сергій Миколайович Бібіков і його час // Археологія. – 1990. – № 2. – С. 98-106.
- Березанська С.С.** Пам'яті Сергія Миколайовича Бібікова // Археологія. – 1993. – № 3. – С. 155-157.
- До 90-річчя з дня народження Сергія Миколайовича Бібікова** // Археологія. – 1998. – № 4. – С. 3-4.
- Отт М.** С.М. Бібіков. Плідне натхнення // Археологія. – 1998. – № 4. – С. 4-8.
- Цвек Е.В., Мовчан И.И.** С.Н. Бибиков и Триполье // Трипільські поселення-гіганти. – Киев, 2003. – С. 276-279.

Монографії С.М. Бібікова

- Бибиков С.Н.** Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. – МИА. – 1953. – № 38. – 460 с.
- Бібіков С.М.** Досягнення археологічної науки на Україні (матеріали до лекції). – Киев, 1958. – 25 с.
- Бибиков С.Н.** Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев, 1981. – 108 с.: пластинка
- Бибиков С.Н.** Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. – Киев, 1981. – 158 с.: пластинка. На японском языке.
- Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю.** Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. – Одесса, 1994. – 240 с.

Статті С.М. Бібікова

- 1926
- Бибиков С.** Раскопка кургана у дер. Красная Горка близ Симферополя // Пути коммунистического просвещения. – 1926. – № 2. – С. 68-71.
- 1935
- Бибиков С.Н.** Итоги работы Крымской экспедиции 1935 г. (тезисы доклада). Отдельный оттиск. – 1935.
- Бибиков С.Н.** Отчет о работе Крымской экспедиции // Труды Сов. Секции МАИЧП. – 1935. – Вып. I.
- 1936
- Бибиков С.Н.** Итоги работы Крымской экспедиции в скалистом навесе Шан-Коба (Тез. докл.). – Л., 1936. – 4 с.
- Бибиков С.Н.** Предварительное сообщение о результатах работ Крымской экспедиции // Тр. Сов. Секции МАИЧП. – 1936. – Вып. II. – С. 42-53.
- Бибиков С.Н.** Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. // СА. – 1936. – Т. 1. – С. 195-212.
- 1937
- Бибиков С.Н.** Пещеры каменного века // Наша страна. – 1937. – № 9. – С. 54.
- 1939
- Бибиков С.Н.** Средневековое укрепление Исар близ сел. Чоргунь (Крым) // КСИИМК. – 1939. – Вып. II. – С. 30-32.

1940

Биби́ков С.Н. Грот Мурзак-Коба – новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму // СА. – 1940. – Т. 5. – С. 159-178.

Биби́ков С.Н. Древний каменный век в Крыму // Наука и жизнь. – 1940. – № 5/6. – С. 21-23.

Биби́ков С.Н. Из работ крымской палеолитической экспедиции 1936 года // БКИЧП. – 1940. – № 6-7. – С. 81-84.

Биби́ков С.Н. К вопросу о неолите в Крыму // КСИИМК. – 1940. – Вып. IV. – С. 26-31.

Биби́ков С.Н. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю.Урал) // КСИИМК. – 1940. – Вып. III. – С. 35-39.

1941

Биби́ков С.Н. Археологические работы в Байдарской Долине // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. – 1941. – С. 251-25.

Биби́ков С.Н. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время (по материалам Крымской палеолитической экспедиции в 1935-1936 гг.) // МИА. – 1941. – № 2. – С. 140-141.

Биби́ков С.Н. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал) // МИА. – 1941. – № 2. – С. 61-64.

1944

Биби́ков С.Н. Первобытные народы Урала // Наука и жизнь. – 1944. – № 3.

1946

Биби́ков С.Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму // КСИИМК. – 1946. – Вып. XIII. – С. 126-130.

1947

Биби́ков С.Н. Дотрипольское поселение Лука-Врублевцевая // КСИИМК. – 1947. – Вып. XXI. – С. 60-64.

1949

Бібі́ков С.М. Верхньопалеолітичні знаходки на Середньому Подністров'ї // АП. – 1949. – Т. II. – С. 292-298.

Бібі́ков С.М. Дотрипільське поселення Лука-Врублевецька на Середньому Дністрі // АП. – 1949. – Т. II. – С. 226-242.

Биби́ков С.Н. Поселение Лука-Врублевцевая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР // СА. – 1949. – Т. XI. – С. 127-150.

Биби́ков С.Н. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма // Ученые записки ЛГУ. – 1949. – Вып. 13. Археология. – С. 12-45.

1950

Биби́ков С.Н. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевцевой на Днестре // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXV. – С. 74-84.

Биби́ков С.Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // СА. – 1950. – Т. XII. – С. 66-104.

Биби́ков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. – 1950. – Т. XIII. – С. 95-138.

Биби́ков С.Н. Позднейший палеолит Крыма // Материалы по четвертичному периоду СССР. – 1950. – Вып. 2. – С. 118-126.

1951

Бібі́ков С.М. Зображення тварини на кістяній пластинці з с. Озаринців (Поділля) // Археологія. – 1951. – Т. V. – С. 215-217.

Биби́ков С.Н. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы // СА. – 1951. – Т. XV. – С. 122-139.

1952

Биби́ков С.Н. Из работ в Луке-Врублевцевой // КСИИМК. – 1952. – Вып. 45. – С. 19-20.

Биби́ков С.Н. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье // КСИИМК. – Вып. XLVIII. – 1952. – С. 36-41.

1953

Биби́ков С.Н. К вопросу о ритуальных погребениях в трипольских жилищах // КСИА АН УССР. – 1953. – Вып. 2. – С. 84.

Биби́ков С.Н. Поселение в с. Лука-Врублевцевая и проблема раннего Триполья // Доклады VI научной конференции Института археологии. – Киев, 1953. – С. 247-260.

1954

Биби́ков С.Н. Археологические раскопки у селений Поденки и Журы на Днестре в 1952 году // КСИИМК. – 1954. – Вып. 56. – С. 104-110.

1955

Биби́ков С.Н. Исследование трипольских памятников на Среднем Поднестровье // КСИА АН УССР. – 1955. – Вып. 4. – С. 138-139.

Биби́ков С.Н. О некоторых вопросах истории трипольской культуры (По поводу рецензии Т.С. Пассек) // Вестник древней истории. – 1955. – № 3. – С. 209-214.

1956

Бібі́ков С.М. Стан та завдання археологічної науки на Україні // Вісник АН УРСР. – 1956. – № 6. – С. 20-29.

Биби́ков С.Н. Трипольские поселения в окрестностях Луки-Врублевцевкой // КСИА АН УССР. – 1956. – Вып.6. – С. 13-17.

1957

Бібі́ков С.М. Деякі вузлові питання археологічної науки на Україні // Вісник АН УРСР. – 1957. – № 6. – С. 3-12

Бібі́ков С.М., Даниленко В.М. Мідний вік. Землеробсько-скотарські племена на території Правобережної України // Нариси стародавньої історії Української РСР. – Киев, 1957. – С. 53-73.

Биби́ков С.Н. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма // БКИЧП. – 1957. – № 21. – С. 79-86.

Бібі́ков С.М. Сорокаріччя археологічної науки на Україні // Розвиток науки в Українській РСР за 40 років. – Киев, 1957. – С. 105-123.

1958

Биби́ков С.Н. О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра // СА. – 1958. – № 3. – С. 27-30.

1959

Биби́ков С.Н. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита // СА. – 1959. – № 4. – С. 19-28.

Биби́ков С.Н. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 году // КСИА АН УССР. – 1959. – Вып. 8. – С. 114-121.

Биби́ков С.Н. Ефименко П.П. Костенки 1. Рецензия. // СА. – 1959. – № 4. – С. 258-261.

1960

Бібі́ков С.М. За глибоке і всебічне вивчення історії стародавнього суспільства // Український історичний журнал. – 1960. – № 6. – С. 156-159.

Биби́ков С.Н. Замечания к "Заметкам о трипольской пластике" К. Маевского // СА. – 1960. – № 1. – С. 316-319.

Биби́ков С.Н. О ретроспективном восстановлении археологических остатков на местах залегания // КСИА АН УССР. – 1960. – № 9. – С.43-46.

1961

Бібі́ков С.М. Зображення тварини на кістяній пластинці з Озаринців (Поділля) // Археологія. – 1961. – Т.5. – С. 215-217.

Биби́ков С.Н. О первичном заселении Восточной Европы // КСИА АН УССР. – 1961. – Вып. 11. – С. 3-6.

Биби́ков С.Н. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита // Четвертичный период. – Вып. 13-15. – Киев, 1961.

1962

Биби́ков С.Н. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы // СА. – 1962. – № 3. – С. 3-24.

1963

Биби́ков С.Н. Новые исследования трипольской культуры в Среднем Поднепровье // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. – М., 1964. – С. 20-23.

Биби́ков С.Н. Полевые исследования украинских археологов // Вестник АН СССР. – 1963. – № 7. – С. 59-65.

Бібіков С.М. Польові археологічні дослідження на Україні в 1960-1961 рр. // Археологія. – 1963. – Т. XV. – С. 3-18.

1964

Бібіков С.М. Замітки археолога // Народна творчість та етнографія. – 1964. – № 6. – С. 41-44.

Бібіков С.М. Микола Львович Ернст. (До 75-річчя з дня народження) // Археологія. – 1964. – Т. XVI. – С. 232-233.

Бибииков С.Н. Новые исследования трипольской культуры в Среднем Поднепровье // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. – М., 1964. – С. 20-23.

Бибииков С.Н. О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен // VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964. – 10 с. (оттиск).

Бібіков С.М., Шмаглій М.М. Трипільське поселення біля с. Гребені (Роботи в зоні Канівської ГЕС) // Археологія. – 1964. – С. 131-136.

1965

Бибииков С.Н. Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска // Тезисы доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції. – Хмельницький, 1965. – С. 62-64.

Бибииков С.Н. Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. – Баку, 1965. – С. 56-58.

Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономической комплекс развитого Триполья // СА. – 1965. – № 1. – С. 48-62.

1966

Бибииков С.Н. О хронологическом разделении памятников Триполья А и типа Гумельницы (Алдень II) на Юго-западе СССР // VII международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения. – М., 1966. – С. 93-99.

Бибииков С.Н. Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма // МИА. – № 126. – 1966. – С. 138-143.

1967

Бибииков С.Н. Археология // Украинская Советская Социалистическая республика. Энциклопедия – Киев, 1967. – С. 402-403.

Бибииков С.Н. К 50-летию археологической науки на Украине // СА. – 1967. – № 3. – С. 47-72: рис.

Бибииков С.Н. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. – Кишинев, 1967. – С. 12-15.

1968

Бібіков С.М. До 50-річчя археологічної науки на Україні // Археологія – 1968. – Т. XXI. – С. 3-35.

Бибииков С.Н. О научной командировке в Болгарию // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – В. II. – Киев, 1968. – С. 229-234.

1969

Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. – 1969. – № 4. – С. 5-22.

Бибииков С.Н. Палеолит Крыма // Природа и развитие первобытного общества. – М., 1969. – С. 142-154.

1970

Бібіков С.М., Збеневич В.Г. Деякі проблеми археологічного вивчення Середнього Подністров'я // Вісник АН УРСР. – 1970. – № 2. – С. 41-48.

Бибииков С.Н. О ранних формах ремесленного производства // Домашние промыслы и ремесло. Тезисы расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа 8-9 июня 1970 г. – Л., 1970. – С. 3-6.

1971

Бибииков С.Н., Збеневич В.Г. Археологические разведки в зоне затопления Могилев-Подольской ГЭС // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – Вып. III. – Киев, 1971. – С. 73-77: рис.

Бібіков С.М. Г.А. Бонч-Осмоловський (нарис діяльності) // Археологія. – 1971. – № 3. – С. 94-98.

Бібіков С.М. Пам'ятки культури Гумельниця на території Української РСР // Археологія Української РСР. – Т. I. – Киев, 1971. – С. 210-213.

Биби́ков С.Н. Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма // СА. – 1971. – № 4. – С. 11-22.

Бібіков С.М. Ранній етап трипільської культури // Археологія Української РСР. – Т. 1. – Киев, 1971. – С. 150-165.

Вібіков S.N. Density of population and hunting grounds area in Crimea in Paleolithic time. М., 1971. – 14 p.

1972

Бібіков С.М., Євдокимов Г.Л., Збенович В.Г. Розвідки на Середньому Дністрі в 1969 році // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – Вип. IV. – Киев, 1972. – С. 368-372.

1973

Бібіков С.М. Перспективні теоретичні розробки в радянській археології // Вісник АН УРСР. – 1973. – № 4. – С. 15-25

1974

Биби́ков С.Н. К социальной интерпретации мустьерских поселений // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. – Л., 1974. – С. 14-16.

Бібіков С.М. Нове у вивченні найдавніших форм музично-хореографічного мистецтва // Вісник АН УРСР. – 1974. – № 9. – С. 43-55.

1975

Биби́ков С.Н. Музыкально-хореографический "ансамбль" каменного века. (По материалам археологического изучения Мезинского палеолитического поселения) // Наука и жизнь. – 1975. – № 3. – С. 108-112.

Биби́ков С.Н. Музыкально-хореографический комплекс из Мезина // Новейшие открытия советских археологов. – Ч.1. – Киев, 1975. – С. 7-9.

1976

Бібіков С.М. Секстет для первісної людини // Наука і суспільство. – 1976. – № 10. – С. 26-27: рис.

1978

Биби́ков С.Н. Мезин. "Праздничный дом" и костяной музыкальный комплекс // СА. – 1978. – № 3. – С. 29-46.

Биби́ков С.Н. Музыкальная лопатка мамонта из Городка-2 // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг. – Ужгород, 1978. – С. 24-25.

1980

Биби́ков С.Н. Музыкальная лопатка мамонта из палеолитического поселения Городок II в Ровенской области // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев, 1980. – С. 10-19

1981

Биби́ков С.Н. Ленинские идеи в археологической науке // СА. – 1981. – № 4. – С. 281-287.

Биби́ков С.Н. Эпоха мезолита (эпипалеолита) // История Украинской ССР. – Киев, 1981. – Т. 1. – С. 45-55.

Биби́ков С.Н. Эпоха палеолита // История Украинской ССР. – Киев, 1981. – Т. 1. – С. 22-45.

1982

Бібіков С.М., Крижицький С.Д. Дослідження античних пам'яток на Україні // Археологія. – 1982. – № 40. – С. 55-71.

1984

Бібіков С.М. Новий етап у вивченні історії стародавнього Києва // Вісник Академії наук УРСР. – 1984. – № 6. – С. 99-101.

Биби́ков С.Н. Отдел археологии Крыма // 50 лет Института археологии АН УССР. – Киев, 1984. – С. 61-64.

Биби́ков С.Н. Петр Петрович Ефименко. К 100-летию со дня рождения // СА. – 1984. – № 4. – С. 287-290.

1985

Биби́ков С.Н. О совершенствовании разработок некоторых методологических вопросов археологии // Методологические проблемы общественных наук. – Киев, 1985. – С. 215-223.

Биби́ков С.Н. Памятники культуры Гумельница на территории УССР // Археология Украинской ССР. – Т. I. – Киев, 1985. – С. 263-268.

Биби́ков С.Н. Ранний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. – Т. I. – Киев, 1985. – С. 193-206.

1987

Бібіков С.М. Дослідження відділу археології Криму // Археологія. – 1987. – Вып. 57 – С. 34-38.

1988

Биби́ков С.Н., Толочко П.П. Проблемы палеогеографии и палеоэкономики (археологический аспект исследований) // Проблемы исторической демографии СССР. – Киев, 1988. – С. 34-39.

1989

Биби́ков С.Н. К разработке новых теоретических проблем в археологической науке и вопрос о заселении Восточной Европы в палеолите // Первобытная археология. – Киев, 1989. – С. 20-35.

Бібіков С.М. Теріоморфні зображення в орнаментиці Трипілья (трипільський "звіриний стиль") // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 6-11.

1990

Биби́ков С.Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский // СА. – 1990. – № 1. – С. 277-283.

Бібіков С.М. Гліб Анатолійович Бонч-Осмоловський (1890-1943). До 100-річчя з дня народження // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 139-146.

1996

Биби́ков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // Антология советской археологии. – Т. 3. – М., 1996. – С. 67-74.

Упорядник: **В.А. Колеснікова**

Інститут археології НАН України

пр. Героїв Сталінграда, 12, м. Київ, 04210, Україна

E-mail: vitka7@ukr.net

**С.Н. БИБИКОВ –
УЧЕНый И ЧЕЛОВЕК**

Г.А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ И ЕГО СОТРУДНИКИ

Крымские экспедиции Г.А. Бонч-Осмоловского были настоящей школой полевой археологии – для всех их участников. Самое парадоксальное заключается в том, что это была школа и для самого начальника. Конечно, Г.А. не являлся самоучкой в археологии. Так или иначе, за плечами его была и учёба в Санкт-Петербургском университете у Ф.К. Волкова (1909-1915 гг.), и стажировка в семинарии П.П. Ефименко в 1922/23 гг. Однако именно раскопкам палеолита (и, тем более, пещерных памятников!) его не учил никто. Основные приёмы изобретались или заимствовались буквально "на лету". Тем не менее, уже в 1926 г., побывав на раскопках палеолитических стоянок во Франции, Г.А. написал в отчёте: "...мне пришлось убедиться, что французские методы работ в этой области значительно отстают по технике и учету материала от принятых у нас..." [Арх. авт.]¹.

Как же сложилось, что вчерашний студент, только в 1923 г. получивший университетский диплом, в считанные годы сумел вырваться на передовые позиции в мировой науке о палеолите? Про Крымские экспедиции Бонч-Осмоловского можно писать много, ограничимся самым главным.

Г.А. было уже за 30, когда он, наконец, занялся наукой вплотную. Страсть к археологии пришла к нему поздно. До этого было юношеское увлечение путешествиями. Были походы в одиночку по горным аулам, были этнографические работы, так и не доведённые до конца, а затем – война, революция, скитания по южным окраинам России.

Когда осенью 1922 г. он вернулся в Петроград, бывшие товарищи приняли его прохладно. Кое-кто из них уже стал профессором, а ему – скоропалительно ушедшему когда-то на фронт – пришлось заново сесть на студенческую скамью. В годы гражданской войны Г.А. сотрудничал с красным подпольем, потом служил в Крыму "комиссаром" по охране памятников. В учёных кругах Петрограда всё это не вызывало симпатий. Но шаткое положение недоучившегося студента не смущало Г.А. У него оказывалось своё мнение решительно обо всём. Он был недопустимо дерзок и насмешлив в спорах.

Едва получив свой запоздалый диплом, Г.А. отправляется в Крым – начинать собственные исследования. Через год, 4 июня 1924 г. он выступает с докладом на заседании этнологического отделения РАИМК. Резолюция по его докладу гласила: "...Совет 1 отделения РАИМК полагает, что исследование крымских палеолитических стоянок, предпринятое Г.А. Бонч-Осмоловским, является одной из насущнейших задач русской палеоэтнологии, и всемерно поддерживает пожелание докладчика, чтобы в текущем полевом сезоне были продолжены изыскания, с таким успехом начатые... в прошедшем году. Секретарь отделения П. Ефименко" [Платонова, 2002, с. 121-122].

Однако всё это были слова! "Всемерная поддержка", выраженная докладчику этнологическим отделением, вовсе не означала, что ГАИМК или Русский музей согласятся уделить на "эксперименты" вчерашнего студента какую-то сумму денег. Однако здесь Г.А. явно пригодился недавний опыт административной работы, а, главное, приобретённые тогда связи и умение открывать перед собой двери самых различных кабинетов. Средства на исследования 1924 г. были получены из Главнауки – по признанию самого учёного, "путём личных ходатайств". Но, так или иначе, в начале июля 1924 г. обследования в Горном Крыму были продолжены.

Стоит упомянуть колоритный эпизод, едва не оборвавший карьеру ученого в самом начале. В феврале 1924 г. на финской границе был арестован А.Э. Серебряков. В прошлом – археолог, сотрудник Эрмитажа. Потом – белый офицер, эмигрант и, вероятно, профессиональный разведчик. Той зимой он нелегально явился в Ленинград и несколько раз ночевал у Бонч-Осмоловского. При всей "левизне" своих взглядов, Глеб никак не мог выдать на расстрел друга своей юности [Платонова, 2002, с. 124-125].

---

¹ Статья написана, в значительной степени, на базе материалов, находящихся в личном архиве автора настоящей статьи, на что и указывают ссылки [Арх. авт.]. Цитаты из них приводятся либо по подлинникам, либо по их рукописным и машинописным копиям, сделанным вдовой Г.А. Бонч-Осмоловского Надеждой Викторовной Тагеевой. Копии используются в тех случаях, когда оригиналы, переданные Н.В. Тагеевой в архивы, находятся в составе необработанных фондов, недоступных для читателя. Подробнее о судьбе архива Бонч-Осмоловских см.: [Платонова, 2005].

"Мои друзья, которых я видел, – показывал Серебряков на допросе, – ...весьма сочувственно относятся к советскому строю... Бонч-Осмоловский... полон энтузиазма ко всему совершающемуся... Даже хотел бы поступить в партию, но удерживает недостаток веры (sic! *Н.П.*). Целиком ушёл в свою научную работу..." [Там же].

3 июля 1924 г. всем упомянутым "друзьям" Серебрякова были направлены повестки с указанием явиться в ГПУ. Засим последовала подписка о невыезде. Впрочем, по повесткам явились не все. В ЭОРМ на запрос ГПУ о Г.А. Бонч-Осмоловском с полным правом ответили: отбыл в экспедицию. Где сейчас? – Неизвестно...

Отсутствующего Г.А. официально объявили "в розыск", но никаких практических шагов к розыску не предприняли. Видимо, у чекистов было много других забот. "Дело Серебрякова" не принадлежало к числу сфабрикованных. Оперативников интересовали на стоящие шпионские связи А.Э., а отнюдь не те люди, которых арестованный назвал в целях прикрытия. Заведомая невинность этих последних была им ясна. Но это не отменяло наказания "за доноительство".

Задержись Г.А. в Ленинграде еще на неделю, Крымская экспедиция 1924 г. не состоялась бы. Но он уехал вовремя. В июле была проведена разведка около 20 пещер от Карасубазара до Инкермана. В конце августа начались раскопки могильника эпохи бронзы – силами нескольких симферопольских мальчишек, которых начальник сумел заразить своим энтузиазмом. 11 сентября, когда раскопки уже подходили к концу, 17-летний Е.В. Жиров², пробираясь по крутому склону, сбился с тропы и наткнулся на неизвестный грот. Г.А. описал его так: "...Навес, широко раскрытый на юг. В задней стене – низкий ход в глубину скалы. Жара в пещере отчаянная. Солнце в ней отражается, как в вогнутом зеркале. Я так и ахнул: вот подходящая квартира для пещерного человека! Тут было тепло и в ледниковые времена!.." [Бонч-Осмоловский, 1925, с. 58]. Это и был знаменитый грот Киик-Коба ("Дикая пещера") в массиве известняков правого берега р. Зуи.

Шурфовка показала наличие в гроте культурных остатков. Палеолит!.. Раскопки были начаты сразу. Разборка велась послойно. После снятия верхнего гумуса Г.А. разбил раскоп на квадраты. Слои с культурными остатками и органикой разбирались тонкими скульптурными шпателями и шильями. Грунт дополнительно просеивался на грохоте. Эта методика складывалась на ходу – как уже говорилось выше, собственный опыт раскопок у автора был минимальный. Но определенная теоретическая подготовка у него имелась.

Безусловно, Г.А. был знаком с отчетами К.С. Мережковского, писавшего о послойном стратиграфическом изучении пещер, а, возможно, и с "Программой" раскопок костеносных пещер, изданной ОЛЕАЭ [Щуровский, 1878]. В качестве "научных методов раскапывания" там упоминались: съемка плана пещеры; проведение центральной линии; послойное вскрытие небольшими участками, с проведением параллельных разрезов.

Не стоит недооценивать и тот уровень информации, который давал своим студентам Ф.К. Волков. Сам он не был археологом-полевиком. Но его рекомендации являлись обобщением самого передового мирового опыта. "...Научно-производимая раскопка, – писал он, – должна иметь задачей не только извлечение из земли древних предметов, но и возможно полное восстановление всей той культуры, остатками которой они являются..." [Волков, 1900, с. 240]. Его практическими рекомендациями были: обязательное вычерчивание вертикальных и горизонтальных разрезов "культурного пласта"; горизонтальная расчистка объектов; "очень тщательная статистика" массового материала; необходимость брать при раскопках "всё без исключения" – черепки, уголь, куски дерева, комья глины с отпечатками и т.д. [Там же, с. 242-243].

Сейчас все это кажется "забеганием вперед". Сами ученики Ф.К. Волкова – П.П. Ефименко, Л.Е. Чикаленко и др. – в ходе раскопок Мезинской стоянки часто пренебрегали его указаниями. Сказывалась инерция мышления, ориентировка на общепринятое. У Г.А. Бонч-Осмоловского такая инерция отсутствовала. Он безошибочно выбирал все, наиболее перспективное в методическом плане, на ходу дополняя и совершенствуя приемы исследования.

Дополнительным источником опыта стало для него, по-видимому, общение с московским археологом Б.С. Жуковым, специалистом по неолиту, учеником Д.Н. Анучина. В Антропологической комплексной экспедиции, работавшей под руководством Жукова с начала 1920-х гг., было принято использовать в поле такие приемы, как: поквadratная разбивка раскопа; послойная разборка напластований; нивелировка поверхности и находок; последовательное вскрытие небольших

---

² Жиров Евгений Владимирович – ученик Г.А. Бонч-Осмоловского, антрополог, сотрудник МАЭ. Погиб в блокаду.

площадей, с подробной фиксацией разрезов; изготовление поквдратных карточек; взятие массового материала целиком³.

Все это последовательно вводилось Г.А. в практику работ Крымской экспедиции. Нивелировка от условной горизонтали была начата им с 1925 г. Карточную систему фиксации он ввел в 1926 г. В ходе раскопок с самого начала учитывались все находки кремня, кости, древесного угля: "В палеолите нет бросового материала!.." [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 12].

Последовательное вскрытие небольших участков и подчеркнутое внимание к вертикальной стратиграфии являлись общей практикой палеоэтнологической школы. Г.А. не отказался от этого приема и позднее, в 1930-х гг., в пору всеобщего увлечения раскопками широкой площадью. При этом он вводил корректив: "каждый неделимый объект в виде скопления костей, ямки, погребения... должен вскрываться целиком, хотя бы он и заходил на соседние участки..." [Там же, с. 9].

В ходе раскопок 1924 г. в Киик-Кобе было выявлено 2 палеолитических слоя ("верхний и нижний очаг"). Их разделял т.н. "межочажный слой", но местами верхний очаг непосредственно перекрывал нижний. Именно на таком участке был обнаружен скорченный костяк, примерно, годовалого ребенка. Хотя и с большим трудом, Г.А. сумел вынуть его и закрепить. 19 сентября, уже при зачистке скального дна раскопа, в нем обнаружилось продолговатое углубление:

"...Гляжу – глазам не верю! – описывал этот момент Г.А. – Искусственное углубление в скале... да это могила!

Рассуждать долго не стали. Все столпились вокруг меня. Я стал осторожно расчищать яму... Могила пуста!..

Я продолжаю расчищать. Подхожу к концу могилы. Надежды нет.

И вдруг под шилом показалась одна кость, потом другая. Женя воскликнул: "Человек!" Ребята застыли, затаив дыхание.

Я сел, закурил и сказал: "Ну, ребята, дело серьезное. Придется остаться еще дня на два. Очистить и вынуть кости – мудрено..."

В могиле оказались кости человеческих ног..." [Бонч-Осмоловский, 1925, с. 61].

Так в первый же год исследований Киик-Кобы, в ходе мало подготовленных, разведочных раскопок, в руки начинающего исследователя попал материал, определивший весь его дальнейший путь – остатки погребения неандертальца. Стоит отметить: в ту пору мировая наука располагала данными всего о 5 достоверных находках *Homo neanderthalensis*. Равным образом, не было известно случаев их *преднамеренного* захоронения.

Сказать, что вслед за этим открытием к Г.А. Бонч-Осмоловскому пришло признание, значит сильно погрешить против истины. Уникальность находки, вкупе с неопытностью раскопщика, рождали вокруг недоверие и зависть. "В связи с моими раскопками и открытием погребения в Крыму, – рассказывал Г.А. в 1930 г., – стали возникать слухи, что, в действительности, никакого погребения нет, что, может быть, там просто свинья. Погребение стояло под гипсовым футляром в подвале, вскрывать его было опасно. Тем не менее, ввиду возникших слухов, пришлось его вскрыть, причем подтвердилось, что оно подлинное..." [РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. № 76. Л. 19].

Было и другое обстоятельство, омрачавшее его жизнь на рубеже 1924/25 гг. – непрерывное ожидание высылки по "делу Серебрякова". Не случайно в письме Г.А. к В.В. Бунаку от 30.03.1925 имеется оговорка:

"...Я начинаю уже писать статью с предварительными данными. *Есть обстоятельства, заставляющие меня торопиться с этой работой. Если я не успею кончить, Вам сообщат об этом* [курсив мой. – Н.П.] – [тогда] прошу поместить в Антрополог. Журнале выдержки из моего письма..." [Арх. авт.].

Эта история получила неожиданный счастливый конец. По ходатайству влиятельных лиц, А.Э. Серебрякову заменили расстрел 10 годами лагерей. Лиц, повинных в недоносительстве, помиловали [Платонова, 2002, с. 127-128]. Беда миновала. Но не менее полугода Г.А. жил в непрерывном ожидании ареста. За эти полгода он успел провести первичную обработку коллекции и составить о ней все основные представления, которые легли в основу его дальнейших публикаций Киик-Кобы. Свидетельством тому является уже цитированное письмо:

"Многоуважаемый Виктор Валерьянович,

³ Убедиться в этом можно, просмотрев краткие отчеты Б.С. Жукова в Научном архиве Государственного музея антропологии при МГУ (опись X). Там же сохранились образцы поквдратных карточек, по которым велась фиксация материала в поле. К сожалению, весь личный архив этого безвременно погибшего ученого, по-видимому, утерян.

Мне было крайне досадно, что в прошлый свой приезд в Москву я не застал там Вас. Я хотел посоветоваться с Вами по целому ряду вопросов, касающихся обработки сделанных мною находок...

Измерение костей человека, которое я производил, руководствуясь Волковым и внося туда дополнения по Булю, почти закончено...⁴

...Кремень мною разобран и изучен, но только сейчас удалось приступить к литературной его обработке. К сожалению... многих книг я не могу достать, а в имеющихся описание орудий носит поверхностный характер... Несомненно, закончить исследование можно будет только, побывав за границей...

Весь материал поступил в Русский музей. Остатки животных обрабатываются директором Зоологического музея Академии наук А.А. Бялыницким-Бирулей, древесный уголь – проф. Палибиным; кремень и кости человека обрабатываю я; первый – под руководством П.П. Ефименко, вторые – вместе с М.П. Грязновым, под общим руководством С.И. Руденко...

Копию прилагаемой описи и кратких сведений я пересылаю проф. Хрдличке по указанному Вами адресу... [Арх. авт.]

Как видно, в ЭОРМ поначалу не были уверены в том, что "вчерашему студенту" можно доверить систематизацию столь важного материала. Но из упомянутых "кратких сведений", опубликованных потом в РАЖ [Бонч-Осмоловский, 1926, с. 81-87], видно, что автор раскопок отстаивал право на самостоятельность суждений. Вопрос о необходимости "руководства" более не вставал.

Ответом на письмо стало приглашение Г.А. на Съезд антропологов, анатомов и гистологов в Москву. По сути, это явилось первым признанием высокого научного уровня "новичка". А в июне 1925 г. из Москвы в Крым отправилась экспертная комиссия Главнауки, образованная по инициативе Антропологического института при 1 МГУ. Возглавил ее тот же В.В. Бунак. Членами комиссии стали В.А. Городцов и Б.С. Жуков.

Из "Журнала работ" комиссии следует, что приезжие специалисты осмотрели разрезы, заслушали объяснения Г.А. Бонч-Осмоловского и согласились с его главными выводами. Все трое признали четвертичный возраст костей из ямы под нижним слоем. Все нашли возможным считать это углубление "за искусственно разработанное"⁵. Все признали раскопки Киик-Кобы "удовлетворительными с методической и технической сторон" [Бонч-Осмоловский, 1940, с.168-169]. О такой серьезной поддержке Г.А. мог только мечтать. Она должна была раз и навсегда уничтожить самую почву для сомнений в его компетентности как археолога.

Стараниями Г.А., сообщения об уникальных находках в Крыму быстро появились в печати. Информация о них прошла и за границей. Связующим звеном между Г.А. Бонч-Осмоловским и А. Хрдличкой, редактором *American Journal of the Physical Anthropology*, стал В.В. Бунак. Посылкой первой заметки в *L'Anthropologie* Г.А. был обязан своему родственнику-эмигранту, Ю.Е. Зандрок⁶. В результате, когда в 1926 г. Г.А. сумел-таки добиться командировки во Францию, его имя уже было "на слуху" у ведущих специалистов. Путешествие началось 1 июля, по завершении раскопок в Сюреньских скальных навесах⁷.

В отчете самого Г.А. о зарубежной командировке говорится следующее:

"...Моя работа... разделялась на изучение древнепалеолитических культур (главным образом, кремневой индустрии), рассеянных по местным музеям, и скелетов неандертальской расы...

При обработке кремневой индустрии я применял статистический метод, состоявший в тщательной классификации и подсчете орудий. Применение этого метода дало мне ряд интересных наблюдений и подтвердило мои предположения о кризисе классификации Мортилье в части, касающейся древнего палеолита. Того же мнения придерживается большинство французских ученых...

⁴ С 1924/25 учебного года Г.А. начинает вести практикум по остеометрии и соматометрии на кафедре антропологии Географического института. Косвенно это свидетельствует и о его собственной квалификации антрополога. Зная характер заведующего кафедрой С.И. Руденко, трудно представить, что он мог допустить к студентам плохо подготовленного преподавателя.

⁵ При этом В.В. Бунак и Б.С. Жуков были склонны признать, вслед за Г.А. Бонч-Осмоловским, связь могильной ямы с нижним слоем. По мнению В.А. Городцова, она относилась к верхнему слою. Позднее и сам автор раскопок встал на указанную точку зрения. Но в современном палеолитоведении его первоначальная версия рассматривается, как более достоверная [Герасимова и др., 2007].

⁶ Зандрок Юрий Евгеньевич – двоюродный брат О.Г. Бонч-Осмоловской (Морозовой). В дальнейшем – директор музея г. Гренобля.

⁷ В рамках данной статьи невозможно осветить всю многогранную раскопочную деятельность Г.А. Бонч-Осмоловского 1920-нач. 1930-х гг. Раскопки велись им в гротах Киик-Коба, Сюрень 1-2, Фатьма-Коба, Шан-Коба, Аджи-Коба.

Чрезвычайно много дало мне изучение на месте древнепалеолитических стоянок: Ля Микок, Ле Мустье, Лоссель, Ля Ферраси и др. ...Всего мною были проработаны ок. 50 коллекций по кремню и кости, и произведены соответствующие подсчеты и зарисовки...

Основными результатами моей поездки явились:

1) полное признание научного значения киик-кобинских находок со стороны западноевропейских ученых.

2) подтверждение с их стороны культурно-хронологических определений слоев пещеры Киик-Коба и вновь раскопанных в 1926 г. стоянок Крыма...

3) принадлежность человеческих костей из Киик-Кобы к неандертальской расе категорически подтверждена виднейшими авторитетами в этой области – проф. Булем и Г. Мартеном.

4) благодаря участию в раскопках в Ложери От с Д. Пейрони и в Ля Кина с Г. Мартеном, мне пришлось убедиться, что французские методы работ в этой области значительно отстают по технике и учету материала от принятых у нас. Это объясняется отчасти необычайным богатством их палеолитических стоянок..." [Арх. авт.].

Итогом командировки стало появление первой обобщающей археологической работы Г.А. – "К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий" [Бонч-Осмоловский, 1928].

На содержании упомянутой статьи 1928 г. стоит остановиться подробнее. Материалы Киик-Кобы рассматриваются в ней на широком европейско-ближневосточном фоне. Излагая свою трактовку, Г.А. четко разделяет понятия "стадия культуры" и "геологическая эпоха" и специально оговаривает: его выводы касаются только *культурной хронологии* памятника [Там же, с. 148-149].

Этот момент очень важен. В другой статье, так и оставшейся не опубликованной, указанная проблема рассмотрена Г.А. еще подробнее. Там он, в частности, пишет:

"По-видимому, различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и послужило основной причиной наших разногласий с Ефименко... Отсутствие... данных о последовательных сменах четвертичной фауны в Крыму заставляет меня отказаться от хронологической увязки этой культуры [нижнего слоя Киик-Кобы. – *Н.П.*] с геологическими факторами и с соответствующими западноевропейскими стадиями. Ефименко же пытается, на основании отрывочных фаунистических сведений, разрешить и этот весьма важный вопрос, причем палеоэтнологическая терминология принимает у него явный геологический оттенок..." [Арх. авт.].

Эта четко очерченная позиция Г.А. помогает уяснить природу предлагавшихся им "удревненных" датировок Киик-Кобы. Разумеется, глубокая древность даже "верхнего очага", относимого им к микокской традиции, казалась ему вполне вероятной. "Культура микок" трактовалась тогда, как "восточная фация ашеля" [Бонч-Осмоловский, 1928, с. 148-149]. А мысль о "сверхпозднем" переживании среднепалеолитических традиций в Крыму, ныне получившая реальные обоснования, показалась бы в те годы абсурдной⁸. Однако Г.А. подчеркивал: приведенные им *культурно-хронологические выкладки не позволяют устанавливать абсолютную датировку* памятника. В отличие от П.П. Ефименко, он ясно видел различие между археологической периодизацией и хронологией, как таковой.⁹

Главной "изюминкой" статьи 1928 г. явилось то, что в ней Г.А. предложил – впервые в мировой науке о палеолите – "рассматривать... индустрии не как собрания отдельных орудий, а как комплексы, отражающие соответствующие стадии культурного развития". При этом он подчеркнул необходимость ориентации не на "руководящие ископаемые", а на весь инвентарь, на "самые употребительные, т.е. чаще всего встречающиеся орудия", с точными количественными подсчетами и построением графиков [Там же, с. 149-150].

В СССР данный подход начал реализовываться в полной мере лишь с 1960-х гг. На Западе – с рубежа 1940-1950-х, с появлением обобщающих работ Ф. Борда. Ныне приоритет Г.А. Бонч-Осмоловского в разработке, по крайней мере, теоретической базы "системы Борда" представляется несомненным, хотя каждый из них шел к этому своим путем [Васильев, 1994, с. 203-204]. Выводы Ф. Борда о развитии техники изготовления орудий, в целом, оказались близки положениям Г.А. Бонч-Осмоловского. Только Г.А. устанавливал технические приемы и навыки раскалывания кремня не путем эксперимента, как Борд, а путем детального изучения всего комплекса орудий, осколков,

⁸ В современной науке нижний слой Киик-Кобы трактуется как микромустье зубчатое и относится к раннему вюрму. Верхний слой ныне определяется как кииккобинская фация микока или пара-микок. Датировка его спорна: от ~55-40 до ~30 тыс. л.н. [Герасимова и др., 2007].

⁹ К сожалению, данный вопрос оказался в дальнейшем безнадежно запутан в советском палеолитоведении лет на 30 – вплоть до предложений датировать литологические пласты по характеру археологических находок.

заготовок и т.д. Анализ киик-кобинских индустрий в статье 1928 г. представляет собой, в сущности, первый опыт теоретической проработки и практического применения нового, *технологического метода* анализа каменных артефактов.

С появлением в печати этой работы началась подлинная зрелость Г.А. Бонч-Осмоловского как археолога. Увы, по времени это совпало с началом "Великого перелома", когда условия жизни и работы ученых в СССР резко изменились. Последняя экспедиция Г.А. в Крым состоялась в 1933 г. Далее последовали арест, ссылка в Воркутинские лагеря (1933-1936), затем возвращение домой – но не ближе "101 км" от Ленинграда. Судимость была снята с него лишь в 1941 г., после опубликования монографии "Грот Киик-Коба" [Платонова, 2005]. Подготовка книги в подобных условиях потребовала огромных усилий, и, конечно, очень большая заслуга принадлежит тут ученикам и сотрудникам Г.А.

Пожалуй, наши современники знают лишь одного такого ученика – С.Н. Бибикова. Ему не довелось учиться у Г.А. в университете: тот был изгнан с географического факультета в 1929 г., а Бибиков перевелся из Симферополя в Ленинград только позднее. В Крымской экспедиции он работал два сезона – 1925-1926 гг. Но этих двух сезонов вполне хватило. С.Н. Бибиков всегда считал Г.А. своим единственным настоящим учителем.

"Моим учителем был Бонч. Это был крупнейший учёный, крупнейший!.. Его особенностью было видеть то, что не видят другие... Поразительное чутьё к стратиграфии!.." – эти слова С.Н. я записала в июне 1988 г., когда приехала в Киев расспросить его о прошлом. В ту пору я готовила статью об ИИМК в годы войны и не могла не поговорить с человеком, который, волею судеб, оказался в блокаду во главе института.

Именно С.Н. Бибикову Г.А. успел передать материалы Крымской экспедиции накануне ареста. С 1936 г. тот стал официальным преемником своего учителя в деле руководства Крымской экспедицией. Это очень облегчило Г.А. работу с полевыми материалами в тот период, когда он, вернувшись из лагерей, стал готовить к изданию материалы Киик-Кобы. Если бы полевые материалы оказались в других руках или были официально сданы в архив, они могли бы стать недоступными для самого автора раскопок, официально не имевшего права въезда в Ленинград.

Но, пожалуй, ещё большая заслуга принадлежит тут жене С.Н. Бибикова Серафиме Александровне Трусовой. Это была ученица Г.А. по университету, ещё с 1925 г. ставшая его правой рукой в экспедиции. К моменту ареста Бонч-Осмоловского С.А. Трусова работала под его руководством в Геологическом институте, затем – стала сотрудницей МАЭ. Именно она взяла на себя основные труды по первичной обработке материалов грота Киик-Коба и подготовке их к публикации. Её помощь оказалась неоценима и в дальнейшем, во второй половине 1930-х. Следует представлять себе объём работы, которая предшествует публикации и которую следовало завершить в сжатые сроки – все бесконечные просмотры материалов, рисунки, сверки, проверки, подсчёты признаков по слоям и т.д. Это было бы просто невозможно без помощи Серафимы Александровны, имевшей, в отличие от самого Г.А., доступ к материалам, хранившимся в МАЭ.

С.А. Трусова не пережила блокаду. Она скончалась в середине 1942 г., вскоре после выезда из Ленинграда на Большую землю. От неё почти не осталось собственных публикаций – просто не успела. Но в истории археологической науки её имя останется.

В начале 1971 г. О.Г. Бонч-Осмоловская обратилась к С.Н. Бибикову с просьбой поделиться воспоминаниями об экспедициях с Г.А. Ответное письмо датировано 24 февраля 1971 г. Привожу его здесь практически без купюр:

"Дорогая Ольга Георгиевна!

Задержался с ответом по многим, в том числе и не зависящим от меня, причинам. Долгое время не был в Киеве. Болтался в Москве и Симферополе. К тому же совсем не легко ответить на Ваше письмо. Впрочем, Вы сами на это ответили лаконично и точно: "Ведь все это было так давно"...

Г.А. испытывал крайнюю нужду в деньгах, и вовсе не переживал, глядя на наши, остающиеся оживленными, лица голодающих. Он наставительно говорил: "Каждый человек способен проявить себя в розысках питания. Возьмите пример с севастопольских ослов. Это я не имею в виду тебя, Сергей, хотя ты и родился в Севастополе. Так вот: они ведь здорово работают днем, а на ночь их выгоняют за ворота. И рыщут они, питаюсь жухлой травой и колочками. А посмотрите на них днем! Работники хоть куда. Ясно?.."

Доводы и сравнения были убедительными. И мы проявляли себя, как могли. Благо в районе было много садов и не всегда внимательных к своему растительному богатству хозяев. Беда в том, что у нас не было рубах с рукавами, которые легко могли быть превращены во вместительные емкости. Пользовались для этих целей штанами. Впрочем, и таковые не всегда были под рукой. Крымский климат не требовал громоздких предметов утепления.

Иногда перепадала нам и животная пища. В Байдарской долине "нашли" заблудшего барана. Не удалось мне его отведать. Бонч послал меня в Севастополь за досками. А оставленный мне, по законам братства, кусочек, по приезде моем был уже несъедобен.

Было это в тяжкий год землетрясения [1926. – *Н.П.*]. Когда татары, страшно напуганные стихией, обвинили Бонча в черной магии, он на площади у рухнувшей мечети в ночной длинной рубахе (в то время была такая мода) творил слово перед народом, подводя твердую материалистическую базу под случившееся природное явление. Контакт с "аудиторией" был полный. Глеб Анатольевич не понимал по-татарски, слушатели – по-русски. "Переводчик" Сергей Бибиков, занимаясь вольным переводом, не понимал и самого себя. В результате мы укрылись в школе-развалюхе, вооружившись холодным оружием (в основном, палками и камнями) и ожидали татарского нашествия. К нам присоединилась ватага пьяных плотников, строителей новой школы, составивших нам серьезное подкрепление. В деревне бушевали страсти. Была разбита лавка. К утру наступило затишье. Началось приношение жертв. Резали баранов, делали плов. Молились аллаху. Пили водку. Все шло так, как предписывалось Кораном.

Но это так, вынужденное отступление. В общем же, питались мы больше за счет ниспосланного свыше. Но это не по вине Г.А. Бывало, что приручали соседствующих на пастбище коз заходить к нам для дойки в полдень, по дороге домой. Это повышало наши надежды на безбедный прожиточный минимум. Лето, конечно, красная пора. Но не для Кипчака – бедной, холодной, зачумленной деревеньки затерянной в лесной глуши предгорий Караби-Яйлы. Может быть, суровость и дикость этого края вселили гордость духа в население этой деревушки, и они называли своих сородичей поэтичными, непреклонными именами, вроде Демир-Кая (Железная Скала). Случилось так, что именно здесь, неподалеку от Кипчака, была найдена Киик-Коба. Найдена не случайно, а в результате поиска стоянок древнего человека. Г.А. собрал небольшую группу студентов и школьников, с тем, чтобы произвести здесь раскопки.

Никто не оспаривал величия начатого дела, кроме археологов и этнографов. Никто не ставил палок-рогатов на пути к познанию прошлого человечества вообще. Но никто не давал денег. Прилежность, говоря мягко, Г.А. в поисках средств привела к желанной цели, но в далёких от желаний размерах. Экономии на всем. В бедной деревеньке жили по-бедному. Покупали, в основном, помидоры и кое-что из молочного съестного.

Доставлять на раскопки "обед" было делом сложным и даже рискованным. Мальчишки, как всегда, ленивы, но любопытны. В Киик-Коба было два пути. Кружной через плато – ровная, спокойная дорога, после очень крутого подъема. Подоблачный мир спокойствия и тишины. И путь по кромке обрыва, с постоянным взглядом вниз, в пропасть. На одном участке пешеход должен перепрыгнуть крохотный уступчик, находясь какую-то долю секунды во взвешенном состоянии, над бездной.

Путь этот почти втрое сокращал дорогу в Киик-Коба. Но он был для сильных духом, поэтому им пользовались, по преимуществу, мужчины. Однако, выигрывая в пути, смелые проигрывали в питании. Последнее транспортировалось на место работы в рюкзаках. Туда же укладывались и помидоры. Проходя тернистой дорогой через смертоносный уступ, с помидорами на плечах, смельчаки часто нарушали ритм движения. Неровности пути, скалистые ухабы приводили к нарушению устойчивости пешеходов, к встряске содержимого в рюкзаках, к потере торгового вида продукции. По условию, все раздавленные и побитые помидоры, этот основной продукт питания, доставался тому, кто транспортировал их. Ясно, что калорийность отважных всегда была пониженной. Труден, очень труден был путь в Киик-Коба, и я рад был бы его повторить теперь. После того, как пройдено много дорог и познано множество тропинок. Ну, это уже от литературщины.

"Дорогая Ольга Георгиевна, я отлично понимаю, что эта пара страничек, написанных, как говорят, "с ходу", абсолютно не удовлетворит Вас... Сюжеты, поданные мною, совершенно не литературны и совсем не подходят к повествованию для паинок. Они совсем не обогащают ищущих знаний даже по "Глобусу". Конечно, далеко не тем, о чем я только что сказал, ограничиваются мои знания о прошлом. Рассказать можно о многом, писать далеко не обо всем, учитывая и мой возраст. Поэтому я считаю самым лучшим согласиться на личную встречу. Вот тогда и наговоримся.

Желает Вам Валентина Ивановна и я всего самого лучшего.

Ваш Сергей Бибиков..." [Арх. авт.].

А вот воспоминания другого участника Крымских экспедиций – Георгия Павловича Сомова, сына Г.А.¹⁰, изложенные в письме к Андрею Глебовичу Бонч-Осмоловскому от 3 ноября 1990 г. По собственному признанию автора письма, он в ту пору (да и потом) археологией совершенно не интересовался. Однако память сохранила целый ряд любопытных деталей, фактов, характеризующих человека, полностью заменившего ему отца:

"...Я очень благодарен Глебу за его воспитание. Он научил меня добиваться и не отступаться никогда. Он вколотил в меня чувство долга и дисциплины. Я в работе никогда не нарушаю слова и выполняю все свои обещания. Он не приучил меня к франтовству. Он научил меня гибкости, так как сам был великим диалектиком...

О работе Глеба я ничего не могу сказать. Тогда не интересовался, ничего не понимал. В экспедициях рыл землю лопатой и работал киркой. Помню, что в научных спорах Глеб был закоперщиком, всегда проводил какую-то свою линию, спорил до изнеможения. И если противники не сдавались по существу спора, то они сдавались от изнеможения...

Основное качество Глеба, которое я хорошо помню, страшная настойчивость и умение убеждать. Вообще я думаю, что умение убеждать было главным качеством Глеба. И мне до сих пор непонятно, как он не смог убедить следователей в своей невиновности. Видимо, только потому, что там и не надо было убеждать, все заранее было ясно. Помню несколько примеров. Уезжала экспедиция из Сюрени. Ближайшая остановка поезда – 15 км. Вещей много; человек 10-12 сотрудников экспедиции. Денег на лошадиный транспорт нет. Дотащили мы все наши тюки до полотна железной дороги. Идет скорый поезд Севастополь – Ленинград. Глеб остановил его при помощи красного флага. Скандал, крик, угрозы. Все-таки мы все (без билетов) забрались в вагон и хорошо доехали до Ленинграда. Билеты были куплены на какой-то большой станции. И после нескольких часов убеждения начальника поезда Глеб с ним подружился и больше ехал в его купе, чем с нами. Ни штрафа, ни жалоб в Академию не было...

...С чего я начал, тем и кончаю. Глеб Анатолевич Бонч-Осмоловский был человеком значительным. И если бы не сталинщина, он, конечно, был бы академиком... В этом у меня нет никаких сомнений" [Арх. авт.].

---

¹⁰ Сомов Георгий Павлович (Горик) (род. 1917 г.) – сын О.Г. Бонч-Осмоловской от брака с П.О. Сомовым. Крупнейший российский эпидемиолог. Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАМН. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт в 1941 г. В 1941-1944 гг. – начальник санитарно-эпидемиологической лаборатории Ладожской военной флотилии. С 1953 г. – главный эпидемиолог Тихоокеанского флота. Уволен в запас в 1960 г. в чине полковника медицинской службы. В дальнейшем – зам. директора по науке и, позднее, директор Владивостокского НИИ эпидемиологии и микробиологии (НИИЭМ). Автор ряда важнейших открытий в указанной области, основатель научной школы. В 1989 г. – лауреат Государственной премии СССР за открытие и изучение нового проявления псевдотуберкулеза у человека. В настоящее время живет во Владивостоке.

Список литературы

- Бонч-Осмоловский Г.А.** Как мы нашли пещерного человека (из записной книжки археолога) // Новый Робинзон. – 1925. – № 1. – С. 57-62.
- Бонч-Осмоловский Г.А.** Палеолитическая стоянка в Крыму. Предварительное сообщение // Русский Антропологический Журнал. – 1926. – Т. 14. – Вып. 3/4. – С. 81-87.
- Бонч-Осмоловский Г.А.** К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. – 1928. – № 2/4. – С. 147-186.
- Бонч-Осмоловский Г.А.** Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 226 с.
- Васильев С.А.** Г.А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // РА. – 1994. – № 2. – С. 202-207.
- Волков Ф.К.** По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа // Киевская старина. – Т. LXX. – 1900. Июль-август. – С. 235-245.
- Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А.** Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 240 с.
- Платонова Н.И.** К истории одного открытия в археологии // Культурное наследие Российского государства. – Вып. 3. – СПб.: ИПК "Вести", 2002. – С. 120-129.
- Платонова Н.И.** Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // АВ. – 2005. – № 12. – С. 301-315.
- Щуровский Г.Е.** Общая программа для исследования костеносных пещер // Труды Имп. ОЛЕАЭ. – 1878. – Т. XVII. – Труды Антропологического отдела. – № 1. – С. 82-88.

С.Н. БИБИКОВ: ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА*

Из всех основных школ изучения первобытности на территории бывшего СССР ленинградская/петербургская и киевская наиболее тесно, с самого момента зарождения, связаны общностью судеб и научных интересов. В исторической перспективе нас объединяют три имени, три выдающиеся фигуры. Первый в этом ряду, безусловно, "отец-основатель" науки о палеолите в России, Ф.К. Волков. Именно им заложены традиции изучения древнекаменного века и на берегах Невы, и на берегах Днепра. Второй, ученик Ф.К. Волкова и основатель сектора (нынешнего Отдела) палеолита, П.П. Ефименко. Напомним, что в послевоенное время П.П. Ефименко совмещал посты в Ленинграде и Киеве, а затем и вовсе перебрался на Украину, где стал директором Института археологии АН УССР. Наконец, третье место в этом ряду по праву занимает С.Н. Бибиков, последователь и непосредственный продолжатель дела другого ученика Ф.К. Волкова, Г.А. Бонч-Осмоловского. И в этом случае жизнь ученого разделена на два периода, связанных с двумя центрами – Ленинградом и Киевом. Цель данной статьи – кратко осветить некоторые моменты научной карьеры и достижений С.Н. Бибикова в первую половину его деятельности, прошедшей в городе на Неве*.

У С.Н. Бибикова рано, со времен его крымской юности, зародился интерес к древностям. Уже с 1925 г. он принимает участие в археологических экспедициях, а к 1926 г. относится его первая публикация – заметка в журнале "Пути коммунистического просвещения". С 1929 г. юноша является членом Таврического общества истории, археологии и этнографии. В том же году С.Н. Бибиков переводится из Крымского педагогического института на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. На следующий год вся семья переезжает в Ленинград. Для ВУЗов той поры свойственна частая смена вывесок и структурные реорганизации и заканчивает С.Н. Бибиков в 1931 г. уже Ленинградский государственный историко-лингвистический институт по специальности "этнограф-турколог". После окончания института С.Н. Бибиков снова оказывается в родном Крыму, но уже не по своей воле, будучи призван в ряды Красной Армии. На протяжении последующих лет он курсант Военно-воздушной школы РККА в Севастополе–Каче. В 1934 г. С.Н. Бибиков возвращается в Ленинград и поступает в аспирантуру ГАИМК на кафедру родового общества. Одновременно он зачислен научно-техническим сотрудником, а в 1937 г. становится младшим научным сотрудником.

В 1935, 1936 и 1938 гг. совместно с Е.В. Жировым и С.А. Трусовой он ведет работы в Крыму в качестве начальника Крымской палеолитической экспедиции, организованной совместно ГАИМК, Институтом антропологии и этнографии АН СССР и Советской секцией АИЧПЕ. Но круг интересов С.Н. Бибикова не замыкался в кругу крымских пещер. В 1937 г. он участвовал в работе Костенковской экспедиции, и в том же году начинается история организованной ГАИМК и Челябинским музеем Южно-уральской экспедиции. В этих работах, наряду с верным спутником по Крыму Е.В. Жировым, принимают участие молодые исследовательницы Л.Я. Крижевская и М.З. Паничкина. За три полевых сезона (1937–1939 гг.) было обследовано несколько десятков костеносных пещер.

Начиная с 1940 г., полевая деятельность С.Н. Бибикова переносится на Украину, в Поднепровье.

Одновременно с полевыми работами, С.Н. Бибиков успешно продвигается по служебной лестнице. Уже в 1938 г. он назначается вр.и.о. Ученого секретаря ГАИМК, а в 1939–1943 гг. занимает этот пост. Начиная с 1940 г., С.Н. Бибиков - основатель и редактор серии КСИИМК.

Особая страница в биографии ученого – годы войны. В блокадном Ленинграде 21 сентября 1941 г. состоялась защита кандидатской диссертации на тему "Позднепалеолитические поселения в пещерах Шан-Коба и Мурзак-Коба" [Бибиков, 1946]. В 1942 г. в разгар блокады С.Н. Бибиков принимает на себя тяжесть руководства ИИМК вместо умершего С.А. Жебелева, он неустанно трудится над эвакуацией сотрудников, сохранением имущества института. Одновременно С.Н. Бибиков становится заместителем председателя Объединенного ученого совета гуманитарных институтов АН СССР в Ленинграде. В 1942 г. сам С.Н. Бибиков эвакуирован в Елабугу, где он принимает участие в "Экспедиции особого назначения", обследовавшую убежища для военных целей.

□ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям". За содействие я благодарен сотрудникам архивов ИИМК РАН.

Исследователь награжден медалями "За доблестный труд в период Великой Отечественной войны" и "За оборону Ленинграда".

В послевоенные годы С.Н. Бибиков успешно продолжает трудиться в стенах ИИМК, совмещая научно-исследовательскую работу с преподаванием в университете. В 1946, 1948–1949 гг. он снова занимает пост Ученого секретаря, в 1948–1951 гг. неоднократно выполняет обязанности вр.и.о. Заведующего ИИМК, причем это происходит при различных директорах (В.И. Равдоникасе, А.П. Окладникове, А.М. Дьяконове). В 1947 г. С.Н. Бибиков входит в состав комиссии по полевым исследованиям ИИМК, с 1952 г. является председателем библиотечного совета института. Хотя исследователь работает в составе Отдела палеолита, но в послевоенные годы все большее место в его исследованиях занимает трипольская тематика. Начиная с 1945 г., он сосредотачивается на изучении трипольских памятников Среднего Приднестровья, и в 1953 г. его книга о триполье удостоивается премии Президиума АН СССР. В 1955 г. С.Н. Бибиков окончательно расстается с Ленинградом, не порывая традиционных дружеских связей с ленинградскими коллегами (Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 35. оп. 5. д. 25). Начинается новый, киевский период его жизни.

Перейдем теперь к обзору основных достижений С.Н. Бибикова в деле изучения памятников каменного века.

Особое место в биографии исследователя занимает Крым. Еще в 1927 и 1928 гг., работая с Г.А. Бонч-Осмоловским, С.Н. Бибиков и С.А. Трусова открывают серию примечательных памятников – Шан-Кобу, Фатьма-Кобу, Шайтан-Кобу. В дальнейшем, исследуя Шан-Кобу и Мурзак-Кобу, С.Н. Бибиков применил и усовершенствовал приемы раскопок, разработанные его учителем. К ним относится микростратиграфический анализ культуросодержащих горизонтов, широкое применение ремонтажа и изучение пространственного распределения находок по площади поселения.

С.Н. Бибиков долго планировал создание серии монографических работ по основным памятникам Крыма, но так и не сумел до конца дней подвести итог своим исследованиям 1930-х гг. Эта задача была выполнена В.Н. Станко и В. Ю. Коэном уже в 1990-е гг. [Бибиков, Станко, Коэн, 1994].

Основным объектом раскопок был навес Шан-Коба, который, вслед за Г.А. Бонч-Осмоловским, С.Н. Бибиков раскапывал в 1935 и 1936 гг. [Бибиков, 1936а, б]. В двух траншеях и раскопе было вскрыто до 100 кв. м площади многослойного памятника. Всего было выделено 4 культурных слоя, доставивших очаги (в том числе с каменной обкладкой), скопления раковин улиток *Helix*, клад кремневых изделий, а также остатки неясного каменного сооружения, вероятно, ветрового заслона. Среди находок – кремневые наконечники, геометрические микролиты, костяные шилья и наконечники.

С.Н. Бибиков называл материалы грота позднепалеолитическими; по современным воззрениям материалы Шан-Кобы в основном относятся к раннему мезолиту, кроме нижних слоев, отнесенных к финалу палеолита и порой определяемых как шанкобинская культура.

Второй основной памятник, объект раскопок сезонов 1936 и 1938 гг., грот Мурзак-Коба [Бибиков, 1940а]. Здесь было открыто великолепно сохранившееся двойное погребение (мужчины и женщины), перекрытое камнями. Найдены многочисленные раковины и остатки специальных ямок, служивших для запекания улиток. Среди каменного инвентаря выделяется большая серия микролитов. Открыт ряд костяных гарпунов с двусторонними шипами. Материалы памятника относят ныне к поздней поре мезолита.

Крымские материалы послужили для С.Н. Бибикова основой для создания ряда масштабных работ, посвященных общим вопросам развития первобытной культуры. Так, он публикует обширную сводку по костяному инвентарю финального палеолита–мезолита, привлекая обширные европейские материалы [Бибиков, 1949б]. С.Н. Бибиков сопоставил основные формы гарпунов и орнаментированных изделий из крымских пещер и памятников западноевропейского мадлена. Особое внимание ученый уделил технологии изготовления орудий из кости, описав методы производства пластин-заготовок. Этот технологический уклон проявился в творчестве С.Н. Бибикова явно не без влияния идей его учителя, Г.А. Бонч-Осмоловского.

Идеи Г.А. Бонч-Осмоловского получили развитие у С.Н. Бибикова и в вопросе об общих проблемах изменения в культуре на рубеже плейстоцена и голоцена [Бибиков, 1950б]. Как и Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Бибиков строит демографическую модель, связывая переломные моменты с ростом народонаселения в период финального палеолита. Этот прирост заставил древних обитателей искать новые охотничьи угодья, осваивая зону нагорий. Здесь условия потребовали применения преимущественно индивидуальной охоты с луком и стрелами. Соответственно, произошло и дробление первобытных коллективов на более мелкие по численности группы и поиск новых

источников пропитания. В этой связи особое значение приобретают сбор улиток и дикорастущих кореньев и плодов.

Второй регион, где разворачивалась деятельность исследователя – Урал. В 1937-1939 гг. С.Н. Бибиковым было обследовано более 40 пещер и гротов, причем в 30 из них были поставлены шурфы. Увы, повторение крымского изобилия не оказалось и, вероятно, неудачный опыт на Урале и послужил для С.Н. Бибикова толчком для перехода на трипольскую тематику. Большая часть карстовых полостей Урала доставила лишь остатки четвертичной фауны, и только в ограниченном числе пунктов (пещеры Бурановская, Ключевая, Кочкари I) обнаружилось немногочисленные кремни в сопровождении остатков раздробленных человеком костей. В остальных пунктах (пещеры Смирновская, Гребневая, Кочкари II, Усть-Катавская II) признаки присутствия палеолитических обитателей сводились к находкам расколотых костей [Бибиков, 1940б, 1950а].

Наконец, третья область, где С.Н. Бибиков трудился над изучением каменного века, это Приднестровье. В сезоны 1940 и 1945 гг. ученый обследовал ранее известное местонахождение Студеница I и открыл неподалеку пункты Студеница II, Марьяновка I и II, Дымшин. Памятники доставили обычную для позднего палеолита этих мест кремневую индустрию – призматические нуклеусы, скребки, острия и др. [Бібіков, 1949а].

Список литературы

Бибиков С.Н. Предварительное сообщение о результатах работ Крымской экспедиции // Труды Советской секции АИЧПЕ. – 1936а. – Вып. II. – С. 42 -53.

Бибиков С.Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. // СА. – 1936б. – № 1. – С. 195 - 212.

Бибиков С.Н. Грот Мурзак-Коба – новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму // СА. – 1940а. – № 5. – С. 159 - 178.

Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Южный Урал) // КСИИМК. –1940б. – Вып. III. – С. 35 - 39.

Бибиков С.Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба // КСИИМК. – 1946 – Вып. XIII. — С. 126 - 130.

Бібіков С. Верхньопалеолітичні знаходища на середньому Подністров'ї // АП. – 1949а. – т. 2.– С. 292 - 298.

Бибиков С.Н. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. –1949б. – Вып. 13. – С. 12 - 45.

Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала (экспедиционные исследования ИИМК АН СССР и Обл. челябинского музея) // СА. – 1950а. – № 12. – С. 66 - 104.

Бибиков С.Н. Позднейший палеолит Крыма // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950б. – вып. 2.– С. 118 - 126.

Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. - Одесса: Весть, 1994. – 238 с.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ С.Н. БИБИКОВА

Настоящий очерк несколько не претендует на воссоздание образа С.Н. Бибикова во всех его ипостасях. Я был знаком с ним лишь с 1950 г., причем поначалу это были отношения еще совершенно неискушенного в науке и жаждущего знаний вчерашнего фронтовика, с одной стороны, и опытного, доброжелательного наставника, с другой. Впоследствии мы общались уже как коллеги и даже друзья, хотя я всегда видел в нем старшего товарища и высоко ценил его расположение. Вспоминая сегодня о С.Н. Бибикове, я хочу привести в этой заметке несколько сохранившихся в памяти эпизодов и некоторые архивные сведения, которые высвечивают как его роль в моей жизни, так и некоторые симпатичные и характерные грани этой замечательной личности и крупного ученого. Многие эпизоды окрашены юмором, который всегда был так свойственен его натуре.

Начну с первых дней моего пребывания в Ленинграде, связанных со сдачей вступительных экзаменов в аспирантуру. Приказом № 205 по ЛО ИИМК от 11 октября 1950 г. за подписью вр.и.о. замдиректора С.Н. Бибикова была создана "... комиссия в составе Б.Б. Пиотровского, М.М. Дьяконова, С.Н. Бибикова, П.И. Борисковского и Е.Ч. Скржинской для принятия экзамена по специальности у т. В.П. Любина" [РА, ф. 312, оп. 1, д. 173]. Незадолго до этого судьбоносного для меня экзамена я приехал в бывшую северную столицу из далеко и малоизвестного в ту пору города Цхинвала. Ленинград 1950 года выглядел довольно старомодно: по Невскому проспекту грохотали довоенные трамваи-пульманы; по Неве все еще сплавляли лес, сбитый в огромные плоты; по дворам ходили уличные музыканты, а также лудильщики, кричавшие "Ведро, ведро!"; местами сохранились обветшалые торцовые мостовые и издали было слышно, как скрипел под колесами полоторок деревянный Тучков мост. Зато в первые послевоенные годы город буквально утопал в цветах.

В здании ЛО ИИМК на Дворцовой набережной, 18, порог которого я перешагнул не без трепета, царил еще старый "гаимковский блеск": сияла огромная люстра над великолепной мраморной лестницей, полы были безупречно выстланы ковровыми дорожками, а в директорском кабинете полстены занимало бархатное знамя былой Академии. Когда я появился, институт был практически пуст – ни души: все, как я понял потом, были в поле. Меня встретил только один человек – Сергей Николаевич Бибиков, приветливый и внимательный. В тот год Сергей Николаевич никуда не выезжал и временно исполнял обязанности замдиректора ЛО ИИМК. Позднее я узнал, что обязанности такого рода – и.о. ученого секретаря, ученый секретарь, замдиректора, вр.и.о. директора – возлагались на Бибикова неоднократно. Он был одним из редких людей, сочетавших в себе и научный и административный талант, и считался надежным и ответственным распорядителем. В феврале 1939 г., когда И.А. Орбели ушел с директорского поста в ИИМК "... фактическим руководителем Института стал ученый секретарь С.Н. Бибиков. Его большой заслугой является издание "Кратких сообщений" Института, в которых печатались отчеты о раскопках, краткие изложения докладов, информация. В 1940 г., благодаря настойчивости Бибикова было издано шесть выпусков "Кратких сообщений". ... Без упорства и настойчивости такое количество изданий осуществить было трудно" [Пиотровский, 1995, с. 168]. В страшные дни блокады Сергей Николаевич проявил себя как мужественный и решительный руководитель. Недаром в первой половине 1942 г., когда положение было особенно трудным, на С.Н. Бибикова были временно возложены обязанности директора Института. В условиях голодающего и замерзающего окруженного города он сумел организовать работу трех секторов. Затем, как сказано в письме членов Ученого совета Института в Президиум АН СССР, Бибиков спас жизни своих коллег, обеспечив их эвакуацию по льду Ладожского озера [РА, ф. 312, оп. 1, д. 173; Алекшин, 2007, с. 46]. Эвакуированные из Ленинграда сотрудники оказались в Елабуге, где неутомимый Сергей Николаевич организовал базу Института.

Вернемся, однако, в 1950 год, ко дню приемного экзамена в аспирантуру, связанному, кстати сказать, с острой необходимостью пополнить сильно поредевшие в годы войны научные кадры Института. Накануне экзамена в беседе со мной Сергей Николаевич выяснил, что уровень моей подготовки близок к нулевому (на истфаке Одесского университета, который я закончил в 1941 г., не было кафедры археологии), хотя в 1949-1950 гг. я уже принимал участие в археологических разведках в Юго-Осетии под руководством видных кавказоведов Б.А. Куфтина и Е.Г. Пчелиной. Перед Бибиковым предстал недавний офицер-артиллерист в форме "дембеля" (фронтовые кирзачи с раструбами, галифе, китель без погон), который страстно жаждал всерьез заняться приглянувшимся

ему делом. Это, видимо, произвело на Бибикова благоприятное впечатление. Поверив, очевидно, в меня, Сергей Николаевич обстоятельно, насколько это было возможно, в двух-трех беседах рассказал о характере экзамена, о вероятных вопросах и подсказал, какую литературу следует проштудировать. В те годы она была минимальной: по палеолиту Кавказа и Крыма имелось только две небольших монографии – "Грот Киик-Коба" Г.А. Бонч-Осмоловского и "Палеолит Абхазии" С.Н. Замятнина, а также десяток небольших статей. Конечно, несмотря на чтение этой литературы, подготовка моя оставалась совершенно недостаточной, тем более что я не знал многих элементарных для археолога понятий. Но Сергей Николаевич и благоволивший ко мне мой будущий аспирантский руководитель Борис Борисович Пиотровский, видимо, как-то подготовили приемную комиссию и она, конечно, была снисходительной. На все вопросы, как мне показалось, я отвечал более или менее удовлетворительно. Моментом истины, однако, оказался вопрос о том, к какому периоду палеолита относится Киик-Коба – к верхнему или нижнему. Мне и в голову не приходило, что существует такое деление, и мурашки пробежали по спине. Но, как и на фронте перед солдатами, когда рядом падал снаряд, я постарался не показывать вида. Сидевший прямо напротив меня Сергей Николаевич, однако, не только сразу понял затруднение, но и мгновенно пришел на выручку, явно нарочито опуская глаза книзу. Уловив направление его взгляда, я уверенно сказал: "Конечно, нижний!". Как мне показалось, комиссия облегченно вздохнула: экзамен был сдан.

Так я стал аспирантом ИИМК, и, попав в сектор палеолита, начал работать над темой "Древнейшие памятники Юго-Осетии". В первые полгода мне предстояло освоить всю азбуку палеолитоведения. Несмотря на энтузиазм и интенсивные занятия, многие специальные термины – вюрм, апшерон, леваллуа, шательперрон, тейак и т.п., которыми пересыпали свои выступления сотрудники сектора палеолита были мне поначалу совершенно непонятны (последний, признаюсь, не очень ясен и поныне). Кроме того, получив тему по преистории Кавказа, я решил, прежде всего, разобраться в вопросах геологии, тектоники, палеогеографии четвертичного и дочетвертичного Кавказа и как-то сделал на эту тему сообщение на заседании сектора. В своем усердии, я настолько глубоко, очевидно, забрался в дебри геологического прошлого этого региона, что после заседания Сергей Николаевич, шутя, резюмировал: "Вася начинает с огненного шара". Таких шутливых и остроумных замечаний по поводу моих "изысканий" он отпускал немало, но этот юмор всегда сопровождался добрыми советами.

Сейчас, вспоминая всех, с кем пришлось общаться в жизни, могу сказать, что за 60 лет моей работы в археологии я не встречал более жизнерадостных, веселых и остроумных людей, чем Сергей Николаевич Бибиков. Сравнить с ним можно, пожалуй, только В.А. Ранова. Я не припомню случая, чтобы у Сергея Николаевича были насупленные брови или повышенный голос. Из любого положения он, как правило, находил наиболее легкий и даже изящный выход, вызывая улыбки сослуживцев. В редких случаях, правда, это бывало даже на грани фола. Так, где-то в 1970-х годах, когда очередной Всероссийский пленум проходил в Киеве, Бибиков выступил с обобщающим докладом по палеолиту Русской равнины. Отдельные положения доклада были явно дискуссионными. Было решено обсудить этот доклад на секционном заседании, которое вел на следующий день сам Сергей Николаевич. Как и положено, он задал вопрос: "Есть ли какие-либо замечания по поводу моего вчерашнего доклада?", в ответ на который рвавшаяся в бой М.З. Паничкина воскликнула: "Тысяча замечаний!". Сергей Николаевич взглянул на разгоряченную коллегу с веселым удивлением и решительно сказал: "Ну, это несерьезно. Слово для очередного доклада предоставляется тов. ...". Это произошло почти незаметно, так как многие еще рассаживались, а Паничкина просто растерялась от неожиданности. Подобный способ разоружения оппонента, выполненный в "жанре озорства" и с подлинным артистизмом вошел затем в "золотой фонд" институтского фольклора. Чаше других, что особенно забавно, любила рассказывать об этом случае сама Мария Захаровна.

Работая в Институте, я, разумеется, довольно часто виделся с Сергеем Николаевичем, причем любая даже мимолетная встреча с ним всегда была очень приятной. Наиболее же тесным и полезным было мое общение с Бибиковым в 1955-1956 г. Дело в том, что в 1955 г. мне посчастливилось открыть в горах Юго-Осетии многослойную пещерную палеолитическую стоянку Кударо. Встал вопрос о методике раскопок пещерных памятников палеолита. Наиболее опытными специалистами по этой части в те годы считались С.Н. Замятнин и С.Н. Бибиков. К первому – строгому и, казалось, довольно замкнутому – я обратиться не решился. Зато С.Н. Бибиков, давно покоривший меня своей демократичностью, отзывчивостью и душевной теплотой, оказался превосходным наставником. Он обладал опытом раскопок пещерных убежищ разного типа как в Крыму (Киик-Коба, Мурзак-Коба, Шан-Коба, Фатъма-Коба и др.) (рис. 1, 2), так и на Южном Урале (пещеры Усть-Катавская, Бурановская, Смирновская и др.). Помимо подробных устных консультаций, он пригласил меня на проводившиеся им в 1956 г. в Крыму раскопки пещеры Фатъма-Коба, где я впервые "вживую"

познакомился со спецификой исследования пещерных стоянок. Сергей Николаевич обстоятельно, с показом на практике объяснил мне порядок вскрытия осадков на тесной площади пещерных убежищ, приемы разборки этих отложений, способы их первичного литологического и археологического расчленения, а также технику фиксации находок в плане и по вертикали. Наставления С. Н. Бибикова легли в основу моих исследований пещер Кавказа и дали толчок для собственных методических разработок [Любин, Беляева, 2004, с. 9].

После перевода С.Н. Бибилова в Киев наши встречи стали очень редкими, но тем более радостными событиями. Сергей Николаевич по-прежнему впечатлял своей неутомимостью, боевитостью и был неистощим на интересные и часто забавные истории. Однажды, навестив Ленинград после XX съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев выступил с резким разоблачением культа личности Сталина, Сергей Николаевич поведал мне об одном приключившемся с ним в связи с этим эпизоде. Под впечатлением этого доклада и своих тяжелых личных воспоминаний он, недолго думая, выбросил в мусорный бак все извлеченные из его библиотеки сочинения Сталина. Некий бдительный сосед немедленно сигнализировал об этом в соответствующую инстанцию, после чего Бибиков был вызван в Отдел науки ЦК Компартии Украины. Более всего эти товарищи были поражены, видимо, открытостью его поступка. "Неужели – сказали ему, – нельзя было сделать это как-то по другому?" С нарочитым простодушием Сергей Николаевич отвечивал: "У меня паровое отопление", чем чрезвычайно развеселил оценивших его находчивость "экзекуторов". В этом эпизоде вновь проявились такие яркие черты характера Сергея Николаевича как решительность, остроумие, умение располагать к себе людей.

Последний раз я виделся с С.Н. Бибиковым летом 1979 г. в Симферополе, в дни советско-французского полевого семинара по исследованию палеолитических памятников. По состоянию здоровья Бибиков уже не смог поехать с его участниками в поле. Впервые глаза его и голос были наполнены печалью. Много лет прошло, но я не в состоянии забыть этот момент, когда вдруг увидел в обычно таком бодром и веселом Сергее Николаевиче какую-то надломленность.

Тем не менее, эта последняя встреча не повлияла на сложившийся у меня образ С.Н. Бибилова. Я навсегда запомнил его человеком с неиссякаемым оптимизмом, привыкшим всегда одерживать победы и вызывавшим почтительное отношение не только друзей, но и недругов. Оглядываясь еще раз на все годы общения с Сергеем Николаевичем, ясно вижу, сколь важную роль доброго гения сыграл он в начале моей научной жизни и сколь благотворным было в дальнейшем его постоянное расположение и дружеское участие. Светлая память об этом ярком, незаурядном человеке и прекрасном исследователе навсегда сохранится в моем сердце.

Список литературы

- Алексин В.А.** Из истории ИИМК РАН // Записки ИИМК РАН. – 2007. – № 2. – С. 10-92.
Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I. Центральный Кавказ. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 272 с.
Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. – СПб.: Наука, 1995. – 288 с.
Рукописный Архив ИИМК РАН, ф. 312, оп. 1, д. 173.

ТРИПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ С.Н. БИБИКОВА

В конце 1981 года Сергей Николаевич подарил мне только что вышедшую книгу о Мезинском музыкальном комплексе из костей мамонта, написав на титульном листе: "Дорогому Володе Збеновичу, ученику и другу, от автора". Он точно определил характер наших отношений, и я благодарен судьбе за то, что много лет у меня был такой учитель и старший друг, как Сергей Николаевич. Под его влиянием мои научные интересы были связаны, в основном, с изучением трипольской культуры. Поэтому сейчас, когда мы отмечаем столетие со дня рождения Сергея Николаевича, я хочу поделиться воспоминаниями о нем как о человеке и ученом-трипольеведе. Хотя о Сергее Николаевиче – исследователе Триполья уже есть немало публикаций [Бурдо, 1996, с. 14-20; Цвек, Мовчан, 2003, с. 276-279], надеюсь, этот текст не будет их повторением.

В 1945 г. Сергей Николаевич, много лет успешно изучавший памятники каменного века, совершил неординарный поступок, приступив к раскопкам небольшого раннетрипольского поселения Лука-Врублевцакая на Днестре. Спустя 9 лет вышла фундаментальная монография об этом памятнике [Бибиков, 1953], отличающаяся безукоризненной фактологической основой, широтой затронутых проблем и новизной выводов.

С "Лукой-Врублевцакой" Сергей Николаевич не вошел в трипольведение конца 1940х – начала 1950х гг. – спокойное, описательное, – а ворвался в него. По сути дела, он создал новое направление, исследующее не только сугубо археологический аспект этой культуры, но и человеческий, исторический.

Ряд выводов Сергея Николаевича сразу же оспорила Т.С. Пассек, но уже через несколько лет она отметила, что раскопки Луки-Врублевцакой "представляют большой научный интерес... они впервые на хорошо документированном историческом материале всесторонне раскрыли основные, характерные черты раннетрипольских поселений на Днестре и поставили перед исследователями новые задачи ... Вклад, внесенный С.Н. Бибиковым, остается значительным до настоящего времени" [Пассек, 1961, с. 18].

Сергея Николаевича как ученого отличала большая работоспособность, но я уверен, что его нередко посещало и вдохновение. Иначе – трудно понять, как можно было всего за два года написать такую книгу как "Лука-Врублевцакая", при подготовке которой автор работал с большим археологическим материалом и проштудировал огромное количество литературы на многих языках.

Вдохновение сопутствовало исследователю и тогда, когда он в поле и за рабочим столом анализировал результаты раскопок поселения Гребени на Днепре [Бібіков, Шмаглій, 1964, с. 131-136]. Уже через год после начала работы экспедиции (1961 г.) им была опубликована большая и содержательная статья о древних серпах [Бибиков, 1962, с. 3-24], стимулированная находкой на этом поселении роговой оправы серпа и нескольких кремневых вкладышей. Сосуд со стилизованным изображением животного в беге-полете послужил поводом к анализу всех известных к тому времени трипольских зооморфных рисунков, и подготовке статьи. В ней высказана очень интересная мысль о том, что эта живопись может иметь культовые истоки, но, подчиняясь неосознанным эстетическим потребностям, трансформируется в орнамент или становится таким историко-культурным явлением, как мода. К сожалению, эта статья [Бібіков, 1989, с. 6-10] была опубликована уже после кончины Сергея Николаевича.

В целом итоги трех сезонов раскопок в Гребнях, с привлечением материалов исследований В. Хвойки и Т.С. Пассек, а также данных из работ специалистов в области сельского хозяйства, этнографов и историков позволили Сергею Николаевичу сделать ряд важных и обоснованных заключений о домостроительстве, хозяйстве, демографии и связях трипольского населения Поднепровья [Бибиков, 1964, с. 1-10], далеко выходящих за рамки обычных археологических выводов.

Каждый археолог знает, что раскопки, последующая обработка материала, его классификация и т.д. – это нелегкая, но привычная работа. Намного труднее научное осмысление результатов раскопок: реконструкция бытового и культурного контекста жизни людей, оставивших данный памятник или группу памятников. И мало кто из археологов мог "очеловечить" археологические источники так, как это делал Сергей Николаевич, наполняя историческим содержанием жизнь людей доисторических, дописьменных эпох.

Изучая те или иные трипольские памятники, он не ограничивал себя узкими хронологическими или территориальными рамками. Триполье для него было частью обширного мира

земледельческих культур – от энеолита до славянских народов. У Б. Пастернака есть замечательные строки:

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.

Именно таким историком был Сергей Николаевич. Данные археологии он сопоставлял с этнографическими реалиями племен и народов не столь отдаленных эпох (а этнографические материалы он знал превосходно). Соответствия этих двух видов источников позволяли ему объективно реконструировать ("предсказывать назад") быт, хозяйственные занятия, социально-экономическую систему, идеологию трипольцев. В свою очередь, историки и археологи, изучающие более поздние периоды, неоднократно ссылались на его выводы.

Особо следует отметить роль Сергея Николаевича как организатора науки. Уже в начале 1960-х гг. Институт Археологии Академии Наук Украины стал крупным научным центром (в том числе – центром трипольцеведения), тесно сотрудничающим со многими научными учреждениями, университетами и музеями всей страны. Именно здесь, под руководством Сергея Николаевича в 1971-1975 гг. были подготовлены и изданы три тома "Археології Української РСР" (впоследствии переизданные на русском языке), где впервые сжато, но всесторонне, с учетом новейших данных, охарактеризована трипольская культура.

Сергей Николаевич целеустремленно и последовательно создавал "трипольскую" группу в отделе первобытной археологии Института. Когда в 1959 г. я начал работать в отделе, там было только два трипольцевода: заканчивающий аспирантуру Н.М. Шмаглий и уже немолодой М.Л. Макаревич. Вскоре, после окончания учебы в университете были приняты Е.В. Цвек и В.А. Круц, перешла из исторического музея Т.Г. Мовша, а затем пришли В.А. Шумова, С.Н. Рыжов, А.Г. Колесников. Со своими молодыми коллегами Сергей Николаевич разговаривал как равный с равными, не наставляя и не поучая нас. Он всегда охотно смотрел материалы наших раскопок, обсуждал возникающие проблемы, указывал на ошибки и предостерегал от поспешных выводов, давал дельные советы. Поощряя самостоятельность, он был доволен, если молодой археолог вступал с ним в дискуссию.

"Законными" учениками (аспирантами) Сергея Николаевича были Н.М. Шмаглий и я, но фактически все молодые трипольцеведы Института археологии 1960-1970х гг. прошли его выучку. Иногда "учеба" проходила в неформальной обстановке, дома у Сергея Николаевича, где можно было спокойно обсудить какие-либо "трипольские" (и не только) проблемы, поговорить о новой археологической литературе, выпить чашку чая с ним и с Валентиной Ивановной Бибиковой – милой, немногословной женщиной, прекрасным специалистом в области палеозоологии.

Он помогал решать не только сугубо научные, но и "околонаучные", практические проблемы. Так, например, Сергей Николаевич буквально заставил меня подать заявление о приеме в заочную аспирантуру (чему я всячески противился), объяснив, что как лаборанту мне не положены научные командировки в Одессу, Кишинев и Москву, необходимые для работы над диссертационной темой о памятниках усатовского типа. Позднее, когда диссертация была подготовлена, он посоветовал защищать ее не в Киеве, а в Москве. На это ушло немало времени, но защита была успешной.

Своих учеников Сергей Николаевич не оставлял без внимания и тогда, когда они становились уже вполне самостоятельными археологами. Вспомню, как во время работы Среднеднестровской экспедиции, мы несколько дней жили в Каменец-Подольском краеведческом музее. Знакомясь с фондами музея, я обнаружил там медный топор, несомненно, трипольский. Сергей Николаевич сказал: "Очень интересная находка, копайте дальше". Я продолжил "раскопки" в музеях и в литературе, которые помогли отыскать еще 12 топоров. Пять из них, с помощью Сергея Николаевича, были отправлены в Москву, где подверглись спектральному и металлографическому анализу. В результате была написана статья, по рекомендации Сергея Николаевича опубликованная в ведущем археологическом журнале страны [Збенович, 1969, с. 135-142].

В Сергее Николаевиче удачно сочетались археолог-исследователь и полевой археолог. Он прекрасно "читал" стратиграфию памятника. При расчистке трипольских площадок безошибочно определял строительные остатки (фрагменты стен, потолочную обмазку, плитки пола и т.д.), обеспечивая четкую фиксацию *in situ* этих деталей и других находок.

Хороший пример такого анализа дают спасательные раскопки на поселении Журы [Бибикив, 1954, с. 104-110]. Изучая остатки жилища 5, Сергей Николаевич пришел к выводу о том, что его хозяева, покидая дом (вероятно, под угрозой речного паводка), сами разрушили обмазку пола и унесли залегающие под ней глиняные плитки – ценный строительный материал, который можно было использовать вторично. Это наблюдение не только характеризует высокий профессионализм исследователя, но и восстанавливает эпизод из жизни обитателей трипольского поселка.

Особое значение для С.Н. Бибикова как полевого археолога имело Среднее Поднестровье. Еще в 1940 г. он и Е.Ю. Кричевский обследовали здесь ряд трипольских памятников и штольни по добыче кремня на Белой горе. В 1945-1950 гг. были осуществлены раскопки в Луке-Врублевецкой. Спустя 14 лет Сергей Николаевич вновь возглавил Среднеднестровскую экспедицию и два года (1964-1965 гг.) принимал непосредственное участие в ее работе. Разведки в Поднестровье позволили ему вернуться в свою "трипольскую" молодость; они же стали его последней экспедицией. Одним из важных результатов этой работы было прекращение давней дискуссии о времени функционирования пещер-штолен Белой горы. Тщательное изучение их подтвердило мнение Сергея Николаевича о том, что пещеры возникли в процессе добычи трипольцами кремня из залежей в недрах горы [Бибиков, 1966, с. 3-6].

Участие в работе Среднеднестровской экспедиции стало хорошей школой для многих молодых археологов. Мне особую пользу принесли ежедневные полевые семинары Сергея Николаевича, посвященные анализу многочисленных кремневых изделий разных эпох, собранных в ходе разведок. Сергей Николаевич придавал новым археологическим исследованиям в Поднестровье большое значение, и наш краткий отчет о работах здесь был отправлен для публикации в журнал Академии Наук Украины [Бибиков, Збеневич, 1970, с. 41-48].

Замечательным качеством Сергея Николаевича было чувство нового. Сегодня важным компонентом исследования трипольских памятников (особенно поселений-гигантов) являются данные аэрофотосъемки, выполненной К.В. Шишкиным. Но еще в конце 1960-х гг. Константин Валентинович обращался к московским коллегам с предложением сотрудничества и не нашел понимания.

Будучи в Москве в 1970 г., Сергей Николаевич узнал от академика Б.А. Рыбакова о работах К.В. Шишкина, заинтересовался ими и взял его адрес. Вернувшись в Киев, он послал меня к К.В. Шишкину для получения дополнительной информации. Я приехал в подмосковный военный городок, где жил Шишкин, встретился с ним, и мы беседовали допоздна (я даже остался у него ночевать). Он показывал аэрофотоснимки, планы трипольских поселений, рассказывал о полевых разведках на местности с уманским краеведом В.А. Стефановичем. Я доложил Сергею Николаевичу о беседе. Вскоре Константин Валентинович был приглашен в Киев с просьбой проверить на местности аэрофотосъемки трипольских поселений, в частности, снимок какого-нибудь поселка поблизости от Киева.

Весной 1971 г. К.В. Шишкин, Сергей Николаевич, Н.В. Шмаглий, В.А. Круц, московский археолог Н.М. Виноградова и я выехали на левый берег Днепра в Бориспольский район. Константин Валентинович указал на участок пахотного поля, где мы заложили несколько шурфов и сразу же обнаружили трипольские площадки. Действенность методики К.В. Шишкина не вызвала сомнений. Сергей Николаевич сообщил об этом Б.А. Рыбакову, и он послал в Киев своего молодого сотрудника М. Штиглица для встречи с нами. Вскоре на поселениях-гигантах (Майданецком и других) начали работать киевские и московские археологи при участии К.В. Шишкина.

Анализируя демографические и экономические аспекты этих важных в научном отношении памятников (особо следует отметить интересную, хорошо аргументированную статью В.А. Круца [Круц, 1989, с. 117-132]), исследователи неоднократно ссылаются на работы Сергея Николаевича.

Заканчивая свои воспоминания, хочу сказать, что Сергей Николаевич Бибиков как человек и ученый обладал особым свойством – способностью "не казаться, а быть" (А. Галич). Он не заботился о постоянном увеличении списка печатных работ, но почти каждая его статья была заметным вкладом в трипольведение, а единственная "трипольская" монография стала и надолго останется настольной книгой археологов многих поколений. Он не окружал себя аспирантами, но молодые археологи тянулись к нему; не стремился быть участником всех научных форумов (в том числе – и заграничных), но имел заслуженный авторитет и пользовался уважением в археологическом сообществе.

Сейчас мы отмечаем столетие со дня рождения Сергея Николаевича, но вскоре (21 ноября) придет печальная дата: двадцать лет назад он ушел из жизни. И как не вспомнить известные строки С. Есенина: "Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи". На расстоянии двух десятилетий заметно, как не хватает сегодняшнему трипольведению такого лидера, каким был Сергей Николаевич Бибиков. Не "трипольского начальника", законодателя, а именно лидера, чьи знания, научный и личный авторитет неоспоримы. При таком лидере, в частности, не мог бы появиться на страницах и обложках книг термин "трипольская цивилизация" (я имею в виду только научную литературу, вышедшую под грифом Института Археологии НАНУ).

Напомню, что в сборнике докладов международной конференции по Триполью (Гальянки 2003) [Трипільські..., 2003] этот термин отсутствует; нет его и в статье Н.Б. Бурдо, посвященной 110-летию исследованию трипольской культуры [Бурдо, 2005, с. 10-25].

Но в последние годы два неравнозначные понятия – археологическая культура и цивилизация – появляются вместе, порождая недоумение и путаницу. Так, в одном сборнике [Archaeology..., 2006] рядом помещены статьи М.Ю. Видейко "Протоміста трипільської культури" [с. 53-70] и Н.Б. Бурдо "Сакральний світ та магічний простір трипільської цивілізації" [с. 75-87]. На обложку сборника о научном наследии В. Хвойки [Дослідження..., 2006] вынесен термин "трипольская цивилизация" (что некорректно, так как сам В. Хвойка им не пользовался), но в текстах статей говорится только о "трипольской культуре".

Известен ряд серьезных работ, в которых проанализированы суть, причины, признаки (наличие городов, монументальной архитектуры, письменности; идеологическое лидерство, специализированные ремесла и объединения ремесленников-мастеров, колесный транспорт и др.) и время появления древнейших цивилизаций [Массон, 1989]. По всем своим характеристикам и компонентам трипольская культура не может быть причислена к этим цивилизациям. Странное сосуществование "культурного" и "цивилизованного" Триполья только снижает авторитет украинского трипольеведения в среде зарубежных археологов, интересующихся трипольской культурой (а их немало) и привыкших к четким определениям и весомым аргументам. Следует отметить, что на страницах "Археології" идея "трипольской цивилизации" уже получила негативную оценку [Залізняк, 2004, с. 95-103; Отрощенко, 2004, с. 130-132]. Жаль только, что с этой обоснованной критикой выступают не специалисты-трипольеведы.

В целом же изучение Триполья в Украине сейчас на подъеме: осуществляются успешные раскопки и разведки; издается немало литературы; расширяется круг исследователей. Проводятся интересные научные конференции. В Киеве плодотворно работает сильный центр трипольеведения.

И это, мне кажется, – самое важное в трипольском наследии Сергея Николаевича Бибикова.

Список литературы

- Бибиков С.Н.** Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. – МИА. – 1953. – № 38.
- Бибиков С.Н.** Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году // КСИИМК. – 1954. – № 56. – С. 104-110.
- Бибиков С.Н.** Из истории каменных серпов на Юго-востоке Европы // СА. – 1962. – № 3. – С. 3-24.
- Бибиков С.Н.** О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964. – С. 1-10.
- Бибиков С.Н.** Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье // Sborník Národního Muzea v Praze. – 1966. – v. XX. – № 1/2. – С. 3-6.
- Бібіков С.М.** Теріоморфні зображення в орнаментіці Трипілья // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 6-10.
- Бібіков С.М., Збенович В.Г.** Деякі проблеми археологічного вивчення Середнього Подністров'я // Вісник Академії Наук УРСР. – 1970. – № 2. – С. 41-48.
- Бібіков С.М., Шмаглій М.М.** Трипільське поселення біля с. Гребені // Археологія. – № XVI. – 1964. – С. 131-136.
- Бурдо Н.Б.** Внесок С.М. Бібікова у вивчення трипільської культури // Археологія. – 1996. – № 3. – С. 14-20.
- Бурдо Н.Б.** Трипільська культура – 110 років досліджень // Археологія. – 2005. – № 4. – С. 10-25.
Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. – Киев, 2006.
- Залізняк Л.Л.** Трипілья очима науковців і політиків // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 95-103.
- Збенович В.Г.** Древнейшие медные топоры в Восточной Европе // СА. – 1969. – № 3. – С. 135-142.
- Круц В.А.** К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра // Первобытная археология. – Киев, 1989. – С. 117-132.
- Массон В.М.** Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989.
- Отрощенко В.В.** "Трипільська цивілізація у спадщині України" (рец.) // Археологія. – 2004. – № 3. – С. 130-132.
- Пассек Т.С.** Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. – 1961. – № 84.
- Трипільські поселення – гіганти.** – Киев: Корвін пресс, 2003.
- Цвек Е.В., Мовчан И.И.** С.Н. Бибиков и Триполье // Трипільські поселення – гіганти. – Киев: Корвін пресс, 2003. – С. 276-279.
- Archaeology of Kyiv-Mohyla Academy.** – Kyiv-Austin, 2006.

СЕРГІЙ МИКОЛАЙОВИЧ БІБІКОВ І ПИТАННЯ АРХЕОЛОГІЇ ЗАХОДУ УКРАЇНИ

Сергій Миколайович Бібіков (1908-1988) – видатний вчений у галузі первісної археології, член-кореспондент АН УРСР, заслужений діяч науки, лауреат Державної премії УРСР. Навчаючись у школі в Криму, в літню пору він приймав участь у археологічних експедиціях відомого петроградського археолога та антрополога Г.А. Бонч-Осмоловського. У 1931 році закінчив Ленінградський університет. У Державній Академії історії матеріальної культури (згодом – Інститут історії матеріальної культури) С.М. Бібіков пройшов шлях від лаборанта до заступника директора. З 1955 по 1968 рік Сергій Миколайович очолював Інститут археології АН УРСР, а в наступні роки займав інші керівні посади. Майже все життя С.М. Бібіков напружено працював у галузі археології і, часом, навіть у несприятливих умовах досягав видатних успіхів як дослідник, керівник і організатор наукових робіт [С. М. Бібіков, 1958, с. 145 [Підпис: В. К]; Бібіков..., 1959, с. 537; Бибииков..., 1962, с. 398; Бібіков..., 1967, с. 493-494; Довженок та інші, 1968, с. 101-104; Бібіков..., 1969, с. 138; Бібіков..., 1977, с. 438; Крижицький, Тереножкін, 1978, с. 104-105; 70-річчя..., 1978, с. 98; К 70-летію..., 1980, с. 3-9; 80-річчя..., 1988, с. 102; Сергій..., 1989, с. 110; Збеневич, 1989, с. 4-6; Борисковський, 1990, с. 98-106; Баженов, 1993, с. 129; Гаврилук та інші, 1996, с. 392-393; Мезенцева, 1997, с. 11; Отт, 1998, с. 4-8; Мацкевий, 2002, с. 230-231; Бурдо, 2003, с. 119; Толочко, 2003, с. 257; Рудий, 2005, с. 91-93; Filip, 1966, р. 120].

У кінці 30-х років ХХ століття С.М. Бібіков уже мав значний досвід вивчення печерних стоянок кам'яної доби у Криму та на Уралі. Тому не випадково, що саме йому належить відкриття першої мезолітичної пам'ятки у печерах заходу України. Йдеться про результати шурфування у 1940 році у відомій в літературі ще з XVIII століття Нігинській печері розташованій за 20 км на північ від м. Кам'янка-Подільського, де С.М. Бібіковим на глибині 65 см від поверхні у суглинках була зафіксована типова кремінна трапеція і кістки тварин [Бібіков, 1949, с. 292-298; Бибииков, 1953, с. 11; Rzeczyński, 1745, р. 29]. У 1992 році додаткові обстеження Прикарпатської експедиції Інституту суспільних наук АН України у цій печері та на схилі перед нею дозволили значно доповнити комплекс (рис. 1). Серед знахідок – типовий для мезоліту мікролітоїдний кінцевий скребок на пластинчатому відщепі, пластинчаті сколи, відщепи та відходи [Мацкевий, 1993, с. 18-19; Мацкевий, 2000, с. 27; Мацкевий, 2005, с. 90-134]. Це дозволило віднести пам'ятку до мезолітичної культури Кам'яниця-Баранне (Мшана), зокрема, до групи типу Баранне I (Мшана X) [Мацкевой, 1991, с. 3-148; Konopljа, Maskevuj, 1996, р. 319-322].

С.М. Бібіков розпочав обстеження пам'яток доби палеоліту заходу України, зокрема, на території Середнього Подністер'я у 40-х роках. Ним було зібрано підйомний матеріал на пізньопалеолітичній стоянці та місцезнаходженні кам'яної сировини Студениця I, що знаменувало вивчення археологами кам'яної сировини на цій території. Було також відкрито пізньопалеолітичне поселення Студениця II [Бібіков, 1949, с. 292-298].

У 1945 році С.М. Бібіков відкрив на правому березі Дністра стоянки рубежу палеоліту та мезоліту Мар'янівка I, Мар'янівка II і Демшин, які іншими фахівцями іменуються Грушевці I–III, згідно з назвою найближчого населеного пункту на правому березі Дністра, де зафіксовані ці пам'ятки [Бібіков, 1949, с. 292-298; Черныш, 1959, с. 131-133; Герета, Грибович, Мацкевой та інші, 1981, с. 62-63, 132-133]. На основі вивчення цих поселень С.М. Бібіков приходять до висновку, що на цій території не можна чекати типових азильських і тарденуазських стоянок з мікролітичним інвентарем як наприклад у Криму [Бибииков, 1949, с. 12-45] і що саме тут відбулася швидка трансформація мисливського господарства у землеробське і скотарське зі збереженням архаїчного інвентарю [Бібіков, 1949, с. 292-298]. Така гіпотеза у наступному підтвердилася лише у плані архаїчних, наприклад, гравецьких елементів у кремінному інвентарі певної частини мезолітичних стоянок. Крім того, типові тарденуазські та деякі азильські риси у подальшому були відзначені на цій території Н.А. Кетрару, О.П. Чернишем, Л.Г. Мацкевим, іншими фахівцями на багатьох пам'ятках Середнього Подністер'я [Кетрару, 1974, с. 3-174; Черныш, 1975, с. 3-168; Герета, Грибович, Мацкевой, 1981, с. 3-312; Кучугура, 1985, с. 66-80; Мацкевой, 1991, с. 3-148].

У 1946 році С.М. Бібіковим спільно з П.Й. Борисковським було відкрито ранньопалеолітичне місцезнаходження на лівому березі Дністра біля с. Лука-Врублевецька [Борисковский, 1953, с. 39-57]. Саме ця пам'ятка довгий час вважалася одним із найдавніших поселень людини на території України

та СРСР у цілому. У кінці 40-х років Сергій Миколайович всебічно аналізує зображення тварини з с. Озаринці [Бібіков, 1951, с. 215-217].

Високий авторитет С.М. Бібікова у галузі палеолітознавства був незаперечний уже у 40-х роках ХХ століття. Але найбільшої наукової слави він набув як фахівець із проблем енеоліту. У 1945–1950 роках Сергій Миколайович здійснив стаціонарні дослідження ранньотрипільського поселення Лука-Врублевецька які стали основою його докторської дисертації, фундаментальної монографії, цілої низки узагальнюючих статей і розділів у колективних підсумкових роботах [Бібіков, 1947, с. 51; Бібіков, 1953; 1958, с. 27-30; 1962, с. 3-24; Бібіков, 1966, с. 3-6; Бібіков, Збеневич, 1985, с. 189-193] [див. Бібіков, 1953, с. 13, 14, 29, 45, 47]. Глибина наукового аналізу та передбачення дали змогу вченому розпізнати у досить-таки скромному поселенні справжній науковий скарб [Збеневич, 1989, с. 4-6]. Широта і різнобічність інтересів, професіоналізм і природний талант дозволили С.М. Бібікову перейти від вивчення палеоліту до розкриття проблемних питань трипільської культури. Монографія написана за матеріалами Луки-Врублевецької увійшла до золотого фонду вітчизняної археологічної науки. виправдалася приказка Сергія Миколайовича про те, що в археології кандидатську дисертацію можна написати на основі одного черепка, а якщо черепок з орнаментом – то можна написати й докторську дисертацію. Але це можливо за умови, що власний черепок варить.

"Київський" період польових археологічних досліджень проведених С.М. Бібіковим на заході України припадає на 60-ті роки. Це, передусім, повторні обстеження Студениці I (Білої Гори), здійснені у 1964-1965 роках [Бібіков, 1965, с. 56-58; Бібіков, 1966, с. 3-6] [див. Бібіков, 1953, с. 80], а також розвідки у зоні затоплення Могилів-Подільською ГЕС у 1968 році [Бібіков, Збеневич, 1971, с. 73-77]. У цей час і наступні два десятиріччя Сергій Миколайович продовжив і розробку теоретичних питань. Він мав відвагу признатися молодому науковцеві про те що отримав чергову догану як директор інституту та чергову подяку і одночасно премію за відкриття та впровадження нових методів комплексного міждисциплінарного аналізу в історичній науці.

У 60-х роках у зв'язку з активними дослідженнями з трипільської проблематики в Україні, С.М. Бібіков знову привертає увагу до копалень кам'яної сировини. Він доводить, що місця корінного залягання сировини епізодично відвідувалися людьми у палеоліті, мезоліті-неоліті, а в енеоліті – кремій добувався уже постійно, й очевидно штрековим методом. Розробляючи інші питання, наприклад, історію кремінних серпів на південному сході Європи (рис. 2), чи палеоекономічне моделювання в археології та аналізуючи найдавніший музичний комплекс із кісток мамонта, С.М. Бібіков постійно посилається на джерельну базу із заходу України [Бібіков, 1962, с. 3-24; Бібіков, 1967, с. 12-15; Бібіков, 1981, с. 47].

У кінці 60-х років С.М. Бібіков очолив велику розвідкову експедицію, яка провела обстеження від с. Горошевої Тернопільської до с. Бернашівки Вінницької області. Палеолітичні стоянки відкриті тут на високих точках терас біля сіл Теремці, Вапнярка (бувша Вільямівка) і Лоївці (Лоївці II). Зафіксовані також окремі кремінні вироби доби мезоліту біля сіл Молодове та Комарів. Заслужують на увагу й кремінні вироби та кераміка буго-дністерської неолітичної культури (с. Березовські Хутори). Третина всіх зафіксованих під час розвідок пам'яток належить до енеоліту, зокрема, трипільської культури. Саме тут знаходяться еталонні поселення Лука-Врублевецька та Поливанів Яр. Відзначено також пам'ятки біля сіл Вороновиця, Кормань, Михалків, Калюс, Ломачинці, Непоротове. Більше десяти з обстежених поселень виявилися придатні до стаціонарних розкопок. При цьому деякі з них є багатощаровими і відображають два, чи навіть три періоди у розвитку трипільля. Численними були і пам'ятки скіфського періоду (села Непоротове, Березовські Хутори, Галівка). Найбільш вірогідно, що до цього ж часу належить і група курганів біля с. Михалків. У цілому, роботи експедиції відкрили широкі перспективи для охоронно-рятивних досліджень у зоні затоплення Могилів-Подільською ГЕС. У наступні роки стаціонарні розкопки у регіоні внесли багато нового у давню історію не тільки Подністер'я, але й суміжних територій.

Починаючи з 40-х років Сергій Миколайович, проводячи наукові пошуки та виконуючи різноманітні адміністративні завдання на заході України, неодмінно бував у Львові і, зокрема, у нашому інституті. Тут його радо зустрічали щирі друзі, колеги, послідовники та учні. Це були не тільки археологи, але й інші фахівці.

Науковий шлях С.М. Бібікова в археології на заході України, як і на інших територіях, був характерний постійними пошуками, нестандартними рішеннями і багатьма новими відкриттями та концепціями. Сергій Миколайович продовжував науково-дослідницьку роботу до останніх днів свого життя. Не всіх влаштував обраний ним стиль керівництва, але більшість його наукових концепцій витримали випробування часом.

Список літератури

- Баженов Л.В.** Бібіков Сергій Миколайович // Поділля в працях дослідників і краєзнавців XIX–XX ст. – Кам'янець-Подільський, 1993. – С. 129.
- Биби́ков Серге́й Николаевич** // Советская историческая энциклопедия. – т. 2– М.: Гос. научн. изд-во "Советская энциклопедия", 1962 – С. 398.
- Биби́ков С.Н.** Культура палеолита и раннего неолита в Среднем Поднестровье // Рефераты научно-исследовательских работ 1945 г. Отделение истории и философии АН СССР. – М.-Л., 1947. – С. 51.
- Биби́ков С.Н.** Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма // Ученые записки ЛГУ.– Вып. 13. – Серия исторических наук. – № 85. – 1949. – С. 12-45.
- Биби́ков С.Н.** Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. – МИА. – 1953. – № 38. – 460 с.
- Биби́ков С.Н.** О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра // СА. – 1958. – № 3. – С. 27-30.
- Биби́ков С.Н.** Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы // СА. – 1962. – № 3. – С. 3-24.
- Биби́ков С.Н.** Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. – Баку, 1965. – С. 56-58.
- Биби́ков С.Н.** Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье // Sborník Národního muzea v Praze. – Řada A – Historie. – Svazek XX. –Čis. 1–2. – Praha, 1966. – Р. 3-6.
- Биби́ков С.Н.** Опыт палеоэкономического моделирования в археологии // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года. – Кишинев, 1967. – С. 12-15.
- Биби́ков С.Н.** Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев: Наукова думка, 1981. – 108 с.
- Биби́ков С.Н., Збенович В.Г.** Археологические разведки в зоне затопления Могилев-Подольской ГЭС // Археологические исследования на Украине в 1968 году. – Киев, 1971 – С. 73-77.
- Биби́ков С.Н., Збенович В.Г.** Трипольская культура // Археология Украинской ССР. – Т. 1. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 189-193.
- Бібіков Сергій Миколайович** // Українська радянська енциклопедія. – Т. 1. – Киев: Головна редакція УРЕ, 1959. – С. 537.
- Бібіков Сергій Миколайович** // Історія Академії наук Української РСР. – Кн. 2. – Киев, 1967. – С. 493-494.
- Бібіков Сергій Миколайович** // Радянська енциклопедія історії України. – Т.1. – Киев: Головна редакція УРЕ, 1969. – С. 138.
- Бібіков Сергій Миколайович** // Українська радянська енциклопедія. – Т. 1. – Видання друге. – Киев: Головна редакція УРЕ, 1977. – С. 438.
- Бібіков С.М.** Верхньопалеолітичні знахідки на Середньому Подністрів'ї // АП. – 1949. – Т. 2. – С. 292-298.
- Бібіков С.М.** Про зображення тварини на кістяній пластинці з с. Озаринці (Поділля) // Археологія. – 1951. – т. V. – С. 215-217.
- Борисковский П.И.** Палеолит Украины. – МИА. –№ 40. – 1953.– 464 с.
- Борисковский П.И.** Сергій Миколайович Бібіков і його час // Археологія. – 1990. – № 2. – С. 98-106.
- Бурдо Н.Б.** Бібіков Сергій Миколайович // Енциклопедія сучасної України. – Т.2. – Киев, 2003 – С. 119.
- 80-річчя чл.-кор. АН УРСР С.М. Бібікова** // Відомості АН УРСР. – 1988. – № 9. – С. 102.
- Гаврилюк Н.О., Котова Н.С., Махортих С.В. та інші.** Бібіков Сергій Миколайович // Словник-довідник з археології. – Киев: Наукова думка, 1996. – С. 392-393.
- Герета І.П., Грибович Р.Т., Мацкевой Л.Г. та інші.** Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку. – Киев: Наукова думка. 1981. – С. 3-312.
- Довженок В.И., Захарук Ю.Н., Тереножкин А.И.** К 60-летию С.Н. Биби́кова // СА. –1968. – № 3. – С. 101-104.
- Збенович В.Г.** Пам'яті вчителя // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 4-6.

- Кетрару Н.А.** Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. – Вып. 1 – Кишинев: Штиинца, 1974. – 176 с.
- Крижицький С.Д., Тереножкін О.І.** – До 70-річчя Сергія Миколайовича Бібікова // Археологія. – 1978. – Вип. 27. – С. 104-105.
- К 70-летню Сергея Николаевича Бибикова** // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 3-9.
- Кучугура Л.И.** Каменный век поселения Врублевцы (Среднее Приднестровье) // БКИЧП. – 1985. – № 54. – С. 66-80.
- Мацкевий Л.Г.** Дослідження в печерних утворах Придністров'я в 1991–1992 рр. // Тези доповідей двадцятої Вінницької обласної історико-краєзнавчої конференції. – Вінниця, 1993. – С. 18-19.
- Мацкевий Л.Г.** Палеоліт і мезоліт у печерах заходу України // Археологический альманах. – № 9. – Донець: Лебедь, 2000. – С. 3-34.
- Мацкевий Л.Г.** Вклад С.М. Бібікова у вивчення найдавнішої історії заходу України // Науковий вісник Українського університету. – Т. 2. – Львів: Ліга-Прес, 2002. – С. 230-231.
- Мацкевий Л.Г.** Підсумки досліджень палеоліту та мезоліту в печерах заходу України // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 9. – Львів: Інститут українознавства імені І. Крип'якевича, 2005. – С. 90-134.
- Мацкевой Л.Г.** Мезолит запада Украины. – Киев: Наукова думка, 1991. – 148 с.
- Мезенцева Г.** Бібіков Сергій Миколайович // Дослідники археології України. Енциклопедичний словник-довідник. – Чернігів, 1997. – С. 11.
- Отт М. С.М.** Бібіков. Плідне натхнення // Археологія. – 1998. – № 4. – С. 4-8.
- Рудий В.А.** Сергій Миколайович Бібіков // Видатні дослідники української археології. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2005. – С. 91-93.
- 70-річчя члена-кореспондента АН УРСР С. М. Бібікова** // Відомості АН УРСР. – 1978. – № 10. – С. 98.
- Сергій Миколайович Бібіков (1908–1988)** // Відомості АН УРСР. – 1989. – № 1. – С. 110 [Некролог].
- С.М. Бібіков** // Український історичний журнал. – 1958. – № 6. – С. 145 [Підпис: В. К].
- Толочко П.П.** Бібіков Сергій Миколайович // Енциклопедія історії України. – Т. 1. – Киев: Наукова думка, 2003. – С. 257.
- Черниш О.П.** Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. – Киев: Наукова думка, 1975. – 168 с.
- Черныш А.П.** Поздний палеолит Среднего Приднестровья. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. – Т. XV. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 214 с.
- Filip J.** Bibikov Sergej Nikolaevič // Enzyklopädisches Handbuch zur Ur-und Frühgeschichte Europas. – 1. – Prag., 1966 – P. 120.
- Копол'я В., Мачкев'я Л.** Roboty gorodoc'koj ekspedicii u 1995 r. // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. – T.XVII. – Rzeszów-Przemyśl-Sandomiers-Tarnów, 1996. – P. 319-322.
- Rzeczyński G.** Auctuarium historiae naturalis curiosae Regni Poloniae. – Gdańsk, 1945. – P. 5-196.

**БІБІКОВ С.М. ТА ЗАЄЦЬ І.І. – НАУКОВІ ТА ДРУЖНІ ВЗАЄМИНИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЕПІСТОЛЯРНОЇ СПАДЩИНИ**

Епістолярна спадщина цінне джерело для вивчення взаємин між вченими. Її цінність збільшується, особливо тоді коли автори листів відходять за межу вічності. Так 20 років тому, у 1988 р., цю межу переступив С.М. Бібіков, а один рік тому – І.І. Заєць. Доля звела обох вчених на початку далеких 70-х років минулого століття, коли І.І. Заєць вів широкомасштабні розкопки трипільського поселення Кліщів. Бібіков С.М. на той час вже був маститим вченим, а Заєць І.І. робив перші, але впевнені кроки у новій для нього науці – археології. Виявлені під час розкопок Кліщева унікальні матеріали привернули увагу багатьох дослідників Трипілля. Цьому також сприяли і позитивні людські якості Івана Івановича, який швидко зумів налагодити дружні стосунки з багатьма археологами.

Серед багатьох імен відомих археологів, в першу чергу дослідників Трипілля, з ким прийшлося спілкуватись на протязі багатьох років, І.І. Заєць, у своїх спогадах назвав – С.М. Бібікова, В.М. Даниленка, В.Г. Збеновича, В.А. Круца, М.М. Шмаглія, С.М. Рижова, Т.Г. Мовшу, О.В. Цвек, О.Г. Шапошникову, І.Т. Чернякова, К.К. Черниш, І. М. Шарафутдінову, В. О. Шумову, В. С. Титова, І. І. Винокура, Т. М. Ткачука тощо [Заєць, 2004, с. 333-344].

В науковому архіві І.І. Зайця збереглась велика епістолярна спадщина, в якій є листи від переважної більшості вище перелічених імен, а також листи від Н.В. Риндіної, К.В. Шишкіна та інших археологів.

Окреме місце у цій збірці належить листам С.М. Бібікова, В.І. Бібікової до І.І. Зайця, а також копії листів останнього до Бібікових. Всі листи, крім останнього, від 9 серпня 1974 року, надруковані на друкарській машинці. Останній лист у збірці – автограф С.М. Бібікова [Архів...]. З цього листування бачимо тісні та дружні взаємини між Іваном Івановичем Зайцем та Сергієм Миколайовичем і Валентиною Іванівною Бібіковими на ниві дослідження матеріалів кліщівського поселення.

Нижче наводимо тексти збережених листів.

Лист Бібікова С.М. до І.І. Зайця

Київ.

8.01.1973 г.

Дорогой Иван Иванович!

Очень благодарен Вам за память и пожелания в связи с Новым Годом! У нас без больших перемен, если не считать изгнание из секретарей Даниленко, с приложением строгого выговора с занесением в учетную карточку. Не слишком, но пока все угомнилось. У меня тоже закончился, довольно трудный, но очень увлекательный цикл. Написал и сдал в печать статью об основных теоретических разработках советской археологической науки. Это не просто рассуждения, а анализ положения и реальные перспективные разработки. Говорят очень интересно. Но, об этом при встрече.

Дважды беседовал с Валентиной Ивановной, в связи с подробным знакомством ее с костным материалом из Клищева. К сожалению, она не могла утаить от меня свою полную неудовлетворенность проделанной работой ее товарищей. Сейчас она закончила полную историческую обработку материала, составила заключение обобщающего характера, которое, по-видимому, войдет в Ваш текст. Конечно, авторство останется за Свистуном и Капелист, а Вы объявите ей, т.е. Вал. Ив., благодарность за консультацию. При такой постановке не будет нарушено равновесие взаимоотношений. Текст того, что сделала Вал. Ив., она вышлет Вам в самые ближайшие дни. Конечно, будет очень хорошо, если Вы приедете в Киев и Вал. Ив. даст Вам самое подробное истолкование всего остеологического материала, изложенного в списках и заключении. Для диссертации то, что, сделано Вал. Ив. очень необходимо. Не примите, пожалуйста, все сказанное за похвалы моей жене. В научном деле я держу ее "в черном теле". Только не берите с меня примера. Итак, ждем Вас в Киеве.

Всегда с теплотой вспоминаем встречи с супругами у Вас.

Ваш Бибигов.

Лист Бібікової В.І. до І.І. Зайця

Киев.

9.01.1973 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович!

Наконец высылаю Вам сводный список фауны за оба сезона раскопок и некоторые положения по характеристике фауны поселения.

Прилагаемый текст – это основа для написания раздела по животноводству и для характеристики природной среды в которой развивалось хозяйство Вашего поселения.

Не знаю, правильно ли я провела сопоставление со Средним Трипольем, но по типу фауны домашних животных и по соотношению домашних и диких млекопитающих оно соответствует именно развитому этапу.

Очень бы хотелось повидаться с Вами и совместно утрясти все вопросы, которые могут возникнуть у Вас в ходе работы по хозяйству. Да, и у меня то же имеются таковые. Но это уж до времени, когда Вы начнете работать по этому разделу, и когда у Вас будет время и возможность повидаться.

Огорчена, что не могу выполнить свое желание выбросить из списка фауны домашнюю /хотя и с вопросом/ кошку, но ведь я имею дело с готовым списком. По моему личному и твердому убеждению ее не было, нет и никогда не будет найдено в Триполье, поскольку появилась она, эта самая домашняя тварючка, на нашей территории поздно. Но ни в каких расчетах я ее не принимала во внимание и Вам не советую "гладить" этого милого зверька.

Когда у Вас будет закончен, хотя бы в предварительном плане, раздел о хозяйстве надеюсь увидеть Вас и обсудить в дружеской и теплой, но конечно вполне рабочей обстановке все интересующие нас обоих вопросы.

Прилагаю использованную литературу – это минимум, который вряд ли Вам следует превышать.

Ну, Бибикову по Луке-Врублевской Вы знаете. Кое-что есть у Е.К. Черныш в ее книжке о Ленковцах. Если этой работы у Вас нет, то Вы ее найдете в Киеве.

И последняя работа – В.И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 161, изд. "Наука", М., 1970. Там интересен раздел по статистическому обзору костных остатков, в котором включены данные по трипольским памятникам. Может быть, ее еще можно выписать через Академкнигу по адресу: Москва В-463 Мичуринский проспект 12 Магазин №3. Книга – почтой.

И, так прощаюсь до встречи. Уважающая Вас В. Бибикова.

P.S. Одновременно высылаю сводки за 71-72 гг., составленные Свистуном В.И.

И еще одно – черкните Владимиру Ивановичу о получении списков.

Лист І.І. Зайця до В.І. Бібікової

Винница

12.01.1973 г.

Дорогая Валентина Ивановна!

Большое Вам спасибо за Ваш Труд. Все материалы получил, вы не можете представить, как я Вам благодарен. Вся моя сознательная жизнь связана только с людьми, людьми разных профессий. Уверен, что абсолютное большинство людей хороших, но, поверьте, таких доброжелателей, как Вы, Ваш и мой, и наш Сергей Николаевич – очень и очень мало. Не примите, пожалуйста, что это только слова и я прибегаю к лести. Страшно не люблю таких людей, больше того – презираю.

Ваша историческая обработка костного материала, выводы по нему для меня большая и конкретная помощь. Большое Вам спасибо. При встрече, пользуясь Вашим любезным приглашением мне необходимо получить от Вас консультацию.

Дорогая Валентина Ивановна!

Еще раз благодарю Вас за труд. Перед Вами я должник. Выход у меня только один: с наступлением тепла от Киева до Винницы, от Винницы до Каменец – Подольска, Черновцов, Могилъов – Подольска и обратно до Винницы, Киева провезти Вас на моем и нашем "Запоржце". Безусловно, если пожелает, а то мы и еще посмотрим, мы "прихватим" с собой Сергея Николаевича.

Крепко обнимаю, Ваш И. Заец.

Лист І.І. Зайця до С.М. Бібікова

Винница

12.01.1973 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Вы не можете себе представить насколько я был рад, получив от Вас письмо. Большое Вам спасибо за Ваше отношение ко мне и вообще – за все, за все.

Я радуюсь, что Вы закончили одну из своих работ об основных теоретических разработках советской археологической науки. И анализ положения в археологической науке, и реальные перспективные разработки, в особенности, весьма и весьма необходимы. Лично я жду с нетерпением выхода ее в свет.

Дорогой Сергей Николаевич!

Сегодня я получил официальное письмо от В.С. Титова с предложением написать в ближайшее время статью для журнала "Советская археология" о раскопках в Клищеве и находках детских игрушек, сделанных там. Это предложение меня обрадовало, статью я напишу. Очень благодарен ученым, проявляющим заботу обо мне. Почему-то думаю, что инициатива этого предложения исходит от Вас. Большое Вам спасибо.

Если Вы позволите, через некоторое время я приеду к Вам с рукописным текстом. Для меня это крайне необходимо. Возможно, следует приехать для консультации сейчас, то по Вашему первому сигналу приеду. Как и во всем, а в данном конкретном случае в особенности, дорогой Сергей Николаевич, Ваша помощь мне очень и очень нужна.

Немного о себе.

Работаю над диссертацией, уже имею отпечатанного текста 150 страниц. Немного устал. Работаю только по ночам – с 3-4 часов утра до 8-9.00, а днем – страшно беспокойная служебная, нередко никому не нужная суета.

Часто говорим о Вас, Валентине Ивановне. Вы очень и очень хорошие, добрые. Спасибо Вам.

С глубоким уважением И. Заец.

Лист І.І. Зайця до С.М. Бібікова

Дорогой Сергей Николаевич!

Очень прошу Вас помочь мне в ближайшее время сдать экзамен по археологии.

Прошу Вас, если возможно, дать мне рекомендации по этому вопросу. Если позволит у Вас время, я мог бы приехать для этой цели в Киев сейчас же или после 22 апреля с.г.

Работаю и работаю. Вот и сегодня сижу ночь "напролет".

Передайте наилучшее пожелание Валентине Ивановне.

С глубоким уважением И. Заец.

Лист І.І. Зайця до С.М. Бібікова

Дорогой Сергей Николаевич!

Высылаю отзыв о статье "Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (этап VI - VII)".

Замечания, изложенные в статье, мною учтены, статья 28 октября отправлена в редакцию "Советская Археология" на имя В.С. Титова. Я считаю, что нет необходимости поднимать вопрос о высказанных замечаниях, так как это может вызвать не совсем правильную реакцию, к тому же в ближайшее время я буду в Москве и надеюсь на положительное решение вопроса.

Вас дорогой Сергей Николаевич, очень и очень прошу при возможности помочь в том, чтобы статья вошла в ближайший номер "Советской Археологии".

Ваш совет о том, чтобы Юрий Николаевич был вторым оппонентом, очень и очень хорош. Этот вопрос также постараюсь решить положительно. Правда, откровенно говоря, меня немного тревожит мнение о том, что полковники, еще и не первой молодости, это не та категория, что археологи, начавшие свою деятельность с юных лет. В этом, безусловно, доля правды имеется. Вместе с тем, мне обидно бывает, что некоторые товарищи думают, что полковники не могут стать настоящими археологами. Себе оценки давать не могу, но знаю только одно, что в исследование памятника Клищев мною вкладывалось и вкладывается абсолютно все, что зависит от меня. И я очень и очень благодарен всем ученым, которые так внимательно относились и относятся к проводимым мною исследованиям. А то, что может быть, в отдельных случаях имеются не совсем удачные выражения, то это, на мой взгляд, небольшая беда. Это всегда можно поправить, было бы только

желание помочь с одной стороны, а с другой, т.е. с моей, правильно все оценить и вовремя поправить допущенные неточности.

Извините, дорогой Сергей Николаевич, что я об этом пишу. Но я надеюсь, что Вы меня правильно понимаете. Данный разговор вызван глубочайшим уважением и признательностью за большую помощь, которую Вы оказываете мне на протяжении вот уже более чем пяти лет.

Передавайте большой привет Валентине Ивановне.

С глубоким уважением И.И. Заец.

Лист С.М. Бібікова до І.І. Зайця

9 августа 1974 года

Что-то, дорогой Иван Иванович нет от Вас никаких вестей. Что делаете, как живете? Скоро выйдет Ваша статья в Советской археологии.

Я только что вернулся из Крыма, а 12 августа на неделю еду на Днестр. Почему же Вы молчите? Не обиделись ли Вы на меня, чего ни будь? По-моему для этого нет оснований. Привет Вам и Вашей супруге от меня и Валентины Ивановны.

Всего самого доброго.

Ваш С. Бибилов.

Список літератури

Архів І.І. Зайця.

Заєць І.І. Далеке і близьке. Світлина пам'яті. – Вінниця, 2004. – 480 с.

С.Н. БИБИКОВ И ОДЕССА

Такой творческий человек, как С.Н. Биби́ков, обладавший живым умом и веселым характером, не мог не быть связанным с Одессой. На первый взгляд кажется, что эта тема несколько надуманна, а на самом деле С.Н. Биби́кова и Одессу связывали не только личные, но и чисто научные интересы на протяжении многих лет. Во-первых, начиная с XIX в., Одесса была одним из значительных центров развития археологии не только в Украине, России, но и в Европе. В Одесском археологическом музее сосредоточены огромные коллекции древних артефактов. Открытая в 1938 г. Т.Г. Грицаем палеолитическая пещера в Ильинке возле Одессы после Великой отечественной войны привлекла исследования многих археологов, в том числе и С.Н. Биби́кова. Согласно воспоминаниям Т.Г. Грицаи именно там С.Н. Биби́ков впервые познакомился со своей будущей женой и известным палеонтологом В.И. Биби́ковой.

Сергей Николаевич Биби́ков прекрасно знал историю развития археологии в Одессе и судьбу Одесского общества истории и древностей, а поэтому принял активнейшее участие вместе с Л.М. Славиным в возрождении этого общества в 1959 г. под названием "Одесское археологическое общество". Его позиция и поддержка в высших партийных эшелонах Украины в тот период имела особое значение. Можно смело сейчас утверждать о том, что возрождение дореволюционного научного общества, хотя бы и под другим названием, в советский период было неординарным событием. Для этого потребовались усилия и настоящее мужество многих людей. Именно таким себя в то время показал и С.Н. Биби́ков. Он принимал активное участие во всех научных собраниях Одесского археологического общества, организации ознакомительных поездок на археологические памятники Северного Причерноморья, в особенности Крыма.

Как известно, эпоха энеолита, трипольская культура в Украине, были главным объектом исследований С.Н. Биби́кова. Он с большим интересом изучал в Одесском археологическом музее раннетрипольские коллекции поселения Александровка из Южного Побужья, полученные в результате раскопок А.Л. Есипенко в 1950-х гг. Г.Л. Евдокимову он рекомендовал изучить коллекцию статуэток из этого поселения, результаты исследования которых должны были стать темой его кандидатской диссертации. Этот проект не был осуществлен. Второй важной темой в трипольской проблеме для С.Н. Биби́кова была усатовская проблема. В Одесском археологическом музее в 1950-1960-х гг. этой темой занималась Э.Ф. Патокова, которая проводила и раскопки курганов в Усатово. С.Н. Биби́ков выделил усатовскую проблему отдельно для ее изучения в Институте археологии, для чего была утверждена соответствующая тема в качестве кандидатской диссертации его новому аспиранту В.Г. Збеновичу, который в 1961 г. начал раскопки курганов в Усатово, а в 1963 г. – поселения Маяки на Днестре. С.Н. Биби́ков принял личное участие в выборе археологического объекта для раскопок поселения усатовского типа у с. Маяки, обследовал его. Он, вероятно, первым обратил внимание при этом на остатки курганов возле этого поселения, которые он считал принадлежащими жителям рядом расположенного усатовского поселения. Хотя В.Г. Збенович и не провел раскопки этих курганов, но Э.Ф. Патокова, а затем В.Г. Петренко исследовали большую их часть и подтвердили, таким образом, усатовскую принадлежность этого важнейшего после Усатовского Маякского некрополя.

Еще одной важнейшей научной проблемой, которой занимался С.Н. Биби́ков, является открытие и исследование памятников культуры Гумельница на Левобережье Нижнего Дуная в юго-западных районах Одесской области и Молдавии. Памятники культуры Гумельница были распространены на Правобережье Нижнего Дуная в Румынии и были открыты еще в 1924 г. В Украине первое поселение этой культуры было обнаружено возле г. Болград Одесской области в 1960 г. Раскопками поселений этой культуры занялась трипольская экспедиция, руководимая Т.С. Пассек. С.Н. Биби́ков был давним оппонентом Т.С. Пассек и живо заинтересовался проблемой изучения культуры Гумельница на Левобережье Нижнего Дуная. Он организовал отдельную экспедицию и провел небольшие раскопки поселения Новонекрасовка на оз. Ялпук. Как всегда всесторонний тонкий научный анализ материалов поселений на Левобережье Нижнего Дуная, произведенный С.Н. Биби́ковым, привел его сначала к выводу об особой культурной принадлежности этих памятников, а затем – к отнесении их к отдельному болгарскому локальному варианту культуры Гумельница. С.Н. Биби́кову удалось разделить археологические памятники этого локального варианта на две хронологические группы: Болград-I и Болград-II.

В связи с вопросом хронологического разделения болгарского локального варианта культуры Гумельница С.Н. Биби́ковым автор доклада, еще в 80-е годы прошлого столетия, обсуждал с ним

проблему более ранних памятников, чем Гумельница, на территории Левобережья Нижнего Подунавья. Этой проблемой отчасти занимался и М.М. Герасимов, который реставрировал и опубликовал с гумельницкого поселения Вулканешты мужскую статуэтку, которая очень похожа на знаменитую статуэтку "Мыслителя" из культуры Хаманжия на территории Румынии. С.Н. Бибилов всерьез принимал тезис о возможности существования памятников культуры Хаманжия на Левобережье Дуная, которые проникли туда с Правобережья до племен культуры Гумельница. Анализ материалов из поселений культуры Гумельница этого региона, проведенный Н.Н. Скакун, также подтверждает существование более раннего культурного слоя, возможно связанного с Хаманжией, на многих поселениях болгарского локального варианта культуры Гумельница.

С указанной проблемой тесно связан и вопрос о культурно-хронологической интерпретации верхнего слоя мезолитической стоянки Мирное, исследованной В.Н. Станко. Еще во время раскопок этой стоянки автор доклада показывал керамические и кремневые материалы из верхнего слоя стоянки Мирное румынскому археологу Е. Комше и вместе с ним пришел к выводу об их отнесении к культуре Хаманжия. В 1970-х гг., в соавторстве с В.Н. Станко, автором была написана и статья "Об открытии археологических памятников культуры Хаманжия", которая не была опубликована. Опубликованные затем В.Н. Станко эти материалы, с рисунками автора доклада, отнесены к раннему этапу трипольской культуры, южные границы которой отстоят от этих мест к северу почти на 150 км.

Культурно-хронологическая интерпретация материалов из верхнего слоя мезолитической стоянки Мирное, к которому относится и часть остеологического материала, имеет принципиально важное научное значение, поскольку на остеологических материалах этой стоянки начали появляться гипотезы о северно-причерноморской или балкано-дунайской доместикиции некоторых видов домашних животных. Связь этого слоя с культурой Хаманжия снимает с повестки дня этот важный вопрос. Установление культурных комплексов высокоразвитой неолитической культуры Хаманжия на Левобережье Нижнего Дуная более надежно подтверждает гипотезы некоторых исследователей о культурных ее связях с буго-днестровской и другими неолитическими культурами Восточной Европы в столь раннее время. Наличие памятников культуры Хаманжия на Левобережье Нижнего Дуная и их культурные связи с памятниками буго-днестровской культуры на Днестре и Южном Буге являются важнейшим доказательством активных контактов неолитического населения территории Украины и Молдовы с культурами эпохи неолита Балкано-Дунайского региона в период до появления памятников трипольской культуры, стремительно развитие которой было подготовлено в предшествующее время.

Наконец, имя С.Н. Бибилова имеет прямое отношение к недавно официально установленному в Украине "Дня археолога" 15 августа. Этот день – день рождения Т.С. Пассек и он всегда отмечался во многих археологических экспедициях. Я хорошо помню, что в 1963 г., когда отмечали 60-летие Т.С. Пассек, то присутствующий на этом юбилейном ужине С.Н. Бибилов с присущим ему артистическим жестом сказал: "Теперь 15 августа, как день археолога, будут отмечать всегда во всех археологических экспедициях Украины". Это было 15 августа 1963 г. в г. Болграде Одесской области.

КАМЕННЫЙ ВЕК

ДРЕВНЕЙШИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОПУЛЯЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА: РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

На протяжении всей мировой истории, с начальных ее этапов, Кавказ являлся одним из основных транзитных коридоров для расселения человеческих коллективов по территории Евразии. Об этом свидетельствует большое количество памятников палеолитического времени, в том числе содержащих костные остатки ранних гоминид (Дманиси, Кударо I, Азых и др.) [Любин, 1998]. Вместе с тем, пространственное распределение палеолитических стоянок крайне неравномерно. Абсолютное большинство известных здесь памятников сосредоточено в центральной части Кавказа, в Закавказье или вдоль черноморского побережья. Территория Северо-восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени, в плане палеолитоведения, была изучена крайне слабо. Вплоть до начала XXI в. археологические материалы каменного века на восточном побережье Каспия были известны, в основном, только для горных районов Азербайджана и освещали развитие древних культур в этом регионе очень фрагментарно, преимущественно оставаясь в рамках мустьерского времени [Джафаров, 1999]. Территория Дагестана была изучена еще слабее: здесь набор известных палеолитических объектов ограничивался несколькими местонахождениями с поверхностным залеганием артефактов. Археологические изыскания последних лет, проводившиеся совместными экспедициями ИЭАТ СО РАН, ИА РАН и ИЭА РАН позволили значительно увеличить объем наших знаний о древнейших этапах истории этого района Кавказа, в первую очередь, благодаря данным, полученным в ходе работ на палеолитических объектах в долинах рек Рубас и Дарвагчай (Южный Дагестан) (рис. 1).

Палеолитические памятники приморского Дагестана

Приморский Дагестан представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока он огражден Каспийским морем, с запада - известковыми хребтами мелового возраста. В орографическом отношении он подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе [Голубятников, 1940].

Первые сведения о существовании палеолита на этой территории были получены М.З. Паничкиной в конце 30-х гг. XX в. (сборы у с. Геджух, среднее течение р. Дарвагчай) [Замятнин, 1950]. Дальнейшие поиски палеолитических местонахождений осуществлялись в 1950-60-х гг. В.Г. Котовичем. В ходе работ на территории предгорной зоны им было обнаружено около десятка местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала, в том числе три пункта с каменными изделиями палеолитического облика. Наиболее древние артефакты были найдены на местонахождении Чумус-Иниц (среднее течение р. Дарвагчай) и предварительно датированы В.Г. Котовичем ашельским и мустьерским временем [Котович, 1964]. В дальнейшем, основное направление археологических изысканий было перенесено им в Центральный Дагестан, а территория прибрежной равнины и предгорий долгое время оставалась за пределами внимания специалистов по каменному веку. Новый этап исследования палеолита в этих районах Дагестана начался в 2003 году и связан с работами совместной экспедиции нескольких институтов РАН (ИЭАТ СО РАН, ИЭА РАН, а также ИА РАН) под общим руководством академика А.П. Деревянко [Деревянко и др., 2004]. В ходе археологических исследований последних лет в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас (Южный Дагестан) было открыто более 20 памятников палеолита, в том числе несколько многослойных стратифицированных объектов. Хронологический интервал обнаруженных и изученных индустрий охватывает все основные этапы древнего каменного века от ранних стадий нижнего палеолита, относящихся ко времени первоначального заселения Кавказа, до развитого верхнего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейших культур на территории приморского Дагестана.

Рис. 1. Карта-схема расположения основных палеолитических памятников на территории приморского Дагестана

Нижний палеолит

Наиболее древние палеолитические комплексы были обнаружены на стратифицированных памятниках Рубас-1 (нижний комплекс) и Дарвагчай-1 [Деревянко и др., 2006а; Деревянко, Зенин, 2007]. Рубас-1 расположен по правому берегу р. Рубас (Табасаранский район Республики Дагестан) на 30-метровом террасовидном уступе. В основании разреза залегают горизонтально-слоистые темно-серые глины (сл. 6). Осадки морского генезиса, предположительно имеют плиоценовый возраст ($N_2^3_{ак}$ или древнее, до N_1^2 , устное сообщение Лещинского С.В.). На глинах, с большим хронологическим разрывом, залегает нижний культуросодержащий (ранний палеолит) слой (сл. 5) представленный тонкой гравийно-галечной прослойкой с зеленовато-серым алевритово-песчаным заполнителем. Сл. 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета, с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (сл. 4). Мощность ~ 8 м. Палинологический анализ образцов, полученных из сл. 4 показал изменение в доминировании пыльцы древесных таксонов (граб, береза, ольха, дуб) к пыльце трав (попынь, маревые) вверх по разрезу, что может характеризовать распространение открытых ценозов в это время в районе памятника. В образце из средней части слоя, в большом количестве присутствуют хламидоспоры эндомикоризного гриба *Glomus*, который является показателем почвенной эрозии. Возможно, формирование слоя происходило в прибрежной зоне, характеризующейся эрозионными процессами [Деревянко и др., 2008а]. Выше сл. 4, с большим хронологическим разрывом, залегают гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата (сл. 3). Мощность ~ 3,5-3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита (сл. 2). Мощность ~ 0,3-0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) - сл. 1. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего - верхнему палеолиту. Мощность - до 4 м [Анойкин и др., 2007].

В ходе раскопочных работ, ведущихся с 2006 г., в гравийно-галечной прослойке (сл. 5), накопление которой происходило, по-видимому, в бурной зоне древнего пляжа в начальную фазу трансгрессии моря, был обнаружен комплекс древних каменных артефактов [Деревянко и др., 2006а]. Среди угловатых обломков кремня, представляющих незначительную часть гравийно-галечной составляющей, включающую, в основном, известняки и песчаники, часть предметов были определены как артефакты. Диагностика изделий затруднена сильной "оглаженностью" поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой были частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня и образование по их краям участков с "естественной" ретушью). Площадь раскопок, в настоящее время, составляет 110 кв. м. Общее количество обнаруженных кремневых отдельностей превышает 1500 экз. [Деревянко и др., 2008а]. Окатанные обломки, в основном, имеют размеры до 5 см, хотя встречаются единичные экземпляры до 20 см по длинной оси. В общей сложности около 60 экз. кремня имеют признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на две группы: типологически выраженные изделия и предметы с предполагаемым антропогенным воздействием. Изделия первой группы представлены, в основном, сколами, легко диагностируются, имеют выраженную системность вторичной обработки и явные признаки искусственного расщепления. Предметы из второй группы, представлены обломками и осколками, видимая вторичная обработка которых не имеет четкой системы, не образует выраженных рабочих элементов и может носить "естественный" характер. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, с большой долей вероятности, образованных при естественном раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений. В целом, раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 характеризуется, в первую очередь, малыми размерами изделий (~ 2-3 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием не стандартизированных заготовок для изготовления орудий, т.к. в большинстве случаев утилизировались не сколы, а осколки, обломки. Вместе с тем, количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. Это, в основном, предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и мелкие скребловидные изделия. Вторичная отделка осуществлялась преимущественно мелкими сколами и грубой, однородной, крутой и вертикальной ретушью. Изделия крупнее 3 см малочисленны: это сколы, скребловидные орудия и единичный предмет близкий по форме и характеру обработки к простейшим рубящим орудиям типа чопперов. Предполагаемый, на

основании геологических данных, возраст вмещающих отложений, специфический характер индустрии и облик основных категорий типологически выраженных артефактов позволяют отнести эти материалы к числу микроиндустрий начальных этапов раннего палеолита. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данному индустриальному комплексу прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, датируемых Бакинским временем (Q_1b), однако, исходя из имеющихся данных, для индустрии Рубаса-1 можно предполагать более древний возраст.

Стационарные исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 (Кайтагский район Республики Дагестан) проводятся с 2005 года [Деревянко и др., 2005б]. Археологические материалы этого многослойного (5 горизонтов залегания артефактов) памятника приурочены к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы раннего неоплейстоцена (~750-550 тыс.л.н.) [Деревянко и др., 2008в].

За время исследовательских работ вскрыты плотноцементированные четвертичные отложения на площади 90 кв. м. Общее число каменных артефактов составляет более 6600 экз., включая 1984 изделий с вторичной обработкой. 98% обнаруженных предметов в разной степени окатаны, что связано с приуроченностью стоянки к прибойно-береговой полосе и, как следствие, перемещением археологического материала в субаквальных условиях пляжа [Деревянко, Зенин, 2007; Деревянко и др., 2008в]. Средние размеры орудий не превышают 3 см, предметы крупнее 5 см редки. В основном, это гальки со сколами и галечные орудия, нуклеусы и единичные крупные сколы. При этом, микролитический облик индустрии, судя по всему, не зависит от размерности и особенностей расщепления исходного сырья. Набор основных категорий орудий и характер вторичной обработки орудий практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям. Стоит отметить только появление в верхнем культурном слое (сл. 8) в числе крупных галечных орудий ручных рубил [Там же].

Первичное расщепление характеризуется применением простейших техник расщепления, включая дробление породы. Нуклеусы малочисленны, представлены, в основном, простыми формами с минимальным оформлением, с естественными или гладкими ударными площадками. Среди продуктов раскалывания преобладают аморфные и угловатые обломки, которые часто использовались и как орудийные основы, наряду с фрагментами плиток, осколками и, реже, отщепами. Во вторичной отделке основным приемом является краевая, грубая, однорядная, крутая и вертикальная ретушь. Широко применялись обивка, подтеска и приемы получения клетонских анкошей. Среди орудий преобладают скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клювовидные, острия) формы, а также зубчато-выемчатая категория изделий. Особенностью индустрии является многообразие и неустойчивость типологических форм внутри выделенных категорий орудий. Высокий процент орудий (более 20 %) позволяет интерпретировать рассматриваемые ассамбляжи как остатки разновременных поселенческих комплексов [Там же].

Раннепалеолитические комплексы Рубаса-1 и Дарвагчай-1 являются одними из древнейших в этой части Кавказа и, видимо, предшествуют появлению здесь классических ашельских индустрий, отличаясь от них по ряду важных технологических особенностей.

Индустрии более позднего периода представлены разовыми находками ашельских рубил в бассейне рек Дарвагчай и Дюбекчай, а также частью материалов сл. 8 Дарвагчай-1, поверхностных сборов с памятников Чумус-Иниц, Тинит-1, Шор-Доре, проведенных в 2005-2007 гг. [Деревянко и др., 2005а; Деревянко и др., 2005в; Деревянко и др., 2007в].

Наиболее характерной чертой этих комплексов является присутствие в части из них крупных бифасиально обработанных орудий. При этом наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории отмечены в сл. 8 памятника Дарвагчай-1 и в аналогичных отложениях местонахождения Дарвагчай-залив-2. Из четырех найденных здесь рубил три орудия – галечные (два - небольших размеров), симметричные, с необработанным основанием; одно - на очень крупном массивном сколе [Деревянко и др., 2007в]. Стратиграфически более поздние бифасы известны из местонахождений Дюбекчай, Дарвагчай-карьер, Чумус-Иниц и имеют явный ашельский облик. Однако их точная периодизация в рамках ашельского времени пока неясна.

Сопутствующий бифасам археологический материал может быть выделен менее уверенно, т.к. в основном, он происходит из поверхностных сборов с различных местонахождений, где помимо собственно раннепалеолитического компонента присутствуют артефакты существенно более поздних эпох. Исключение составляет сл. 8 Дарвагчай-1, где комплекс с бифасами имеет четкую стратиграфическую привязку, однако характер формирования памятника не позволяет считать данную индустрию гомогенной и позволяет определить лишь ее общие хронологические рамки. Таким образом, выделение группы раннепалеолитических изделий на остальных археологических объектах производилось на основе морфологии и типологии отдельных предметов, с учетом геологической

ситуации в районе сборов и предполагаемого культурно-хронологического контекста. В основном, это простые, дисковидные и радиальные ядрища, галечные орудия (чопперы), крупные массивные скребла и грубые скребки, выделяющиеся из общего контекста, как морфологией, так и значительной деградацией поверхности, вследствие коррозийных воздействий среды. Коллекция этих предметов небольшая и насчитывает 3 экз. с Тинита-1, около десятка предметов с Чумус-Иниц (из 117 экз., включая материалы сборов В.Г. Котовича в 1953 г.) и примерно такое же количество артефактов с местонахождения Дарвагчай-залив-2 (из 89 экз.) и с пунктов 2 и 4 из балки Шор-Доре (из 68 экз.).

Средний палеолит

Развитый средний палеолит представлен в основном комплексе находок с группы местонахождений Рубас-2-5 (всего 85 экз.) и Рубас-1 (средний комплекс) (всего 77 экз.). Данный археологический материал связан с древней галечно-конгломератной толщей аллювиального происхождения [Дервянко и др., 2005г; Дервянко и др., 2006б]. Видимо, в этих же культурно-хронологических рамках находится часть коллекций поверхностных сборов с памятников Тинит-1, Чумус-Иниц, Дарвагчай-залив-2, Шор-Доре (пункты 1-6), а также артефакты из строительного карьера в нижнем течении р. Количи (18 экз.) [Дервянко и др., 2004; Дервянко и др., 2005в; Дервянко и др., 2007в]. В этих коллекциях, наряду с большим количеством простейших форм плоскостных нуклеусов, хорошо представлены радиальные формы и леваллуазские ядрища для острий и отщепов. Огранка дорсалов реализованных сколов преимущественно параллельная и субпараллельная. Среди остаточных ударных площадок около 2/3 составляют гладкие, однако заметно представлены также фасетированные, двухгранные и естественные. Во вторичной отделке основным приемом являлась ретушь, в основном, одно- и двухрядная, полукрутая и крутая, дорсальная, часто модифицирующая. Применялись различные приемы получения клетонских анкошей, отмечены случаи подтески, резцовых снятий и тронкирования заготовок. В инвентаре представлены интенсивно ретушированные скребла, шиповидные орудия (в том числе и небольших размеров, близкие по морфологии артефактам Дарвагчай-1), значителен процент зубчато-выемчатых изделий, есть единичные экземпляры леваллуазских технических и целевых (острия и отщепы) сколов и мустьерских остроконечников. Также присутствует одно крупное изделие с элементами бифасиальной обработки. Верхнепалеолитическая группа орудий не выразительна и малочисленна, представлена, в основном, атипичными скребками на отщепах.

Верхний палеолит

Поздние этапы палеолитического времени характеризуют артефакты, связанные с мощными лессовидными суглинками, венчающими разрезы на стоянках Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1 [Анойкин и др., 2007; Дервянко и др., 2008б]. Возможно, к верхнему палеолиту относится и незначительная часть коллекций поверхностных сборов (группа не дефлированных артефактов) в окрестностях стоянки Тинит-1 и с местонахождений Чумус-Иниц, Дарвагчай-залив-2 и Шор-Доре. Наиболее яркими элементами в группе подъемных материалов являются нуклеусы с использованием системы торцового расщепления; тонкие, геометрически правильные пластины; скребки и долотовидные орудия.

Позднепалеолитический комплекс находок на Рубасе-1 изучался в 2006-2007 гг. серией из 5 шурфов, общей площадью 20 кв. м, перекрывающих участок около 1000 кв. м. В ходе раскопочных работ была вскрыта толща отложений мощностью до 7 м. (сл. 1-2 в сводной стратиграфической колонке памятника, см. выше) [Дервянко и др., 2007а, б]. Наиболее полно литология участка представлена в стратиграфическом разрезе шурфа 1, где зафиксировано семь уровней залегания археологического материала палеолитического облика [Там же]. Всего в ходе работ на объекте было обнаружено 1224 экз. каменных артефактов, связанных с верхним комплексом находок.

Характерной особенностью индустрии является наличие в коллекции большого количества обломков и осколков (более 600 экз.), а также частое использование их в качестве орудийных заготовок. Возможно, это связано с особенностями утилизируемого сырья, т.к. кремневые отдельности, обрабатываемые древними обитателями долины Рубаса, имели много внутренних дефектов. Видимо этим, в определенной степени, объясняются и небольшие размеры реализованных сколов. В коллекции отмечены единичные случаи переоформления или использования для дальнейшего расщепления более древних артефактов. Среди ядрищ доминируют простые нуклеусы параллельного принципа скалывания, также встречаются торцовые и подпризматические разновидности, а в нижних горизонтах отмечены 2 изделия, использовавшиеся для производства леваллуазских заготовок. О присутствии в

этих горизонтах остройной разновидности леваллуазской техники, кроме нуклеусов, также свидетельствуют находки технических сколов оформления рельефа ядрищ и, косвенно, несколько леваллуазских остроконечников, обнаруженных при поверхностных сборах на участке проведения работ.

Примечательно, что хотя большинство нуклеусов предназначалось для получения пластинчатых сколов, процент пластин в ассамбляжах незначителен, что может объясняться как ограничением размера заготовок, накладываемым использованным сырьем, так и поведенческой стратегией, когда большая часть полученных пластинчатых сколов выносилась за пределы производственной площадки.

Анализ сколов показал общую для всех горизонтов тенденцию на преобладание предметов с гладкими остаточными ударными площадками и субпараллельной, гладкой и продольно-поперечной огранкой дорсала. Стоит отметить, что в нижних горизонтах лучше представлены сколы с фасетированными ударными площадками, а в верхних – с точечными и линейными. Фиксируется высокая степень встречаемости различных технических приемов редукции карниза (в среднем около 40 % среди определяемых площадок для сколов). В нижних горизонтах основными приемами являлись удаление карниза сколами и обратное сколовое редуцирование ударной площадки, в верхних - прямое редуцирование ударной площадки сколами. Термины "снятие карниза", "редуцирование площадки", и "обратное редуцирование" используются в значениях предложенных П.Е. Нехорошевым [Нехорошев, 1999].

Во вторичной отделке основным приемом являлась ретушь, в основном, одно- и двухрядная, разнофасеточная, полукрутая и крутая, слабо модифицирующая, в большинстве случаев дорсальная. Также применялась подтеска и резцовое скалывание. Анкоши практически всегда подрабатывались ретушью. В инвентаре верхних горизонтов основными категориями орудий являются концевые скребки на отщепах, резцы, проколки, шиповидные изделия. В нижних горизонтах заметный процент составляет группа скребел, фиксируется присутствие леваллуазских не ретушированных сколов (остроконечники и отщепы), в единичных экземплярах присутствуют скребок высокой формы и мустьерский остроконечник. Группа зубчато-выемчатых форм представлена во всех горизонтах, но более многочисленна в нижних.

Общая характеристика продуктов первичного расщепления, облик ядрищ и орудийного набора, а также стратиграфическое положение позволяет отнести археологический материал верхнего комплекса Рубаса-1 к верхнепалеолитическому времени. При этом нижние горизонты, возможно, относятся к финалу среднего - рубежу среднего/верхнего палеолита. Об этом свидетельствует присутствие леваллуазской техники в ассамбляже нижних горизонтов, а также использование технического приема "снятия карниза" сколами, более характерного для среднепалеолитических техник расщепления. Общий позднепалеолитический возраст комплекса косвенно подтверждается и резким отличием его по составу орудийного набора от индустрий развитого среднего палеолита региона, в целом, и долины р. Рубас, в частности (бифасиальные изделия, ретушированные остроконечные заготовки, специфические формы скребел).

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрии верхнего комплекса Рубаса-1 относятся, видимо, и материалы многослойной стоянки Тинит-1 (Табасаранский район Республики Дагестан). Стоянка была открыта в 2007 г. и ее изучение находится в начальной стадии [Деревянко и др., 2007в, 2008б].

Участок местности, в пределах которого расположен памятник, представляет собой глубоко врезанную узкую долину небольшого ручья (правый приток р. Рубас), по бортам которой фиксируется серия разновысотных нечетко выраженных террасовидных поверхностей, местами сливающихся друг с другом. Их цоколь сложен прибрежно-морскими отложениями акчагыльского возраста (N_2^{3ak}), представленными преимущественно глинами и песчаниками [Геологическая..., 1961]. Морские осадки перекрыты мощным (до 20 м) чехлом склоновых отложений, обильно насыщенным обломочным (глыбово-щебнистым) материалом. Толща обломочных склоновых отложений, в свою очередь, перекрывается пачкой лессовидных суглинков с редкими включениями щебня и современной почвой. Сам памятник расположен на эрозионном останце, отделенном от основного тела предгорного пролювиально-склонового шлейфа врезом временного водотока, что прервало поступление грубообломочного материала со склонов хребта. Венчающая останец пачка лессовидных отложений, с которой связан стратифицированный археологический материал, имеет большую мощность (до 12–15 м) [Деревянко и др., 2007в].

В ходе работ 2007-2008 гг. на объекте был раскопан участок площадью 6x5 м. Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину примерно 3 м, а на участке 2x2 м - до 5 м. На объекте выделено 8 литологических слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического

материала (Деревянко и др., 2008б). Вскрытые отложения представляют собой толщу субгоризонтально залегающих, переслаивающихся монотонных темно-коричневых и серо-коричневых суглинков, с незначительным содержанием мелкого обломочного материала, на отдельных участках сильно биотурбированных (большое количество нор грызунов). Генезис - золово-делювиальный [Там же].

При раскопках обнаружено 466 экз. каменных артефактов, изготовленных из кремня и сильно окремненных пород, залегающих в коренных условиях на расстоянии 1-2 км от стоянки. Планиграфический анализ, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что археологического материал залегают *in situ*, и претерпел минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Практически все изделия имеют горизонтальную или близкую таковой ориентацию, небольшой вертикальный разброс внутри археологических горизонтов (а. г.) и согласное залегание относительно вмещающих геологических тел. Основной массив находок (а. г. 2-6) связан со средней частью разреза (сл. 3-4) и насыщенность артефактами резко снижается к подошвенной части.

Особенности распределения каменного материала в археологических горизонтах, его качественная и количественная характеристика, позволяют определить памятник Тинит-1 как многократно посещаемый кратковременный охотничий лагерь. Это может подтверждаться такими параметрами, как малое количество артефактов в пределах горизонта; их небольшое распространение по площади; низкий процент орудий, среди которых преобладают сколы с ретушью, остроконечные формы и ножи; насыщенность отложений мелкими частицами древесного угля. В пределах стоянки велась эпизодическая деятельность по первичному расщеплению камня, что подтверждает наличие локализованных рабочих площадок и большой процент апплицирующихся изделий.

Технико-типологический анализ обнаруженных индустрий позволяет отнести их к широкому культурно-хронологическому интервалу в рамках верхнего - финала среднего палеолита. Среди ядрищ преобладают простые нуклеусы параллельного принципа расщепления, как правило, сильно сработанные, направленные, в основном, на получение пластинчатых заготовок. Среди сколов пластины составляют значительную долю (в некоторых а. г. до 40%), и чаще использовались как орудийные основы. Анализ сколов показал общую для всех горизонтов тенденцию на преобладание предметов с гладкими остаточными ударными площадками и субпараллельной огранкой дорсала. В верхних горизонтах присутствуют также точечные и линейные разновидности, на многих фиксируется прием редуцирования сколами с последующей пришлифовкой. В нижних горизонтах (начиная с а. г. 6) значимый процент составляют сколы с фасетированными остаточными ударными площадками, незафиксированные в вышележащих уровнях.

Во вторичной отделке основным приемом являлась ретушь, в основном, краевая одно- и двухрядная, мелкая, чешуйчатая, полукрутая и крутая, дорсальная. На единичных предметах фиксируются ее субпараллельная разновидность и перенос подработки на вентральную плоскость. Также применялась подтеска и резцовое скалывание. Анкоши мелкие, часто подправленные ретушью. Орудийный набор количественно незначителен, а основная часть типологически выраженных форм происходит из верхних а. г. Здесь представлены скребки, резцы, ножи, долотовидные изделия, слабо ретушированные остроконечные заготовки, выемчатые орудия и ретушированные пластины. В нижних а. г. типологически значимых орудийных форм, кроме единичных не ретушированных сколов близких по морфологии леваллуазским, не выявлено.

Материалы а. г. 1-5 по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду позднего палеолита. Об этом, кроме состава орудий, свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола - редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах, напротив, фиксируется использование более архаичных техник расщепления, о чем свидетельствуют фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; присутствие технических сколов оформления леваллуазских ядрищ и сколы, морфологически близкие целевым леваллуазским заготовкам. Это позволяет, на данный момент, соотносить ассамбляжи а. г. 6-11 с финалом среднего палеолита и, возможно, более ранними его этапами.

Заключение

Исследования последних лет, проводимые в приморском Дагестане, позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона и представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних этапов. Нижнепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 позволяют рассматривать Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий. Их характеризует применение простейших техник расщепления, включая дробление породы, частое использование для изготовления орудий не

сколовых основ, малые размеры предметов (~ 2-3 см), а также слабая типологическая выраженность и неустойчивость орудийных форм, среди которых преобладают скребловидные, остроконечно-шиповидные и выемчатые категории изделий. Эти материалы дополняют существующие представления о начальных этапах освоения человеком пространства Евразии; происхождении и развитии древнейших микролитических индустрий, предположительно возникших около 2 млн. лет назад в Африке (Омо и др.), а затем распространившихся на территорию Леванта (Бизат Рухама), Европы (Изерния ла Пинета и др.) и Центральной Азии (Кульдара) [Дервянко, Зенин, 2007].

Более поздние материалы нижнего палеолита демонстрируют появление на территории Дагестана комплексов с классическими ашельскими рубилами, хорошо известных по находкам на памятниках Центрального Кавказа и черноморского побережья. Развитые среднепалеолитические индустрии характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления (отщеповая и конвергентная острыйная), наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников, а также представительной группой зубчато-выемчатых изделий и единичными вещами с бифасиальной обработкой.

Для верхнепалеолитических технокомплексов приморского Дагестана характерна торцовая, подпризматическая, а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок, с редуцированием ударной площадки подтеской и шлифовкой. Орудийные наборы малочисленны, в них присутствуют концевые скребки, резцы и проколки с выделенным жалом, а также изделия с подтеской и редкие скребла, при сохраняющейся представительности зубчато-выемчатых форм.

Имеющиеся на настоящий момент коллекции, не смотря на свою малочисленность, позволяют изучать развитие финальных среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий в предгорной зоне западного каспийского побережья на более качественном уровне. Это, в первую очередь, связано с тем, что большая часть полученных материалов имеет четкую стратификацию и относительную хронологию, т.к. они происходят с многослойных стоянок с залеганием археологического материала *in situ*. Переотложенный характер более ранних комплексов демонстрирует наличие на данной территории древних разрушенных стоянок и ставит проблему поиска стратифицированных памятников начальных стадий палеолита с инситуальными культурными горизонтами.

Список литературы

Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Палеолитический многослойный комплекс стоянки Рубас-1 (Республика Дагестан): предварительные результаты // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Т. I. – Иркутск, 2007. – С. 14-25.

Геологическая карта СССР масштаба 1:200000. Лист К-39-ХІХ, ХХ. Объяснительная записка. – М., 1961.

Голубятников В.Д. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. – М.-Л., 1940.

Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 65-69.

Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – С. 49-53.

Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Чепалыга А.Л. Палеолитическое местонахождение Бакинского времени Дарвагчай-І // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. – С. 68-74.

Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы местонахождения Чумус-Иниц (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005в. – С. 54-58.

Дервянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А., Кулик Н.А. Комплекс палеолитических местонахождений в среднем течении реки Рубас (Южный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 59-62.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Лещинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы

археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006а. – С. 65-70.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лещинский С.В., Кулик Н.А. Новые данные о палеолитическом местонахождении Рубас-1 (Южный Дагестан) по материалам раскопок 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006б. – С. 77-82.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Археологические материалы верхнего-среднего палеолита стоянки Рубас-1 (по результатам раскопок 2007 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007а. – С. 60-65.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Новые данные о позднепалеолитических комплексах местонахождения Рубас-1 (по материалам разведочных шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007б. – С. 66-71.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 - новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск. 2007в. – С. 72-77.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Рудая Н.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2008 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008а. – С. 42-47.

Дервянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования палеолитической стоянки Тинит -1 (Южный Дагестан) в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008б. – С. 36-41.

Дервянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В. Исследования стоянки Дарвагчай-1 в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008в. – С. 48-51.

Дервянко А.П., Зенин В.Н. Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (32). – С. 29-51.

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. – Баку, 1999.

Замятнин С.Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936-1948гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. – Вып. 2. – М.-Л., 1950. – С. 135-136.

Котович В.Г. Каменный век Дагестана. – Махачкала, 1964.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб., 1998.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европейский Дом, 1999.

СЫРЬЕВАЯ БАЗА КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ КАВКАЗА В РАННЕМ И СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ*

В пределах Кавказской горной страны представлены практически все разновидности пригодных для расщепления и использовавшихся в палеолите горных пород – как осадочных, так и магматических. Это позволяет говорить о высоком в целом сырьевом потенциале Кавказа в период палеолита. Размещены эти породы, однако, неравномерно и приурочены к разным территориям: магматические распространены в срединной полосе Кавказского перешейка и, прежде всего, в области Армянского вулканического нагорья, а осадочные – в полосе, окаймляющей Большой Кавказ. Соответственно, на Кавказе можно выделить две основные сырьевые, или петрографические провинции – Срединно-кавказскую и Большекавказскую (рис. 1). Помимо них небольшие месторождения пригодных для расщепления осадочных пород существуют еще лишь на отдельных участках Малого Кавказа [Любин, Беляева, 2005].

Каменное сырье в палеолите – в особенности, в раннем и среднем – было поистине жизненно важным ресурсом. Подтверждением этому служит тот факт, что районы Кавказа, обделенные этим сырьем (к примеру, равнинная часть Ставрополя), в эпоху палеолита оставались почти незаселенными. Более того, наложение карт дислокации каменного сырья (рис. 1) и карты размещения палеолитических стоянок (рис. 2) показывает почти полное их совпадение. Порой, правда, когда люди обретали "комфортные" пещерные убежища, они мирились с их удаленностью от выходов качественного сырья и довольствовались скудным или же низкокачественным местным сырьевым материалом (например, пещеры Сочинского Причерноморья и Треугольная пещера на Кубани). Однако в целом, как правило, люди селились либо в непосредственной близости от источников каменного сырья либо на небольшом удалении от них.

Приступая к характеристике сырьевой базы кавказских индустрий, мы считаем необходимым в самом начале определить применяемые в этом анализе понятия. Индустрии, в которых производилось исключительное или преимущественное расщепление только одного определенного вида сырья, определяются как моносырьевые. Если же индустрия сочетает широкое использование сразу нескольких пород камня, она относится к полисырьевым. Что касается мест добычи сырья, то мы делаем различие между первичными и вторичными источниками. Первичные источники – это коренные выходы пород, а вторичные – места, где каменное сырье аккумуляровалось после переноса водой или иными природными агентами на определенное расстояние от его месторождений. Примерами вторичных источников являются речные галечники, флювиогляциальные отложения и т.п.

Рассмотрим теперь подробнее каждую из двух обозначенных нами петрографических провинций Кавказа и приуроченные к ним ранне- и среднепалеолитические памятники.

Большекавказская петрографическая провинция

Провинция эта богата преимущественно осадочными породами, среди которых для людей каменного века наибольшую ценность представляли разнообразные кремнистые породы, а также сланцы и песчаники, обладавшие такими полезными физическими свойствами как плотность, прочность и твердость, способность расщепляться в желаемом направлении, давая при этом гладкие поверхности раскола и острые режущие края.

Наиболее кондиционными технологическими свойствами обладали кремнистые породы – прежде всего, разные типы кремня, а также кремнистые сланцы, лидиты, халцедонолиты и некоторые другие. Они встречаются на Большом Кавказе, главным образом, в толщах известняков юрского и мелового возраста в виде конкреций, желваков, сростков причудливой формы и пластов. Рассматриваемые толщи известняков, образовавшиеся в глубоких морях, окаймлявших палеокавказскую островную сушу в мезозое, простираются на всем протяжении северного склона современного Большого Кавказа – от плато Лагонаки в Прикубанье до р. Самур в Дагестане – и на

□ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 07-01-00089а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Историко-культурное наследие и духовные ценности России".

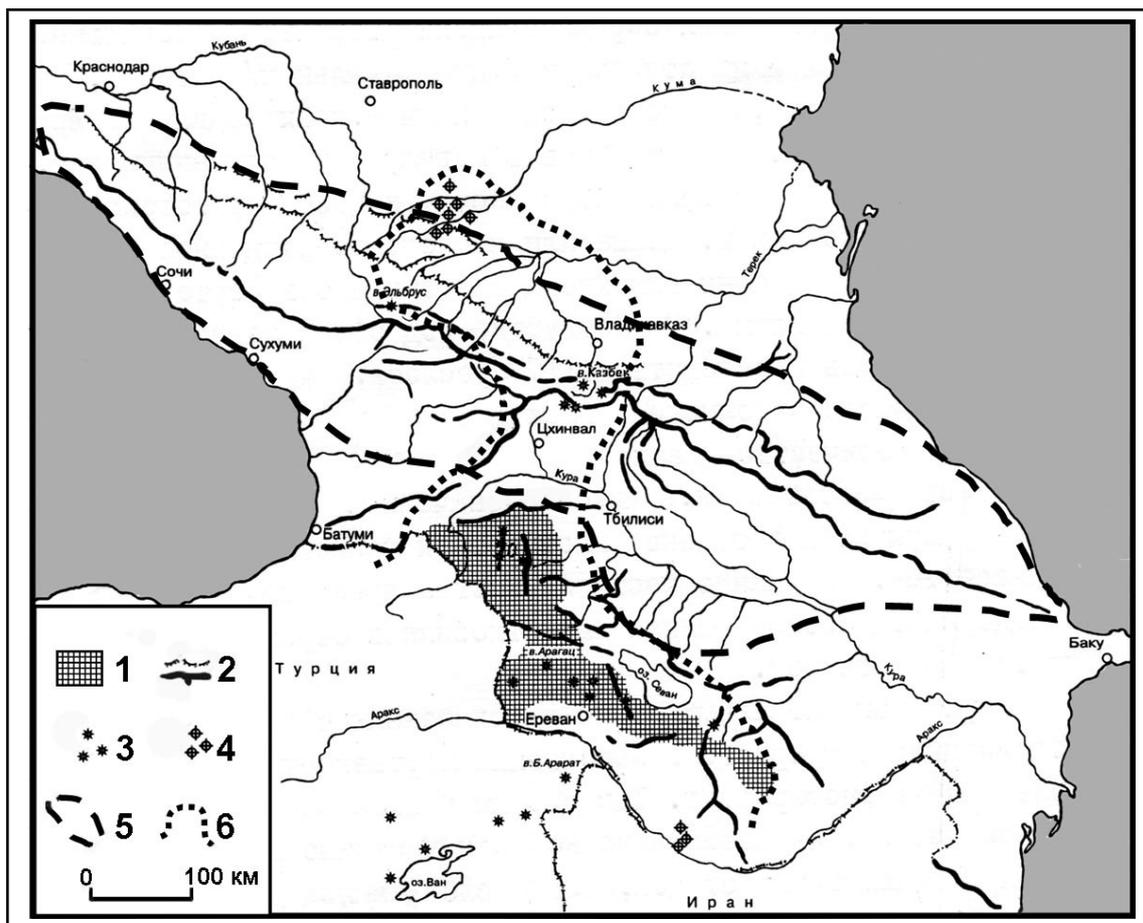

Рис. 1. Карта главных петрографических провинций, выделяемых в палеолите Кавказа:

1 – Армянское вулканическое нагорье (в пределах территорий Армении и Грузии); 2 – горные хребты; 3 – вулканы; 4 – субвулканические горы; 5 – примерные границы Большекавказской провинции осадочных пород; 6 – примерные границы Срединно-кавказской провинции вулканических пород

западной (колхидской) части его южного склона [Гвоздецкий, Маруашвили, 1977, с. 191]. Известняки эти слагают передовые хребты западной и центральной части северного склона Большого Кавказа (Скалистый, Пастбищный и Лесистый хребты), а в восточной части – горы внутреннего Дагестана. На южном склоне известняками верхней юры и мела сложены хребты Алек-Ахцу, Гагринский, Бзыбский, Рачинский и отроги Кодорского.

Однако кремневое сырье встречается в этих морских карбонатных породах этих хребтов далеко не повсеместно. Оно представлено, в основном, в известняковых толщах западной и восточной оконечностей Кавказского хребта, которые, по всей видимости, были втянуты в сводовое поднятие Большого Кавказа позже и где дольше сохранялся морской режим. В известняках же более интенсивно поднимавшейся центральной части хребта морской режим сменялся лагунным и имел место более сильный смыв терригенного материала, что не способствовало, очевидно, образованию органогенных кремнисто-карбонатных осадков. По этой причине, вероятно, накопление кремния на обширном участке известняков центральной части северного склона Большого Кавказа было минимальным или же не происходило вовсе. Именно поэтому, как кажется, следы обитания палеолитических людей на этом участке не очень значительны. Периодическое пребывание их в таких районах было возможно лишь потому, что дефицит кремневого сырья отчасти компенсировался за счет использования другого более или менее подходящего местного сырья (кремнистый известняк, алевролит, роговик, микрокварцит и т.п.).

Особое внимание следует обратить на распространение высококачественного кремня, который являлся наиболее ценным сырьем. Основные месторождения хорошего кремневого сырья на Большом Кавказе, насколько это известно в настоящее время, имеются только в нескольких районах – на Северо-Западном Кавказе, в Абхазии и в Имеретии (Зап. Грузия). На Северо-Западном, или Кубанском Кавказе они расположены, в основном, на довольно ограниченной территории средней части бассейна р. Кубань (участок между верховьями рек Белой и Лабы); в Абхазии – в районе горы Яштух близ Сухуми, на склонах Бзыбского хребта; в Имеретии – на высоких платообразных берегах р. Квирилы, близ сел. Сакориа, Сарбеби, Кажнари (Сачхерский р-н Грузии). Эти районы будут рассмотрены нами наиболее подробно, поскольку именно в них сосредоточены самые значимые и богатые материалом памятники. Обзор будет построен в целом по географическому принципу.

Сырьевая база памятников Северо-западного Кавказа

Основная часть территории Северо-западного Кавказа совпадает с бассейном р. Кубань, а потому его часто именуется Кубанским Кавказом. Большинство ранне- и среднепалеолитических памятников Кубанского Кавказа приурочено, как отмечено выше, к Белореченско-Лабинскому междуречью. Здесь сосредоточено около 80% ныне известных палеолитических памятников всего Северного Кавказа. В Белореченско-Лабинском секторе средней части бассейна р. Кубань имеются достаточно обильные источники хорошего кремневого сырья – как первичные, так и вторичные. В верховьях кубанских рек Белая и Лаба и их притоков Курджипис, Фортепьянка, Семияблоня, Средний Хаджох, Фарс, Псефирь, Губс и ряда других кремневые стяжения (конкреции, сростки, желваки) находятся в толщах верхнеюрских (оксфорд-кимеридж) известняков, которые весьма варьируют по своей мощности, структуре, текстуре, цвету и т.д. В бассейне р. Белой они, согласно заключению Н.А. Гвоздецкого [1981], состоят из трех горизонтов: верхнего – светлых коралловых известняков, среднего – концентрически-слоистого известняка и нижнего – плотного губкового известняка с кремневыми желваками. В известняках ущелья р. Губс, специально обследованного Н.А. Гвоздецким [1994], столь резко выраженной слоистости не наблюдается. Различия в условиях осадконакопления при формировании тех или иных известняков и в образующих их компонентах сказались на характере заключенных в этих толщах кремней. Первичные источники кремня известны далеко не всегда: некоторые разновидности его встречены только во вторичном залегании – в галечниках речных террас и в руслах крупных и мелких рек.

Петрографические исследования закубанских кремней до сих пор не производились. По этой причине, исследуя сырьевой аспект индустрий этого района, мы вынуждены исходить из собственных визуальных наблюдений и анализа опубликованных по этому вопросу данных. Итак, рассмотрим последовательно характер кремневого сырья в коллекциях из наиболее важных палеолитических памятников Закубанья, исследовавшихся А.А. Формозовым, П.У. Аутовым, Л.В. Головановой и авторами настоящей работы.

Начнем с хорошо известного Абадзехского верхнеашельского местонахождения. Оно было открыто в 1958 г. П.У. Аутовым и исследовалось им в течение ряда лет [Аутов, 1963]. Местонахождение доставило наиболее богатую в пределах Северного Кавказа коллекцию домусьерских изделий: только в сборах П.У. Аутова насчитывается более 4400 предметов [Аутов, 1988, с. 7]. Находки распространялись на огромной площади почти в 30 кв. км – в русле р. Фьонт (правый приток р. Белой) и других мелких ручьев, на поверхности 10-30-метровых террасовых уровней Фьонта и в их покровном чехле [Аутов, 1981, с. 15; Несмеянов, 1986, с. 14]. На основе многолетних наблюдений над особенностями распространения изделий на местности и степенью их сохранности П.У. Аутов приходит к выводу о том, что первоначально абадзехские кремни могли залегать в древнем аллювии, сохранившихся на водораздельных плато близлежащих Волчьих гор и Шахан-горы. Не рассматривая специально свойства сырья, исследователь упоминает о наличии "разнопородных" кремней, что, по его мнению, наряду с неодинаковыми условиями залегания объясняет разную степень патинизации изделий [Аутов, 1963, с. 21-22].

Беглый просмотр находок позволяет нам заключить, что исходное сырье действительно включает несколько разновидностей кремня. Об этом, на наш взгляд, говорят следующие признаки: наличие на предметах то галечной, то желвачной корки, варьирование цвета кремня от темно-серых и коричневатых оттенков до желтой, порой желто-медовой крапчатой окраски. Однако все эти разновидности кремня практически не отличаются по технологическим качествам. В этом отношении высококачественное кремневое сырье Абадзехского выглядит однородным. Обилие находок в целом и изделий из разных видов кремня, в частности, предполагает местное происхождение всего сырья. Хотя источники его не были точно определены, можно полагать, что желваки собирали у близлежащих

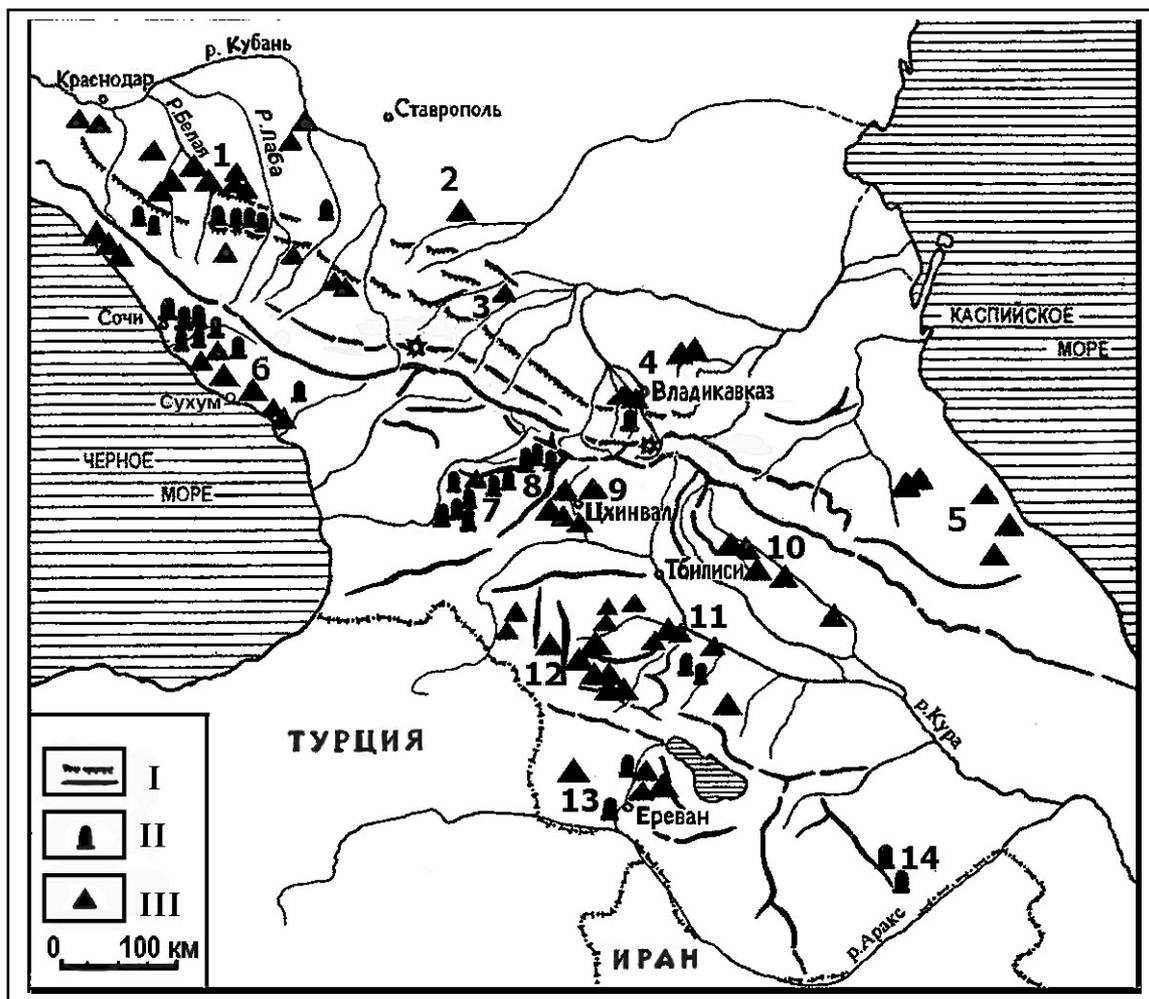

Рис. 2. Размещение основных ранне- и среднепалеолитических памятников Кавказа.

I – горные хребты; II – стратифицированные пещерные стоянки; III – местонахождения и стоянки открытого типа. 1-памятники бассейна р. Кубань (Ильская 1 и 2, Игнатенков куток, Абадзехская, Фортепянка, Курджипис, Средний Хаджох, Шахан, пещеры Матузка, Мезмай, Монашеская, Баракаевская, Треугольная и др.); 2-стоянка Кинжал; 3-местонахождение Заюково; 4-североосетинско-ингушская группа памятников (Лысая гора, пещера Мыштулагты-лагат, Гамурзиево, Плиево и др.); 5-дагестанская группа памятников (Дарвагчай, Рубас, Айникаб, Сагацук и др.); 6-Причерноморские памятники (Азербиевское, Тенгинское, Кадошское, Широкий мыс, Богос, Яштух, пещеры Ахштырь, Малая Воронцовская, Навалишенская, Кепшинская, Мачагуа и др.); 7-имеретинская группа стоянок (пещеры Джрочула, Орвала-клде, Сакажиа, Орвала, Бронзовая, Дзудзуана, Гварджилас-клде и др.); 8-кударская группа памятников (Кударо 1, Кударо 3, Цона); 9-цхинвальская группа памятников (Лаше-балта, Тигва, Кусрети, Тамарашени, Морго и др.); 10-кахетинская группа местонахождений; 11-западно-азербайджанская группа памятников (Юкары-Салахлы, пещеры Дашсалахлы, Дамджилы и др.); 12-ахалкалакско-джавахетская группа памятников (Амиранис- Гора, Кумурдо, Ахалкалаки, Персати, Чикиани, Дманиси, Даштадем 1-3, Благодарное 1-4, Мурадово, Куртан и др.); 13-центрально-армянская группа памятников (Сатанидар, Джрабер, Атис, Арзни, Мулки, пещеры Ереванская, Лусакерт и др.); 14-карабахская группа стоянок (пещеры Азых, Таглар, Зар)

обнажений кремнесодержащих известняков, а кремневые гальки – на упомянутых древних галечниках. Таким образом, речь идет о сырьевых источниках двоякого рода – первичных, связанных с коренными выходами кремня, и вторичных, аллювиальных.

Нельзя не согласиться с П.У. Аутлевым, что основная масса находок претерпела неоднократные перемещения: наблюдается большая или меньшая окатанность предметов, а также частые повреждения. Бросаются в глаза и признаки, говорящие о различиях в условиях залегания некоторых кремней: черно-серый налет на одних предметах и люстраж – на других. Различия в патинизации отдельных находок могут объясняться этими же причинами, но мы, в отличие от мнения П.У. Аутлева, допускаем помимо этого и хронологическую неоднородность данного материала. Основной массив находок вполне правомерно относить к верхнему ашелю, но технико-морфологические характеристики некоторых изделий и наличие предметов с двойной и даже тройной патиной, а также – изредка – с глубокой выветрелостью указывают на вероятную примесь как более древнего, так и более позднего материала.

Наряду с Абадзехским к довольно значительным местонахождениям Кубанского Кавказа относятся Курджипс и Фортепьянка. Местонахождение Курджипс расположено в южных окрестностях г. Майкопа, в долине р. Курджипс, впадающей здесь в р. Белую в качестве левого притока. В долине расположенного чуть севернее притока р. Белой находится местонахождение Фортепьянка. А.А. Формозов считает, что здесь фактически имеется единое обширное местонахождение, распространяющееся на русла трех соседствующих рек – Курджипса с его притоком Лучкой и Фортепьянки. Изначально материалы этого местонахождения, по его мнению, находились на высокой миндельской террасе левого берега р. Белой, на мысу при впадении в нее р. Курджипс, откуда они путем неоднократных перемещений водными потоками попали в русла названных рек [Формозов, 1952, с. 31-33; 1965, с. 20-21]. Реконструкцию такого рода разделяет Л.В. Голованова, помещающая местонахождения Курджипса и Фортепьянки во временной интервал от начала до конца среднего плейстоцена [Голованова, 1986, с. 15]. П.У. Аутлев, однако, рассматривает Фортепьянковское и Курджипское местонахождения раздельно, относя первое к среднему ашелю, а второе – к раннему мустье [Аутлев, 1981, с. 17, 28].

В результате работ 1968 г. П.У. Аутлев выяснил, что кремневые изделия распространены в русле р. Курджипс на протяжении 25 км от устья, и установил связь находок с левобережной террасой, которая сейчас возвышается над тальвегом Курджипса на 35-40 м. В то же самое время он обнаружил "палеолитоносный" пласт древнего галечника на самой высокой точке гор Панского бугра и Лутайки в окрестностях станицы Курджипской [Аутлев, 1969, с. 95]. К сожалению, эта информация не была раскрыта должным образом в дальнейших публикациях исследователя. Собранный на Курджипском местонахождении коллекция обработанных кремней состоит из 576 предметов, а на Фортепьянке – из 378 [Аутлев, 1981, с. 14, 28]. Материалом для их изготовления служил кремнь табачно-желтого цвета, реже – слабо просвечивающий темный со светлыми пятнами, добывавшийся в виде галек [Формозов, 1952, с. 33]).

По мнению Л.В. Головановой, геоморфологические позиции материалов Курджипса и Фортепьянки, а также их технико-типологический анализ говорят о близости их к материалам Абадзехского местонахождения, что позволяет объединить эти индустрии в качестве "локальной группы позднеашельских памятников" Северного Кавказа. В каждом из этих памятников, как указывает далее эта исследовательница, использовалось разное сырье, но качества его оказывали незначительное влияние на технические показатели индустрий [Голованова, 1986, с. 17, 20]. Первый вывод о культурно-хронологическом единстве этих памятников весьма спорен. Во-первых, его обоснование должно опираться не на приведенные суммарные данные об их инвентаре, а на развернутый анализ каждого ансамбля с последующим их сопоставлением. Во-вторых, гомогенность и одновременность материалов этих местонахождений не доказана и имеются, как отмечалось, основания для иных оценок данных коллекций. Характеристика же сырьевой базы названных памятников представляется правомерной, хотя, на наш взгляд, можно внести в нее некоторые коррективы и дополнения. Разновидности кремней, использовавшихся на названных местонахождениях бассейна р. Белой, столь близки по своим поделочным качествам, что допустимо рассматривать их в целом, используя такое понятие как "белореченский кремнь". Все представленные на этих памятниках индустрии являются моносырьевыми и использовали кремнь, основная масса которого, как прослежено, происходит из близлежащего вторичного источника – аллювия древних террас р. Белой. Однако, судя по вариабельности окраски кремня, он попал в белореченские галечники из нескольких неизвестных нам первичных источников.

Заметным своеобразием выделяется группа памятников, сконцентрированных в долине р. Средний Хаджох (правый приток р. Белой). В двух из них кремневые изделия залегали в стратиграфической позиции. Позднеашельское поселение Средний Хаджох расположено в среднем течении р. Средний Хаджох, у южного подножья горы Шахан, в полосе низких верхнемеловых Черных гор. Культурный слой был выявлен в делювиальном шлейфе, перекрывающем один из террасовидных

перегибов правого склона речной долины, на высоте 86 м над ее днищем. Открытие и первые раскопки памятника имели место в 1965 г. [Муратов, Аутлев, 1971, с. 41-48], дальнейшее изучение производилось в 1982-83 гг. [Голованова, 1985, с. 213-219; 1986]. В культурном слое поселения обнаружено 5 уровней концентрации находок, разделяемых стерильными прослойками. Находки представляют единую развивающуюся во времени индустрию. Ненарушенность слоя удостоверяют углистые пятна, мелкие отходы расщепления в виде чешуек и большая насыщенность слоя изделиями (около 2000 предметов в раскопе общей площадью 25 кв. м). Индустрия является моносырьевой, привязанной к одному местному источнику. В качестве сырья использовались преимущественно небольшие (до 10 см) аморфные конкреции серого кремня, залегающие в третичных песчаниках горы Шахан в 1,5 км от поселения. Кремень, как отмечает Л.В. Голованова [1985, с. 215], был плохого качества (мелкие размеры, трещиноватость).

Позднеашельское Шаханское поселение находится по правому борту (хребет Шахан) р. Средний Хаджох, выше по течению реки от Среднехаджохского поселения, на террасовом уровне, который относится к началу позднего плейстоцена. Небольшой шурф, поставленный в 1963 г., обнаружил на глубине 1 м слой мощностью в 25-35 см, доставивший 23 серокремневых изделия ашельского облика, которые, по заключению исследователей, аналогичны инвентарю Среднехаджохского поселения [Аутлев, Голованова, 1985, с. 107; Голованова, 1986, с. 6]. Особо подчеркнем полное сходство сырьевых характеристик Среднехаджохской и Шаханской индустрий, поскольку использовался один и тот же серый кремень, выходы которого находятся на горе Шахан.

На этой горе в 1982 г. была обнаружена позднеашельская мастерская Шахан II. Она находится непосредственно на выходах третичных песчаников, в которых встречаются желваки серого кремня. Многочисленные кремневые изделия (собранный коллекция составила 586 экз.) были рассеяны на нижнеплейстоценовой террасе на площади около 1 кв. км. Кремни практически не окатаны и покрыты белой патиной. Характер сырья и изделий, как отмечается, полностью совпадают с таковыми на Шаханском и Среднехаджохском поселениях. Исследователи рассматривают эти три памятника как особую локальную археологическую культуру [Доронищев, Голованова, 1987, с. 61] или как локальную группу позднеашельских памятников Северного Кавказа [Голованова, 1986, с. 12]. По-видимому, такая интерпретация в принципе правомерна. Сейчас, однако, для нас важен не вопрос о степени близости названных памятников, а их строгая ориентация на сугубо местный источник сырья.

Среднехаджохское верхнеашельское русловое местонахождение является вторым по числу находок (2300 экз.) после Абадзехского местонахождения. Кремневые изделия происходят здесь из русла реки Средний Хаджох и с южных склонов горы Шахан II [Муратов, Аутлев, 1971, с. 43-44, рис. 4-5; Аутлев, 1981, с. 15; 1988, с. 7]. Состав находок говорит о смешении различных – от ашеля до неолита – материалов [Несмеянов, Голованова, 1988, с. 29]. Но все же в собранной коллекции преобладают артефакты ашельского облика. Исходное сырье – преимущественно серый кремень в виде чаще всего крупных конкреций с толстой известняковой коркой и глубокими кавернами. Реже встречаются предметы из цветного кремня – красновато-желтого, табачного, медового. Отдельные предметы из светло-серого кремня покрыты глубокой молочной патиной. Таким образом, в данном случае можно говорить не только о разновозрастных материалах, но и о разных источниках сырья, причем как первичных, так и вторичных. Конкреции серого кремня представляют, очевидно, местное сырье из песчаников горы Шахан, а цветной кремень был, видимо, приносным. В целом он может быть соотнесен с вышеописанным белореченским кремневым сырьем.

Семяблоневское русловое местонахождение расположено в русле левого притока р. Белой – р. Семяблоня, в долине которой хорошо представлены террасовые уровни, датируемые как ашельским, так и мустьерским временем. Изделия, происходящие из современного русла, могут, по мнению Л.В. Головановой, относиться к любому из этих уровней. Источником кремневого сырья являлись, по всей видимости, выходы меловых пород в верховьях реки, на междуречье ее с р. Хакодзь (приток р. Курджипс). Бросается в глаза необычность представленного в этом местонахождении весьма качественного кремневого сырья – пестрого, полосчатого (красно-желто-зеленого) и розовато-медового, часто прозрачного, что не отмечено ни в одном из соседних местонахождений. Вместе с тем в коллекции присутствуют изделия из обычного для этих мест белореченского кремня, имеющего патину коричневого, белого и желтого цветов. Каменные артефакты коллекции, собранной на Семяблоне (333 предмета), по заключению Л.В. Головановой, обнаруживают аналогии как в ашельских, так и мустьерских ансамблях данного района [Голованова, 1994, с. 34-35, 57].

Ходзинско-Губское русловое местонахождение находится на восточной границе наиболее богатого кремнем Белореченско-Лабинского района Закубанья. Оно простирается на протяжении 25-30 км, располагаясь в бассейне нижнего течения р. Ходзь (приток р. Большой Лабы) на участке аула Ходзь – пос. Мостовской – станица Переправная и в нижнем и среднем течении его притока р. Губс на

участке от пос. Мостовского до станицы Баракаевской. Местонахождение связано с руслами этих рек и обнажениями их нижних террас. В бассейне р. Губс кремни нередко встречались и на пляжах небольших впадающих в него ручьев Кунак-тау, Кудренкин Солонец, Романец и Увариха. Первые сборы на ходзинском участке местонахождения были сделаны в 1958-1960 гг. А.А. Формозовым. В 1961 г. П.У. Аутлев производил сборы на этом же участке и на более южном – губском [Аутлев, 1994]. Начальные сборы на Губсе составили коллекцию из более чем 800 кремневых изделий [Формозов, 1962, рис. 1-3; 1965, с. 14]. Повторные сборы на участке Губского местонахождения от хутора Первомайского до станицы Губской произвели в 1987-1988 гг. авторы данной статьи [Беляева, 1999].

В коллекциях преобладали кремни черно-смолистого и темно-серого цвета, реже – коричневатого разных оттенков, еще реже – иной цветовой гаммы и светлые, почти прозрачные. По технико-типологическим признакам эти кремневые изделия имели преимущественно мустьерский облик, но встречались также предметы более архаичные, возможно, верхнеашельские, а также артефакты верхнепалеолитического типа. Первые были чаще всего изготовлены из черно-смолистого или темно-серого кремня, вторые – из кремня коричневатых тонов, третьи – из кремня желто-медового, прозрачного. Первичные источники столь разнородного кремневого сырья, несомненно, различные. Материалы эти, разумеется, многократно перемещались склоновой эрозией и водами Губса, но в пространственном распространении их все же заметно увеличение черно-смолистых и темно-серых кремней по мере движения вверх по течению реки, ближе ко входу в Губское ущелье, в известняковых бортах которого в ряде мест можно наблюдать залегание желваков соответствующего кремня *in situ*. Кремни коричневатой и иной окраски, а также прозрачные встречаются в виде галек и происходят, судя по всему, из аллювиальных террас Ходзи. Местоположение первичных источников данного сырья неизвестно. Желтовато-медовый кремь следует отнести, видимо, к явно экзотическому сырью, доставлявшемуся сюда в верхнем палеолите, вероятнее всего, из бассейна р. Белой. В течение длительного времени, таким образом, долины рек Ходзь и Губса привлекали людей каменного века обилием достаточно кондиционного кремневого сырья, а выше по реке Губс – в скалистом каньоне – наличием многочисленных пещер и навесов [Аутлев, 1970; Аутлев, Любин, 1994, с. 12-21; Беляева, 1999, с. 64-173; Амиханов, 1986].

Рассмотрев наиболее важные ашельские и мустьерские местонахождения и открытые поселения Белореченско-Лабинского сектора бассейна среднего течения р. Кубани, перейдем к краткому анализу данных по сырьевой базе расположенных здесь пещерных стоянок.

В юго-западной части Белореченско-Лабинского сектора бассейна Кубани известны две пещерные мустьерские стоянки. Одна из них – Мезмайская пещера – находится в восточной части плато Лагонаки, в 7 км к юго-востоку от пос. Мезмай [Голованова и др., 1998], а другая – пещера Матузка – у северного края плато, в 1, 2 км от станицы Гуамка [Голованова, 1994]. Мезмайская пещера приурочена к каньону р. Сухой Курджипс (бассейн р. Белой), а Матузка – к долине р. Матузки (бассейн соседней р. Пшехи). Обе пещеры выработаны в толщах верхнеюрских известняков. Хотя по прямой эти стоянки разделяет расстояние около 15 км, они заметно отличаются друг от друга по характеру сырьевой базы. Если индустрия Мезмайской пещеры является в целом кремневой, то в Матузке в качестве сырья довольно интенсивно использовались различные породы камня.

Мустьерские культурные слои грота Матузка датируются концом ресс-вюрма и ранним вюрмом. Ранние комплексы грота не находят аналогий ни в одном из ближайших памятников, среди поздних наблюдаются черты сходства с индустриями Губского ущелья и Причерноморья. В долине р. Матузка отсутствуют выходы кремня и какого-либо другого подходящего сырья и поэтому люди, видимо, навещали, пещеру Матузка лишь эпизодически (охотничий лагерь). Сравнительно небольшое количество изделий, найденных в разных слоях этой пещеры, изготовлены из кремня разного цвета, а также окремненного известняка и песчаника, доставленных из других мест. Известняковые гальки, приносимые из русла реки Матузки, могли, судя по следам износа, использоваться в качестве отбойников [Голованова, 1994; Голованова и др., 2006]. Индустриальные комплексы Матузки представляют собой редкий пример полисырьевой индустрии, расположенной в районе богатом кремневым сырьем. Индустриальные комплексы Матузки представляют собой редкий пример полисырьевой индустрии, расположенной в районе, который в целом богат кремневым сырьем. Причины, по которым обитатели Матузки не делали акцента на доставке туда имевшегося в относительной близости кремневого сырья, можно только предполагать (труднодоступность убежища? приход "новоселов", не знающих местную сырьевую базу?..).

Мустьерская индустрия многослойной Мезмайской пещеры базировалась на достаточно обильном и многообразном местном и, отчасти, на приносимом сырье. Во всех слоях преобладает кремь. Относительно редкий качественный кремь собирался, видимо, в русле р. Пшехи, на расстоянии нескольких километров от стоянки. Широко использовавшийся, несмотря на мелкие

размеры желваков и трещиноватость, местный кремьн происходит из толщи близлежащего хребта Азих-гау. Во всех слоях встречаются также редкие изделия, изготовленные из алевролита, песчаника, обломков известняка и сталактитов. В двух самых верхних слоях отмечены единичные предметы из экзотического сырья – обсидиана, источником которого могла быть либо Кабардино-Балкария, либо удаленные районы Закавказья [Golovanova et al., 1998, p. 51-52]. Несмотря на использование некремневого сырья, оно не играло значительной роли, а потому данная индустрия должна оцениваться, безусловно, как моносырьевая.

На восточном фланге рассматриваемого нами Белореченско-Лабинского сектора срединной части бассейна р. Кубань известна целая группа пещерных палеолитических стоянок. Они расположены на южном склоне Скалистого хребта в уже упомянутом выше тесном и узком каньоне верховья р. Губс, в нескольких километрах к юго-западу от станицы Баракаевской. Многочисленные скальные убежища в ущелье Губса и его притоков периодически заселялись человеком на протяжении, по меньшей мере, 30 тыс. лет – в эпоху позднего мустье (пещеры Монашеская, Баракаевская, Губский навес № 1, Аутлевская), верхнего палеолита и мезолита (пещеры Косожская, Русланова, Губский навес № 1 и навес Сатанай) [Аутлев, Любин, 1994]. На мустьерских стоянках использовался в основном (80-90% изделий) местный кварцево-халцедоновый кремьн черного, темно-серого и коричневатого цвета, встречаемый здесь в виде небольших желваков, выпадающих из отвесных стен врезанного в известняки Губского каньона. Желваки эти порой были трещиноватыми, кавернозными, покрытыми толстой известняковой коркой [Любин, 1977].

Единичные изделия изготовлялись из окремненного известняка и алевролита, но самые лучшие – из высококачественных халцедоновых и опаловых кремней красноватых, коричневатых, розовато-медовых, желтоватых и бело-молочных оттенков, иногда полупрозрачных. Аналоги большинства из этих разновидностей кремней были встречены в русловых галечниках и низких террасах в нижнем течении р. Губс на расстоянии 15-35 км от пещерных стоянок – в пределах описанного выше Ходзинско-Губского руслового местонахождения. Кремьн имеется там как в виде изделий, так и в виде естественных обломков, желваков и валунов. Судя по всему, вторичным источником их могли быть древние галечники р. Ходзь, участок высокой террасы, которой размывается впадающим в нее Губсом. Некоторые из разновидностей цветных кремней, которые не встречены в низовьях Губса, в частности, розовато-медовые полупрозрачные кремни могли доставляться из бассейна р. Белой [Аутлев, 1964; 1973; Любин, 1977а; Любин, Аутлев, 1994, с. 99-100; Беляева, 1999, с. 172-173]. В более позднее время, в верхнепалеолитических индустриях пещерных стоянок Губского ущелья удельный вес цветного импортного сырья становится преобладающим [Амирханов, 1986; Амирханов, Аутлев, 1977]. Интересно, что довольно качественный смолисто-черный кремьн, крупные желваки которого были в изобилии найдены недавно в ущелье соседствующей с Губсом реки Фарс, по всей видимости, не входил в состав сырьевой базы губских индустрий. Объяснять это можно двояко: либо данный источник находился за пределами территории, эксплуатируемой обитателями губских стоянок, либо, что представляется более вероятным, каньон Фарса сформировался позднее, а потому в палеолите пласты с желваками черного кремня еще не были вскрыты рекой, и это сырье оставалось недоступным для человека.

Наш обзор затронул основные ранне- и среднепалеолитические памятники, расположенные в богатых кремневым сырьем бассейнах верхнего течения р.р. Лаба и Белая. Многочисленные пункты единичных или малочисленных находок (например, Полковниковская балка, балка Шуктук, Мешоко, станица Ханская и др.) нами опущены. Впрочем, следует кратко упомянуть еще два открытых и исследованных П.У. Аутлевым местонахождения, которые расположены в верховьях притока Лабы р. Фарс. На одном из них – близ станицы Костромской – он собрал более 300 кремневых изделий ашельского облика [Аутлев, 1970]. Заслуживает, наконец, внимания и Даховская пещера, где А.А. Формозов обнаружил наличие мустьерского культурного слоя с немногочисленными кремневыми изделиями [Формозов, 1961, с. 39-41; 1965, с. 29].

Как на запад, так и на восток от Белореченско-Лабинского сектора средней части бассейна р. Кубань, на остальной части Кубанского Кавказа количество палеолитических находок резко сокращается – ввиду, очевидно, отсутствия надлежащей сырьевой базы и, прежде всего, выходов кремня. К западу, например, в долинах кубанских притоков Афипс, Псекупс, Шкелюк, Апчас, Марта, Пшиш, Пшеха и прочих, где в разные годы велись весьма интенсивные поисковые работы такими специалистами как С.Н. Замятнин, А.А. Формозов, М.З. Паничкина, П.У. Аутлев, Н.Д. Праслов, В.Е. Щелинский и другие, были обнаружены многие десятки пунктов находок, но лишь 2-3 из них доставили коллекции величиной более 50 предметов. Таковы пункт 3 сборов А.А. Формозова на р. Псекупс, а также урочище Камышки в долине р. Марты и участок русла этой реки, где сделала находки М.З. Паничкина [Формозов, 1960; Паничкина, 1961, с. 20-38]. Иногда недостаток кремневого сырья

палеолитические люди могли, видимо, отчасти компенсировать за счет использования других подходящих местных пород. Так, например, на террасе р. Мутнянки (бассейн р. Пшиш) близ Хадыженска В.Е. Щелинский собрал значительную коллекцию изделий ашельского облика, изготовленных из доломита [Праслов, 1964].

За пределами очерченного нами кремневого сырьевого района на Кубанском Кавказе можно назвать, пожалуй, только два богатых находками памятника. Это стратифицированные стоянки Ильская I и Ильская II, расположенные к западу от Лабино-Белореченского междуречья. Возможно, что в реальности оба памятника являются участками более крупной обитаемой территории. Выявленные и исследованные там среднепалеолитические индустрии являются полисырьевыми. В них применялся доломит, а также кремь, лидит и сланец [Замятнин, 1934; Scelinskij, 1998]. Судя по мощности толщи культурных отложений и их литологической неоднородности, данное место заселялось в течение многих веков – видимо, благодаря наличию пусть не очень изобильного, но разнообразного сырья и, возможно, каким-то иным особенностям, ценным древними охотниками. Еще далее к западу Абинское находится местонахождение, которое доставило многочисленные изделия из галек и валунов алевролитов и кварцитовых песчаников [Голованова, 1986, с. 18]. Однако это местонахождение, охарактеризованное П.У. Аутлевым как позднеашельское–раннемустьерское, а Л.В. Головановой – как позднеашельское, содержит серию "топоров с выразительным перехватом, пока неизвестных в ашеле" [Аутлев, 1988, с. 8]. На наш взгляд, наличие этих изделий, а также состав и общий облик коллекции Абинского местонахождения вызывают сомнения не только по поводу ее культурно-хронологической гомогенности, но и относительно принадлежности всех материалов к палеолиту. Таким образом, если мы исключим данный пункт, то в этой западной части Закубанья помимо Ильских стоянок нет других памятников с богатыми индустриями.

К востоку от р. Лабы наблюдается та же картина. В этой части бассейна Кубани в настоящее время обнаружены лишь немногие палеолитические памятники. Это местонахождение на р. Уруп близ г. Армавира [Аутлев, 1970; Голованова, 1994, с. 9-33] и многослойная ашельская стоянка в Треугольной пещере в верховьях этой же реки в Карачаево-Черкессии [Дороничев, 1992, с. 102-124]. В первом из них собрана довольно большая коллекция изделий из высококачественного кремня, которая включает, однако, смешанные разновременные материалы – как ранне- и среднепалеолитические, так и более поздние. Судя по большой степени окатанности, все они были перенесены на значительное расстояние от места первоначального залегания [Голованова, 1994, с. 59-77]. Тем более трудно судить об изначальных источниках данного кремневого сырья, которое, как удалось проследить, имело форму галек. Скудные находками комплексы Треугольной пещеры представляют собой полисырьевые индустрии, в которых использовались как приносной серый кремь, так и разные местные породы – известняк, алевролит, кварц, песчаник и другие. Интересно, что в одном из наиболее представительных комплексов доминирует местное известняковое и алевролитовое сырье в виде галек и плиток, а в другом – приносное кремневое [Дороничев, 1992; Дороничев и др., 2007].

Сырьевая база памятников Центрального и Восточного Кавказа

Ситуация с сырьевыми ресурсами в центральной части Северного Кавказа является, пожалуй, особенно сложной. Здесь, как уже отмечалось, почти не было источников каменного сырья, в частности, кремневого. Это подтвердили поиски палеолитических памятников, которые велись в разные годы на территории Центрального Предкавказья (С.Н. Замятнин, А.П. Захариков, Л.В. Голованова, В.П. Любин, Е.В. Беляева). Особенно обширные поисковые работы были произведены авторами настоящей работы в 2001-2003 гг. на территории Ставропольского края [Любин, Беляева, 2007]. Обследованием были охвачены все орографически выраженные части края: южная горная окраина (Пастбищный хребет), полоса предгорий (Пятигорье) и Ставропольская возвышенность. В южных горных районах Ставрополья разведочные маршруты были приурочены к долинам рек, стекавших с северных склонов Пастбищного и более высоких горных хребтов, расположенных уже в пределах Кабарды и Карачаево-Черкессии. Осмотру подверглись десятки обнажений, карьеров и участки галечников в руслах рек Малка, Золка, Джуца, Юца, Березовка, Аликоновка, Ольховка, Подкумок, Дарья, Кума, Кубань, Малый и Большой Зеленчук. Оказалось, что толщи валанжинских известняков Пастбищного хребта лишены источников кремневого сырья. Не были представлены окремненные породы, исключая единичные гальки, и в составе галечников, осмотренных в многочисленных карьерах и в руслах 13 перечисленных выше рек. Мелкие окатанные обломки кремня были встречены только в русле реки Золка, но они не имели каких-либо признаков искусственного расщепления. В то же время, кремневый мустьерский нуклеус, а также несколько других более поздних кремневых изделий, найденных краеведом Г.Л. Дорофеевым в долине р. Кумы, близ г.

Георгиевск, все же указывают на наличие каких-то небольших источников кремня, которые могли порой использоваться людьми каменного века.

Северные районы края, приближенные к Ставропольской возвышенности, представляют особый интерес, поскольку оттуда известны находки позднепалеолитических и мезолитических изделий из кремня. На восточных окраинах возвышенности коллекции таких изделий были собраны в долине р. Томузловка Х.А. Амирхановым [1988] и в 40-50 км севернее, в долине р. Буйвола – А.П. Захариковым [2007]. Если во втором случае источники кремня пока неизвестны, то в долине Томузловки они в целом выяснены. Так, в ходе работ 2001 г. кремневое сырье было обнаружено в виде галек разных размеров в нескольких пунктах, приуроченных к двум районам: 1) в 4 км севернее села Александровское на участке высоких (120-130 м) древних террас р. Калаус (т.н. Прикалаусские высоты), именуемом местными жителями горой Голубиной, и 2) в карьерах близ сел. Жуковский и Горный, в 20 и 30 км, соответственно, к северо-востоку от села Александровского [Любин, Беляева, 2007]. На горе Голубиной была выявлена небольшая россыпь мелких (1,0-2,5 см) и средних (2,5-5,0 см) кремневых и – изредка – кварцитовых галечек. Залегали они на участке, протянувшемся примерно на 250-300 м вдоль края террасы – как на поверхности верхней части склона террасы, так и на дне расположенной там карьера глубиной до 1-1,5 м, вскрывшего слой конгломерата с гальками, который залегает поверх сарматских песчаников и известняков. Были собраны 14 кремневых галек и одна кварцитовая, на которых имелись покрытые глубокой молочной патиной негативы – следы искусственной (?) оббивки. Среди кремневых изделий имеется 3 отщепа, 6 предметов напоминают миниатюрные нуклеусы, 5 – микро-чоперы. На кварцитовой гальке было оформлено массивное острие (?). Однозначно определить и датировать данные находки пока трудно. В других карьерах в долине р. Томузловки близ сел. Жуковский и хут. Горный кремневые гальки, включая крупные, встречались в пластах галечника, а также в высыпках галек на бортах оврагов. Именно подобные высыпки и могли быть доступны людям эпохи палеолита и мезолита. Однако нам не удалось обнаружить там палеолитические изделия. Совсем недавно, однако, в одном из карьеров в долине р. Томузловка Х.А. Амирханов обнаружил несколько архаичных кремневых изделий непосредственно в толще древних галечников [Деревянко и др., 2006а, с. 95-97]. Таким образом, несмотря на относительно небольшие по объему запасы кремня в долине р. Томузловки, в разные эпохи каменного века они все же периодически использовались посещавшими эти районы людьми. В то же время, скудость находок изделий отражает, видимо, реальную ситуацию: подобные источники кремня едва ли могли служить надежной сырьевой базой для длительного проживания. Кремневые гальки были встречены также южнее, в глинисто-гравийных карьерах в 8 км к юго-востоку от сел. Саблинское, но изделия из них там отсутствовали. В связи с этим не следует забывать, что существует вопрос о доступности в период палеолита кремневого сырья, обнаруживаемого в современных вскрытиях.

В небольших количествах кремневое сырье могло встречаться, по всей видимости, и в некоторых других районах Ставропольской возвышенности. Так, в селе Московское-2 Изобильненского района к северу от Ставрополя местный краевед В.А. Бочарников любезно передал экспедиции весьма выразительное верхнепалеолитическое орудие – двойной боковой резец, оформленный на пластине коричнево-желтого кремня. Эта находка была сделана им на западном склоне горы Слезная на северо-западной окраине сел. Московское-2. В коллекции краеведа имелся также миниатюрный кремневый карандашевидный нуклеус для скалывания микропластинок (мезолит?). Имеются небольшие коллекции мезолитических (?) изделий из восточных районов края [Любин, Беляева, 2007]. Однако в целом на обширных пространствах Ставрополья местонахождения с кремневыми изделиями весьма редки, а палеолитические и вовсе чрезвычайно скудны. Это объективно отражает, по всей видимости, крайне бедные запасы кремневого сырья на этой территории.

Наряду с вопросом о кремневом сырье выяснялся, разумеется, и вопрос о наличии в этой части Предкавказья других пригодных для расщепления пород камня. Однако ни использование геологических данных, ни полевые изыскания не привели к выявлению каких-либо иных известных нам видов каменного сырья. Зато удалось обнаружить каменную индустрию из метаморфического сырья, которое до сих пор не встречалось в палеолите Кавказа.

При обследовании в 2001 г. Минераловодских суб-вулканических гор в подножье самой северной их них горы Кинжал были найдены два характерных ашельских артефакта (массивный нуклеидный скребок и крупный дисковидный нуклеус). По полевому определению геолога Б.Л. Годзевича (Ставропольский университет), они были изготовлены из ороговикованного аргиллита (глинистого сланца), или роговика (прочная метаморфическая порода, образующаяся на контакте раскаленной магмы с глинистыми сланцами). Скальная основа горы Кинжал образована мергелистыми известняками и сланцами осадочного чехла, покрывающего вулканическое ядро из грано-сиенитовых порфиров (местное название "бештаунит"). В последующие годы были собраны новые изделия из этого

же сырья, причем удалось проследить, что они происходят из обнажения останца цокольной террасы в подножье горы. На данном участке склона террасы были заложены раскопы, в которых на глубине примерно 3,5-4,5 м от поверхности был выявлен и исследован слой с субгоризонтально залегающим роговиковым обломочником, включавшим также роговиковые ашельские изделия. На площади около 26 кв. м было найдено около 300 изделий из этого сырья (чопперы, нуклеидные скребки, рубила, скребла и т.п.). Индустрия, обнаруженная на горе Кинжал, является моносырьевой, и ряд ее специфических черт (обилие макро-орудий на естественных плитчатых заготовках, редкость нуклеусов и отщепов и т.п.) обусловлены, очевидно, качествами исходного сырья. Петрографический анализ нескольких образцов данного сырья (В.Г. Колокольцев, ВСЕГЕИ) позволил определить дать ему более точное определение: метаморфизованный рассланцованный известняк. Судя по всему, на горе Кинжал существовал локальный источник своеобразного метаморфического сырья, на выходах которого располагалась стоянка-мастерская ашельских людей [Любин, Беляева, 2004а]. На других субвулканических горах подобное сырье и связанные с ним индустрии пока не встречены. Интересно, однако, что на относительно близких к Кинжалу горах Бык и Верблюды были найдены два изделия из местной вулканической породы – бештаунита. Таким образом, на этом участке Центрального Предкавказья выявлен новый и совершенно особый сырьевой микрорайон, палеолитический потенциал которого еще предстоит изучить.

По своему происхождению сырье Кинжала отображает тот факт, что в Центральном Предкавказье две выделяемые нами провинции пересекаются. Это предполагает также возможность параллельного использования как осадочных, так и вулканических пород. Крупных месторождений того или иного типа сырья здесь, правда, пока не обнаружено, как нет практически и памятников с богатыми коллекциями каменных изделий. Исключением является лишь мустьерская пещерная стоянка Мыштулагты-лагат в Северной Осетии, индустрия которой изготовлена из местного микрокварцита и в которой есть уровни со значительным количеством изделий [Hidjrati et al., 2003]. Другие памятники на территориях Северной Осетии и Ингушетии представляют собой небольшие местонахождения, где встречены изделия преимущественно из галечно-валунного вулканического сырья, и поэтому будет логично рассмотреть их ниже, в разделе о месторождениях вулканических породах.

Восточная часть Северного Кавказа является продолжением Большекавказской провинции, где присутствуют только осадочные породы. На первый план вновь выдвигаются окремненное сырье, хотя здесь оно является, по-видимому, менее обильным и менее качественным, нежели на Северо-Западном Кавказе. В середине прошлого века относительно немногочисленные ашельские и мустьерские изделия из кремнистого известняка и мелового кремня были обнаружены в Дагестане – как в приморской его части (местонахождения Геджух и Чумус-иниц [Замятнин, 1950, с. 127-139; Котович 1964, с. 40], так и в горах (местонахождения Кумрала-кадо, Сага-цука и др. [Котович, 1964, с. 71, 74, 78]). Возобновление с 2003 г поисков палеолита в Дагестане привело к открытию ряда новых памятников, среди которых выделяется ашельская стоянка Дарвагчай 1 на побережье Каспия [Амирханов, Деревянко, 2003], где обнаружена "микроиндустрия" [Деревянко и др., 2006б], а также группа пунктов с более древними доашельскими (олдованскими?) находками в горах Центрального Дагестана [Амирханов, 2007]. В памятниках приморской полосы основным сырьем были кремневые гальки, чаще всего небольшие, что наряду с их немногочисленностью и могло, как кажется, привести к преобладанию мелкоразмерных изделий. Отмечены также редкие изделия из кварцита и песчаника. В горных памятниках использовались местные кремневые желваки и конкреции невысокого, как правило, качества.

Далее мы рассмотрим ситуацию с источниками сырья в южной части Большекавказской петрографической провинции, двигаясь, как и прежде, в направлении с запада на восток.

Сырье в палеолитических памятниках Сочинско-Абхазского Причерноморья

Юго-западная часть Большого Кавказа, прилегающая к Черному морю, часто именуется Черноморским Кавказом. Приморская полоса Черноморского Кавказа, или Сочинско-Абхазское Причерноморье является вторым важным районом выделяемой нами Большекавказской петрографической провинции, ашело-мустьерские памятники которой базируются на осадочных породах. Данный район занимает северо-восточное Причерноморье на участке от г. Геленджика до границы с Грузией. Палеолитические памятники приурочены здесь к морским или речным террасам и к предгорьям южного склона Большого Кавказа. Подавляющее большинство их представлено местонахождениями, но в районе Сочи-Адлер имеются стратифицированные стоянки в пещерах – ашело-мустьерские (Ахштырь) и мустьерские (Ацинская, Ахштырская, Навалишенская, Хостинская и II, Малая Воронцовская, Кепшинская, Мачагуа, Свантасавана, Апианча и Окуми). Немалое количество пунктов и особенности сырьевой базы этих индустрий побуждают рассмотреть их по двум подрайонам. Северный подрайон включает полосу побережья от Туапсе до Сочи, а южный – побережье Абхазии.

Сочинско-Туапсинский подрайон содержит большое количество различных местонахождений, а также 7 пещерных стоянок, но материалы их в целом не слишком богаты. Ашельские находки обильно представлены только в коллекциях единственной обширной мастерской (Богос I-V) в долине р. Псоу на границе с Абхазией [Любин, Щелинский, 1972, с. 88-98; Кулаков, 1998]. Севернее известны лишь немногим более полусотни изделий на Адербиевском местонахождении близ Геленджика, девять предметов, включая ручные рубила, на Кадошском мысу под Туапсе [Щелинский, 2007], и четыре рубила в нижнем культурном слое Ахштырской пещеры [Замятнин, 1961; Векилова, Грищенко, 1972]. Среди 60 мустьерских местонахождений наиболее значимые пункты (Нижнее Мекопсе, Водораздельное, Тенгинское, Широкий мыс) представлены коллекциями из нескольких десятков изделий [Чистяков, 1996, с. 107-118; Щелинский, 2007]. Мустьерские индустрии семи пещерных стоянок, сосредоточенных в гористой местности между Сочи и Адлером, также довольно бедны находками и позволяют видеть в них кратковременные охотничьи лагеря или мимолетные биваки. Относительно представительные коллекции изделий происходят лишь из многослойных стоянок в Ахштырской и Малой Воронцовской пещерах (соответственно, 3598 и 3554 экз.), что указывает, возможно, на более долговременное обитание [Чистяков, 1996]. Обильные позднепалеолитические материалы – около 30 тыс. изделий – обнаружены только на обширном местонахождении Широкий мыс близ Туапсе [Щелинский, 2007]. Прочие следы пребывания верхнепалеолитических людей обозначены здесь весьма бедными культурными остатками в верхних уровнях упомянутых пещерных стоянок.

Хотя на Сочинско-Туапсинском побережье имеются источники кремнистых пород, общая ситуация с сырьем была здесь непростой, что, возможно, отчасти отразилось на слабой заселенности этой территории. Местное кремневое сырье – темно-серый и светло-серый кремь – было неоднородно по качеству. Основная масса его отличается трещиноватостью и мало пригодна для изготовления орудий, а более качественные разновидности встречаются довольно редко [Щелинский, 2007, с. 26-27]. Крупное Богосское месторождение светло-серого кремня находится на южной границе данного района и содержит желвачное сырье невысоких технических достоинств [Любин, Щелинский, 1972, с. 92; Кулаков, 1998]. Высокосортным является кремь коричневато-красной или пестроцветной окраски, но его можно встретить тоже только на юге этой части побережья, близ границы с Абхазией. Так, например, места небольших выходов высококачественных светлых, светло-серых, голубоватых и желто-медовых кремней обнаружены В.П. Любиным в долине р. Кудепсты близ сел. Красная воля и пос. Черноморец в 10-15 км от Малой Воронцовской пещеры. В то же время в индустрии Малой Воронцовской пещеры имеются изделия из сланцев, известняков и алевролитов, встречающихся во флишевых горизонтах верхнего мела в ущелье близ пещеры. Эти породы очень варьируют по своим технологическим свойствам и по степени твердости и прочности уступают кремню. Однако они применялись наряду с кремнем, как в этой индустрии, так и в индустриях других названных пещер, что можно объяснить дефицитом хорошего кремневого сырья [Любин, Соловьев, 1971, с. 27]. По этой же причине, по-видимому, во многих палеолитических индустриях Сочинско-Туапсинского побережья широко использовались и другие местные окремненные породы – мергели, алевролиты и песчаники.

Таким образом, для местных палеолитических стоянок характерна полисырьевая база, хотя состав сырья менялся в зависимости от их географической и хронологической позиции. Увеличение доли кремня и, прежде всего, его высокосортных разновидностей заметно по мере приближения к территории Абхазии. Так, например, если в мустьерской индустрии Малой Воронцовской пещеры в окрестностях Большого Сочи кремь составляет 54,1% [Чистяков, 1996, с. 22], то в памятниках этого периода близ Туапсе доминируют окремненные известняки и мергели [Щелинский, 2007]. "Южный"

кремень там присутствует, но в малой доле – следовательно, транспортировка этого сырья носила весьма ограниченный характер. Интересно сравнить сырьевую базу двух наиболее северных и разновременных памятников – ашельского местонахождения Азербиевское близ Геленджика и верхнепалеолитической стоянки Широкий Мыс под Туапсе [Щелинский, 2007]. Ашельские люди довольствовались исключительно местным сырьем (песчаник), в то время как позднейшие обитатели этой части побережья использовали очень широкий набор пород и явно заботились о качестве сырья. Они выискали ограниченно распространенные здесь вторичные источники довольно качественного кремнистого мергеля, доставляли удаленный не менее чем на 100 км, высокосортный сочинско-абхазский кремень и даже такое экзотическое сырье как обсидиан, известный лишь на Центральном Кавказе и на Армянском нагорье.

Абхазский подрайон занимает предгорную полосу южного склона Большого Кавказа на участке от р. Псоу до р. Ингури. В пределы его входят известняковые хребты Гагринский, Бзыбский и Кодорский. Здесь, как пишет Н.А. Гвоздецкий [1981, с. 48], господствуют "чистые известняки абхазских фаций", содержащие во многих местах весьма качественное кремневое сырье. В силу этого палеолитические памятники Абхазии повсеместно возникли на моносырьевой кремневой базе. От места к месту кремни эти, разумеется, варьируются по происхождению, цвету (в северной Абхазии преобладали, по некоторым данным, светлые кремни датского яруса, в южной – розовые и красноватые кремни туронского яруса), по формам (желваки, гальки, плитчатые и угловатые куски), размерам и качеству. В составе палеолитических памятников Абхазии представлены как многочисленные местонахождения, так и стратифицированные стоянки в пещерах (Бзыбский навес, пещеры Мачагуа, Свантасавана, Апианча, Окуми). Местонахождения содержат смешанные и несмешанные материалы различного возраста, а пещеры – только мустьерские и в двух случаях (Окуми и Апианча) верхнепалеолитические культурные слои.

В настоящее время довольно затруднительно определить общее количество обнаруженных в этом подрайоне палеолитических памятников и объем собранных на них материалов, поскольку в разные годы разведки и исследования здесь производили не только археологи (С.Н. Замятнин, И.И. Коробков, М.Х. Хварцкия, А.Н. Каландадзе, Н.З. Бердзенишвили, Л.Д. Церетели, Г.К. Григолия), но и местные краеведы (Л.Н. Соловьев, Н.И. Гумилевский, Ю.Н. Воронов, Г.П. Хубутия и др.). Собранные ими материалы при этом не всегда поступали в музеи Петербурга, Тбилиси и Сухуми и были опубликованы лишь частично, чаще всего в предварительных сообщениях. Часть находок, к тому же, была утрачена во время абхазо-грузинского конфликта, когда в 1992 г. в занятом грузинскими силами Сухуми многие учреждения подверглись разгрому и разграблению. С.Н. Замятнин, который первым провел тотальные поиски на всем абхазском побережье, сообщает об открытии 33 палеолитических памятников – 5 ашельских (Колхида, Кюрдере, Бырц, Гвард и Чубурисихинджи), 14 мустьерских, 3 ашело-мустьерских, 4 верхнепалеолитических и 7 со смешанными материалами. К числу последних относится знаменитый Яштух – конгломерат стоянок-мастерских у одноименной горы в окрестностях г. Сухуми. Из 1841 кремневого изделия, найденного там Л.Н. Соловьевым и С.Н. Замятниним и сданного ими в Сухумский музей в 1934 г. к 1982 году, согласно описи просматривавшего эти коллекции И.И. Коробкова, сохранились лишь 964 предмета. Коллекции, хранимые в Петербурге и Тбилиси, насколько известно, сохранились в полной мере.

Наиболее обстоятельные сведения об источниках, габаритах и качествах сырья Яштуха сообщает Л.Н. Соловьев [1971]. Он пишет, что на вершине и южном склоне горы Яштух выходят пласты известняков датского яруса, богатого кремневыми желваками. При выветривании эти известняки разрушаются и вследствие влажности климата легко разлагаются химически. Известнякам, испытавшим значительную тектоническую дислоцированность, свойственны трещиноватость и сланцеватость, нередко характеризующие и кремни. Так, встречаются кремневые желваки, разбитые явными и скрытыми трещинами, идущими обычно параллельно друг другу. Выпадая из известняков, такие желваки, как отмечает Соловьев, легко распадались на кубовидные, кирпичеобразные или дисковидные отдельные с сохранившимися на их противоположных коротких сторонах участками корки. Люди отбирали, видимо, преимущественно подходящие плоские обломки, орудия на которых особенно многочисленны в древних сериях. Большинство орудий, по мнению Соловьева, изготовлено из кремня низких поделочных качеств.

Интересные наблюдения о дифференцированном использовании людьми кремневого сырья в разные периоды пребывания их на Яштухе приводит С.Н. Замятнин. Так, наиболее архаичные ашельские изделия были изготовлены из грубоватого светлого кремня датского яруса; для изготовления мустьерских артефактов брали кремень серого и темно-розового цвета; в верхнем палеолите основным сырьем служил туронский кремень розовато-красного и серого цвета [Замятнин, 1961, с. 86-87].

Помимо Яштуха заслуживают упоминания еще, по меньшей мере, три значимых скопления палеолитических памятников. Первое расположено на севере Абхазии, в районе сел. Хейвани – Бароновка, где Н.И. Гумилевский и И.И. Коробков собрали большие коллекции верхнешельских и мустьерских изделий, изготовленных из светлого и желтоватого кремня хорошего качества [Гумилевский, Коробков, 1967, с. 91-100]. Второе находится в районе сел. Анухва Абхазская близ Нового Афона, где Л.Н. Соловьев обнаружил мастерскую времени финального ашеля – мустье [Соловьев, 1971]. Сырьевая база здесь заметно отличалась от яштухской – местные выходы доставляли преимущественно "крапчатый" кремень серого и коричневатого оттенков. Последнее скопление сосредоточено в бассейнах соседствующих рек Келасури, Кодори и Мачара, расположенных по сторонам приморского отрезка Военно-Сухумской дороги. Ю.Н. Воронов открыл здесь 6 ашельских, 34 мустьерских и 21 верхнепалеолитическое местонахождения [Воронов, 1984]. Особенности сырьевой базы этих памятников, к сожалению, практически не описаны. Указывается лишь, что повсеместно использовался кремень.

Сырьевая база каменных индустрий Имеретинского района в Западной Грузии

Двигаясь из Абхазии вдоль отрогов Большого Кавказа на юго-восток, мы оказываемся в Имеретинском районе Западной Грузии, связанном с бассейном р. Квирила (левый приток р. Риони). Наряду с Белореченско-Лабинским районом Закубанья и Абхазским подрайоном Причерноморской зоны Имеретинский район более других обеспечен превосходным кремневым сырьем, залегающим в обрамляющих его с севера известняковых толщах Рачинского хребта.

Красивый и высококачественный розовый, красноватый, реже желтоватый туронский кремень господствовал во всех палеолитических индустриях района. Индустрии эти – мустьерские и верхнепалеолитические – были приурочены почти исключительно к пещерным стоянкам. Памятники открытого типа представлены лишь группой ашело (?)–мустьерских мастерских, расположенных на поверхности высоких террас р. Гургумелы в Чиатурском р-не, близ сел. Кажнари, Чиловани, Сакориа, Кацхи и др. [Тушабрамишвили, 1962]. Пещерные стоянки, как правило, являются многослойными и в большинстве случаев содержат мустьерские и верхнепалеолитические индустрии. Инвентарь их во многих случаях довольно богат: в верхнепалеолитических слоях пещер Гварджилас-кде и Дзудзуаны, к примеру, обнаружено, соответственно, 26000 и 20000 кремневых изделий, а в мустьерских слоях пещер Джручула (слой 1), Ортвала-кде и Сакажиа – 1528, 3585 и более 1500 [Любин, 1989]. Эти и другие пещерные индустрии данного района почти полностью базировались на местном кремне, но хотя их и можно назвать моносырьевыми, следует упомянуть о небольшой доле иных видов сырья. Практически в каждой из них встречаются единичные изделия из аргиллита, окремненного известняка, песчаника, сланца, кварца и даже из "экзотических" вулканических пород (андезит, обсидиан) [Любин, 1989].

На фоне изобилия в индустриях Имеретии качественного кремня есть единственное, хотя и очень любопытное исключение. Это феномен мустьерских индустрий пяти пещер Цуцхватской системы (Бронзовая, Бизоновая, Медвежья, Верхняя и Двойная), приуроченной к каньону р. Шабатегеле, прорезающему толщу массивных меловых известняков Окрибо-Аргветского ответвления Рачинского хребта в 12 км от г. Кутаиси [Тушабрамишвили, 1978]. В этих относительно небогатых индустриях также есть примесь аргиллита, андезита и обсидиана, но основным сырьем служил местный мелкозернистый сероватый кремень посредственного качества, хотя упомянутый высококачественный имеретинский кремень можно было найти в соседних ущельях. Расстояние от Цуцхватских пещер до каньона р. Цхалцитела, где имелся прекрасный кремень, служивший сырьем мустьерским обитателям пещер Сакажиа и Ортвала, составляет около 10 км [Ниорадзе, 1992]. Однако обитатели Цуцхватских пещер не использовали превосходное сырье из каньона р. Цхалцитела, что можно объяснять различными причинами – например, неприятие "чужого" сырья или незнание этого источника, или даже невозможность доступа на территорию, занятую другой группой людей.

Восточнее Имеретии начинается территория Южной Осетии, где Большекавказская провинция осадочных пород вновь пересекается со Срединно-кавказской провинцией магматических пород. Как будет показано в следующем разделе, есть основания полагать, что местные вулканические породы стали использоваться позднее, нежели осадочные. В ашельских индустриях высокогорных пещер Кударо I, Кударо III и Цона преобладают глинистые и окремненные сланцы и аркозовый тонкозернистый песчаник. Небольшая доля изделий сделана из кремня, который представлен низкокачественным местным кремнем серых тонов и высокосортным красноватым, который приносили, очевидно, из Имеретии. Из подобного кремня изготовлены, как правило, наиболее совершенные и тщательно обработанные орудия. Нуклеусов из импортного кремня нет –

следовательно, доставляли готовые или почти готовые изделия. В этих полисырьевых индустриях имеются и единичные обсидиановые и андезитовые предметы, отражающие, как представляется, еще более далекую транспортировку – скорее всего, с окраин Армянского нагорья [Любин, Беляева, 2004б, с. 211]. В мустьерских слоях этих пещер представлены те же породы [Любин, 1977а, с. 29-30, 62]. Южнее, в предгорной зоне Юго-Осетии (Южной Осетии), имеется группа ашельских местонахождений (Лаше-Балта, Тигва, Калети и др.), где также представлены полисырьевые индустрии, в которых продукты расщепления из местных окремненных пород сопровождаются рубилами из андезита и дацита. Вопрос об источниках и характере использования вулканических пород в ранне- и среднепалеолитических индустриях Центрального Кавказа будет подробнее рассмотрен ниже, в разделе о магматическом сырье.

Восточная часть южного склона Большого Кавказа исследована пока недостаточно. Известны только небольшие сборы кремневых ашело-мустьерских изделий, сделанные Т. Бугианишвили [1979] в предгорьях Кахетинского хребта, и немногочисленные разновозрастные находки группы российских и азербайджанских исследователей в предгорьях к востоку от Мингечаурского водохранилища. Сырьем для них служили алевролит и различные окремненные породы, включая песчаник [Мансуров, 1971; Деревянко и др., 2005].

Помимо Большекавказской сырьевой провинции осадочные породы преобладают в ряде памятников Малого Кавказа. Так, в азербайджанских ашельских и мустьерских пещерных стоянках Азых, Таглар и Дашсалахлы кремнь сопровождается сланцами, песчаниками и другими осадочными породами [Джафаров, 1999]. В то же время, близость к вулканическим районам отражается на более заметном присутствии здесь магматических пород (андезит, обсидиан). Отметим, однако, что в Азыхе обсидиан появляется лишь в мустьерских уровнях и неизвестен в ашеле.

Если бросить общий взгляд на использование осадочных пород на разных этапах палеолита во всем кавказском регионе, то можно заключить следующее. Моносырьевые индустрии на всем протяжении палеолита сосредоточены в районах с источниками качественного кремневого сырья. Это, прежде всего, Белореченско-Лабинский район Кубанского Кавказа, а также отчасти Черноморское побережье Абхазии и Имеретия (Западная Грузия). Особый случай – моносырьевая индустрия стоянки Кинжал (Пятигорье, Ставропольский край), расположенной на выходах роговиков. В районах бедных кремнем или удаленных от его месторождений в ашельское время возникали индустрии, использовавшие широкую полисырьевую базу, включавшую существенно различающиеся по качеству местные породы (кремнь, сланец, песчаник, известняк и др.). Таковы индустрии пещерных стоянок Треугольная на Северном Кавказе, Кударо I, Кударо III, Цона и Азых на Южном Кавказе. В мустьерское время отбор подходящего местного сырья становится более жестким. Преобладают моносырьевые индустрии на основе подобного сырья, чаще всего, кремневого с незначительной примесью иных пород – либо местных худшего качества, либо, напротив, особо качественных импортных. Характерна более активная и налаженная доставка качественного сырья из дальней округи (15-25 км). Полисырьевые индустрии в полном смысле слова известны только в местностях, небогатых любым сырьем: пещера Матузка на Кубани, пещеры Ахштырская, Навалишенская, Малая Воронцовская и др. в Сочинском Причерноморье, пещера Дашсалахлы в Азербайджане. В этих индустриях люди были вынуждены использовать любое мало-мальски пригодное сырье, хотя и отдавали предпочтение, судя по степени утилизации, более качественному кремнистому сырью. Наиболее строгие требования к поделочным свойствам каменного сырья предъявлялись в верхнем палеолите, который представлен только моносырьевыми кремневыми индустриями с минимальным присутствием других пород.

Первые редкие случаи импорта высокосортного экзотического сырья, то есть происходящего из очень удаленных источников (около 100 км и более), отмечены еще в ашеле. Речь идет о присутствии вулканического сырья Армянского нагорья в индустриях Центрального Кавказа (Кударо I и др.) [Любин, 1984; Любин, Беляева, 2004б]. В мустье же и в верхнем палеолите известно уже немало примеров большего или меньшего привнесения доставляемого из вулканических районов обсидиана и, возможно, андезито-дацита. Источники и распространение этих пород будут подробно рассмотрены в следующем разделе.

Срединно-кавказская петрографическая провинция

Это название мы используем для зоны магматических, или вулканических пород, распространяющейся в полосе Транскавказского поперечного поднятия, занимающего срединную, или центральную часть перешейка. Приуроченность магматических пород к Транскавказскому поднятию связана с тем, что оно является непосредственным северным продолжением Африкано-Аравийского рифтово-

вулканического пояса и также была охвачена явлениями позднеорогенового вулканизма [Милановский, 1977, с. 221]. Основной зоной, где происходило наиболее активное образование изверженных пород стала, начиная с миоцена, южная часть Транскавказского поднятия – Армянское вулканическое нагорье. В пределах Кавказского перешейка в этом нагорье принято выделять две основные части – Южно-Грузинское (Джавахетско-Ахалкалакское) и Центрально-Армянское нагорья [Антонов, Гвоздецкий, 1977, с. 12]. С позднего плиоцена вулканическая деятельность распространилась и на Большой Кавказ (Казбекская и Эльбрусские области).

Различные по интенсивности циклы извержений кавказских вулканов происходили на протяжении всего плейстоцена вплоть до последней мощной вспышки в голоцене. Судя по всему, палеолитические и более поздние обитатели Кавказа порой могли быть непосредственными свидетелями и даже жертвами этих грандиозных природных катаклизмов. Однако, если сами извержения могли отражаться на населении охваченных вулканической деятельностью территорий лишь в определенные моменты времени, то один из результатов их, а именно формирование пригодных для обработки вулканических пород, стал одним из важнейших факторов повседневной жизни людей каменного века. Из всего разнообразия вулканических пород древний человек выбирал те, которые были достаточно прочными, поддавались контролируемому расщеплению и позволяли получать изделия с острыми краями. Этим требованиям отвечали, прежде всего, обсидианы, дациты и андезиты.

Начнем наш обзор с описания особенностей и характера распространения обсидианового сырья. Обсидиан – это однородная стекловатая порода темных тонов, образующаяся при застывании вязких разновидностей лав кислого состава, то есть обогащенных окисью кремния (липариты (риолиты) и липарито-дациты). Представляя собой вулканическое стекло, обсидиан характеризуется значительной твердостью (5,0 по шкале Мооса) и, одновременно, определенной хрупкостью, но позволяет получать при раскалывании исключительно тонкие и острые края. Будучи изоморфной породой, обсидиан легко поддается расщеплению в любых направлениях, образуя гладкий раковистый излом.

Как установлено, месторождения обсидиана образуют на Кавказе два изолированных ареала [Бадалян, 2002]. Первый из них находится на Северном Кавказе и многократно уступает второму по своим размерам. Северокавказский обсидиан происходит из небольших источников в районе вулкана Эльбрус (Кабардино-Балкария). Там они зафиксированы в виде скоплений образующегося при извержениях пирокластического материала (глыбы, валуны, вулканические бомбы и более мелкие обломки (лапиллы)) на восточных склонах Эльбруса и в долине р. Баксан (сел. Заюково и Чегем). На северной и северо-восточной окраинах сел. Заюково на краю древних высоких террас Баксана, содержащих верхнеплейстоценовые суглинки и галечники, были встречены в россыпях пирокластические отделиности обсидиана типа небольших бомб и лапиллей, среди которых удалось обнаружить два скопления мустьерских изделий из этого сырья [Любин, 1977б, с. 107].

Основной ареал распространения обсидианового сырья находится на Южном Кавказе. Он связан с молодыми риолитовыми вулканами Армянского вулканического нагорья и простирается с северо-запада на юго-восток на 270-300 км [Бадалян, 2002, С. 13]. Выходы обсидиана известны на Джавахетском, Цахкуняцком и Зангезурском хребтах, на Гегамском, Сюникском и Вардениском нагорьях и на склонах массива Арагаца.

Южно-кавказские обсидиановые индустрии

Самыми северными из южно-кавказских являются выходы обсидиана на вытянутом в меридиональном направлении Джавахетском (Кечутском) хребте, входящем в состав Южно-Грузинского, или Джавахетско-Ахалкалакского нагорья. Северная часть хребта находится в пределах Грузии, а южная – на территории Армении. Джавахетский хребет представляет собой вулканический щитовидный массив с высотами до 3000-3200 м [Габриелян, 1962, с. 170]. В основе его лежит древний трещинный вулкан, над которым возникли около 20 вулканических конусов, которые постепенно увеличивались в размере и срастались, образовав современный хребет. Хребет сложен плиоцен-четвертичными магматическими породами (липарито-дациты, обсидианы, долеритовые базальты, андезито-базальты и андезиты, андезито-дациты и гиалодациты) [Харазян, 1970].

Главное обсидиановое месторождение этого района приурочено к экструзивному, то есть образованному вязкой лавой, куполу вулкана Чикиани (Коюндаг). Этот купол, сложенный в основном обсидианами, расположен у подножья западного склона Джавахетского хребта, на северо-восточном берегу озера Паравани. Помимо самого купола обсидиан распространяется почти на 2,5 км к северо-востоку от него в виде широкого потока. Возраст обсидиановых пород Чикиани оценивается сейчас как

верхнеплиоценовый, в интервале 2,6-2,3 млн. лет назад [Badalyan et al., 2004, p. 443]. Структура обсидианов Чикиани является однородной, пластовой, окраска варьирует при доминировании черного, красноватого и серовато-коричневого цветов [Beliaeva et al., 2004]. По данным проводившего археологическое исследование этого района З.К. Кикодзе (личное сообщение: по [Бадалян, 2002, с. 14]), близ обсидианового месторождения Чикиани существовали древние стоянки-мастерские – начиная с раннего палеолита (средний ашель) и вплоть до неолита и даже энеолита. Интересно, что обсидиан использовался только в поздних памятниках, а изделия раннепалеолитического времени изготовлены из андезита и дацита.

К югу от Чикиани, в юго-западном подножье Джавахетского хребта, неподалеку от озера Ени-Ель, существует еще несколько менее значительных выходов обсидианов – так называемая Ашоцкая группа. Обсидианы встречены близ сел. Агворик и Сизавет в виде обломков смолянисто-черного или черно-бурого цветов, порой с полосчатой структурой. Центр извержения этих обсидианов не установлен [Бадалян, 2002, с. 15]. Разведки, проведенные в 2003-2006 гг. совместной Российско-Армянской экспедицией в юго-восточной части Джавахетского хребта и примыкающей к ней части Лорийского плато показали, что изделия ранне- и среднепалеолитического облика изготавливались на этой территории исключительно из дацита и андезита, однако наряду с ними обнаруживаются более поздние (мезолит?) обсидиановые артефакты. Не исключено, что сырье для них могло добываться на наиболее близких Ашоцких месторождениях обсидиана. Тот факт, что выходы обсидианового сырья на западных склонах Джавахетском хребта не использовались палеолитическим населением его юго-восточных предгорий, может объясняться двояко: либо эти люди не заходили к западу от хребта, либо они, как и палеолитические обитатели района Чикиани, предпочитали обсидиану более привычные и распространенные в этом районе дациты и андезиты.

Юго-западнее Джавахетского хребта известны вторичные источники обсидиана – обсидиановые гальки в древних террасах среднего течения р. Ахурян, юго-западу от г. Гюмри. Как предполагается, эти гальки принесены сливающейся с Ахуряном р. Карс, поскольку они изобильны в верхнем течении этой реки, уже в пределах турецкой провинции Карс [Badalyan et al., 2004, p. 445]. Палеолитические изделия из этого сырья не обнаружены.

К югу от Джавахетского хребта, уже на широте Севана, в направлении С-З – Ю-В располагается ответвляющийся от Памбакского хребта хребет Цахкуняц, где месторождения обсидиана приурочены к шести риолитовым вулканам. Этот хребет сложен метаморфическими и кристаллическими породами докембрия и не включается в зону вулканического нагорья. Однако проходящий рядом с ним глубинный разлом обусловил развитие здесь древнего вулканизма (палеоген-неоген) [Нефедьева, Думитрашко, 1962, с. 82]. Обсидианы вулканов Цахкуняца имеют самый древний возраст из всех рассматриваемых источников – нижний плиоцен [Бадалян, 2002, с. 6]. На самом северном вулкане Дамлик обсидиан представлен в виде осыпей пирокластического материала и разнообразится по цвету: черный, красный, черный полосчатый с красными прожилками. Непосредственно у места этих выходов обнаружена мастерская периода мезолита-неолита. Расположенный в 7-8 км к юго-востоку вулкан Твакар сформировал коричнево-черные и красно-бурые обсидианы, которые также расщеплялись на месте в постпалеолитическое время. Еще далее на юго-восток находится вулкан Камакар, осыпи вокруг которого образованы обломками преимущественно черного или темно-серого обсидиана. Реже встречаются черно-коричневые полосчатые отдельности. Аналогичный материал обнаружен на вулканах Аркаясар и Петлик, которые относятся к тому же магматическому очагу, что и Камакар [Бадалян, 2002, с. 16].

Обломки обсидиана из месторождений Цахкуняцкого хребта попадали в русла стекающих с него ручьев, а затем в более крупные реки. Таким образом сформировались вторичные источники обсидиана – галечники рек Раздан, Мармарик и Касах. Обсидиановые гальки в примыкающих к Цахкуняцу участках русел р.р. Раздана и Мармарика в палеолите не использовались. Мелко галечное же обсидиановое сырье протекающей к западу от хребта р. Касах послужило для изготовления мустьерских и более поздних обсидиановых изделий в серии местонахождений Мулки, Риа-Газа и Мирак, расположенных на древних террасах Апаранской котловины в верхнем течении р. Касах, где существовала цепочка плейстоценовых озер. Первичные источники обсидиана на хребте Цахкуняц в палеолите, по всей видимости, не использовались. Мустьерские обитатели этой территории не оставили следов своего пребывания у высокогорных выходов обсидиана, довольствуясь только снесенной в долину обсидиановой галькой [Гаспарян и др., 2004]. Наиболее крупные обсидиановые гальки из вторичных источников Цахкуняца могли быть использованы для изготовления ручных рубил: четыре верхнеашельских рубила из обсидиана были обнаружены на более низких террасах Апаранской котловины.

Однако в раннем палеолите людей, судя по всему, более привлекали другие источники обсидиана, которые расположены западнее – в зоне массива Арагац, и южнее – в зоне Гегамского нагорья. В Арагацкой зоне находится знаменитый Сатани-дар – первый открытый в Армении раннепалеолитический памятник.

Местонахождение Сатани-дар приурочено к выходам обсидиана на куполовидном вулкане Артени, который находится на юго-западной периферии горы Арагац. Сложный полигенный стратовулкан Арагац является крупнейшим (высота до 4095 м, площадь около 6000 кв. км) массивом вулканического нагорья Армении, который сформировался в результате многочисленных извержений, происходивших с миоцена и до плейстоцена включительно и сопровождавшихся как излияниями лав, так и взрывными выбросами пирокластического материала [Бальян, 1962, с. 179-187]. На юго-западном склоне Арагаца выделяются экструзивные конусы липарито-дацитового, или риолитового состава, среди которых крупнейший в Армении комплекс подобного рода – купол Артени. Он также отличается довольно сложным строением и образовался в результате слияния двух вулканических конусов Мец Артени (Большой Артени) и Покр Артени (Малый Артени). Деятельность этого вулкана началась с выбросов пирокластического материала, а потом последовали излияния липарит-обсидиановых лав [Карапетян, 1966, с. 129]. На Мец Артени обсидиановые потоки, возраст которых считается нижнеплейстоценовым – между 1,38 и 1,17 млн. лет назад [Badalyan et al., 2004, p. 446], обнажаются у северо-западного подножья, а на Покр Артени – у южного [Бадалян, 2002, с. 15]. Обсидиан залегает здесь также в виде линз-включений в другие вулканические породы и в виде пирокластического материала размером от крупных глыб до лапиллей. В результате выветривания во многих пунктах на склонах горы Артени образовались россыпи обсидиановых желваков и обломков. Абсолютно преобладает черный обсидиан, реже встречаются разновидности серебристо-серой окраски и еще реже – красной. Большая часть этого сырья отличается очень высоким качеством: оно плотное, прозрачное и совершенно лишено инородных включений [Паничкина, 1950, с. 21].

Впервые обследование источников обсидиана близ горы Артени (бывш. Богутлу) предпринял французский инженер, а впоследствии археолог Ж. де Морган, который работал в Армении в конце XIX – начале XX века [de Morgan, 1909, p. 198-199, 200-201]. Находки, сделанные им близ Артени, Ж. де Морган отнес частично к мустье и верхнему палеолиту, а частично – к неолиту-энеолиту. В 1944-1949 гг. склоны этой горы были обследованы С.А. Сардаряном, который обнаружил там около 12 пунктов с разновременными обсидиановыми изделиями. Наиболее богатые сборы были сделаны им на северо-восточном склоне горы на холме Сатани-Дар, а также на юго-восточных склонах (холмы Арегуни (Барож) и Еркарук) [Сардарян, 1954, с. 17, 49-53]. В 1946 г. новые изыскания на северных и северо-восточных склонах горы Артени, включая Сатани-Дар, предприняли С.Н. Замятнин и М.З. Паничкина, а с 1947 по 1948 гг. тщательные исследования Сатани-Дара, где было найдено большое количество древнепалеолитических (ашель), а также мустьерских изделий, велись под руководством М.З. Паничкиной. Как отмечает исследовательница, этот небольшой холм высотой около 50 м сложен, как и сама гора Артени, липаритами и обсидианами, которые хорошо прослеживаются в обнажениях на вершине и склонах холма [Паничкина, 1950, с. 23]. На поверхности холма Сатани-Дар и у его подножия находится огромное количество естественных обломков и желваков обсидиана, среди которых встречаются палеолитические и более поздние изделия. Для изделий ашельского облика, прежде всего, бифасов характерна более или менее глубокая бархатистая патина, а у некоторых разрушение поверхности выразилось даже в ноздреватости и пористости. В качестве первичных заготовок использовались желваки, естественные обломки и сколы различных размеров. По наблюдениям Паничкиной, древнепалеолитические изделия были собраны на Сатани-Даре в пределах строго ограниченного участка около 1450 кв. м, что позволяет предполагать наличие здесь разрушенной эрозией стоянки этого периода. Авторы настоящей работы, посетившие Сатани-Дар и его окрестности, а также холм Арегуни в 2003 г., уже не обнаружили подобных концентраций относительно гомогенного древнепалеолитического материала. Новые сборы показали весьма пестрый, явно разновременный состав находок, включающий как собственно ранне- и среднепалеолитические изделия, так и множество более поздних предметов, включая оформленные, судя по срезающей патину обработке, на древних палеолитических заготовках. Мастерские по эксплуатации высококачественных обсидиановых источников Артени, по-видимому, существовали практически постоянно, начиная от раннего палеолита (ашель) и до позднего бронзового века, о чем свидетельствует, в частности, наличие изделий из этого сырья на 22 поселениях неолита-энеолита и бронзы [Бадалян, 2002, с. 15].

Другой крупный очаг месторождений обсидиана приурочен к Гегамскому вулканическому нагорью, обрамляющему с запада озеро Севан. Это нагорье высотой до 2800 м имеет напоминающую щит платообразную поверхность, образованную лавовыми потоками и покровами, но вдоль осевой зоны его возвышаются многочисленные вулканические вершины [Бальян, 1962, с. 198]. В южной части

этого массива на расстоянии около 4,5 км друг от друга расположены вулканы Спитаксар и Гехасар, которые содержат обнажающиеся потоки черных, серых и полосчатых коричневых обсидианов. Несмотря на внешнее сходство этих двух источников, обсидианы Спитаксара, среди которых много сферолитов, малопригодны для расщепления и вовсе не использовались древним человеком. Обсидиановое сырье Гехасара, напротив, является гомогенным и весьма качественным. В 1998 г. Армяно-французская экспедиция обнаружила около этого источника целую группу древних мастерских, однако состав находок свидетельствует об их постпалеолитическом возрасте (неолит-энеолит) [Chataigner, 1998]. Сырье Гехасара имеет наиболее поздний возраст среди всех армянских источников обсидиана – верхний плейстоцен [Бадалян, 2002, с. 6]. К среднему плейстоцену отнесена другая группа обсидиановых месторождений этого района, приуроченная не к основной части Гегамского нагорья, а к его западным предгорьям, где располагается Раздано-Котайкское плато. Основанием этого плато служат мощные покровы долеритовых лав, спускающиеся полого волнистыми ступенями от Гегамского нагорья к долине р. Раздан. Абсолютная высота плато колеблется от 1170 до 1500 м. На северной окраине этого плато располагаются экструзивные конусы вулканов Гутансар, Фонтан, Алапарс и Атис. Эти вулканы извергали как лавовые потоки, так и вулканические бомбы и шлаки. В результате в этом районе образовались обильные месторождения обсидиана, которые активно использовались верхнеашельскими обитателями Раздано-Котайкское плато. Именно здесь была открыта целая серия местонахождений, объединяемых порой под названием Разданской группы.

Наиболее богатые коллекции раннепалеолитических изделий были собраны на склонах вулкана Атис, где обсидиановые пласты обнажаются на всех склонах и имеют мощность от 5-10 до 52 м. Г.П. Казарян, который начиная с 1983 г. вел интенсивные поисковые работы в этом районе, открыл более 10 местонахождений на юго-восточных и южных склонах Атиса. Оттуда происходит более 9500 обсидиановых орудий, в составе которых более 1500 бифасов, в том числе 400 экз. из пункта Атис 1. По мнению Р.П. Казаряна, в коллекциях Атиса можно выделить два генетически связанных комплекса – верхнеашельский и финальноашельский. Местонахождения приурочены к холмообразным участкам склонов в непосредственной близости к выходам сырья [Казарян, 1986, с. 433]. Позднее на Атисе работал и Б.З. Гаспарян, который обнаружил новые находки обсидиановых раннепалеолитических изделий и на других склонах горы (личное сообщение). К югу от Атиса левобережье Раздана занимает Котайкское плато, где в 1967 г. геолог К.И. Карапетян обнаружил несколько пунктов со смешанным ашело-мустьерским материалом (Абовян-1, Капутан-1, Акунк-1, Гехашен-1, Ераблур-1 и др.). Из всех этих местонахождений опубликован были только пункты Ераблур-1 и Ераблур-2, расположенные на склонах холма, образованного долеритовыми базальтами (абсолютная высота – 1600 м). На поверхности были собраны 725 предметов – преимущественно из обсидиана, а также из андезитобазальта и яшмы. Изучавший эти находки Б.Г. Ерицян подразделил их на два комплекса – ранний мустьерский, в котором присутствует рубильце, и поздний, тоже мустьерский в целом, но с наличием примеси постмустьерских изделий [Карапетян, Ерицян, 1969, с. 171-176]. Обсидиановое сырье здесь, очевидно, является продуктом деятельности Атиса.

Второй по количеству находок является серия местонахождений северо-западнее Атиса, близ селений Джрабер, Фонтан и Кендарасы, открытая в 1958 г. В.П. Любиным [1961]. Основным источником обсидиана здесь является вулкан Гутансар, расположенный в 6 км к северо-западу от Атиса. Характер деятельности Атиса и Гутансара идентичен: извержения их начались с обширных излияний липарит-обсидиановых лав и завершились липарит-дацитовыми [Карапетян, 1966, с. 130]. Близ Гутансара пласты черных и бурых полосчатых обсидианов образуют карнизы высотой от 4-6 до 10-15 м. Общая площадь, покрытая лавовыми потоками, достигает 40 кв. км. Северо-западнее Гутансара на протяжении 3-5 км имеются еще 2 вероятных центра излияний – один близ сел. Фонтан и другой у сел. Алапарс [Карапетян, 1966, с. 131]. Возраст всех этих излияний датируется промежутком – 310-240 тыс. лет назад [Badalyan et al., 2004, p. 450]. У селений Джрабер, Фонтан и Кендарасы в стенках глубоких оврагов и дорожных выемок обнажаются слои липаритовых туфов, обсидианов и пемзы. На вскрытой распашкой поверхности плато и склонах оврагов залегает огромное количество обломков обсидиана преимущественно черной, а также красной, черно-зеленой и оливково-серебристой окраски, среди которых В.П. Любин в 1958 г. впервые обнаружил палеолитические артефакты [Любин, 1961]. Близ Джрабера было установлено 10 пунктов находок, близ Фонтана – 2 и близ Кендарасы – 4 пункта. Впоследствии дополнительные сборы ашельских изделий в районе Гутансара проводил Б.Г. Ерицян [Ерицян и др., 1996]. Состав находок (нуклеусы, сколы, законченные и незаконченные обработкой ручные рубила) и их технико-морфологические особенности позволили В.П. Любину определить эти местонахождения как остатки верхнеашельских мастерских, исключая один пункт близ Джрабера, где были сосредоточены мустьерские изделия. Заготовками нуклеусов и

орудий служили естественные или искусственно выломанные куски обсидиана плитчатой или удлиненной формы [Любин, 1961, с. 62].

Южнее этих местонахождений, уже непосредственно на высокой террасе р. Раздан геолог А.П. Демехин в 1933 г. открыл местонахождение с верхнешельскими и мустьерскими обсидиановыми изделиями у села Арзни [Демехин, 1940]. В дальнейшем оно исследовалось С.Н. Замятниным и М.З. Паничкиной [1950, с. 69-71], а также С.А. Сардаряном [Сардарян, 1954, с. 91]. Позднее сходные ашельские, а также мустьерские материалы были обнаружены и в ряде других пунктов, расположенных на террасах в среднем течении Раздана – в Аширабаде, Аркеле, Нурнусе [Паничкина, 1950; Сардарян, 1954; Ерицян и др., 1996]. Исследователи этих приречных местонахождений подчеркивают, что абсолютное большинство изделий там изготовлено из обсидиановых галек со средним размером около 5-8 см [Паничкина, 1950, с. 71] и обломков, которые встречаются в покровных отложениях террас. Следует полагать, что происхождение всех этих многочисленных вторичных источников обсидиана в долине Раздана связано, очевидно, с деятельностью Атиса и Гутансара [Бадалян, 2002, с. 17]. Обсидиановый пирокластический материал и щебень из разрушающихся пластов этой породы могли сноситься в долину Раздана небольшими местными водотоками. Обсидиановое сырье различных оттенков черного, коричневого и серого цветов в виде щебня и галек, которое использовали обитатели расположенной на этом участке долины мустьерской пещерной стоянки Лусакерт I [Ерицян, 1975] имеет, видимо, аналогичное происхождение. Таковы же, очевидно, и источники обсидиана, который служил сырьем для мустьерской индустрии Ереванской пещеры, расположенной в нижнем течении Раздана в черте столицы Армении [Ерицян, 1970]. Это же сырье широко использовалось и в последующие эпохи на многих поселениях Араратской долины и более удаленных районов – вплоть до юго-западного Ирана [Бадалян, 2002, с. 18].

На юго-востоке Армении известны несколько месторождений обсидиана. Два источника расположены на Зангезурском хребте (вулкан Барцратумб) и Варденисском хребте (вулкан Хорапор). Судя по имеющимся данным, они не использовались, ни в историческое время, ни в палеолите [Бадалян, 2002, с. 19-20]. Это можно объяснить, возможно, их труднодоступностью, а относительно Хорапора и особой структурой породы, делающей ее непригодной для расщепления. Большая группа вулканов с сопутствующими выходами обсидиана приурочена к Сюникскому нагорью в верховьях р. Воротан. К этой группе, получившей название Сисианской (историческая область Армении), примыкают источники обсидиана на вулкане Кечалдаг, находящемся примерно в 7 км к северо-востоку от Сисианской группы, но уже на территории Азербайджана (Кельбаджарский р-н). Сисианская группа включает 6 риолитовых конусов. Около двух из них – вулканов Мец Сатанакар и Покр Севкар – обнаружены местонахождения типа мастерских, относящиеся, однако, к неолиту-энеолиту [Chataigner, 1998]. В период энеолита обсидиан этих источников широко использовался на поселениях окрестных территорий [Бадалян, 2002, с. 19]. Использование этого сырья в палеолитическое время пока не зафиксировано, хотя следует учесть, что область Сисиана в целом еще очень слабо исследована в отношении палеолита. Не исключено, что эта группа месторождений как наиболее близкая была первичным источником обсидиановой гальки в руслах рек Аракс и Арпачай, которая использовалась как сырье для мустьерской обсидиановой индустрии, обнаруженной в пещере Газма в ущелье р. Арпачай (Нахичевань) Что касается Кечалдага, то его обсидиановое сырье присутствует, очевидно, в пещере Зар в Кельбаджарском ущелье р. Тертер, где выявлена леваллуазская мустьерская индустрия [Джафаров, 1999].

Практически на всех палеолитических памятниках Армянского нагорья, расположенных в районах, приближенных к выходам обсидиана, это сырье либо является единственным, либо абсолютно преобладающим. Однако освоение обсидианового сырья пришельцами из более южных районов произошло, вероятно, не сразу, поскольку оно было для них совершенно непривычным по сравнению с кремнем, распространенным в Анатолии и Леванте [Любин, Беляева, 2001, с. 52]. Следует отметить, например, что в ашельских коллекциях Сатани-Дара наряду с производившимися на месте обсидиановыми рубилами присутствует немалое число принесенных со стороны дацитовых бифасов, в то время как мустьерские орудия сделаны уже исключительно из обсидиана [Паничкина, 1950; Сардарян, 1954; Карапетян, 1983, с. 81]. С другой стороны, как только человек научился обрабатывать обсидиан, качества этого сырья стали, очевидно, цениться весьма высоко, что обусловило использование его не только на памятниках, находящихся в непосредственной близости от его источников. На территории Армении К.И. Карапетян отмечает случаи использования обсидиана в качестве основного сырья на палеолитических местонахождениях, удаленных от его источников на расстояние от 3-4 до 26-27 км [Карапетян, 1983, с. 77-79]. Есть примеры транспортировки обсидиана и на много большие расстояния, хотя в подобных случаях он уже не был, разумеется, основным сырьем, а использовался для изготовления отдельных орудий. В таком качестве обсидиан встречается на

многих среднепалеолитических памятниках Закавказья (пещерные стоянки Азых, Таглар, Дашсалахлы, Бронзовая, Ортвала-кде, Сакажиа, Ортвала, Цона, Цхинвальские местонахождения), а в пещере Кударо I (Юго-Осетия, Центральный Кавказ) редкие обсидиановые изделия присутствуют уже в ашельских слоях. Для Северного Кавказа подобное широкое распространение обсидиана в ранне- и среднепалеолитических памятниках нехарактерно, исключая находки в верхних слоях Мезмайской пещеры. Это можно объяснить, видимо, слишком большим расстоянием от закавказских источников и локальным характером местного Баксанского месторождения, а также, возможно, менее плотным заселением и практическим отсутствием культурных контактов между разными частями северокавказского региона.

Андезито-дацитовые индустрии

Индустрии на базе андезито-дацитового вулканического сырья, как и обсидиановые, распространены в полосе Транскавказского поднятия, в районах излияния соответствующих лав. Эти породы тоже относятся к кислым и вязким разновидностям магматических пород, приобретающих при определенных условиях стекловатую структуру. Данное сырье хорошо поддается расщеплению, позволяя получать изделия с прочными и острыми краями. При раскалывании оно дает менее раковистый излом, нежели обсидиан, позволяя получать более прямоосные и уплощенные сколы [Любин, 1977а, с. 104]. К сожалению, вопрос о том, какие именно разновидности подобного сырья отбирались для использования в палеолите, и где располагались их основные месторождения, разработан на сегодня значительно хуже, нежели в отношении обсидиана. Определения пород такого рода на различных памятниках часто делаются лишь на основе визуального впечатления, без привлечения специалистов-петрографов и потому бывают порой противоречивыми. Так, например, подобное сырье, использованное для изготовления принесенных на Сатани-Дар рубил, определяется одними исследователями в качестве дацита [Сардарян, 1954, с. 73], а другими – как долеритовый базальт [Паничкина, 1950, с. 27]. Различные мнения высказываются и по поводу возможных источников данного сырья и степени их удаленности [Карапетян, 1983, с. 79]. Несмотря на эти проблемы, на сегодня можно с достаточной долей уверенности очертить два основных района, где были распространены палеолитические индустрии, базировавшиеся на местных дацитах и андезитах. Как и в случае с обсидианом, основной район находится в южной части Кавказского перешейка, на Армянском нагорье, а второй – на Центральном Кавказе.

Первый из этих районов можно назвать Ахалкалакско-Джавахетским. Он начал интенсивно исследоваться относительно недавно и подлинный потенциал его лишь приоткрывается. Тем не менее, по богатству источников такого сырья и обилию приуроченных к ним ранне- и среднепалеолитических материалов этот район заслуживает первоочередного внимания. Речь идет о северной части Армянского вулканического нагорья, которая выделяется в географической и геологической литературе под названием Южно-Грузинского, или Джавахетско-Ахалкалакского нагорья. Выше мы уже упоминали об этой области в связи с обсидиановыми месторождениями на входящем в его состав вулканическом Джавахетском хребте. Помимо этого хребта и соседствующих с ним хребтов и нагорий, объединяемых под названием Джавахетия, вулканические излияния андезитовых, дацитовых и иных сходных пород захватывали и некоторые более западные районы Южной Грузии – Арсианский хребет и Ахалцихскую депрессию [Схиртладзе, 1971, с. 428-429]. Первые в этом районе памятники с верхнеашельским и мустьерским инвентарем, изготовленным, как пишет автор открытия, из базальта и андезита, были обнаружены в 1960 г. в Джавахетии – на Ахалкалакском плато близ г. Ахалкалаки [Григолия, 1965, с. 12]. В 80-е годы обследования Джавахетии и соседствующих территорий начал З.К. Кикодзе, который собрал большие коллекции андезитовых ашельских бифасов близ упомянутого выше обсидианового купола Чикиани на западном склоне Джавахетского хребта и на Персатском лавовом плато на севере Ахалцихской депрессии [Кикодзе, Коридзе, 1978; Кикодзе, 1986]. Андезитовое сырье встречается также в раннеашельской индустрии стоянки Амиранис-гора близ г. Ахалкалаки, исследованной М.К. Габуния [2007].

В последние годы, начиная с 2003 г., Российско-Армянская экспедиция, в которой участвовали и авторы данной работы, приступила, как уже упоминалось, к поиску палеолитических памятников в юго-восточной части Джавахетского хребта, расположенной на территории Армении. Такое направление поисков было выбрано на основании целого ряда соображений, одним из которых была вероятность обнаружения на этом хребте привлекательного для палеолитических людей сырья. Эта предположение было поддержано изучавшим армянскую часть Джавахетского хребта геологом Э.Х. Харазяном (личное сообщение), благодаря чему стало известно о распространении там пригодной для расщепления и обработки стекловатой разновидности дацита – гиалодацита. За четыре сезона

экспедиция открыла в юго-восточной части предгорий Джавахетского хребта более двадцати пунктов с ашельскими и мустьерскими изделиями из местного гиалодацитового сырья [Асланян и др., 2007]. Установлено, что гиалодациты встречаются на обследованной территории почти повсеместно – в виде крупных глыб и уплощенных вулканических бомб, выброшенных извержениями, россыпью крупных и мелких обломков, образованных в результате выветривания более крупных отдельностей и даже пластов, а также – во вторичном залегании – в виде галек и валунов в аллювии водотоков, спускающихся с хребта на предгорную равнину. Отмечен отбор тех или иных форм сырья для изготовления различных типов изделий – оформление ручных рубил на крупных уплощенных галках и обломках, использование огромных блоков и валунов в качестве нуклеусов для скальвания крупных отщепов, создание орудий с боковым режуще-рубящим лезвием путем небольшой подправки краев естественных удлиненных плитчатых обломков и т.п. Судя по изобилию и составу находок (ручные рубила, нуклеусы, отщепы и пластины), а также технико-морфологическим характеристикам изделий, многочисленные стоянки-мастерские, ориентированные целиком на использование местного дацитового сырья, существовали на этой территории, начиная, по крайней мере, со среднего ашеля и на протяжении верхнеашельского и мустьерского периодов [Любин, Беляева, 2006, с. 41-43]. В ближайшие годы планируется продолжить начатые работы и провести более широкие и интенсивные исследования этого очага дацитовых индустрий. Большой интерес представляет, в частности, вопрос о происхождении дацитовых изделий в составе описанных ранее обсидиановых индустрий. Либо это была "измена" излюбленному обсидиану ради опробования местных дацитовых источников, либо эти вещи были принесены из Джавахетской дацитовой зоны. Если верно последнее, то они могут свидетельствовать о меридиональных перемещениях и контактах населения юга и севера Армянского вулканического нагорья.

Другой, преимущественно андезитовый сырьевой район – это Центральнo-кавказский, или Осетинский. Этот район приурочен к центральной части Большого Кавказа, к Казбекской вулканической области. Как отмечают специалисты, результатом вулканической деятельности здесь были в основном лавовые потоки, в то время как признаки извержений взрывного типа с выбросом пирокластического материала почти отсутствуют [Схиртладзе, 1971, с. 429]. Многочисленные излияния андезито-базальтовых и андезитовых лав зафиксированы на южном склоне этой части Кавказа на территории Юго-Осетии, в бассейнах р.р. Лиахви и Риони [Вассоевич, 1932; Залесский и др., 1936; Барсанов, 1937; Соловьев, 1941]. Наиболее крупные из них расположены на Кельском плато близ высокогорного оз. Кели. Кроме того, в Юго-Осетии известны еще около 40 более мелких излияний, большая часть которых – около 30 пунктов – находится в предгорьях, вдоль северной границы Горийской равнины, в полосе Ванати – Цхинвал – Квасатали. В высокогорье, в субальпийском поясе описаны два излияния – на горе Красной (долина р. Чанчахи) и горе Настырцуп близ сел. Кобиота в долине р. Джджори [Кузнецов, 1941]. В среднегорной зоне зафиксированы восемь лавовых потоков, включая излияния у горы Мтавар-Ангелози [Abich, 1887].

Особое внимание к Юго-Осетии обусловлено тем, что именно на этой территории В.П. Любин обнаружил около четырех десятков палеолитических памятников, базировавшихся на андезитовом сырье [Любин, 1960]. То, что сырье представляет собой андезит, подтвердил петрографический анализ типичного образца этой породы, сделанный специалистом в области четвертичных магм В.П. Петровым, который отметил к тому же стекловатый характер этого андезита [Любин, 1977а, с. 103]. Более половины этих памятников располагается в предгорной полосе южного склона этой части Большого Кавказа, на высоких террасах р.р. Большой Лиахви и Оконской Проне близ г. Цхинвала. Среди них 11 среднепалеолитических местонахождений типа разрушенных стоянок-мастерских (Кусрети I-III, Тамарашени, Каркуста-кау и др.). Удельный вес андезита в этих индустриях очень высок, варьируя от 72% до 85,9% [Любин, 1977а, с. 139], что предполагает, очевидно, использование местного сырья. Цхинвальские местонахождения располагаются на расстоянии от 3-5 до 15-17 км от ближайших к ним месторождений лавовых пород [Любин, 1977а, с. 103]. Аналогичные памятники встречаются и севернее, в зоне среднегорья – среднепалеолитическое местонахождение Морго, находящееся в 25 км по прямой от снежных вершин водораздельного Сланцевого хребта, также содержит преимущественно андезитовые изделия. Ближайшие и очень крупные выходы андезитовых лав известны в 4-5 км к северу от Морго. Озадачивает, однако, то обстоятельство, что хотя андезит и представлен во всех этих мустьерских памятниках основными продуктами расщепления (нуклеусы, сколы), среди них очень мало изделий с остатками желвачной корки и практически нет нуклеусов в начальной стадии расщепления [Любин, 1960, с. 67; 1977а, с. 103].

Это можно объяснить, предположив, что самая первичная обработка сырья должна была производиться непосредственно у его выходов. Однако для подтверждения этой гипотезы необходимо

обнаружить такие мастерские, которые были бы расположены у месторождений андезита и удостоверяли использование этих источников местным мустьерским населением. Пока, однако, такие свидетельства не найдены, за исключением нескольких мустьерских андезитовых сколов, собранных в 1954-1955 гг. непосредственно у андезитового потока близ сел. Цру (Любин, 1960, с. 67). Кроме того, озадачивает тот факт, что желвачная корка, которая все же сохранилась на некоторых изделиях, имеет вид рельефного "каракулевого узора" [Любин, 1977а, с. 103], характерного для вулканических бомб, в то время как извержения в данной области происходили, как считается, путем излияний почти без образования пирокластических продуктов [Схиртладзе, 1971, с. 429]. Таким образом, пока трудно судить об источниках сырья для каждой из этих индустрий, и тем более нельзя настаивать на том, что ими были именно ближайшие месторождения. Более того, отмеченный импорт сырья в виде полуфабрикатов, как установлено на примере множества памятников других регионов, связан, как правило, с достаточно большим расстоянием от месторождений.

В ашельских комплексах местонахождений этой предгорной зоны (Лаше-Балта, Тигва, Гористави и др.) андезит и дацит присутствуют преимущественно в виде орудий, прежде всего ручных рубил, а среди продуктов расщепления доминируют местные кремнистые породы. Следовательно, в ашельское время андезит и дацит рассматривались здесь как наилучшее сырье, но были намного более дефицитными, нежели в мустерскую эпоху. Для объяснения этого допустимы две основные версии. Во-первых, ашельские обитатели югоосетинских предгорий могли еще плохо знать местные источники хорошего вулканического сырья по причине ограниченного освоения данной территории. Вторая версия предполагает несформированность таких источников в ашельское время, поскольку время максимальной магматической активности Казбекского вулканического центра определяется интервалом $455 \pm 40 - 50 \pm 35$ тыс. лет назад, а максимальная активность всей Казбекской области датируется периодом 295 ± 60 тыс. лет назад (Новейший и современный вулканизм ..., 2005). На неместное происхождение дацита и андезита указывает и присутствие этих пород лишь в виде отборных орудий, что косвенно говорит о достаточно удаленных источниках данного сырья, которые могли располагаться на севере Армянского нагорья. Недавно эта гипотеза – по крайней мере, в отношении дацита – была подтверждена петрографическим и химическим анализом породы, из которой изготовлено одно из рубил югоосетинской группы ашельских местонахождений. Как оказалось, она идентична афировому дациту из источников Джавахетского хребта (А.Х. Мнацаканян, личное сообщение).

В ашельском инвентаре пещерных высокогорных стоянок Юго-Осетии (Кударо I и III, Цона) дацит не отмечен. Имеются, однако, редкие андезитовые изделия, что тоже указывает, скорее всего, на удаленный импорт – очевидно, как уже отмечалось, со стороны Армянского нагорья [Любин, Беляева, 2004, с. 211]. Интересно, что андезитовые изделия немногочисленны и в мустьерских слоях этих пещер, что резко отличает их от предгорных местонахождений данного периода.

Центрально-кавказская зона распространения подобных пород захватывала и Северный Кавказ. Вулканическая деятельность Казбека и Эльбруса на протяжении миоцена – голоцена оказала влияние и на северный склон Кавказских гор, приводя к образованию крупных лавовых плато (Нижне-Чегемское и Верхне-Чегемское), отдельных потоков, а также скоплений пирокластических материалов [Милановский, 1977, с. 221-224]. Однако в этих вулканических областях, непосредственно у коренных выходов магматических пород палеолитические памятники пока неизвестны. Среднепалеолитические местонахождения с андезитовыми изделиями открыты на Северном Кавказе в холмистых предгорьях Северной Осетии близ г. Владикавказа (Лысяя гора, Хутор Попов) и на предгорной равнине Ингушетии в долине Сунжи (Гамурзиево, Насир-корт, Плиево [Любин, 1969; Любин и др., 2006]). Андезит играет очень заметную, если не ведущую роль в сырьевом составе этих находок. Он является здесь местным сырьем, но находится во вторичном залегании – в виде валунов и галек. Реки и сели размывали и выносили продукты извержения к северному подножью Большого Кавказа, где образовались молассовые толщи [Милановский, 1977, с. 223]. Около Лысой горы известны обнажения акчагыльской толщи с андезитовыми валунами [Любин, 1969, с. 17], а в Плиево в долине р. Сунжи залегают мощные галечники, принесенные некогда здесь палео-Тереком [Любин и др., 2006].

Следует отметить, что наряду с памятниками, приуроченными непосредственно к описанным нами Джавахетскому и Центрально-кавказскому районам выходов лавовых пород, андезито-дацитовое сырье встречается и во многих других индустриях Южного Кавказа. Так, оно присутствует в небольшом количестве практически во всех тех мустьерских стоянках Закавказья, где основным поделочным материалом был кремний (пещеры Азых, Таглар, Дашсалахлы (Азербайджан), Бронзовая, Ортвала-кдде, Сакажиа, Ортвала, Чахати, Джручула (Грузия)). Относительно андезита в Ортвала-Кдде было высказано мнение, что это сырье добывали в виде галек из русла реки, которая приносила андезит из какого-то небольшого вулканического источника на соседнем хребте [Adler,

Tushabramishvili, 2004, p. 103]. Эта версия, конечно, вполне допустима, причем с некоторой модификацией она может быть предложена и в отношении некоторых других памятников из этого списка. Вторичные источники андезито-дацитового сырья в виде галек вполне могли возникать в целом ряде рек, стекающих с окраин Армянского нагорья. В то же время, обращает на себя внимание то обстоятельство, что список стоянок с наличием отдельных андезитовых предметов почти полностью совпадает с приведенным выше списком памятников, в которых среди редких разновидностей сырья встречены редкие обсидианы. Поскольку относительно обсидианов твердо известно, что в Закавказье они могут происходить только с Армянского нагорья или Джавахетии, то дальняя транспортировка его из этих районов неоспорима. Однако, если это так, то вполне допустимо, что вместе с обсидианами оттуда же могли поступать и андезито-дациты. В пользу этого допущения говорят также рассмотренные выше соображения о возможности транспортировки такого сырья вплоть до южных склонов Центрального Кавказа и обнаружение дацита из источников Джавахетского хребта в местонахождениях предгорий Центрального Кавказа (Юго-Осетия).

Заключение

Подведем теперь основные итоги этого достаточно подробного обзора сырьевой базы ранне- и среднепалеолитических памятников Кавказа. Итак, выделяются две основные петрографические провинции: 1) Большекавказская, в которую входят области распространения осадочных пород, прежде всего, кремнистых, и 2) Средино-кавказская, которая объединяет районы с источниками магматических пород. Как показывает распределение рассматриваемых памятников, их концентрация наблюдается в наиболее богатых сырьем районах. Там, где нет или очень мало источников пригодных для расщепления пород, подобные памятники крайне редки или вовсе отсутствуют. Обильные месторождения высококачественного сырья способствуют к формированию индустрий, использующих моносырьевую базу. Среди таковых следует, прежде всего, назвать кремневые индустрии Белореченско-Лабинского Закубанья на Северо-Западном Кавказе, обсидиановые индустрии юга Армянского вулканического нагорья и недавно выявленный очаг дацитовых индустрий в северной части этого нагорья (Джавахетский хребет). В промежуточных зонах, или же в тех частях сырьевых районов, где запасы качественного сырья невелики, палеолитические индустрии характеризуются, как правило, полисырьевой базой. Обычно полисырьевые индустрии включают местные породы разных достоинств, используемые по мере пригодности для изготовления определенных категорий изделий, а также некоторое количество качественного сырья, доставляемого из удаленных регионов и служащего обычно лишь для оформления отборных орудий. Известны примеры распространения такого сырья (обсидиан) на расстояния, которые могут превышать 100 км (пещерные мустьерские стоянки Имеретии, в частности стоянка Ортвала-кльде) и даже 200 км (пещерный ашель Юго-Осетии). В последнем случае, правда, мелкоразмерность и сработанность обсидиановых изделий указывают, скорее, не на разовую доставку, а на длительное сохранение этих предметов и передвижение их вместе с человеком из районов более приближенных к окраинам Армянского нагорья. В ряде случаев наблюдается разное использование сырьевых ресурсов одного и того же района ашельскими и мустьерскими обитателями. Так, при сравнении сырья ашельских и мустьерских индустрий из местонахождений и пещерных стоянок Юго-Осетии, оказывается, что мустьерские люди более тщательно подходили к выбору сырья и более широко осваивали сырьевые ресурсы региона. Наиболее избирательный подход к сырию демонстрируют люди верхнего палеолита, когда абсолютно преобладают моносырьевые индустрии, базирующиеся на наиболее качественных породах (кремень, обсидиан), причем даже при удаленности источников доставка такого сырья носит уже не спорадический, а систематический характер.

Список литературы

- Амирханов Х.А.** Верхний палеолит Прикубанья. – М., 1986. – 112 с.
Амирханов Х.А. Чохское поселение. – М., 1988. – 125 с.
Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-восточном Кавказе (предварительные результаты). – М., 2007. – 52 с.
Амирханов Х.А., Аутлев П.У. Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1) // СА. – 1977. – № 3.
Амирханов Х.А., Дервянко А.П. Разведки каменного века в Дагестане в 2003 году // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2004. – Вып. 1.
Антонов Б.А., Гвоздецкий Н.А. Основные особенности орографии // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа – М., 1977. – С. 9-13.

- Асланян С.А., Беляева Е.В., Колпаков Е.М., Любин В.П., Саркисян Г.М., Суворов А.В.** Работы Армяно-российской археологической экспедиция в 2003-2006 гг. // Записки ИИМК РАН. – 2007. – № 2. – С. 142-154.
- Аутлев П.У.** Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. – Майкоп, 1963. – 224 с.
- Аутлев П.У.** Губская палеолитическая стоянка // СА. – 1964. – № 4. – С. 172-176.
- Аутлев П.У.** Разведка памятников каменного века в Прикубанье // АО 1968 г. – 1969. – С. 95-96.
- Аутлев П.У.** Раннепалеолитические местонахождения р. Лабы // Ученые записки Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории. – Т. 11. История, этнография, археология. – Майкоп, 1970.
- Аутлев П.У.** Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1 // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. – С. 19-25.
- Аутлев П.У.** Охотники и собиратели нижнего и среднего палеолита Кубанского Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1981. – С. 8-47.
- Аутлев П.У.** Исследование каменного века Закубанья за годы Советской власти // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1988. – С. 3-22.
- Аутлев П.У., Голованова Л.В.** Новая ашельская стоянка на Северном Кавказе // АО 1983 г. – 1985. – С. 107.
- Аутлев П.У., Любин В.П.** История исследования палеолита Губского бассейна // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп, 1994. – С. 12-21.
- Бадалян Р.С.** Обсидиан Кавказа: источники и распространение сырья в эпоху неолита-раннего железа (по результатам анализов нейтронной активации). – Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Ереван, 2002.
- Бальян С.П.** Структурная геоморфология Армянского нагорья и окаймляющих его областей. – Изд-во Ереванского Университета. – Ереван, 1969. – 390 с.
- Барсанов Г.А.** К минералогии Юго-Осетии. – М.-Л., 1937.
- Беляева Е.В.** Мустьерский мир Губского ущелья. Северный Кавказ. – СПб., 1999. – 212 с.
- Бугианишвили Т.В.** Нижнепалеолитические памятники Гаре-Кახетского плоскогорья // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. – Тбилиси, 1979. – Т. VIII. – С. 60-80 (на груз. яз. с рус. резюме).
- Вассоевич Н.Б.** Краткий геологический очерк Джавского района Юго-Осетии // Производительные силы Юго-Осетии. Труды Совета по изучению производительных сил при Академии наук СССР. – Л., 1932. – Сб. 2, вып. 4.
- Векилова Е.А., Грищенко М.Н.** Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961-1965 гг. // МИА. – 1972. – № 185. – С. 41-54.
- Воронов Ю.Н.** Памятники каменного века Военно-сухумской дороги. – Сухуми, 1984. – 76 с.
- Габриелян Г.К.** Джавахетский хребет // Геоморфология Армении. – Ереван, 1962. – С. 170-172.
- Габуния М.К.** Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья // АВ. – 2007. – № 14. – С. 11-19.
- Гаспарян Б., Нагапетян С., Аракелян Д., Колоне Д., Шатенье К.** Местонахождения каменного века Апаранской котловины // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. – Тбилиси, 2004.
- Гвоздецкий Н.А.** Карст. – М., 1981. – 214 с.
- Гвоздецкий Н.А.** Карстовые явления в верхней части бассейна р. Губс // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп, 1994. – С. 37-47.
- Гвоздецкий Н.А., Маруашвили Л.И.** Карст // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. – М., 1977. – С. 188-196.
- Голованова Л.В.** Среднехаджохское позднеашельское поселение // СА. – 1985. – № 4.
- Голованова Л.В.** Ашельские памятники Северного Кавказа. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986.
- Голованова Л.В.** Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. – СПб., 1994.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М.** Пещера Матузка. – СПб., 2006. – 194 с.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П.** Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987-95 гг.) // РА. – 1998. – № 3. – С. 85-98.

Григолия Г.К. Нижнепалеолитические памятники Джавахетии // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. – Тбилиси, 1965. – Том IV. – С. 5-14 (на груз. языке с рус. резюме).

Гумилевский Н.И., Коробков И.И. Местонахождение памятников каменного века у с. Хейвани // КСИА АН СССР. – 1967. – Вып. 111.

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку, 1985. – 88 с.

Демехин А.П. Арзни. Гидрологический очерк. // Труды Армянского Геологического управления. – Ереван, 1940. – Вып. 1.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения юго-востока Европы (Предварительное сообщение) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М., 2006а. – Кн. 1. – С. 91-97.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Цыбанков А.А., Мансуров М.М., Зейналов А.А. Результаты разведочных исследований на севере Азербайджана в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2005. – Том XI, часть I. – С. 63-67.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Раннепалеолитическая микроиндустрия стоянки Дарвагчай – морфология и предварительная классификация // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск, 2006б. – С. 48-64.

Джафаров А.К. Средний палеолит Азербайджана. – Баку, 1999. – 345 с.

Дороничев В.Б. Раннеашельская стоянка в Треугольной пещере // Вопросы археологии Адыгеи. – 1992. – С. 102-134.

Дороничев В.Б., Голованова Л.В. Шаханская позднеашельская мастерская // КСИА АН СССР. – 1987. – Вып. 189. – С. 56-62.

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блеквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. – СПб., 2007. – 270 с.

Ерицян Б.Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ереван, 1970.

Ерицян Б.Г. Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт 1 (Армения) // КСИА АН СССР. – 1975. – Вып. 141. – С. 42-50.

Ерицян Б.Г., Тадевосян С.В., Гаспарян Б.З. Культурные особенности материалов местонахождения каменного века Джрабер (Армения) // Вестник Ереванского Университета. – 1996. – № 3. – С. 125-139.

Залесский Б.В., Петров В.П., Беликов Б.А. Горные породы и строительные материалы Центральной части Юго-Осетии // Производительные силы Юго-Осетии. Труды Совета по изучению производительных сил при Академии наук СССР. – Л., 1936. – Сб. 4.

Замятнин С.Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды Второй МАИЧП. – Л.-М.-Новосибирск, 1934. – Т. 5. – С. 207-218.

Замятнин С.Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936-1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.-Л., 1950. – Вып. 2. – С. 127-129.

Замятнин С.Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. – М.-Л., 1961. – С. 63-66.

Захариков А.П. Разведки памятников каменного века на Прикалаусских высотах в 2001 году // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – 2007. – Вып. VII. – С. 33-47.

Казарян Г.П. Верхнеашельское местонахождение Атис I // АО 1984 г. – 1986. – С. 433-434.

Карапетян К.И. О зарождении знаний геологического характера (на примере каменного века территории Армянской ССР) // Вопросы геологии четвертичного периода Армении. К XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). – Ереван, 1983. – С. 75-84.

Карапетян К.И., Ерицян Б.Г. Новое Ераблурское мустьерское местонахождение в Армении // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1969. – Вып. 2 (45). – С. 171-176.

Карапетян С.Г. Центры извержений плиоценовых кислых пород Армении // Вулканические и вулканоплутонические формации. – М., 1966. – С. 127-133.

Кикодзе З.К. Бифас-колун в ашеле Кавказа // Вестник Гос. Музея Грузии. – Тбилиси, 1984. – Т. XXXVIII-В. – С. 55-63.

Кикодзе З.К., Коридзе И.Д. Краткий отчет о работах, проведенных Параванской разведывательной экспедицией в 1977 г. // Археологические экспедиции Государственного Музея Грузии. – Тбилиси. 1978. – Т. 6. – С. 19-26 (на груз. яз. с рус. резюме).

Котович В.Г. Каменный век Дагестана. – Махачкала, 1964. – 225 с.

- Кузнецов И.Г.** Четвертичные эффузии в Юго-Осетии, Верхней Раче и в Дзирульском массиве // Геология СССР. – М.-Л., 1941. – Т. 10, ч. 1.
- Кулаков С.А.** Местонахождение Богос на Северо-Западном Кавказе // Изучение раннего палеолита Старого света. – СПб., 1998. – С. 57-66.
- Любин В.П.** Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. – 1960. – № 79. – С. 9-78.
- Любин В.П.** Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения) // КСИА АН СССР. – 1961. – Вып. 82. – С. 59-67.
- Любин В.П.** Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. – 1969. – Т. 2. – С. 6-46.
- Любин В.П.** Мустьерские культуры Кавказа. – Л., 1977а. – 223 с.
- Любин В.П.** Открытие мустьерской культуры в Кабардино-Балкарии // АО 1976 г. – 1977б. – С. 107.
- Любин В.П.** Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. – М., 1984. – С. 45-94.
- Любин В.П.** Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (серия "Палеолит мира"). – Л. 1989. – С. 9-142.
- Любин В.П., Аутлев П.У.** Каменный инвентарь мустьерского слоя // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп, 1994. – С. 99-141.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Макроорудия как показатель этапов первоначального расселения гоминид из Африки в Западную Азию // Каменный век Старого света. – СПб., 2001. – С. 50-53.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). – СПб., 2004а. – 272 с.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Пятигорья (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии. – М., 2004б. – С. 104-111.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Человек и каменное сырье в палеолите Кавказа // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Материалы Международного семинара. – Сыктывкар, 2005. – С. 107-109.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Ранняя преистория Кавказа. – СПб., 2006. – 108 с.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Исследования палеолита на Ставрополье в 2001-2002 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – 2007. – Вып. VII. – С. 9-32.
- Любин В.П., Беляева Е.В., Мальсагов Б.Ж.** Палеолит Ингушетии и проблема заселения палеолитическими людьми предгорных равнин Северного Кавказа // Записки ИИМК РАН. – 2006. – № 1. – С. 10-22.
- Любин В.П., Соловьев Л.Н.** Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа // МИА. – 1971. – № 173. – С. 7-40.
- Любин В.П., Щелинский В.Е.** Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья // БКИЧП. – 1972. – № 38. – С. 88-98.
- Мансуров М.М.** О находке ручных рубил в Западном Азербайджане // КСИА АН СССР. – 1971. – Вып. 126. – С. 37-39.
- Милановский Е.Е.** Позднеорогенный вулканизм // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. – М., 1977. – С. 206-220.
- Муратов В.М., Аутлев П.У.** Среднеахаджохское палеолитическое поселение // МИА. – 1971. – № 173. – С. 41-48.
- Несмеянов С.А.** К вопросу о геоморфологическом положении ашельских памятников Закубанья // Вопросы археологии Адыгеи. – 1986. – С. 3-23.
- Несмеянов С.А., Голованова Л.В.** Геоморфологическое положение палеолита в среднем течении р. Белой Майкопского района // Вопросы археологии Адыгеи. – 1988. – С. 25-31.
- Нефедьева Е.А., Думитрашко Н.В.** Цахкуняцкий хребет // Геоморфология Армении. – Ереван, 1962. – С. 81-83.
- Ниорадзе М.Г.** Пещерные стоянки древнекаменного века в ущелье р. Цхалтитела. – Тбилиси, 1992. – 226 с.
- Новейший и современный вулканизм на территории России.** – М., 2005.
- Паничкина М.З.** Палеолит Армении. – Л., 1950. – 110 с.
- Паничкина М.З.** Новые палеолитические местонахождения левобережных притоков Кубани // Сборник материалов по археологии Адыгеи. – Майкоп, 1961. – Т. 2. – С. 39-72.
- Праслов Н.Д.** Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на

- Кубани в 1963 г. // КСИА АН СССР. –1964. – Вып. 101. – С. 74-76.
- Сардарян С.А.** Палеолит в Армении. – Ереван, 1954. – 185 с.
- Соловьев Л.Н.** Первобытное общество на территории Абхазии (Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии). – Сухуми, 1971. – 81 с.
- Соловьев С.П.** Четвертичные эффузии Казбекского и Кельского районов // Геология СССР. – М.-Л., 1941. – Т. 10, ч. 1.
- Схиртладзе Н.И.** Вулканические формы рельефа // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971. – С. 427-433.
- Тушабрамишвили Д.М.** Археологические разведки в ущелье р.Квирила // Вестник Гос. Музея Грузии. – Тбилиси, 1962. – Т. XXIII-В.
- Тушабрамишвили Д.М.** Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса // Изучение пещер Колхиды. – Тбилиси, 1978. – С. 127-182.
- Формозов А.А.** Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья (по данным разведок 1950 года) // КСИА АН СССР. – 1952. – Вып. 46. – С. 31-41.
- Формозов А.А.** Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году // КСИИМК. – 1960. – Вып. 78. – С. 13-21.
- Формозов А.А.** Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. – Майкоп, 1961. – Т. 2. – С. 39-72.
- Формозов А.А.** Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. – 1962. – № 4. – С. 17-27.
- Формозов А.А.** Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965. – 159 с.
- Харазян Э.Х.** Геология новейших вулканических образований северо- западной части территории Армянской ССР (бассейны рр. Ахурян и Дзорагет). – Автореф. дис. ...канд. геол.-мин. наук. – Ереван, 1970.
- Чистяков Д.А.** Мустьерские памятники северо-восточного Причерноморья. – СПб., 1995. – 146 с.
- Щелинский В.Е.** Палеолит Черноморского побережья Северо-западного Кавказа (памятники открытого типа). – СПб., 2007. – 189 с.
- Abich H.** Geologische Forschungen in den kaukasischen. III. – Landern, 1887.
- Adler D., Tushabramishvili N.D.** Middle Paleolithic Patterns of Settlement and Subsistence in the Southern Caucasus // Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. – Tubingen, 2004. – Т. II. – P. 91-132.
- Badalyan R., Chataigner Ch., Kohl Ph.L.** Trans-caucasian obsidian : the exploitation of the sources and their distribution // Ancient Near Eastern studies. Supplement 12. A view from the Highlands. Archaeological studies in honour of Charles McBurney.– Peeters, 2004. – P. 437-465.
- Beliaeva E.V., Lapo A.V., Lioubine V.P.** Obsidian of the Trans-caucasus: geology and archaeology // L'Ossidiana del Monte Arci Nel Mediterraneo: recupero dei valori di un territorio.. – Ghilarze (Sardegna), 2004. – P. 133-142.
- Chataigner Ch.** Mission Caucase. Rapport scientifique sur operations effectuees en 1998. – Lyon, 1998.
- Golovanova L., Hoffecker D.F., Nesmeyanov S., Levkovskaya G., Kharitonov V., Romanova G., Svejenceve I.** Un site micoquen est-europeen du Caucase du Nord // L'Anthropologie. – 1998. – Tome 102, № 1. – P. 45-66.
- Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T.** Middle and Late Pleistocene investigations of Mystulagty Lagat (Weasel Cave), North Ossetia, Russia // Antiquity. – 2003. – Vol. 77, № 298.
- Morgan J. de.** Les stations prehistoriques de l'Aladheuz (Armenie russe) // Revue de l'ecole d'anthropologie de Paris. – Paris, 1909. – P. 189-203.
- Scelinskij V.E.** Der Mittelpalaolitische Fundplatz Ilkaya II im Westlichen Kubangebiet // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums. – Mainz, 1998. – Т. 45. – P. 131-161.

КОРОЛЕВО: ХРОНОЛОГИЯ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА*

Стоянка Королево открыта в 1974 году Закарпатской палеолитической экспедицией ИА НАНУ под руководством д.и.н. В.Н. Гладиллина [Гладиллин, Солдатенко, Моця, 1975; Гладиллин, 1975].

Местоположение

Палеолитическое местонахождение Королево расположено на 100-120 м террасах (Гострый Верх и Бейвар) левого берега р. Тисы у северной окраины села Веряця Виноградовского района Закарпатской области Украины в пограничье с Венгрией и Румынией. Этот район получил название Хустских ворот, так как, именно здесь Тиса, спустившись с Карпатских гор, пересекает Выгорлат-Гутинскую вулканическую гряду, изобилующую андезитовым сырьем, выходит на просторы Паннонской (Среднедунайской) низменности (рис. 1).

Методика исследований

Стоянка находится в зоне действующего карьера Королевского щебзавода (рис. 2). Это обстоятельство предопределило методику исследований и ход раскопочных работ. "При выработке методики исследований памятника необходимо было учитывать ряд объективных факторов: неразработанность вопросов геологической и археологической стратиграфии Закарпатья; расположение местонахождения на территории действующего камнедобывающего карьера, производственные работы на тех или иных участках которого не могли быть приостановлены на длительное время... Путь разбивки одного раскопа с последующим расширением его на прилежащие участки был в данном случае неприемлем. Необходимо было в сжатые сроки, учитывая угрозу уничтожения карьером, установить границы местонахождения, получить его генеральный разрез, выяснить стратиграфию различных участков, локализацию палеолитических комплексов в плане и профиле, собрать достаточные в научном отношении археологические коллекции" [Гладиллин, Ситливый, 1990, с. 27].

Следовательно, на первых порах основное внимание уделялось накоплению археологического материала и изучение стратиграфии самой стоянки. За годы исследований было поставлено 16 зачисток, заложено 37 шурфов, разбито 14 раскопов, получено более 80 тыс. артефактов (рис. 3).

Следующим этапом в изучении памятника было введение в научный оборот полученных данных [Гладиллин, 1985, 1989; Гладиллин, Ситливый, 1990; Кулаковская, 1989; Солдатенко, 1982; Усик, 1990; Демиденко, 1990, Adamenko, Gladilin, 1990 и т.д.].

В результате общепринятым стало положение о наличии на стоянке Королево 15 палеолитических слоев, один из которых был отнесен в верхнему палеолиту (I-a), семь – к мустье (I, II, II-a, II-b, III, IV, IV-a), семь к ашелю (V, V-a,b,c, VI, VII, VIII).

Речь шла о наиболее раннем появлении:

- ♦ верхнепалеолитических индустрий в регионе (I-a) и "уникальном для Европы случае залегания позднепалеолитических индустрий в весьма древних отложениях (ранний вюрм) между мустьерскими горизонтами" [Гладиллин, 1989, с. 15];
- ♦ леваллуазской техники в раннем палеолите и ее эволюции к среднему палеолиту [Gladilin, Sitlivyj, 1990];
- ♦ индустрий с листовидными острьями и их сосуществовании с леваллуазской техникой (V-a, V) [Gladilin, Sitlivyj, Tkachenko, 1995].

□ Автор приносит благодарность В.И. Усику за помощь и постоянное совместное сотрудничество. Работа выполнялась в рамках программ INTAS 97-0072, INTAS-Net 2000-879 и РГНФ-НАНУ 05-2007-2009.

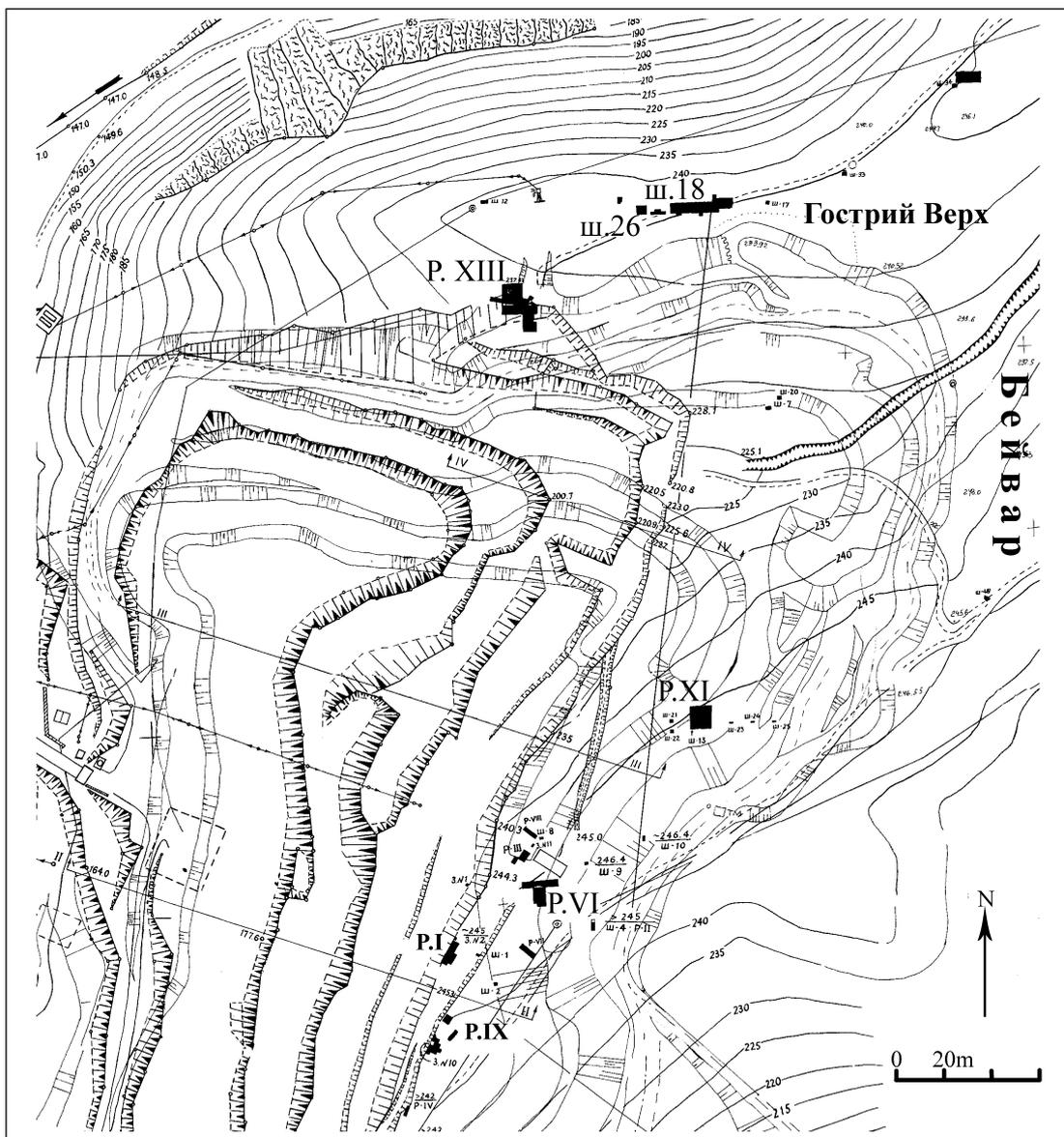

Рис. 3. Королево. План камнедобывающего карьера с обозначенными раскопами

Третий этап предполагал детальный анализ каждого из комплексов, сопоставление его не только с центрально-европейскими материалами, но и с индустриями Восточной Европы.

В настоящее время проводится технико-типологический анализ каждого отдельного археологического слоя зафиксированного *in situ* на том или ином объекте (раскоп, шурф, зачистка). Из коллекции каждого культурно-хронологического комплекса изъяты все собранные на поверхности материалы. Инситность слоя проверяется многочисленными разрезами и планами

Сложность этой работы состоит в том, что за годы раскопок накоплен огромный материал, часть которого не была обработана. По причине частого соседства с работающей в карьере техникой не всегда представлялось возможным во время полевых исследований наносить находки на план. Конечно же, это есть нарушение методики раскопок, но объективные реалии в свое время были таковы. Также остались отдельные не всегда до конца выясненные стратиграфические моменты. Перепроверить и уточнить все это сегодня очень сложно, а порой практически невозможно. На данный момент на стоянке практически отсутствуют участки с инситным залеганием материала (сектор Бейвар), в тех местах, где хорошо представлена стратиграфия, археологическая колонка имеет лакуны (сектор Гострый Верх).

Вместе с тем были проведены дополнительные геологические работы, о которых будет сказано ниже.

Многое из сделанного подтверждает уже устоявшиеся взгляды на развитие событий на стоянке, в других случаях – речь идет о многоступенчатой перепроверке известных результатов. Королево – памятник уникальный и сложный. Тот палеолитический арсенал, который уже имеется, заслуживает и дополнительного изучения и соответствующих публикаций. Называть эту стоянку "пирогом с лакомыми кусочками" [Кухарчук, 2007, с. 23] в высшей степени неприлично. Многотысячные коллекции стоянки открыты как для ознакомления, так и для обработки для всех интересующихся палеолитической проблематикой. К ним постоянно обращаются специалисты в области палеолита из ближнего и дальнего зарубежья.

Стратиграфия (рис. 4)

Цоколь террас сложен дацитами, которые перекрываются четвертичной толщей, мощность которой местами (преимущественно в секторе Гострый Верх) составляет более 12 м. Сама толща лессовидных суглинков разделена серией ископаемых почв, которые служат хорошими реперами для определения возраста археологических слоев [Адаменко, Гродецкая, 1987; Адаменко и др., 1989; Гладилин, Ситливый, 1990; Haesaerts, Koulakovska, 2006].

Итак, в четвертичной толще Королево выделено 7 палеопочв (нумерация почв III-IX по О. Адаменко и К-III – К-IX по Р. Haesaerts соответствует региональной схеме Закарпатья). Наиболее полно стратиграфия Королево опубликована О. Адаменко [Адаменко и др., 1989; Adamenko, Gladiline, 1989] и Р. Haesaerts [Haesaerts, Koulakovska, 2006]. В первом случае автор основывался на материалах шурфов 18, 26, во втором – на материалах разреза 1998 г. в секторе Гострый Верх.

Здесь выделяется несколько хронологических реперов:

1 – граница зон Матуяма – Брюнес. Установлена за образцами, взятыми в суглинке, разделяющем VIII и IX ископаемыми почвами [Адаменко и др., 1989; Adamenko, Gladiline, 1989]. Этот возраст был подтвержден в 1998 г. (образец из слоя 23) [Haesaerts, Koulakovska, 2006].

2 – палеопочва, которая была отнесена к миндель-риссу (Гольштайну). По палинологическим данным Г.М. Левковской [Гладилин, Ситливый, 1990], в ней было выделено два оптимума, которые "соответствуют одному теплому межледниковью, климат которого был влажнее климата всех более ранних термомеров. Во время межледниковья территория была значительно облесена, в спектрах не обнаружена пыльца ксерофильных древесных пород (каркаса, грабинника) и травянистых растений, образующих ксерофильные группировки. Обращает на себя внимание постоянное присутствие пыльцы лапины, характерной для низовых лесов эвксинского типа. Климатическая обстановка раннего и позднего из этих двух оптимумов была идентичной. Ранний из них характеризовался очень резким доминированием вяза со сравнительно небольшим участием лапины, присутствием недоразвитой пыльцы широколиственных древесных пород. Лишь в его вторую половину появились пихта и бук. Поздний оптимум отличается от всех оптимумов, изученных в разрезе Королево, наиболее значительным распространением лапины. Определены хорошо развитые пыльцевые зерна этого растения, а также формы с признаками одновременно пыльцы лапины, грецкого ореха и вяза, что говорит о межродовой гибридизации, которая иногда усиливается в краевых частях ареалов".

Оптимумы, соответствующие почве Королево напоминают оптимумы типа гольштейн также фитоценологическими закономерностями. На десятках диаграмм, имеющихся для разрезов Северной Европы, оптимум типа гольштейн выделяется по наличию в конце его фазы пихты, граба, иногда с единичной лапиной. В условиях более теплой и влажной карпатской провинции ему отвечает фаза, где больше лапины и пихты, но меньше участие граба. ... В разрезе Королево наибольшее распространение очень требовательной к теплу и влаге породы – лапины – характерно для позднего оптимума" [Адаменко и др., 1989, с. 13].

Подтверждены эти данные и работами Р. Haesaerts, который определяет слой 15 как интергляциальную палеопочву (K-VI) и сопоставляет с палеопочвой Гольштайн [Haesaerts, Koulakovska, 2006, p. 26].

1 – палеопочва последнего межледниковья (R-W, Eem). Г.А. Пашкевич выделила в ней два комплекса. В нижнем комплексе обнаружена пыльца широколиственных пород: (*Quercus robur*, *Quercus petraea*, *Carpinus betulus*, *Acer campestre*, *Ulmus laevis*, *Ulmus scabra*, *Fraxinus excelsior*, *Tilia platyphyllos*, *Fagus sylvatica*). Хвойных было немного. В верхнем комплексе хвойные достаточно часты: *Abies*, *Pinus cembra*, *Pinus silvestris*, *Larix*. Оба комплекса можно отнести к теплому (микулинскому, рисс-вюрмскому) межледниковью [Пашкевич, 1984, с. 3-4]. Эти выводы вполне соотносятся с характеристиками, полученными для разреза 1998 г. Согласно его мнению палеопочва K-IV имеет полигенетический характер и может быть подобна педокомплексу Прилуки-Кайдаки Центральной части Украины, который включает собственно интергляциальную почву Eem (слой 8с) и палеопочвы

первых вюрмских интерстадиалов [Haesaerts, Koulakovska, 2006]. Аналогичную точку зрения высказывает и Н. Герасименко, сравнивая разрезы палеолитических стоянок Королево и Сокирница и основываясь на палинологических характеристиках [2006, с. 139-140].

Можно говорить, что прочтение разреза О. Адаменко и Р. Haesaerts совпадают, равно как и основные маркирующие моменты. Наряду с этим существует ряд различий, касающихся геологической интерпретации отдельных литологических слоев (см. описание разрезов О.М. Адаменко [1989], и Р. Haesaerts [Haesaerts, Koulakovska, 2006, p. 22-25]) Важность работ, проведенных Р. Haesaerts в конце 90-х годов XX в. состоит также в том, что он сопоставил разрез стоянки Королево с кислотно-изотопными стадиями [Haesaerts, Koulakovska, 2006, fig. 4].

Одним из наиболее дискутируемых в стратиграфической колонке Королево был вопрос определения возраста первой (третьей) ископаемой почвы, безоговорочно отнесенной В.Н. Гладилиным к брерупскому интерстадиалу [Гладилин, Ситливый, 1990]. Сомнения именно в такой интерпретации высказывались неоднократно многими специалистами, в частности, во время проведения Международного полевого семинара на стоянке Королево в 1990 г. Вопрос этот долгое время оставался открытым. На основании изучения разреза 1998 г., Р. Haesaerts относит эту почву (К-III) к одному из эпизодов среднего плейстоцена (витачеву) [Haesaerts, Koulakovska, 2006, p. 29].

Подтверждается этот возраст и стратиграфическим разрезом стоянки Сокирница 1. "В разрезе Сокирница удайский перигляциальный этап сменяется интерстадиалом, характеризующимся распространением лесостепных ландшафтов и относимым к среднему плейстоцену (витачевское время, континентальный аналог 3 изотопно-кислородной стадии). В это время на террасе произрастали светлые сосново березовые леса с небольшой примесью широколиственных пород (дуба, липы) и орешника. Единично таких кустарников как бересклет, крушиновые, и, в большем количестве – яблоневых (СПК VI). Наземный покров осветленных лесов был разнотравно-папоротниковым, по западинкам – с участием осок. На пойме расширились площади ольшаников. Исходя из состава растительности, климат интерстадиала был южно-бореальным, а формирование в почва мелких железисто-марганцевых конкреций ("дробовинок" свидетельствует по М.Ф. Векличу и др. [1979], о контрастном режиме увлажнения. Реконструкции растительности и климата этого интерстадиала вполне соответствуют таковым для интерстадиала витачевского этапа в средней Украине [Герасименко, 2004], отличаясь меньшим участием в составе растительности сосны и большим – папоротников. Для I-ой (III региональной) почвы Королево, отнесенной к витачевскому горизонту, реконструировано распространение в предгорьях дубово-сосновых лесов с хорошо развитым травянистым покровом лугового типа, отмечается некоторая засушливость климата [Пашкевич, 1984; Адаменко, Гродецкая, 1987; Адаменко и др., 1989]. На Притисенской низменности (разрез Гать) в витачевское время были распространены интерстадиальные лугово-лесные ландшафты: дубово-сосновые и ольховые леса, осоково-разнотравные луга..." [Герасименко, 2006, с. 141].

Стало быть, сегодня мы располагаем комплексом данных, позволяющих определить верхнюю палеопочву Королево как витачевскую (55-27 тыс. лет назад) в целом, не разделяя ее на соответствующие подгоризонты.

Сырье

Около 90% изделий во всех слоях изготовлено из местного андезита. Именно это сырье оставалось стабильным на протяжении почти 1 млн. лет, демонстрируя свою пригодность к всевозможным технологическим приемам.

Археологические артефакты из андезита имеют неодинаковую степень сохранности поверхности: находки из более древних отложений были очень разрушены, по мере уменьшения возраста поверхность их сохранялась лучше. Было отмечено, что изделия из археологических слоев, которые связаны с почвенными горизонтами более разрушены, в то время как таковые, происходящие из лессовых отложений, сохранили поверхность, менее подвергнутую разрушению. Более того, в одном и том же инситу слое отмечено несколько видов патинизации андезитовых поделок, как, например, для слоя Па [Кулаковская, 1989, с. 35]. Подобная ситуация сейчас прослежена и в слое V [Усик, 2006]. То же самое можно сказать об андезитах слоя Va, в частности, это касается столь характерных для набора листовидных острий. Изменения сохранности поверхности этих орудий послужили основанием для отнесения артефактов, найденных в одном раскопе (раскоп XI), в одном квадрате (А-4, А-6) и на одной глубине (3,15-3,25 м) к различным археологическим слоям (V, Va, VI).

Сегодня можно сказать, что существует три фактора, влиявших на сохранность поверхности андезитовых поделок:

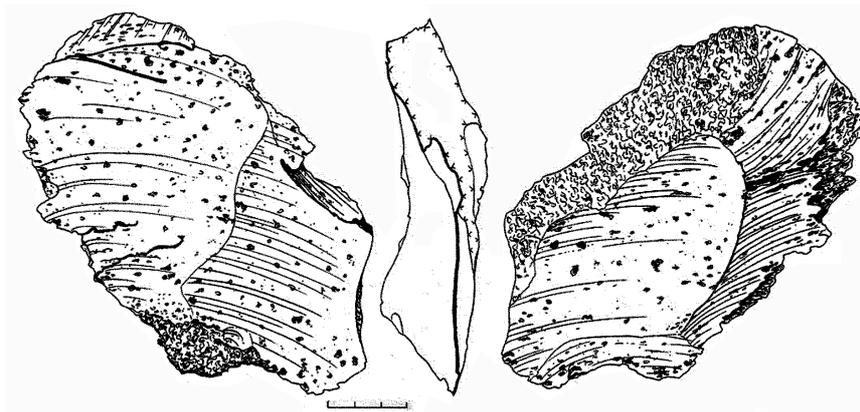

Рис. 5. Королево. Слой VII. Отщеп

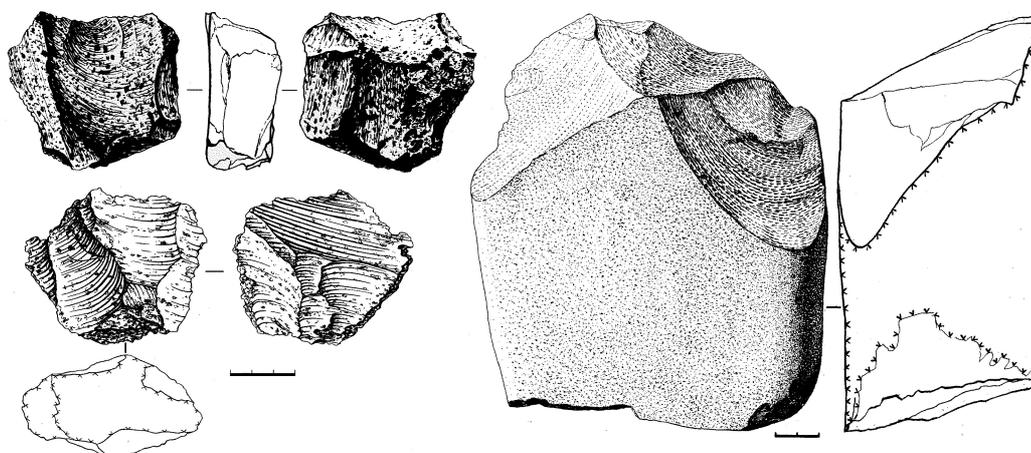

Рис. 6. Королево. Слой VI. Нуклеус и чоппер

1. химический состав андезитового сырья неоднороден [Кулаковская, 1989, с. 35; Гладилин, Ситливый, 1990, с. 24]¹. Одним из подтверждений этому есть андезитовые артефакты, степень сохранности поверхности которых разная изначально (речь не идет о случаях реутилизации, которые достаточно часты в разных слоях);

2. изменение сохранности андезитовых артефактов зависит от их древности, положения в геологическом слое и воздействия химического состава этих слоев на сырье (ископаемая почва – лессовидный суглинок).

3. Градация степени разрушения поверхности андезитового сырья сама по себе не может служить четким хронологическим репером, учитывая тот факт, что речь идет лишь о внешнем состоянии андезита, зафиксированном исключительно визуально (больше – меньше каверн выщелачивания, их относительная глубина и диаметр, гладкая – шершавая поверхность, цветовые нюансы), собственно, конечном результате процесса разрушения. Динамика этого явления, процессы влияющие на него зависят от непомерно большего количества факторов: эффузивное или экструзивное происхождение, время извержения, химические процессы в это время, и т.д.

Стало быть, выработанная на материалах Королево схема изменения сохранности поверхности андезитов и ее сопоставление со стратиграфией может служить подтверждением относительной хронологии археологических слоев. При этом следует учитывать наличие 1 и 3 факторов, которые и были причиной разной сохранности поверхности в каждом отдельном слое.

¹ Подобное заключение после ознакомления с андезитовым сырьем из Королево было сделано Н.А. Кулик (ИАЭТ СО РАН), за что мы ей искренне благодарны.

Археологические коллекции

При характеристике материалов Королево речь шла о культурно-хронологических комплексах, которые были своего рода аналогом культурного слоя. Культурно-хронологический комплекс обычно объединял коллекции из разных исследуемых объектов, а также находки, собранные на поверхности, отнесенные к тому или иному слою, на основании сохранности поверхности.

Учитывая тот факт, что сейчас работа ведется с коллекциями именно по слоям (напр. слой III раскопа VI), пользуемся термином "слой".

Слой VII (OIS 21?23?). Речь идет об очень небольшом количестве андезитовых предметов, происходящих из не переотложенного участка раскопа XIII (кв. А-10, Д-10, гл. 11,95 м и 12,05 м соответственно).² Сами находки находились ниже границы Матуяма-Брюнес и можно предполагать их возраст около 950 тыс. лет [Haesaerts, Koulakovska, 2006, p. 29]. Среди находок – нуклеусы/чопперы, отщепы (первичные, радиальные и Комбева) (рис. 5).

Слой VI (OIS 14). В не переотложенной позиции он зафиксирован в раскопах IX, XI. В коллекции преобладают однонаправленные нуклеусы для отщепов.

Здесь впервые выделена своеобразная техника раскалывания, которую, как кажется, нельзя связать с традиционным применением отбойник. Это, скорее всего, не традиционное скалывание, а своего рода, разбивание, дробление сырья одним ударом, следы которого сохраняются на обеих частях. Полученные фрагменты закруглены, изогнуты (вогнуты и/или выпуклы в профиле). Существование своеобразной техники дробления в Королево отмечали В. Гладилин и В. Ситливый [Ситливый, 1985, с. 6; Гладилин, Ситливый, 1990, с. 37-41], хотя это касалось индустрии комплексов VIII и VII. В настоящее время производится технологический анализ системы раскалывания.

Есть изделия близкие к полиэдрам. В типологическом наборе представлены чопперы(?) (рис. 6), скребла, среди которых несколько выполнено в двусторонней технике.

Слой V-a (OIS 7) (раскоп XI, Бейвар). Индустрия с двусторонне обработанными изделиями, в частности, листовидными остриями (рис. 7). Коллекция готовых изделий дополняется всевозможными сколами двусторонней обработки, заготовками и фрагментами двусторонних орудий. В собрании есть скребла, зубчато-выемчатые изделия. В техническом плане можно говорить об однонаправленном и радиальном раскалывании. Индустрия слоя V-a сейчас находится в работе и более точные характеристики ее будут приведены в ближайшем будущем.

Слой V (OIS 6) (раскопы I и VI, Бейвар). Применялась радиальная, конвергентная, параллельная техника раскалывания. Значительный удельный вес имеют пластины. В типологическом наборе – скребла, зубчатые и выемчатые, скребки. (Усик, 2006; Усик, в этом томе) (рис. 8, 9).

Слой III (OIS 5a?) (раскоп VI, Бейвар).³ Этот слой характеризуется леваллуазской техникой расщепления. В коллекции – леваллуазские нуклеусы практически всех стадий расщепления, многочисленные сколы с них. Индустрия определена как леваллуазская черепаховидная. Орудийный набор крайне немногочислен и представлен единичными скреблами (рис. 10). Обращает на себя внимание частота классических леваллуазских отщепов на кварцитовом сырье при полном отсутствии нуклеусов из этого материала. Возможно, сколы были принесены уже готовыми на стоянку. Но, скорее всего, к моменту исследования слоя III, значительная его часть была уничтожена карьером. Как подтверждение этому служит тот факт, что в первые годы исследований находки артефактов леваллуа черепаховидного были более частыми, нежели в последующие [Кулаковская, 1989; 2003; Кулаковська, 2003а, б; Koulakovska, 2004; Солдатенко, 1982; Усик, 2003]. Леваллуазские изделия, подобные королевским, известны в материалах Рокосовских пунктов, а также местонахождений Черна I, X. Несколько типичных леваллуазских отщепов найдено на недавно открытой стоянке Рубань. К сожалению, во всех названных случаях, эти поделки лишены стратиграфического контекста.

Слой IIb (OIS 4). Коллекция (раскоп XIV, Гострый Верх) происходит из нижней части ранневюрмского лесса и датируется стадией 4. Речь идет о леваллуазской индустрии для острий, которая "может быть охарактеризована как среднепалеолитическое конвергентное однонаправленное (острийное) леваллуа на отщепках" [Демиденко, Усик, 1990; 1994, с. 39; Усик, 2003]. Типология представлена простыми скреблами, классическими леваллуазскими остриями. Подобная система

² Следует сразу же заметить, что изделия слоев VII и VIII не были найдены ни в шурфах 18 и 26, ни в разрезе 1998 г.

³ Материалы слоя III из раскопа VI включают также коллекцию слоя IVa [Кулаковська, 2003а, с. 10]

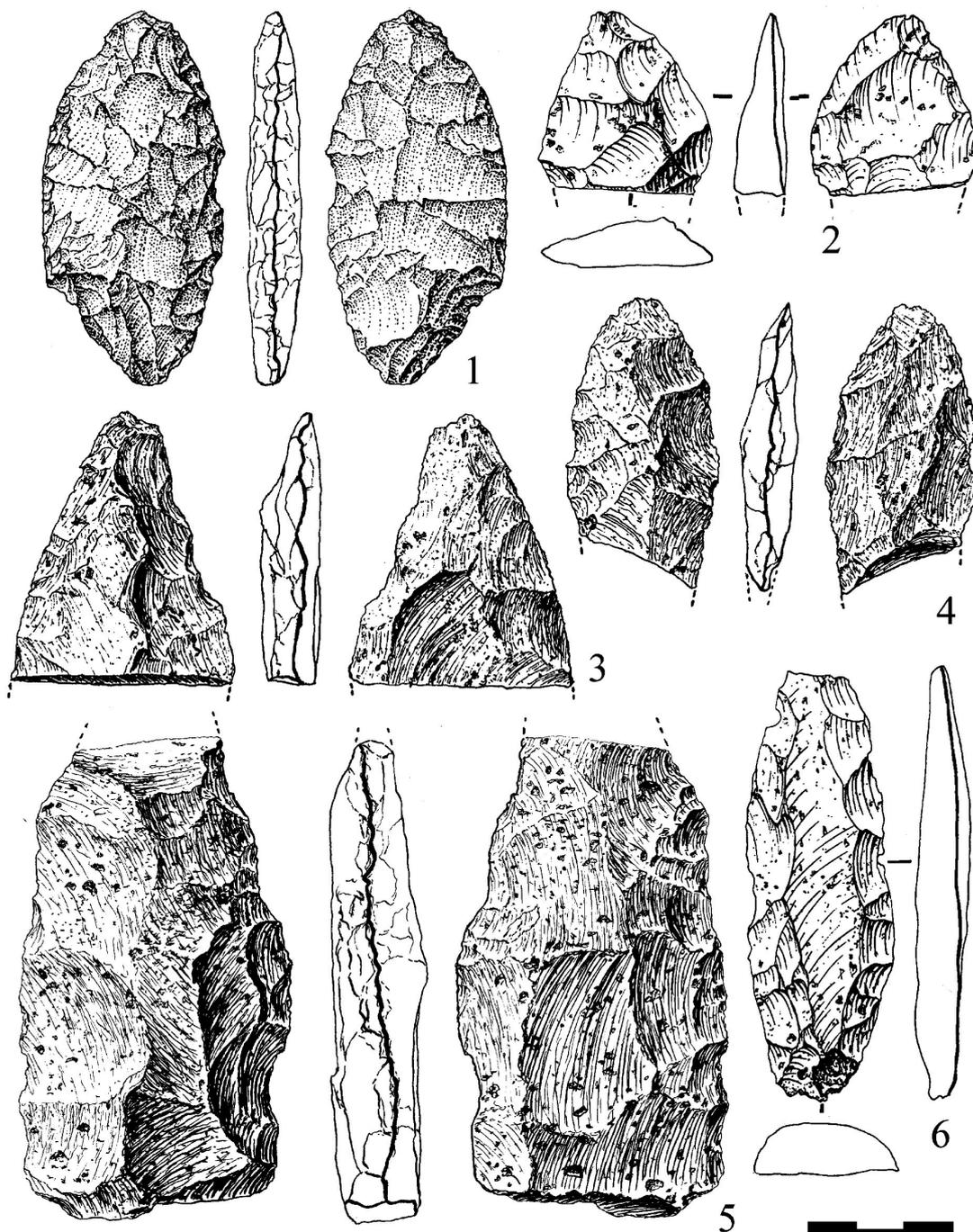

Рис. 7. Королево. Слой Va. Листовидные острия

раскалывания отмечена также в индустриях других, достаточно удаленных от Королево, памятниках :
 Ля Пушель во Франции и Тор Фараж в Иордании [Усик, 2003, с. 42]

Слой II а (OIS 4). Материалы происходят из раскопа XI (Бейвар). Индустрия характеризуется радиальной техникой расщепления, техникой Комбева. Более часты радиальные односторонние нуклеусы. Большинство сколов представлено отщепами с радиальной гранкой спинки. Пластины в коллекции есть продуктом техническим и связаны с процессом оформления и переоформления ядрищ. По моему мнению, в процесса раскалывания все-таки предполагалось получение заготовки

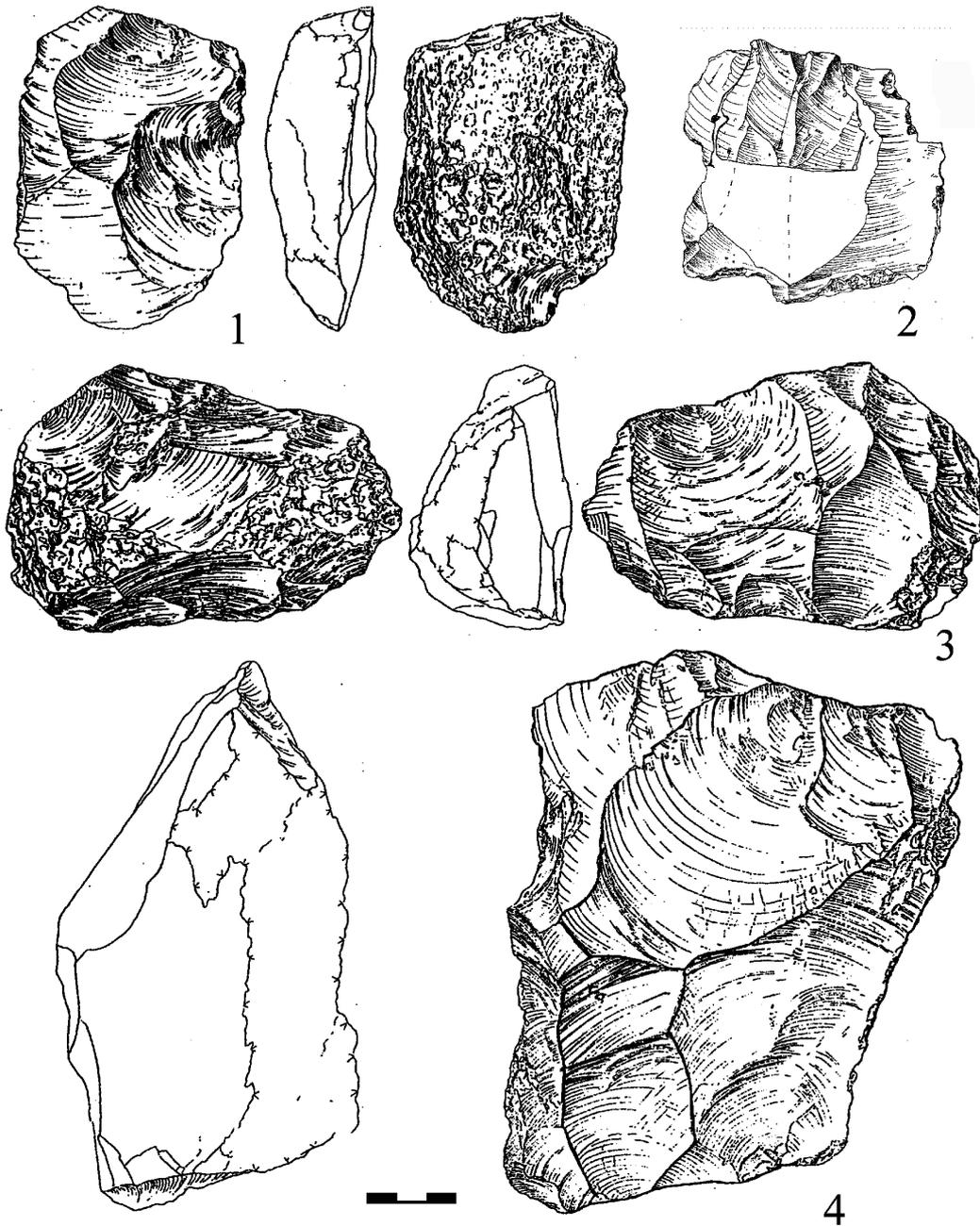

Рис. 8. Королево. Слой V. Нуклеусы

снабженной спинкой (ударная площадка, край нуклеуса и т.п.).⁴ Ведущим типом орудий служат скребла. Большею частью, простые и поперечные выпуклые. Ярко выражена двусторонняя обработка изделий (готовые изделия, полуфабрикаты, фрагменты, сколы двусторонней обработки), имеются изделия типа Keilmesser. Особое внимание обращает на себя обилие орудий со спинкой, оформление которой достаточно разнообразно. Индустрия этого слоя определена как микок центрально-европейского облика [Koulakovska 1995, 2001, 2004; Кулаковская, 2003; Кулаковська 2003a; Geneste et al., 2006].

⁴ К подобному заключению с определенной долей пессимизма относится В. Усик.

Слой II (OIS 4) (раскоп I, Бейвар). Материалы этого слоя характеризуются радиальной техникой расщепления, также техникой Комбева. Как и в индустрии слоя Па здесь обращают на себя внимание многочисленные сколы со спинкой. В типологии можно говорить о превалировании скребел, наличии среди них таковых с ретушью Кина и полу-Кина, присутствии лимасов, практическом отсутствии техники двусторонней обработки (отсутствие сколов оформления, полуфабрикатов и т.п.).

Более детальный анализ индустрии и сопоставление с материалами подобных коллекций позволили определить ее как шарантскую [Кулаковська, 2002, 2003; Усик, 2003]. Подобная характеристика материала практически не отличается от предложенной ранее [Кулаковская, 1989; Солдатенко, 1982]. Этот материал, никоим образом, не может быть интерпретирован как леваллуа-мустьерский [Степанчук, 2006, с. 122, 130]. Подобное заключение основано на элементарном незнании материалов слоя II Королево (как, впрочем, и всех остальных коллекций этой стоянки).

Слой I. Зафиксирован в переотложенном состоянии в отложениях над третьей ископаемой почвой в секторах Гострый Верх и Бейвар. На материалах этого слоя и сборов в окрестностях (пункты близ сел Черна, Хижа, Новоселица) была выделена чернинская мустьерская культура: мустье зубчатое. Ниже этой почвы в стратиграфической позиции находился верхнепалеолитический слой Ia. Таким образом, на стоянке Королево, фиксировался уникальный момент переслаивания среднего и верхнего палеолита. Естественно, подобная гипотеза нуждалась в более, чем серьезной всесторонней перепроверке. В первую очередь, это касалось согласования возраста первой ископаемой почвы. Как было показано выше первая почва Королево путем скрупулезных анализов и корреляций была определена как витачевская (55-27 т.л.). Более того, достаточно часто над этой почвой залегали уже непосредственно голоценовые отложения, как, например, в разрезе 1998 г. Такую же картину можно было наблюдать и при зачистке стенок шурфа 26, где прослеживались участки как с четвертичными седиментами над первой почвой, так и с их отсутствием. Аналогичная картина зафиксирована и на отдельных участках стоянки Сокирница. Подобная ситуация, скорее, характерна для закарпатского региона, чем наоборот. То непомерное количество осадков, выпадающих здесь, приводит и приводило к постоянным размывам как современных, так и четвертичных отложений.

Андезитовая коллекция слоя I неоднородна в своем технико-типологическом выражении. Практически везде каменная индустрия сопровождалась находками керамики, а порой и развалов сосудов. Встречались остатки трупосожжения в глиняном горшке. Керамика тоже не однородна. Часть из нее можно отнести к неолиту, часть к более позднему времени, как, например эпохе бронзы. Такое мнение было высказано при знакомстве с материалами слоя I польскими коллегами проф. Я. Козловским и Я. Махником, профессиональный уровень которых и знание европейских (в частности, карпатских) материалов ни у кого не вызывает сомнения. Более того, в коллекции андезитовых артефактов, ими было выделено несколько сколов оформления каменных топоров.

К этому следует добавить, что в материалах собранных на чернинских пунктах присутствуют шлифованные топоры.

Стало быть, индустрию слоя I следует исключить из круга среднепалеолитических индустрий, признать предыдущие выводы ошибочными и констатировать полное отсутствие в настоящее время "мустье зубчатого" в Королево.

Дискуссия

Представленные в статье данные основываются на комплексном изучении материалов Королево (уточнение стратиграфии непосредственно на стоянке, геологическая корреляция многочисленных разрезов полевой документации, детальный анализ археологического материала). В связи с этим определенное недоумение вызывают некоторые публикации, в которых приводится характеристика стоянки. Так В. Дороничев и Л. Голованова со свойственным им критическим подходом предлагают датировать слой VI все-таки стадией 11 (370-390 тыс. лет назад). "Данное предположение подкрепляется двумя аргументами. Во-первых, в нижней части почвы VII (слой 18) была определена теплая климатическая осцилляция (сухая лесостепь с участием грецкого ореха и других широколиственных пород). Во-вторых, схожая динамика изменения растительности от лесостепи с грецким орехом к субальпийским лугам прослеживается на протяжении стадии 11 в разрезе Треугольной пещеры. Таким образом, на основании этих данных можно предполагать, что комплекс VI Королево датируется концом кислородной стадии 11. т.е. 370-390 тыс. лет назад. Исходя из этой корреляции, данный комплекс можно рассматривать как одну из древнейших индустрий Восточной Европы наряду с материалами Треугольной пещеры" [2007, с. 213]. Все коротко, ясно и, наверное, логично. Правда, стоянка Королево расположена на Среднедунайской низменности в Центральной, а не Восточной Европе (рис. 1). По данным Р. Haesaerts кислотно-изотопной стадии 11 в Королево соответствует слой 15 (палеопочва Гольштайн) [Haesaerts, Koulakovska, 2006, с. 21-37]. Слой VI всегда

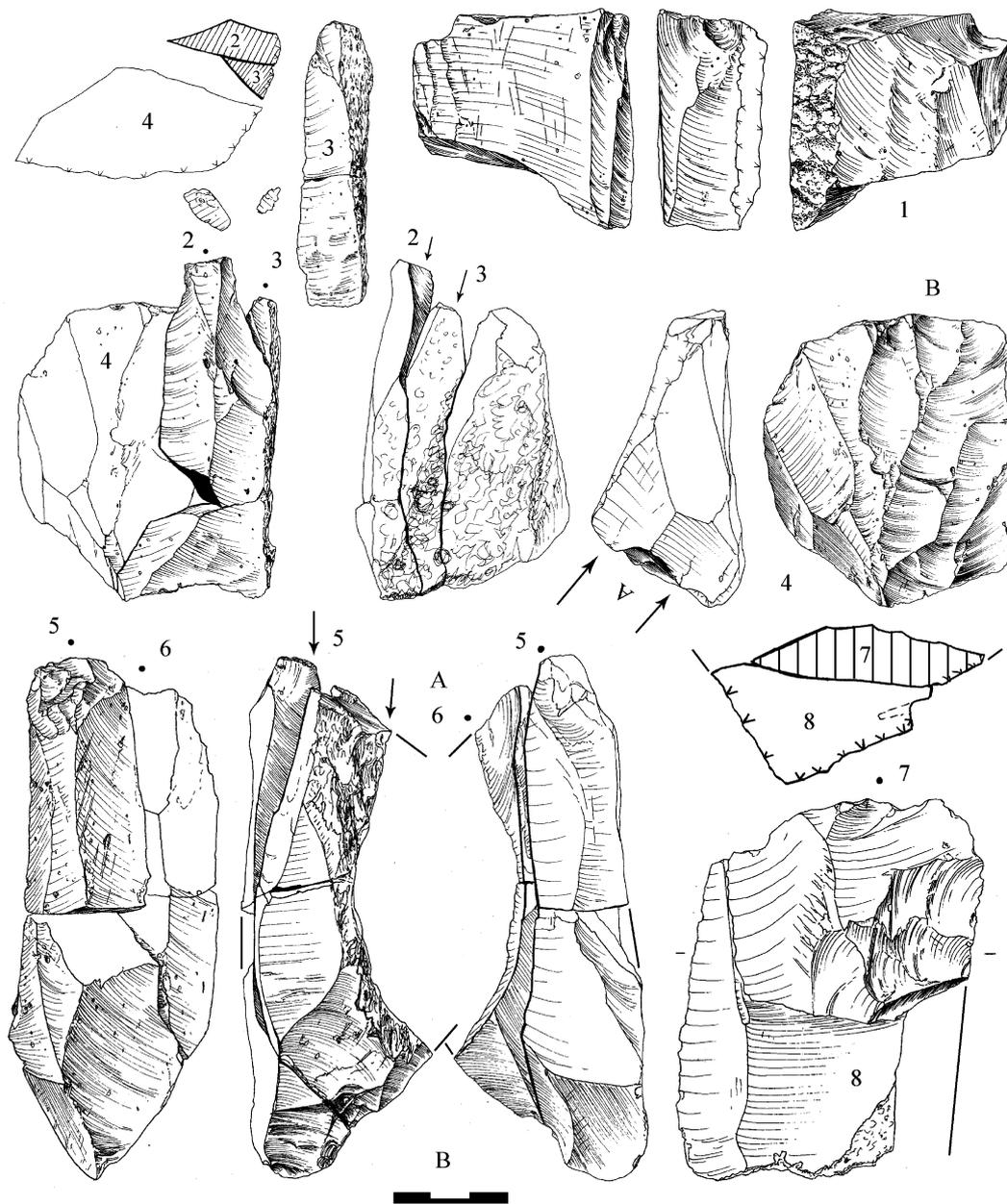

Рис. 9. Королево. Слой V. Нуклеус, пластины, отщепы (ремонтаж В.Усика)

был связан с интерминдельской погребенной почвой [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 30], более того, в разрезе 1998 г. был найден артефакт этого слоя в четкой стратиграфической позиции, что было отмечено Р. Haesaerts [Haesaerts, Koulakovska, 2006, р. 28], Если указанные авторы берут на себя смелость вносить коррективы в исследования геологов, стратиграфию стоянки, подвергать сомнению работы археологов, то я не вижу смысла спорить с ними. Можно лишь пригласить их непосредственно на стоянку для обсуждения этого вопроса. Не совсем понятно и другое замечание, что "...в оценке этого комплекса (VI – Л.К.) можно опираться только на те артефакты, которые изготовлены не из андезитов, а из невулканического сырья и, следовательно, не могли быть включены в данный ансамбль по степени их выщелоченности из коллекций, собранных на поверхности. Невулканические породы (кварцит, кварц, кремнь, сланец) составляют 1,1 % всех находок" [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 41]... Более того, подобно Треугольной, комплекс VI Королево 1 представляет раннепалеолитическую индустрию премутьерского (тайяжского) техно-комплекса» [с. 216]. Если для характеристики

индустрии достаточно 1% коллекции, тогда ее можно назвать и тайяком и таубахом. До полного изучения коллекции слоя VI стоянки Королево более корректным было бы воздержаться от подобных заключений и сравнений.

Для В.Н. Степанчука ситуация в Королево завидно ясна. Практически перефразируя работу В. Гладилина и В. Ситливого он не вносит (к счастью!) никаких новых элементов в интерпретацию раннепалеолитических слоев. [Степанчук, 2006, с. 81-82]. Другое дело, что он полностью игнорирует работы последних лет. Вероятно, было бы более корректно раскритиковать последние интерпретации материалов Королево, подтвердив это достоверными фактами и своими наблюдениями. Более того, не лишним было бы, например, сослаться на сделанные ранее выводы об отнесении слоев V и Va к среднему палеолиту [Кулаковская, 1999, 2003 а, б; Koulakovska, 2004; Haesaerts, Koulakovska, 2006]. Не совсем понятна позиция В. Степанчука и в вопросе датирования слоя VI. В работе 2006 г. [с. 157-158] он помещает эти материалы в 13 кислотно-изотопную стадию с датами 478-528 тыс. лет, а в более поздних опять же возвращается к разрезу О.М. Адаменко и приведенным там датам. Не совсем понятно и замечание В. Степанчука о том, что в разрезе 1998 г. не было найдено изделий слоев VII и VIII [постер Stepanchuk et al., 2008]. Все дело в том, что эти материалы так же не были найдены в шурфах 18 и 26, которые послужили основой сводного разреза Королево. Слои VII и VIII (по В. Гладилину) были выделены лишь в раскопе XIII. Конечно же, проще пойти проторенным путем, не утруждая себя анализом различных точек зрения, не говоря уже о непосредственном знакомстве с оригинальными материалами.

Выводы

В заключение можно предложить таблицу, которая отражает современное состояние в изучении палеолитической стоянки Королево.

Культурно-хронологические комплексы	Археологические слои
I – мустье зубчатое	I – неолит – эпоха бронзы
II – мустье одностороннее	OIS 4
II-a – мустье двустороннее [Солдатенко, 1982; Гладилин, 1985; Кулаковская, 1989; Гладилин, 1989]	II – шарантская индустрия тип Кина, полу-Кина (р. I)
II-b – леваллуа [Usik, 1989; Гладилин, 1989]	II-a – микок (р. XI)
III – леваллуа	II-b – леваллуа для острий (р. XIV)
IV – леваллуа	OIS 5a
IV-a – леваллуа [Солдатенко, 1982; Гладилин, 1985; Кулаковская, 1989; Гладилин, 1989]	III – леваллуа черепаховидное (р. VI)
V – переходный от ашеля к мустье	IV – ?, (р. I)
V-a – переходный от ашеля к мустье	OIS 6
V-b – ашель	V – пластинчатый средний палеолит (р. XI, VI, ш.26)
V-c – ?	OIS 7
VI – ашель	V-a – средний палеолит с листовидными остриями (р. XI)
VII – ранний ашель	OIS 14
VIII – поздний оловый, ранний ашель [Гладилин, 1989; Гладилин, Ситливый, 1990]	VI – ранний палеолит (р. IX, XI)
	OIS 23? 25?
	VII – ранний палеолит (р. XIII)

Попытаюсь, в очередной раз, внести ясность в отдельные разночтения палеолитических индустрий Королево.

Итак, вместо двух нижних слоев VII и VIII в новой колонке остался один слой – VII. Небольшая коллекция древнейших артефактов *in situ* была зафиксирована только в раскопе XIII (Гострый Верх), большая часть опубликованной коллекции происходила из других объектов как на Гостром Верхе, так и на Бейваре, а также включала подъемный материал. Согласно геологическим описаниям, отложения, содержащие этот материал идентичны [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 30; Haesaerts, Koulakovska, 2006, с. 25]. Нет особой разницы и в степени сохранности андезитов. Таким образом, сегодня нет оснований говорить о существовании двух слоев в отложениях ниже границы Матюяма-Брюнес.

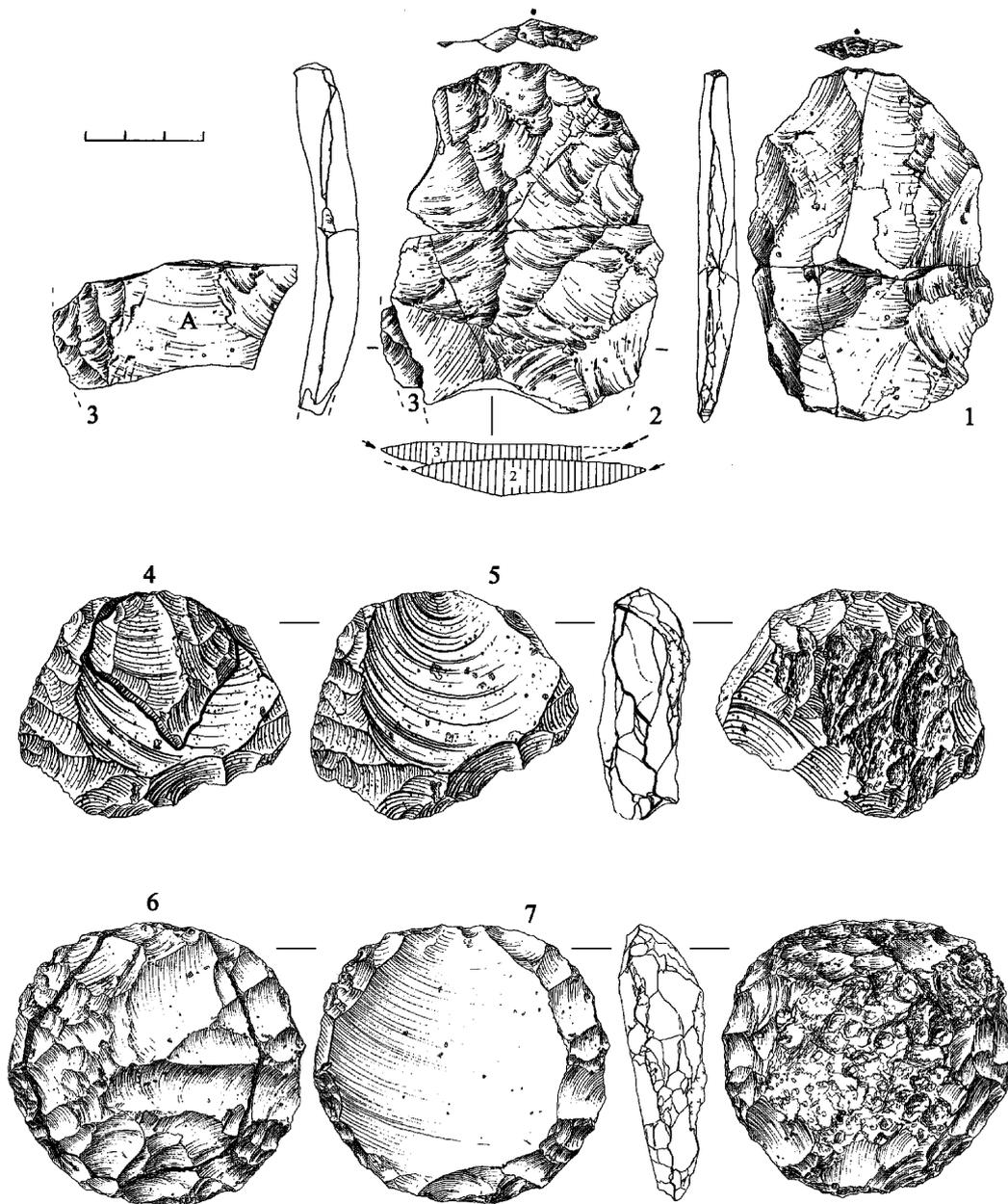

Рис. 10. Королево. Слой III. Леваллуазские отщепы и нуклеус

Коллекции т.н. слоев Vc и Vb исключительно малочисленны и, скорее всего, были созданы искусственно. Стратиграфическая позиция, внешний вид андезитов и техника изготовления двусторонних изделий из слоя Vb [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 48] полностью соответствуют таковым для слоя Va. Более того, в слое Vb отсутствуют какие-либо следы изготовления двусторонних изделий. В материалах слоя Va представлены все слагаемые этого процесса: заготовки для изготовления двусторонних (листовидных) орудий, сколы оформления этих орудий, фрагменты и уже законченные образцы.

По той же причине, двусторонне обработанные артефакты из коллекций слоев V и VI перешли в слой Va. Изменилась интерпретация слоя I, о чем было сказано выше.

Все остальные характеристики королевской культурно-стратиграфической колонки практически совпадают. В отдельных случаях в интерпретации индустрий появились новые более корректные уточнения (например, для индустрии слоя V), что никоим образом не умаляет важности и достоинств памятника.

Список литературы

- Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Гладиллин В.Н., Гродецкая Г.Д., Левковская Г.М., Пашкевич Г.А., Поспелова Г.А., Солдатенко Л.В., Шелкопляс В.Н.** Палеолитическое местонахождение Королево в Закарпатье // БКИЧП. – № 58. – 1989. – С. 5-25.
- Адаменко О.М., Гродецкая Г.Д.** Антропоген Закарпатья. – Кишинев, 1987. – 149 с.
- Веклич М.Ф., Матвишина Ж.Н., Медведев В.В. и др.** Методика палеопедологических исследований. – Киев: Наукова думка, 1979. – 272 с.
- Герасименко Н.П.** Динамика палеоэкологических обстановок на стоянке Сокирница (Закарпатье) // The European Middle Palaeolithic. – Киев: Шлях, 2006. – С. 132-152.
- Герасименко Н.П.** Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України. – Автореф. дис. ... докт. географ. наук. – Київ, 2004. – 39 с.
- Гладиллин В.Н.** Итоги пятилетних исследований Закарпатской палеолитической экспедиции // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. – Ч. 1 – Киев, 1975. – С. 14-16.
- Гладиллин В.Н.** Проблемы раннего палеолита. Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1989. – 53 с.
- Гладиллин В.Н.** Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. – т. 1. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 12-54.
- Гладиллин В.Н., Ситливый В.И.** Ашель Центральной Европы. – Киев: Наукова думка, 1990. – 267 с.
- Гладиллин В.Н., Солдатенко Л.В., Моця А.П.** Закарпатская палеолитическая экспедиция // АО 1974 г. . –1975. – С. 266-267.
- Демиденко Ю.Э.** Начальный этап позднего палеолита Карпато-Балканского региона // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 18 с.
- Демиденко Ю.Э., Усик В.И.** О леваллуазской остройной технологии в среднем палеолите (по материалам стоянки Королево 1, комплекс 2-В в украинском Закарпатье) // Археологический альманах. – № 3. – Донецк, 1994. – С. 35-47.
- Демиденко Ю.Э., Усик В.И.** Техника леваллуа в позднем палеолите // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбилейной конференции. – Ч. 1. – Херсон, 1990 – С. 4-6.
- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф.** Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. – СПб., 2007. – 269 с.
- Кулаковская Л.В.** Леваллуа. Королево. Слой III // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2004. – С. 138-149.
- Кулаковская Л.В.** Новые аспекты в исследовании Королево // Археологический альманах. – № 13. – Донецк, 2003в. – С. 158-170.
- Кулаковская Л.В.** Мустьерские культуры Карпатского бассейна. – Киев: Наукова думка, 1989. – 124 с.
- Кулаковская Л.В.** Палеолитические местонахождения в районе Королево // Археологический альманах. – № 8. – Донецк, 1999. – С. 153-158.
- Кулаковська Л.** Левалуазька замальовка із Королевого // Кам'яна доба. Київ: Шлях, 2003б. – вип.4. – С. 112-120.
- Кулаковська Л.В.** Деякі аспекти господарства середньопалеолітичних поселенців Королевого: сировинні ресурси комплексу II // Археологія. – 2002. – № 2. – С. 19-25.
- Кулаковська Л.В.** Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003а. – С. 10-32.
- Кухарчук Ю.В.** Закарпатська одісея В.М. Гладиліна // Кам'яна доба України. – Вип.10. – Київ: Шлях, 2007. – С. 9-28.
- Пашкевич Г.О.** Природне середовище в епоху палеоліту-мезоліту на території України // Археологія. – № 47. –1984. – С. 1-13.
- Ситливый В.И.** Ашельская эпоха в Центральной Европе. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 18 с.
- Солдатенко (Кулаковская) Л.В.** Мустье Тисо-Дунайского бассейна. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1982. – 24 с.
- Степанчук В.Н.** Нижний и средний палеолит Украины. – Черновцы: Зелена Буковина, 2006. – 463 с.

- Усик В.И.** Переход от раннего палеолита к позднему по материалам памятников Закарпатья (по данным ремонтажа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.
- Усик В.И.** Проблемы интерпретации методов расщепления среднепалеолитического слоя стоянки Королево (Закарпатье) // Археологический альманах. – № 13. – Донецк, 2003а. – С. 170-187.
- Усик В.И.** Варианты леваллуа среднепалеолитических индустрий Украины // Вариабельність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003б. – С. 32-63.
- Усик В.И.** Королево. Новые аспекты исследований культурного слоя V // The European Middle Palaeolithic. – Київ: Шлях, 2006. – С. 50-78.
- Усик В.И.** Хроностратиграфия раннего среднего палеолита (Королево, слой V) (в печати).
- Adamenko O.M., Gladiline V.N.** Korolevo un des plus anciens habitats acheuléens et moustériens de Transcarpatie soviétique // L'Anthropologie. – 1989. – Т. 93. – № 4. – P. 689-712.
- Geneste G.-M., Koulakovska L., Meignen L., Usik V., Boeda E., Haesaerts P.** Une industrie micoquienne (couche –II-a Korolevo) dans le cadre du paleolithique moyen d'Ukraine // The European Middle Palaeolithic. – Київ: Шлях, 2006. – С. 38-50.
- Gladilin V.N., Sitlivyj V.I.** Genesis of Levallois Technique in Transcarpathie // Revue d'Archéologie et de Paléontologie. – 1990 – № 9. – P. 23-43.
- Gladilin V.N., Sitlivyj V.I., Tkachenko V.I.** Les premières industries a pointes foliacées en Europe Centrale // Paléo. Supplément. – № 1. – Bordeaux, 1995. – P. 111-117.
- Haesaerts P., Koulakovska L.** La séquence pédosédimentaire de Korolevo (Ukraine transcarpatique): contexte chronostratigraphique et chronologique // The European Middle Palaeolithic. – Київ: Шлях, 2006. – С. 21-37.
- Koulakovska L.** Aspects typologiques des industries micoquiennes: le site Korolevo en Ukraine // Paléo- Supplément. – Bordeaux, 1995. – 1. – P. 207-213.
- Koulakovska L.** Le complexe bifacial a Korolevo (couche IIa) // Les industries a outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale. – ERAUL. – № 98. – Liege, 2001. – P. 209-213.
- Koulakovska L.** Le Paleolithique moyen de Korolevo (Ukraine) // Actes du XIV Congrès UISPP, Liege, 2001. – BAR International Series. – № 1239. – 2004.
- Koulakovska L., Usik V.** Les plus anciennes industries dans le bassin Tisza et Dnister // Les premières expansions humaines en Eurasie a partir de l'Afrique. Facteurs limitant ou favorisant. Colloque international organisé au Muséum d'Histoire Naturelle. – Paris, 2008. – P. 34.
- Stepanchuk V., Ryzhov S., Rekovets L., Matviishina Zh.** Lower Palaeolithic localities of Ukraine: New Evidence // Les premières expansions humaines en Eurasie a partir de l'Afrique. Facteurs limitant ou favorisant. Colloque international organisé au Muséum d'Histoire Naturelle. – Paris, 2008. – P. 103.

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ РАННЕГО СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА (КОРОЛЕВО, СЛОЙ V)

Сравнительно недавно в интерпретации культурно-хронологической колонки палеолитического местонахождения Королево произошли существенные изменения [Кулаковская, 2003]. Прежде всего, это коснулось так называемых "переходных от ашеля к мустье" индустрий Va и V слоев, которые по близости технико-типологических показателей объединялись в один тип индустрии [Гладилин, 1985; Гладилин, 1989; Гладилин, Ситливый, 1989]. В результате нового подхода, когда детальному "анализу подвергается каждый археологический слой, зафиксированный *in situ* на том или ином раскопанном объекте (раскоп, шурф, зачистка) " и "изъяты все собранные на поверхности материалы" [Кулаковская, 2003, с. 161], удалось установить, что слой Va и V существенно отличаются как хронологически, так и типологически [Кулаковская, 2003; Кулаковська, 2003; Кулаковская в этом томе; Усик, 2006]. Предлагаемые ранее различия, которые объяснялись производственной спецификой и развитием во времени [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 65] вряд ли могут быть сейчас приняты. Предварительное изучение коллекции слоя V из раскопа VI показало полное отсутствие двусторонних изделий и двусторонней обработки, в то время как в первичном раскалывании более четко проявился пластинчатый компонент [Усик, 2003]. В общем, несмотря на ранний возраст, индустрии демонстрируют стандарты среднего палеолита [Кулаковская, 2003; Кулаковська, 2003; Усик, 2003]. Более точные технико-типологические и статистические показатели, а также заключения требуют конкретных исследований. Первый шаг в изучении хронологии слоя V может быть сделан в направлении проверки тех объектов, на основании стратиграфии которых проводилась корреляция этого культурно-хронологического комплекса.

По объективным причинам пришлось отказаться от использования термина "культурно-хронологический комплекс" в пользу термина "культурный слой". В основу выделения "культурно-хронологических комплексов" были положены критерии стратиграфического, технико-типологического сходства материала, а также уровень сохранности основного вида сырья Королево – андезита. Степень сохранности андезита стала не только "уникальным хронологическим репером при возрастном расчленении находок", но и одним из главных инструментов для привлечения в коллекции подъемных и переотложенных артефактов [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 28]. Уникальные внешние признаки разного по возрасту андезита в виде различий, в первую очередь, степени выщелачивания поверхности действительно имеют место. Однако в каждой коллекции встречаются образцы, которые выходят за рамки эталонов. Найденные при раскопках, а также вне стратиграфии они могли быть восприняты как примеры отклонения в возрасте и распределены по разным комплексам. Наполнение культурно-хронологических комплексов подъемным материалом или их расширение путем объединения материалов с различных, иногда удаленных на значительные расстояния, объектов неизбежно ведет к искажению оригинальных технико-типологических показателей [Усик, 2006; Кулаковская, в этом томе].

С другой стороны понятие "культурно-хронологический комплекс" может быть воспринято как эквивалент понятия "культурный горизонт" [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 36]. Оказалось, что эти понятия не идентичны. В настоящее время в Королево выделяются только те культурные горизонты/слои, которые представляют одну индустрию и, как правило, были обнаружены в отдельных раскопах [Кулаковская, 2003; Кулаковська, 2003; Кулаковская, в этом томе]. Так, например, среднепалеолитический слой II-b был открыт только на раскопе XIV, слой II-a – на раскопе XI, а слой II – на раскопе I. Все они залегают примерно в одинаковых стратиграфических условиях (OIS 4), имеют близкие характеристики андезита, но радикально отличаются по технике и типологии.

Ситуация с "культурно-хронологическим комплексом Va" складывается следующим образом. "Изделия этого комплекса выявлены во втором горизонте V, внутририсской погребенной почвы (слой II) на ... участке вершины "Бейвар" (раскоп XI) и на горе "Гострый Верх" (шурфы 18, 26, раскопы X, XIII) " [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 49]. По последним данным культурный слой V-a, материалы которого "удачно соединились" с находками культурно-хронологического комплекса V-b, соответствует оригинальной индустрии с двусторонними листовидными наконечниками, найденной на раскопе XI [Кулаковская, 2003; Кулаковська, 2003; Кулаковская в этом томе].

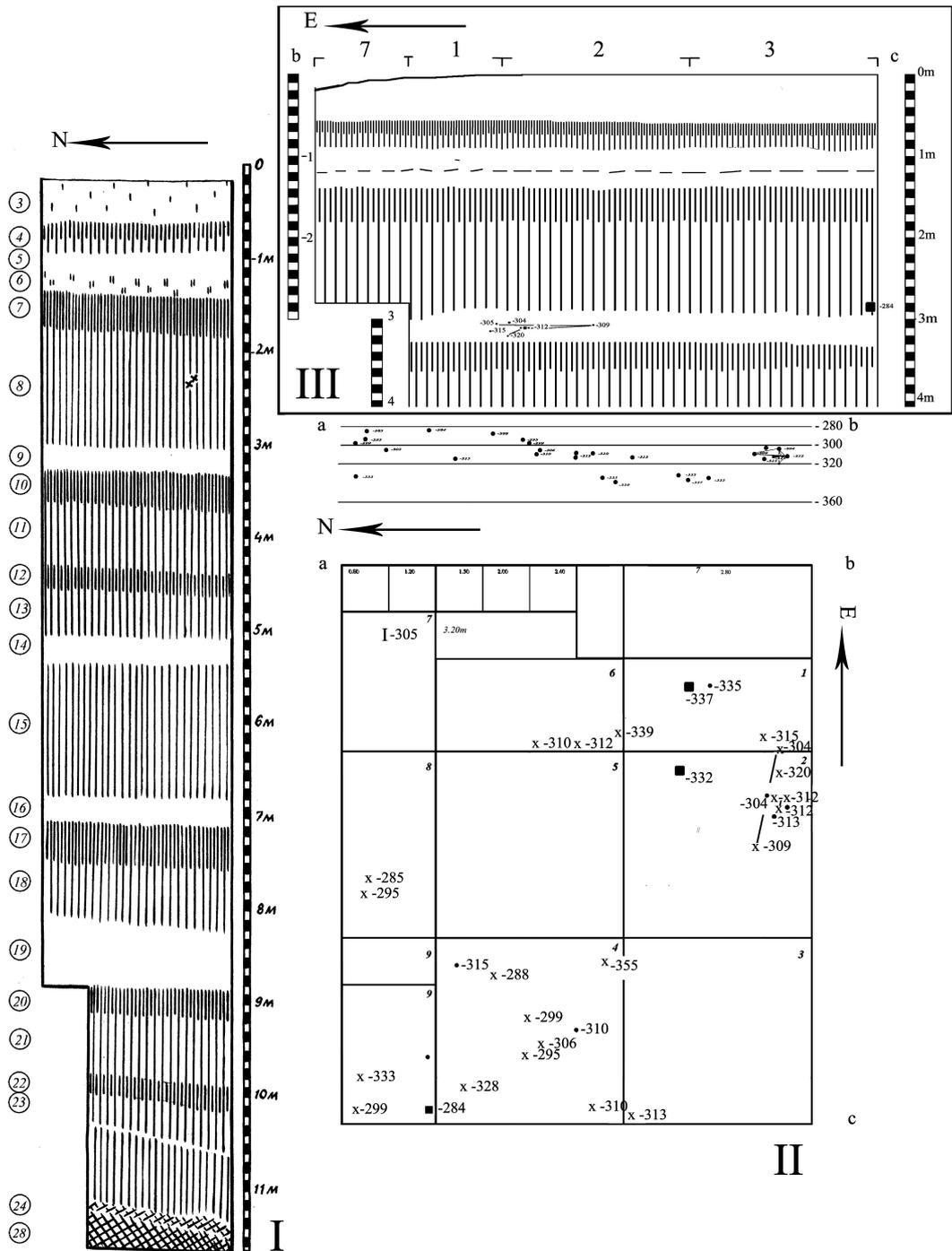

Рис. 1. Королево I, Гострый верх. I - разрез восточной стенки шурфа 26. II - план находок слоя V с проекцией на восточную стенку (а-б). III - разрез южной стенки шурфа 26.

Артефакты, отмеченные как слой V-а без двусторонних изделий и сколов их обработки, обнаруженные на других раскопах и в шурфах, сейчас могут рассматриваться только с точки зрения их позиции в аналогичных геологических условиях.

В отличие от слоя Va, комплекс V "выявлен повсеместно" на вершине "Гострый Верх", "Бейвар", а также на местонахождении Королево II [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 55]. Местонахождение Королево I расположено на двух вершинах "Бейвар" (100м терраса) и "Гострый Верх" (120м терраса), и по распространения находок занимает огромную территорию – более 100 тыс. кв. м [Гладилин, Ситливый, 1989]. Раскопы, заложенные на поверхности этих вершин, находились на

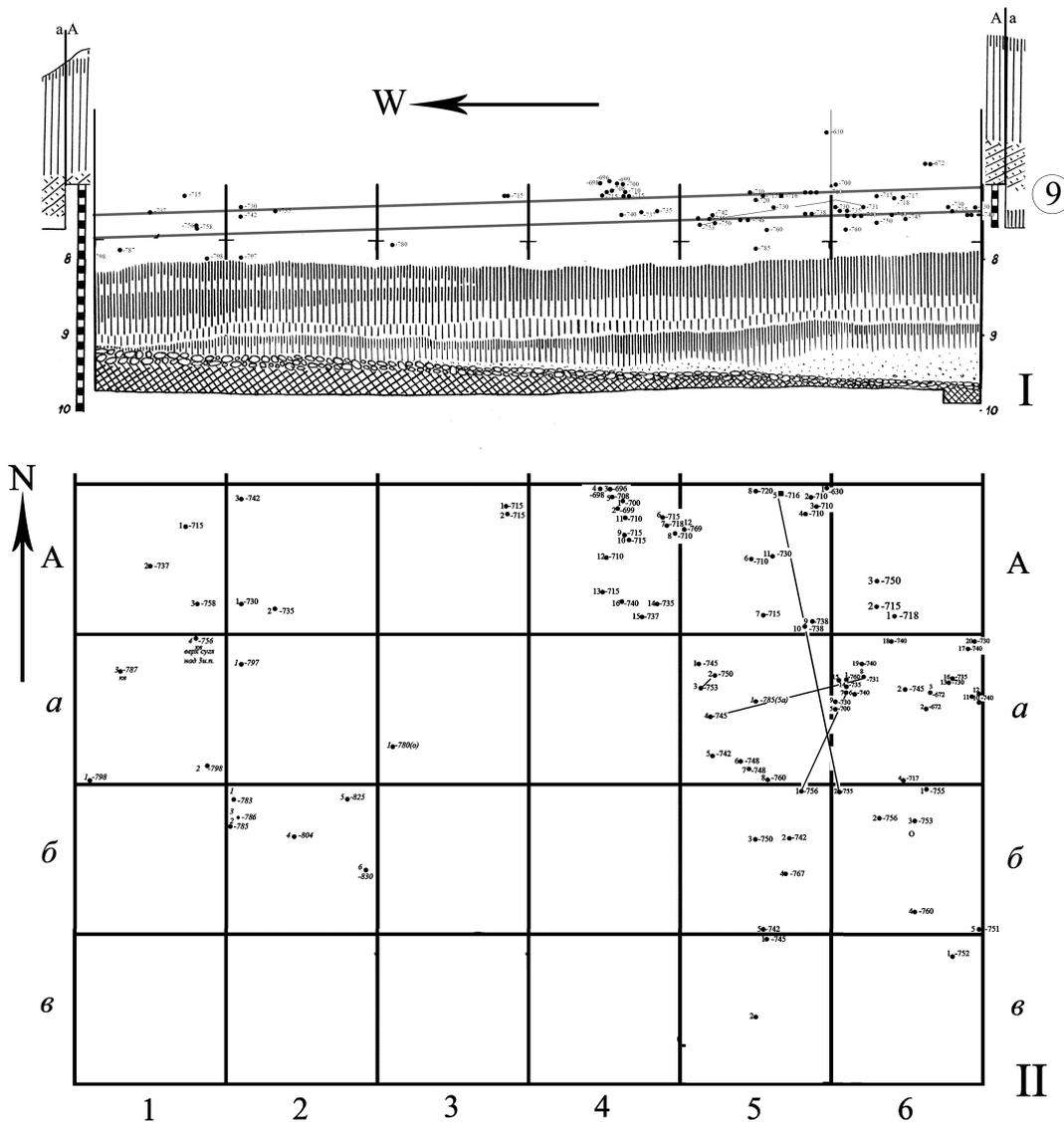

Рис. 2. Королево I, Гострый Верх, раскоп XIII. I - разрез северной стенки раскопа по границе квадратов А/а с проекцией артефактов слоя V. II – фрагмент плана северного участка раскопа XIII с находками слоя V

большом расстоянии друг от друга. Каждый раскопанный объект по-своему уникален с точки зрения геологии, возраста культурных остатков, производственной, культурной и функциональной специфики, а также объема археологического материала [Кулаковская, 1999].

Следует также обратить внимание на то, что на местонахождении Королево I "...мощность четвертичного покрова неодинакова на разных участках, падая местами до 1м и менее. Соответственно меняется и стратиграфическая картина. Наиболее полные разрезы получены на "Гостром Верхе" в шурфах № 14, 18, 26 и в раскопах X и XIII. На вершине "Бейвар" отложения маломощны и представлены позднейшими геологическими напластованиями. Обычно здесь отмечают только III и IV погребенные почвы региональной стратиграфии. Более древние горизонты (V и VI ископаемые почвы разреза Закарпатья) сохранились лишь в заполнениях погребенных оврагов..." [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 28].

Общая геологическая колонка, по которой дается основное описание литологии, была получена по разрезам шурфов 18 и 26 вершины "Гострый Верх" [Адаменко, Гродецкая, 1987; Адаменко и др., 1989; Гладилин, Ситливый, 1989; Adamenko, Gladiline, 1989]. С этим разрезом проводилась корреляция литологических горизонтов и культурно-хронологических комплексов

Королево. В 1998 г. примерно в 10-15 м на юг от шурфов 18 и 26 была поставлена зачистка, которая дает более детальное представление о геологической последовательности и морфологии отложений [Haesaerts, Koulikovska, 2006]. Кроме сравнительного анализа литологии шурфа 18, литостратиграфия Королево была приведена в соответствие с кислородно-изотопными стадиями [Haesaerts, Koulikovska, 2006].

В интерпретации положения слоя V отмечаются определенные отличия. По опубликованным данным "комплекс V" был выявлен на контакте верхнего горизонта интеррисской (рис 2-3) ископаемой почвы (слой 10) и вышележащего суглинка (слой 9) [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 55], "а также в этих двух горизонтах" [Адаменко и др., 1989, с.21]. По данным разреза 1989 г. горизонт 9 отнесен к лессовидным образованиям и может соответствовать по времени изотопно-кислородной стадии 6 [Haesaerts, Koulikovska, 2006].

Важно отметить, что в профиле 1998 г. находки слоя V зафиксированы не были. Поэтому основная работа была направлена на проверку планов, отчетов и материалов раскопов, чтобы проследить слой V в конкретном контексте.

Шурфы 18 и 26

Шурф 18 были заложен в секторе Гострый Верх в 1979 г. В 1982 году на расстоянии примерно трех метров на запад от него был поставлен шурф 26 (рис. 1). В шурфе 18 в лессовидном суглинке (горизонт 9) (рис.2, б; 3) , который отмечен на глубине 320-360 см, было обнаружено менее десяти андезитовых находок как на контакте горизонтов 10/9, так и в горизонте 9. Единичные артефакты, отнесенные к слою V малоинформативные.

В шурфе 26 по описанию восточной стенки литологический горизонт 9 залегал на глубине 305-335 см (рис. 1, I). На площади 5x6 м выявлено чуть более 30 андезитовых предметов. По результатам обработки планов и анализа индивидуальных глубин основная часть артефактов распределена в пределах глубин от 284см до 320см. Только две находки лежат ниже 335см. Проекция на восточную стенку, которая была метрически согласована со шкалой разреза (рис 1, I, II), указывает на распространение артефактов в пределах суглинка (рис. 1, II, a-b). Естественно, мы учитываем искажения плоскостной проекции и падение геологического горизонта с севера на юг. Более четкую картину дает группа инситу артефактов, собравшихся с нуклеусом, которые находились непосредственно возле южной стенки шурфа. Они подтверждают положение слоя именно в средней части горизонта 9 (рис. 1, III).

В коллекции определены пренуклеус, одноплощадочный параллельный и конвергентный нуклеусы из андезита, а также радиальный нуклеус на кварцитовой гальке. К конвергентному нуклеусу были подобраны сколы, находившиеся рядом *in situ*. Особого внимания заслуживает андезитовый нуклеус с негативами пластин на достаточно выпуклой рабочей поверхности, латеральной независимой площадкой и следами исправления заломов в дистальной части заключительной стадии расщепления. Среди немногочисленных отщепов присутствуют технические, первичные, радиальные, конвергентные и параллельные. По нуклеусам и сколам первичное раскалывание находит очень близкие аналогии в слое V из раскопа VI [Усик, 2006].

Раскоп XIII

Раскоп расположен примерно в 75 м на юго-запад от шурфа 26 [Адаменко и др., 1989, с. 7, рис. 4]. Современное состояние карьера показывает, что раскоп был врезан в западный край огромной балки, дно которой расположено примерно на линии шурфов 18 и 26. Культурный слой, который может соответствовать слою V и может быть проанализирован, происходит с части раскопа 1983-84 гг. На площади более 100 кв. м было найдено менее 100 артефактов (рис. 2). По описанию восточной стенки (кв. А, а-б) лессовидный суглинок, соответствующий горизонту 9, лежал на глубине от 7м до 7.30м (рис. 2, I). По границе квадратов А-а 1-6 отмечено падение суглинка в западном направлении на глубину от 7.40м до 7.70м (рис. 2, I (А/а)). Северная проекция находок из квадратов А-б/а-б показывает значительный разброс артефактов по вертикали (рис. 2, I). Эти наблюдения подтверждают немногочисленные склейки артефактов. Аналогичная ситуация складывается при проекции артефактов по линии 6 на восточную стенку раскопа. В целом мы можем сделать заключение, что на исследованной части раскопа XIII артефакты слоя V залегали в нижней части горизонта 8, в суглинке горизонта 9 и в верхней части горизонта 10, соответствующие горизонтам основных стратиграфических разрезов Королево (рис. 3). По всей видимости, культурный слой испытал влияние функционирования балки и древнего рельефа.

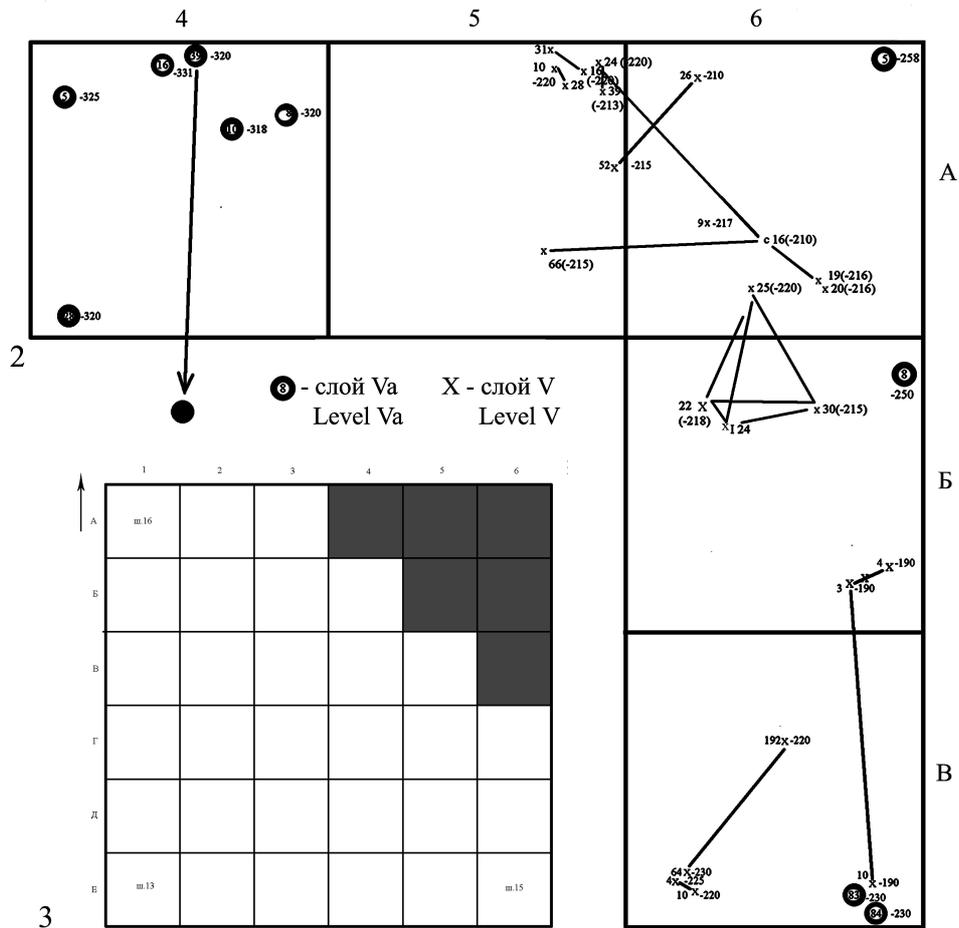
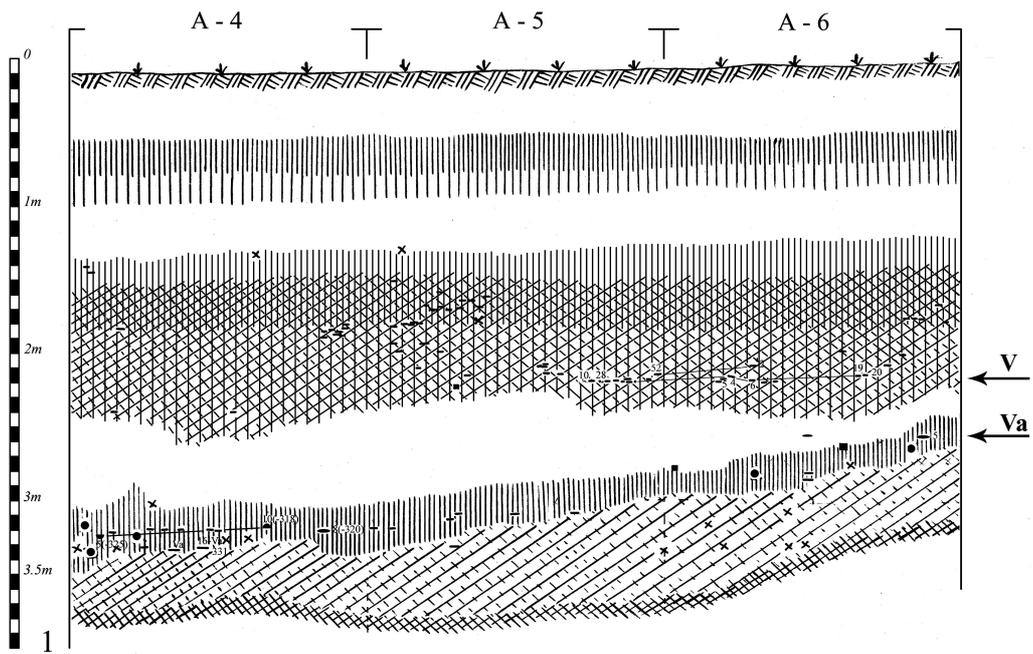

Рис. 3. Королево I, Бейвар. 1 – разрез фрагмента северной стенки раскопа XI с проекцией артефактов слоя V и Va. 2 – план северо-восточного фрагмента раскопа XI с артефактами слоя V и Va. 3 – план раскопа XI.

Состав коллекции, практическое отсутствие скоплений и орудий, явно разрозненные артефакты, которые, в основном являются результатом отдельных, не связанных между собой процессов раскалывания, указывают на периферийный характер раскопанного участка. В коллекции только один радиальный нуклеус и один ортогональный пренуклеус, а также отщепы комбева, радиальные, конвергентные сколы, фрагменты и осколки. По типологии сколов раскалывание имеет отдельные черты сходства с индустрией слоя V из раскопа VI.

Раскоп XI

Раскоп расположен на вершине Бейвар на расстоянии около 270 м на юго-восток от шурфа 26. Для исследования был выбран северо-восточный участок раскопа XI, где хорошо представлены материалы V и Va слоев. По анализу данных ремонта находки слоя V, залегавшие на незначительном расстоянии от стенок, имели практически горизонтальное положение (рис. 3). Проекция на северную стенку указывает на незначительное падение по рельефу в западном направлении. Аналогичная ситуация наблюдается и при проекции на восточную стенку, но падение рельефа в этом случае направлено с юга на север. Находки отмечены в нижней части горизонта 8, а также в верхней и средней части горизонта 9. Искажения плоскостной проекции создают впечатление того, что слой на восточной стенке в кв. В-6 попадает в отложения горизонта 10. В данном случае необходимо учитывать угол падения литологического слоя 9 с востока на запад в направлении внутренних квадратов раскопа. На проблемных отрезках стратиграфических разрезов с неровным рельефом и сжатыми горизонтами одинаковые отметки глубин на артефактах слоя V и нижележащего слоя Va не всегда соответствуют одинаковым литологическим подразделениям. В каждом конкретном случае мы пытаемся проследить это и выяснить истинное положение каждого артефакта. На других квадратах раскопа XI, где мощность отложений горизонта 9 составляла не менее 50 см, культурный слой V, как правило, находился в верхней и средней части лессовидного суглинка, т.е. намного выше контакта этого суглинка с горизонтом 10.

Коллекция слоя V составляет несколько тысяч изделий, которые сейчас находятся в обработке. Тем не менее, некоторые черты первичного раскалывания и специфические типы орудий прямо указывают на соответствие с аналогичными примерами из слоя V раскопа VI. К ним в первую очередь относятся торцовые нуклеусы и резцы.

Заключение

Изучение планов, данных ремонта, глубин залегания культурных слоев, которые могут идентифицироваться со слоем V раскопа VI позволяют сделать заключение о том, что на разных археологических объектах конкретное положение артефактов неодинаково. Однако, одна из наиболее уязвимых формулировок относится фиксации слоя "в самом верхнем горизонте почвы" (горизонт 10) [Гладилин, Ситливый, 1989, с. 55]. Во-первых, в разрезе 1998 года П. Эзартс над почвой К-V (горизонт 11) отметил горизонт 10 как не имеющий четкой границы с вышележащим горизонтом 9 [Haesaerts, Koulikovska, 2006]. Во-вторых, подобная ситуация отмечается на объектах с проблемными участками, как например на раскопе XIII и или на отдельных квадратах раскопа XI, а также в случаях, когда мы реально не можем восстановить по рельефу границу горизонта 9 и 10. Отмечая, например, что на раскопе VI слой V обнаружен на контакте почвы и вышележащего суглинка, необходимо учитывать, что на данном объекте геологический горизонт 9 сильно редуцирован. В таких случаях мы можем говорить о том, что слой V относится ко времени между отложением горизонтов 10 (OIS 7) и 8 (OIS 5).

В настоящее время совершенно четко установлено, что слой V в шурфе 26, в основном залегаем в средней части суглинка (горизонт 9). В раскопе XI слой V на стратифицированных участках занимает положение в средней и верхней части горизонта 9. Трудно судить, насколько четкими могут быть определения "низ, середина и верх" суглинка с точки зрения более точной хронологии культурных отложений. В широких рамках хронологии Королево можно констатировать, что коллекции слоя V из раскопов VI, XI и XIII относятся ко времени кислородно-изотопной стадии 6. Возможно, слой V в раскопе XI существовал в конце этой стадии.

В том что, касается археологической интерпретации индустрий, то коллекция слоя V из раскопа VI представляет гомогенную индустрию с полным циклом раскалывания, начиная от получения заготовок-отщепов для последующей утилизации в качестве нуклеусов и заканчивая изготовлением орудий [Усик, 2006]. Широко применялась преднамеренная фрагментация. В данном контексте выражены элементы, характерные для стоянки-мастерской. В собрании отмечаются параллельные одно- и двуплощадочные нуклеусы, ортогональные, конвергентные нуклеусы, а также

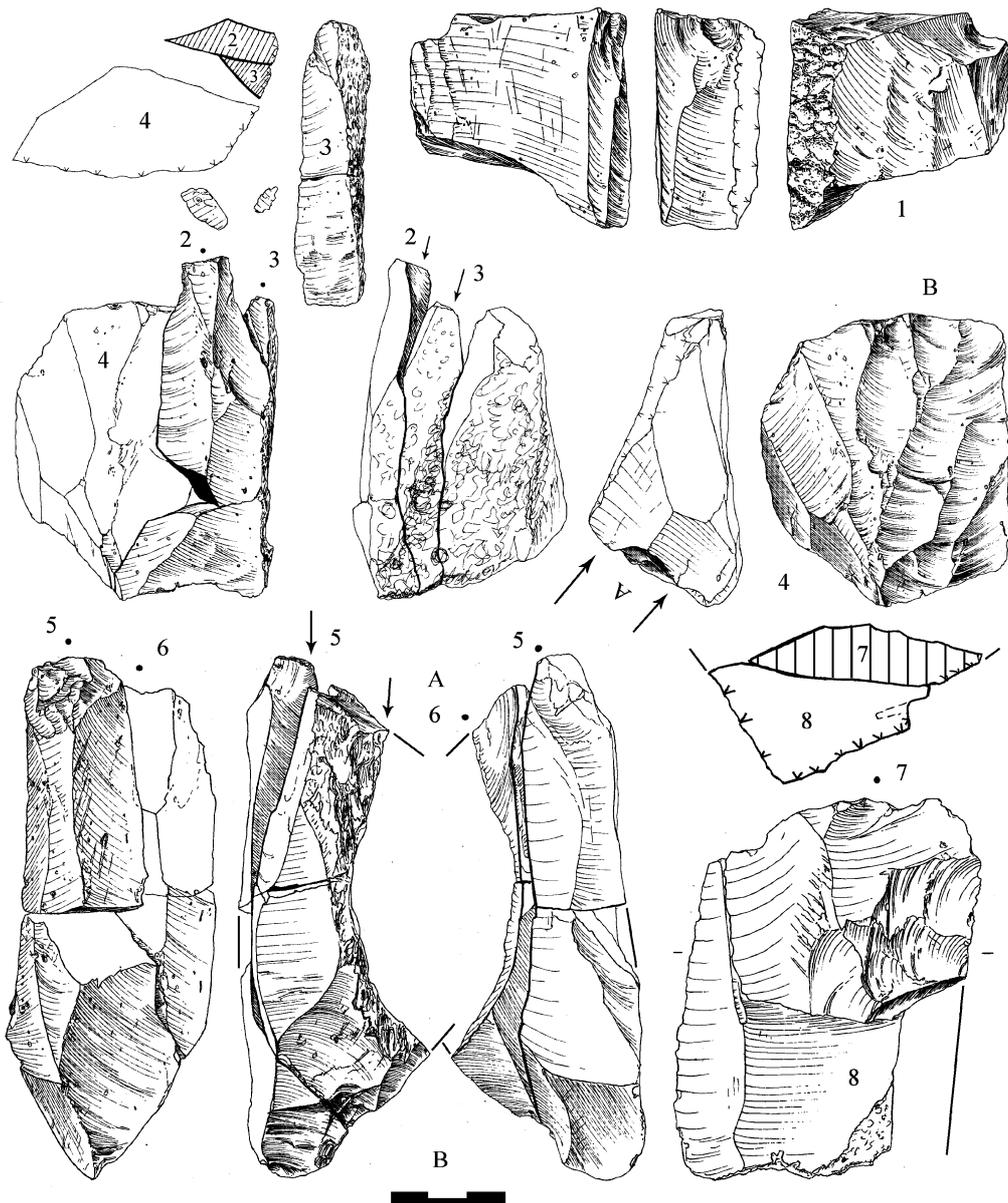

Рис. 4. Королево I, Бейвар. Слой V, раскоп VI. 1- торцовый нуклеус; 2-4, 7,8 – примеры ремонта нуклеусов; 5,6 – ремонт пластин.

нуклеусы комбева и вентральные полурадialные, торцовые (рис. 4, 1). Важной чертой индустрии является присутствие пластин (рис. 4, 2, 3, 5, 6). Практически нет реальных свидетельств использования метода леваллуа. Среди орудий, наряду с конвергентными и другими скреблами, присутствуют скребки, пластины с ретушью, долотовидные изделия и резцы.

Насколько можно судить сейчас по планиграфии и первичному раскалыванию, культурный слой V из шурфа 26 является локальным проявлением, возможно, кратковременной стоянки, оставленной носителями близкой слою V из раскопа VI индустрии. Не исключено, что раскоп XIII, захватил периферию этой стоянки.

По некоторым характеристикам (торцовые нуклеусы, пластины, резцы) слой V из раскопа XI также имеет близкие черты сходства с вышеописанными индустриями. Однако эти материалы еще не обработаны полностью. Более поздняя стратиграфическая позиция слоя может открыть новые, неизвестные моменты в первичном раскалывании, типологии и функциональной направленности стоянки.

Список литературы

- Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Гладиллин В.Н., Гродецкая Г.Д., Левковская Г.М., Пашкевич Г.А., Поспелова Г.А., Солдатенко Л.В., Шелкопляс В.Н.** Палеолитическое местонахождение Королево в Закарпатье // БКИЧП. – № 58. – 1989. – С. 5-25.
- Адаменко О.М., Гродецкая Г.Д.** Антропоген Закарпатья. – Кишинев, 1987. – 149 с.
- Гладиллин В.Н.** Ранний палеолит. // Археология Украинской ССР. – т. 1. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 12-54.
- Гладиллин В.Н.** Проблемы раннего палеолита. Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1989. – 53 с.
- Гладиллин В.Н., Ситливый В.И.** Ашель Центральной Европы. – Киев: Наукова думка, 1990. – 267 с.
- Кулаковская Л.В.** Палеолитические местонахождения в районе Королево // Археологический альманах. – № 8. – Донецк, 1999. – С. 153-158.
- Кулаковская Л.В.** Новые аспекты в исследовании Королево // Археологический альманах. – № 13. – Донецк, 2003а. – С. 158-170.
- Кулаковська Л.В.** Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003б. – С. 10-32.
- Усик В.И.** Королево. Новые аспекты исследований культурного слоя V // The European Middle Palaeolithic. – Київ: Шлях, 2006. – С. 50-78.
- Adamenko O.M., Gladiline V.N.** Korolevo un des plus anciens habitats acheuléens et moustériens de Transcarpatie soviétique // L'Anthropologie. –1989. – Т. 93. – № 4. – P. 689-712.
- Haesaerts P., Koulakovska L.** La séquence pédosédimentaire de Korolevo (Ukraine transcarpatique): contexte chronostratigraphique et chronologique // The European Middle Palaeolithic. – Київ: Шлях, 2006. – С. 21-37.
- Koulakovska L.** Le Paleolithique moyen de Korolevo (Ukraine) // Actes du XIV Congres UISPP. – Liege, 2001. – BAR International Series. – № 1239. – 2004.

ІСТОРІЯ ДОСЛІДЖЕННЯ РОКОСОВСЬКИХ МІСЦЕЗНАХОДЖЕНЬ НА ЗАКАРПАТТІ

Закарпаття протягом досить тривалого періоду залишалося білою плямою на карті палеоліту України. В середині ХХ ст. були відомі лише поодинокі знахідки в районі м. Мукачева, описані ще в 1877 р. Т. Легоцьким.

Улітку 1948 р. В.Ф. Петрунь у Закарпатті зібрав невелику колекцію обсидіанових артефактів, представлену двома видами: "часть предметов изготовлена из отчетливо просвечивающегося полосчатого обсидиана (с показателем преломления 1,487+/- 0,002), другая – из темного почти непросвечивающегося, полосчатого, не похожего на предыдущее сырье..." [Петрунь, 1972, с. 86]. Це дозволило вченому зробити припущення, що частина обсидіанових виробів із колекції могла мати місцеве походження. З метою перевірки влітку 1967 р. він проводить архео-петрографічну рекогносцировку, результатом якої стало відкриття нового місцезнаходження "обработанного обсидиана у с. Рокосово Хустського р-на (правда, без отбора основной массы находок...)" [Петрунь, 1972, с. 86-87]. Проаналізувавши склад обсидіану з рокосовської колекції та порівнявши його з матеріалом, знайденим раніше, автор довів, що сировина має місцеве походження, простежується у вигляді вулканічних бомб або їх скупчень в межах відкладів хребта Великий Шолес.

Улітку наступного року роботи продовжились саме по хребту Великий Шолес, в околицях с. Рокосово. В результаті було виявлено два пункти на відстані 1 км один від одного. Вони були розташовані на "гребнеобразных водоразделах между ручьем Потик, протекающим через с. Рокосово и его следующим к западу правым притоком, впадающим ниже села по течению (Рокосово 1), а также между долиной р. Потик и верховьями левых притоков р. Боржавы (Рокосово 2)" [Петрунь, 1972, с. 86-87]. За даними В.Ф. Петруня, місцезнаходження Рокосово 1 займало площу 4 га, знаходилося на висоті 150-170 м над рівнем р. Тиси. Рокосово 2 було меншим за площею та розташовувалося вище – на висоті 210-230 м над рівнем р. Тиси. Згідно його стратиграфічних спостережень матеріали на пунктах знаходяться у перевідкладеному стані. Проаналізувавши виразну колекцію обсидіанових виробів (200 екз.), він відзначає добру збереженість матеріалу, тобто відсутність ознак пошкодження внаслідок переміщення. Обидва пункти дослідник інтерпретує як левалуазькі майстерні для виготовлення знарядь. Враховуючи техніко-типологічні характеристики комплексу та ступінь збереженості поверхні обсидіанових виробів, автор датує їх початком середнього палеоліту, а окремі речі навіть ашелем [Петрунь, 1972, с. 92].

Відкриття В.Ф. Петрунем нової палеолітичної стоянки стало однією із причин для організації у 1969 р. Закарпатської палеолітичної експедиції під керівництвом д.і.н. В.М. Гладиліна, яка розпочинає цілеспрямовані пошуки та дослідження палеоліту в Закарпатті. В результаті її робіт було відкрито багато палеолітичних пам'яток, в першу чергу багатошарову стратифіковану стоянку Королево [Гладилін, Солдатенко, 1974, с. 4-5]. Закарпатська палеолітична експедиція протягом 1969-1989 рр. щорічно проводила пошукові роботи біля с. Рокосово (рис. 1, 2). В результаті було виявлено 15 пунктів.

Стоянки зосереджені в околицях с. Рокосово Хустського району Закарпатської області на правому березі р. Тиси на відстані близько 6 км на північ від місцезнаходження Королево. Колекції репрезентовані артефактами, зібраними на еродованій поверхні вершин та в балках, розташованих на різних терасових рівнях хребта Великий Шолес, який є частиною Вигорлат-Гутинської гірської гряди та має висотні відмітки від 100 до 230 м над рівнем р. Тиси.

Точний план розташування пунктів відсутній. У 2005 р. Закарпатська палеолітична експедиція проводила роботи по картографуванню рокосовських пунктів. В результаті цих досліджень стало відомо, що зробити точний план неможливо. Справа в тому, що ерозійні процеси, які набули в останній час катастрофічних масштабів, настільки змінили рельєф поверхні, що відновити локалізацію пам'яток за наданими у звітах реперами практично неможливо [Кулаковська, Усік, 2005, с. 5-6]. Тому за існуючим описом ми можемо зробити лише ситуативну схему (рис. 3):

Рокосово І. Знаходиться приблизно за 500 м на захід від с. Рокосово, на північному схилі гори.

Рокосово ІІ. Розташовано за 200 м на північ від Рокосово І. За 100 м на північний захід від соснового лісу, що примикає до села Рокосово з південного сходу. Знахідки сконцентровані у південно-східній частині вершини.

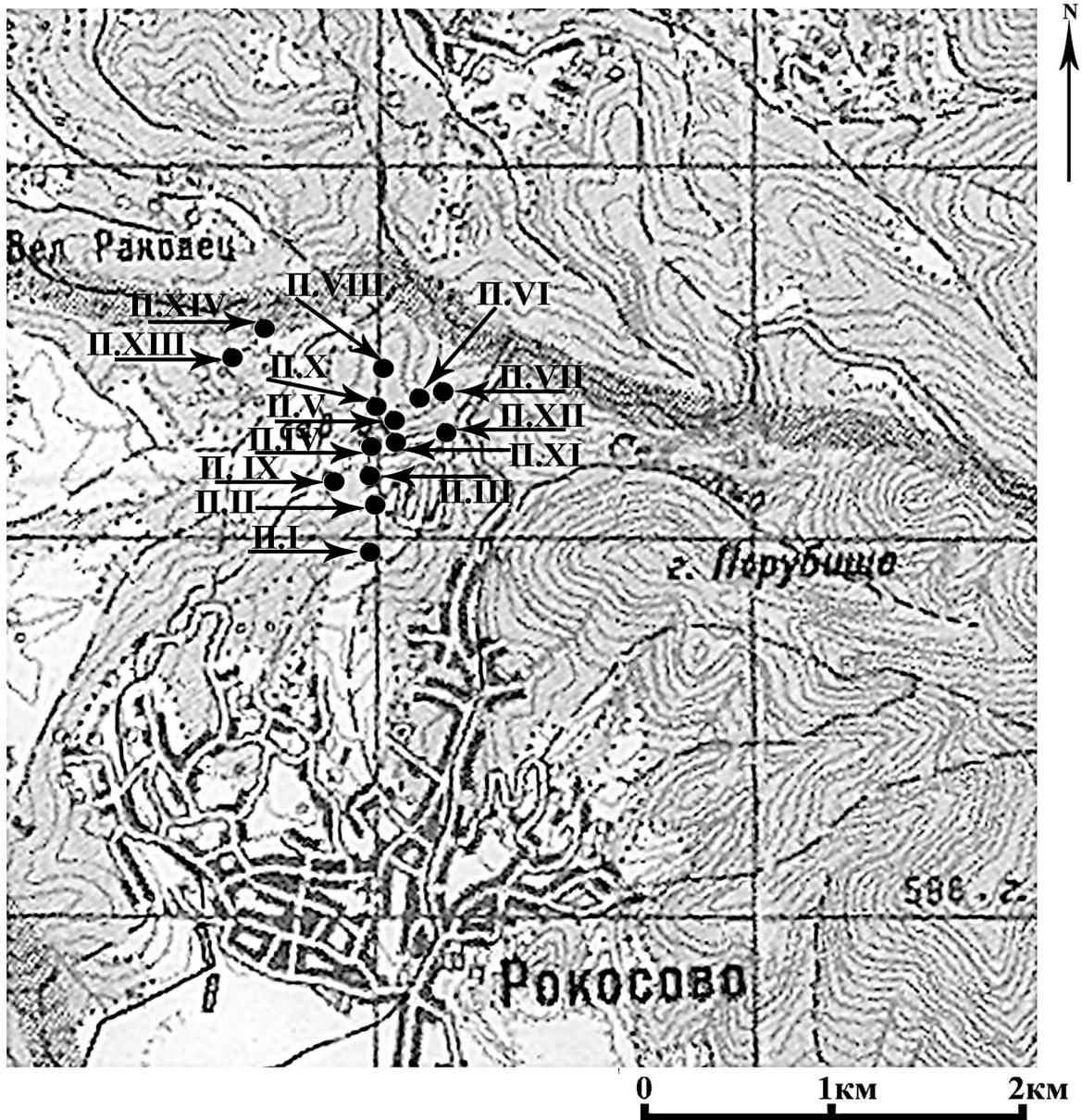

Рис. 3. Ситуативний план стоянок поблизу с. Рокосово

Рокосово III. Артефакти зібрано приблизно за 70 м на північ від Рокосово II, на південно-східному та східному схилах гори [Гладилин, Смирнов, 1969, с. 1-6].

Рокосово IV. Пункт виявлено за 70 м на північ від Рокосово III на східному схилі височини.

Рокосово V. Локалізується приблизно за 150 м на північний схід від Рокосово IV на південному та південно-східному схилах.

Рокосово VI. Знаходиться приблизно за 150 м на північний схід від Рокосово V на східному та південно-східному схилах.

Рокосово VII. Колекцію зібрано за 100 м на схід від Рокосово VI на південному та південно-західному схилах гори, яка відноситься до хребта, розташованого перпендикулярно лінії з пунктами Рокосово I – VI.

Рокосово VIII. Виявлено при обстеженні південно-західного схилу височини перпендикулярного хребта, розташованого приблизно за 250 м на північний захід від Рокосово VI.

Рокосово IX. Матеріали знайдені приблизно за 300 м у напрямку північного заходу від Рокосово II, на південному схилі однієї з гір між хребтом з пунктами Рокосово I – VI та паралельними йому із заходу височинами.

Рокосово X. Розташовано на відстані 100 м на північний захід від Рокосово V, на південному схилі височини перпендикулярного хребта.

Рокосово XI. Колекція була зібрана в балці, яка починається між пунктами Рокосово IV та V [Гладилин, Смирнов, 1969, с. 7-11].

Рокосово XII. Пункт розміщений на горі, яка знаходиться перпендикулярно лінії з пунктами Рокосово I – VI, за 300-400 м. на південний схід від Рокосово VI [Гладилин, Солдатенко, 1974, с. 28].

Рокосово XIII. Виявлено приблизно на відстані 1 км на північний захід від Рокосово II, в осипах південно-східного схилу паралельної гірської гряди [Гладилин, Солдатенко, 1977, с. 13].

Рокосово XIV. Матеріали було знайдено між пунктами Рокосово XIII та Малий Раковець V [Гладилин та ін., 1984, с.21].

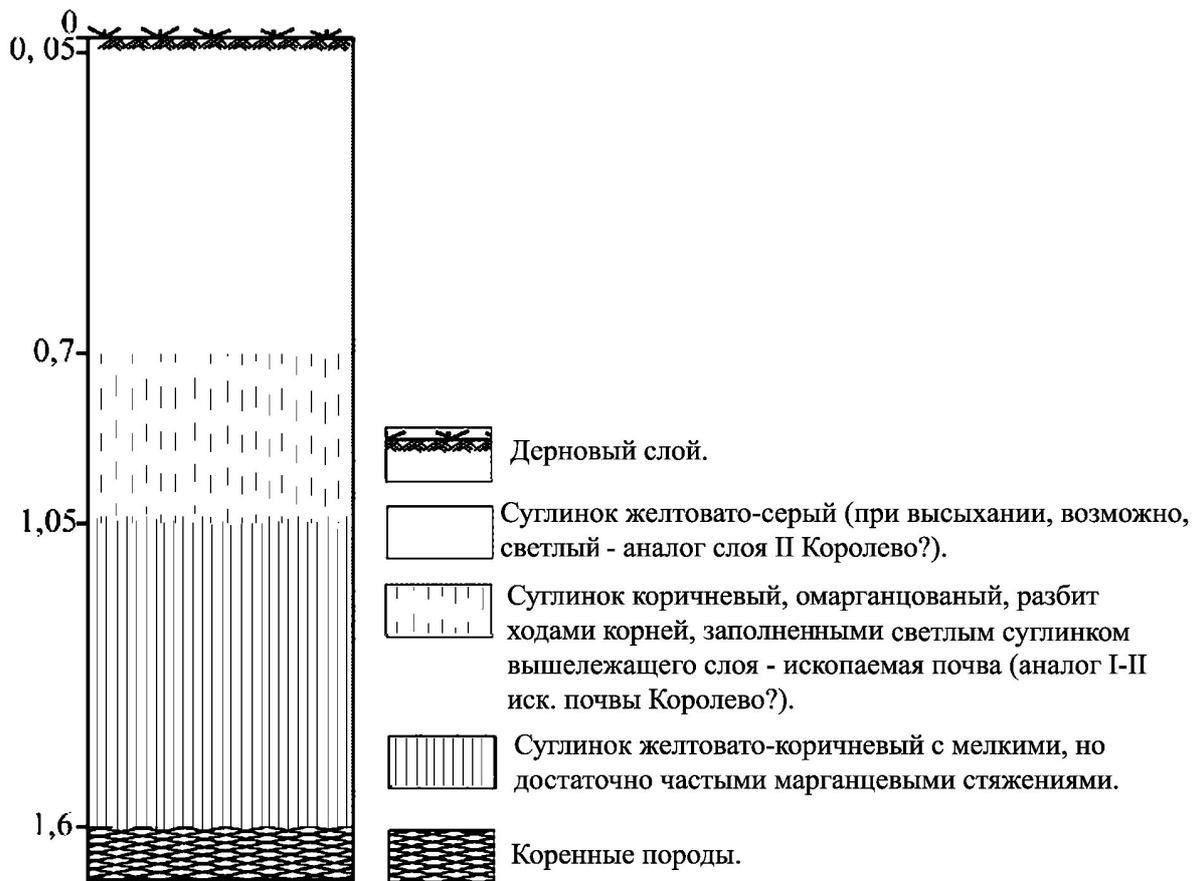

Рис. 4. Рокосово, пункт VI. Стратиграфічний розріз шурфу 1976 р.
За даними польового щоденника В.М. Гладиліна

У 1974 р. з метою перевірки стратиграфічних умов залягання матеріалу було закладено 3 шурфи на пунктах III, IV, та між пунктами V та IV. В 1976 р., 1984 р. та 1986 р. пункт VI було додатково прошурфовано [Гладилин, Солдатенко, 1974, с. 29-30; Гладилін, Солдатенко, 1976, с. 21]. Стратиграфічний розріз шурфів демонструє, що геологічні відклади пошкоджені ерозійними процесами (рис. 4). Не вдалося знайти жодної добре стратифікованої ділянки. Саме тому подальші дослідження пам'ятки обмежувалися збором матеріалу з поверхні.

На п'ятнадцяти пунктах було зібрано виразну колекцію кам'яних артефактів у кількості 2270 екземплярів. Сировиною слугував переважно обсидіан місцевого походження, зустрічалися також андезит, кварцит, кремій, сланець та інші.

За даними техніко-типологічного аналізу Рокосовські місцезнаходження були інтерпретовані як майстерні для первинної обробки сировини та попередньо датовані пізньоашельським часом [Гладилин, Смирнов, 1970, с. 218.].

З часом колекція збільшувалася, при аналізі артефактів спостерігалася різна ступінь збереженості поверхні виробів із вулканічної сировини. Неоднакова інтенсивність слідів гідратації могла теоретично свідчити про їх різний вік. На це, до речі, свого часу звертав увагу В.Ф. Петрунь: "Обсидиановые нуклеусы, пластины, отщепы мастерских Рокосово 1и 2 изготовлены, как показало петрографическое изучение, из наиболее качественных разновидностей местных вулканических стекол, правда в настоящий момент на поверхности интенсивно выветренных, что их резко отличает не только от светлых обсидиановых изделий эпохи неолита или бронзы из Ужгородского музея, но даже ... позднеашельских памятников..." [Петрунь, 1972, с. 89]. В свою чергу, такий метод відносного датування давав можливість хронологічно розділити та інтерпретувати комплекси, які походять із нестратифікованих пам'яток, зокрема Рокосово. Ситуація кардинально змінилася після відкриття місцезнаходження Королево, стратиграфічний розріз та аналіз ступеню збереженості знахідок якого дав можливість розробити опорну хронологічну шкалу артефактів із вулканічних порід для цього регіону. За допомогою такої шкали, на основі збереженості поверхні обсидіанових та андезитових артефактів, рокосовські збори були розподілені на культурно-хронологічні комплекси, які, в свою чергу, були співставлені з відповідними горизонтами опорного розрізу Королево. Отже, виділено сім комплексів: чотири ашельських та три мустьєрських [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 65].

Ашельські комплекси були докладно описані та проаналізовані В.М. Гладиліним та В.І. Ситливим [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 66]. При обробці матеріали з різних пунктів були об'єднані в одну колекцію. Вироби з невулканічної сировини були проаналізовані окремо. За ступенем збереженості поверхні виробів обсидіанові та андезитові артефакти були розподілені на культурно-хронологічні комплекси VII, VI, V, IV, які зіставляють з комплексами VIII, VII, VI, V Королево відповідно. Автори датують їх від гюнц-мінделя до раннього вюрму та інтерпретують як ашель однібічний карпатської фації, основними рисами якої були: виготовлення знарядь крупних розмірів (більше 5 см); в типології – переважання в комплексах типів чопперів, сікачів, колунів, скребел та ножів на "дольках"; наявність поодиноких двобічних ашельських рубил; в технологічному плані – присутність левалузької техніки розколювання [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 129].

Щодо мустьєрських матеріалів, тут маємо тільки згадку про їх існування на Рокосовському місцезнаходженні [Кулаковская, 1989, с. 79] та приналежність частини з них до кола левалузьких індустрій Закарпаття [Кулаковська, 2003, с. 12].

Отже, за аналізом усіх даних про дослідження пам'ятки, можна окреслити коло проблемних питань, які потребують подальшого вирішення.

По-перше, матеріали рокосовських місцезнаходжень були опубліковані як єдиний комплекс. Але, як було сказано вище, окремі пункти розташовані на відстані від 400 до 75 м один від одного. Така значна відстань припускає існування кількох окремих стоянок. Тому необхідно переглянути колекції підйомних матеріалів із різних пунктів окремо.

По-друге, на даний момент загальна колекція артефактів налічує 2270 предметів. Розподіливши її по пунктах, ми можемо бачити, що на деяких місцезнаходженнях присутні досить численні зібрання, але основна маса представлена невеликими комплексами, іноді всього кількома артефактами (табл. 1). Враховуючи ці обставини, необхідно зробити класифікацію кожного пункту, щоб виявити найбільш інформативні колекції для проведення техніко-типологічного аналізу.

По-третє, враховуючи, що колекція Рокосово репрезентована різночасовими матеріалами (нижній, середній, верхній палеоліт та очевидно більш пізні епохи), важливим завданням є хронологічна диференціація артефактів. Розроблена та застосована свого часу В.М. Гладиліним методика розподілу виробів із сировини вулканічного походження за інтенсивністю руйнування поверхні дозволяє більш-менш коректно розділити матеріали поверхневих зборів. Звичайно, вилуговування поверхні вулканічної сировини досить тривалий хімічний процес, який демонструє пряму залежність від різних факторів: умов залягання матеріалу, хімічного складу породи, зміни кліматичних умов а також – від часу [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 23; Усик, 2006, с. 52]. Фактичні ознаки ерозії поверхні виробів з вулканічної сировини чітко простежуються на рокосовських андезитах та обсидіанах. Розділяти їх на культурно-хронологічні комплекси необхідно, але потрібно враховувати й те, що в один і той же період на цій території могли існувати кілька індустрій (тим більше, що місцезнаходження знаходяться на безпосередніх виходах сировини). Звернувшись за аналогією до

стоянки Королево, можна побачити, що в один період на одній території існувало три індустрії, матеріали яких мають однакову ступень збереженості поверхні: шарант (шар II), мікок (шар IIa) та вістрійне левалуа (шар IIб) [Кулаковская, 1989, с. 35; 1999; 2003, с.11; Усик, 2006, с. 50, 52]. В Королево хронологічна диференціація вищеназваних шарів здійснена в комплексі зі стратиграфічним та планіграфічним контекстом їх залягання. В Рокосово ж, в процесі геологічної руйнації пам'ятки, артефакти перемішувались, а стратифікованих ділянок не знайдено. Відповідно, вони будуть мати однакову збереженість поверхні, знаходиться в одному місці, але мати абсолютно різне походження. Досліджуючи матеріали Королево, В.І. Усік зауважує, що використовувати метод датування по руйнації поверхні виробів, які походять з поверхневих зборів, слід досить обережно [Усик, 2006, с. 50, 52]. Питання в тому, як їх коректно розділяти? Враховуючи все сказане вище, зробити це зараз можливо тільки за допомогою класифікації, детального аналізу типології та техніки первинного розщеплення комплексів.

Таблиця 1. Археологічна колекція рокосовських місцезнаходжень

Пункти	Кількість
Рокосово 1	29
Рокосово 2	349
Рокосово 3	210
Рокосово 4	220
Рокосово 5	126
Рокосово 6	1002
Рокосово 7	5
Рокосово 8	15
Рокосово 9	колекція відсутня
Рокосово 10	3
Рокосово 11	267
Рокосово 12	28
Рокосово 13	7
Рокосово 14	7
Рокосово 15	2
ВСЬОГО:	2270

В четвертих, в попередньому плані необхідно вирішити питання про доцільність хронологічної кореляції Рокосовських комплексів з Королево взагалі. Якщо така кореляція буде можлива, все одно її потрібно переробити, враховуючи всі уточнення, зроблені в останні роки, до опорної хронологічної схеми Королево. Наприклад, комплекс V (відповідно, комплекс IV Рокосово) Л.В. Кулаковська та В.І. Усік відносять до середнього палеоліту [Кулаковская, 2003, с. 163, Усик, 2006, с. 60].

Підсумовуючи все сказане вище, можна стверджувати, що основним завданням на даний момент є перегляд та детальний техніко-типологічний аналіз (з урахуванням проблемних моментів) усіх рокосовських пунктів. Попередньо можна окреслити схему опрацювання археологічного матеріалу: диференціація по пунктам → за станом збереженості поверхні матеріалу → техніко-типологічний аналіз → порівняльний аналіз. Саме вирішення цього комплексу завдань допоможе більш детально проаналізувати Рокосовські місцезнаходження та визначити їх місце в палеоліті Закарпаття.

Список літератури

Гладилин В.Н., Кухарчук Ю.В., Ситливый В.И., Ткаченко В.И., Усик В.И. Отчет о работах постоянно действующей палеолитической экспедиции Археологического музея Института зоологии АН УССР за 1984 г. - НА ІА НАНУ, ф.1984/103.- Киев, 1985. – 40 с.

- Гладилин В.Н., Смирнов С.В.** Отчет о работах Закарпатской палеолитической экспедиции в 1969 г. – НА ІА НАНУ, ф.1969/13. – Киев, 1970а. – 18 с.
- Гладилин В.Н., Смирнов С.В.** Закарпатская палеолитическая экспедиция. – АО 1969 г. – М., 1970б. – С. 218 .
- Гладилин В.Н., Ситливый В.И.** Ашель Центральной Европы. – Киев: Наукова думка, 1990. – 267с.
- Гладилин В.Н., Солдатенко Л.В.** Отчет о работах Закарпатской палеолитической экспедиции в 1974 г. – НА ІА НАНУ, ф.1974/95. – Киев, 1975. – 30 с.
- Гладилин В.Н., Солдатенко Л.В.** Отчет о работах Закарпатской палеолитической экспедиции в 1977 г. – НА ІА НАНУ, ф.1977/56. – Киев, 1978. – 13 с.
- Кулаковская Л.В.** Мустьерские культуры Карпатского бассейна. – Киев: Наукова думка, 1989.– 124 с.
- Кулаковская Л.В.** Палеолитические местонахождения в районе Королево // Археологический альманах. – № 8. – Донецк, 1999. – С. 153-158.
- Кулаковская Л.В.** Новые аспекты в исследовании Королево // Археологический альманах. – №13. – Донецк, 2003а. – С.158-169.
- Кулаковська Л.В.** Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. – Киев: Шлях, 2003б. – С. 10-32.
- Кулаковська Л.В., Усік В.І.** Звіт про роботу Закарпатської палеолітичної експедиції у 2005 р. – НА ІА НАНУ, ф.2005/220. – Киев, 2006. – 12 с.
- Петрунь В.Ф.** Леваллуазкие мастерские обсидиановых орудий Закарпатья и проблемы сырья // Матеріали ХІІІ конференції Інституту археології АН УРСР присвяченої 50-річчю АН УРСР. – Киев: Наукова Думка, 1972. – С. 86-92.
- Усік В.І.** Королево. Новые аспекты исследования культурного слоя V // Європейський середній палеоліт. – Киев: Шлях, 2006 – С. 50-77.

В.Н. Степанчук¹, С.Н. Рыжов², Ж.Н. Матвишина², Н.П. Кармазиненко³

*¹Институт археологии НАН Украины
пр. Героев Сталинграда, 12, г. Киев, 04210, Украина
E-mail: vadimstepanchuk@yahoo.com*

*²Киевский Национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 60, г. Киев, 01033, Украина
E-mail: arch@univ.kiev.ua*

*³Институт географии НАН Украины
ул. Владимирская, 44, г. Киев, 01034, Украина
E-mail: iramatv@yahoo.com, karmazinenko@mail.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ ЮЖНОГО БУГА

Введение

К настоящему моменту основные среднепалеолитические памятники Украины сосредоточены в нескольких географически лимитированных регионах: Закарпатье, Поднестровье, порожистой части Днепра, на Донбассе и в Крыму. Закономерности пространственного распределения памятников могут быть объяснены, исходя из географической лимитированности доступных и предсказуемых биологических и минеральных ресурсов [Степанчук, 2007]. Так, в частности, пространственное положение наиболее надежных и стабильных источников сырья – коренных выходов – практически совпадает с локализацией среднепалеолитических памятников [Бондарчук, 1960; Ковнурко, 1962].

Территория Украины демонстрирует несколько обширных ареалов, до недавнего времени практически лишенных свидетельств пребывания тут среднепалеолитического населения. К одному из таких ареалов относится бассейн р. Южный Буг. Между тем, бассейн Южного Буга, безусловно, является перспективным для поиска среднепалеолитических памятников, благодаря: наличию минеральных ресурсов в первичном и вторичном залегании [Петрунь, 2004; Рижов, 2004; Ryzhov et al., 2005], обильным водным ресурсам и особенностям рельефа, предполагающим наличие богатых биоресурсов в среднепалеолитическое время.

С 2004 г. интенсивные поиски среднепалеолитических памятников проводятся на пограничье Черкасской и Кировоградской областей в бассейне р. Большая Высь, левого притока Ю. Буга [Степанчук и др., 2005; 2006; Степанчук, 2008]. Выбор места проведения поисков неслучаен: благодаря исключительно продуктивным разведкам энтузиаста-краеведа П.И. Озерова, в регионе, на территории Кировоградской обл. уже с середины 1980-х гг. стал известен целый ряд поверхностных палеолитических местонахождений [Цвек, Озеров, 1989; Кулаковская, 1997; Степанчук, 2006].

В 2004 и 2006 гг. на самом юге Черкасщины, в р-не сс. Липьянка, Нечаево и Маслово, расположенных на реке Гнилой Товмач, были обнаружены единичные каменные изделия предположительно среднепалеолитического возраста. В 2007 г. были получены указания на стратифицированный характер местонахождения Нечаево 3; в том же году был обнаружен ряд новых местонахождений с материалами среднепалеолитического облика близ с. Маслово (пункты Маслово 5, 5а, 5б, 5в) [Степанчук и др., в печати]. В 2008 г. на территории Черкасской обл. были произведены ограниченные по объему раскопочные работы на местонахождениях Нечаево 3, Маслово 5, Маслово 5в.

Основным объектом полевых исследований в Кировоградской обл. стало местонахождение Бырзулово IX (урочище "Песчаный карьер"), расположенное близ одноименного села на правом берегу обводненной балки Викняной, левого притока р. Большая Высь. Это местонахождение было обнаружено в середине 1980-х гг. П.И. Озеровым и датировано им верхнепалеолитическим временем [Цвек, Озеров, 1989]. В 2007 г. при обследовании местонахождения в пачке буровато-красных суглинков были выявлены материалы среднепалеолитического облика [Степанчук и др., в печати]. В 2008 г. здесь также были проведены поисковые раскопочные работы.

Настоящая статья содержит предварительные данные об исследованиях местонахождений Нечаево 3, Маслово 5, Маслово 5в, Бырзулово IX, полученные в 2004-2008 гг. в результате совместных работ ИА НАНУ, КНУ Т. Шевченко, ЧНУ Б. Хмельницкого и ИГ НАНУ. Акцент при этом сделан на геостратиграфический аспект исследований. Педологический и микроморфологический анализ проводился согласно принятым методикам [Веклич и др., 1979; Матвишина, 1982].

**Новые стратифицированные палеолитические местонахождения: краткая характеристика.
Группа местонахождений Маслово, Шполянский р-н Черкасской обл.**

Конгломерат расположенных поблизости один от другого пунктов Маслово 5, 5а, 5б, 5в был открыт в 2007 г. [Степанчук и др., в печати]. Они расположены неподалеку от с. Маслово, в центральной (южной) части полуциркульного амфитеатра, образованного мысовидными всхолмлениями левого берега р. Гнилой Товмач, а также по его правому (западному) и левому (восточному) бортам. Высота над уровнем реки составляет около 30-40 м, удаление от современного русла – 350-450 м, к югу местность плавно переходит в водораздельное плато с высотами до 60 м над уровнем реки. В 2008 г. были прошурфованы два местонахождения: Маслово 5 и Маслово 5в.

Маслово 5

Шурф 2x2 м на Маслово 5 был доведен до глубины около 4,5 м. В колонке прослежены отложения следующих стратиграфических горизонтов: голоценового (*hl*), представленного типичным черноземом; дофиновского (*df*), представленного бурой карбонатной пустынно-степной почвой df_c и степной, близкой к каштановым солонцеватым, почвой df_{b2} ; бугского (*bg*) белесовато-палевого типичного однородного комковато-рассыпчатого вертикально-столбчатого лесса; витачевской (*vt*) темно-бурой, близкой к южно-степным, почвой; верхов прилукской (*pl*) буровато-серой почвы. В разрезе, кроме голоценовых, представлены, таким образом, отложения OIS 2, OIS 3 и OIS 5a (?). Голоценовые отложения включали керамику ямного времени в сопровождении фаунистических остатков. В верхах прилукского горизонта встречено несколько обработанных кремней (рис. 1).

Маслово 5в

На пункте Маслово 5в также был установлен шурф 2x2 м, исследованный до глубины 5 м. Вскрытая колонка включала голоценовые (*hl*), витачевские (*vt*), днепровские (*dn*), завадовские (*zv*) и тилигульские (*tl*) отложения.

Под слоем современной почвы была прослежена витачевская почва климатического оптимума vt_{b1} , с находками обработанного кремня. Почва близка темно-бурым солонцеватым степного режима, сформировавшимся в условиях периодического переувлажнения. Далее следовал днепровский буровато-палевоый легкий рыхлый лессовидный суглинок; нижняя его граница – с признаками солифлюкционных процессов, трещинами, заходящими в подстилающий горизонт на значительную глубину. Подстилающий завадовский горизонт представлен почвами стадий zv_{1c} , zv_{1b2} и zv_{1b1} , рассеченными трещинами частью морозобойными, частью от растрескивания при температурных изменениях на глубину до 2 м. Горизонт представлен значительно ожелезненным и оглиненным материалом, отличается красно-бурой и красно-коричневой окраской. Почва может быть отнесена к красновато-бурый лесным. Под завадовскими почвами прослежены отложения тилигульского желтовато-палевого вертикально-столбчатого лесса. В разрезе, таким образом, представлены плейстоценовые отложения, которые коррелируются с кислородно-изотопными стадиями 3, 6, 11 и 12.

Каменные изделия были зафиксированы в витачевском и верхах завадовского горизонта (zv_{1c}) (рис. 2). На одном уровне с артефактами из завадовских отложений подэтапа zv_1 (датируемого примерно 380-410 тыс. лет назад [Герасименко, Матвишина, 2007]) были также встречены мелкие не диагностичные фрагменты костей. Материалы из витачевского горизонта представлены двумя ретушированными изделиями и сколом. Находки в завадовской почве также немногочисленны и представлены атипичными режуще-рубящим (?) изделием и скреблом, а также несколькими сколами. Следует отметить, что в подъемном материале на пункте Маслово 5 преобладал, главным образом, материал среднепалеолитического облика, в то время как на пункте Маслово 5в имеются также изделия верхнепалеолитического облика, в том числе массивные высокие скребки.

Местонахождение Нечаево 3, Шполянский р-н Черкасской обл.

Нечаево 3 обнаружено в 2006 г. в черте одноименного села, по левому берегу р. Гнилой Товмач. Подъемные материалы из сборов 2006-2008 гг. содержат нуклеидные обломки, скребла, отщепы, чешуйки. Шурфовкой 2007 г. установлено залегание обработанных кремней в трех различных литологических горизонтах [Степанчук и др., в печати]. В 2008 г. на местонахождении было заложено несколько дополнительных шурфов, объединенных затем в единый участок (т.н. раскоп 1) общей площадью 18 м². На площади 2 м² толща отложений была исследована до глубины 5,0 м от условного

ноля; на 5 м² – до гл. 3,4 м; на 11 м² – до гл. 3,0 м. Кроме того, в борту естественного оврага, в нескольких десятках метров от раскопа 1 была установлена зачистка шириной до 3 м, исследованная толща отложений в которой составила около 4,5 м.

В основном раскопе прослеживаются отложения голоценового (**hl**), бугского (**bg**), витачевского (**vt**), удайского (**ud**), прилукского (**pl**), кайдакского (**kd**), днепровского (**dn**) и завадовского (**zv**) стратиграфических горизонтов (рис. 3). Подстилающая толща отложений была исследована бурением. Скважиной глубиной до 3 м установлено наличие здесь чередующихся отложений лессов и погребенных почв, по предварительной оценке датирующихся концом эоплейстоцена, а также нижним и средним плейстоценом в промежутке от приазовского до тилигульского горизонтов.

Бугский горизонт представлен желтовато-буровато-палевым (в верхней части белесовато-палевым) очень рыхлым рассыпчатым вертикально-столбчатым типичным лессом. Витачевский горизонт представлен двумя почвами vt_{b2} и vt_{b1} . Верхняя граница красновато-бурой среднесуглинистой почвы vt_{b2} сильно нарушена морозобойными трещинами. Почва vt_{b1} более ярко окрашена, особенно в средней части. Удайский буровато-палевый очень рыхлый комковато-рассыпчатый вертикально-столбчатый легкий суглинок подстилает витачевский и перекрывает прилукский горизонт. Этот последний представлен двумя почвами: бурой, с сероватым оттенком, почвой pl_c и коричнево-темно-серой легкосуглинистой почвой pl_{b2} с несколькими генетическими горизонтами. Тясминский горизонт выделяется условно, лишь как более светлый материал. Кайдакский горизонт представлен буроватой и темно-бурой лугово-черноземной почвой с несколькими генетическими горизонтами. Днепровский горизонт представлен горизонтально-слоистым делювиальным материалом с чередованием серовато-палевых и темно-серых прослоев. Завадовский горизонт представляет собой горизонтально-слоистые почвенные отложения уплотненного песчанисто-пылеватого легкого суглинка. По результатам бурения различаются также подстилающие: грязно-палевые, буроватые суглинки тилигульского горизонта, темно-коричневая глинистая почва лубенского горизонта, практически полностью переработанные последующим почвообразованием седименты сульского горизонта, темно-бурая или светло-коричневая почва мартоношского горизонта, светло-палевый материал приазовского горизонта.

Кремневые артефакты были обнаружены на нескольких уровнях в витачевских (OIS 3), удайских (OIS 4), прилукских (OIS 5b-a), и кайдакских (OIS 5e) отложениях. Горизонт в кайдакских отложениях, кроме артефактов, содержал фрагменты костей животных и раковины *Helix*. Каменные коллекции количественно невелики и недостаточны для полноценной характеристики индустрий. Вместе с тем, имеющиеся в коллекции артефакты (преимущественно сколы и единичные орудия) не противоречат среднепалеолитической принадлежности материалов из кайдакского, прилукского и удайского горизонтов и их предполагаемому абсолютному возрасту между, примерно, 115-127, 70-90 и 60-70 тыс. лет назад, соответственно. Материалы из витачевских отложений технико-типологически достаточно разнородны (имеются скребла, скребковидные формы) и не могут быть однозначно отнесены ни к среднему, ни к верхнему палеолиту. Не исключено наличие здесь самостоятельных средне- и верхнепалеолитических культурных горизонтов.

Местонахождение Бырзулово, Новомиргородский р-н Кировоградской обл.

Местонахождение, обнаруженное в середине 1980-х гг. при обследовании 2007 г. дало указания на вероятное наличие здесь среднепалеолитических артефактов в стратиграфическом контексте. В 2008 г. было заложено несколько шурфов общей площадью около 12 м², доведенных до разной глубины, максимально до 2,2 м. Вскрытая стратиграфическая последовательность в настоящий момент не может быть проинтерпретирована однозначно (рис. 4). Можно допускать две версии. Согласно одной из них, в отложениях прослеживаются такие стратиграфические горизонты: голоценовый (**hl**), бугский (**bg**), завадовский (**zv**), тилигульский (**tl**). Согласно другой версии, здесь представлены голоценовые (**hl**), причерноморские (**pu**), витачевские (**vt**) и днепровские (**dn**) отложения. Ключевым для понимания колонки является адекватное определение двух ископаемых почв, обозначавшихся в 2007 г. как пачка буровато-красных суглинков. Стратиграфическое положение этих почв трудно определить однозначно. По геоморфологическому положению они более отвечают завадовской почве, но отличаются от признаков, свойственных завадовским почвам, карбонатностью профиля и менее яркими оттенками окраски. Вместе с тем, возможность принадлежности завадовскому времени (подэтапу zv_1) не исключается. По своим признакам: красновато-бурым цветам окраски, оглиненности, ожелезненности, наличию ооидов и карбонатности, эти почвы могут быть определены как сформировавшиеся в достаточно теплых, даже жарких условиях юга зоны теплоумеренного климата, с периодичностью условий иссушения и увлажнения. Обе почвы близки к красновато-бурым, но нижняя формировалась в более влажных условиях.

Археологические материалы Бырзулово "Песчаный карьер" 2008 г. немногочисленны и составляют несколько десятков предметов. Кремневые изделия были встречены как в отложениях бугского (причерноморского?) лесса, так и в завадовской (витачевской?) погребенной почве. Обращает на себя внимание различная сохранность материала из разных стратиграфических горизонтов. Находки из погребенной почвы покрыты интенсивной желтовато-белой патиной, имеют легкий люстр, в то время как находки из лесса покрыты белой и бело-голубой патиной, люстр отсутствует. Материалов явно недостаточно для углубленной технической и морфологической характеристики индустрий. Вместе с тем имеющиеся сколы и единичные орудия (скребла и отцепы с ретушью) мало соответствуют предположению о причерноморском и витачевском возрасте включающих седиментов. Исходя из особенностей археологических материалов, более правдоподобной представляется версия о бугском и завадовском возрасте кремневых изделий из лессов и погребенной почвы, соответственно. Поскольку в последнем случае речь идет о возможности наличия на местонахождении материалов, заключенных в отложения среднеплейстоценового возраста, становится очевидной важность проведения в ближайшее же время дополнительных геологических и археологических работ на памятнике.

Заключение

Район бассейна р. Большая Вись, относящейся вместе с ее притоками к системе Южного Буга, располагается на пограничье Шполянского р-на Черкасской и Новомиргородского р-на Кировоградской обл. Этот район, несомненно, представляет значительный интерес для отечественного палеолитоведения. Несмотря на полное отсутствие государственного и ведомственного финансирования, и, в силу этого, весьма ограниченные возможности полевых и лабораторных исследований, начатые в 2004 г. совместные работы ИА НАНУ и ЧНУ Б. Хмельницкого, к которым затем подключились специалисты из КНУ Т. Шевченко и ИГ НАНУ, оказались достаточно продуктивными.

Так, в частности:

Работами 2004-2008 гг. было подтверждено наличие значительного числа поверхностных местонахождений с индустрией среднепалеолитического облика на севере Кировоградской области.

В этот же период были первые обнаружены поверхностные среднепалеолитические местонахождения на юге Черкасской обл.

Установлен стратифицированный характер ряда вновь открытых среднепалеолитических местонахождений юга Черкасщины и севера Кировоградщины, материалы которых коррелируются с кислородно-изотопными стадиями 3, 4, 5b-a, 5e. Тем самым, получены указания на освоенность региона на протяжении значительного отрезка верхнего плейстоцена.

Получены указания на возможное наличие в регионе нижнепалеолитических памятников (Маслово 5в, возможно Бырзулово IX, находки из завадовских отложений, OIS 11, начало среднего плейстоцена).

Получены первые данные к различению фациальных разновидностей региональных среднепалеолитических индустрий.

Расширяется база данных для изучения микрорегиональных особенностей седиментации и региональных морфологических особенностей почвенно-лессовых последовательностей покровных отложений эоплейстоцен-голоценового временного отрезка.

Значение пограничья Черкасской и Кировоградской обл. в районе Новомиргорода для палеолитоведения Украины трудно переоценить. Продолжение планомерных работ по поиску и изучению памятников каменного века в очерченном регионе, дальнейшее накопление данных, несомненно, приведет к получению новых ценных фактов для восстановления древнейших этапов истории заселения и освоения этой части территории страны.

Список литературы

Бондарчук В.Г. (ред.) Атлас палеогеографічних карт Української і Молдавської РСР з елементами літофацій. – Киев: Інститут геології, 1960.

Веклич М.Ф., Матвишина Ж.Н., Медведев В.В., Сиренко Н.А., Федоров К.Н. Методика палеопедологических исследований. – Киев: Наукова думка, 1979. – 272 с.

Герасименко Н.П., Матвишина Ж.М. Проблеми завадівського "Великого інтергляціалу" // Матеріали XIV українсько-польського семінару "Проблеми середньоплейстоценового інтергляціалу" – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – С. 194-206.

- Ковнурко Г.М.** К изучению свойств кремня // КСИА АН СССР. – 1962. – вып. 92. — С. 97-99.
- Кулаковская Л.В.** Среднепалеолитические памятники лесостепной зоны Украины // Развитие культуры в каменном веке. Археологические изыскания – 1997. – вып. 43. – С. 53-55.
- Матвишина Ж.Н.** Микроморфология плейстоценовых почв Украины – Киев: Наукова думка, 1982. – 144 с.
- Петрунь В.Ф.** Використання мінеральної сировини населенням трипільської культури // Енциклопедія трипільської цивілізації. - Т. 1., Кн. 1. - Киев, 2004. – С. 199-216.
- Рижов С.М.** Крем'яні виходи Канівського Придніпров'я // Кам'яна доба України. – 2004. - №5. – С. 112-119.
- Степанчук В.Н.** Нижний и средний палеолит Украины. – Черновцы, 2006.
- Степанчук В.Н.** Динамика ресурсов жизнеобеспечения и освоение территории юга восточноевропейской равнины в среднем палеолите // Вестник антропологии. – 2007. – Вып. 15. Часть 1. – С. 94-100.
- Степанчук В.Н.** Разведки палеолитических памятников на пограничье Черкасской и Кировоградской областей в октябре 2007 г. // НА ІА НАНУ. – Киев, 2008. – 127 с.
- Степанчук В.Н., Сиволап М.П., Ветров Д.А., Озеров П.И.** Обследование палеолитических местонахождений в бассейне р. Большая Высь в 2004 году // НА ІА НАНУ. – Киев-Черкассы, 2005. – 72 с.
- Степанчук В.Н., Сиволап М.П., Ветров Д.А., Озеров П.И.** Обследование палеолитических местонахождений в бассейне р. Большая Высь в 2004 году // Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. – Київ-Запоріжжя: Дике Поле, 2006. – С. 34-39.
- Степанчук В.Н., Рыжов С.Н., Ветров Д.А., Сиволап М.П.** Разведки палеолитических памятников на пограничье Черкасской и Кировоградской областей в октябре 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2007 р. (в печати)
- Цвек Е.В., Озеров П.И.** Отчет о разведке археологических памятников в Новомиргородском районе Кировоградской обл. в 1987-1989 гг. // НА ІА НАНУ. – Киев, 1989. – 40 с.
- Ryzhov S., Stepanchuk V., Sapozhnikov I.** Raw materials provenance in Palaeolithic of Ukraine: approaches and first results // Archaeometriai Mьhely, 2005. – Vol. 4. – P. 17-25.

КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНІ РЕКОНСТРУКЦІЇ В ПОСТРАДЯНСЬКОМУ ПАЛЕОЛІТОЗНАВСТВІ ТА ДЕЯКІ АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ АРХЕОЛОГІЧНОЇ МЕТОДОЛОГІЇ

Сьогодні серед багатьох археологів побутує думка, що історіографія – це перший розділ дисертації чи монографії, а зовсім не самостійна галузь науки, яка вивчає її попередній розвиток, виявляє його основні тенденції та особливості з метою актуалізації проблем та виявлення подальших шляхів їх розв'язання. Тому дана стаття ставить собі за мету на основі аналізу основних підходів сучасних українських, російських і молдавських дослідників до проблеми реконструкції культурно-історичних процесів у пізньому палеоліті Східної Європи накреслити можливий напрямок її подальшого вирішення. Автором аналізуються деякі праці, що виходили протягом останніх 10 років, присвячені безпосередньо реконструкції культурно-історичних процесів, а також проблемі культурної атрибуції пізньопалеолітичних пам'яток цієї території, крім тих, що належать до фінальної пори. Нажаль, обсяг статті не дозволяє розглянути більшу кількість наукових публікацій, хоча, на наш погляд, вибірка досить репрезентативна та відображає основні тенденції в розвитку сучасного палеолітознавства. Під культурно-історичними реконструкціями розуміється – відтворення розвитку соціальних структур минулого, вираженого в матеріальній культурі, яка дійшла до нас у вигляді археологічних джерел, на основі їх аналізу. Сюди також належать реконструкції культурних впливів, зв'язків і міграцій стародавнього населення.

До цього часу спеціальні історіографічні дослідження проблеми культурно-історичних реконструкцій у вітчизняному палеолітознавстві відсутні. Наявні тільки праці присвячені історіографії історико-культурного поділу окремих пізньопалеолітичних регіонів Східної Європи: Середнього Подоння [Синицын, Сергин, Хоффекер, 2002], Подніпров'я [Палієнко, 2008б] та Степової області [Палієнко, 2008а]. Проте ця проблема частково розглядалася в загальному контексті розвитку радянського та сучасного палеолітознавства в монографії С.О. Васильєва [Васильев, 2002], а для фінального палеоліту та мезоліту – в одному з розділів книги Л.Л. Залізняка [Залізняк, 2005, с. 5-13].

Щодо сучасних підходів до проблеми культурно-історичних реконструкцій, то в літературі є думка щодо наявності двох основних – "культурологів" і "технократів" [Залізняк, 2004, с. 129]. До перших сьогодні можна віднести М.П. Оленковського та Л.Л. Залізняка, до останніх – мабуть, більшість сучасних палеолітознавців, зокрема, у Росії – М.В. Аніковича, в Україні – Д.Ю. Нужного, Ю.Е. Демиденко, у Молдові – С.І. Коваленка та М.А. Кетрару. Однак треба зазначити, що даний поділ досить умовний, адже обидві групи дослідників розглядають технологію стародавнього виробництва кам'яних знарядь та більшою чи меншою мірою говорять про переміщення чи культурну взаємодію стародавнього населення – носіїв традицій.

М.П. Оленковський відстоює думку щодо необхідності та можливості здійснення реконструкцій культурно-історичних процесів для пізнього палеоліту Східної Європи [Оленковський, 2003]. У методологічному плані він спирається на теоретичні розробки В.Ф. Генінга [Оленковський, 2002] і розглядає археологічну культуру (АК) як відображення стародавніх соціально-історичних організацій – етносів. Зокрема дослідник здійснює реконструкції культурно-історичних процесів в середню та пізню пору пізнього палеоліту Лівобережної України [Оленковський, 2000б].

Реконструкції Л.Л. Залізняка, головним чином, стосуються фінального палеоліту та мезоліту. Щодо більш раннього періоду, то він висуває власну версію походження епігравету (мікрогравету), а також пропонує вважати це явище, так само як гравет і орін'як, слідами первинних блоків етнокультурної неперервності прильодовикової Європи, що знаходилися в процесі етнічної диференціації на окремі локальні АК [Залізняк, 2000].

Прихильники другого напрямку, оперують суто технологічними поняттями, такими як тип індустрії та технокомплекс (ТК), однак поряд із цим також використовують і поняття АК. Щодо здійснення культурно-історичних реконструкцій, то більшість з них вважає, що сьогодні їх побудови неможливі. Проте часто ці дослідники й самі пояснюють індустріальну варіабельність міграціями давнього населення.

Так М.В. Анікович, хоч і оперує у дослідження поняттям "АК", проте воно має зовсім інше значення ніж було прийнято до того. На його думку, це – система традицій, вироблених у певних соціальних угрупованнях під впливом певних історичних умов, яка знайшла свій матеріальний вияв у тих результатах людської діяльності, що могли стати археологічними джерелами, і яка розкривається шляхом аналізу цих джерел [Анікович, 1989]. Поряд із цим він використовує поняття "шлях розвитку"

або "технокомплекс", під яким розуміє "відносно стійку систему технічних прийомів, що породжує подібні риси у складі набору знарядь, яка конвергентно виникає та функціонує в широких просторово-часових межах, у різних культурно-історичних формах (археологічних культурах), що не пов'язані між собою генетичною спорідненістю" [Аникович, 1994]. Також дослідник використовує поняття історико-культурна область. Зміну та співіснування різних індустрій в пізньому палеоліті Східної Європи М.В. Аникович пояснює міграціями стародавнього населення, зокрема обґрунтовує археологічні критерії для виділення цього явища [Аникович, 1999]. Щодо соціумів верхнього палеоліту, то дослідник зазначає, що вони значно відрізнялися від усіх відомих нам соціумів, тому етнографічні аналогії тут безпідставні [Аникович, 2003-2004, с. 504].

Д.Ю. Нужний, розглядаючи епіграветські комплекси Середнього Подніпров'я, використовує поняття тип або варіант індустрії. Зокрема, на підставі технологічної варіабельності він виділяє чотири типи, що містять декілька пам'яток : межиріч'єн, мизин'єн, овруч'єн, юдінов'єн, та три типи, представлені окремими пам'ятками, до яких відсутні аналогії: Журавка, Слісєєвичі I та Велика Бугаївка. Щодо культурних зв'язків, то дослідник вважає, що їх відображають знахідки мушель, які походять з інших територій [Nuzhnyy, 2008].

Розглядаючи ранню пору пізнього палеоліту Ю.Е. Демиденко виділяє поряд із середньопалеолітичними два комплекси верхньопалеолітичних індустрій: "селет" і орін'як, які поділяє на декілька типів [Демиденко, 2007]. Таку варіабельність він пов'язує з появою поряд із місцевими колективами людей середнього палеоліту з індустріями мікоку (неандертальці) та західнокримського мустьє верхньопалеолітичних "мігрантів" (Homo Sapiens для орін'яку) з Центральної та інших районів Східної Європи. Зміну ситуації в наступний період дослідник пояснює переміщенням людських колективів під впливом змін у природному оточенні.

Молдавські дослідники С.І. Коваленко та М.А. Кетрару, розглядаючи культурно-історичний розвиток у Дністровській зоні Молдови, зазначають, що він відбувався на основі контакту двох великих техніко-типологічних формувань – орін'якоїдного та граветоїдного ТК [Коваленко, Кетрару, 1999]. Поряд із цим дослідники також оперують поняттям АК, а зміни в обліку індустрій пояснюють міграціями та взаємодією різних груп стародавнього населення, що є носієм тих чи інших традицій.

Отже, можна констатувати, що більшість дослідників пов'язує індустріальну варіабельність безпосередньо з тими чи іншими культурно-історичними процесами – міграціями чи культурною взаємодією стародавнього населення, навіть, коли на словах заперечують можливість здійснення таких реконструкцій. Також слід зазначити, що в більшості робіт відсутні визначення дефініцій історико-культурного поділу, які використовуються, за виключенням хіба-що праць М.В. Аниковича. Однак, проблема термінологічної плутанини вже підіймалася в літературі, коли різні дослідники вкладають зовсім різний зміст в одні й ті ж наукові терміни [Оленковський, 2000а]. Щодо наявних спроб реконструкцій культурно-історичних процесів у первісності, то залишаються не розробленими методологічні аспекти цієї проблеми. Так Л.Л. Залізник зовсім не обґрунтував на основі яких особливостей кам'яного інвентарю можна зробити висновок про відповідність орін'яку, гравету чи епігравету блокам етнокультурної неперервності. Тоді як науковці, які досліджували конкретні пам'ятки східного гравету, дійшли майже протилежних висновків. Х.А. Амірханов зазначає, що у культурологічному відношенні "східний гравет" виступає "скоріше як культурна неперервність груп пам'яток зі своїми просторовими та часовими змінами" [Амірханов, 1998, с. 32]. Тоді як І.О. Борзіяк і Л.В. Кулаковська вважають, що не слід отожднювати культурний масив "східного гравету" з єдиною групою верхньопалеолітичного населення [Борзіяк, Кулаковська, 1998, с. 61]. Також не можна погодитися зі зауваженнями Д.Ю. Нужного з приводу відсутності методологічних розробок, які дозволяють за допомогою археологічних матеріалів виділяти стародавні етнічні утворення [Нужний, 2002, с. 59]. Тому, на наш погляд, актуальним буде накреслення загальної схеми розв'язання цієї складної методологічної проблеми.

Теорія АК була розроблена В.Ф. Генінгом на основі системного підходу, як складова частина його фундаментальної археологічної теорії. Він дає наступне визначення АК – "комплекс подібних археологічних пам'яток, що розташовані на одній території та відображають стан окремого етносу на певному етапі суспільно-економічного розвитку" [Генінг, 1987]. Структура системи соціально-історичний організм – археологічна культура (СІО-АК) слугує основою для розробки системи категорій пізнання середнього рівня та виходу на емпіричний операційний рівень, що вводить до системи пізнання безпосередні джерела. У такому розумінні АК виступає як центральна категорія археологічного пізнання у єдності його теоретичного та емпіричного рівнів. Дослідник вказує, що найпростішим рівнем системи АК емпіричного рівня є близька подібність форм артефактів, а вихідною категорією – спільність творців артефактів. Адже, якщо артефакти – це фіксовані в досліджені

результати, рештки опредмеченої соціальної діяльності, відповідно спільність артефактів зумовлює й спільність матеріальних носіїв їх творців – певну категорію соціальної структури. Тобто спільність творців АК – це автономне суспільство минулого – СІО. Суспільна система, що розглядається з етнічної сторони, може характеризуватися як етносоціальний організм (ЕСО). На думку В.Ф. Генінга, окреме суспільство – СІО первісності може бути тільки етносом.

Однак, теорія АК В.Ф. Генінга розроблювалася для первісного суспільства більш пізніх періодів, а отже, вона має бути адаптована до пізнього палеоліту. З одного боку, необхідно враховувати специфіку тогочасного суспільства, а з іншого – специфіку археологічних матеріалів, які в більшості представлені кам'яним інвентарем. Відповідно нам необхідно теоретично визначити прояви яких соціальних категорій і яким чином шукати в археологічних матеріалів. Тому, розглядаючи ці теоретичні положення, С.В. Смирнов констатує, щоб АК дійсно відповідала давньому етносу, необхідно розробити проблему критеріїв виділення АК, що можливо тільки за допомогою нової наукової дисципліни – етноархеології. Саме на сучасних реліктових суспільствах археологи можуть простежити конкретні закономірності матеріалізації історичної діяльності людей та конкретно-історичні прояви цього закону в різних історичних умовах [Смирнов, 2003, с. 20]. Схожої думки притримуються й С.О. Васильєв, який виділяє п'ять факторів, що впливають на характер комплексу кам'яних знарядь отриманого з певної стоянки:

1. Культурний (стилістичний), тобто стиль, що ґрунтується на загальній для культури властивості інваріантності. Тобто все те, що дає підстави віднести пам'ятку до певної етнокультурної спільності
2. Функціональний, що відображає виробничу специфіку пам'ятки, або її ділянки, що, в свою чергу, залежить від річного господарського циклу. Це дає змогу віднести пам'ятку до певного господарсько-культурного типу.
3. Сировинний – первинна сировина, у певних випадках відіграє значну роль у обміні інвентарю.
4. Фактор дослідженості, що зумовлює залежність характеру археологічної пам'ятки від методики розкопок.
5. Випадкова варіація, що зумовлена процесами власного розвитку матеріальної культури. Прикладом може слугувати так званий культурний дрейф [Васильєв, 1985, с. 51].

Виходячи з того, що АК має бути відображенням певного давнього етносу, то культуровизначальними мають бути особливості крем'яного інвентарю, що зумовлені першим фактором. Розрізнити дію всіх перерахованих чинників на кам'яний інвентар можна лише прослідкувавши дію закону опредмечування соціальних потреб у сучасних реліктових суспільствах. Противники використання етнографічних даних у археології зазначають, що пізньопалеолітичне суспільство прямих етнографічних аналогів не має. Але ми можемо прослідкувати дію закону опредмечування в різних конкретних проявах на різних етапах розвитку первісності, а отже й визначити динаміку такого розвитку та фактори, які на нього впливають. Після цього дія цих законів може бути спроєктована й на пізній палеоліт. Більше того, за останні двадцять років значно просунулося вивчення впливу на кам'яний інвентар інших чотирьох факторів засобами власне археології. Зокрема Д.Ю. Нужний дійшов висновку, що функціональні фактори не впливають на такі особливості кам'яного інвентарю, що пов'язані з технологією їх виготовлення [Нужний, 2002, с. 77 – 79]. Тому верифікація цих висновків за допомогою даних етнографії дозволить уникнути односторонності у відтворенні історії первісного суспільства, що мало місце в 30 – 50-ті роки, коли дію відомих соціальних законів намагалися прямо продемонструвати за допомогою обмеженої джерельної бази, в 70 – 80-ті роки, коли написанням історії первісного суспільства займалися переважно етнографи, або в останній час, коли археологічний матеріал розглядається сам по-собі поза соціальним контекстом. Так за останні п'ятнадцять років використання технокомплексного підходу було виділено велику кількість різних проявів подібності кам'яного інвентарю, які деякі дослідники ототожнювали з традиціями. Тому тільки етнографічні матеріали дозволяють перевірити наскільки вірно науковцями були обрані критерії групування, а також дозволяють визначити соціологічний зміст деяких стадіальних явищ, які виділені останнім часом.

Отже, визначення за допомогою етнографічних даних закономірностей функціонування законів опредмечування в первісному суспільстві та їх прояву в кам'яному інвентарі, а також верифікація деяких археологічних висновків, отриманих за допомогою технокомплексного підходу, дозволить визначити критерії культурної приналежності пам'яток. І тільки, поклавши ці критерії в основу типології кам'яних виробів, можна буде перейти до аналізу накопичених археологічних матеріалів і виділення конкретних АК-СІО у пізньому палеоліті Східної Європи, використовуючи дані абсолютного датування та враховуючи останні досягнення палеолітознавства щодо впливу інших –

неетнічних чинників на характер кам'яного інвентарю пам'яток. Це буде першим кроком для створення соціоісторії первісного суспільства. Тільки таким складним шляхом можливо здійснити спробу вирішення проблеми історико-культурного членування пізнього палеоліту Східної Європи на якісно-новому рівні.

Список літератури

- Амирханов Х.А.** Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. – М., 1998. – С. 15-37.
- Аникович М.В.** Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. – 1989. – № 4. – С. 115-127.
- Аникович М.В.** Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы // АВ. – 1994. – № 3. – С.144-157.
- Аникович М.В.** О миграциях в палеолите // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 72-82.
- Аникович М.В.** Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия "археологическая эпоха", "археологическая культура", "технокомплекс", "историко-культурная область" // Stratum plus. – 2003-2004. – № 1-2. – С. 487-506.
- Борзьяк О.І., Кулаковська Л.В.** Граветт Подністров'я. Загальний огляд // Археологія. – 1998. – № 4. – С. 55-63.
- Васильев С.А.** Проблемы реконструкций позднепалеолитических обществ и этноархеологические исследования // Вопросы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1985. – С. 48-54.
- Васильев С.А.** Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // Stratum plus. – № 1 – 2. – Кишинев, 2002. – С. 21-170.
- Генинг В.Ф.** Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания в археологии // Исследование социально-исторических проблем в археологии – Киев, 1987. – С. 6-35.
- Демиденко Ю.Э.** Северное Причерноморье в европейском контексте проблематики раннего и среднего периодов верхнего палеолита // Человек в истории и культуре. – Одесса – Терновка, 2007. – С. 52-79.
- Залізняк Л.Л.** Етнокультурні процеси у пізньому палеоліті та проблема епіграветту // Археологія. – 2000. – № 2. – С. 4-11.
- Залізняк Л.Л.** "Передісторія України... " десять років потому // Кам'яна доба України. – Вип. 5. – Киев: Шлях, 2004. – С. 120-136.
- Залізняк Л.Л.** Фінальний палеоліт і мезоліт Континентальної України. – Кам'яна доба України. – Вип. 8. – Киев: Шлях, 2005. – 184 с.
- Коваленко С.И., Кетрару Н.А.** Некоторые особенности развития верхнепалеолитических индустрий в Днестровской зоне Молдавии // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 168-195.
- Нужний Д.Ю.** Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межиріч та їх місце серед епіграветтських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. – Киев, 2002. – С. 57-81.
- Оленковський М.П.** Граветтійський шлях розвитку в пізньому палеоліті України // Археологія. – 2000а. – № 2. – С. 57-64.
- Оленковський М.П.** Культурно-історичні процеси в середню та пізню пори пізнього палеоліту Лівобережної України // Археологический альманах. – № 9. – Донецьк, 2000б. – С. 81-88.
- Оленковський М.П.** Проблема пізньопалеолітичних археологічних культур // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. – Киев, 2002. – С. 167-168.
- Оленковський М.П.** Соціально-історичний аспект "археологічної культури" доби пізнього палеоліту // Археологический альманах. – № 13. – Донецьк, 2003. – С. 250-254.
- Палієнко С.В.** Проблема історико-культурного членування пізнього палеоліту Півдня Східної Європи (історіографічний аспект) // Археологічні студії. – Вип. 3 – Київ – Чернівці, 2008а. – С. 3-16.
- Палієнко С.В.** Проблема історико-культурного членування пізнього палеоліту Середнього Подніпров'я (історіографічний аспект) // Часопис української історії — 2008б. – Вип. 9. – С. 5-10.
- Синицын А.А., Сергин В.Я., Хоффекер Дж.Ф.** 120-лет исследования палеолита Костенок: традиции и тенденции // Костенки в контексте палеолита Евразии. – Вип. 1 – Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб., 2002. – С. 3-9.
- Смирнов С.В.** Археологічна культура: суперечливі моменти розробки проблеми // Археологія. – 2003. – № 1. – С. 7-21.

Nuzhnyy D. The Epigravettian variability of the Middle Dnieper river basin // Дослідження первісної археології в Україні. (До 50-ти річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль). – Київ, 2008. – С. 96-134.

НАЧАЛО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И В ЮЖНОЙ СИБИРИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ*

Введение

До недавнего времени переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Старого Света трактовался, как единый процесс, происходивший везде в одно и то же время, по единому сценарию. Палеоантропы [неандертальцы] трансформировались в неантропов [кроманьонцев] в силу общеисторических закономерностей, сводящихся либо к "неуклонному развитию производительных сил", либо к "влиянию природной среды", либо к сочетанию этих факторов. Смена среднепалеолитических форм культуры верхнепалеолитическими представлялась неотъемлемой частью того же процесса [Бонч-Осмоловский, 1934; Ефименко, 1953; Борисковский, 1953; Григорьев, 1968 и др.]. В отечественной науке о первобытности данный подход был детально разработан философом Ю.И. Семеновым в виде т.н. "теории двух скачков" [1966].

Начиная с 1980-х гг., ситуация все более и более усложняется. Мы попытались, по возможности, осмыслить накопившийся новый материал в специальной монографии [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007]. В результате проделанной работы оказалось, что от привычной концепции, прочно укоренившейся в учебных пособиях и научно-популярной литературе, приходится отказываться самым решительным образом. По крайней мере, на Евразийском континенте процесс лептолитизации развивался отнюдь не по единому сценарию и не в одно и то же время.

На сегодняшний день проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту наиболее разработана на европейских и ближневосточных материалах. Что касается Северной Азии, то, при всех грандиозных успехах палеолитоведения в этом регионе в последние десятилетия, для ответственных выводов еще требуется дальнейшее накопление и осмысление данных. Тем не менее, рассмотрение проблемы стоит начать именно с региона Южной Сибири.

Южно-сибирский сценарий перехода

Этот сценарий наиболее близок к традиционной версии перехода. Здесь, действительно, можно считать установленным факт постепенной трансформации среднепалеолитических технологий и форм орудий в верхнепалеолитические. В финале среднего палеолита (60-50 тыс. л.н.) в Горном Алтае намечаются два "технических варианта" – кара-бомовский и денисовский. Первый из них характеризуется преобладанием леваллуазского расщепления и техники пластинчатого скола. Типологический набор инвентаря определялся наличием леваллуазских форм, в сочетании с зубчато-выемчатыми и верхнепалеолитическими орудиями. Для денисовского варианта характерно, преимущественно, параллельное и радиальное расщепление, преобладание в орудийном наборе скребел различных типов и присутствие выразительных леваллуазских изделий [Деревянко, Шуньков, 2005, с. 284; Деревянко 2005, с. 504].

На базе этих вариантов в Горном Алтае ~50-40 тыс. л.н. формируются две самостоятельных "традиции" ранней поры верхнего палеолита (РВП) – кара-бомовская и усть-каракольская. Усть-каракольскую традицию характеризует, в частности, комплекс ориньякоидных форм, включающий концевые скребки на пластинах с ориньякской ретушью (в т.ч. с перехватом), скребки типа "карене", срединные резцы (в т.ч. многофасеточные), крупные пластины с регулярной ретушью по периметру, ретушированные микропластинки. На этом основании индустрия Усть-Каракола-1 и Ануя-3 иногда рассматривается в европейской литературе как "ориньяк" [Kozłowski, Otte, 2000, с. 526]. Показательно,

---

□ Работа выполнена при поддержке РФФИ № 08-06-00161 и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № П-21, проект "Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий (в контексте среднего/верхнего палеолита Евразии)"

что данные ориньякские формы дополняются в этой традиции листовидными двусторонне обработанными остриями – ситуация, чрезвычайно напоминающая РВП Центральной Европы.

Как считают авторы раскопок, усть-каракольская традиция сформировалась на местной мустьерской основе [Деревянко, Шуньков, 2005]. С одной стороны, она вырастает на базе леваллуазской техники снятия заготовок, с другой – включает в себя двусторонние листовидные формы. Однако даже в рамках рассматриваемого региона процесс эволюции каменной индустрии в сторону усиления верхнепалеолитических черт не носил всеобщего характера. Показательным в этом плане является присутствие в Горном Алтае памятников пережиточного мустье (пещера Окладникова).

Зафиксированная на памятниках Северной Азии постепенность развития касается лишь одной (хотя очень важной!) стороны индустриальной деятельности человека – обработки камня. Ни о какой постепенности развития и нарастания верхнепалеолитических элементов в костяной индустрии говорить не приходится. Массовое распространение обработки кости, бивня и рога, а также символическая деятельность возникают здесь внезапно – в самом начале РВП. В этом отношении особенно показательны низы слоя 11 Денисовой пещеры (Горный Алтай), где высокоразвитый набор костяных орудий и украшений имеет возраст, по меньшей мере, ~40 тыс. л.н.

Проблема эволюции среднего палеолита Восточной Европы

Общая картина развития каменных индустрий в Восточной Европе мало походит на описанную выше. Можно считать доказанным: ни в одном из очагов концентрации мустьерских памятников этого обширного региона индустриальное развитие не шло в сторону лептолитизации.

В классическом мустье юго-запада Русской равнины, а также в "восточном микоке", пожалуй, прослеживается некоторая тенденция в сторону увеличения процента пластин и уменьшения индекса их массивности. Однако количество и варибельность верхнепалеолитических форм орудий (скребки, резцы, проколки) здесь ничтожны, а сами эти формы, как правило, атипичны. Указанный вопрос был недавно проработан заново Н.К. Анисюткиным. Сделанные им выводы сводятся к следующему: существенных эволюционных изменений, которые давали бы основания предполагать плавный переход к верхнему палеолиту, в данном регионе установить невозможно; говорить об усилении верхнепалеолитического элемента в более поздних мустьерских индустриях, по сравнению с ранними, не приходится [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007, с. 152]. В целом, близкая ситуация прослеживается и для богатых среднепалеолитическими памятниками регионов Юга Русской равнины, Крыма и Кавказа. Развитие, которое можно сопоставить с процессом микроэволюции, происходило в рамках самого среднего палеолита, не меняя структур индустрий.

Если взглянуть на материалы Восточной Европы в контексте сопредельных территорий, то мы увидим: данный вывод будет справедлив для всех регионов, где памятники среднего палеолита наиболее хорошо изучены. Эта проблема специально разрабатывалась Л.Б. Вишняцким [Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007, с. 37–45].

Отдельные верхнепалеолитические элементы, встречающиеся на мустьерских памятниках, оказываются наиболее представлены не в поздних, а именно в древнейших среднепалеолитических индустриях. Ярким примером тому в Западной Европе служат материалы секленьена, датируемого серединой КИС 5, а на Ближнем Востоке – индустрии так называемого "внутри-ябрудийского эпизода", который рядом исследователей был безоговорочно определен, как верхний палеолит [Bordes, 1955; Аникович, 1999]. Однако дальнейшая "естественная" эволюция мустьерских индустрий в Европе и на Ближнем Востоке шла не в сторону усиления этих черт, а, наоборот, в сторону их исчезновения и усиления специализации собственно среднепалеолитических характеристик.

Древнейший верхний палеолит Восточной Европы

Для Восточной Европы характерно внезапное и очень раннее (45–39 тыс. л.н.) появление высокоразвитых верхнепалеолитических индустрий, в которых отсутствует сколько-нибудь выраженный среднепалеолитический компонент. К числу их относятся стоянки Костенки 12/IV, 14/IVб и 17/II на Среднем Дону. Ввиду полного отсутствия технико-типологических связей с европейским мустье, есть все основания предполагать, что индустрии подобного рода появились на континенте извне. Стоит отметить: более древних верхнепалеолитических памятников не зафиксировано ни в Центральной, ни в Южной, ни в Западной Европе.

На том же хронологическом этапе (45–39 тыс. л.н.) на территории Восточной Европы появляется верхний палеолит иного типа. Это так называемые симбиотические ("архаичные")

индустрии (костенковско-стрелецкая АК, "молдавский селет" и т.д.). Наряду с ярко выраженными верхнепалеолитическими характеристиками, в них наличествует столь же хорошо выраженный (по крайней мере, в типологическом отношении) мустьерский компонент. Процесс формирования этого пласта памятников шел параллельно с появлением в Европе древнейших высокоразвитых индустрий.

Культуры симбиотического типа известны и на западных территориях (центрально-европейский селет, улуццо, шательперрон). Их типологические связи с индустриями европейского мустье прослеживаются во всех случаях достаточно явно. Однако рассматривать их, как "переходные" к высокоразвитому верхнему палеолиту не вполне правомочно. От чего и к чему они "переходят"? От мустье к верхнему палеолиту? – Но в технологическом отношении даже наиболее древние симбиотические индустрии представляют собой бесспорный верхний палеолит, хотя и с присутствием ряда пережиточных черт. Кроме того, как уже отмечалось выше, *симбиотические культуры изначально сосуществуют на Русской равнине с высокоразвитыми индустриями*. К примеру, древнейшая (42–39 тыс. л.н.) стоянка костенковско-стрелецкой АК – Костенки 12/III – залегает в разрезе *выше* стоянки "развитого" типа Костенки 12/IV, но, по комплексу естественнонаучных данных, синхронна другой высокоразвитой индустрии – Костенки 17/II.

В самом общем виде РВП рассматриваемого региона можно определить (в археологическом отношении), как сосуществование трех основных типов индустрий: 1) типично верхнепалеолитических ("развитых"); 2) симбиотических ("архаичных"); 3) собственно среднепалеолитических (пережиточного мустье).

Мне могут возразить: нельзя рассматривать мустье, как часть верхнепалеолитического культурного мира! Но в том-то и дело, что пережиточное мустье не просто сосуществовало в РВП с двумя указанными типами верхнепалеолитических индустрий. Оно волей-неволей взаимодействовало с ними. Определить и объяснить эти формы взаимодействия является, на мой взгляд, одной из важнейших задач современного палеолитоведения.

В Западной Европе сейчас популярна точка зрения, по которой древнейшие симбиотические индустрии хронологически предшествуют "развитым". Однако я склонен критически относиться к современной тенденции преувеличивать возраст симбиотических индустрий Западной и Центральной Европы и, соответственно, завышать возраст высокоразвитых индустрий ориньякоидного облика. Впрочем, спорные вопросы хроностратиграфии решаются не на страницах публикаций, а в поле, на разрезах – желательно, с привлечением комиссии высококвалифицированных специалистов.

С другой стороны, уже сейчас можно утверждать с полной уверенностью: материалы Восточной Европы не дают ни малейших оснований говорить о предшествовании древнейших симбиотических индустрий "развитым". Скорее, наоборот: "развитые" индустрии типа Костенки 12/IV и 14/IVб оказываются явно древнее наиболее архаичной симбиотической индустрии типа Костенки 12/III. В этом контексте куда более корректным является предположение о *культурном влиянии*, оказанном пришлыми носителями высокоразвитого верхнего палеолита на местное (в широком смысле) мустье.

Восточноевропейские сценарии перехода

Новейшие исследования показывают, что древнейшие памятники РВП фиксируются в Восточной Европе отнюдь не в районах основного сосредоточения среднепалеолитических памятников (Крым, Кавказ, Днестровско-Прутское междуречье). Как раз там верхний палеолит появляется сравнительно поздно – не ранее ~32 тыс. л.н.

Таким образом, в районах компактного проживания неандертальцев процесс становления верхнего палеолита оказывался, в лучшем случае, заторможен. Там, где они были многочисленны и сильны, они могли на протяжении тысячелетий отстаивать свои собственные интересы. Регионы их сосредоточения характеризуются долговременным господством "пережиточного мустье", доживающего до 28, а местами и до 18 тыс. л.н. (Крым). Но, в конце концов, это население исчезает, не выдержав конкуренции с соседями, успешно развивавшими верхнепалеолитические традиции. В таких случаях можно говорить о *сценарии замещения*.

Напротив, древнейшие проявления верхнего палеолита в Восточной Европе (45–39 тыс. л.н.) фиксируются там, где мустьерских памятников было мало (бассейны Среднего Дона, Клязьмы, Камы и Печоры). В Костенковско-Борщевском районе до сих пор вообще не выявлено следов мустьерского населения. Но именно тут обнаружены древнейшие памятники верхнего палеолита Европы – как симбиотического, так и "развитого". И те, и другие появляются здесь ~45-39 тыс. л.н. – *одновременно или с небольшим хронологическим разрывом*. Здесь же возникает древнейшая симбиотическая культура

Восточной Европы – костенковско-стрелецкая. Возникает она как бы "на пустом месте", вдали от "исторической родины", с которой ее связывают многочисленные, типологически выраженные пережитки традиций крымского микока.

На мой взгляд, самым непротиворечивым вариантом объяснения всех этих фактов является *аккультурационная модель* становления верхнего палеолита. Согласно этой модели, важную роль в процессе лептолитизации в Восточной Европе сыграла аккультурация части неандертальского населения пришлыми носителями высокоразвитых верхнепалеолитических традиций. Причем данный процесс "стартовал" отнюдь не в местах компактного проживания неандертальцев, а в периферийных по отношению к ним районах – там, где носители обеих традиций оказывались пришельцами. Именно встреча на "чужой" территории рождала, вместо реакции отторжения, более-менее плодотворные контакты носителей очень разных культур.

Попытка объяснить процессы, происходившие в Европе ~45–39 тыс. л.н., с помощью аккультурационной модели требует ответа на вопрос: какие конкретные археологические материалы об этом процессе свидетельствуют? Вопрос этот ставился неоднократно, но обычно сама постановка проблемы грешила упрощением.

"Аккультурация по определению предполагает заимствование каких-то культурных черт. В случае с Италией трудно определить, что же именно местные мустьерские группы заимствовали у пришлых верхнепалеолитических популяций..." [Kuhn, Vietti, 2000, p. 70]. Таким образом, данный процесс трактуется западными коллегами, как однозначно прямое и одностороннее заимствование неандертальцами некоторых элементов "развитых" культур. Но процесс влияния типично верхнепалеолитических сообществ на мустьерские (точнее, на их часть) не стоит понимать так узко.

Конечно, прямые заимствования имели место, и проследить их нетрудно. Но суть аккультурационной модели, рассматриваемой как отражение социокультурной адаптации, заключается в том, что население, включившееся в РВП в процесс аккультурации, не ограничилось прямыми заимствованиями из чужой культуры. Под влиянием верхнепалеолитических соседей оно стало менять привычную технику скола и создавать на этой базе нечто принципиально новое. Так уже на ранних этапах становления костенковско-стрелецкой АК, несмотря на обилие мустьерских форм орудий, возникает совершенно новая технология: т.н. "техника тонкого бифаса". Эта техника неизвестна в среднем палеолите, зато в дальнейшем она получает продолжение в таких высокоразвитых культурах, как солютре и клювис.

Таким образом, речь идет о *творческом* восприятии чужого, о *творческой переработке* прежних мустьерских традиций и, наконец, о возникновении на этой основе оригинального явления – симбиотических АК – по сути, уже верхнепалеолитических, но сохранивших ряд черт, свидетельствующих о мустьерской подоснове.

Вероятно, столкнувшись с принципиально новыми индустриальными явлениями, создатели этих культур вовсе не старались *копировать* чужие технологии. Они попытались *заменить* их чем-то своим, что позволило бы на практике достигать сходных результатов. Изобретенная ими техника тонкого бифаса являлась принципиально новой, хотя и основывалась на принципе двусторонней обработки изделия, известном в среднем палеолите. Будучи сложнее пластинчатой техники, она все же с успехом заменила своим создателям эту последнюю. И та, и другая приводили к одному результату – оформлению очень ровного, тонкого, острого края (лезвия).

Процесс аккультурации являлся одновременно и процессом ассимиляции части европейских неандертальцев пришлыми *Homo sapiens*. В настоящее время эта гипотеза представляется наиболее вероятной, хотя и нуждается в дальнейшем обосновании новыми антропологическими находками.

Заключение

Три описанных типа индустрий сосуществовали в Восточной Европе на протяжении всей РВП. Полное исчезновение симбиотических культур и пережиточного мустье служит маркером начала средней поры верхнего палеолита. Таким образом, РВП есть не что иное, как *процесс становления верхнепалеолитической культуры*. В этом заключается ее исторический смысл.

Указанный процесс растянулся не менее, чем на 20 тыс. лет. Он был многолинейным и разворачивался в разных регионах по различным сценариям. Уже в силу продолжительности и асинхронности, невозможно представить его, как адаптацию к тем или иным природным условиям. Скорее всего, здесь имели место *социокультурные адаптации*. Завершение процесса знаменуется полным или почти полным исчезновением непластинчатых индустрий. Чисто верхнепалеолитические характеристики становятся господствующими.

На территории Северной Азии пока не отмечено вышеуказанного отчетливого противопоставления симбиотических и "развитых" индустрий. Обе выделяемые в настоящее время традиции РВП сохраняют среднепалеолитические элементы, как в типологии, так и в технологии. Наряду с ними, в регионе присутствуют памятники пережиточного мустье.

Древнейшие известные нам индустрии типичного верхнего палеолита в Европе (Костенки 14/IVб, спицынская АК, ориньяк 0 и др.) явно разнокультурны и, в то же время, имеют нечто общее, определяемое мною через термин "ориньякоидность". Выраженной ориньякоидностью характеризуются и древнейшие проявления усть-каракольской традиции Горного Алтая, обладающей, несмотря на ее симбиотический, в целом, облик, ярким комплексом признаков, свойственных типичному верхнему палеолиту (высокоразвитая обработка кости, украшения).

Можно предположить, что все эти индустрии имеют некую общую основу, возникшую, вероятно, за пределами Евразии и много раньше 50-40 тыс. л.н. Поиск этой гипотетической праосновы является насущной задачей современного палеолитоведения.

Список литературы

Аникович М.В. Преориньяк – "забегание вперед" или начало? // *Stratum Plus*. – 1999. – № 1. – С. 266-268.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. – СПб.: Нестор-История, 2007.– 336 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5).

Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения Крымского палеолита // Труды и материалы Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып. V. – М., 1934. – С. 114-183.

Борисковский П.И. Палеолит Украины. – МИА. – 1953. – № 40. – 464 с.

Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – 220 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту – взгляд из Северной Азии // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 501–508.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 283–311.

Ефименко П.П. Первобытное общество (очерки по истории палеолитического времени). – Киев: АН УССР, 1953. – 663 с.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576 с.

Bordes F. Le Paléolithique inférieur et moyen de Yabrud [Syrie] et question du Préaurignacien // *L'Anthropologie*. – 1955. – № 59. – P. 486-507.

Kozłowski J.K., Otte M. The formation of the Aurignacian in Europe // *Journal of Anthropological Research*. – 2000. – Vol. 56. – № 4. – P. 513-534.

Kuhn S.L., Bietti A. The late Middle and early Upper Paleolithic in Italy // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean*. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 49-76.

ХРАНЕНИЕ ПРОДУКТОВ И АДАПТАЦИЯ ОБЩЕСТВ ЭПИГРАВЕТТСКИХ ОХОТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С.Н. Бибииков в 1960-1970-е гг. впервые в советском палеолитоведении поставил проблему социально-экономических реконструкций и предпринял попытку ее практического решения на основе комплексного анализа археологических источников и данных смежных дисциплин [Бибииков, 1969].

Современные подходы к решению проблем адаптации первобытных обществ охотников-собирателей, ставящие целью реконструкцию природной обстановки, систем жизнеобеспечения и образа жизни отводят важную роль данным о практике хранения пищи.

Хотя проблема хранения пищи в археологической и этнографической литературе дискутируется, большинство исследователей связывают ее появление у первобытных охотников-собирателей со спецификой природного окружения, непостоянной, краткосрочной доступностью пищевых ресурсов, колебаниями, прежде всего, сезонными их наличия. Практика хранения – это способ преодоления таких колебаний, возможность выживания в необеспеченные периоды [Soffer, 1985, p. 256-257].

Р. Шелк отмечает, что "в определенном смысле, применение стратегии хранения представляет эволюционный порог. Хранение не удлиняет обеспеченный период, оно лишь более полно утилизирует его и человеческая система обеспечения, таким образом, достигает нового уровня зависимости от природных циклов продуктивности. Иное изменение, ассоциирующееся с хранением – это уменьшение мобильности... Точнее, уменьшение мобильности ведет к росту зависимости от хранения пищи" [Schalk, 1977, p. 231]. Он также подчеркивает значение практики хранения как одного из механизмов, благодаря которому появляется специализация возможных способов использования пищевых ресурсов.

По мнению Р. Келли, в зависимости от практики хранения, ресурсных характеристик, временных и пространственных параметров ресурсных колебаний можно ожидать разные типы обществ охотников-собирателей [Kelly, 1995, p. 342].

В статье затрагиваются некоторые аспекты способа жизнеобеспечения и образа жизни эпиграветтских охотников Восточной Европы – хранение продуктов, сезонность и мобильность. Их анализ ограничен данными о памятниках с жильми и иными конструкциями из костей мамонтов и ямами-хранилищами Среднего Поднепровья, а также о памятниках азово-черноморских степей с выразительными комплексами преимущественно бизоньей фауны (хронологический отрезок от 19-18 до 13-12 тыс. л.н.). Посредством привлечения данных палеогеографии, археозоологии, этнографии и этноархеологии предпринимается попытка определить общие и отличительные черты адаптации к природным условиям оставивших их групп.

Природные условия времени обитания эпиграветтских охотников в Восточной Европе

Время распространения эпиграветтских групп позднепалеолитического населения в Восточной Европе (19-12 тыс. лет назад) совпадает с концом максимального похолодания последней, валдайской ледниковой эпохи, характеризующейся максимальным распространением валдайского ледникового щита и его последующей постепенной деградации.

Согласно данным палеогеографии период от 24-25 тыс. лет назад и до 13-14 тыс. лет назад отличался наиболее суровыми климатическими условиями, которые лишь не надолго сменялись более мягким климатом интерстадиального характера около 16-15 тыс. лет назад. В это время на равнинах Восточной Европы установились резко континентальные климатические условия, сопровождавшиеся регрессией Черного и пересыханием Азовского морей. Господствующими ландшафтами стали тундра, перигляциальные степи и лесостепи с широким распространением многолетней мерзлоты и интенсивным накоплением лессовых отложений. Для них были характерны упрощенная зональная (гиперзональная) структура распространения флоры и фауны. В Среднем Поднепровье на фоне господства перигляциальной степи элементы древесной растительности сохранялись лишь в долинах рек. Для климатических условий были характерны низкие зимние температуры (-30-40 градусов) и небольшое количество осадков (250-350 мм/год) [Величко и др., 1999, с. 49; 2003, с. 53-55].

В Северном Причерноморье при отсутствии многолетней мерзлоты позднеплейстоценовые лессовые формации по сравнению с более северными территориями представлены слабее, они часто редуцированы (рис. 1) [Величко и др., 1997, с. 16; Gribchenko, Kurenkova, 1997, fig. 4]. Здесь господствовала перигляциальная степь, только кое-где, главным образом на возвышенных участках рельефа и в балках существовала растительность лесостепного характера с элементами широколиственной флоры (южная перигляциальная лесостепь) [Гричук, 1982, с. 107].

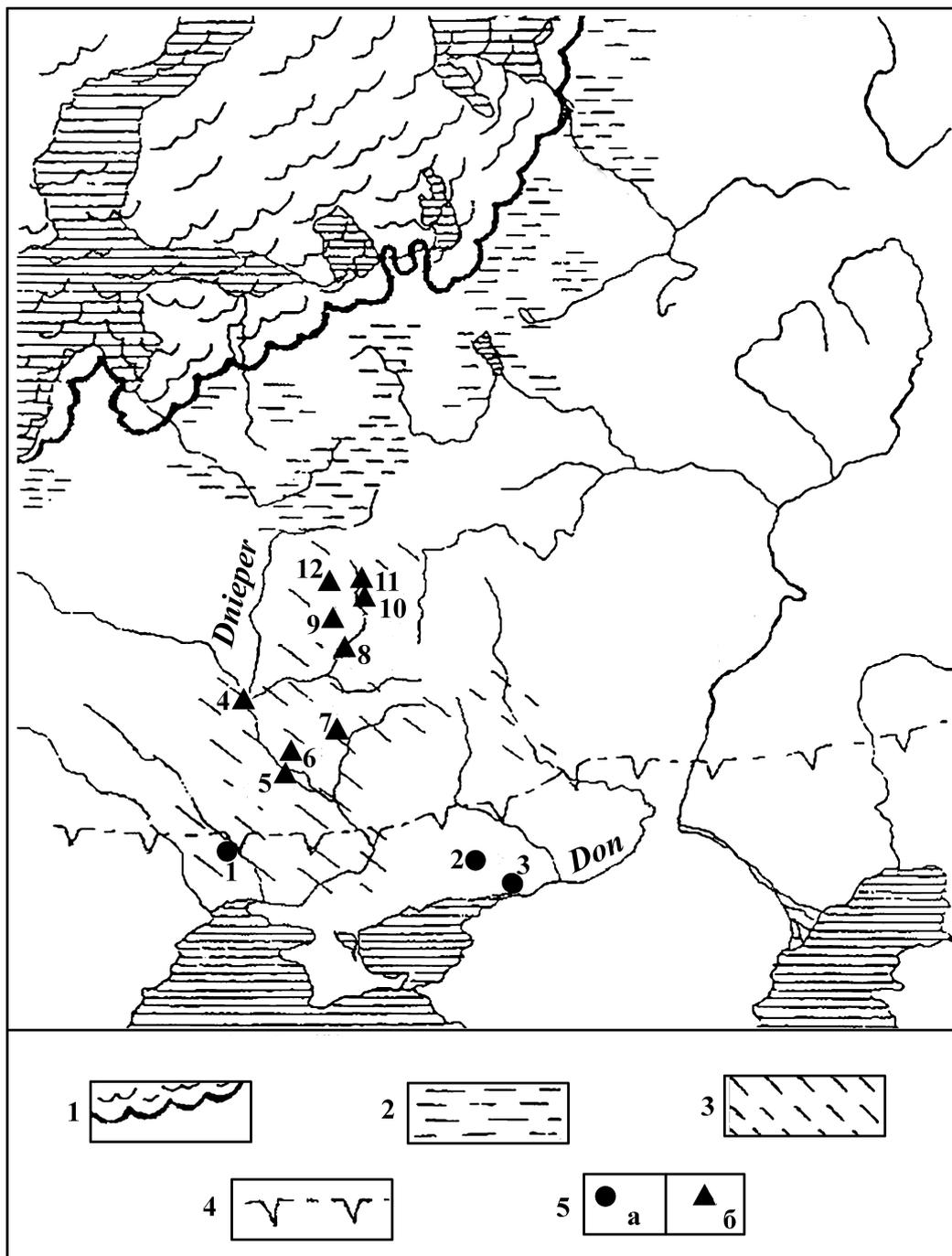

Рис. 1. Восточная Европа в эпоху позднеледниковья:

1 – ледниковый щит; 2 – озера и болотистые места; 3 – районы аккумуляции лесса; 4 – граница вечной мерзлоты [по: Gribchenko, Kurenkova, 1997, fig. 4]; 5 – основные эпиграветтские памятники Северного Причерноморья (а) и Среднего Поднепровья (б): 1- Анетовка II; 2 – Амвросиевка; 3 – Каменная балка II; 4 – Киево-Кирилловская; 5 – Межирич; 6 – Добраничевка; 7 – Гонцы; 8 – Мезин; 9 – Юдиново; 10 – Супонево; 11 – Тимоновка 1, 2; 12 – Елисеевичи 1, 2

А.К. Маркова, отметив в целом однообразии состава млекопитающих в это время в Восточной Европе все же прослеживает некоторую зональность в их распространении. Для центра Восточноевропейской равнины, в том числе, Среднего Поднепровья она отметила, при наличии тундровых (шерстистый носорог, северный олень, песец, лемминг) видов доминирование обитателей открытых пространств (лошадь, лисица-корсак, суслик, байбак) с преобладанием такого перигляциального вида как мамонт. Кроме того, здесь обязательным компонентом были лесные виды (благородный олень, лось, кабан).

В южной части Восточно-европейской равнины среди видов, характерных для открытых, степных пространств (лошадь, сайга, баран) доминировал бизон. Специфику состава фауны степной зоны того времени, в отличие от современного определяли такие тундровые виды как северный олень и песец. Иногда встречались также остатки мамонта и лесных или близких к ним видов (благородный олень, бурый медведь, волк, заяц) Исследовательница объясняет такое смешение видов фауны интенсивной миграцией животных в позднем плейстоцене на территории Восточной Европы. [Маркова, 1982, с. 109-113].

Данные о хранении пищи на эпиграветтских памятниках Среднего Поднепровья

В Среднем Поднепровье насчитывается около 10 эпиграветтских памятников с конструкциями из костей мамонтов и/или ямами-хранилищами: Межирич, Добраничевка, Гонцы, Киево-Кирилловская, Мезин, Юдиново, Супонево, Елисеевичи (1, 2), Тимоновка (1, 2) (рис. 1, № 4-12). Датируются они в пределах 15-13 тыс. ВР [Синицын, Праслов, 1997, с. 53-56; Nuzhnyi, 2008, с. 9-134].

Не на всех из них наличие жилых или иных структур достаточно документировано в силу ряда причин – либо раскопки проводились в конце XIX – начале XX в.в., когда методики их фиксации не существовало (Киево-Кирилловская, частично, Гонцы, Супонево, Тимоновка,), либо культурный слой значительно пострадал от природных процессов типа мерзлотных деформаций (Елисеевичи, Тимоновка).

Среди наиболее выразительных стоянок, на которых в процессе раскопок были зафиксированы хозяйственно-бытовые комплексы (ХБК) и опубликованы достаточно полные планы – Мезин, Добраничевка, Межирич [Шовкопляс, 1965; 1972; Пидопличко, 1976; Pean, Korniets, Nuzhnyi, 2004]. На стоянках Межирич и Добраничевка исследовано по 4 ХБК, включающих остатки жилищ из костей мамонтов, окруженных ямами, заполненными костями животных, следы внутренних и/или внешних очагов, места обработки кремня и кости. Ям возле каждого из жилищ зафиксировано от двух до шести (рис. 2).

Интересующие нас в данном случае объекты – ямы с костями в среднем имеющие близкие размеры - около 2 м в поперечнике и глубину около 1 м изучены неравномерно. Важная для их интерпретации составляющая – заполнение, в котором археологически фиксируется наличие крупных костей (преимущественно мамонта, встречаются кости лошади, северного оленя, иногда - хищников), изделий из кремня, кости [Пидопличко, 1969, с. 95-96; Soffer, p. 253]. В качестве примера на рис. 3, Б показана яма, заполненная костями, исследованная на стоянке Елисеевичи I и зафиксированная Л.В. Греховой [Величко и др., 1997, рис. 41].

Геологи А.А. Величко, Ю.Н. Грибченко и Е.И. Куренкова, исследовавшие заполнение ям на некоторых стоянках Поднепровья отмечают переслаивание тонких алевроитов и песков, а также несколько уровней концентрации костей, кремней, зольной массы, что они считают признаками их неоднократного подновления и углубления (Межирич). Наличие в заполнении ям наряду с крупными костями зольной массы и костного угля фиксируется и на других памятниках (Добраничевка, Мезин, Гонцы, Елисеевичи). Исследователи приходят к выводу о неоднократном использовании ям с разными целями – извлечения грунта для создания фундамента жилищ и создания хозяйственных хранилищ. Они считают, что над некоторыми ямами, использовавшимися для хранения продуктов могли сооружать специальные сооружения типа небольших шалашей. Глубина ям (около 1 м) диктовалась пределами сезонно-талого слоя многолетней мерзлоты [Soffer, 1985, p. 256; Величко, Грибченко, Куренкова, 1999, с. 21; 2003, с. 57; Пеан, Нужный, 2004].

Большинство исследователей считают ямы с костями хранилищами. Разногласия существуют по поводу того, что в них хранили - запасы мяса [Рогачев, Аникович, 1984, с. 192] или кости в качестве строительного материала и/или сырья для поделок [Пидопличко, 1969, с. 6, 74-75; Шовкопляс, 1965, с. 89].

М.И. Гладких предложил вариант интерпретации назначения ям, согласно которому ямы, заполненные плотно лежащими костями следует считать хранилищами костей, а те, что заполнены не плотно лежащими костями со стерильными прослойками – хранилищами мяса [Soffer, 1985, p. 253].

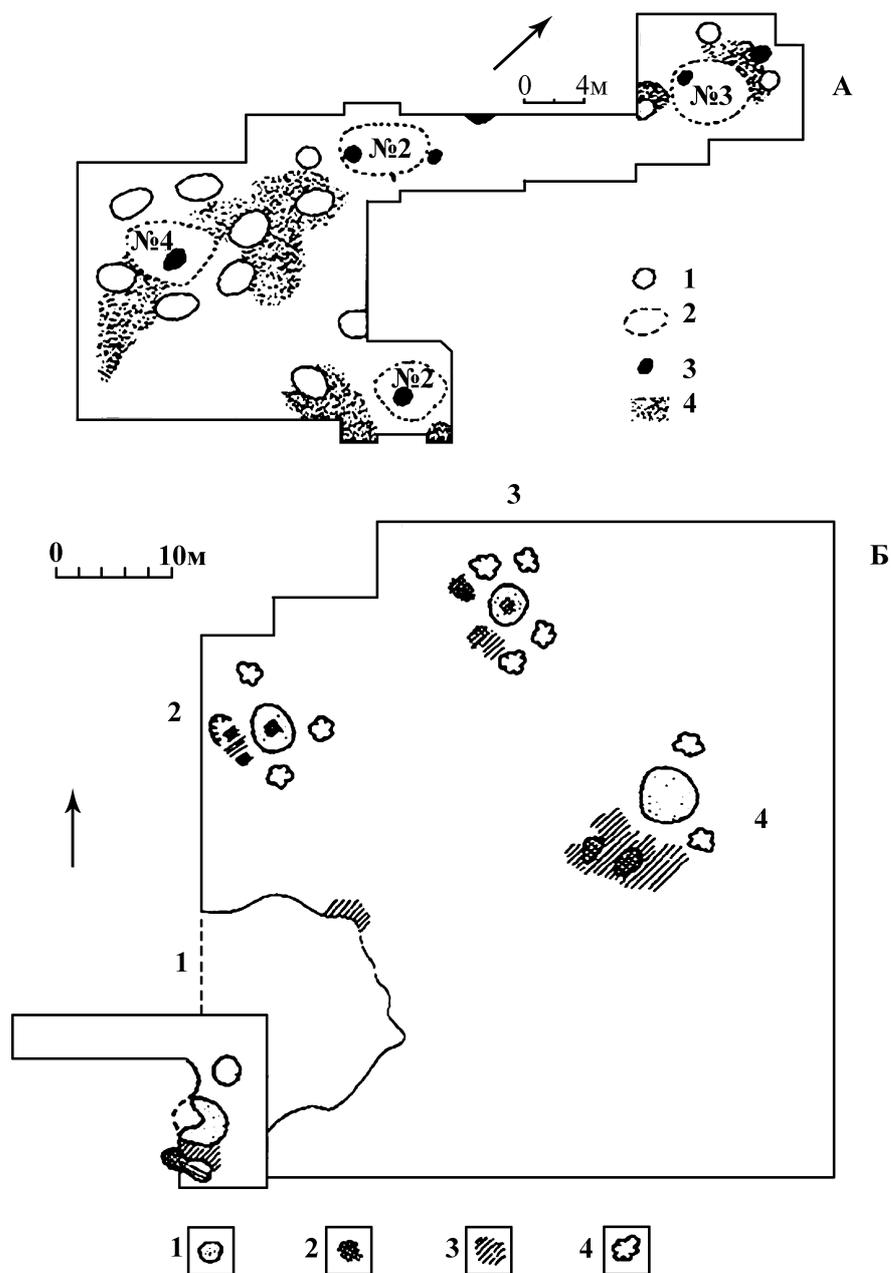

Рис. 2. Планы стоянок: А – Межирич [по: Pean, Kornietz, Nuzhnyi, 2004]: 1 – ямы; 2 – жилища; 3 – очаги; 4 – "топгалища" и Б - Добраничевки [по: Шовкопляс, 1972, рис. 1; Soffer, 1985, fig 2.28]: 1 – жилище; 2 – очаг; 3 – место обработки камня и кости; 4 – яма-хранилище

Определение сезона использования как самих ям так и поселений с ямами – важная составляющая для изучения практики хранения и продолжительности обитания на них. По этому поводу высказывались мнения, основывавшиеся на отдельных признаках, например, определение сезона по видовому составу фауны: северный олень, пушные – осень, зима, птицы – весна, осень, т.е., круглогодичное обитание. Продолжительность обитания по предположительно съеденному мясу

определяли для разных стоянок от восьми (Добраничевка, Мезин) до двадцати (Межирич) лет. Результаты того и другого определений использовали для вывода о постоянном обитании, т.е., оседлости [Шовкопляс, 1965; Пидопличко, 1969, с. 148; Рогачев, Аникович, 1984, с. 192].

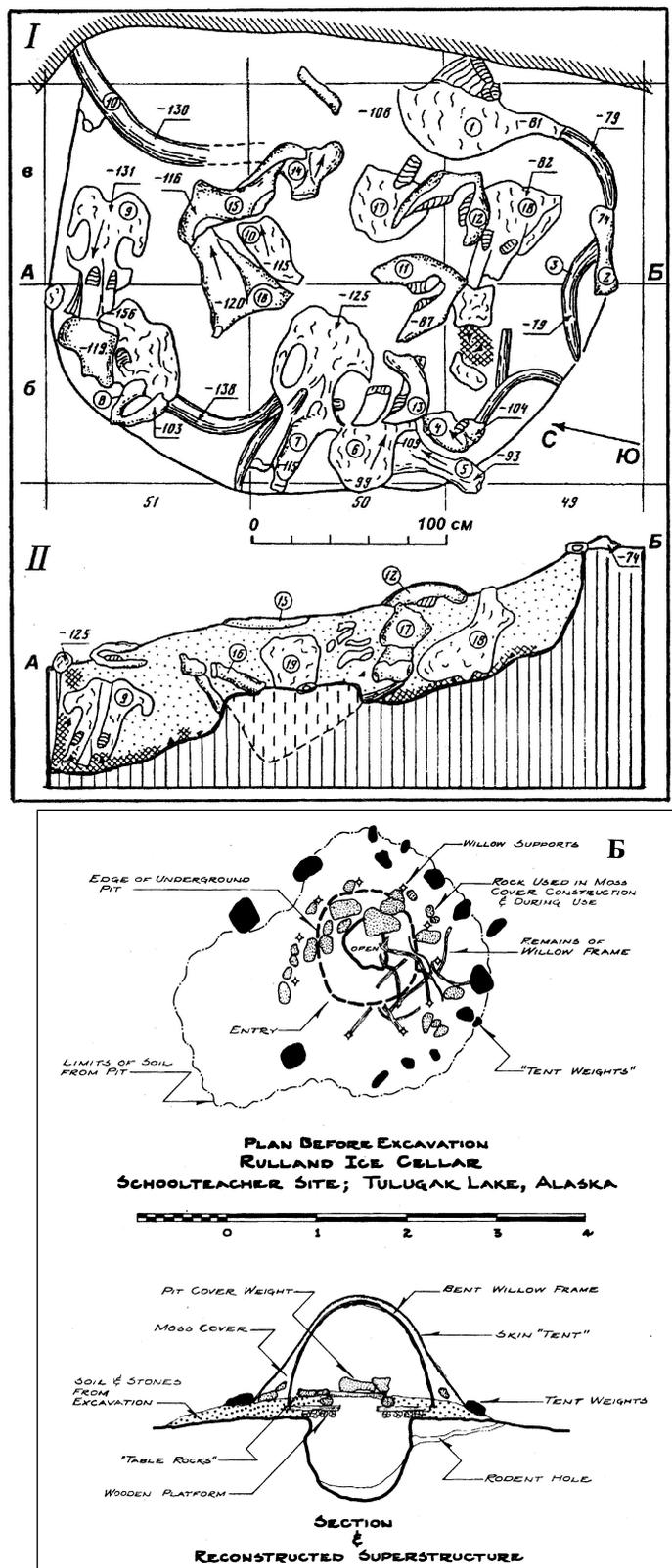

Рис. 3. План и разрез ямы-хранилища на стоянке Елисеевичи I (А) [по: Грехова, 1997, рис. 41]; план и разрез малой ямы-хранилища мяса на летней стоянке Нунамиутов (Б) [по: Bifford, 1993, Fig. 16]

Наиболее приемлемое определение сезонов использования и продолжительности обитания стоянок Среднего Поднепровья сделала О. Соффер, изучив серию признаков: фауну – степень разнообразия видов, оптимальное время добычи; наличие жилищ, ям, соотношение внутренних и внешних очагов, их объема, высоту стоянок над уровнем долины [Soffer, 1985, p. 337-346].

Она пришла к заключению, что все поселения региона были сезонно обитаемы, а большая часть поселений с жилищами и ямами – в холодное время. Хотя, по ее мнению, учитывая время выкапывания ям в теплое время (период оттаивания мерзлоты) для этих стоянок можно предположить и частичное обитание в альтернативный сезон. Для Супонево и Мезина обитание в альтернативные сезоны подтверждается и по другим признакам. Исследовательница считает, что нет оснований интерпретировать их как постоянно обитаемые. Сезонно обитаемыми в теплое время года были стоянки без жилых конструкций и ям (Фастов, Журавка, Чулатов 1-2 и др.). О. Соффер считает верхнепалеолитических обитателей региона логистически организованными охотниками-собираателями, практикующими долгосрочное хранение пищи [Soffer, 1985, p. 346-350].

Согласно данным этнографии и этноархеологии в климатических условиях Арктики и даже Севера наблюдается сезонный контраст в сооружении хранилищ. Зимние запасы пищи в резидентных лагерях обычно сохраняют в надземных сооружениях – платформах, стойках для подвешивания или пирамидках из каменных валунов на поверхности, что обеспечивает хранение их в замороженном виде и защиту от хищных животных [Binford, 1993, p. 111].

Наиболее распространенная техника хранения в летних лагерях – сушение мяса на стойках. Она дополняется техникой замораживания продуктов, для чего используется вечная мерзлота. Краткосрочные подземные хранилища (below-ground storages), позволяют сберечь мясо в хорошем состоянии для использования в период от нескольких дней до нескольких недель как дополнение к сушеному постному мясу. Среди Нунамиутов такие хранилища использовали для охранения разных продуктов - рыбы, мяса овцы, карибу и даже медведя [Binford, 1993, p. 111].

Л. Бинфорд отмечает, что эти краткосрочные подземные хранилища Нунамиутов парадоксально наиболее наблюдаемы археологически и имеют сходство с ямами, исследованными на верхнепалеолитических стоянках Восточной Европы. Они имеют форму ямы, выкопанной в вечной мерзлоте и накрытой наклонным сооружением из ивовых веток, которые затем покрывают мхом для защиты от солнечных лучей и тепла. Эти прохладные и защищенные помещения изолируют также мясные запасы от насекомых, являющихся настоящим бедствием для мясных продуктов летом [Binford, 1993, p. 114].

На рис. 3, А изображена яма-хранилище, исследованная Л. Бинфордом на летней стоянке Нунамиутов (стоянке Школьного учителя) через 23 года после того, как она была оставлена обитателями [Binford, 1993, p. 115-116].

Наиболее же обычные зимние хранилища вблизи мест заготовки мяса, а не в резидентных лагерях как среди северных охотников на крупных животных, так и среди охотников на бизонов североамериканских равнин - хранилища в виде кучи (high-bulk storage) [Binford, 1993, p. 114].

Данные о хранении пищи на некоторых эпиграветтских памятниках Северного Причерноморья

Рассматриваются 3 памятника с выразительными комплексами фауны, которые датируются 18-19 тыс. лет назад (Амвросиевка, Анетовка II) и около 16 тыс. лет назад (Каменная балка II, второй, основной слой) (рис. 1, № 1-3).

Амвросиевский комплекс, включающий костище бизонов и стоянку, расположен в Приазовье на водораздельном плато в верховье балки Казенной, впадающей р. Крынку, приток Муса. Стоянка находится на возвышенной части мыса, созданного двумя правыми притоками балки Казенной, а костище - на левом склоне одного из правых притоков (рис. 4, А).

Костище расположено в древней промоине, прорезавшей вдоль коренной меловой склон балки в направлении с северо-востока на юго-запад, и создавшей углубленную террасу-уступ длиной более 60 м и шириной 4-5 м, глубиной около 1,5 м с одним крутым и вторым низким и пологим бортами. Культурный слой, состоящий преимущественно из костей бизонов и относительно небольшого количества кремневых и костяных изделий, заполняет промоину, как бы выплескиваясь на пологий склон (рис. 4, Б, В).

Костище, согласно подсчетам И.Г. Пидопличко, – это скопление останков около 1000 бизонов

(*Bison priscus deminutus Grom.*) [Пидопличко, 1956, с. 131; Борисковский, 1953], где представлены практически все части их скелетов, которое интерпретируется как место неоднократных загонных охот и разделки туш убитых животных [Krotova, Belan, 1993]. В составе фауны стоянки (базового лагеря)

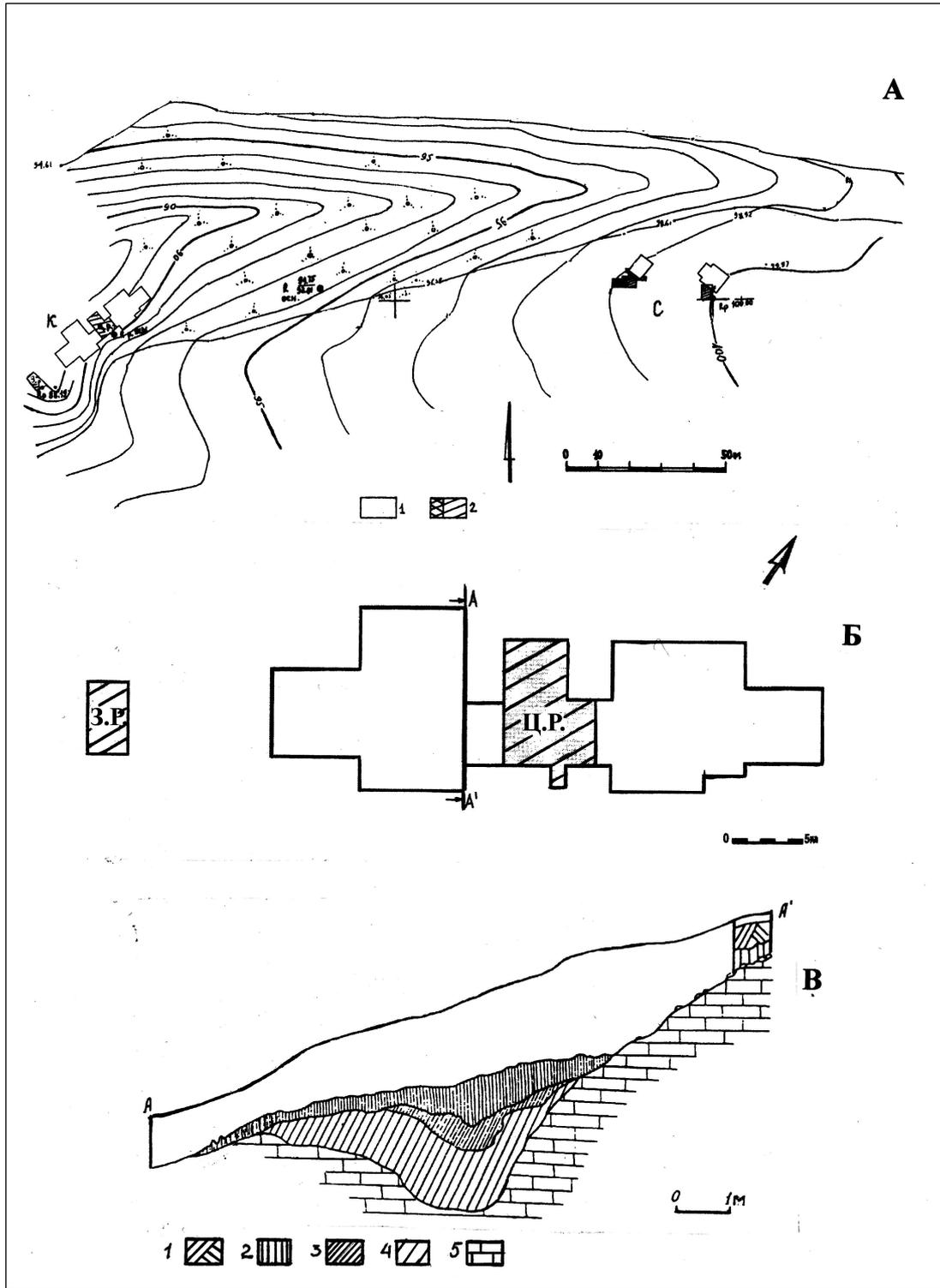

Рис. 4. Амвросиевка. А, Б – топоплан памятника (К – костище, С – стоянка) и план расположения раскопов на костище бизонов: 1 – раскопы 1935-1950 г.г.; 2 – раскопы 1980-2007 г.г. (З. Р. – западный раскоп; Ц. Р. – центральный раскоп); В - разрез костища бизонов: 1 – чернозем; 2 – культурный слой в буром суглинке; 3 – культурный слой в зеленовато-серой глине; 4 – зеленовато-серая глина; 5 – мел

также доминируют остатки бизона – главным образом фрагменты костей среднего и верхнего звена конечностей с прилегающими частями лопаток и тазовых (мясные части туш). Фрагменты черепов представлены фрагментами челюстей и зубами. На стоянке найдены также единичные кости коня и зайца (определение В.Н. Логвиненко и Л.И. Рековца) [Кротова и др., 2008].

Сезон использования костяка разные исследователи определяли разными методами: теплый (конец мая – июнь) – по находкам костей телят "утробного возраста и не старше двух месяцев" [Пидопличко, 1953, с. 66]; холодный (конец лета – осень, зима) – по половозрастному составу коллекции 1940 года и находкам костей телят в возрасте нескольких месяцев [Бибикова, 1950]; холодный (зима) – по возрастному составу, а также стертости и прорезыванию зубов (Н.Г. Белан) [Krotova, Belan, 1993, p. 133-138]; холодный (октябрь, декабрь, март) – по стертости и прорезыванию зубов из коллекций 1935, 1980-1990-х годов (Л. Тодд) [Кротова, 2003, с. 77-80].

О возможной практике хранения мяса амвросиевскими охотниками можно судить как по данным о сезоне гибели бизонов, так и некоторым другим особенностям фаунистических остатков – анатомическим группам, следам разбивания и резанья кремневыми орудиями на костях.

Согласно этнографическим свидетельствам один из наиболее практикуемых обитателями севера методов хранения пищи в холодное время года – замораживание мяса. Индейцы на бизонов Северной Америки обычно делали хранилища в виде куч вблизи мест забоя [Binford, 1993, p. 114]. Палеоиндейские охотники, по мнению американских археozoологов, создавали немобильные запасы продуктов за счет зимних больших охот и использования замороженных на месте забоя туш в течение зимы. Обычно стоянки (базовые лагеря) располагались недалеко от хранилищ [Todd, 1991].

Можно полагать, что забой бизонов в холодное время (поздняя осень – ранняя зима) в Амвросиевке обеспечивал замораживание туш и использование их на протяжении зимы как запас мясной пищи. Охота в период ранней весны (март) также могла обеспечить запас замороженного мяса на период 1-2 месяцев. Очевидно, топография костяка (углубленный уступ на склоне оврага) способствовала возможности устройства хранилища прямо на месте забоя, где присыпанные снегом описал способ членения туш крупных животных Нунамиутами, из которого следует, что в процессе первичной разделки свежей туши череп отделялся от шеи в районе между основанием и атлантом, а остывшей (замороженной) – между атлантом и эпистрофеем, что сопровождалось появлением следов нарезок от орудий разделки в определенных местах обоих шейных позвонков [Binford, 1981, p. 91, 107, 110, 137].

В Амвросиевском костяке в I и II условных горизонтах культурного слоя Центрального раскопа в 1986 и 1988 г.г. зафиксировано две анатомические группы, включающие каждая остатки черепа и первый шейный позвонок (атлант) (рис. 5) [Кротова, 1994, с. 156], что, очевидно, можно расценивать как косвенное свидетельство членения остывших (замороженных) туш. К сожалению, нарезок на первых и вторых шейных позвонках из костяка пока не найдено.

В процессе изучения костей с нарезками и древними изломами из раскопок костяка в 1980-1990-е годы, которые преимущественно интерпретированы как следы свежевания, членения туш, срезания мяса, добычи мозга отмечались некоторые образцы, которые можно расценивать также как следы разделки туш в замороженном состоянии [Кротова, Сніжко, 1993, с. 78, 82; Кротова, Снежко, 1996, с. 146].

Прежде всего, это некоторые фрагменты костей нижних отделов конечностей (большой берцовой, лучевой/локтевой, плюсневой, пястной) со следами древних изломов [Кротова, Снежко, 1996, с. 146]. В свежем состоянии их обычно разбивали с целью добычи мозга, а в замороженном – разделки туши [Binford, 1981, p. 145].

Согласно этнографическим свидетельствам первобытные охотники в теплое время года делали запасы вяленого (сушеного) мяса [Binford, 1993, p. 111]. Можно предположить, что амвросиевские охотники также использовали эту технику, доказательством чего могут служить некоторые образцы костей с нарезками, интерпретируемые как следы срезания мяса. Среди них – фрагменты остистых отростков, лопатки, тазовых [Кротова, Сніжко, 1993, с. 75-80, 83], представляющих мясные части туши, мясо с которых могли срезать сразу после забоя и вялить (сушить) в непосредственной близости от места забоя – разделки.

На стоянке Анетовка II, расположенной на р. Бакшала, притоке р. Южный Буг исследовано две основных функционально отличных части – базовую стоянку (восточный участок) и место разделки туш бизонов (западный участок) (рис. 6, А) [Станко и др., 1992, рис. 2].

Фауна включает 13 видов млекопитающих. Из них к основным, экономически значимым видам принадлежат: бизон (*Bison priscus deminutus* Grom.), сайгак (*Saiga tatarica* L.), северный олень (*Rangifer tarandus* L.), благородный олень (*Cervus elaphus* L.), лошадь (*Equus caballus latipes* Grom.).

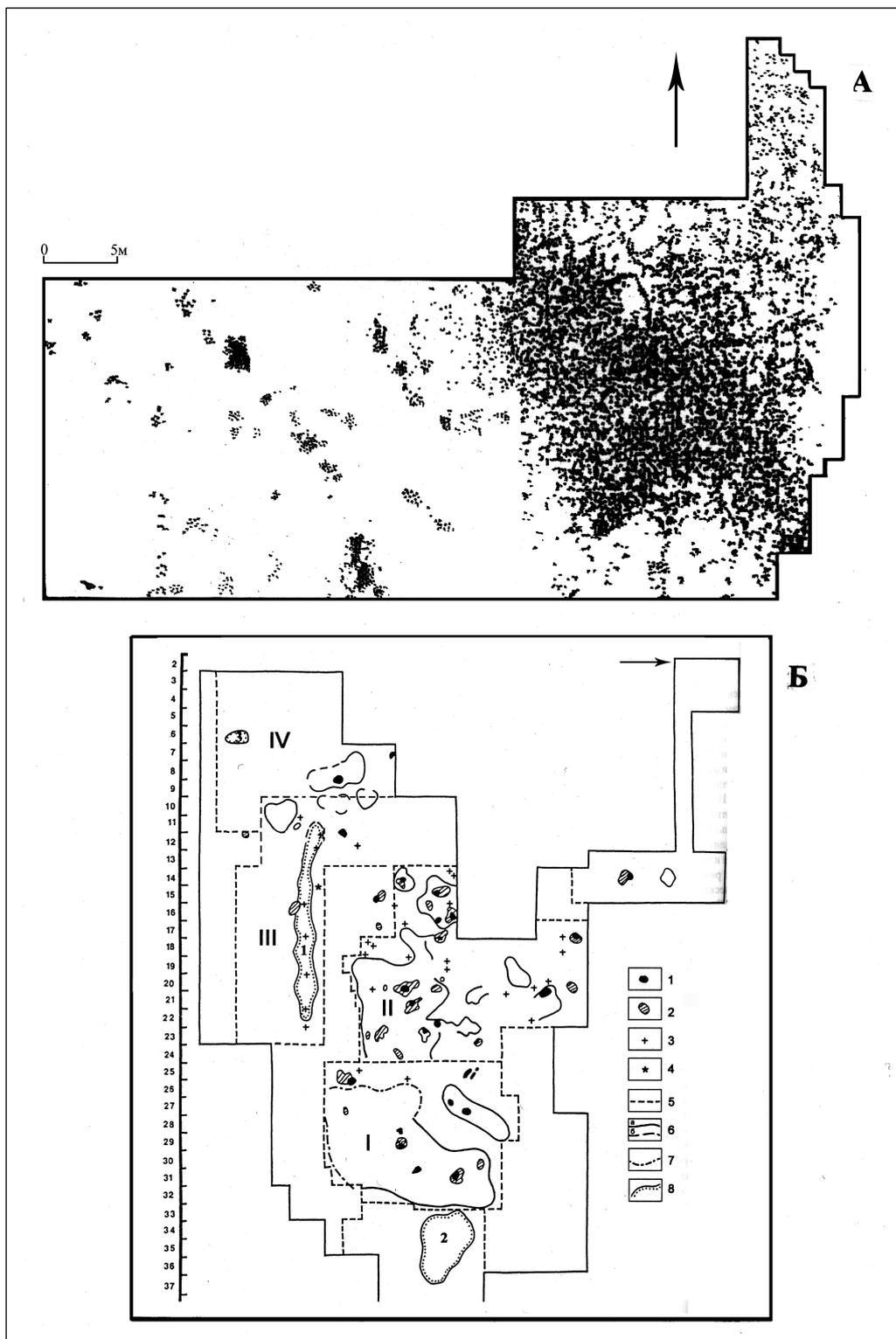

Рис. 6. Анетовка II: план культурных отложений (А) [по: Станко и др., 1992, рис. 2]; Каменная балка II: структура поселения основного (2-го) культурного слоя (Б) [по: Леонова и др., 2006, рис. 9, 3]: I – восточный участок; II – западный участок; III – южный участок; IV – юго-западный участок; 1 – очаг; 2 – зольное пятно; 3 – ямка с вкопанными костями; 4 – клад кремневых пластин; 5 – граница участков; 6 – граница гумусированных пятен; 7 – условная граница гумусированных пятен; 8 – граница костных скоплений

Среди них доминирует бизон (97 % костей, 82 % особей). В соответствии с половозрастным составом добытых бизонов исследователи определяют, что охотиться на них обитатели стоянки могли в течение года, то есть в разные (альтернативные) сезоны [Бибикова, Старкин, 1989].

Г.Е. Краснокутский, по аналогии с этнографическими и археозоологическими данными по Северной Америке предполагал использование замороженных на местах забоя запасов мясной пищи ("мясохладобоев"), как на Анетовской, так и на некоторых других стоянках на бизонов Северного Причерноморья [Краснокутский, 1992, с. 17].

Каменная балка II – трехслойная стоянка расположенная на первом от устья мысу правого борта балки Каменной в нижнем течении р. Дон. Второй, основной культурный слой залегающий в лессовидном палеовом суглинке представляет собой мощную брекчию из многочисленных кремневых изделий, фрагментов костей животных, морских раковин, кусочков охры, остатков очагов. Прослеженные в слое микрогоризонты, по мнению исследователей, доказывают неоднократность заселения отдельных участков стоянки с небольшими интервалами.

Стоянка имеет сложную структуру с жилой и производственной зонами. В пределах первой – несколько скоплений находок близкой к овалу формы с четкими контурами интерпретируются как жилые площадки, в пределах второй преобладают центры обработки кремня и кости. Два скопления костей – длинное (стена) и овальное интерпретируются как склад костного сырья и, возможно, свалка мусора (рис. 6, Б) [Леонова и др., 2006, рис. 9, 3].

Фауна представлена видами: бизон (*Bison priscus*) – 1189/40, лошадь (*Equus caballus*)-1116/35, северный олень (*Rangifer tarandus*) – 5-6 особей, дикий баран (*Ovis*), заяц (*Lepus sp.*), бурый медведь (*Ursus arc.*) – 1-3 особи, лось (*Alces*) – 2 особи, сурок (*Marmota bobac*) [Леонова и др., 2006, с. 219].

Доля особей бизона и лошади – основных экономически значимых видов составляет 60-70 % от всех фаунистических остатков стоянки. Заметная сортировка частей скелетов говорит о забое за пределами стоянки и транспортировке к месту обитания мясных частей туш. Прослежено неравномерное распространение фаунистических остатков, принадлежащих различным видам животных, по площади стоянки: кости бизона найдены преимущественно в центральной части, а лошади и северного оленя – в юго-западной. Судя по соотношению частей скелетов двух видов, близкому к картине, характерной для разносезонных (осенних и весенних) североамериканских памятников Н.Б. Леонова и Е.В. Миньков определили разные, "альтернативные" сезоны охоты на эти два вида и, соответственно, разные, "альтернативные" сезоны использования определенных участков поселения: в теплый – центрального участка (охота на бизона) и в холодный - юго-западного (охота на лошадь и северного оленя) [Миньков, 1991; Леонова и др., 2006, с. 223-239].

Можно, на наш взгляд, предположить как для Анетовки II, так и для Каменной балки II использование, аналогично амвросиевским охотникам, альтернативных техник создания мясных запасов – замораживание и вяление (сушение).

Позднепалеолитические обитатели Северного Причерноморья, практиковавшие технику долговременных хранилищ мясной пищи на местах забоя были, на наш взгляд, преимущественно логистически организованными охотниками-собирающими (коллекторами), частично практиковавшими резидентную мобильность в сезоны, когда проведение больших охот и создание значительных запасов мяса было невозможным (форейджеры), по аналогии с данными этнографии и этноархеологии [Binford, 1980].

Заключение

Сходство в образе жизни эпиграветтского населения Среднего Поднепровья и Северного Причерноморья в том, что одни и другие создавали сезонные хранилища мяса и были преимущественно логистически организованными охотниками-собирающими.

Отличия заключались в деталях практики хранения, домостроительства и некоторых других особенностях их быта и образа жизни, своеобразие которых, в значительной степени зависело от особенной природного окружения.

Так, наличие многолетней мерзлоты и распространение мамонта в северных регионах Восточной Европы позволяло обитателям Среднего Поднепровья создавать ямы-хранилища и сооружать жилища из костей мамонтов. Особенности практики хранения (создание хранилищ на местах забоя) и домостроительства (отсутствие жилищ из крупных костей) в южных регионах - результат специфики природного окружения (отсутствие многолетней мерзлоты) и этологии животных – основных объектов охоты.

Список литературы

- Бибииков С.Н.** Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. – 1969. – № 4. – С. 5-22.
- Бибиикова В.И.** О некоторых особенностях первобытного зубра // БМОИП, Отдел биологии. – Т. I. – вып. 5. – М.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 35-43.
- Бибиикова В.И., Старкин А.В.** Характеристика остеологического материала из раскопок позднепалеолитического поселения Анетовка II // Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. – Киев, 1989. – С. 127-131.
- Борисковский П.И.** Палеолит Украины: Историко-археологические очерки. – МИА. – 1953. – № 40. – 464 с.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. – М., 1997. – 198 с.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Особенности структуры культурных слоев позднепалеолитических стоянок Восточно-европейской равнины // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб., 1999. – С. 20-21.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю.** Геохронология палеолита Восточно-европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. – М., 1999. – 76 с.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Позднепалеолитический человек заселяет Русскую равнину // Природа. – 2003. – № 3. – С. 52-60.
- Гричук В.П.** Растительность на Русской равнине в позднем палеолите // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. – М.: Наука, 1969. – С. 58-66.
- Краснокутский Г.Е.** Охотничий промысел бизонов в позднем палеолите Северо-западного Причерноморья. – Автореф. дис... канд. ист. наук. – Киев, 1992. – 18 с.
- Кротова А.А.** Позднепалеолитические охотники на бизонов Северного Причерноморья // Археологический альманах. – № 3. – Донецк, 1994. – С. 151-160.
- Кротова О.О.** Визначення сезону використання Амвросіївського кістковища бізонів // Кам'яна доба України. – Вип. 2. – Киев: Шлях, 2003. – С. 75-81.
- Кротова О.О., Сніжко І.А.** Сліди утилізації мисливської здобичі в Амвросіївці // Археологія. – № 4. – 1993. – С. 72-85.
- Кротова А.А., Снежко И.А.** Кости бизонов со следами древних изломов из Амвросиевки // Археологический альманах. – № 5. – Донецк, 1996. – С. 139-146.
- Кротова О.О., Сніжко І.А., Логвиненко В.М.** Нові дані щодо обробки мисливської здобичі на Амвросіївській стоянці // Дослідження первісної археології в Україні (до 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль). – Киев: Корвін-Пресс, 2008. – С. 42-50.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А.** Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная балка в Северном Приазовье). – М.: Научный мир, 2006. – 342 с.
- Маркова А.К.** Териофауна позднего валдая // Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет: Атлас-монография. – М.: Наука, 1982. – С. 109-113.
- Миньков Е.В.** Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита (опыт реконструкции). – Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1991. – 19 с.
- Пидопличко И.Г.** Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // КСИА АН УССР. – Вып. 2. – 1953. – С. 65-68.
- Пидопличко И.Г.** Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. – Вип. 2. – Киев: Видавництво АН УРСР, 1956. – 234 с.
- Пидопличко И.Г.** Позднепалеолитические жилища из костей мамонта. – Киев: Наукова думка, 1976. – 162 с.
- Пидопличко И.Г.** Межиричские жилища из костей мамонта. – Киев: Наукова думка, 1976. – 237 с.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В.** Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162-271.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д.** (Ред.) Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. – СПб., 1997. – 141 с. (Археологические изыскания, вып. 52).

- Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н.** Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. – Киев, 1989. – 137 с.
- Станко В.Н., Краснокутський Г.Є., Старкін А.В.** Деякі особливості структури поселень пізнього палеоліту (за матеріалами Анетівки II) // Археологія південного заходу України. – Киев: Наукова думка, 1992. – С. 10-23.
- Шовкопляс И.Г.** Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. – Киев: Наукова думка, 1965. – 327 с.
- Шовкопляс И.Г.** Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования) // МИА. – 1972. – № 183. – С. 177-188.
- Binford L.R.** Willow Smoke and Dogs' Tails: Hunters-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation // *American Antiquity*. – 1980. – vol. 45. – P. 4-20.
- Binford L.R.** Bones. Ancient Men and Modern Myths. – Academic Press. – 1981. – 320 p.
- Binford L.R.** Bones for stones: Considerations of Analogues for Features Found on the Central Russian Plain // *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic-Paleo-Indian Adaptations*. – Plenum Press, 1993. – P. 101-124.
- Gribchenko Yu.N., Kurenkova E.I.** The Main Stages and Natural Environmental Setting of Late Palaeolithic Human Settlement in Eastern Europe // *Quaternary International*. – 1997. – Vols. 41/42. – P. 173-179.
- Kelly R.L.** The foraging spectrum. Diversity in hunter-gatherer lifeways. – Washington-London: Smithsonian Institution Press, 1995. – 446 p.
- Krotova A.A., Belan N.G.** Amvrosievka. A Unique Upper Paleolithic Site in Eastern Europe // *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic-Paleo-Indian Adaptations*. – Plenum Press, 1993. – P. 125-142.
- Pean S., Kornietz N., Nuzhnyi D.** Vivre du mammoth au Paleolithique en Ukraine // *La vie au temps des mammoths. Pour la Science/Dossier*. – 2004. – № 43. – P. 82-89.
- Schalk R.F.** The Structure of an Anadromous Fish Resource // *For Theory Building in Archaeology*. – New York: Academic Press, 1977. – P. 207-250.
- Soffer O.** The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – Orlando: Academic Press, 1985. – 539 p.
- Todd L.C.** Seasonality Studies and Paleoindian Subsistence Strategies // *Human Predators and Prey Mortality*. – Boulder: Westview Press, 1991. – P. 217-238.

С.И. Коваленко

*Институт культурного наследия Республики Молдова
бул. Штефан чел Маре, 1, г. Кишинев, МД-2001, Республика Молдова
E-mail: covalenco@bk.ru*

О многослойности верхнепалеолитической стоянки Рашков 8

Стоянка верхнего палеолита Рашков 8 выявлена на небольшом левобережном притоке Днестра, в 1 км от с. Рашков Каменского района Приднестровской Молдавской республики. Местоположение стоянки связано с высокой 30-метровой террасой, прислоненной к крутому склону узкой долины р. Бугорня. На поверхности стоянки, подверженной эрозии, в 1971 г. было собрано несколько тысяч кремневых изделий, обломков костей северного оленя и лошади, осколков зубов мамонта. В следующем году под руководством Г.В. Григорьевой [Кетрару, Григорьева, 1973] и при участии двух молодых археологов Н.П. Оленковского и И.А. Борзияка, на месте стоянки были заложены 7 глубоких шурфов. Стратиграфия памятника изучалась геологом И.К. Ивановой [Кетрару, Григорьева, Иванова, Ренгартен, 1986, с. 123-126].

Материалы со стоянки, собранные как на поверхности, так и из шурфов были определены Г.В. Григорьевой [1974] как гомогенные. Технично-типологическое сходство инвентаря Рашкова 8 и расположенной недалеко стоянки Рашкова 7 послужили основанием для выделения самостоятельной археологической культуры. Ее ориньякоидный облик был установлен на основании скребков высокой формы и нуклеидных, пластинок дюфур, отчасти сечений пластин с интенсивной краевой ретушью и срединных многофасеточных резцов. Однако присутствие в инвентаре небольшого по числу граветтоидного компонента, в частности пластинок и микроострий с притупленным краем, а также бивневых и роговых наконечников копий, позволили Ю.Э. Демиденко и Д.Ю. Нужному [2005, с. 519] назвать оба комплекса "механической смесью". Такого рода трактовка вызвала у исследователей противоречивые чувства. Тем не менее, Н.А. Кетрару по-прежнему рассматривает данный ориньякско-граветтский симбиоз как естественное явление, свойственное развитию ориньякских индустрий, имевших давние традиции в этом районе, и испытавших воздействие носителей традиций граветт. Он не исключает, что восприятие отдельных элементов в подготовке и оформлении кремневых орудий было обоюдным процессом. До недавнего времени, и мы склонялись к версии, что граветтоидная составляющая рашковских коллекций являлась их органичной частью, хотя и представляла собой некий импорт, результат взаимодействия с носителями граветтских традиций, достаточно плотно окружавших рашковскую "резервацию" эпиориньякцев. Все это послужило отправной точкой для начала в 2005 г. стационарных исследований на стоянке Рашков 8.

К настоящему времени на памятнике заложен небольшой раскоп на 50 м² и стратиграфическая траншея, доведенная до глубины 5,3 м. Большая часть разреза была осмотрена геологом А.Л. Чепалыгой, который отобрал образцы грунта на мех-анализ, литологию и палинологию. Стратиграфия стоянки, вскрытая на 10-метровом участке, представлена тремя пачками отложений (рис. 1).

В пачке голоценовых отложений, черноземном грунте и буром суглинке (рис. 1, 1-4), зафиксировано погребение с трупосожжением гетской культуры и горизонт кремневых находок трипольской культуры. В следующей пачке представлены покровные отложения, большая часть которых сформировалась, по мнению А.Л. Чепалыги, на берегу стоячего водоема, о чем свидетельствует иловатость грунта и отсутствие типичного лесса. Именно в этой пачке прослежены пять культурных слоев верхнего палеолита. На контакте с нижележащими отложениями обращают на себя внимание три прослоя глеевой почвы серо-зеленого цвета (рис. 1, 8а, 8б, 8в), особенно четко заметных в увлажненном состоянии. В свое время, верхний прослой, вскрытый в одном из шурфов 1972 г., был определен И.К. Ивановой как погребенная почва. А.Л. Чепалыга по этому поводу занимает более осторожную позицию. До получения результатов лабораторных анализов он рассматривает их лишь в качестве слоев с повышенным содержанием гумуса. В нижней части стратиграфического разреза представлен пестроцветный глинистый аллювий, расчлененный мощными щебнистыми прослоями (рис. 1, 9-12), включая крупные известняковые плиты длиной более 1,5 м. Каких-либо культурных напластований здесь не наблюдается. Встречаются лишь скопления костей крупных животных без признаков искусственной фрагментации, намывтых в естественные западины, и линзы обожженного грунта и древесных углей.

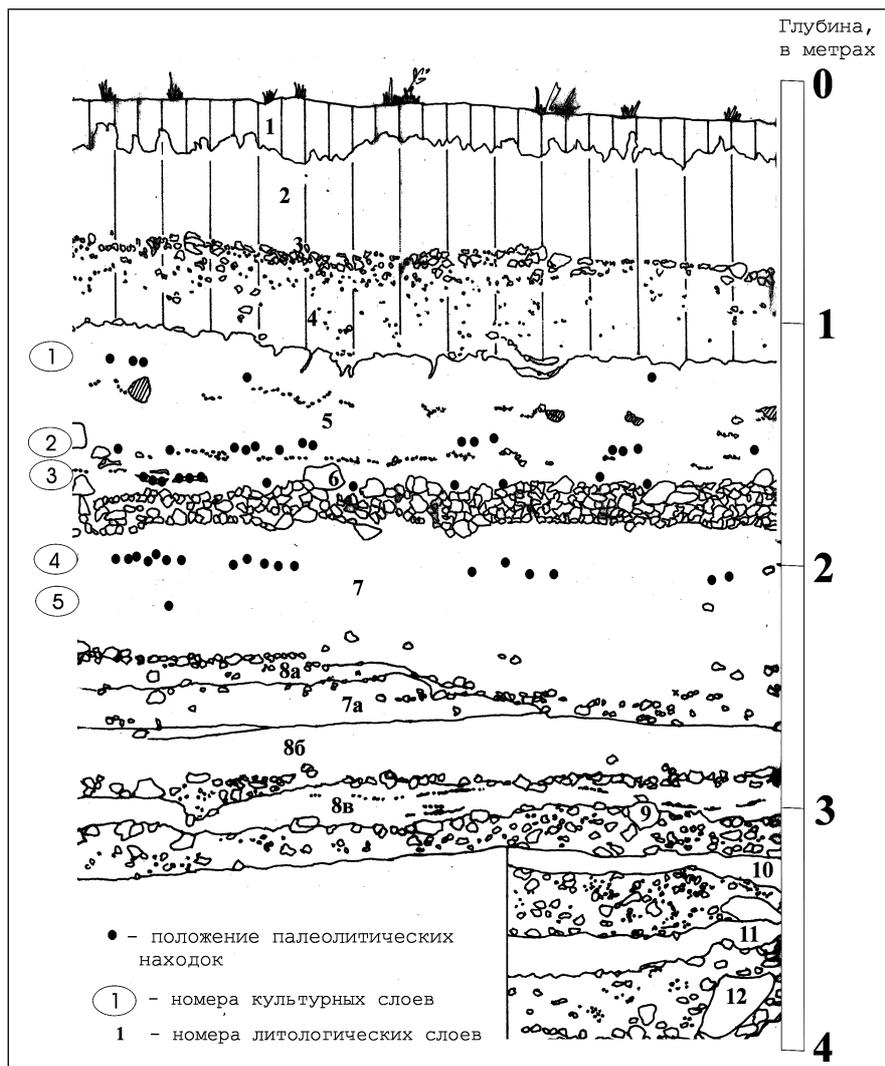

Рис. 1. Стратиграфия стоянки Рашков 8

Остатки первого культурного слоя фиксируются самостоятельным горизонтом в кровле желто-коричневых суглинков. Это относится как к одиночным кремневым предметам, залегающим горизонтально, так и к микроскоплениям в небольших понижениях древней поверхности. Вместе с тем, многие находки обнаружены на ребре или в наклонном положении. В инвентаре слоя 1 встречаются обычные концевые скребки, угловые и боковые резцы, пластинки с мелкой краевой ретушью, пластинки и микроострия типа граветт, острия на пластинах. Заслуживают внимания комбинированное орудие (скребок-резец), нож на пластине с дугообразно ретушированной спинкой (рис. 2, 2), массивное скребло.

Второй культурный слой прослежен на 20 см ниже первого в тех же желто-коричневых суглинках, интенсивно проработанных корнеходами и кротовинами. Последнее обстоятельство привело к растаскиванию находок по вертикали в пределах 15 см. Стратиграфически основная масса находок этого культурного слоя располагается между двумя прослоями мелких меловых окатышей, возможно водного происхождения, залегающих небольшими линзами. Они наблюдаются не везде, но там, где они присутствуют, могут считаться маркирующим горизонтом, отделяющим слой 2 от находок нижележащего слоя. Его инвентарный набор во многом повторяет состав находок верхнего граветтского слоя. Это концевые скребки, резцы, включая поперечные, острия-проколки, микроострия с вертикальной встречной ретушью, пластинки и микропластинки с притупленным краем (рис. 2, б). Найден фрагмент бивневого наконечника (рис. 2, 8). Из слоя извлечен и обильный костный материал, включая зубы, черепа и обломки рогов северного оленя.

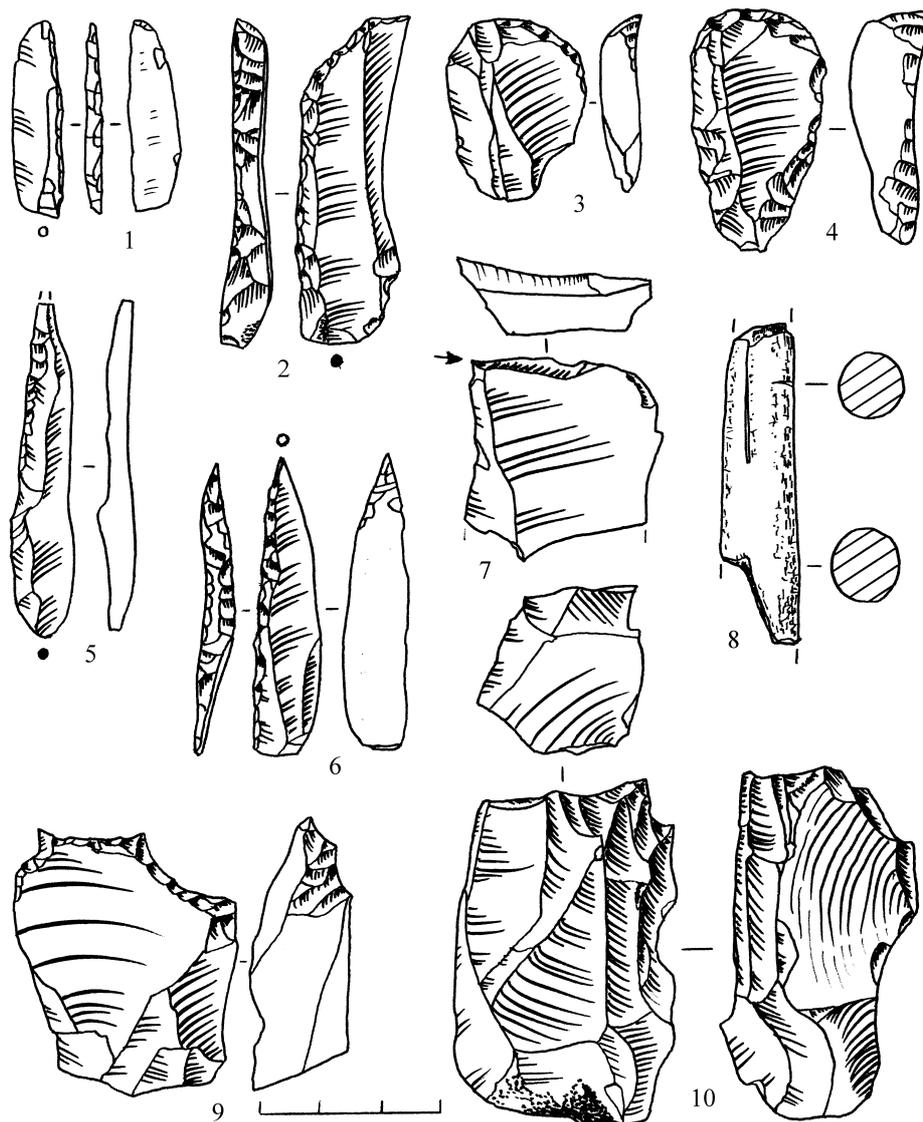

Рис. 2. Рашков 8. Находки из слоев 1 (1, 2, 5) и 2 (3, 4, 6-10)

Третий культурный слой был первоначально выделен в виде тонкого горизонта подстилающего находки слоя 2. Расстояние между слоями иногда составляло 5 см, что в случае отсутствия разделяющих их прослоя меловых окатышей, создавало большие трудности в идентификации находок. В его составе можно выделить два уровня залегания. Верхний, основной уровень имеет наибольшую насыщенность материалом и может рассматриваться в вертикальной проекции в виде цепочки находок непосредственно у границы нижнего прослоя окатышей. Нижний уровень слоя 3 выявлен между крупными валунами, выступающими над массой щебнистого конгломерата. Отличается нижний уровень и составом находок. Это, прежде всего, обломки костей мамонта и редко сопутствующие им кремневые изделия. Вместе с тем, воспринимать этот уровень в качестве самостоятельного горизонта, мы считаем преждевременным, хотя и отметили некоторые находки из него под шифром 3а.

В целом, выделение слоя 3 принципиально важно, так как он подтверждает реальное существование эпиюриньяка в стратиграфической колонке, под двумя граветтскими слоями. Плотность его культурных остатков на расчищенных квадратах достаточно высока, главным образом за счет

костного материала. Кремневый материал немногочислен, но выразителен. Среди находок сравнительно много технических сколов, полученных в результате подправки края ударных площадок нуклеусов. Сами нуклеусы – это предельно истощенные ядрища. Одно из них относится к двуплощадочному одностороннему типу со встречным скалыванием мелких пластинчатых заготовок. Второе – одноплощадочной разновидности с системой скалывания мелких пластинок и чешуек по большей части периметра. По характеру оформления последний предмет напоминает скребок-нуклеус, хотя выраженные следы износа на нем отсутствуют. С такого скребка-нуклеуса могли быть сняты искривленные в профиле пластинчатые чешуйки (рис. 3, 1-5), две из которых близки к сагайдакско-мураловским формам. Особого внимания заслуживает чешуйка с мельчайшей, абразивной ретушью по одному из краев (рис. 3, 2). Из орудий найден скребок высокой формы и двугранный резец. В коллекции костей присутствуют многочисленные остатки северного оленя, а также обломок тазовой кости, ребро и эпифиз мамонта, зуб мамонтенка и челюсть крупного хищника.

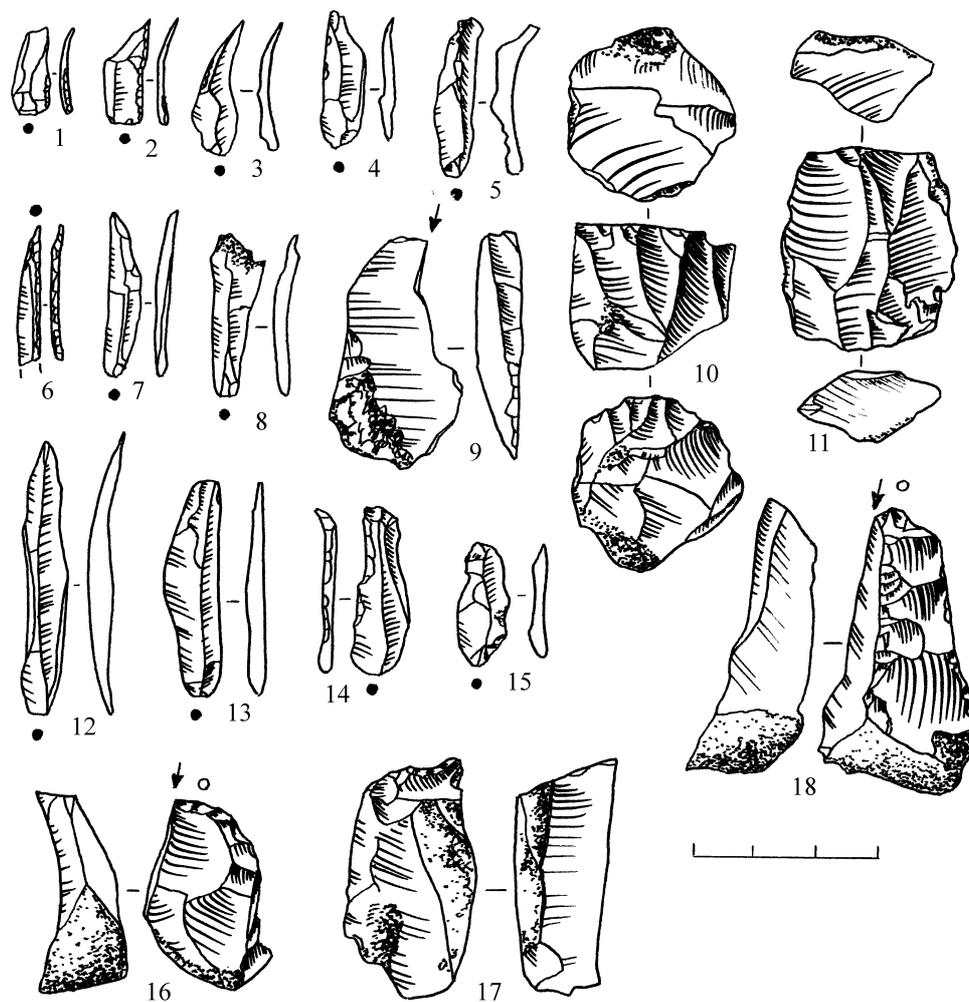

Рис. 3. Рашков 8. Находки из слоев 3 (1-5, 9-11) и 4 (6-8, 12-18)

Культурный слой 4 расположен в 15-20 см ниже щебнисто-валунного слоя на глубине двух метров. Слой имеет четкое стратиграфическое залегание, предельно компактен, а его реальная толщина не превышает 10 см. Правда, над основным горизонтом слоя на глубине 188 см, обнаружен фрагмент крупного оленьего рога. На шести вскрытых квадратах четвертого слоя, прослеженного в однородном лессовидном суглинке с мельчайшими вкраплениями углистой крошки, наблюдается повышенная концентрация кремневого материала в виде чешуек и мелких сколов, возможно, связанных с местом обработки кремня и отделки лезвий орудий. Много находок выполнено из черного кремня, который на момент изъятия из слоя был без патины, а от контакта с воздухом, прямо "на

глазах" покрывался голубоватой вуалью. Из кремневого инвентаря отметим пренуклеус, боковые резцы, обломок узкого игловидного микроострия с мелкой ретушью по одному краю (рис. 3, б), которое по своим параметрам напоминает игловидное микроострие из Чутулешт.

Следующий пятый культурный слой выявлен на 30-40 см ниже уровня слоя 4, в основании светло-желтых лессовидных суглинков над верхним горизонтом глеевой почвы. Следов жизнедеятельности первобытного человека здесь крайне мало и представлены они главным образом костями животных. Это обломки оленьих рогов, позвонки и бедренная кость мамонта.

Таким образом, продолжение исследований на стоянке Рашков 8 позволило установить многослойность памятника, присутствие двух граветтских слоев и одного эпиориньякского, при неопределенности культурной принадлежности двух нижележащих слоев. Все это однозначно требует нового подхода к анализу того значительного по объему кремневого материала, ранее собранного на поверхности стоянки и послужившего основанием для определения облика индустрии.

Список литературы

Григорьева Г.В. Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII // СА. – 1974. – № 3. – С. 142-149.

Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII // Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг. – Кишинев, 1973. – С.15-26.

Демиденко Ю.Э., Нужный Д.Ю. Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И.В. Сапожникова "Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степей Украины" // Stratum plus. – 2005. – № 1. – С. 507-523.

Кетрару Н.А., Григорьева Г.В., Иванова И.К., Ренгартен Н.В. Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII // Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. – Кишинев, 1986. – С. 123-126.

ОБ ЭКОЛОГО-АДАПТАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (на примере территории Нижнеднепровской левобережной равнины)

Археологическая карта позднего палеолита Европы и Северной Азии крайне неравномерно заполнена памятниками. Между регионами существует значительная разница в насыщенности объектами. Но имеются и большие по площади "белые пятна" с практически полным отсутствием позднепалеолитических памятников. Действительно ли эти белые пятна являются местами отсутствия следов позднего палеолита? По мнению автора, наличие таких "белых пятен" двойного происхождения – объективного и субъективного.

Объективно отсутствуют следы пребывания позднепалеолитического человека – в регионах занятых в позднем плейстоцене ледниками, на оголенных хребтах горных массивов и в некоторых других регионах экстремальной экологии времени развития позднепалеолитических обществ.

Иного происхождения отсутствие данных о памятниках палеолита для регионов, где экологические условия в период позднего плейстоцена были вполне пригодны для пребывания людей. Прежде всего, это регионы где вообще не проводились археологические разведки или разведки проводились археологами, не являющимися специалистами в области изучения каменного века. Автор может привести наглядный пример из собственной археологической практики. В речной долине Днепра, ниже его порожистого участка, до начала 1960-х гг. памятники палеолита вообще не были известны. И это при проведенных неоднократных разведках и великолепной изученности региона многочисленными раскопочными экспедициями, исследовавшими памятники времени от энеолита по позднее средневековье. Взгляд о полном отсутствии памятников палеолита в регионе был опровергнут первыми же посещениями Нижнего Днепра специалистами. В 1961 г. А.В. Бодянский в верховьях Нижнего Днепра открыл один мустьерский и 7 позднепалеолитических пунктов малочисленных находок у смт Васильевка и с. Балки. В 1968 г. В.Н. Станко в низовьях Нижнего Днепра, у с. Любимовка, на участке левого берега протяженностью всего лишь около 5 км, открыл три пункта позднепалеолитических находок [Станко, 1971]. Дальнейшими исследованиями автора количество выявленных в долине Днепра позднепалеолитических памятников превысило 70. Правда, памятников с сохранившимся культурным слоем среди них уже не было, стоянки были уничтожены абразионными процессами Каховского водохранилища.

Распространенной причиной субъективного плана в отсутствии выявленных позднепалеолитических памятников для многих регионов является традиционализм в поисковых археологических исследованиях – поиски памятников в "перспективных" местах, исходя из опыта своих собственных удачных разведок или суммарного опыта позднепалеолитических полевых исследований многих специалистов. Опыт автора показывает, что не всегда заведомо перспективные для поисков позднепалеолитических памятников природные зоны (долины рек и речек, берега озер, выходы родников) являются таковыми. Так поиски палеолита в долине Ингульца, региона с почти идеальными географическими условиями для обитания охотников каменного века, имели нулевой результат.

Но оказывается, что регионы абсолютно непригодные по современным понятиям для обитания людей позднего палеолита, были, в силу иных экологических параметров эпохи позднего плейстоцена, достаточно комфортны для проживания и ведения охотничьей экономики в тех условиях. Вывод автора базируется на археологических исследованиях, проведенных на территории Нижнеднепровской левобережной субаральной бессточной равнины, считавшейся для палеолитических исследований "мертвой зоной". С 1975 г. в этом регионе открыто (преимущественно случайными находками местных краеведов, а также разведками Я.И. Болдина и автора) до тридцати позднепалеолитических памятников [Болдин, 1981; Михайлов, 1987; Оленковский, 1991; Оленковский, 1992; 2000; Оленковский, Ларин, 1991]. Все они геоморфологически связаны с подовыми образованиями. Что же это за природные феномены?

Комплекс подовых образований Левобережной Херсонщины является уникальным природным явлением на просторах Европы. Подразделяются эти понижения на степные блюдца, поды и подовые долины. Вообще-то степные блюдца и небольшие поды имеются и в других регионах Украины, преимущественно в южной ее части [Молодых, Бруяко, Харитонов, 1978]. Но количество их там небольшое, углубленность значительно меньшая, прослеживаемость на фоне более расчлененного рельефа плохая. В междуречье Днепра и Молочной они многочисленны, представлены всеми типами и хорошо прослеживаются в рельефе [Дроздов, 1961].

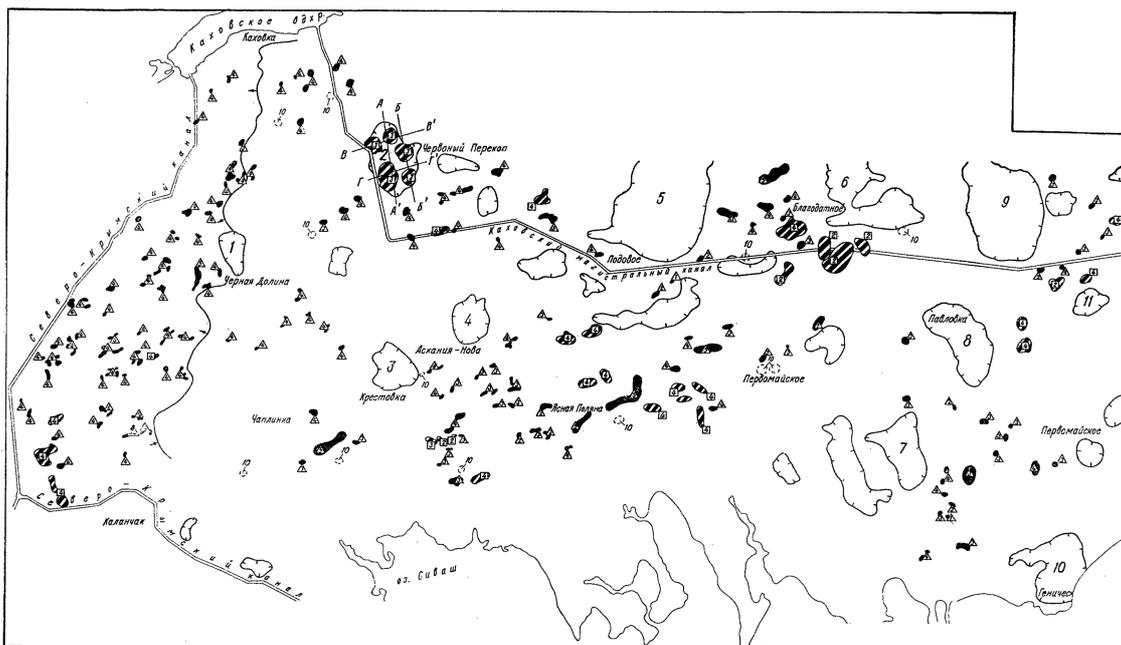

Рис. 1. Карта расположения подов и блюдец в южной части левобережья Нижнего Днепра (на участке между Северокрымским каналом и долиной Молочной) [по: Молодых, 1982].

1 – под Черная долина, 2 – Зеленый под, 3 – Крестовский под, 4 – Асканийский под, 5 – Агайманский под, 6 – Успеновский под, 7 – Сивашский под, 8 –Петровско-Павловский под, 9 – Домузлинский под, 10 – погребенный Генический под

В западной части региона, западнее линии Новая Каховка – Каланчак, распространены степные блюдца, насчитывающиеся многими сотнями. К востоку от этой линии, почти до самой долины Молочной, насыщенность степными блюдцами уменьшается. Но расположены десятки подов и подовых долин (рис. 1). Степные блюдца, поды и подовые долины имеют разные размеры, не одинаковую углубленность относительно поверхности равнины, различные причины и возраст образования, и историю развития.

Сейчас блюдца и некоторые поды имеют значительно измененный вид за счет хозяйственной деятельности (прежде всего пахоты) последнего столетия. Без учета современных изменений они выглядят следующим образом. Конфигурация блюдец и подов или округлая, или овальная. Размер блюдец от 30-40 до нескольких сотен метров. Обычный размер подов от 400-500 м до 4 км. Углубленность блюдец редко превышает 2 м, углубленность подов достигает 5 м, иногда может достигать 10 метров. Происхождение блюдец, по мнению специалистов, преимущественно субтермокарстовое. Происхождение же подов преимущественно термокарстовое. Они образовались как за счет таяния многолетних горизонтов мерзлоты в межледниковые периоды, так и за счет просадки лессовых толщ при их намокании и уплотнении [Молодых, 1982].

На территории левобережной равнины есть группа крупных уникальных подов округлой конфигурации, диаметром от 5 до 15 км, глубиной до 10 метров и больше. Их происхождение еще более сложное. Они образовались из группы рядом расположенных подов, попавши в общую площадь тектонических и неотектонических опусканий земной поверхности. В Северном Присивашье есть несколько больших специфичных западинных структур, расположенных преимущественно меридионально. Они получили название "подовые долины" или "долины-поды". Имеют более сложную, чем поды конфигурацию, часто с причудливыми очертаниями. Размером до 10 км. Образовались подовые долины за счет трансформации (объединения) в одну структуру нескольких соседних подов при исчезновении перемычек между ними (размывание берегов при обводнениях, функционирование балочной системы и т. д.). В большие поды часто впадают балки. Некоторые поды имеют террасированные склоны (что является, вероятнее всего, причиной абразионных процессов при обводнениях котловин).

Геологическая и палеогеографическая история образования и развития подов и подовых долин достаточно длительна. Охватывает, как минимум, весь четвертичный период. Возраст блюдец, по

мнению специалистов природоведов, значительно меньший. Охватывает поздний плейстоцен и голоцен. Образовались они, в значительной степени, за счет лессовой просадки [Пономар, Мигуля, 1975].

Наиболее показательными и интересными (с природоведческой точки зрения) большими подами левобережной нижнеднепровской равнины являются: Большой Чернянский, Черная Долина, Зеленый, Крестовский, Асканийский (Чаплинский), Агайманский, Успенковский, Сивашский, Петровско-Павловский, Домузлинский, Томашевский. Особенно выделяется среди них такой уникальный гигант, как Агайманский под. Его площадь 10x16 км, глубина до 15 м. Это самое большое подовое образование Европы. Наиболее показательной подовой долиной можно признать выразительное Сивашовско-Новомихайловское понижение.

Все эти степные котловины – блюдца, поды, подовые долины – сейчас абсолютно сухие. Только при определенных условиях (резкое весеннее таяние высоких снегов, что является крайне редким явлением для Нижнего Поднепровья) их днища иногда (раз в 10-20 лет) и на ограниченный период времени (максимально до 1 года) незначительно обводняются. Но археологическими и палеоэкологическими исследованиями автора, проводившимися в последнюю четверть 20 и в начале 21 столетий, установлено, что так было не всегда. Результаты научных работ показали, что за последние 25-30 тысяч лет неоднократно создавались условия, при которых все эти сотни котловин превращались в степные озера. Происходило это из-за повышения влажности климата или уменьшения испаряемости осадков (сильная оглеенность отложений днищ подов препятствует фильтрации осадков в грунты и осушаемость происходит только за счет испаряемости). Большие поды становились озерами-гигантами. Причем, в некоторые эпохи уровень обводнения был настолько интенсивным, что подтапливались даже долины балок, впадающих в поды. Они становились своеобразными длинными заливами, вдающимися в степь на несколько километров, а иногда и на несколько десятков километров (например, балка Серогоз, впадающая в под Агайманский) [Оленковський, 1994, 2002, 2004].

К настоящему времени известны позднелитические памятники, связанные со всеми видами подовых образований. Это касается как мелких пунктов находок и местонахождений, так и стратифицированных стоянок.

Непосредственно с подом связан памятник Перемога I (рис.2, 5). Местонахождение находится в западной части безымянного пода, в самом нижнем ярусе склона борта. Под имеет овальную форму размером 2x3 км. Ориентирован меридионально, в рельефе выражен слабо. Высотная разница между равниной и днищем пода не превышает 4 м. Склоны борта очень пологие, шириной до 0,5 км, почти незаметно переходящие в плоское днище. Коллекция кремневых изделий происходит из пахотного слоя. Сохранившийся культурный слой шурфовкой не выявлен. Количество находок достигает тысячи экземпляров, до сотни из которых орудия со вторичной обработкой. Это местонахождение является самым ранним из открытых позднелитических памятников Нижнеднепровской левобережной бессточной равнины. Индустрия этого памятника ориньякоидная [Оленковський, 1989; 1991, с. 82-89; 1992, с. 34-36; Оленковський, Ларин, 1991].

Три информативных памятника – стоянки Дмытривка, Першо-Покровка I и Каштаева балка – связаны с балками, впадающими в поды.

Стоянка Дмытривка находится на правом берегу балки Каштанак, в 5 км от ее впадения в под Зеленый (Рис. 2, 2). Расположена на небольшой возвышенности (до 1 м высотой и диаметром до 100 м), примыкающей к руслу балки. Раскопки автора 1986, 1987, 1990, 2000 и 2001 гг. стоянка исследована на площади 205 м². Археологическая коллекция состоит из набора кремневых изделий (около 5800 экз., на 95% полученных раскопками), костей животных (принадлежащих бизону и лошади), галек плотного песчаника днестровского происхождения, отдельных орудий из дымчатого кварца, кварцита, талькового сланца, гранита. Среди кремневых изделий 142 нуклеуса и 849 орудий со вторичной обработкой. Радиоуглеродная дата стоянки – 16520±95 (Ki-5826). Памятник отнесен автором к нижнеднепровской эпиграветтской культуре [Оленковський, 1989; 1991, с. 89-118; 2008, с. 200-216].

Стоянка Першо-Покровка I находится на правом берегу балки (речки с сезонным стоком) Серогоз, в 50 км от впадения ее в под Агайманский (Рис. 2, 3). Общая протяженность долины балки свыше 60 км. Она имеет развитую балочную систему из впадающих в нее меньших ответвлений. Стоянка связана с мысом, образованным впадением небольшой балочки в Серогоз. Шурфовками установлено, что горизонт переотложенного археологического материала залегает в верхах лессовидного суглинка. Большая часть материала собрана в нижней части пологого склона долины речки, над ее руслом. Коллекция кремневого инвентаря насчитывает около 1000 изделий, среди которых 21 нуклеус и 180 орудий со вторичной обработкой. Определенные аналогии индустрии памятника прослеживаются в материалах стоянок Амвросиевка и Нововладимировка II. В индустриях этих памятников присущи черты как эпиориньяка, так и эпиграветта. Достоверные радиоуглеродные

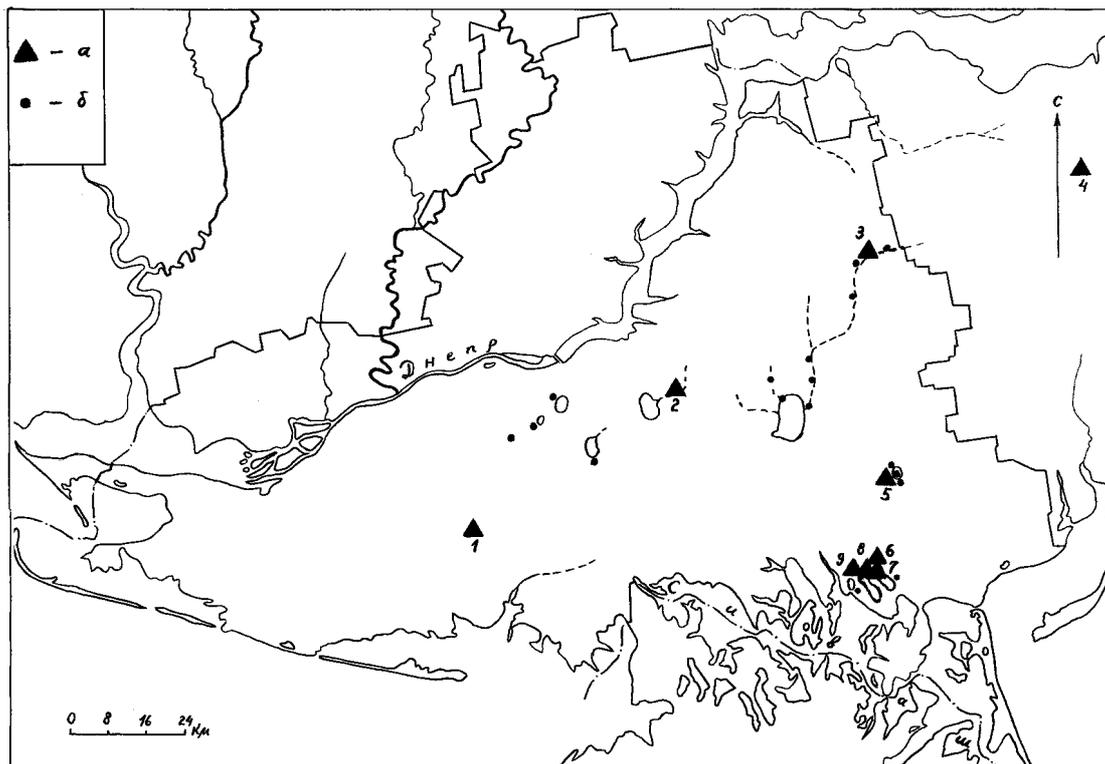

Рис. 2. Карта памятников позднего палеолита в пределах Нижнеднепровской левобережной равнины. а – стоянки и выразительные местонахождения, б – местонахождения с малочисленными коллекциями находок. 1 – Хатки, 2 – Дмытривка, 3 – Першо-Покровка, 4 – Каштаева балка, 5 – Перемога I, 6 – Солёное озеро Ia, 7 – Солёное озеро VI, 8 – Солёное озеро IX, 9 – Солёное озеро IXa

даты Амвросиевки и Нововладимировки II находятся в пределах между 20 и 18 тысячами лет ВР [Оленковский, 1989; 1991, с. 118-123; 1992, с. 32-34].

Стоянка Каштаева балка находится на берегу балки Каштаевой, при впадении ее в безымянный под (Рис. 2, 4). Размер пода 2x2,5 км, углубленность относительно равнины около 1 м. Исследована раскопками Б.Д. Михайлова на площади 174 м². Коллекция кремневых изделий насчитывает 4061 экз. В составе материала 38 нуклеусов и 176 орудий со вторичной обработкой. Памятник отнесен автором к северо-приазовской восточно-эпиграветтской культуре [Михайлов, 1989; Оленковский, 1989; 1991, с. 124-132].

Четыре информативных памятника – стоянки Солёное озеро Ia, Солёное озеро VI, Солёное озеро IX и Солёное озеро IXa – связаны с Сивашовско-Новомихайловской подовой долиной.

Памятник Солёное озеро Ia находится на пологом склоне северного борта подовой долины, на высоте около 4 м над уровнем дна (Рис. 2, 6). Памятник двухслойный. Верхний слой позднемезолитический, нижний – позднепалеолитический. Исследован раскопками автора на площади 32 м². Большинство материала происходит из сборов на разрушенной (сооружением ставка-рыборазводника) части памятника. Фауна позднепалеолитического слоя представлена лошадью. Радиоуглеродная дата стоянки – 12700±60 (Ki-6357). Памятник отнесен автором к северо-приазовской восточноэпиграветтской культуре [Оленковский, 2000, с. 99-105].

Памятник Солёное озеро VI находится в нижней части пологого склона северного борта подовой долины, на высоте около 1,5 м над уровнем дна (Рис. 2, 7). Стоянка исследована раскопками автора на площади 60 м². Памятник с четкой планиграфией. Почти вся коллекция происходит из раскопок. Кремневых находок около 800 экз. (в т.ч. 28 нуклеусов и 88 изделий со вторичной обработкой). Фаунистический материал невыразителен, определены только кости степного сурка. Радиоуглеродные даты стоянки – 12890±100 (Ki-6202), 13030±100 (Ki-6206) – судя по геологическим данным и индустрии памятника, вероятно несколько омоложены. Памятник отнесен автором к нижнеднепровской эпиграветтской культуре [Оленковский, 2000, с. 48-62].

Памятник Соленое озеро IX находится в средней части относительно хорошо выраженного склона северо-западного борта подовой долины, на высоте около 3,5 м над уровнем дна (Рис. 2, 8). Памятник двухслойный палеолитический. Почти весь материал получен раскопками (исследования автора). Верхний культурный слой очень слабо насыщен находками. Нижний культурный слой исследован на площади 41 м². Материал из этого слоя состоит из кремневых изделий, отбойников и абразивных орудий из песчаника и гнейса, кусочков фиолетовой охры, подвесок из моллюсков, костей животных (бизон и лошадь). Кремневые изделия насчитывают свыше 1600 экз. (в т.ч. 21 нуклеус и 185 орудий со вторичной обработкой). Радиоуглеродная дата нижнего слоя – 13460±60 (Кi-5825). Памятник отнесен автором к северо-приазовской восточноэпиграветтской культуре [Оленковский, 2000, с. 62-76].

Памятник Соленое озеро IXa находится в 80 м от памятника Соленое озеро IX, и в тех же природных условиях (Рис. 2, 9). Памятник четырехслойный, нижний слой – позднепалеолитический. Исследован на площади 5 м². Шурфовкой выявлены 2 небольших кострища, частично совмещенных по площади (верхнее кострище находится непосредственно на нижнем, без разграничивающей прослойки суглинка). Фаунистические остатки принадлежат бизону и лошади. Большинство кремневых находок собрано в размывах берега современного водоема, образованного отделением земляной дамбой части подовой долины. По возрасту и культурной принадлежности стоянки нижних слоев Соленого озера IX и Соленого озера IXa аналогичны [Оленковский, 2000, с. 122-128].

Местонахождение Хатки уникально. Это первый, и пока единственный, памятник позднего палеолита, связанный со степным блюдцем (Рис. 2, 1). Открыт в 2006 г. местным краеведом А. Пулинцом. В пахоте, на западном склоне блюдца размером 100x180 м и глубиной чуть более 1 метра, собрано свыше 200 кремневых позднепалеолитических изделий. Ранее в этом блюдце А. Пулинцом была открыта неолитическая стоянка. Позднепалеолитический материал позволяет отнести его к позднему восточному эпиграветту.

Список литературы

- Болдин Я.И.** Обследование древних балок в Херсонской области // АО 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 232.
- Дроздов С.В.** Поды междуречья Днепр – Молочная // Вопросы инженерной геологии. – Труды 1 украинского гидрогеологического совещания. – Киев, 1961. – С. 29-41.
- Михайлов Б.Д.** Перше подове пізньопалеолітичне місцезнаходження в Північному Приазов'ї // Археологія. – Вип. 59. – 1987. – С. 47-52.
- Молодых И.И.** Грунты подов и степных блюдц субэарального покрова Украины. – Киев: Наукова думка, 1982. – 159 с.
- Молодых И.И., Бруйко В.С., Харитонов В.П.** Подовые образования юга Украины и их картирование в связи с крупномасштабной съемкой для целей мелиорации // Гидрогеология и инженерно-геологические исследования при выполнении крупномасштабной съемки для целей мелиорации. – Киев, 1978. – С.12-14.
- Оленковский Н.П.** Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1989. – 16 с.
- Оленковский Н.П.** Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. – Херсон, 1991. – 202 с.
- Оленковский М.П.** Пам'ятки доби палеоліту. Археологічна карта Нижньодніпровського регіону. – Вип.1. – Херсон, 1992. – 64 с.
- Оленковский М.П.** До палеогеографії подових утворень // Матер. наук.-практ. конф. "Другі наукові читання пам'яті Й.К. Пачоського". – Херсон, 1994. – С. 40-42.
- Оленковский М.П.** Палеоліт та мезоліт Присивашся: Проблеми епігравету України. – Херсон: Придніпров'я, 2000. – 171 с.
- Оленковский М.П.** Обводнення степів Херсонщини в пізньому плейстоцені та голоцені // Екологія Херсонщини – учора, сьогодні, завтра. – Херсон, 2002. – С. 11-14.
- Оленковский М.П.** Археозоологічні матеріали та палеоекологічні реконструкції за даними пізньопалеолітичних стоянок Присивашся та подових утворень Нижньодніпровського Лівобережжя України // Вісті Біосферного заповідника "Асканія-Нова". – 2004. – Т. 6. – С.116-122.
- Оленковский Н.** Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. – Херсон, 2008. – 432 с.
- Оленковский Н.П., Ларин В.В.** Находки позднего палеолита и неолита в степном нижнеднепровском левобережье // Проблемы археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1991. – С.11-21.
- Пономар В.С., Мигуля В.М.** Поди півдня України // Географічні дослідження на Україні. – №4. – 1975. – С.83-92.

Станко В.Н. Разведки палеолита на Нижнем Днепре // Археологические исследования на Украине в 1968 году. – Киев: Наукова думка, 1971. – С. 105-107.

ПРОБЛЕМЫ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ЮГА УКРАИНЫ

Постановка проблемы

Финальным палеолитом на территории Украины называют период с хронологическими рамками 12,8-10,3 ВР, соответствующий позднеледниковью или древнему голоцену по терминологии Н.П. Герасименко [Герасименко, 2004, с. 20-21]. В то же время древний голоцен является заключительной стадией причерноморского этапа позднего палеолита. Причерноморский этап, несмотря на незначительную временную протяженность, характеризовался сильными колебаниями климата, включает три стадиала и два межстадиала (табл. 1).

Таблица 1. Геологическая периодизация причерноморского этапа позднего палеолита [по: Герасименко, 2004]

Археологическая периодизация	Стадиалы и межстадиалы	Даты (куг ВР uncal)	Ландшафт	
Заключительный этап позднего палеолита	Ранний дриас (дриас 1)	15-14,5 – 12,8ВР	Стадиал. Перигляциальная сухая степь и полупустынный ландшафт	
Финальный палеолит	Древний голоцен	Беллинг	12,8 – 12,2ВР	Межстадиал. Бореальная лесостепь с относительно влажным климатом
		Средний дриас (дриас 2)	12,2 – 11,8ВР	Стадиал. Перигляциальная степь, полное исчезновение деревьев
		Аллеред	11,8 – 11,1ВР	Межстадиал. Бореальная лесостепь, северно-бореальные леса в Горном Крыму
		Поздний дриас (дриас 3)	11,1 – 10,3ВР	Стадиал. Сухая степь на юге Украины, лесо-луговой ландшафт в низкогорьях Крыма

Главной особенностью финального палеолита является абсолютно четкая грань, отделяющая его от предыдущей археологической эпохи. В протяжении финального палеолита на территории Украины происходит появление целой серии археологических индустрий. Эпиграветтская индустрия, доминировавшая на всей территории Украины в раннем дриасе, повсеместно приходит в упадок и постепенно уступает место новым индустриям, разнообразие которых просто поражает и вызывает удивление. В настоящее время на юге Украины, в рамках современной степной зоны и в Горном Крыму, таких индустрий насчитывается как минимум шесть (рис. 1). Это шан-кобинская, тау-бодракская и свидерская индустрии Крыма, а также осокоровско-рогаликская и зимовниковская индустрии степной Украины. Шестая индустрия не получила четкого названия. А.Ф. Горелик упоминает и "памятники типа Рогалик VII", и "федоровский вариант каменнобалковской культуры" [Горелик, 2001, с. 339]. Не вдаваясь в дискуссии о терминологии и не претендуя на рассмотрения места данной индустрии в системе прочих эпиграветтских индустрий, я для удобства в дальнейшем буду употреблять термин "индустрия Рогалик VII".

Учитывая частые колебания климата и ландшафтное многообразие в древнем голоцене, существует искушение все описанное многообразие индустрий списать на действие данного фактора. Тем не менее, следует отметить, что подобные изменения не раз происходили в протяжении позднего палеолита на территории Украины, но никогда не приводили к такой мозаичности индустрий. Исходя из этого, нисколько не уменьшая роль климатических условий, я хотел бы поставить вопрос о действии совершенно иных факторов в рождении и развитии индустрий финального палеолита, не связанных ни с климатом, ни с ландшафтом, ни со способом реализации хозяйственных стратегий. На мой взгляд, такие факторы следует связывать исключительно с технологией изготовления каменных орудий труда вообще и предметов оснащения метательного вооружения в частности. Данная статья и посвящена поиску и

анализу таких факторов и их рассмотрению в связи с климатическими и ландшафтными изменениями, а также в связи с хозяйственной спецификой носителей той или иной индустрии.

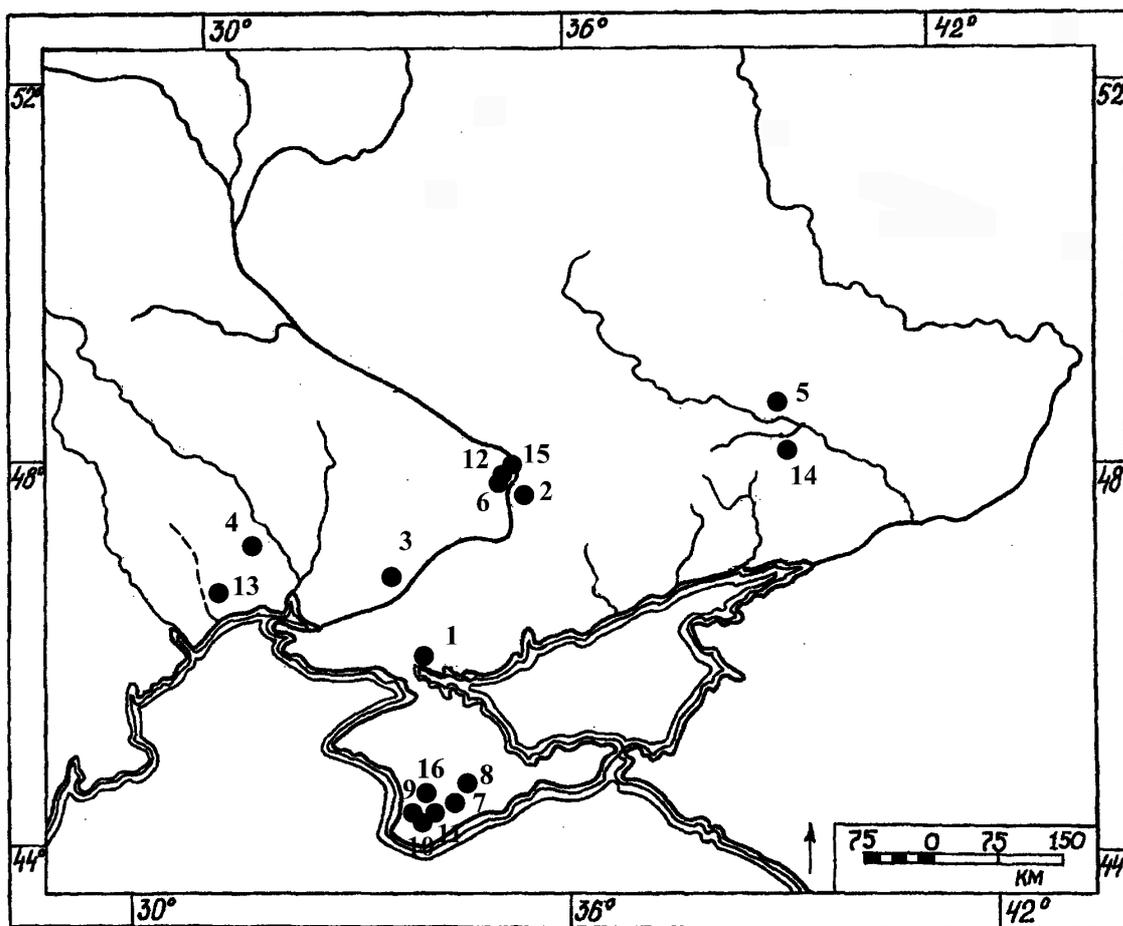

Рис.1. Карта поздних эпиграветтских и основных финальнопалеолитических памятников юга Украины.

Эпиграветт. 1. Солоне Озеро VI, Ia. Грот Скалистый (слои IV-VII). Буран-Кая-3 (слой 6). Индустрия Рогалик VII. 5. Рогаликско-передельский узел памятников (стоянки Рогалик VII, V). Рогаликско-царинковская индустрия. 2. Осокоровка -Шв. 3. Леонтьевка. 4. Царинка. 5. Рогаликско-передельский узел памятников (стоянки Рогалик II, IV, Передельск I и др.). 6. Васильевка-Прогон. Шан-кобинская индустрия. 7. Грот Скалистый (пачки слоев II-III). 8. Буран-Кая-3 (слой 5). 9. Фатма-Коба (слои 5-6). 10. Шан-Коба (слои VI-IV). 11. Грот Водопадный (нижний слой). 12. Васильевка III. 13. Белолесье. Тау-Бодракская индустрия. 7. Грот Скалистый (кластеры слоев III-2 и III-3-X). 9. Фатма-Коба (слои 5-6). 11. Грот Водопадный (нижний слой). Зимовниковская индустрия. 14. Сабовка 1. 15. Остров Сурской 2. Крымский Свидер. 8. Буран-Кая (слой 4). 16. Сюрень 2

Подобный анализ невозможен без анализа хронологии финального палеолита юга Украины, поскольку, несмотря на сосуществование большинства указанных индустрий, их появление не было одновременным.

Хронология индустрий финального палеолита

Финальный палеолит Украины – эпоха, изученная весьма не подробно, для многих индустрий отсутствуют не только хорошо стратифицированные комплексы, но даже комплексы с костями животных и с другими органическими останками. Эти обстоятельства делают невозможным построение детальной хронологической колонки финального палеолита Украины. Те сведения о хронологии, которые я могу предложить, – отрывочны и не всегда внушают абсолютное доверие. Как бы то ни было, в таблице 2 мы можем увидеть практически все радиоуглеродные даты, связанные с финальным палеолитом.

В настоящее время в степной зоне и Украины и в Горном Крыму известно несколько комплексов, бытование которых связано с заключительной фазой развития эпилитетта. Это комплексы эпилитеттских слоев Грота Скалистого [Cohen at al., 1996, p. 326-356] и Буран-Каи III [Яневич, 1998, с. 157-158] в Крыму, а также комплексы Солоне Озеро VI и Ia в Присивашье [Оленковский, 2000, с. 48-52, 99-105]. Особенно информативны датировки Грота Скалистого и Буран-Каи III, где налицо случаи прямой стратиграфии, свидетельствующие о смене эпилитеттской индустрии шан-кобинской. К сожалению, далеко не все приведенные эпилитеттские даты следует принимать как достоверные. Например, следует, вероятно, пренебречь датами 3-4 (табл. 2) Буран-Каи-3, поскольку они связаны с ориньякским слоем, что делает значения их значения абсурдными. Сомнительны и даты 1-2 (табл. 2), которые происходят из ямы, оставленной свидерским населением, но прорезавшей эпилитеттский слой. Даты Грота Скалистого надежно свидетельствуют, что последний этап развития эпилитетта в Крыму связан с дриасом I. Таким образом, в настоящее время мы не имеем оснований для связи эпилитетта Крыма с древним голоценом. Те же закономерности мы прослеживаем и за пределами Крыма, о чем свидетельствуют даты стоянок у Солоного озера (9-11, табл. 2).

О сохранении эпилитеттских традиций в древнем голоцено можно судить лишь на основании даты комплекса Рогалик VII, несомненно, связанного своим происхождением с эпилитеттом. Традиционные эпилитеттские остря в комплексе Рогалик VII присутствуют как единичные формы (рис. 4, б). Но в основном индустрия этого комплекса, связана с изготовлением специфического типа острий трапецевидной формы (рис. 4, 1-5). От геометрических микролитов эти остря отличаются месторасположением ретуши, которая помимо косо тронкированных концов находится также на длинном краю заготовки. Иногда эти остря тронкированы с одного конца. Часто на стыке тронкированных частей и ретушированных краев заготовок наблюдается закругление, оформленное полукруглой ретушью, напоминающую скребковую. Подобные остря являются уникальными и не связаны более ни с одним эпилитеттским комплексом на территории Украины, что позволяет рассматривать комплекс Рогалик VII как представляющий отдельную индустрию. А.Ф. Горелик связывает такую индустрию с комплексами Федоровки [Горелик, 2001, с. 319].

Единственная дата говорит о существовании данного типа индустрии в середине аллереда (21, табл. 2). Учитывая своеобразие данной индустрии и ее несомненную связь с эпилитеттом, будет корректным предположение, что ее формирование началось, по крайней мере, в беллинге и связано с одним из вариантов украинского эпилитетта. К сожалению, это практически все сведения о хронологии одного из ярчайших явлений в финальном палеолите Украины. Никаких суждений о существовании индустрии Рогалика VII после аллереда высказать невозможно. Существует версия об участии носителей финального эпилитетта в сложении индустрии стоянки Хутор Шевченко [Горелик, 2001, с. 330-331], однако значительный временной разрыв между аллередом и началом атлантикума вынуждает меня отнести к такой версии с некоторым недоверием.

Тау-бодракская индустрия [Манько, 2008], известна, главным образом, по материалам Грота Скалистого, в смешанном состоянии тау-бодракские древности присутствуют в 5-6 слоях Фатьма-Кобы, в Гроте Водопадном, в слоях VI-IV Шан-Кобы. Ранняя шан-кобинская индустрия известна лишь в Горном Крыму, более поздние комплексы найдены в Северо-западном Причерноморье (Белолесье) и, возможно, в Днепровском Надпорожье (Васильевка III).

Материалы Грота Скалистого дают нам все основания считать (18, табл. 2), что самые ранние шан-кобинские комплексы на территории Крыма связаны с началом беллинга, то есть с самым началом древнего голоцена. В подтверждение данной датировки можно также привести предварительные данные датирования двух древнейших слоев Грота Скалистого в Гронингенской лаборатории, давших примерно те же значения в рамках беллинга (пользуясь случаем, благодарю Л.Л. Зализняка, П. Бьяджи и С. Козловского за информацию).

Еще 2 даты Грота Скалистого (15-17, табл. 2) могут быть связанными с тау-бодракской индустрией. Авторы раскопок [Cohen at al., 1996, p. 326-356] так не считали по двум причинам. Во-первых, в то время не было термина "тау-бодракская индустрия", данный тип индустрии был описан автором совсем недавно [Манько, 2008, в печати]. Во-вторых, в ходе раскопок 1993-1995 гг. слой III-2 был исследован на том участке, где присутствовала механическая смесь тау-бодракского и шан-кобинского слоев. Лишь при раскопках 2007 г. стало ясно, что слой III-2, прослеженный под навесом, и слой III-3-X, прослеженный на площадке, представляют собой в стратиграфическом отношении единое целое (фактически, оба слоя, как и слой III-3, являются кластерами слоев). В материалах раскопок 2005-2007 гг. оба слоя дали материалы, коренным образом отличающиеся от классической шан-кобинской индустрии. В этой связи вполне корректно соотносить с данными слоями те датировки, что были получены в раскопках 1993-1995 гг. В то же время, следует отметить тот факт, что оба слоя,

связанные с тау-бодракской индустрией, не являются одномоментными. Они имеют мощность 30-50 см, отмечено несколько горизонтов обитания. Именно по этой причине возникает вопрос о том, могут ли даты аллередского времени соответствовать началу развития тау-бодракской индустрии? На этот вопрос трудно ответить, не зная обстоятельств отбора образцов для датирования. Тем не менее, можно предположить, что эти даты связаны не с самыми ранними горизонтами. Дело в том, что в ходе раскопок 2005-2007 гг. были в 3 случаях прослежены очаги, в заполнении которых оказались линзы слоя Ш-3-Б (самого раннего шан-кобинского) и слоя Ш-2-А (один из позднейших тау-бодракских). Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что тау-бодракские и шан-кобинские слои из разрезов очагов являются условно одновременными или, по крайней мере, весьма близкими хронологически. По этой причине невозможно допустить, что первичное и вторичное использование одних и тех же очагов осуществлялось в разных межстадиях через тысячу лет. По этой причине аллередские даты следует, на мой взгляд, соотносить с верхними или средними горизонтами кластеров слоев Ш-2 и Ш-3-Х. Таким образом, учитывая, что перекрывающий оба кластера слой Ш-1 является чисто шан-кобинским, следует сделать вывод, что как минимум в протяжении беллинга-аллереда в Крыму одновременно развивались два типа индустрий: шан-кобинская и тау-бодракская. Тот же вывод подтверждает аллередская дата (19, табл. 2), связанная со слоем VI-1 стоянки Шан-Коба, где присутствуют, на мой взгляд, артефакты, связанные с обеими индустриями.

Продолжение сосуществования двух индустрий после аллереда под вопросом. Совершенно нет оснований для сомнений в том, что шан-кобинская индустрия продолжает свое существование и в дриасе 3, и даже в пребореальное время. Об этом свидетельствуют даты времени дриаса 3 Буран-Кай-3 (14-15, табл. 2), 6 дат пребореального времени Шпан-Кобы (22-27, табл. 2), пребореальная дата слоя VI.1 Шан-Кобы (35, табл. 2).

Напротив, не могут не вызывать сомнений даты бореального времени, полученные по образцам кости 5-6 слоя стоянки Фатма-Коба (30-31, табл. 2). Даты представляются омоложенными, хотя следует оговориться: такое представление вполне может быть вызванным всего лишь традицией. О вероятности того, что подобные даты могут отражать истинное положение вещей, говорит тот факт, что шан-кобинские древности слоя IV стоянки Шан-Коба сопровождаются артефактами, принадлежащими, без всякого сомнения, кукрекской индустрии. Подобное обстоятельство позволяет предполагать, что шан-кобинская индустрия вполне могла дожить до атлантикума.

То же утверждение можно адресовать и в отношении таубодракской индустрии, поскольку специфические тау-бодракские сегменты присутствуют и в 5-6 слоях Фатма-Кобы, и в 4 слое Шан-Кобы. Вопрос только в том, представляли ли в пребореале-бореале шан-кобинская и таубодракская индустрии самостоятельные явления или синтезировались. На этот вопрос ответить достаточно сложно, учитывая, что чистые датированные комплексы этого времени неизвестны. Я все же склоняюсь к версии о параллельном сосуществовании, поскольку голоценовые комплексы Крыма, как правило, являются плохо стратифицированными, что создает большую вероятность того, что комплексы, происходящие из них, являются смешанными.

Шан-кобинская индустрия, в отличие от тау-бодракской, по-видимому, связана не только с территорией Крыма. За пределами Крыма, в северо-западном Причерноморье, известен шан-кобинский комплекс Белолесье, имеющий бореальную дату (28, табл. 2). Сегменты, похожие на шан-кобинские, происходят также из материалов могильника Васильевка III в Днепровском Надпорожье [Телегин, 1982, с. 206]. Даты этого могильника свидетельствуют о его раннепребореальном возрасте (32-34, табл. 2). Как видим, для континентальной Украины известны лишь раннеголоценовые даты, связанные с шан-кобинской индустрией. Это ни в коей мере не может означать, что ее синхронное развитие в Крыму и за его пределами абсолютно исключается. Следует сделать скидку на достойное сожаления состояние изученности финального палеолита степной Украины.

Те же слова можно сказать и в адрес осокоровско-рогаликской индустрии. Имеется лишь 1 радиоуглеродная дата по материалам стоянки Леонтьевка (20, табл. 2) показывает время в рамках беллинга. Эта дата не противоречит данным относительной хронологии. В комплексе слоя Ш-3-Б грота Скалистого найдена серия трапедий, выполненных в технологии, абсолютно копирующей трапедии осокоровско-рогаликской индустрии. Показательно, что соответствующий слой Грота Скалистого также датируется временем беллинга (18, табл. 2). О существовании осокоровско-рогаликской индустрии в более позднее время можно судить лишь предположительно. Традиционно считают комплекс Царинки [Нужный, 2008, с. 38] более поздним, однако я не нахожу аргументов за или против таких утверждений.

Информативно, на мой взгляд, сопоставление рогаликско-осокоровских памятников с зимовниковскими, даже несмотря на то, что зимовниковская индустрия практически не датирована методами естественных наук. Однако сопоставление с зимовниковскими памятниками дает

возможность утверждать, что в конце древнего голоцена и в раннем голоцене, скорее всего, осокоровско-рогаликская традиция прекратила свое существование. Специфические трапеции, свойственные для комплексов осокоровско-рогаликской индустрии, отсутствуют даже в комплексах Зимовники-1 и Сабовка 1, связанных с финальным палеолитом, не говоря уже о бореальном комплексе Зимовники-1-2. В то же время, в материалах стоянки Передельск 1, датируемой, предположительно, началом аллереда [Герасименко, 1997, с. 18], присутствует трапеция зимовниковского облика [Горелик, 2001, с. 178]. Подобные трапеции найдены также вместе с осокоровско-рогаликскими материалами на стоянках Рогалик 1 и 12 [Горелик, 2001, с. 31, 84]. Недавно стало известно о находке высокой трапеции зимовниковского облика на стоянке аллередского времени Синичино. Известны также совместного нахождения зимовниковских и осокоровско-рогаликских материалов в Днепровском Надпорожье, хотя эти материалы происходят из комплексов, собранных на поверхности [Нужный, 2008, с. 41, 49].

Таким образом, материалы Передельска 1 дают возможность утверждать, что осокоровско-рогаликская индустрия существует до аллереда включительно, поскольку только в этот период могла стыковаться с зимовниковой индустрией, расцвет которой падает на более позднее время.

Древнейшим зимовниковским памятником, по всей вероятности, является Зимовники-1-3 [Горелик, 1984], культурный слой которого погружен в лесс и содержит кости бизона, что несвойственно для голоценовых памятников. Чуть моложе или одновременен ему нижний слой стоянки Сабовка 1 [Манько, 2004, с. 35-52], находящийся на границе древнеголоценовой почвы и причерноморского лесса. Учитывая отсутствие в материалах стоянок осокоровско-рогаликских черт, время их существования не может быть древнее конца аллереда.

Зимовниковская индустрия была довольно протяженной во времени. О бореальном возрасте стоянки Зимовники-1-2 уже говорилось, с ранним атлантикумом связаны комплексы Минчекур, Петропавловка, верхний слой Сабовки 1, Врубровка и другие. В конце своего существования зимовниковская индустрия стала составной частью неолита Восточной Украины.

Единственная радиоуглеродная дата для зимовниковской индустрии получена по весьма сомнительным материалам стоянки Хорошее (29, табл.2), связана с бореалом.

Хронология крымского свидера базируется, в основном, на радиоуглеродных датах стоянки Буран-Кая-3, показавших возраст в рамках середины дриаса 3 (12-13, табл. 2). Эти данные абсолютно коррелируют с данными палинологии. В то же время есть все основания считать, что развитие крымского свидера не ограничивается концом древнего голоцена. В этом отношении весьма информативен свидерский слой стоянки Сюрень 2 [Векилова, 1961, с. 143-149], где свидерские острия сопровождаются карандашевидными нуклеусами и отжимными пластинами, что, по всей видимости, может быть свидетельством сосуществования с кукрекской индустрией. Если такое допущение верно, то крымский свидер мог продолжать развитие как в пребореале, так и в бореале. Косвенным подтверждением того, что свидер Крыма мог дожить до бореала, является тот факт, что в 3-2 слоях Фатьма-Кобы встречаются черешковые острия, отличающиеся от свидерских только тем, что их заготовки были сняты с одноплощадочных нуклеусов. В какой-то степени мы имеем основания говорить о существовании "крымского постсвидера". Не думаю, что подобный сюжет является невероятным. Если мы наблюдаем смену свидера постсвидером в зандровой зоне, отчего бы тому же процессу не произойти и в Крыму? Если учесть, что технология расщепления в крымском свидере была абсолютно подобной той, что мы наблюдаем в его северном аналоге, а также знакомство носителей свидера с отжимными технологиями в начале раннего голоцена, нет ничего удивительного в том, что имел место процесс конвергентного развития, давший в итоге аналогичные результаты. Учитывая сказанное, вполне понятным становится спорадическое нахождение черешковых острий в степной зоне Украины: в Днепровском Надпорожье и в Донбассе [Nuznyj, 1998, p. 200].

Таким образом, по материалам радиоуглеродного датирования и данных относительной хронологии мы можем составить следующую схему (рис. 2). Как видно, только 2 из 6 индустрий существовали исключительно в древнем голоцене, совпадающем по времени с эпохой финального палеолита: рогаликско-осокоровская и индустрия Рогалика VII. Прочие перешли в мезолит, а зимовниковская индустрия – даже в атлантическое время, соответствующее неолиту. Бросается в глаза также, что 4 индустрии начали свое развитие в самом начале древнего голоцена, и лишь две можно связывать со "второй волной", имевшей место, вероятнее всего, на рубеже аллереда-дриаса 3.

Следует отметить, что только одна из индустрий финального палеолита так или иначе связана с предыдущей эпохой, несет легко идентифицируемые признаки эпиграветта. Все прочие производят впечатление, что они совершенно не связаны с предыдущей эпохой. Главной чертой последних

Таблица 2. Радиоуглеродные даты поздних эпиграветтских и финальнопалеолитических и связанных с ними раннемезолитических памятников

№	Памятник, материал	Индустрия	Лаб. №	ВР	BC (cal, 1σ)
Эпиграветт					
Буран-Кая-3					
1.	Слой 4, гор. 3 низ. Кость	Эпиграветт (?)	Ki-10393	13450±200	
2.	Слой 4, гор. 3а. Кость	Эпиграветт (?)	Ki-10394	12900±120	
3.	Слой 6, гор. 3. Кость	Эпиграветт (?)	OxA-4126	11900±150	
4.	Слой 6, гор. 4. Кость	Эпиграветт (?)	OxA-4127	11950±110	
Грот Скалистый (раскопки 1993-95 гг.)					
5.	Слой IV. Кость	Эпиграветт	OxA-5166	14570±140	
6.	Слой V. Кость	Эпиграветт	Lv-2133	15510±310	
7.	Слой VI. Кость	Эпиграветт	OxA-5167	15020±150	
8.	Слой VII. Кость	Эпиграветт	OxA-5161	14880±180	
Солоне Озеро Ia					
9.	Кость	Эпиграветт	Ki-6357	12700±60	
Солоне Озеро VI					
10.	Кость	Эпиграветт	Ki-6206	13030±70	
11.	Кость	Эпиграветт	Ki-6202	12890±100	
Финальный палеолит					
Буран-Кая-3					
12.	Гор.7. Кость	Свидер	Ki-6268	10730±60	10770-10650
13.	Гор.7. Кость	Свидер	Ki-6269	10580±60	10625-10459
14.	Гор.13. Кость	Шан-Коба	Ki-6267	10920±65	
15.	Гор.13. Кость	Шан-Коба	Ki-6267a	11460±70	11500-11350
Грот Скалистый					
16.	Слой III-2. Кость	Тау-бодрак	OxA-5164	11620±110	
17.	Слой III-3. Кость	Тау-бодрак	OxA-5165	11750±120	
18.	Слой III-3. Кость	Шан-Коба	OxA-4888	12820±140	
Шан-Коба					
19.	Слой б.1. Кость	Шан-Коба	Ki-11086	11260±190	11480-11085
Леонтьевка					
20.	Почва	ОсокоровкаРогалик	Ki-6201	12150±90	
Рогалик VII					
21.	Кость	Рогалик VII	Ki-8476	11400±140	
Ранний мезолит					
Шпан-Коба					
22.	Слой 3, гор. 2. Кость.	Шан-Коба	KIA-3686	9760±60	9048-8984
23.	Слой 3, гор. 2. Кость.	Шан-Коба	Ki-5824	9890±80	9376-9030
24.	Слой 3, гор. 4. Кость.	Шан-Коба	KIA-3685	9930±60	9370-9048
25.	Слой 3, гор. 5. Кость.	Шан-Коба	KIA-3684	9840±50	9060-9016
26.	Слой 3, гор. 5. Кость.	Шан-Коба	Ki-5823	10210±80	10220-9485
27.	Слой 3, гор. 6. Кость.	Шан-Коба	KIA-3683	9940±50	9258-9052
Білолісся					
28.	Кость	Шан-Коба	Ki-10886	8900±190	8265-7760
Хороше					
29.	Кость	Зимовники	Ki-7836	8600±110	7755-7540
Фатьма-Коба					
30.	Слой 5/6, кость	Шан-Коба	Ki-10396	8520±150	7745-7355
31.	Слой 5/6, кость	Шан-Коба	Ki-10395	8770±140	8160-7605
Васильевка 3					
32.	Кость человека	Шан-Коба (?)	OxA-3807	10060±105	
33.	Кость человека	Шан-Коба (?)	OxA-3808	9980±100	
34.	Кость человека	Шан-Коба (?)	OxA-3809	10080±100	
Шан-Коба					
35.	Слой б.1. Кость	Шан-Коба	Ki-11085	9910±180	9745-9215

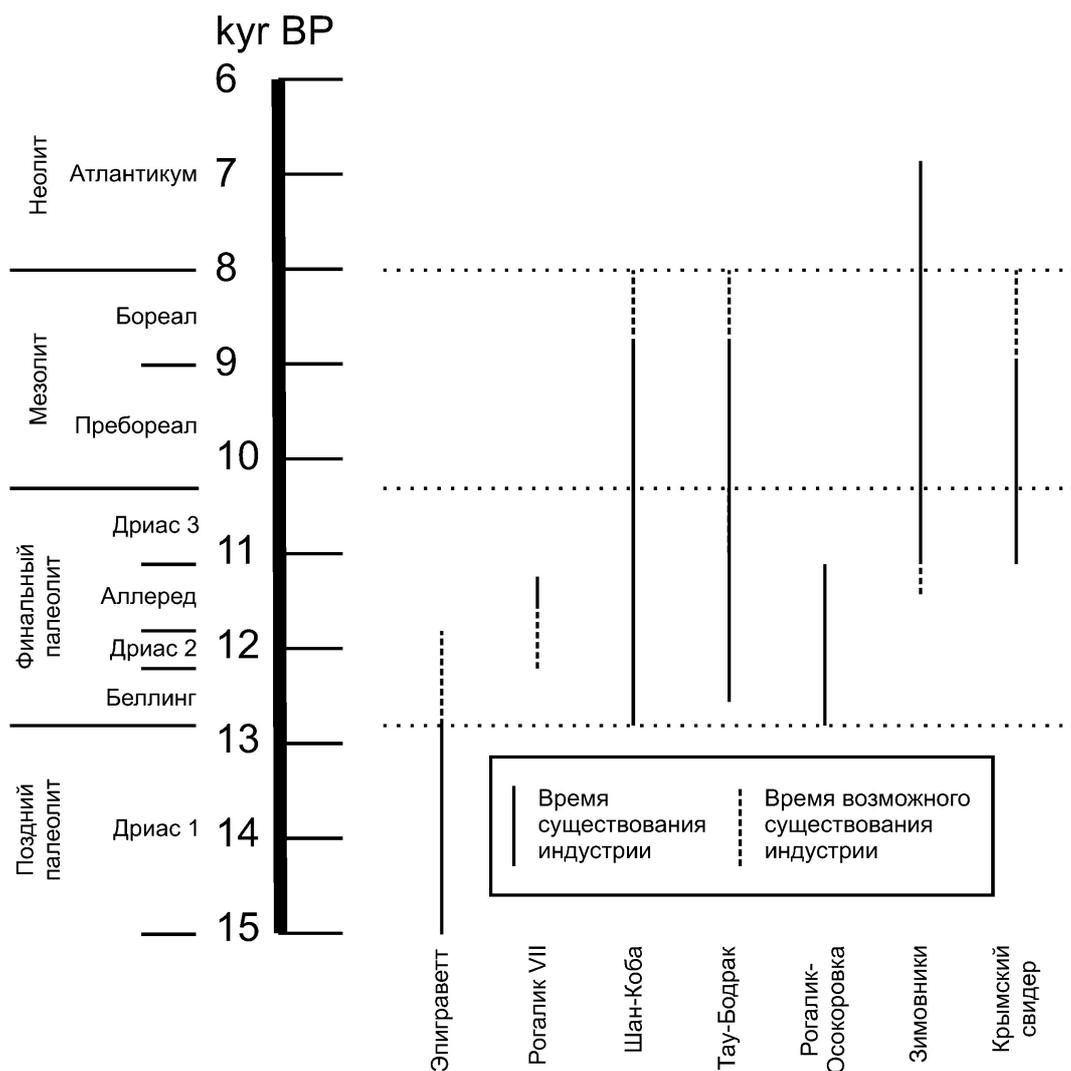

Рис. 2. Хронология финальнопалеолитических индустрий юга Украины

является присутствие в комплексах оснащения метательного вооружения геометрических микролитов, появление которых в данном случае является главным хронологическим маркером, позволяющим идентифицировать начало финального палеолита.

Таким образом, в финальном палеолите совершенно исчезает индустрия эпиграветта, доминировавшая на всей территории Украины в протяжении отрезка времени 18-13 ВР, зато появляются 5 новых индустрий с геометрическими микролитами. Закономерным представляется вопрос: почему так много? Следует ли это связывать с мозаичностью населения, различающегося по происхождению, с мощным потоком миграций, с хозяйственной спецификой финальнопалеолитического населения, с действием факторов, связанных с климатом и ландшафтом?

Далеко не на все поставленные вопросы можно ответить в настоящее время, вследствие слабой изученности проблемы, тем более, что большинство известных стоянок не исследованы методами естественных наук. Однако, как представляется, анализ кремневых комплексов, особенно артефактов, связанных с оснащением метательного вооружения, может в какой-то степени приблизить нас к пониманию процессов, происходивших в финальном палеолите юга Украины.

Микролитические комплексы финальнопалеолитических индустрий юга Украины

В таблице 3 систематизированы наши знания о геометрических микролитах финальнопалеолитических индустрий. Для анализа шан-кобинской индустрии использованы микролиты пачки слоев III Грота Скалистого. Тау-бодракская индустрия проанализирована на материалах той же стоянки. Для анализа

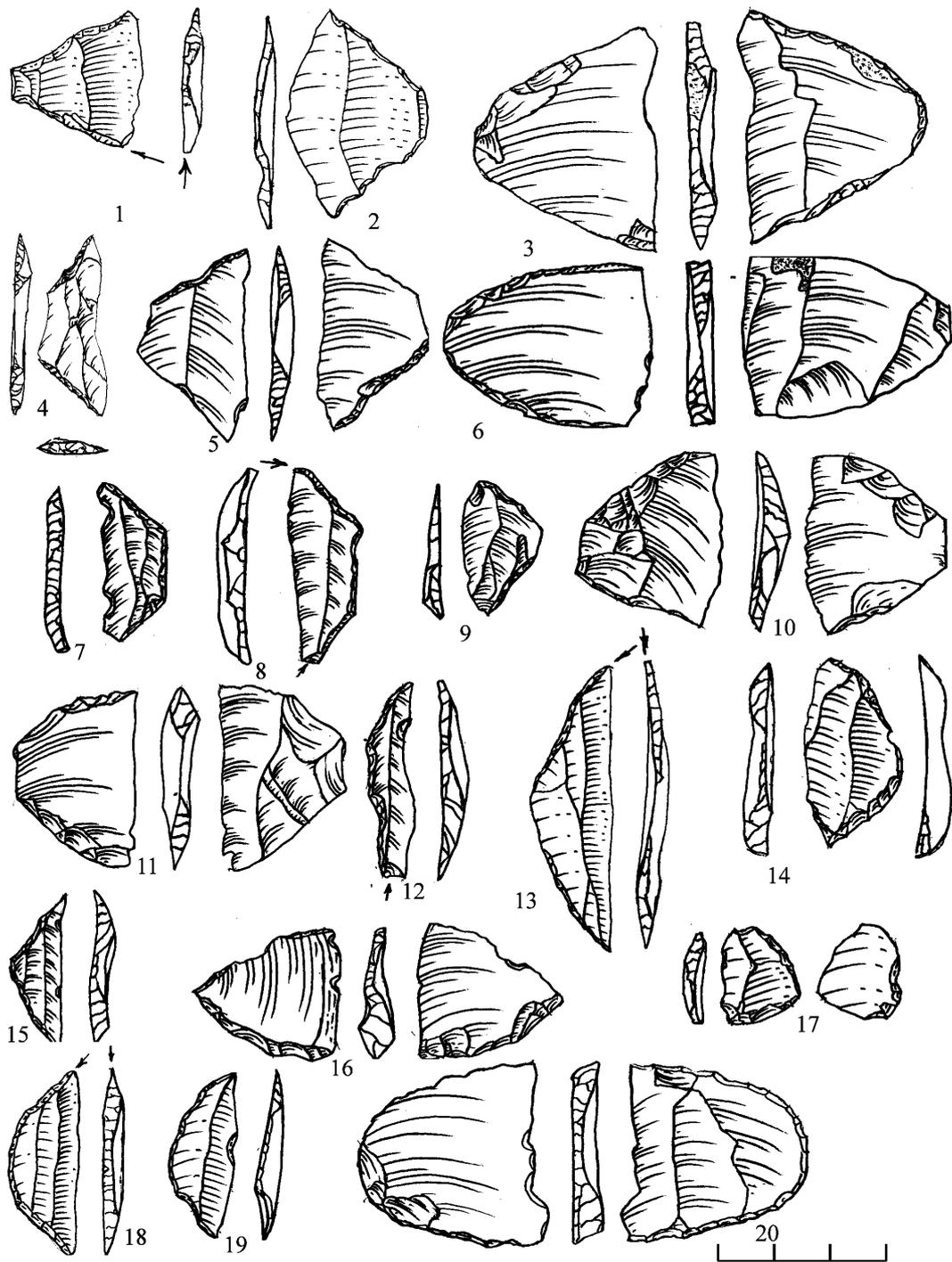

Рис. 3. Шан-кобинская индустрия, Грот Скалистый, пачка слоев III. Геометрические микролиты (1-2,4 -тип 1, 3 - тип 2, 5 - тип 3, 6 - тип 4, 7 - тип 5, 8 - тип 6, 9 - тип 7, 10 - тип 8, 11 - тип 9, 12 - тип 10, 13 - тип 11, 14 - тип 12, 15 - тип 13, 16 - тип 14, 17 - тип 15, 18 - тип 16, 19 - тип 17, 20 - тип 18)

рогаликско-осоковской и зимовниковской индустрий использованы практически все целые микролиты, известные в настоящее время. Как видно, известно их не так уж много, в сумме не более двух сотен микролитов. Анализ свидерской индустрии в настоящее время невозможен, поскольку данные по большинству комплексов опубликованы фрагментарно, понятно лишь то, что практически

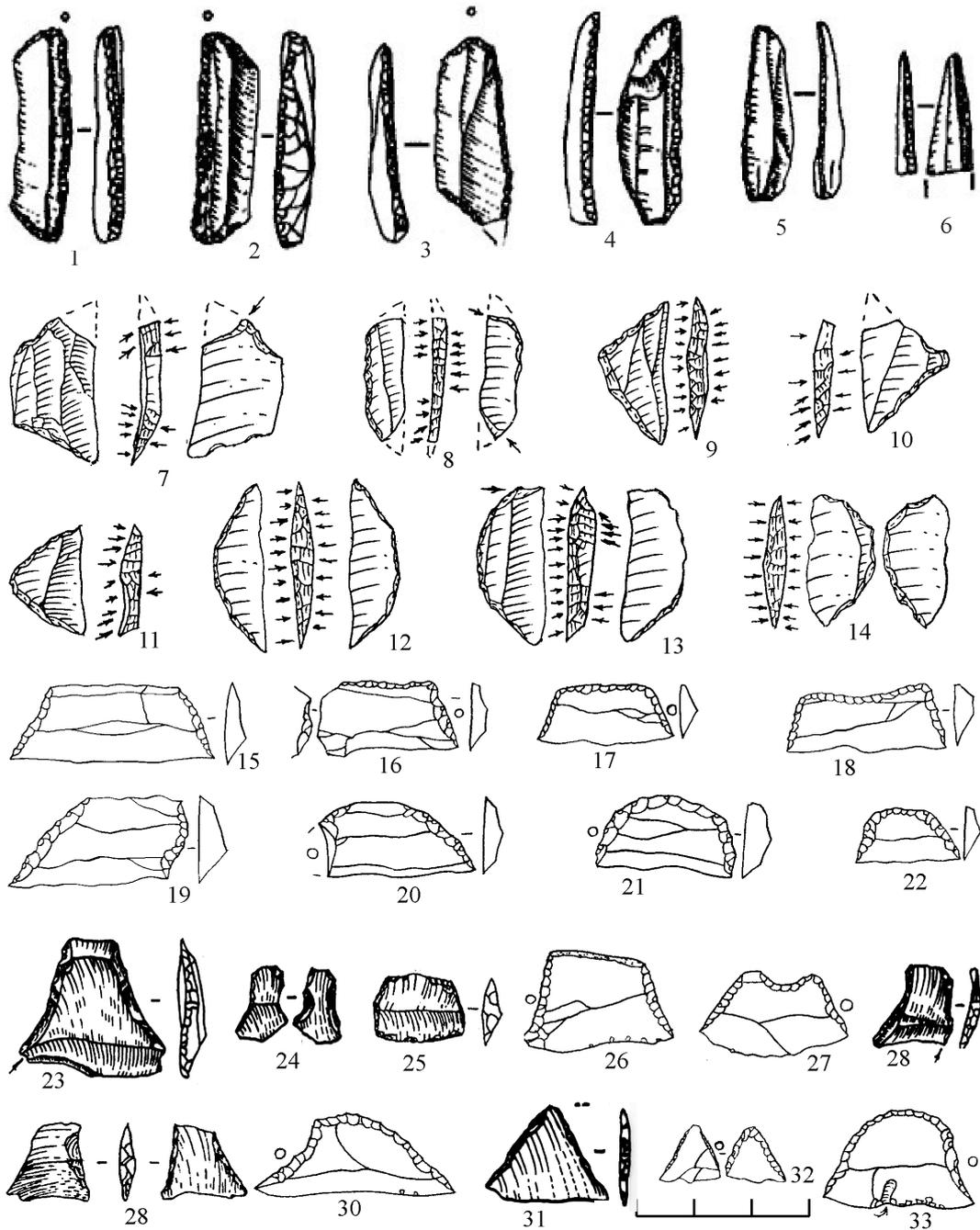

Рис. 4. Микролиты финальнопалеолитических индустрий Украины. 1-6. Рогалик VII (Горелик, 2001, с.148). 7-14. Тау-бодракская индустрия (7 – тип 2, 8 – тип 5, 9 – тип 10, 10 – тип 13, 11 – тип 15, 12-13 – тип 16, 14 – тип 17). 15-22. Рогаликско-осоковорская индустрия (Нужный, 2008, с. 39-41) (15 – тип 1, 16 – тип 3, 17 – тип 5, 18 – тип 6, 19 – тип 7, 20 – тип 11, 21-22 – тип 16). 23-33. Зимовниковская индустрия (рис.26-27, 30, 32-33: Нужный, 2001, с. 49) (23 – тип 1, 24 – тип 4, 25-26 – тип 5, 27 – тип 6, 28 – тип 7, 29 – тип 9, 30 – тип 10, 31 – тип 13, 32 – тип 14, 33 – тип 16)

все комплексы крымского свидера наряду со специфическими острьями содержат геометрические микролиты.

Как показывает таблица 3, кажущееся разнообразие геометрических микролитов и многообразие финальнопалеолитических индустрий, различаемых по данному критерию, является в достаточной степени иллюзорными. Всего мы можем различить 18 типов микролитов, в том числе 7 типов, представленных достаточно серийно (рис. 3, 4). Это типы 1, 5, 6, 7, 11, 13, 16 (табл. 3). Все эти

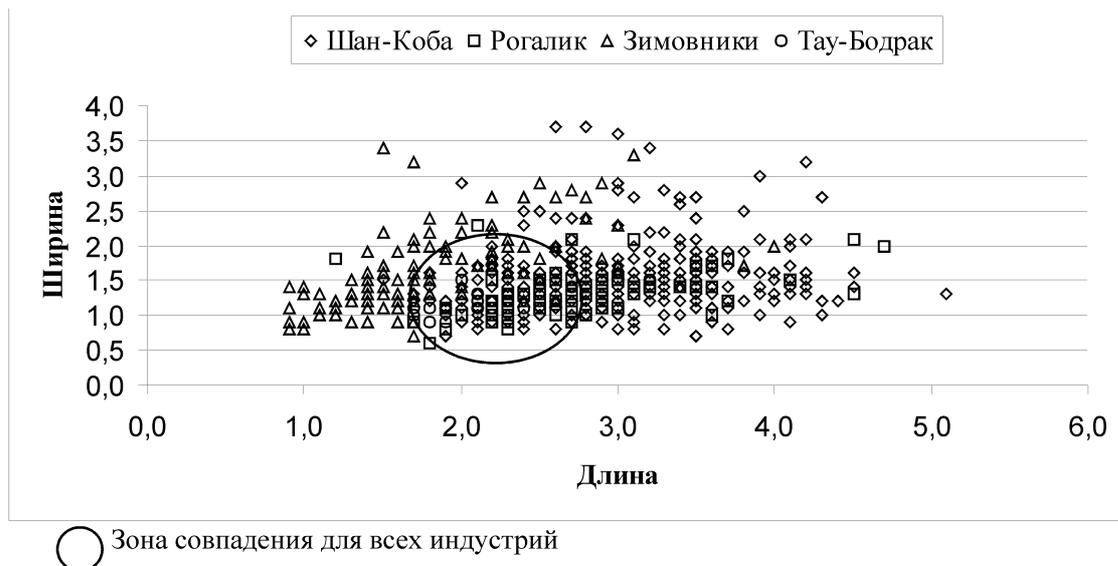

Рис. 5. Геометрические микролиты финального палеолита юга Украины (метрические данные)

типы свойственны для шан-кобинской индустрии и в той или иной степени всем прочим финальнопалеолитическим индустриям. Различия касаются лишь в преобладании в той или иной индустрии микролитов различных пропорций или технологических особенностей их изготовления.

Такие различия представлены в рис. 5 и более детально в рис. 6-9. Из этих рисунков-диаграмм отчетливо видно, что микролиты 4 индустрий, вписываясь в одну и ту же ограниченную типологическую систему, имеют также общую повторяемость по пропорциям. Исходя из сказанного, можно сделать два взаимоисключающих предположения.

Первое из них связано с допущением того, что шан-кобинская индустрия, демонстрирующая наибольшее разнообразие типов геометрических микролитов, была синтезирована в результате слияния нескольких типов индустрий с геометрическими микролитами. Такое допущение мало правдоподобно по нескольким причинам.

1. Распространение геометрических комплексов происходило из района южного Средиземноморья, южного Прикаспия, Загроса таким образом, что постепенно вовлекало в зону геометризации северные регионы. Учитывая это обстоятельство, трудно допустить, что зимовниковская и рогаликско-осоковская индустрии, известные лишь в регионах континентальной Украины, сформировали новую индустрию в Горном Крыму.

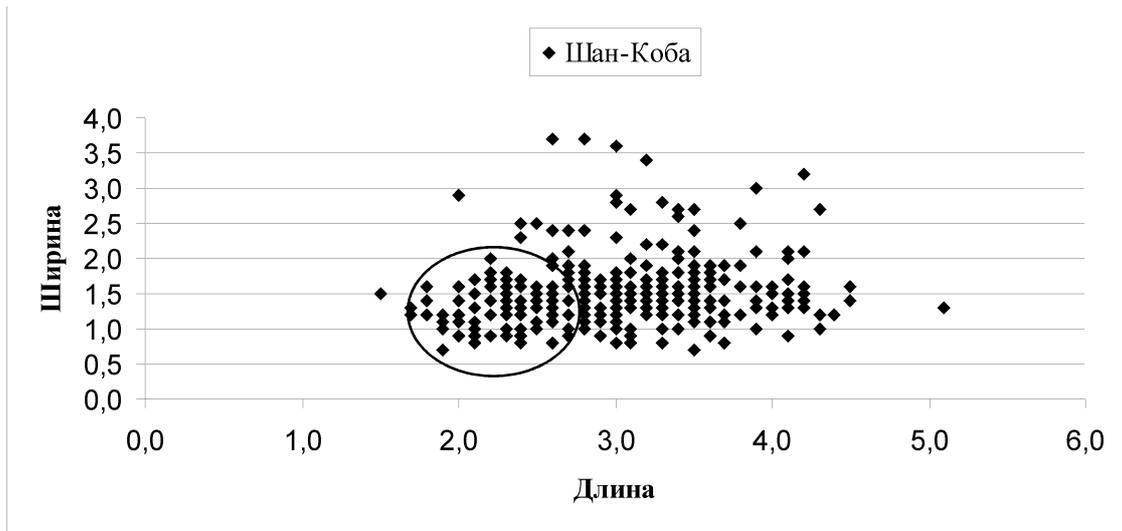
2. Рогаликско-осоковская индустрия не старше шан-кобинской. В то же время на всей территории Украины мы наблюдаем процесс замещения эпиграветтской индустрии рогаликско-осоковской. Учитывая ничтожную плотность населения в финальном палеолите, трудно найти причину, побудившую бы рогаликско-царинковское население совершить миграцию в Горный Крым, где плотность населения была гораздо выше и где необходимо было бы практиковать совершенно иные методы хозяйствования, нежели в степной зоне.

3. Зимовниковская индустрия, как было показано, при самых смелых допущениях, не могла возникнуть ранее конца аллереда, когда шан-кобинская индустрия уже имела почти двухтысячелетнюю историю. При этом, даже в самых древних шан-кобинских комплексах присутствуют высокие трапеции, наличие которых является основным маркером зимовниковской индустрии.

Второе допущение связано с тем, что процесс образования новых типов геометрических комплексов в регионах континентальной Украины связан с потоком населения из Крыма, связанного с шан-кобинской индустрией. Такое допущение более правдоподобно, в его подтверждение можно привести несколько аргументов.

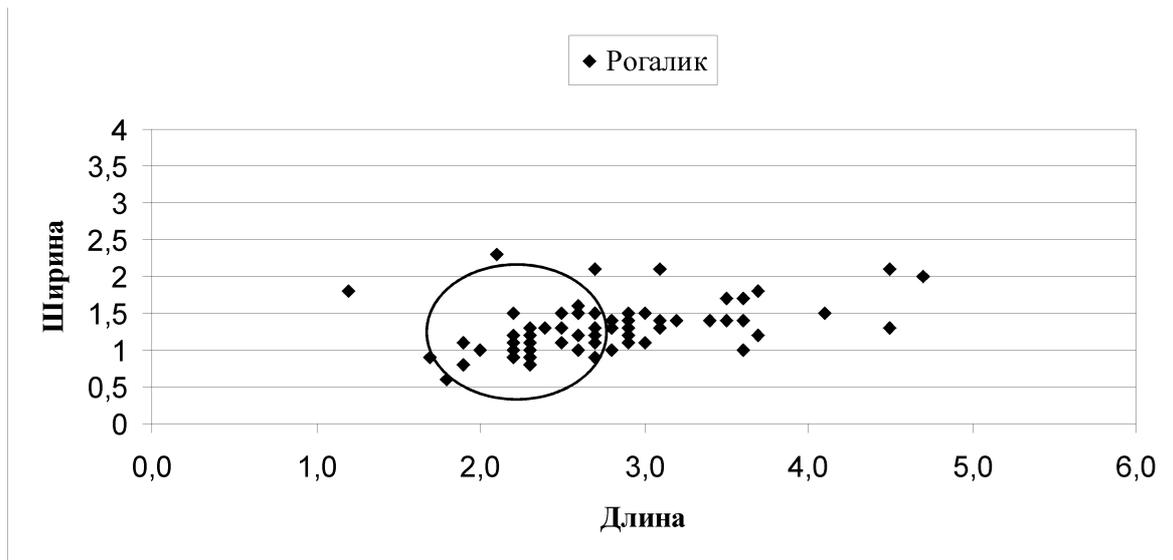
1. Факт наличия избыточного населения в Крыму подтверждается тем фактом, что уже в беллинге мы наблюдаем использование одних и тех же мест стоянок и, соответственно, ресурсов микрорегионов носителями разных индустриальных традиций.

2. Наличие шан-кобинских комплексов, являющихся более поздними, нежели в Крыму, в континентальной Украине: этот факт косвенно подтверждает движение избыточного населения в северном направлении.

○ Зона совпадения для всех индустрий

Рис. 6. Геометрические микролиты шан-кобинской индустрии (метрические данные)

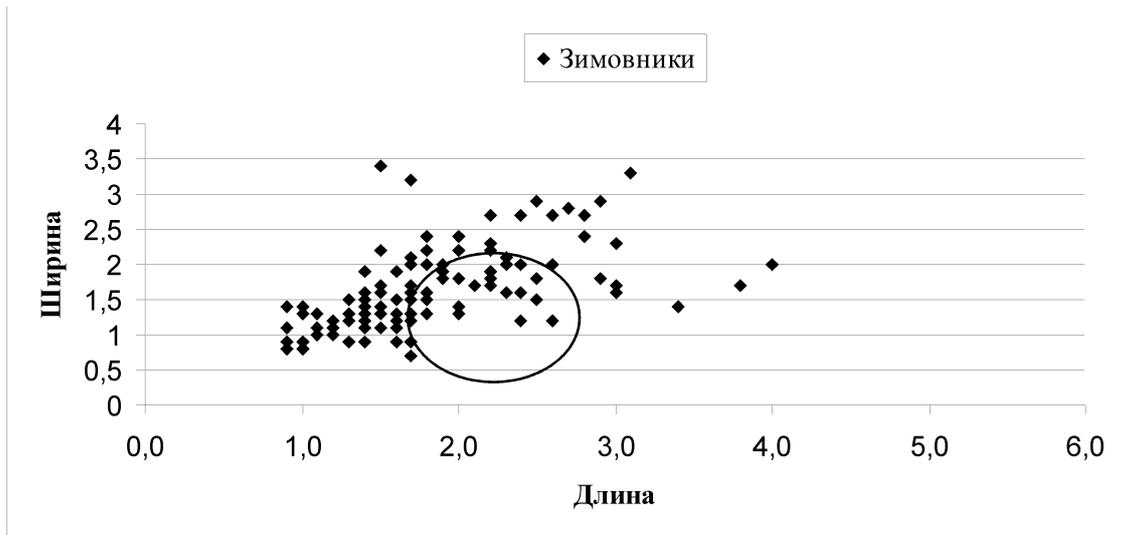

○ Зона совпадения для всех индустрий

Рис. 7. Геометрические микролиты рогаликско-осоковской индустрии (метрические данные)

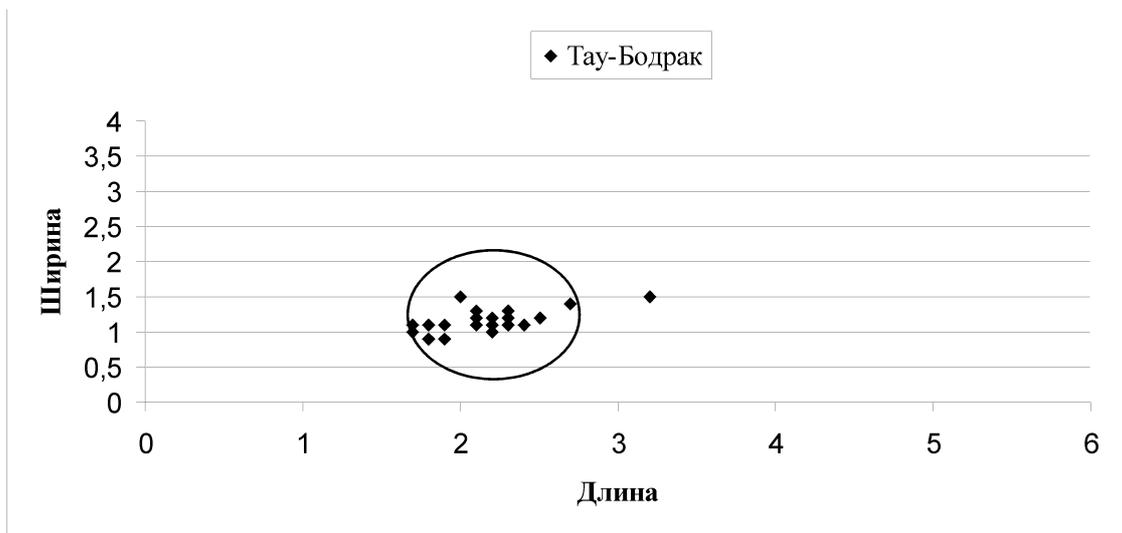
3. Население, мигрировавшее в северном направлении, могло в открытых пространствах континентальной Украины терять связь с родственными коллективами, продолжать свое развитие в изоляции. В этих условиях могли реализовываться абсолютно случайные модели в изготовлении орудий, связанных с оснащением метательного вооружения. Некоторые традиции могли утрачиваться. Напротив, традиции, которые являлись в Крыму побочными, могли становиться основными и закрепляться в качестве новой системы традиций.

4. Процесс, описанный для континентальной Украины, мог иметь место и в Горном Крыму, что привело к обособлению тау-бодракской индустрии. Причины этого, на мой взгляд, могли быть противоположны тем, что имели место на континенте. В Крыму, на мой взгляд, концентрация населения в горных регионах привела к существованию двух параллельных традиций, число носителей которых было достаточно велико, чтобы развиваться какое-то время в условиях игнорирования друг друга.

○ Зона совпадения для всех индустрий

Рис. 8. Геометрические микролиты зимовниковской индустрии (метрические данные)

○ Зона совпадения для всех индустрий

Рис. 9. Геометрические микролиты тау-бодракской индустрии (метрические данные)

Выводы

Не исключено, что процесс распространения в Украине индустрий с геометрическими микролитами связан с расселением носителей одной и той же индустрии из Крыма в северном направлении. На мой взгляд, данная миграция являлась всего лишь первым этапом более масштабного явления, связанного с периодическим оттоком крымского населения в северном направлении. В раннем голоцене этот процесс повторился как расселение носителей кукрекской индустрии. Как представляется, с расселением носителей таш-аирской индустрии связано формирование азово-днепровской культуры в атлантическое время. Таким образом, периодический отток населения из Крыма, начавшись в финальном палеолите, не прекращался ни в мезолитическую, ни в неолитическую эпохи и, таким образом, является неотъемлемой частью процесса неолитизации Украины.

**Таблица 3. Типология геометрических микролитов геометрических комплексов
финального палеолита юга Украины**

ТИПОЛОГИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ МИКРОЛИТОВ ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИ ЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ		ШАН-КОБА		ТАУ-БОДРАК		РОГАЛИК- ОСОКОРОВКА		ЗИМОВНИКИ		КРЫМСКИЙ СВИДЕР	
		Кол-во	Рис.	Кол-во	Рис.	Кол-во	Рис.	Кол-во	Рис.	Кол-во	Рис.
1.	Трапеция симметричная	119	2.1- 2,4	3	3.7	15	3.15	80	3.23	+	
2.	Трапеция симметричная с подтеской брюшка	1	2.3								
3.	Трапеция симметричная с противоположащей ретушью	2	2.5			1	3.16	1			
4.	Трапеция симметричная с ретушью с брюшка	2	2.6					1	3.24		
5.	Трапеция симметричная с ретушью по верхнему основанию	10	2.7	2	3.8	25	3.17	2	3.25- 26		
6.	Трапеция симметричная с выемкой на верхнем основании	5	2.8			23	3.18	2	3.27		
7.	Трапеция асимметричная	12	2.9			4	3.19	19	3.28	+	
8.	Трапеция асимметричная с подтеской брюшка	1	2.10								
9.	Трапеция асимметричная с ретушью с брюшка	1	2.11					1	3.29		
10.	Трапеция асимметричная с ретушью по верхнему основанию	3	2.12	3	3.9			1	3.30		
11.	Трапеция сегментовидная симметричная	62	2.13			1	3.20	1		+	
12.	Трапеция сегментовидная асимметричная	3	2.14								
13.	Треугольник симметричный	8	2.15	5	3.10			12	3.31	+	
14.	Треугольник симметричный с ретушью с брюшка	1	2.16					1	3.32		
15.	Треугольник асимметричный	2	2.17	1	3.11						
16.	Сегмент симметричный	58	2.18	41	3.12 -13	6	3.21 -22	1	3.33	+	
17.	Сегмент асимметричный	11	2.19	1	3.14						
18.	Сегмент асимметричный с противоположащей ретушью	2	2.20								
	Всего	303		56		85		121		+	

Список литературы

- Векилова Е.А.** К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II) // КСИА АН СССР. – Вып. 82. – 1961. – С. 143-149.
- Герасименко Н.П.** Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 3-64.
- Герасименко Н.П.** Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України. – Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – Київ, 2004. – 38 с.
- Горелик А.Ф.** Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье // СА. – 1984. – № 2. – С. 115-133.
- Горелик А.Ф.** Памятники Роголико-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. – Луганск: РВВ ЛШС, 2001. – 366 с.
- Манько В.О.** Комплекс нижнього шару стоянки Сабівка 1 і проблеми конвергентного розвитку археологічних культур у мезоліті // Археологія. – № 4. – 2004. – С. 35-52.
- Манько В.О.** Культурний шар III-3-X стоянки Грот Скелястий // Археологічні відкриття в Україні. – Киев, 2008.
- Манько В.А.** Проблемы развития шанкобинской индустрии в Крыму (по материалам раскопок стоянки Грот Скалистый) // II (XVIII) Всероссийский археологический съезд. – М.: Наука, 2008. – В печати.
- Нужний Д.Ю.** Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. – Київ: КНТ, 2008. – 308 с.
- Оленковський М.П.** Палеоліт та мезоліт Присивашся. Проблеми епігравету України. – Херсон: Придніпров'я, 2000. – 172с.
- Телегін Д.Я.** Мезолітичні пам'ятки України. – Київ: Наукова думка, 1982. – 255 с.
- Яневич О.О.** Дослідження багат шарової стоянки Буран-Кая 3 в 1997 та 1998 рр. // АДУ 1997-1998 рр. – 1998. – С. 157-158.
- Cohen V., Gerasimenko N., Rekovetz L., Starkin A.** Chronostratigraphie of Rockshelter Skalisty: implementations for the Late Glacial of Crimea // PrehistoireEuropeene. – Vol. 9. – 1996. – P. 326-356.
- Nuzhniy D.** The Ukrainian Steppe as a region of intercultural contacts between atlantic and mediterranean zones of european Mesolithic // Baltic-Pontic Studies. – Vol. 5. – 1998. – P. 102-119.

ВІСТРЯ ВЕРХНЬОПАЛЕОЛІТИЧНОЇ СТОЯНКИ РАДОМИШЛЬ І: ТЕХНІКО-ТИПОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА*

Історія вивчення

В цілому вістрям пам'ятки дослідники приділили значно менше уваги ніж, наприклад, різцям. Можливою причиною цього є їх мала кількість та відсутність яскравих культурновизначальних форм.

У польовому звіті про результати розкопок Радомишля І автор дослідження І.Г. Шовкопляс, зазначив: "Значительную группу изделий из кремня в Радомышле составляют острия на длинных ножевидных пластинах. Их концы и края тщательно оформлены ретушью. Такие острия, вероятно, служили наконечниками охотничьих дротиков" [Шовкопляс, 1957/1959, с. 16]. Схожа характеристика була дана ним і в першій публікації присвяченій цій стоянці. Порівняно зі звітом було поточнено параметри заготовки: " [...] вістря на довгих правильних, досить вузьких і тонких пластинах" [Шовкопляс, 1964, с. 96].

Свою, відмінну від опублікованої І.Г. Шовкоплясом, точку зору щодо вістер стоянки висловили лише кілька археологів. Зокрема, Г.П. Грігор'єв так характеризував вістря колекції Радомишля (не поділяючи її на окремі пункти): "Группа "ориньякских" острий, отделанных крутой ретушью, тоже довольно значительна, хотя чаще всего встречаются обломки таких острий, чем целые. Сплошная ретушь по обоим краям не изменяет формы заготовки, так что у них нет суженого, как у пластин Ишталлошко, или заостренного, как у молодых пластин, основания. Чаще всего эти пластины-острия асимметричны" [Григорьев, 1968, с. 51].

У двох виданнях монографії Д.Ю. Нужного, присвяченій розвитку мікролітичної техніки в кам'яному віці, немає характеристики такого типу вістер які зустрічаються на стоянці Радомишль І. Напевно, автор обійшов їх своєю увагою саме тому, що вони не підпадають під визначення "мікроліт". Натомість, він згадував вістря Радомишля І як приклад технологічних попередників "прамікролітів" – вістер Пушкарів І та Ключів [Нужный, 1992, с. 23, 111, 163; 2008, с. 29, 131, 192]. За Д.Ю. Нужним, колекції Радомишля І притаманні: "[...] своєрідні асиметричні й симетричні вістря на масивних платівках, оброблені на бойовій частині досить похилою ретушшю [...]" [Нужный, 1992, с. 165; 2008, с. 194]. Дослідник називає їх "наконечниками металльної зброї", "наконечниками загостреного типу в масивній зброї", "наконечниками на платівках". В іншій статті Д.Ю. Нужний описує вістря Радомишля І як симетричні на пластинах оформлені напівстрімкою і похилою ретушшю [Nuzhnyi, 1999, p. 195].

Техніко-типологічна характеристика

Загалом на пункті Радомишль І було виявлено близько 12 тис. кам'яних знахідок. Знаряддя становлять 1869 одиниць, з яких 62 – вістря. Всі вони виготовлені із кременю. Поверхня вістер, як і у решти виробів, здебільшого, заліскована та патинувана. Бойова частина оформлена ретушуванням. Заготовками частіше виступали пластини, рідше – відщепи.

Для проведення детального аналізу (attribute analysis) вістер стоянки були використані наступні основні критерії.

За *обрисом бойової частини* виділяються вістря конвергентні та гостроконечники. До "вістер конвергентних" віднесено знаряддя, робоча (бойова) частина яких оформлена двояко-випуклим або прямо-випуклим загострюючим сходженням двох ретушованих або одного необробленого та одного ретушованого латеральних країв. "Гостроконечники" – вістря, бойова частина яких утворена сходженням двох ретушованих або одного необробленого та одного ретушованого латеральних країв.

□ Дослідження виконане в рамках українсько-російського науково-дослідного проекту "Матеріальна культура мисливців на мамонта та північного оленя. Дністер – Десна: порівняльний аналіз", що здійснюється за результатами спільного конкурсу НАН України та РГНФ – 2007-2009 (проект № 27-03/07-01-91105а/Ук).

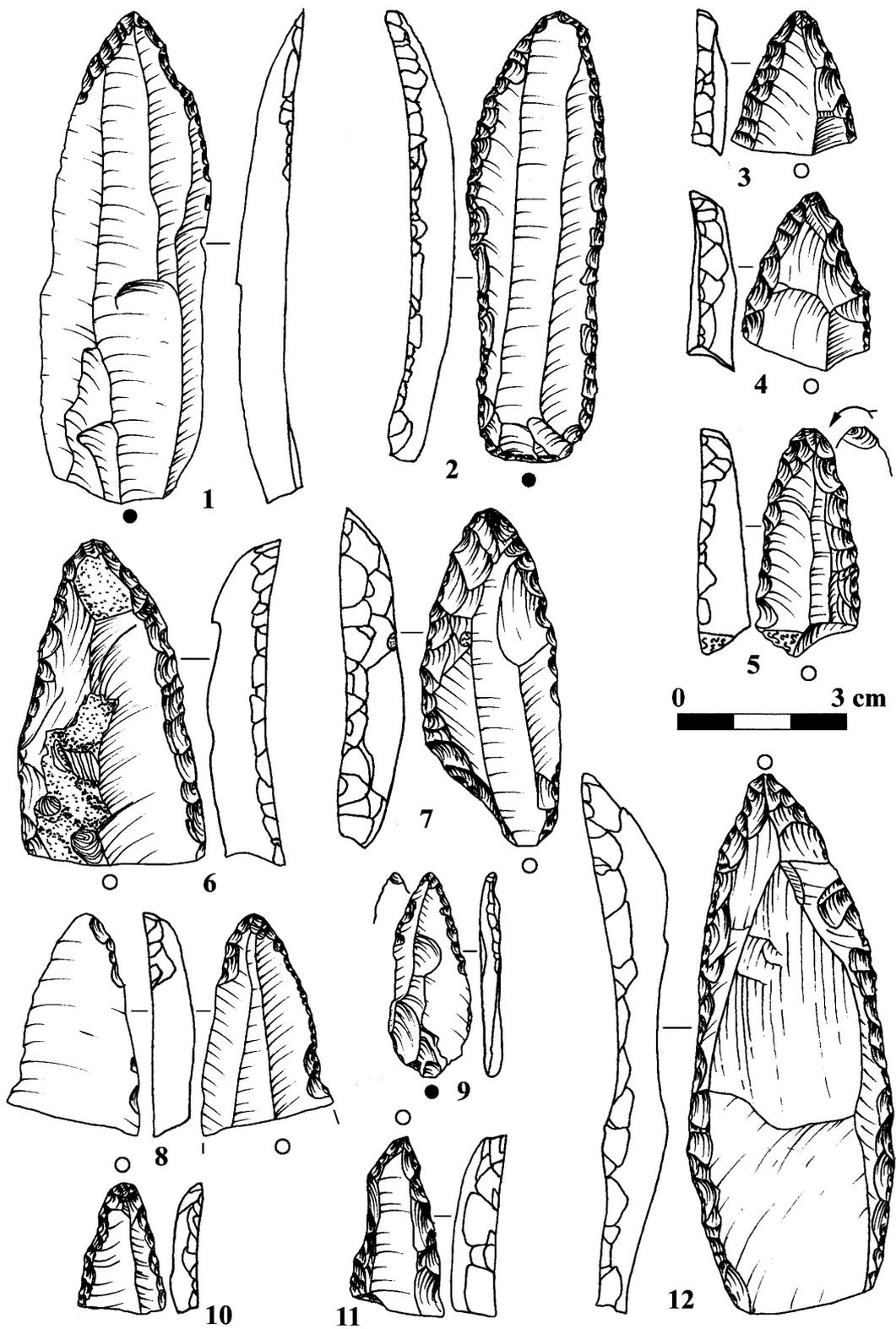

Рис. 1. Радомишль I. Вістря конвергентні білатеральні симетричні на пластинах

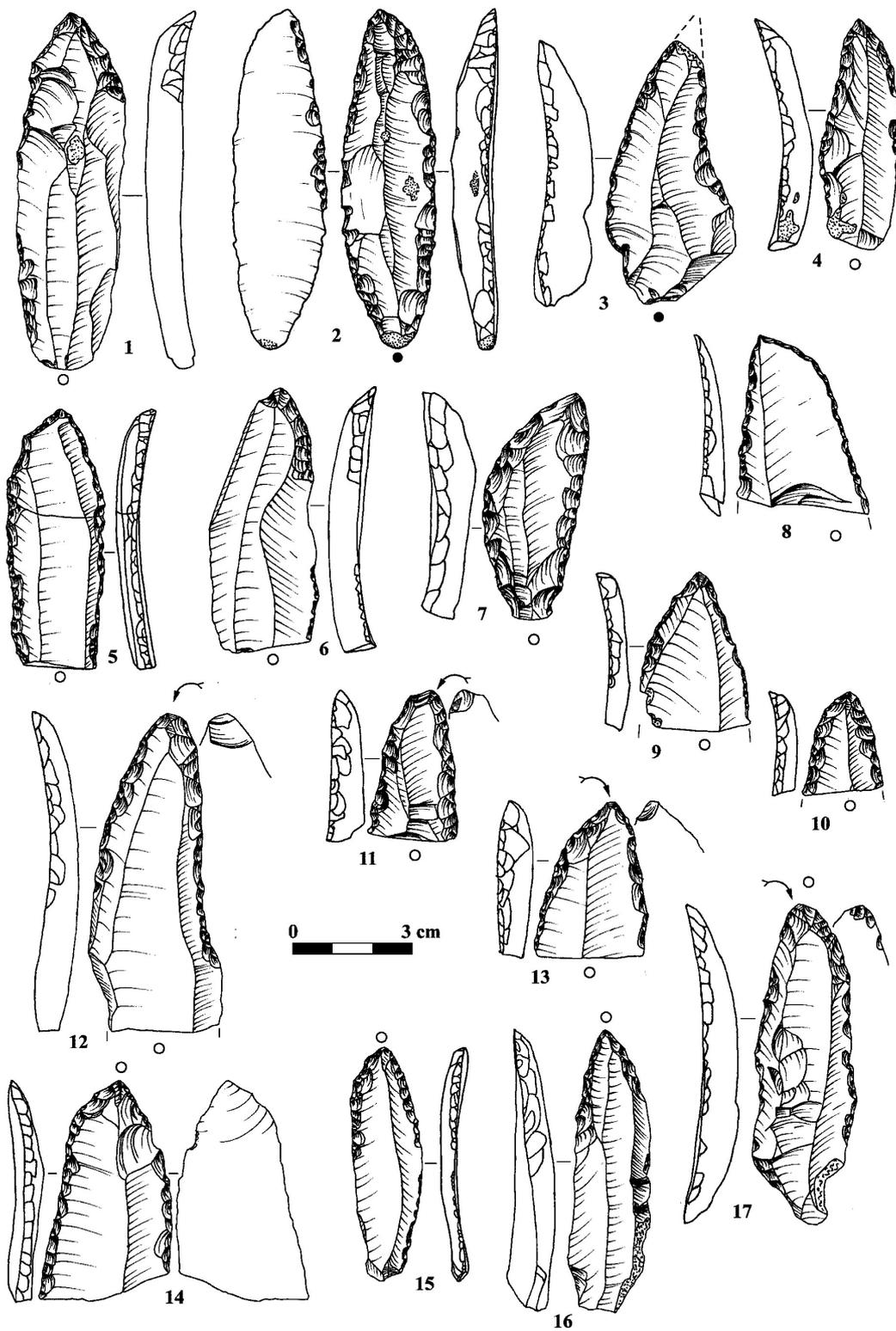

Рис. 2. Радомишль I. Вістря конвергентні білатеральні асиметричні на пластинах

За вторинною обробкою латеральних країв вістря поділяються на латеральні та білатеральні. До перших віднесено зброя з лише одним ретушованим краєм бойової частини. Відповідно, білатеральні вістря мають бойову частину, сформовану двома ретушованими краями.

Також вістря групуються за розміщенням ретуші на сторонах заготовки – на дорсальній, на вентральній стороні, з альтернативним ретушуванням.

За орієнтацією бойової частини відносно вісі зброя вістря бувають симетричними та асиметричними, а за розміщенням бойової частини на кінці заготовки – на дистальній або на проксимальній частині.

Важливою є і локалізація ретуші на зброї – вздовж всього краю вістря, вздовж частини краю, та лише на бойовій частині; тип ретуші – пласка (пригострююча), стрімка, напівстрімка, оріньяцька (східчаста), дрібна тощо.

Як вже згадувалося, колекція пам'яток нараховує 62 вістря, що становить 3,3% загальної кількості зброї. Крім цього в ній присутні 16 зброя, які на думку автора, є вістрями, переформованими у різці (рис. 4, 7, 8). Відповідно, ці вироби розглядаються в категорії різців [Кононенко, у друці]. У колекції також є 2 фрагменти, що, напевно, є черешками вістер (рис. 4, 5, 6). Вістря, комбіновані з іншими категоріями зброї наразі не виявлені. Надалі у роботі розглядаються лише 62 типологічно "чистих" вістря.

Конвергентні вістря (57 екз.) домінують над гостроконечниками (5 екз.) (рис. 4, 1, 2, 3), а білатеральні (61 екз.) над латеральними (1 екз.). При цьому єдине латеральне вістря представлено зброєю з пошкодженням з одного краю кінчиком бойової частини (рис. 4, 4), що робить беззаперечним його віднесення до цього типу. Дорсально ретушовані вістря представлені 61 екземпляром. На двох з них крім дорсальної зафіксовано нерегулярну часткову ретуш використання на вентральній стороні (рис. 2, 2). Альтернативно ретушоване вістря представлено 1 виробом.

За орієнтацією бойової частини відносно вісі зброя вістря Радомишля I розпалися на дві приблизно однакові групи – симетричні (33 екз.) та асиметричні (29 екз.). Також не спостерігається значної різниці між асиметричними вістрями, бойова частина яких скошена у правий (17 екз.) чи лівий (12 екз.) бік відносно вісі зброя (при погляді на дорсальну сторону).

Більш диференційованим є розміщення бойової частини щодо кінців заготовки. Переважають вістря з "дистальною" бойовою частиною – 49 екз., проте, є й непоодинокі випадки її розміщення на проксимальній частині – 13 екз. (рис. 1, 10-12; 2, 15-17; 3, 6, 8, 10; 4, 3), в т.ч. і на самому відбивному горбку (рис. 2, 14; 3, 7). Таке співвідношення (рис. 4, 1) зберігається як для фрагментованих, так і для цілих вістер.

За локалізацією ретуші на зброї переважають випадки суцільного ретушування краю/країв заготовки (див. табл. № 1). При цьому перевага надавалася напівстрімкій ретуші, за наявності поодиноких зброя, оформлених пласкою (пригострюючої).

Таблиця 1. Конфігурація розміщення ретуші оформлення бойової частини

Тип вістря / конфігурація ретуші	К-сть	Рис.
<i>Латеральне вістря</i>		
ретуш часткова	1	4, 4
<i>Білатеральні вістря</i>		
суцільна ретуш вздовж двох країв	31	1, 2-6, 10-12; 2, 2,3,5,7-11,13,14; 3, 1,3,5,6,10; 4, 1
1 край повністю, 2-й частково	9	1, 7; 2, 2,12,17; 3, 4; 4, 2
1 край повністю, 2-й – оформлена лише бойова частина	8	1, 8; 2, 1, 3, 2,9
безперервна часткова ретуш двох країв	5	2, 15; 3, 7,8
1 край частково, 2-й – оформлена лише бойова частина	6	1, 1, 9; 2, 6,16
з двох країв ретушню оформлена лише бойова частина	2	4, 3
<i>Всього</i>	62	

Цілеспрямована вентральна підправка будь-якої частини вістря відсутня. Є поодинокі випадки, коли на вентральній стороні зустрічається нерегулярна, дрібна ретуш використання або спрацьованості. Спостережено кілька випадків виділення основи вістря або ж черешка. Так двічі зафіксовано дорсальну підправку основи зброя (рис. 1, 2; 3, 3). В 4 випадках – виділення черешка (рис. 1, 7, 17; 2, 7). Простежено кілька слідів макрозносу на бойовій частині (рис. 1, 5; 2, 11-13; 3, 6).

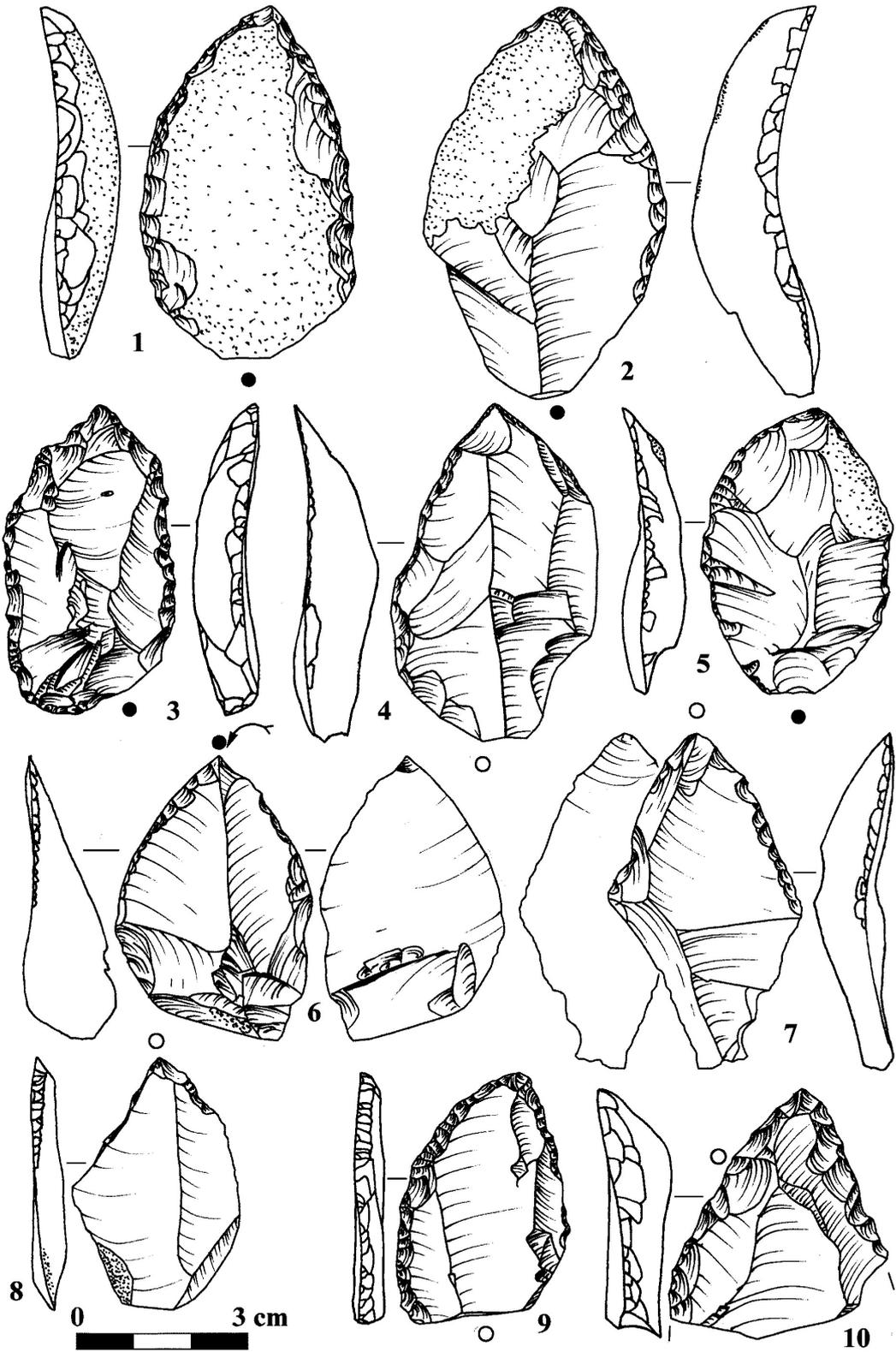

Рис. 3. Радомишль I. Вістря конвергентні білатеральні симетричні (1-8), асиметричні (9, 10) на відщепі

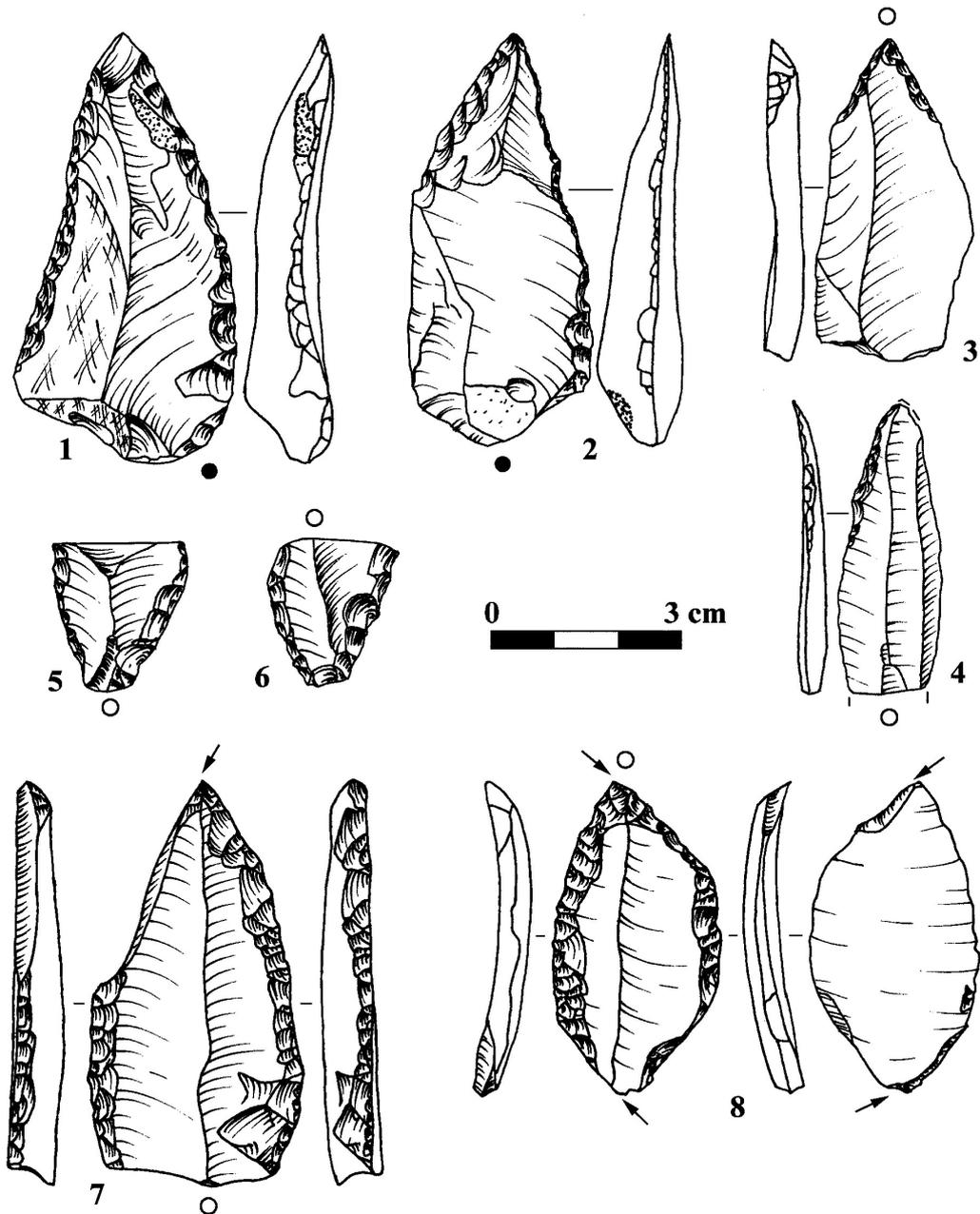

Рис. 4. Радомишль I. Гостроконечники (1-3); вістря конвергентне латеральне симетричне на пластині (4); "черешки" вістер (5, 6); вістря переоформлені в різці (7, 8)

Окремо варто згадати незначну серію білатеральних симетричних вістер на відщепі підовальної форми (рис. 3, 1, 2, 4-6). На приналежність цих знарядь саме до вістер вказує те, що як і у решти вістер цієї колекції, їх бойова частина – власне проколюючий кінець, оформлена білатеральною дорсальною напівстрімкою ретушшю. При цьому вона жодного разу не була виділена "плечиками", і не мала по краях з вентральної сторони слідів використання, притаманних проколкам.

Заготовками вістер стоянки виступали як пластини (46 випадків), так і відщепи (16 випадків). Огранка більше двох третин заготовок має паралельний напрям сколювання. Спостережені нечисленні випадки біповздовжнього, ортогонального, конвергентного сколювання, дві реберчасті пластини. Площини сколів (визначаються лише в 21 випадках) гладкі (10 екз.), точені (6 екз.), двогранні (2 екз.), кірка (2 екз.), фасетована (1 екз.).

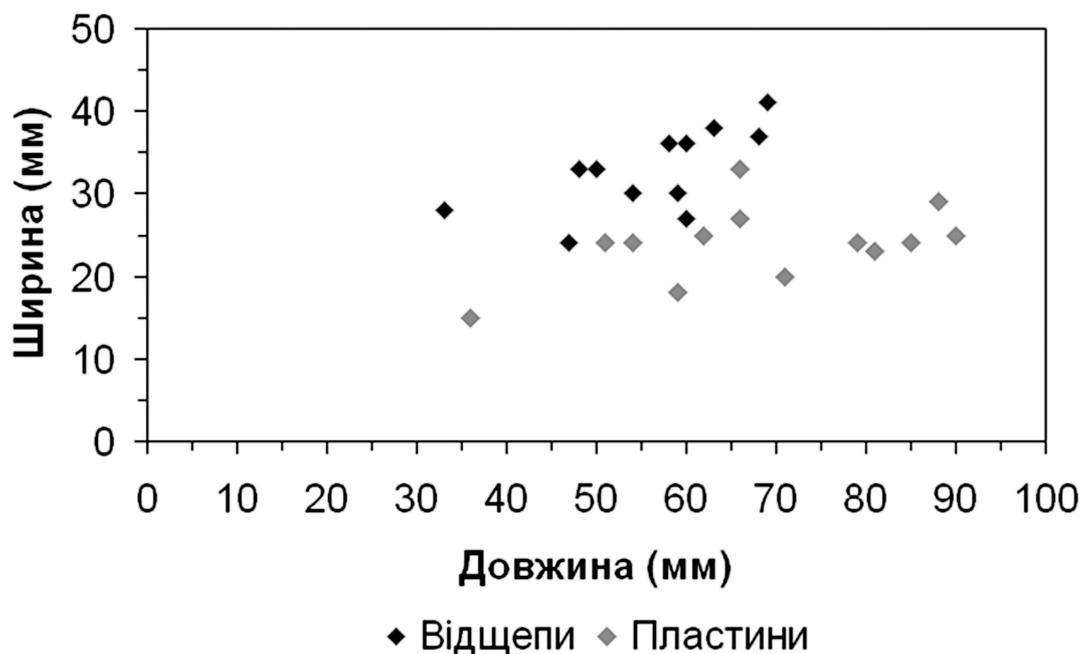

Рис. 5. Діаграма співвідношення параметрів заготовки вістер Радомишль I

Проведений аналіз колекції вістер стоянки Радомишль I свідчить, що її мешканці особливу увагу приділяли зміцненню бойових частин зброї, часто нехтуючи стандартизацією їх загальної форми та підготовкою основи для подальшого кріплення. У виборі заготовки рівність її профілю не відігравала вирішальної ролі – у переважній більшості він є більше чи менш вигнутим. Розміри заготовок цілих зброї коливаються в діапазоні: довжина – 33–90 мм, ширина – 15–41 мм, товщина – 3–14 мм. При цьому, як видно на діаграмі співвідношення параметрів заготовок (рис. 5), вони розпадаються на дві групи. Перша, кількісно більш чисельна група, включає як відщепи так і пластини, довжина яких коливається у діапазоні 50–70 мм, а ширина – 25–40 мм. Другу групу утворили лише пластини видовжених пропорцій довжиною 80–90 мм та шириною 25–30 мм.

Пошук аналогій

Як видно з наведеної характеристики, колекцію вістер стоянки Радомишль I можна назвати показово сталою. Майже всі зброї цієї категорії конвергентні білатеральні дорсально-ретушовані. Показовою є і цілковита відсутність у них будь-якої вентральної підправки. Така одноманітність може свідчити на користь гомогенності колекції пункту. Про це свідчить і повна відсутність у ній вістер з притупленим краєм (в т.ч. пластинок та мікропластин з притупленим краєм), діагонально тронкованих, вістер з боковою виїмкою тощо, які визначають специфіку інвентарю більшості пам'яток верхнього палеоліту.

У археологічній літературі є поширеною думка, що, з урахуванням територіальної та часової близькості, найбільш подібними до вістер Радомишля I є зброї стоянки Пушкарі I. Так ще І.Г. Шовкопляс писав: "Близкие к ним острия встречены, например, на стоянке ориньякско-солютрейского времени Пушкарі I на Десне" [Шовкопляс, 1965, с. 112]. Схожість матеріалів цих двох стоянок припускає і В.І. Беляєва [Беляєва, 2004, с. 252].

Дійсно, судячи за малюнками із публікацій М.Я. Рудинського [Рудинський, 1947, табл. II, III] та П.Й. Борисковського [Борисковський, 1953, с. 216-219] матеріали Пушкарів I містять окремі вироби, подібні до вістер Радомишля I. Але, як справедливо зауважила В.І. Беляєва, вони " [...] різноманітні як по суті виготовлення на різних заготовках так, вероятно, и по характеру використання" [Беляєва, 2004, с. 252], на відміну від вістер Радомишля I, представлених виробами з досить сталим набором ознак.

Значну подібність до вістер Радомишля I демонструють вістря дністровської стоянки Рашків 7 (Молдова), відомі автору за рисунками у публікації. Їм так само притаманна білатеральність, і, що є

найбільш показовим, відсутність вентральної підправки. Так само як і у Радомишлі I увага приділяється виділенню бойової частини при "нехтуванні" підправки основи знаряддя [Кетрару, Григор'єва, Коваленко, 2007, с. 89-90, рис. 54-55]. Але, враховуючи, що колекція цієї стоянки вважається змішаною [Демиденко, Нужний, 2003-2004, с. 519], порівнювати матеріали обох пам'яток слід з певною засторогою.

Подібні по морфології речі зустрічаються на різночасових та різнокультурних пам'ятках України – Королево II (шар 2), Липа 6 (шар 5), Молодове 5 (шар 6), Кабазі II (горизонт II/1), [Gladilin, Demidenko, 1989; Usik, 1989; Usik, Monigal, Kulakovskaya, 2000; Савич, 1975, с. 63-64; Черниш, 1961, с. 82, рис. 26; Чабай, 2004, с. 63-69; Chabai, 2006, р. 22, 27]. Є вони і на Близькому Сході – стоянки Ksar 'Akil шари XVI-XVII (Ліван), Üçağizli cave, шар В-В4 (Туреччина) [Нужний, 1992, с. 169; 2008, с. 199; Nuzhnyi, 1999, р. 195; Kuhn et al., 2001], а також на Балканах – стоянки Temnata Cave, Vacho Kiro, шар 11 (Болгарія) [Otte, Kozłowski, 2001, р. 21-22]. Але поруч з вістрями, подібними до виявлених у Радомишлі I, їх колекції містять вістря з фасетованими площадками чи дорсально-підправленою основою.

Отже, наразі автор не може назвати жодної верхньопалеолітичної пам'ятки з набором вістер аналогічним виявленому у Радомишлі I, що не містила б при цьому вістер інших типів.

Список літератури

- Беляева В.И.** Орудия и морфологические формы кремневого инвентаря Пушкаревских стоянок // Археологический альманах. – № 16. – Донецк: Лебедь, 2004. – С. 251-262.
- Борисковський П.И.** Палеолит Украины. – МИА. – № 40. – 1953. – 464 с.
- Григор'єв Г.П.** Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – 324 с.
- Демиденко Ю.Э., Нужний Д.Ю.** Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И.В. Сапожникова "Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины" // Stratum plus. – 2003-2004. – №1. – С. 507-523.
- Кетрару Н.А., Григор'єва Г.В., Коваленко С.И.** Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. – Кишинев: Business-Elita SRL, 2007. – 185 с.
- Кононенко О.М.** Різці верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I: технологія, типологія, статистика. У друці.
- Нужний Д.Ю.** Развитие микролитической техники в кам'яному віці. – Киев: Наукова думка, 1992. – 187 с.
- Нужний Д.Ю.** Развитие микролитической техники в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців (видання друге, доповнене). – Киев: КНТ, 2008. – 308 с.
- Рудинський М.** Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті // Археологія. – 1947. – т. I. – С.7-22.
- Савич В.П.** Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині. – Киев: Наукова думка, 1975. – 136 с.
- Чабай В.П.** Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 323 с.
- Шовкопляс И.Г.** Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР по раскопкам Радомишльской стоянки в 1957 и 1959 гг. – НА ІА НАНУ – № 1957-1959/12. – 19 с.
- Шовкопляс І.Г.** Палеолітична стоянка Радомишль (Попереднє повідомлення) // Археологія. – 1964. – Т. XVI. – С. 89-102.
- Шовкопляс И.Г.** Радомишльская стоянка — памятник начальной поры позднего палеолита. // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. – М., 1965. – С. 104-116.
- Шовкопляс І.Г.** Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту // Археологія. –1971. – № 3. – С. 13-21.
- Chabai V.P.** The Western Crimean Mousterian and Micoquian at Kabazi II, Units A, II, II A and III: Environment, Chronology and Artefacts // Kabazi II: the 70000 years since the last interglacial. – Simferopol-Cologne: Шлях, 2006. – P. 1-36.
- Gladilin V.N., Demidenko Yu.E.** Upper Palaeolithic stone tool complexes from Korolevo // Antropologie. – Т. XXVII/2-3. – Brno, 1989. – P. 143-178.
- Kuhn S., Stiner M., Resse D., Güleç E.** Ornaments of the earliest Upper Paleolithic: New insights from the Levant // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America – 2001. – vol. 98. – № 13. – P. 7641-7646.
- Nuzhnyi D.** Technology of projectile points on Blades: some aspects of origin and fate // Tanged points cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 194-201.

Otte M., Kozłowski J.K. Constitution of the Aurignacian through Eurasia // The chronology of the Aurignacian and of the transitional technocomplexes. Dating, stratigraphies, cultural implications. *Trabalhos de Arqueologia*. – № 33. XIVth Congress of the UISPP. – Liege, 2001. – P. 19-27.

Usik V.I. Korolevo – transition from Lower to Upper Palaeolithic according to reconstruction data // *Antropologie*. – T. XXVII/2-3. – Brno, 1989. – P. 179-212.

Usik V.I., Monigal K., Kulakovskaya L. New perspectives on the Transcarpathian Middle to Upper Paleolithic boundary // *When Neanderthals and Modern Human met?* – Tubingen: Kerns Verlag, 2006. – P. 213-232.

НОВІ ДОСЛІДЖЕННЯ ГРАВЕТСЬКОЇ СТОЯНКИ ТРОЯНОВЕ 4 ПІД НОВОМИРГОРОДОМ У 2007 РОЦІ

На початку 80-х років ХХ ст. великий ентузіаст археології краєзнавець з м. Новомиргорода на Кіровоградщині П.І. Озеров відкрив численні пам'ятки кам'яного віку в басейні р. Велика Вись. Сировинною базою нового куша палеолітичних стоянок у Центрі України були відслонення крем'яної сировини в районі с. Коробчине, що за 10 км західніше райцентру Новомиргород. Найбільш дослідженою з них є граветська стоянка Троянове 4 [Залізняк та ін., 2007 а, б, в].

З моменту відкриття у 1983 р. П.І. Озеров систематично відвідував пам'ятку з метою збору підйомного матеріалу. Він неодноразово показував як саме місцезнаходження, так і зібрані на ньому кремені, різним дослідникам з Інституту археології НАН України (О.В. Цвек, Л.В. Кулаковській, В.М. Степанчуку, Л.Л. Залізняка). Стаціонарні розкопки на пам'ятці розпочалися навесні 2006 р. експедицією в складі співробітників відділу археології кам'яного віку ІА НАНУ Л.Л. Залізняка, В.М. Степанчука, М.Т. Товкайла, Д.О. Ветрова, І.В. Сапожникова, викладачів кафедри археології КНУ ім. Т.Шевченка М.І. Гладких, С.М. Ригова, студентів Черкаського педагогічного університету на чолі з викладачем М.В. Сиволапом та Національного університету "Києво-Могилянська академія". Протягом 2006 р. досліджено 25 м² пам'ятки, а результати робіт опубліковані [Залізняк та ін., 2007 а, б, в].

У липні-серпні 2007 р. розкопки Троянового 4 продовжилися археологічною експедицією Національного університету "Києво-Могилянська Академія" під керівництвом Л.Л. Залізняка та Д.О. Ветрова. Активну участь в роботах брав П.І. Озеров, керівники практики студентів – Ю.В. Кухарчук, В.О. Шумова, С.В. Конча, Н.Д. Довженко та студенти магістри та бакалаври НаУКМА, що проходили археологічну практику в експедиції. За польовий сезон 2007 р. було досліджено 20 м² пам'ятки, а також шляхом буріння ручним буром виявлено і прошурфовано ще два скупчення аналогічного знайденому в розкопі кременю – Троянове 4В та Троянове 4С.

Виявлена розкопками 2007 р. стратиграфія та планіграфія культурного шару, як і власне знахідки, значною мірою ідентичні матеріалам та результатам досліджень попереднього 2006 р.

Стоянка розташована на місці між двома відвершками Троянкової балки, за 500 м на північний захід від крайніх хат с. Троянове Новомиргородського району на Кіровоградщині. Підйомний матеріал залягав нерівномірно, кількома скупченнями на площі приблизно 100х50 м на оранці південно-західної частини мису, який піднімається над поверхнею ставка на 20 м. Виявлено три скупчення однотипного крем'яного матеріалу. Розкоп 2006, 2007 рр. закладений на центральному скупченні Троянове 4, а скупчення Троянове 4В та 4С прошурфовані.

Стратиграфію пам'ятки подаємо з врахуванням палеогеографічних досліджень Ж.М. Матвіїшиної та О.Г. Пархоменка, які працювали на стоянці в липні 2007 р. Якщо на місці розкопу скупчення Троянове 4А частина четвертинних відкладів над культурним шаром була частково змита, то в межах скупчень Троянове 4С та 4В стратиграфічна колонка не постраждала від ерозійних процесів.

У шурфі на місці скупчення Троянове 4С крем'яні вироби залягали нижче голоценового ґрунту на глибині 1-1,2 м від поверхні, в бузькому лесі, який на глибині 2,4 м підстиляється вітачівським похованим ґрунтом. Аналогічні умови залягання простежені і у скупченні Троянове 4В. На місці розкопу (скупчення Троянове 4А) крем'яний матеріал також знайдено під сучасним ґрунтом, але безпосередньо під тонким орним шаром. У даному конкретному випадку чорнозем потужністю 0,8-0,9 м з поступовим зниженням вмісту гумусу з глибиною і чітким карбонатним ілювієм був змитий і заміщений тонким (0,3 м) шаром оранки, який ліг безпосередньо на бузький лес, що вміщував культурний шар стоянки.

Тобто, в усіх трьох скупченнях пам'ятки кремені залягали практично на одному стратиграфічному рівні – у верхній частині бузького лесу, що утворився під час максимуму похолодання більше 20 тис. років тому. Ж.М. Матвіїшина та О.Г. Пархоменко вважають, що такі макро- та мікрморфологічні ознаки лесу, як освітленість, відсутність перетворення ґрунтовими процесами, типова лесова структура агрегатів (діаметром до 0,02-0,04 мм) і переважно пилюватих зерен первинних мінералів з карбонатно-глинистими плівками і оболонками, розділених розгалуженою сіткою звивистих пор, свідчать про умови швидкого еолового лесонакопичення за межами льодовикової зони, але при існуванні на відстані зони пониженого тиску над льодовиком, що сприяло

формуванню режиму антициклону. Вітри по периферії антициклону перевіювали моренний матеріал зандрових рівнин з виносом пилу на південь, що створило передумови для формування лесових відкладів. Леси, що вміщують артефакти, схоже формувалися в холодному або помірно-холодному степу з поширенням зріджених лісів і чагарників в долинах річок та в балках.

Розкоп 2006 р. площею 6x4 м було закладено на найбільш насиченій підйомним матеріалом південній ділянці стоянки, на краю ледь помітної западини, що утворилася на місці давнього ярка чи невеличкої балки. Краї западини мають світліший колір внаслідок змиву ґрунту і руйнування плейстоценових суглинків оранкою. Свідченням такого руйнування є чіткий кордон між тонким (усього 0,2 м) шаром чорнозему та підстилаючим його палевим лесоподібним суглинком, що містить оброблений кремій. Руйнування плугом верхнього горизонту культурного шару і спричинило концентрацію палеолітичних кременів на оранці вздовж краю згаданої западини.

Розкоп 2007 р. площею 20 м² прирізаний до розкопу 2006 р. у західному та південному напрямках. Культурний шар досліджувався, як і в попередній 2006 рік, в метровій сітці координат, горизонтами потужністю 10 см, які розбиралися ножами та лопатами. Шар пересіювався, а потім промивався через сито з отворами 3x3 мм. У розкопі знахідки зустрічалися з поверхні до глибини 0,9 м. Але найбільша їх концентрація пов'язана з глибинами 0,3-0,7 м. У межах розкопу глибше 1 м культурні рештки відсутні. На поверхні та в гумусі більшість кременів мали молочно-білу патину та ушкодження плугом внаслідок тривалого перебування в орному шарі. Патинізація артефактів із суглинків нерівномірна. Вапнякова кірка вкривала більшість кременів із суглинків, особливо їх нижній бік.

Горизонтальне положення кременів у культурному шарі, їх гострі краї, що не мають ушкоджень через переміщення матеріалу природними факторами свідчать про непорушеність шару. Очевидно культурний шар стоянки нижче переораного гумусу не перевідкладався. Матеріали в усій його товщі типологічно і морфологічно однорідні тобто гомогенні. Про це свідчать знахідки фрагментів артефактів, які залягали на різній глибині, але виявилися уламками одного виробу. Значна товща єдиного культурного шару (приблизно 0,3-0,7 м від поверхні) можливо пояснюється швидким темпом накопичення лесів, тим більше що ділянка мису зі стоянкою має невеликий ухил у бік балки. Не можна виключати можливості переміщення по вертикалі землерійними тваринами невеликої частини дрібних кремійців.

Більшість матеріалу з розкопу 2006 р. походить з великого скупчення різноманітних сколів та нуклеусів у південно-західному кутку розкопу. Це скупчення крем'яного бою з окремими знаряддями продовжувалося в стінку розкопу у південно-західному напрямку. Саме у цей бік прирізано розкоп 2007 р., який однак не вичерпав об'єкт, оскільки скупчення продовжилося далі на південний-захід та особливо на південь. У цей бік планується прирізатися в наступному 2008 р. Цей своєрідний точок з первинної обробки кременю містив також завершені знаряддя – різці, скребла на великих первинних відщеплах, пластини з ретушю. Поєднання інтенсивної первинної обробки кременю з виразними серіями завершених знарядь дає підстави віднести пам'ятку до стоянок-майстерень.

Крем'яним виробам властиві великі розміри. Багато відщепів завбільшки з долоню товщиною 2-3 см і більше. Знайдено численні уламки великих пластин, ширина яких нерідко перевищує 4 см і часом сягає 5-6 см. Все це разом з великими, масивними, не до кінця спрацьованими нуклеусами свідчить про багату сировинну базу мешканців пам'ятки.

Сировиною для виготовлення знарядь на стоянці слугували досить великі жовна якісного темно-сірого кременю з первинних родовищ. Судячи з неекономного використання сировини родовище розташоване десь неподалік від пам'ятки. Крем'яна сировина з околиць с. Коробчино, що усього за 5 км на південний захід від стоянки, в основній масі відрізняється кольором і гіршою якістю порівняно з кременем стоянки Троянове 4, що дало підстави для припущень про походження кременю з Троянового з якогось невідомого родовища. Однак 2007 р. великі жовна дуже схожого на троянівський кременю знайдено в одному з ярів с. Коробчине, де могло бути джерело сировини для мешканців стоянки.

Два роки розкопок не виявили в культурному шарі пам'ятки справжніх фауністичних решток, хоча нечисленні дрібні фрагменти кісток, знайдені в процесі промивання культурного шару, дають надію на знахідку фауністичних решток у майбутньому. Наявність виразних різців для обробки кістки та рогу свідчить, що фауністичні рештки на стоянці були, але скоріш за все погано збереглися через несприятливий хімічний склад відкладів, у яких вони залягали. Цей висновок підтверджують дані трасології – частина знарядь стоянки несе сліди роботи з кісткою чи рогом.

Колекція кременю з розкопу 2007 р. стоянки Троянове 4, що зберігається в ІА НАНУ, нараховує 4888 артефактів.

Первинна обробка кременю, судячи з великих відбивних горбків первинних відщепів та відбійників на шматках кременю із зірчатою забитістю, відбувалася із застосуванням жорсткого

кременяного відбійника. Знайдені великі одно- та двоплощинні нуклеуси з ортогнатними чи злегка скошеними площинами (рис. 1). Серед двоплощинних представлені як однобічні (рис. 1, 1), так і двобічні S-подібного профілю. Знайдено дуже велике сплюснене одноплощинне ядрище розміром 20 x 22 см, з негативами пластин шириною до 6 см. Великі нуклеуси несуть сліди зняття крупних, досконалих пластин (рис. 1, 1). Їхні площини ретельно підправлені поперечними сколами, представленими в колекції кількома виразними авіважами.

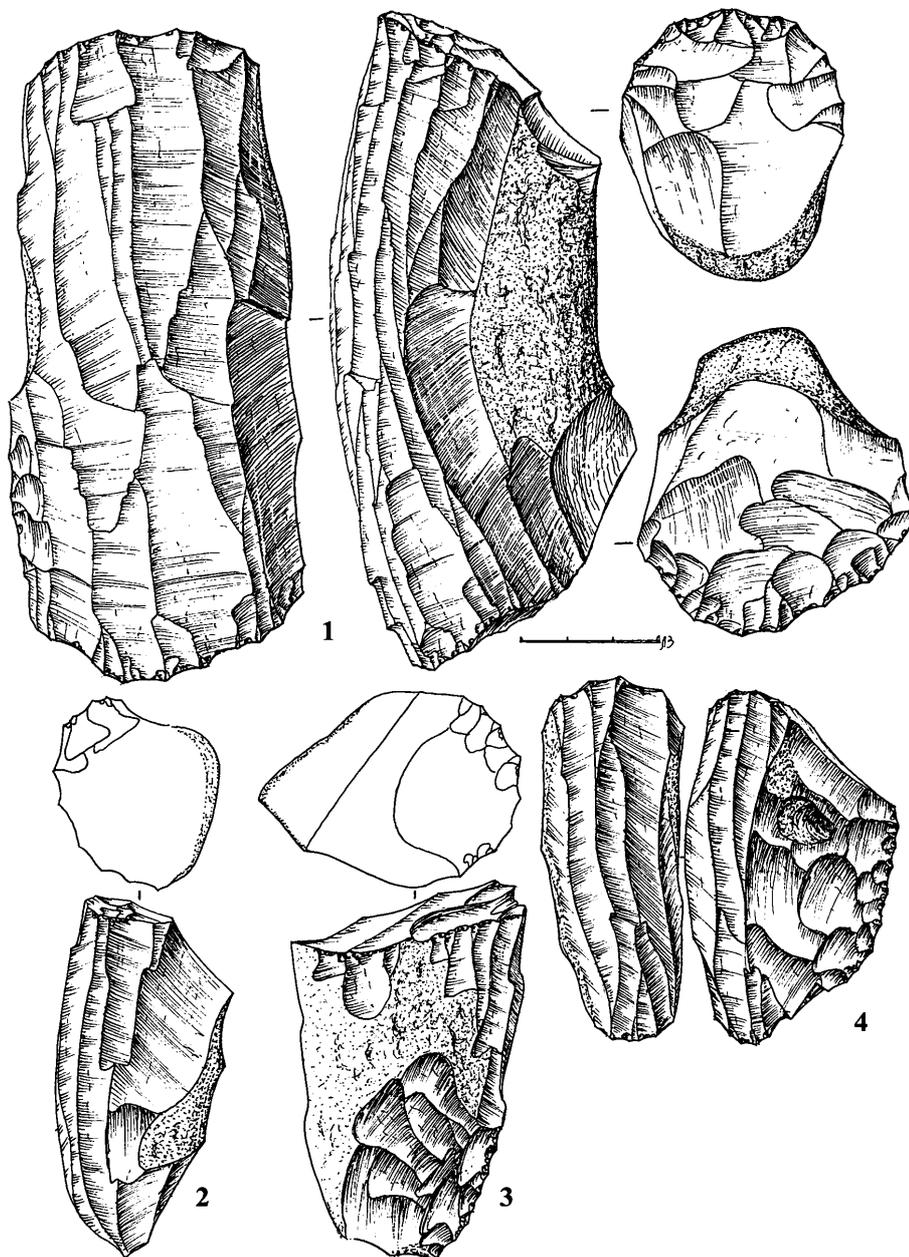

Рис. 1. Троянове 4-2007. Нуклеуси

Показовою особливістю є неглибокі негативи відбивних горбків сколів, перш за все пластин. Зняті з великих призматичних нуклеусів пластини демонструють плаский і широкий відбивний горбок з нависаючим над ним краєм ударної площини, так званою "губкою". Саме такі особливості властиві техніці сколювання досконалих пластин за допомогою м'якого (рогового ?) відбійника, яка є характерною ознакою обробки кременя багатьох гравецьких пам'яток прильодовикової Європи.

Застосування м'якого рогового відбійника пояснює повну відсутність звичайних для більшості палеолітичних пам'яток відбійників з таких кристалічних порід як граніт чи гнейс.

Поряд з великими ядрищами з ортогнатними чи злегка скошеними площинами зустрічаються і значно менші (рис. 1, 2-4). Присутні одно- та двоплощинні нуклеуси зі скошеними площинами (рис. 1, 2-4).

Як зазначалося, колекції властиві значні розміри пластинчастих заготовок знарядь. Переважна більшість виробів з ретушню зроблена на великих і дуже великих пластинах. 90% з них мають ширину від 2 до 4 см і навіть більше (рис. 2).

Розвинена техніка отримання досконалих, великих пластин Троянового 4 контрастує з широким використанням значних за розміром первинних відщепів для виготовлення знарядь, особливо зі скребковою функцією. Аналіз сколів пам'ятки свідчить про те, що певна частина продукції розщеплення на Трояновому 4 не призначалася для безпосереднього використання на місці. Колекція сколів демонструє ознаки відсортованості: в матеріалах стоянки, схоже, відсутня певна частина пластин. Все це дає підстави визначити пам'ятку, як спеціалізовану стоянку-майстерню з транспортуванням частини продукції за межі стоянки [Залізняк та ін., 2007, с. 108].

Виробів зі слідами ретуші досить багато – 316 екземплярів, що становить більше 6% усіх знахідок. Однак переважна більшість з них морфологічно невиразні. Зокрема 80-ма екземплярами представлені аморфні відщепи та уламки кременю з ретушню, 77 скребел на первинних відщепях переважно неправильної форми, більше 100 пластин зі спорадичною ретушню та псевдоретушню, що виникла внаслідок їх використання у трудових операціях. Лише десяту частину виробів з ретушню (31 екз. або близько 0,6% знахідок) можна віднести до морфологічно завершених ретушованих знарядь. Отже структуру комплексу виробів з ретушню визначають п'ять головних категорій знарядь: різці, скребачки, пластини з ретушню, пластинки та вістря з притупленим краєм та скребла на відщепях.

Найбільш виразною категорією комплексу є різці (рис. 2, 6-11, 13-17). Більшість виготовлена на великих і дуже великих, досить масивних пластинах. Часом пластини мають грубу, ступінчасту ретуш чи ретушовані скобелеподібні виїмки по довгих краях (рис. 2, 10, 11, 14-16). Значна частина знарядь дійшла до нас в уламках (рис. 2, 7, 8, 10, 11, 14). Однак вцілілі екземпляри (рис. 2, 13, 15-17) дають уявлення про справжні розміри значної частини цих інструментів. Шість різців – на куту зламаної пластини (рис. 2, 6-8). Сім – бічних ретушних (рис. 2, 10, 11, 13-17), три – серединні (рис. 2, 9). Частина різців подвійні (рис. 2, 13).

На тлі яскравої серії різців скребачки виглядають невиразно. Звертає на себе увагу висока скребачка з носиком орін'якоїдного типу на відщепі. Знайдено 2 атипові скребачки на пластині та відщепі (рис. 2, 18, 21). Деякі пластини з ретушню мають скребкоподібні заокруглення на кінцях (рис. 2, 20, 26).

Невиразні скребачки пам'ятки компенсуються численною серією (77 екз.) грубих скребел на великих первинних відщепях. У більшості випадків ретуш груба, несистематична. Часом це псевдоретуш, що утворилася по краю масивних первинних відщепів, внаслідок їх використання в якості скребел.

Уламки великих пластин з ретушню – найчисленніша категорія ретушованих виробів стоянки – 128 екз. Разом з тим, зазначимо, що по справжньому ретушованих знарядь не багато. Добре ретушований один чи два довгі краї мають лише з десяток пластин (рис. 2, 12, 22-26). Переважна більшість виробів має нерегулярну, часто спорадичну ретуш або псевдоретуш, що виникає на крайках пластин внаслідок їх використання у різноманітних трудових операціях. Подібна нерегулярна ретуш присутня і на крайках пластинчастих заготовок різців. Часто на краю пластини є одна чи дві ретушовані виїмки, які свідчать про використання артефакту в якості скобеля по кістці, рогу чи дереву. Знайдена пластина з круто ретушованою виїмкою на кінці.

Відзначимо досить несподівану знахідку біфасу розміром 10x5,5 см товщиною 3 см. Висловлено думка, що знахідка являє собою заготовку нуклеусу зі спеціально підготовленим поперечними сколами ребром для зняття первинної реберчастої пластини. Однак цьому припущенню суперечать значні розміри нуклеусів стоянки. Величина найменших залишкових ядрищ дорівнює, а часом і перевищує розміри згаданого біфасу. Г.В. Сапожникова, після трасологічного обстеження артефакту, визначила його функцію як "рубало по кістці", яким розрубували або трошили кістку.

Культуровизначальними виробами для пам'яток кам'яної доби є оснащення металеві зброї. В комплексі з розкопу 2007 р. наявні 3 уламки пластинок з притупленим краєм (рис. 2, 1-2). Вони притуплювалися крутою, як правило зустрічною ретушню, яка далеко заходила в тіло заготовки. В колекції є дві пластинки зі скошеним крутою ретушню кінцем, одна з яких (рис. 2, 5) можливо демонструє початковий етап виготовлення гравецького вістря.

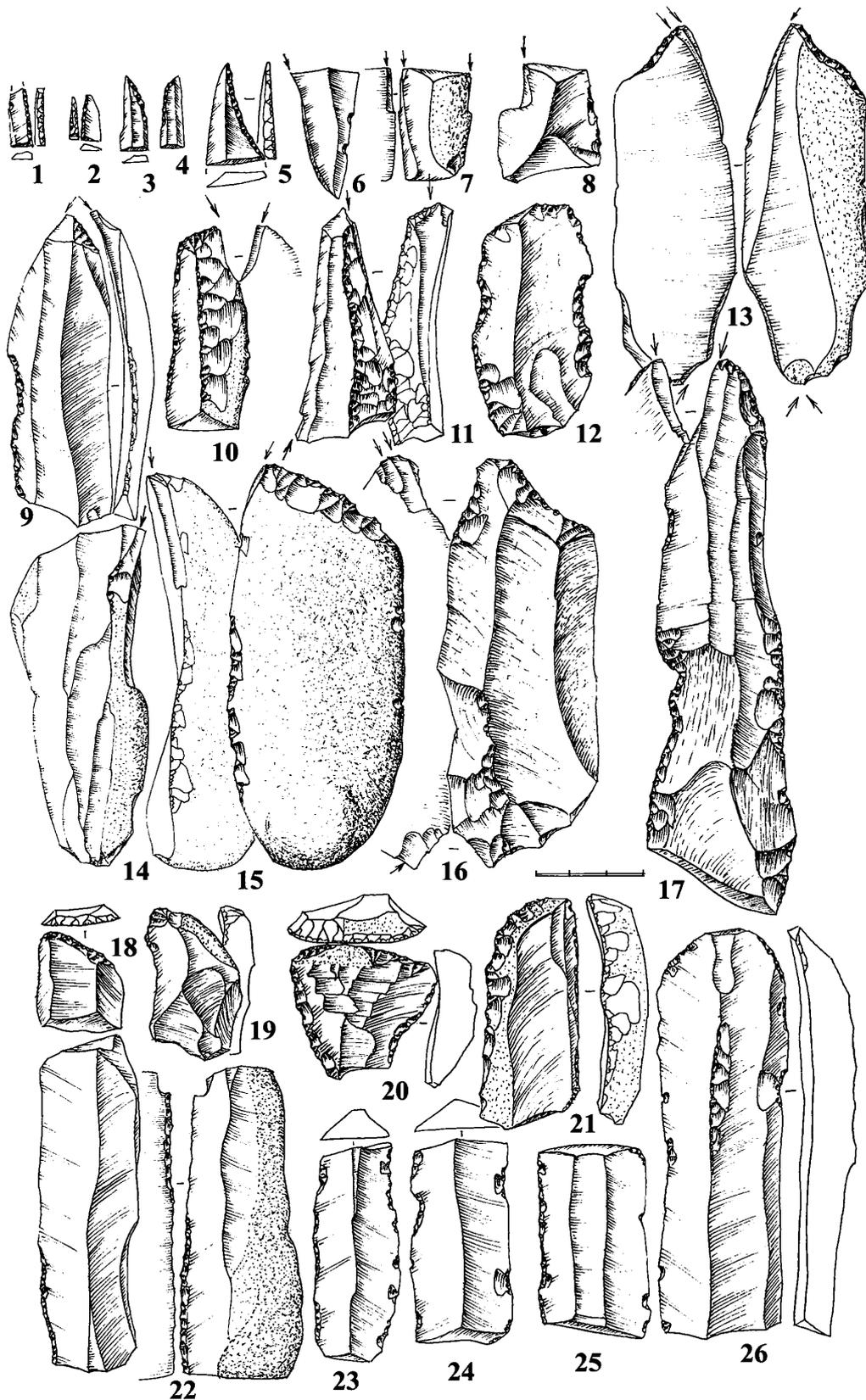

Рис. 2. Троянове 4-2007. Знряддя

Особливості виготовлення мікрівкладнів з притупленим краєм, разом з іншими характеристиками крем'яного комплексу Троянового 4 (техніка м'якого відбійника, набір різців, ніж костенківського типу), властиві носіям граветських культурних традицій середнього етапу верхнього палеоліту Європи. У центрі Східної Європи, а саме в басейнах Десни, Дону, Оки граветський технокомплекс представлений так званім Східним Граветом [Восточный граветт, 1998]. Однак властиві йому асиметричні наконечники відсутні в крем'яному комплексі Троянове 4. Останній більше схожий на матеріали пам'яток граветської традиції Центральної, навіть Західної Європи [Paglicci, 2004], і особливо Подністров'я (Молодове V, шари 10-7, нижні верхньопалеолітичні шари Молодове I, Кормань IV, Косоуци, Оселівка II, Вороновиця, Бабин I, Галич, Межигірці I тощо). Однак найближчі аналогії граветським матеріалам Троянового 4 маємо серед знахідок нижніх 8 та 7 шарів багат шарової стоянки Володимирівка [Черниш, 1953, с. 25; Залізник та ін., 2007 а, б, в], дослідженої О.П. Чернишем у 1946, 1947 рр. за 70 км на захід від Трояндового на р. Синюха.

Пам'ятки граветського технокомплекса поширені в середній смузі Східної Європи – Західна Україна, Верхній Дністер, Верхів'я Південного Бугу та його притоків, Середня та Верхня Десна, Ока, Верхній Дон. На півдні у степовій смузі граветські пам'ятки невідомі. Судячи з матеріалів стоянок Сагайдак I, Анетівка I, Гордашівка, Муралівка, Золотівка Північне Надчорномор'є та Надазов'я в середині верхнього палеоліту було населене носіями епіориньяцьких культурних традицій. Граветські пам'ятки басейну Синюхи (Троянове 4, Озерове, Володимирівка, 7-8 шари) розташовані на порубіжжі з епіорин'яком Надчорномор'я. Саме контакти гравету з епіорин'яком 20-18 тис. р. тому призвели до формування такого домінуючого на території України у пізньому льодовиків'ї явища як мікрогравет або епігравет [Залізник та ін., 2007а].

Враховуючи нечисленність граветських пам'яток у Центральній Україні стоянка Троянове 4 є перспективною пам'яткою, що потребує подальших досліджень. Зокрема варто прирізатися в південному напрямку від розкопу 2006-2007 рр., та закласти новий розкоп на місці шурфу відкритого у 2007 р. скупчення Троянове 4В.

Троянове 4. Таблиця крем'яних виробів стоянки

<i>ВИРОБИ</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>РАЗОМ</i>
Нуклеуси одноплощинні ортогнатні великі	3	6	9
ортогнатні малі	4	6	10
зі скошеною площиною	3	2	5
двоплощинні ортогнатні великі	2	3	5
ортогнатні малі	1	4	5
зі скошеною площиною	3	3	6
Нуклеподібні уламки	7	2	9
Авіважі	5	9	14
Відбійники крем'яні	3	3	6
Пластини та їх уламки	540	523	1063
Відщепи та уламки кременю	5000	4043	9043
Аморфні відщепи та уламки з ретушню	154	80	234
<i>Знаряддя ретушовані</i>			
Уламки пластинок з притупленим краєм	11	3	14
Вістря зі скошеним кінцем	2	2	4
Різці кутові на зламаній пластині	15	8	23
бічні ретушні	10	9	19
серединні	6	3	9
Скребачки кінцеві	3	–	3
на кінці тронкованих пластин атипові	15	2	17
з носиком високі орин'яцького типу	3	1	4
атипові на пластинах	3	2	5
Біфаси	–	1	1
Скребла на великих первинних відщепях	30	77	137
Пластини з ретушню	110	128	238
УСЬОГО	5910	4888	10798
В тому числі завершених знарядь с ретушню	178	236	414

Список літератури

- Восточный граветт.** – М.: Научный мир, 1998. – 330 с.
- Залізняк Л.Л., Степанчук В.М., Ветров Д.О., Товкайло М.Т., Озеров П.І.** Граветська стоянка Троянове 4 під Новомиргородом // Кам'яна доба України. – № 10. – 2007а. – С. 102-125.
- Залізняк Л.Л., Степанчук В.М., Ветров Д.О., Товкайло М.Т., Озеров П.І.** Гравет Центральної України та його історичні долі // Археологія. – 2007б. – № 2. – С. 3-9.
- Залізняк Л.Л., Степанчук В.М., Ветров Д.О., Товкайло М.Т., Озеров П.І.** Троянове 4 - перша граветська пам'ятка у Середньому Подніпров'ї // АДУ 2005-2007. – Київ, 2007в. – С. 165-168.
- Черниш О.П.** Володимирівська палеолітична стоянка. – Київ, 1953. – 76 с.
- Paglicci.** L'Aurignaziano e il Gravettiano antico. – Roma, 2004.

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПУШКАРЯХ I*

Многолетние исследования разных участков Пушкарей I дают материал для сравнений и определения закономерностей, как в образованиях археологического субстрата, так и в реконструкциях поселенческих образований, и культурных или функциональных особенностях артефактов. Однако, продолжающиеся в настоящее время работы на одном из самых обширных и разнообразных участков стоянки (раскоп VII), позволяют прийти лишь к предварительным обобщениям. Они могут быть следующими:

- геологическая одновременность 4-х участков имеет стратиграфические доказательства, абсолютная одновременность в настоящее время доказана быть не может;

- ландшафтная ситуация времени существования стоянки была, вероятно, иной, чем теперь. Человек жил на высоком северном склоне мыса развернутого и снижающегося к югу и юго-востоку. В месте существования стоянок и после их оставления человеком преобладали процессы образования лессовидного материала и его перемещения от северной оконечности склона к его центру. В это время лессовые толщи накапливались в центральной части Погона и меняли его рельеф;

- участки местонахождения могут быть определены как одна стоянка – Пушкарки I на основании близости каменного инвентаря, повторяемости основных стратиграфических позиций, абсолютных дат, сходных элементов в поселенческих структурах;

- образование культурного слоя местонахождения на всех участках связано с особенностями осадочных пород, перекрывающих антропогенные отложения. Процессы "всплывания", поднятия большого числа кремневых материалов были особенно характерны для участков, где материальные остатки перекрывались супесчаными лессовидными отложениями. Процессы ответственные за такого рода изменения в положении материальных остатков могут иметь разную природу – морозное выталкивание, процессы постоянного почвообразования в лессовых отложениях и т.д. Известная для Пушкарей сильная патина и заглаженность поверхности кремневого материала характерна только для этих верхних горизонтов перемещения.

- обитатели стоянки во всех случаях использовали уклоны в рельефе местности для строительства основных объектов поселений, человек пользовался ложбинками, склонами как прикрытием при строительстве жилищ или эвакуации отработанного материала.

- разница в площади участков и насыщенности ее объектами определяет разницу численности населения и, вероятно, временного промежутка жизнедеятельности населения. Мы не можем пока ответить на вопрос о повторном использовании мест обитания, можно лишь с уверенностью сказать об отсутствии многослойных участков.

- Повторяемость объектов и особенностей конструкций известна на трех участках местонахождения (раскопы II, V, VII). Площадки поселения на 4-х участках определяются насыщенным кремневым заполнителем (раскоп М.Я. Рудинского, раскопы II, V, VII). Основными костно-земляными сооружениями являются жилища и большие внешние очаги (те и другие известны на 3-х участках). Жилища с несколькими очагами, в двух случаях, являются умножением одноочажного малого жилища на участке раскопа V. Основная часть крупных костей внутри жилищ не является их конструктивными деталями. Разброс бивней возле очагов в больших жилищах, является антиподом их плотного сложения над очагом малого жилища. К конструктивным элементам жилищ относятся замки несущих конструкций в виде вкопанных черепов и длинных костей конечностей мамонтов.

- местонахождение на всех его участках можно определить как стоянку-мастерскую с полным циклом расщепления кремня и его использования. Малый процент орудий на всех участках стоянки связан как с близостью сырья, так и с интенсивностью его обработки. Разница в степени использования желвачного и плиточного кремня при одинаковом технико-типологическом составляющем на разных участках стоянки может указывать на их относительную разновременность.

---

* Работа сделана при поддержке гранта "Совместный проект РГНФ-НАНУ – 2009" № 07-01-91105а/У.

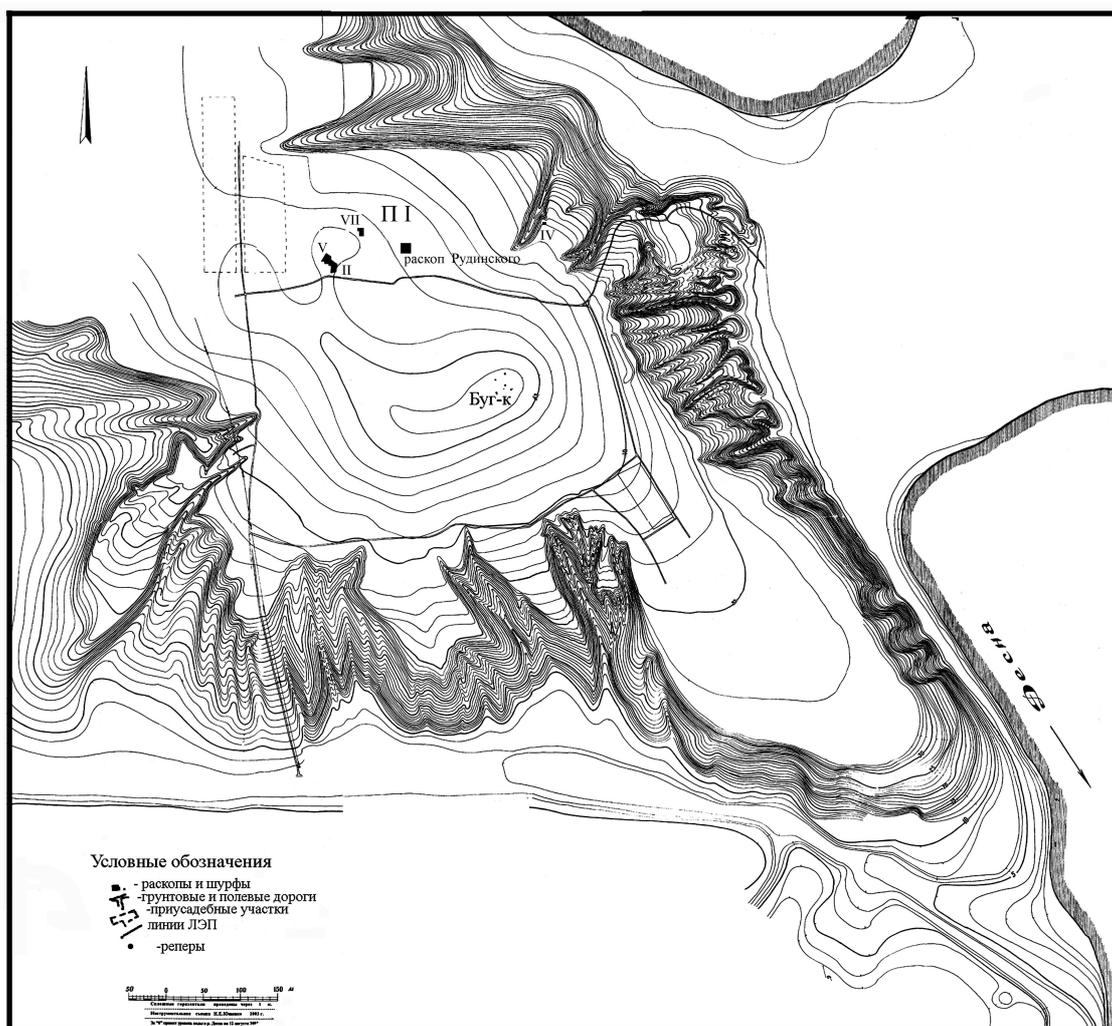

Рис. 1. Погонский стояночный мыс. Инструментальная съемка Н.Е. Ющенко, 2003 г.

Материалы и доказательства

Предварим доказательства описанием участков стоянки и их положением на местности. Пять ныне известных местонахождений, объединенных общим названием – Пушкари I, находятся в нескольких десятках метров друг от друга на северном склоне плато образующего широкий мыс между правым берегом Десны и обширным логом (Мосолов ров) пересохшего притока небольшой реки (рис. 1). Обширный мыс, обычно называемый здесь "урочищем Погон" или "стояночным мысом", поднимется на 40 метров выше русла реки (рис. 2). Не менее 11 других верхнепалеолитических местонахождений, имеющих разную меру сохранности культурного слоя, известны в других частях плато и его склонах.

Сохранность и изученность культурного слоя местонахождения Пушкарей I является, в настоящее время, достаточно приемлемой. Правда, залегание участков стоянки вдоль северной кромки Погонского мыса привело к уничтожению самого восточного пункта местонахождения. Все пять участков стоянки изучались в разное время, разными археологами и имели разные исследовательские задачи (рис. 3). Последние требовали соответствующих приемов полевого изучения и документации. Так, М.Я. Рудинский стал предвестником современной ортогональной фото съемки. Метод был применен вследствие отсутствия безусловных объектов слабо выраженного культурного слоя и при огромной массе кремневого материала [Рудинский, 1947]. П.И. Борисковский, напротив, изучал сложное жилище и не мог тратить время на изучение положения кремневого материала в слое. Последний, для того времени, был объектом сугубо типологических исследований [Борисковский, 1940, 1953].

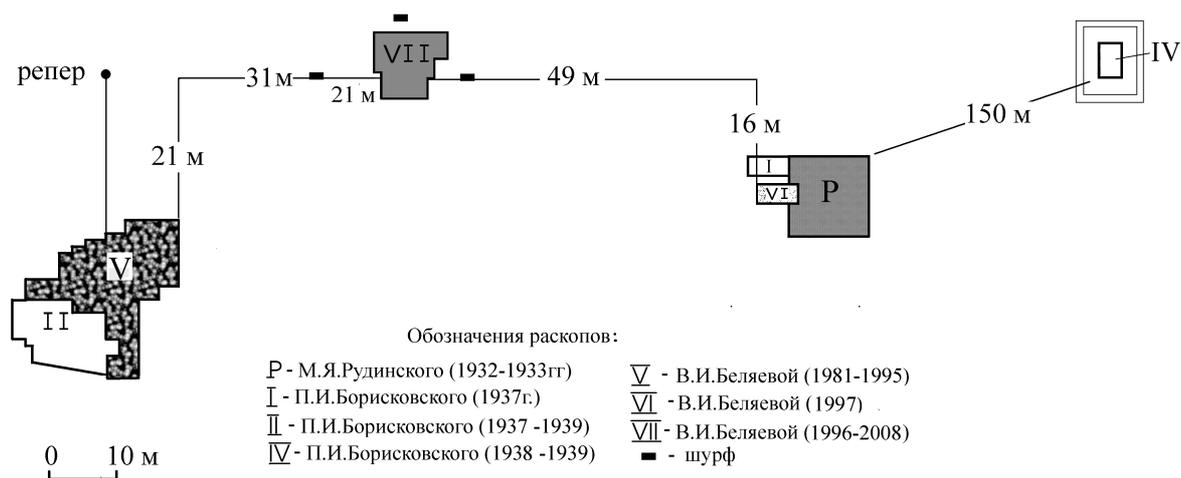

Рис. 3. Схема участков местонахождения Пушкари I

Принципы производимых нами в настоящее время полевых работ на Пушкарях I также определяются общими подходами исследования:

1. определение стратиграфического и ландшафтного положения участков местонахождения;
2. изучение особенностей образования культурного слоя на каждом из участков;
3. возможно полное на каждом участке изучение поселенческой структуры культурного слоя.

Стратиграфическая позиция участков поселения

Современное определение геолого-стратиграфического положения местонахождения является несомненной заслугой А.А. Величко и его научного коллектива [Величко и др., 1997а, б, 2002]. Согласно их описаниям, стратиграфической основой позднеплейстоценовых отложений Погонского мыса являются погребенные почвы – мезинская и брянская (рис. 4). Их сохранность, особенно верхней брянской почвы, зависела от склоновых процессов выветривания, которые были особенно активны на склонах. Для всех 4-х участков местонахождения ближайшим стратиграфическим ориентиром является брянская почва, выраженная двумя горизонтами – основным нижним и верхним, значительно более тонким, ровным по простиранию и имеющим буроватый оттенок. На участках раскопов II и V этот верхний горизонт почвы был отделен прослойкой суглинка и принят, первоначально, за самостоятельную "эфемерную" почву. В последствии, в раскопе VII брянская почва оказалась перекрытой верхней полосой бурого гумуса, который был определен как ее поздняя формация. Таким образом, мнение о поздней стратиграфической позиции стоянки было опровергнуто [Величко, 2007; Грибченко, 2008]. Во всех пяти случаях культурный слой находился в самых верхах суглинка перекрывавшего брянскую почву на 35-45 см. Согласно микростратиграфии основных археологических объектов (жилищ, очагов, рабочих площадок) уровень обитания человека относился к последним стадиям образования суглинка, то есть находился лишь на 5-7 см ниже верхней границы его образования. Суглинок, перекрывший объекты обитания, участвовал в формировании культурного слоя не долго. Выше названных 5-7 см он уступал место лессовым или песчаным отложениям разной мощности. Их стратиграфическое разнообразие связано с особенностью ландшафта существовавшего в период образования брянской почвы.

Процессы формирования рельефа Погонского мыса

Лессовые отложения, перекрывшие горизонт суглинка над брянской почвой, создали современный рельеф Погонского мыса. Нивелировочные отметки верха брянской почвы в центре мыса (стоянка Погон-пятый метр) были углублены на метр относительно значений его северного склона (Пушкари I, раскопы II V и VII). Вероятно, ландшафтной доминантой мыса, во время существования Пушкаревского местонахождения, была его северная оконечность. Эта высокая площадка давала

человеку хороший обзор, как в сторону долины Десны, так и в противоположную сторону Погонского урочища. В дальнейшем, в процессе отложения лесса его основное пятиметровое скопление было

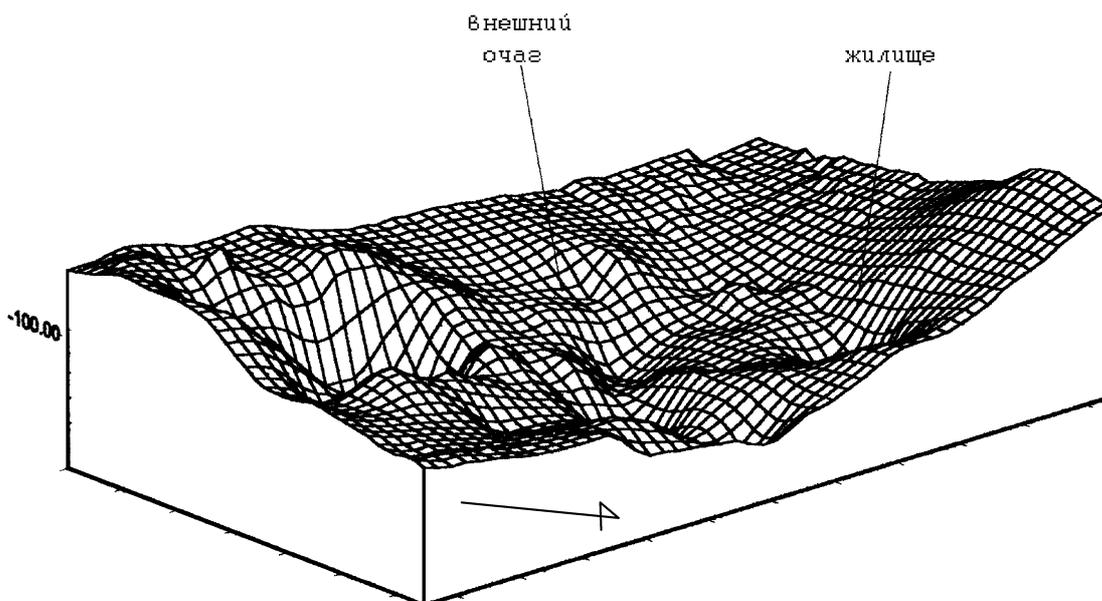

Рис. 5. Пушкари I, раскоп V. Рельеф ложбины, в которой расположена площадка поселения

приурочено к продольной осевой линии урочища и получило местное название Бугорок. В последствии, в верхах лесса была обнаружена и исследована известная стоянка Бугорок.

Здесь же под лессовой толщей геологом В.А. Хохловкиной было обнаружено мамонтовое костище с немногочисленным кремневым инвентарем. Местонахождение было названо Погон-пятый метр. В настоящее время Бугорок имеет дату 14 тыс. лет, а Погон пятый метр – 22 тысячи (личное сообщение Г.А. Хлопачева). Даты этих стоянок и Пушкарей I позволяют примерно определить период формирования лессовой толщи – не менее 4-5 тысяч лет. Лессовые образования в северной части мыса незначительны. Вероятно, они перемещались, сдувались, смывались с высокого северного склона. Толщина лессовидных супесей в раскопе М.Я. Рудинского и раскопе VII Пушкарей I составляет не более 0,5-0,6 м. В связи с вышесказанным, можно предположить существование в это холодное время максимума вьюрма преобладания северного направления ветра. Рельеф мыса менялся, высотная доминанта переместилась к центральной оси. На некоторых, вероятно локальных участках северного склона лесс замещался песчаными отложениями с четкими ортзандовыми горизонтами. Они перекрывали суглинок с культурным слоем на раскопах II и V. Судя по нивелировочным отметкам, эти участки располагались ниже раскопа VII, в пониженных и ложбинных структурах местности (рис. 5). Генезис песчаных образований не совсем ясен. Геологи относят его за счет эолового перемещения по склонам. Небольшие "карманные" включения песка известны и на раскопах М.Я. Рудинского и VII. Надо согласиться с мнением геологов о заметном изменении природной обстановки во время следующее за прекращением накопления суглинка, время значительных ветровых эрозий (Величко и др., 1997а). Этим обстоятельством можно объяснить прекращение обитания человека на северной оконечности мыса. С меньшей доказательностью можно предположить отсутствие стоянок на всей поверхности мыса в период лессобразования, в течение нескольких тысяч лет. В это время могло происходить только разрушение оставленного человеком. Так, трещиной был отодвинут край очага и раздвинуто скопление костей мамонта в жилой западине раскопа VII (рис. 6, а). Образование трещины происходило во время накопления лессовой супеси. Она хорошо прослеживается здесь, в верхних горизонтах культурного слоя "поднявшегося" в супесь в результате естественных процессов формообразования (рис. 6, б). Таким образом, геологическая одновременность местонахождения Пушкари I определяется верхами маломощного суглинка, перекрывающего брянскую почву и верхней границей его накопления. Абсолютные даты местонахождения даны по образцам органики двух участков из раскопа V и VII. Средняя, из полученных дат составляет 20 тысяч лет, что не противоречит геологическим выводам.¹ С

¹ Дата в 16 тыс. лет, приведенная в работе О. Соффер, кажется нам сомнительной из-за качества использованного материала (костный уголь), который относится к образцам 1930-х годов. Углистая масса очага может иметь разные даты в зависимости от горизонта взятия образца. Большой отрыв в значениях дат также имеет основание для сомнений в качестве исследованного образца.

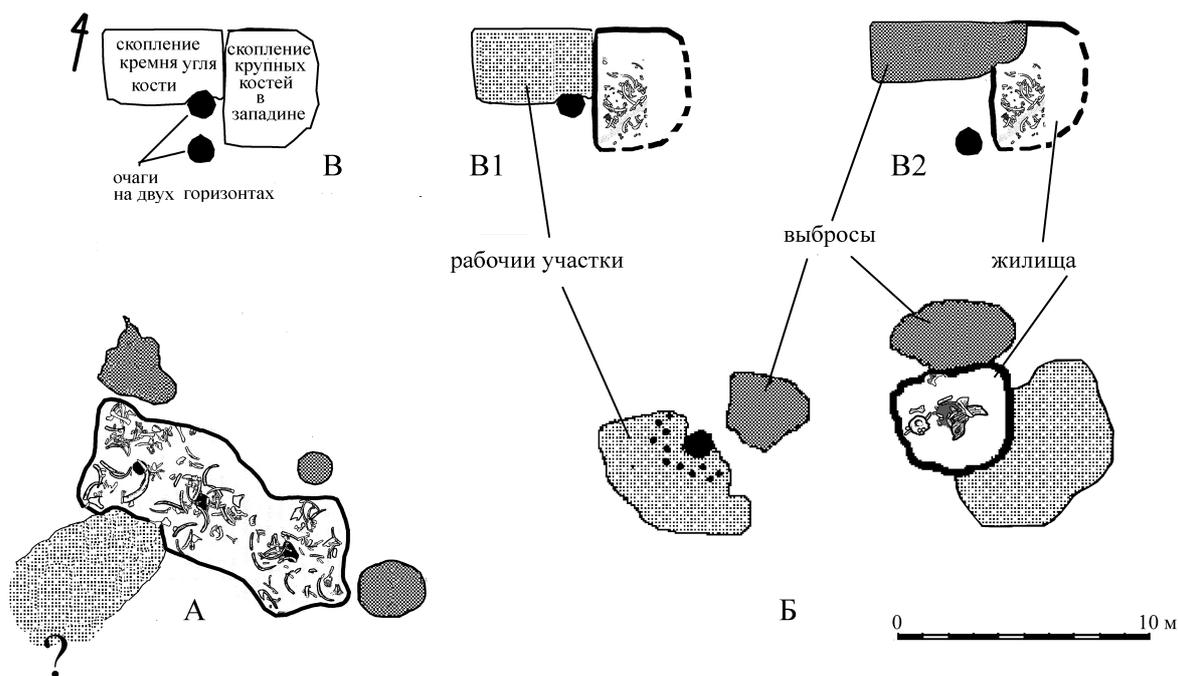

Рис. 7. Пушкари I. Схема расположения участков самостоятельной поселенческой структуры. Основные объекты: А – раскоп II; Б – раскоп V; В – раскоп VII, B1 – ранней этап организации участка, B2 – поздний

началом образования лессовых отложений процессы создания культурного слоя основывались на принципе разрушения созданной человеком материальной структуры.

Стратиграфия культурного слоя и его образование на разных участках местонахождения

Разница в стратиграфии культурных слоев всех участков стоянки относится только к верхним их горизонтам. Нижние горизонты, т.н. "пол" культурного слоя во всех случаях приурочен к верхам суглинка и углублен в него не более чем на 5-7 см. Костные и земляные объекты – внешние очаги, ямы, жилые западины создавались, судя по микростратиграфии бровок в раскопах V и VII, именно на этом горизонте (рис. 7). Элементы, в первую очередь кремни, и элементарные частицы (мелкие не делимые антропогенные остатки) составляли толщу культурного слоя. В разных стратиграфических горизонтах, она была совсем не одинакова. Самыми тонкими культурные слои были на участках раскопов II и V.¹ Кремни и мелкие частицы угля и пр. концентрировались в суглинке и не поднимались в перекрывающий его песок. Распространение слоя вверх ограничивалось уровнем соответствующим верхней границе суглинка. Перекрывающий его песок имел в самом низу жесткую ортзандовую прослойку, которая удерживала археологический материал внизу в суглинке. Можно предположить, что ортзандовая корка возникла сразу же после образования песчаной толщи. В ином случае, кремль должен был подняться в песок. На участках раскопа VII и раскопа М.Я. Рудинского суглинок был перекрыт лессовой супесью без ортзандовых горизонтов. Кремневый материал в этом случае был поднят до современного дерна. Сколы кремня находились в неустойчивой позиции – вертикально, на ребре, опускались по склону и т.д. Позиция зафиксирована на полевых чертежах (рис. 8). Наибольшее количество "взвешенного" кремня находилось в супеси, низы которой приобретали окраску, а элементарный наполнитель становился значительным.² М.Я. Рудинский не имел в раскопе достаточно объектов для определения "пола" культурного слоя и мог выделить только три разных по заполненности кремнем горизонта. И здесь, как и в раскопе VII, нижний горизонт в суглинке не являлся самым насыщенным. "Взвешенность" слоя в этих раскопах очень значительна, она увеличивалась при увеличении всей массы кремневого материала и уменьшалась там, где его было меньше. Эта особенность делает очевидными поверхности над жилыми западинами. Среди

¹ Толщина слоя дается только для открытых площадок.

² Элементарный наполнитель определялся по объему выделенного в промывке материала.

пространства покрытого кремнем уже на верхних горизонтах культурного слоя, они выделяются почти стерильными участками на раскопах V и VII [Беляева, 2003].

В конечном счете, можно утверждать, что толщина культурного слоя на рассматриваемом местонахождении колеблется очень значительно – от 5-10 см в раскопах II и V и до 80 см в раскопе VII и раскопе М.Я. Рудинского. Являясь сходными, однотипными образованиями одного времени, остатки материальной культуры трансформировались в разные по толщине культурные слои.

Рельеф местности и площадки поселений

Исследования стоянок большими площадями позволяют определить расположения основных объектов относительно особенностей рельефа. Так, в раскопе II и VII жилища располагались на склоне небольшой ложбинки. Длинное жилище пересекало небольшой мыс, опускающийся в ложбинку за его торцовыми стенами. Здесь, в пониженной части площадки находились скопления выбросов, определенные в свое время П.И. Борисковским как кострища. Крутые высокие (30 см) стенки жилища находились в южной его стороне, выше по склону. Хуже определялись северные пологие стенки, находящиеся ниже по склону. Та же ситуация характерна и для овального жилища в раскопе II. Его восточная стенка врезана в склон ложбинки, она более высокая (30 см), но оплыла и определяется с долей ошибки. Западная оконечность западины едва углублена. Она выходит в ложбинку. Для раскопа VII, в настоящее время, определяется заметный склон в южном направлении. Обширная площадка выброса находилась в северной, самой высокой части раскопа. Толща выброса "стекала" к югу, перекрывая внешнюю площадку с очагами. Жилая западина не докопана и ее связь с рельефом площадки пока не известна.

Площадь участков стоянки и их поселенческая структура. Элементы сравнения

Территория длинного жилища и выбросов раскопа II составляет не более 150 кв. метров. Площадку можно увеличить только за счет исследования узкого юго-западного угла имеющего большой кремневый материал. Вся другая, окружающая жилище поверхность имеет только скопления выбросов на склонах. Структура этого участка ограничивается обширным жилищем и объектами его жизнедеятельности (выбросами).

Поселенческий комплекс в раскопе V был значительно разнообразнее, но и значительно меньше – около 85 кв. метров. Он ограничивался площадкой заполненной расщепленным кремнем, которая включала овальное одноочажное жилище и внешний очаг с системой ямок вокруг него. Жилище и очаг соседствовали с относящимися к ним выбросами. Возле жилища находились рабочие площадки разного содержания.

Раскоп М.Я. Рудинского вскрыл участок в 122 кв. метра с мощным кремневым заполнением и без каких-либо границ в распространении культурного слоя. Судя по краткой публикации автора, десятки тысяч материалов составляли немногочисленные и неясные теперь скопления. Одним из наиболее определенных объектов был очаг, другим, возможно, - кострище или выброс. В этом случае исследователь, вероятно, имел дело с той частью поселения, которая не содержала сложных объектов. Такая часть площадки есть в раскопах V и VII. В седьмом раскопе она составила 45 кв. метров отдельного пространства, в пятом – не менее 65 кв. метров между основными объектами (схема раскопа 7 и раскопа 5).

Участок в раскопе VII исследуется в настоящее время. Площадь его более 98 кв. метров раскопа. Структура представляется насыщенной и сложной. Она включает большое жилище, два внешних очага и обширную зону выброса. Жилая западина содержит, в настоящее время, несколько горизонтов крупных бивней мамонта, лошади, волка, медведя. Среди них есть и анатомические связки. Подбор костей и последовательность их залегания повторяют содержанию длинного жилища с тремя очагами из раскопа II П.И. Борисковского. В процессе работ вскрыта лишь часть западины, около 18 кв. метров. Положение крупных костей в заполнении соответствует их разбросу над очагами в раскопе II и является антиподом плотного скопления подобных костей над очагом в раскопе V [Борисковский, 1953, с. 184; Беляева, 2002, с. 82]. Существование вариантов в положении крупных костей указывает на отсутствие какого-либо их участия в создании конструкции жилища. Повторяющейся конструктивной деталью могут быть черепа мамонта, вкопанные альвеолами в пол западины. Группа из трех таких черепов могла служить замками подпорок жердей несущей конструкции одноочажного жилища в раскопе V [Беляева, Гарутт, 2008, с. 15-17]. В длинном трехочажном жилище раскопа II известны четыре вкопанных черепа, хотя отдельных верхних челюстей было не менее 18. Возможно, часть

черепов была разрушена и потеряла свое первоначальное положение. Новая жилая западина в раскопе VII может прояснить ситуацию.

Плохая сохранность кости не дает возможности оценить длительность существования поселений на северном склоне Погона. Могут быть приведены лишь косвенные данные расположения основных объектов. Так площадка выброса в раскопе VII образовалась на месте залегания фрагментов крупных костей, вероятного места разделки туш. Разным периодам существования площадки могли соответствовать два внешних очага этого же комплекса, которые имели разные уровни залегания.

Продолжение работ на всей северной оконечности Погонского мыса даст, несомненно, новые площадки поселений, новый сравнительный материал для всесторонней оценки всего местонахождения Пушкарей I.

Список литературы

- Беляева В.И.** Палеолитическая стоянка Пушкари I. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 155 с.
- Борисковский П.И.** Пушкаревское палеолитическое жилище // КСИИМК. – 1940. – №7. – С. 81-86.
- Борисковский П.И.** Палеолит Украины. – МИА. – 1953. – № 40.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Дренова А.Н., Морозова Т.Д.** Область днепровского оледенения. Ключевой участок Пушкари-Лесконоги // Лессово-почвенная формация Восточно-европейской равнины. – М., 1997а. – С. 43-60.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Стратиграфическое положение стоянок Пушкаревской группы // Пушкаревский сборник, Вып. 1. – СПб., 1997б. – С. 19-30.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.** Геохронология палеолита Восточно-европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене, голоцене. – М., 1999. – С. 19-50.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Дренова А.Н., Тимерева С.Н.** Лессы и параболические дюны как диахронные феномены перигляциала // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы). – М., 2002. – С. 107-126.
- Величко А.А.** Стратиграфическое описание западной стенке раскопа VII // Материалы к отчету В.И. Беляевой об археологических работах на стоянке Пушкари I в 2006 году. – Киев, НА ИА НАНУ. 2007.
- Грибченко Ю.Н.** Стратиграфическое описание западной стенке раскопа VII // Материалы к отчету В.И. Беляевой об археологических работах на стоянке Пушкари I в 2007 году. – Киев, НА ИА НАНУ. 2008.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю., Сулержицкий Л.Д.** Возраст позднепалеолитических стоянок и природные условия обитания первобытных сообществ в центральной части Русской равнины // Палеоклимат позднего плейстоцена Северной Евразии по данным изотопных исследований подземных льдов и фосфатов костей млекопитающих. – М., 1998. – С. 25-39.
- Рудинский М.Я.** Пушкари // СА. – 1947. – № IX. – С. 171-178.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (по материалам стоянок Посеймья Быки)

Введение

Среди обработанной палеолитической кости встречаются изделия, форма которых, по мнению исследователей, не соответствует какому-либо виду орудия. Поэтому их традиционно называют предметами неутилитарного назначения. Но так ли это на самом деле? Если да, каково может быть их конкретное применение? Предметы, которые находят археологи на памятниках каменного века, не всегда поддаются правильной интерпретации, поскольку их форма может не отвечать функции. Современному человеку трудно до конца представить и все виды работ и операций первобытного индивидуума. Проблема заключается и в том, что наряду со следами изготовления и использования палеолитические изделия несут информацию и о тафономическом воздействии, которое может перекрывать и искажать первоначальную картину изменений. Правильное прочтение "стратиграфии следов" на костных фрагментах разного происхождения видится как необходимый путь для наиболее адекватного анализа предметов палеолитической эпохи.

В данной работе представлены наблюдения следов износа костяных поделок, происходящих с однокультурных стоянок Быки-1 и Быки-7 (Ia и I) в Посеймье. Радиоуглеродные даты стоянок расположены в диапазоне 18 - 14 тыс. лет.

Трасологическое изучение изделий проводилось на основе образцов, полученных в результате экспериментальных работ с использованием методики экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН г. Санкт-Петербурга [Семенов, 1952, 1957; Семенов, Коробкова, 1983; Филиппов, 1977, 1983; Щелинский, 1983; Коробкова, Щелинский, 1996; Коробкова, Шаровская, 2001]. Предварительно были проведены тафономические наблюдения остеологических коллекций.

Анализ костяных изделий со стоянок Быки

Комплекс стоянок Быки - это группа разновременных верхнепалеолитических поселений, объединенных единым выбором места обитания. Они расположены на мысообразном выступе второй надпойменной террасы левобережья реки Сейм, бассейна Десны. Предметы "неутилитарного характера" происходят только со стоянок Быки-1 и Быки-7 (Ia, I), которые связаны единой культурной традицией и представляют каменную индустрию с геометрическими микролитами [Ахметгалеева, 2004а, б; 2007]. Радиоуглеродные даты этих памятников находятся в диапазоне 18 - 14 тыс. лет. Характерной особенностью является непродолжительность периодов обитания на данных поселениях и преобладание в остеологических коллекциях костей копытных животных и пушного зверя, в то время как на других известных стоянках центра Русской равнины, датируемых поздневалдайским оледенением, доминируют кости мамонта.

На стоянке Быки-1 обнаружено около 300 предметов из обработанной кости. Из них 70 изделий и их фрагментов. 64% от всех готовых изделий отнесены к категории острий (43 экз.). Из предметов неутилитарного назначения известен зооморфный амулет, отщеп из бивня мамонта с нарезками, пронизка из трубчатой кости и остается спорным происхождение трех глубоких нарезок на фрагменте ребра лошади.

Коллекция I культурного слоя Быков-7 включает 127 костяных предметов со следами преднамеренной обработки, из которых 50 готовых изделий и их фрагментов. В основном они свидетельствуют о хозяйственной стороне жизнедеятельности древних обитателей. Более 90% всех орудий относятся к разным типам острий (иглы, проколки, шилья), найдены два совка и мотыга. К предметам неутилитарного характера отнесено 22 предмета.

В верхнем культурном слое Ia Быков-7 на несравненно большей площади найдено всего 24 предмета обработанной кости, включая 4 фрагмента рога, возможно, одной взрослой особи северного оленя. Готовых изделий и их фрагментов 11 экз. Из них две землекопалки, 6 острий (иглы, наконечник, плоские острия). К предметам неутилитарного характера отнесены пронизка и два фрагмента ребер с поперечными нарезками. Обращает внимание контекст находок. Практически все предметы

неутилитарного назначения найдены в культурном слое. Это важно, так как, например, на стоянках Быки-1 и Быки-7 (I) большинство костяных орудий происходят из заполнения ям. Только стерженьки и фрагменты ребер с нарезками в I культурном слое Быков-7 были найдены в верхнем заполнении ям.

Обратимся к изделиям, на которых сохранились следы использования.

В Быках 7 (I, Ia) найдены пронизки и их фрагменты. Все они обнаружены в культурном слое. 15 изделий происходят из I слоя, один предмет из слоя Ia. Они выполнены из отпиленных медиальных частей трубчатых костей птиц, зайца и песца. Длина их варьируется в районе 2 см, диаметр от 0,6 до 0,9 см. Одно изделие имеет длину 3,1 см и при этом самый меньший диаметр – 0,35 см. Выделяется пронизка по всей длине которой расположено множество коротких надпилов, которые могут трактоваться как декор. Следы износа в виде узкой полосы заполировки на кромках большинства пронизок свидетельствуют о контакте их с кожей (рис. 1). Заполировка округляет края с наклоном к внешней стороне, в то время их внутренняя поверхность остается не заглаженной. Расположение контактной зоны исключает ношение пронизок на тонком кожаном шнурке, как это представлялось ранее. В данном случае трасологический анализ предмета изменил наши представления об их конкретном использовании. Данные предметы могли использоваться как украшения, но крепление их к одежде осуществлялось более сложным путем. Например, допустимо наличие в древности полосок кожи по краям пронизок (рис. 2).

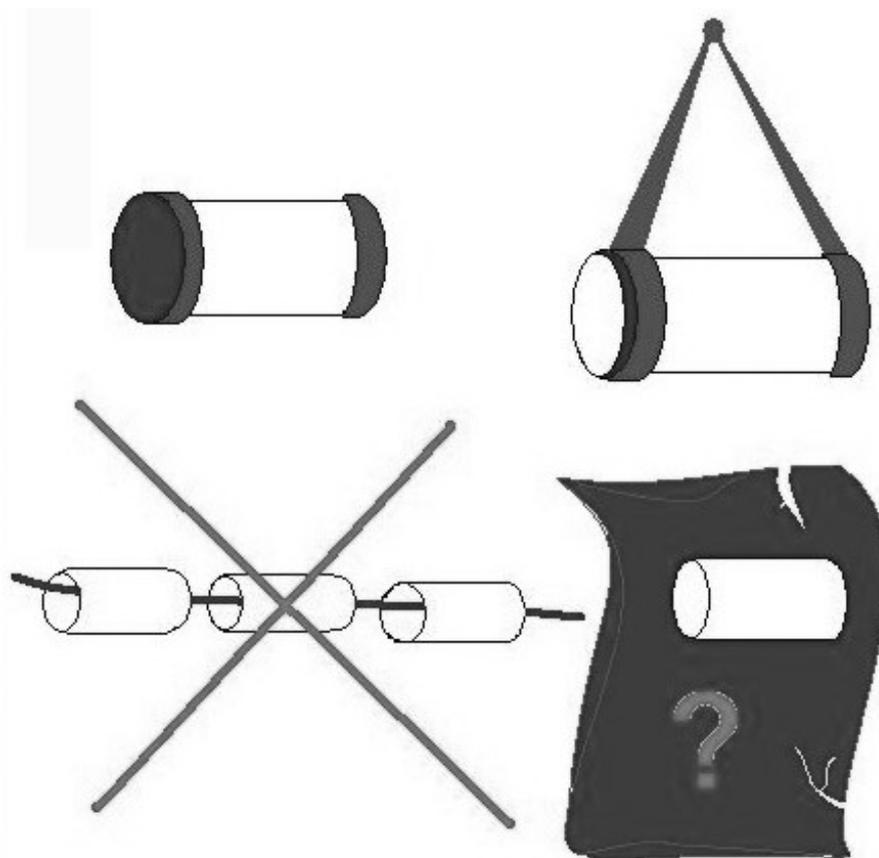

Рис. 2. Предполагаемое крепление пронизок

Важно то, что аналогичные следы износа сохранились и на единственной пронизке с однокультурной стоянки Быки-1 (рис. 3, 1).

Следующая группа включает изделия с насечками и нарезками со стоянок Быки-7 (I, Ia) (рис. 4). Изделие из ребра с орнаментальными полями из прорезанных параллельных линий и два фрагмента стерженьков, выполненных из стенок трубчатых костей из I слоя, фрагментированы (рис. 4, 1, 2, 4). Следов износа не сохранилось. Найдены они были в среднем ярусе заполнения ям.

Необработанные поверхности двух других изделий из ребер (верх ям, слой I) покрыты линиями, выполненными в технике пиления. На одном ребре из 25 надпилов на расстоянии 0,2 см друг от друга занимает половину изделия (рис. 4, б). Внешняя поверхность другого ребра покрыта линией

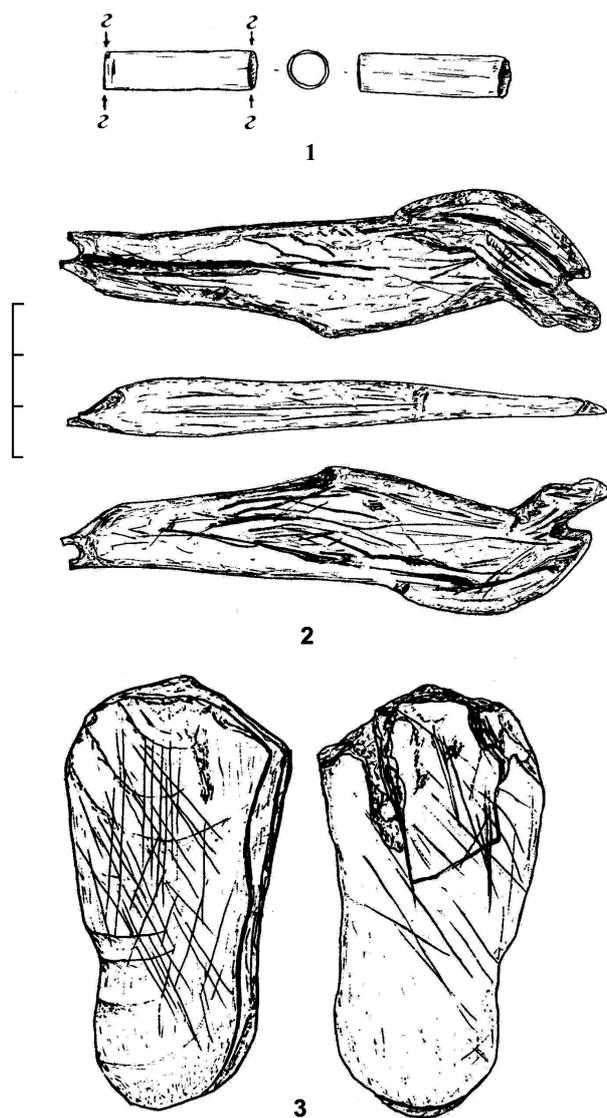

Рис. 3. Предметы неутилитарного назначения со стоянки Быки-1: 1 – пронизка, 2 – зооморфная поделка, 3 – чуринга из бивня мамонта

из 21 поперечных неглубоких насечек длиной от 0,2 см до 0,5 см (рис. 4, 3). Короткими насечками (около 28) покрыта и боковая грань этого изделия. На данных предметах следов износа не зафиксировано. Но на поделке из Ia культурного слоя следы использования есть. На грань данного изделия нанесено около 60 ритмичных насечек (рис. 4, 5). Под бинокляром фиксируется легкая заполированность зубчиков (рис. 5). Заполировка матовая, поверхностная. Сохранившиеся следы позволяют предположить контакт предмета с глиной. Кинематика предмета наиболее сходна с работой орнаментиром. Это тот случай, когда даже сохранившиеся следы износа, к сожалению, не приближают нас к полному пониманию функционального назначения поделки. Данный предмет могли использовать как при выполнении каких-либо ритуальных действий, так и не исключается его утилитарное использование.

В 2004 г. в верхней части заполнения ямы, расположенной на периферии жилой площадки I слоя Быков-7, в отдельной нише и во фрагментированном состоянии было обнаружено большое кольцо из бивня мамонта со скульптурным навершием в виде головы лошади (рис. 6). Изделие залегало в вертикальном положении навершием вниз, и было перекрыто песком без включений элементарного культурного заполнителя. Рассматривается возможность преднамеренной засыпки поделки грунтом,

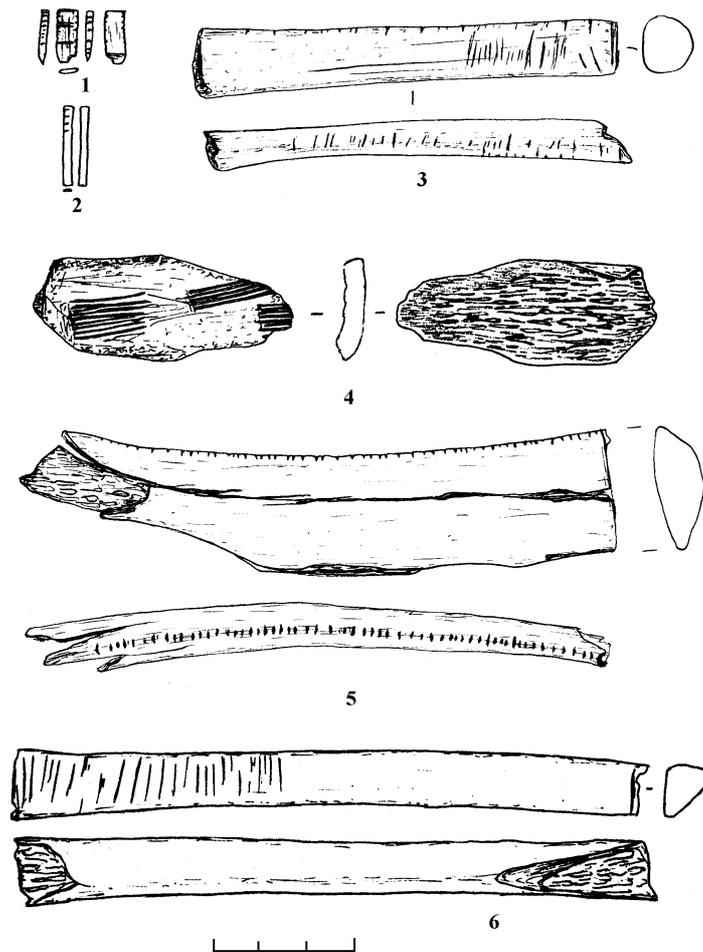

Рис. 4. Изделия с нарезками со стоянок Быки-7: 1,2 – стержневидные изделия с поперечными нарезками из трубчатых костей, стоянка Быки-7 (I); 3,6 – фрагменты ребер с поперечными насечками, стоянка Быки-7 (I); 4 – фрагмент ребра с орнаментальным полем, стоянка Быки-7 (I); 5 – Фрагмент ребра с поперечными насечками, стоянка Быки-7 (Ia)

принесенным с территории вне стоянки, и вероятность консервации скульптуры после того, как человек покинул стоянку.

Длина поделки – 12,25 см. Толщина 1 см. Внешний диаметр кольца 8,5 см, размеры отверстия 4,3 x 4,0 см. Судя по очертаниям конусов роста, заготовка была извлечена из достаточно толстой, но все же переходной части от центра к кончику бивня. Следы резания и строгания, формирующие основу предмета, почти полностью уничтожены последующей шлифовкой. Сохранились множественные царапины от окончательного выскабливания. Некоторые участки полностью заглажены мягким абразивом.

Происхождение черного пигмента на некоторых участках поверхности поделки следует связывать с выпавшими солями марганца. При сложении трех деталей, пигментированные поверхности не совпадают.

Наиболее яркой художественной деталью поделки является прочерченная с обеих сторон грива лошади. С обеих сторон гривы, ближе к основанию, в технике пиления нанесены тонкие поперечные линии. На одной поверхности их 6. На другой около 16. Точно сосчитать невозможно в виду присутствия множества технологических следов от пиления. Голова лошади выполнена стилизованно и представляет собой вырезанный и подработанный в технике выскабливания подпрямоугольный выступ (?). Глаза, ноздри не прорисованы. Одной детали зооморфной поделки,

связанной с мордой лошади, не хватает. Создание проекций недостающей части показало, что отсутствующий фрагмент

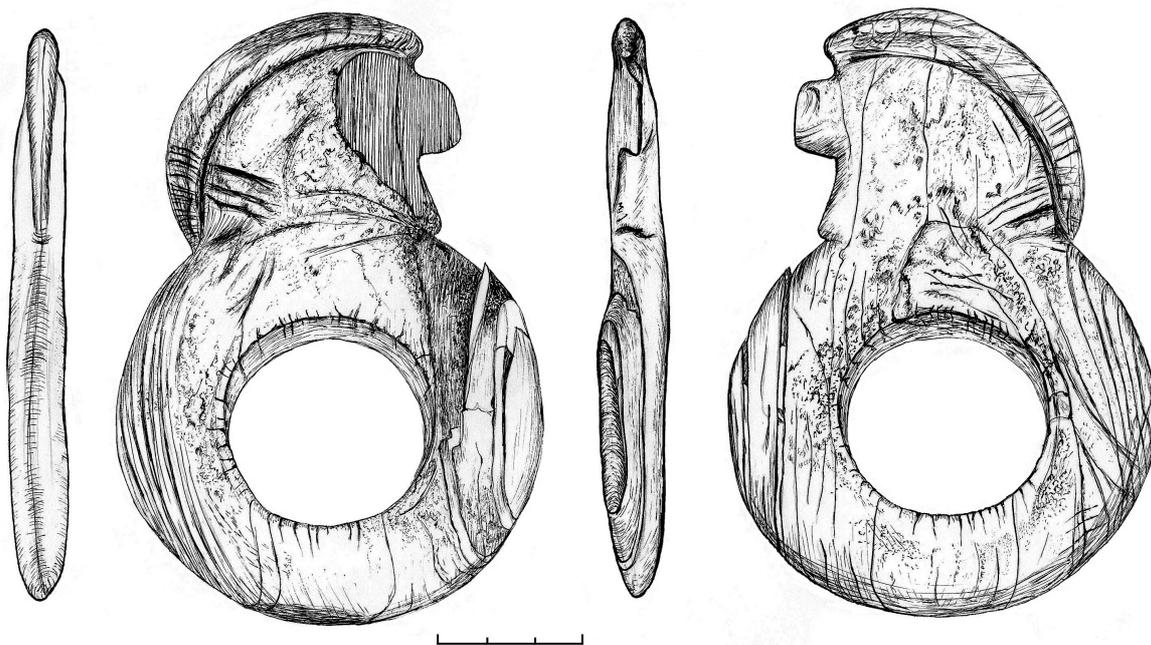

Рис. 6. Зооморфная поделка, стоянка Быки-7 (I). Рисунок А. Шабалы

мог выступать в среднем только на 3 мм вперед, повторяя в основе оставшуюся форму. Изучение художественных особенностей обеих поверхностей изделия, а точнее степени их различий, позволяет говорить о том, что вряд ли недостающая деталь могла иметь какие-то существенные элементы оформления. Перпендикулярно к нижней части гривы с обеих сторон прорезаны по три линии, возможно, ограничивающие голову животного. Линии изготовлены несколькими режущими движениями, создающими определенную глубину рельефа. На одной из сторон сохранились еле различимые нарезки, ограничивающие окружность кольца. Отверстие в кольце вырезано. Внутренние грани покрыты приблизительно 50 короткими надпилами на расстоянии от 1 до 4 мм. Внутренняя поверхность не была заглажена и сильно деформировалась в результате тафономического воздействия.

На изделии сохранились следы утилизации в виде полосы интенсивной осветляющей, жирной, проникающей заполировки на грани гривы и кольца от растирания этой частью изделия кожи (рис. 7). При этом поделка должна была располагаться горизонтально по отношению к своей оси. Интенсивность заполировки, которая не только загладила поверхность и технологические следы, но и слегка утончила ребро поделки, свидетельствует о многократности повторяемых действий. Расположение контактной зоны делает маловероятным утилитарное использование предмета. Речь может идти о выполнении каких-либо ритуальных или социально значимых действий. В данном случае больше возможности для размышления представляет контекст находки и его форма.

Не всегда найденные на палеолитических стоянках изображения животных соответствуют большой доле костей тех же зверей в остеологических коллекциях. Но в данном случае можно говорить о том, что древние охотники хорошо знали лошадь. Данное скульптурное изображение можно назвать обобщенным в отличие от многих западноевропейских изображений лошади с прорисованными деталями глаз и ноздрей. Высокое мастерство косторезов не оставляет сомнений в том, что схематизация реалистического изображения при отсутствии детализации была совершена преднамеренно. Конечно же, это наталкивает на мысль, что данный образ символичен, хотя доподлинный смысл его, по-видимому, уже утерян.

Не углубляясь в описание вариаций художественных изображений образа этого животного в первобытном искусстве и их интерпретации, ограничусь двумя основными [Фролов, 1994, с. 203-205]. Это трактовка А. Леруа-Гурана звериных фигур как символов пола: бизон – женского, лошадь – мужского. И исследования Б.А Фролова отмечающего, что если обратиться к срокам беременности указанных животных, можно констатировать следующее: Одинаковое время – 10 лунных месяцев они делятся у женщин и самок бизонов, а у лошадей они равны годовому обращению солнца. "Этот срок был хорошо известен палеолитическим охотникам, ибо заключал один полный цикл чередования

сезонов, соответственно которым строился ритм охотничьих (мужских) промыслов общины" [Фролов, 1994, с. 204].

Как возможную вариацию солярного знака можно рассматривать кольцо с ритмичными надпилами по внутреннему кругу.

Если учесть сезонность стоянки, то предложенная Б.А. Фроловым интерпретация образа лошади вполне реальна. Косвенным подтверждением этого могут служить данные функционально-планиграфического анализа, свидетельствующие о завершенности определенного цикла охотничьей деятельности на жилом объекте стоянки Быки-7 (I). Делать какие-то окончательные выводы в области первобытной мифологии было бы не целесообразно, но предположить как один из вариантов использование нашей поделки для каких-то манипуляций при проведении ритуала, связанного с окончанием охотничьего цикла, думаю, можно.

Находка данного художественного произведения заставила нас по-новому оценить близкий в технологическом плане зооморфный полиэйконический амулет с однокультурной стоянки Быки-1 [Чубур, 2001, с. 85] (рис. 3, 2). Он также выполнен из плоской продольной заготовки из бивня мамонта, длина его 10,3 см, ширина 2,3 см, максимальная толщина 0,8 см. Поверхность с обеих сторон была тщательно заглажена, после чего преднамеренно были нанесены тонкие пересекающиеся линии и более глубокие линии, формирующие контуры и рельеф изображения. Трактовка изображения затруднена тем, что само изделие неоднократно подправлялось. С одной стороны, амулет воспроизводит голову лошади. Наиболее проработанной частью является очерченная грива и скулы. С этой стороны, от центра изделия идет, заканчиваясь около ушка с отверстием, глубокий вырез, прорезанный резцевидной кромкой в вентральной позиции. Ширина выреза 0,25 см, глубина 0,2 см. С обратной стороны изделия преднамеренные нарезки очерчивают, предположительно, фигурку бегущего пушного зверька с длинным и широким хвостом. Ближе к хвосту количество пересекающихся нарезок увеличивается, образуя шершавую поверхность. Задняя лапка животного в древности была обломана. Именно эта поверхность изделия могла быть первичной по созданию. Амулет заканчивается отверстием, которое расположено в преднамеренно отделенном от основной части поделки ушке. Само ушко, по свидетельству А.А. Чубура, было частично раскрошено при изъятии из слоя. На внутренней поверхности отверстия фиксируются пятна жирной заполировки от контакта с кожаным шнурком, на котором его, по всей вероятности, носили. Следов заполировки на ребре гривы отмечено не было¹. Как схожие элементы с поделкой со стоянки Быки-7 следует отметить выбор заготовки и набор технологических приемов формообразования, выделение гривы лошади, обозначение формы морды животного при отсутствии детализации. Обращает внимание контекст зооморфного амулета со стоянки Быки-1, который был вонзен в пол жилища, ближе к его периметру. В целом, можно отметить, что использование его в сходной функции, как и зооморфного амулета со стоянки Быки-7 не исключено, но в данном случае это нельзя подтвердить данными функционального анализа.

В коллекции Быков-1 есть еще один интересный для анализа предмет. Это продольный отщеп из бивня мамонта размером 8 на 4 см, толщиной в 3 кольцевых слоя, включая наружный. Внутренняя поверхность изделия покрыта множеством тонких пересекающихся линий, создающих впечатление беспорядочности. Но на отдельных участках они создают мелкую ромбическую сетку (рис. 3, 3). Кромки предмета слегка сглажены в отличие от кромок бивневых отщепов из той же коллекции, что может указывать как на определенную длительность "жизни" данного изделия после изготовления. Традиционно, подобные поделки относят к так называемым "чурингам" и подразумевают их ритуальное назначение. На рассматриваемом предмете никаких четких следов, которые бы могли пролить свет на его использование, не обнаружено. Не проливает ясности и контекст находки. Но очень часто подобные изделия могут отражать переплетение духовных представлений древнего человека и потребностей быта. На стоянках среднеднепровского типа (Гонцы, Елисеевичи, Супонево) выделена серия предметов, известная в палеолитоведении как "ножи". Все они выполнены из поперечных отщепов бивня мамонта и на большинстве сохранились следы их использования как орудий [личный осмотр; Хлопачев, 2006, с. 150-151]. Но есть и группа аналогичных изделий, которые традиционно описывали как "чуринги". Технологический анализ Г.А. Хлопачева показал, что разница между "ножами" и "чурингами" фиксируется только в наличии или отсутствии орнамента. Лезвия "чуринг" также покрыты заполировкой от износа. Аналогичен и контекст их местонахождения. Можно ли к художественным изделиям – орудиям отнести отщеп со стоянки Быки-7 пока не ясно, т.к. он

¹ К сожалению, данный предмет в настоящее время утерян А.А. Чубуром. Провести его детальный трасологический анализ не представляется возможным. Приведены данные предварительного осмотра 1999 г.

единичен. От "ножей" его отличает разница в пространственной ориентации его заготовки в бивне мамонта и размеры.

Заключение

Таким образом, проведенное трасологическое исследование поделок со стоянки Быки значительно уточнило некоторые аспекты их использования. Несмотря на существующие трудности трасологический метод исследований позволяет получать объективные данные о реальных операциях, производимых носителями той или иной первобытной группы. Но в то же время для определения точной функции поделок его использование в отрыве от комплексного анализа может привести к значительному искажению результатов.

Список литературы

Ахметгалеева Н.Б. Кремневый комплекс стоянки Быки-7 // Проблемы каменного века Русской равнины. – М.: Научный мир, 2004а. – С. 285-298.

Ахметгалеева Н.Б. Комплекс стоянок каменного века Быки на Сейме // Археологический альманах. – № 16. – Донецк: Донеччина, 2004б. – С. 279-294.

Ахметгалеева Н.Б. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века. – М.: Дом еврейской книги, 2007. – С. 155-169.

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // Человек, адаптация, культура. – М.: Гриф и К, 2008. – С. 44-55.

Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // АВ. – 2001. – № 8. – С. 88-98.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро- макроанализа древних орудий труда, ч. 1. – СПб., 1996. – 80 с. (Археологические изыскания. Вып. 36).

Семенов С.А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкири I // СА. – 1952. – т. 16. – С. 120-128.

Семенов С.А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы. – МИА. – 1957. – № 54. – 240 с.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – 256 с.

Филиппов А.К. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 167-181.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 9-71.

Фролов Б.А. Палеолитическое искусство и мифология // Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия. – СПб.: Славия, 1994. – С. 201-206.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Наука, 2006. – С. 71-76.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск: Брянск-сегодня, 2001. – 132 с.

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии, изготовления и функции орудий мустьерской эпохи // Технология производств в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 86-98.

ЖИЛЫЕ ПЛОЩАДКИ КАМЕННОБАЛКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Одной из актуальных проблем палеолитоведения является разработка корректной дефиниции для выделения жилых объектов.

Особенно злободневна эта проблема для южных областей, где не существовало массивных конструкций из костей мамонта, столь характерных для перигляциальной зоны. Естественно, что в условиях более мягкого климата, мог применяться другой строительный материал. Мамонт в позднюю пору верхнего палеолита здесь практически отсутствовал, а кости крупных копытных значительно уступают костям мамонта и по размерам, и по возможностям сохранности. Кроме того, современные исследования палеоэкологии говорят о достаточном количестве в этом регионе и дерева, и других растительных ресурсов [Леонова и др., 2006], что позволяло использовать их при постройке жилищ, ветровых заслонов и т.п. В этой связи, хочется напомнить о материалах нижнего слоя Осокоревки 1, где для создания жилой конструкции использовался тростник, обмазанный глиной [Колосов, 1964] или кремневые материалы Ильской стоянки, где трасологический анализ выявил активное использование тростника [Щелинский, 1994]. В результате строительные конструкции, несомненно, могли иметь весьма разнообразный облик. Данные этноархеологии дают множество примеров разнообразия форм жилых и хозяйственных конструкций, существовавших в условия относительно теплого климата [Binford, 2001].

Понятно, что при этих обстоятельствах, следы или остатки жилых сооружений в южных областях должны выглядеть совершенно иначе, чем в перигляциальной зоне и для их обнаружения нужна особая тщательность при археологических раскопках, фиксации материала и камеральной обработке данных, при этом вопросы используемой полевой методики имеют первостепенное значение.

В течение всего периода позднего плейстоцена природные условия в разных районах степной зоны были разнообразны и изменчивы, что может быть связано с колебаниями интерстадиальных циклов. По этой причине древнейшее население степной зоны было вынуждено достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям жизни и вырабатывать гибкие системы жизнеобеспечения. Археологические данные свидетельствуют о существовании в степной зоне нескольких археологических культур, представленных памятниками разных хозяйственных типов. На базовых стоянках прослеживаются достаточно выразительные и относительно мощные (от 10 до 20 и более сантиметров) культурные слои сохранившиеся *in situ*. На этих памятниках исследователями выделяются особые участки, которые интерпретируются как жилые площадки или жилища. Наиболее яркие примеры дают стоянки Осокоревка 1, Мураловка, Каменные Балки 1-3, Золотовка 1 [Леонова, 1994].

Хотелось бы кратко остановиться на рассмотрении ряда вопросов, связанных с объективными особенностями формирования культурного слоя на тех участках, которые выделяются среди прочих участков поселения и могут быть интерпретируемы как жилые зоны, жилые площадки и, наконец, собственно жилища.

Говоря об особенностях формирования культурного слоя в жилище или на огражденной жилой площадке, следует подчеркнуть, что жилище представляет собой совершенно особый случай — это объект, который формируется достаточно долго (период стройки и жизни в нем). Однако, по сравнению с открытым, не имеющим четких ограничений пространством, накопление материала здесь лимитировано, во-первых, четкими границами — стенами и кровлей, и, во-вторых, совершенно определенными видами деятельности происходящими внутри. Участок слоя внутри жилища может содержать остатки (продукты или следы) только той активности, которая предусматривается культурными нормами и традициями по отношению к жилому пространству, а также и определенным хронологическим отрезком — временем бытования жилища.

Возвращаясь к характеру деятельности происходившей внутри огражденного объема, можно сразу же выделить два типа жилищ — то, в котором в полном смысле живут: - то есть спят, готовят и потребляют пищу, работают, и то, в котором только отдыхают. В первом случае культурный слой этого локализованного участка будет насыщен, во втором — будет пуст, по сравнению с окружающим

---

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 06-800-16, 08-06-10025, РГНФ № 08-01-18119.

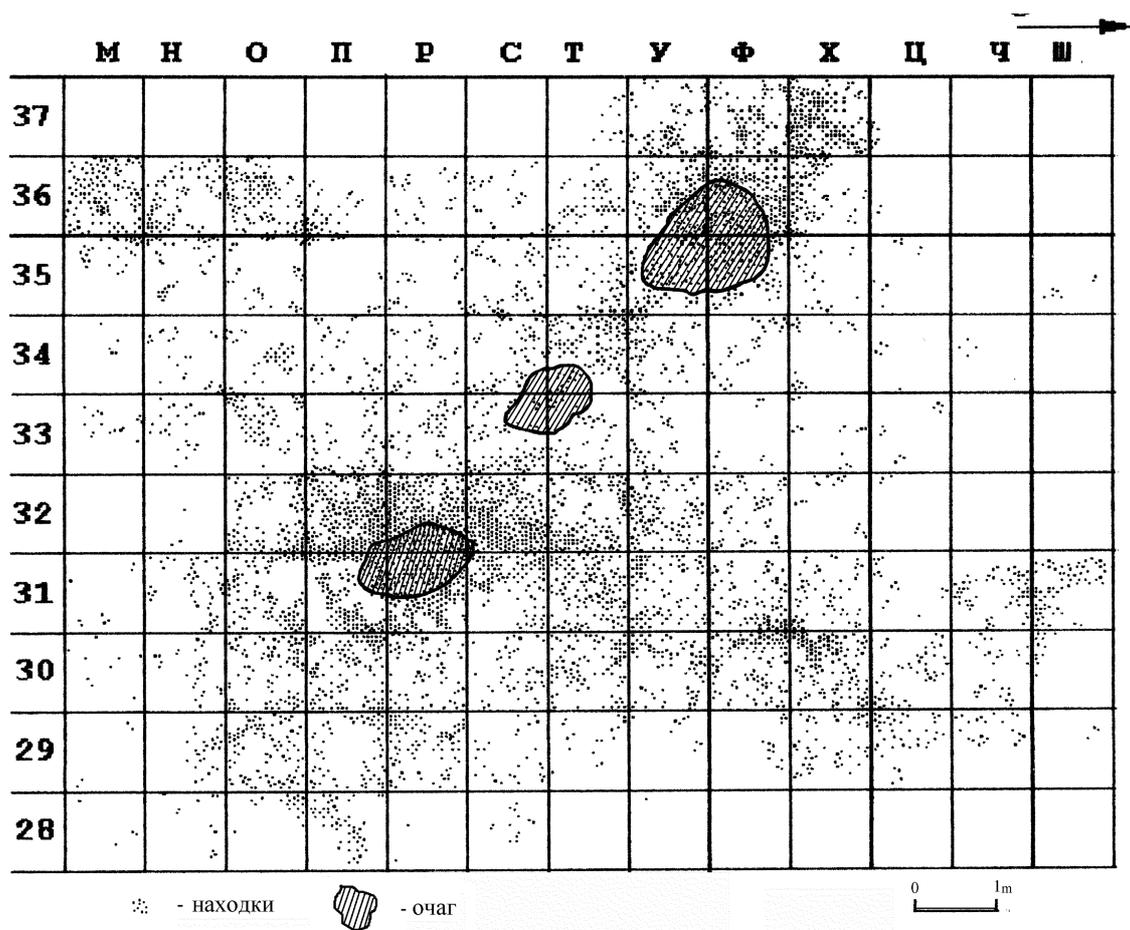

Рис. 1. План жилого объекта на стоянке Каменная Балка I

пространством. Но и в том, и в другом случае — состав и расположение находок будут специфичны для определенного, ограниченного места, они должны иметь заметные качественные или количественные отличия по сравнению с прочими участками памятника и создавать некоторое планировочное единство.

Учитывая все обстоятельства, можно уверенно допускать, что на долговременном памятнике отдельное жилище всегда существует меньшее время, чем само поселение, т.е. его структура значительно более четка. Это позволяет отыскивать на площади поселения специфические, более четкие структуры с "читающимися" пространственными границами и особыми, по сравнению с другими участками, наборами культурных остатков.

Вместе с тем, следует заметить, что и сохранность культурного слоя внутри жилища (или огражденного пространства) после оставления места обитания будет иной, нежели на открытом участке и это найдет отражение в характере культурного слоя: - наличие стен и кровли изменят характер влияния водных осадков, что в какой-то мере сохранит пол пространства в большей сохранности, и, напротив, органические остатки в большом количестве присутствовавшие в строительной конструкции, вызовут оживление деятельности биоты и землероев. Словом, специфика "жизни" жилого объекта после периода обитания вносит очень много дополнительных особенностей в сохранность культурного слоя, что требует большого внимания и тщательности при полевом исследовании таких объектов [Леопова, 2003; Leonova, 2003].

Дальнейшие положения доклада обоснованы результатами длительного изучения стоянок Каменной Балки, начавшимися в 1957 г. и продолжающимися до сих пор.

Как уже было сказано выше, выделяющийся по количественному и качественному составу участок культурного слоя имеет, как правило, имеет достаточно четкие границы, нарушающиеся на некоторых участках. На стоянке Каменная Балка I — памятнике с одним и не очень мощным культурным слоем - нам удалось проследить такое достаточно компактное скопление культурных остатков, отличающееся специфичностью состава находок и четкими пространственными границами

(рис. 1). Оно послужило своеобразным эталоном при работе с более сложным по структуре культурным слоем стоянки Каменная Балка 2, где такие скопления могли частично налагаться друг на друга и переслаиваться – (рис. 2)

Обращаясь к овальному скоплению Каменной Балки 1, следует отметить, что в местах нарушения границ выделенного скопления можно проследить так называемые "шлейфы находок", которые, по-видимому, показывают направления входов-выходов. Эти наблюдения хорошо описаны в работах И.Г. Шовкопляса и И.Г. Пидопличко – это так называемые "топтальца" [Пидопличко, 1969], а также при исследованиях стоянки Пинсван [Leroi-Gourhan, Brezillon, 1972].

Такие участки характеризуются переработанной текстурой вмещающей породы, окрашенностью поверхности и не отсортированным составом находок. Кроме относительно крупных находок, тут встречается особенно много мелких и мельчайших угольков, кремневых чешуек и костных остатков — возможно, что это следы уборки и чистки очагов. Естественно, что промывка всей вмещающей породы в поле существенно помогает в обнаружении этих мест, особенно, если окрашенность отсутствует.

По краям и во внутренней части этого выразительного скопления или, напротив, относительно пустоты нередко остаются следы элементов строительной конструкции, которые могут быть разными [Леонова и др., 2006].

На стоянках Каменной Балки в больших скоплениях со специфическим составом находок часто встречаются ямки с вкопанными костями. Они представляют собой компактные скопления из 3-5,7 крупных фрагментов костей копытных, как правило, обращенных эпифизами вниз и углубленных по отношению к уровню слоя на 15-30 см. Такие ямки могут располагаться по контуру скопления или вблизи очагов, вероятно, они служили для забутовки опорных столбов или столбиков.

Очаг — частая, но не обязательная составляющая жилища. Они, как правило, располагаются внутри выделенного участка, занимая разные позиции — в центре, ближе к входу, их количество не лимитировано, так же как и размеры. Очаги бывают разными — более или менее углубленные, окруженные или нет дополнительными ямками, расположенными по длинной оси жилого пространства или группируясь иначе. Очаг может находиться и вне жилища, в зоне около входа/входов. Расположение очага, вероятно, зависело от сезона или климатических условий эпизода обитания, но эти данные трудно получить без детального палеоэкологического изучения всего окружения. Для стоянок Каменной Балки характерно расположение по длинной оси овального скопления находок с четкими границами и достаточно специфическим составом. Несколько более мелких очагов могут находиться поблизости.

Микростратиграфическое исследование очагов и зольных пятен пола помогает выявить неоднократность в их использовании, что свидетельствует об относительной долговременности формирования этого участка культурного слоя. Однако нужно помнить, что на жилых площадках, которые в отличие от жилищ вряд ли были огорожены и перекрыты полностью, тонкие стерильные прослойки в очажном заполнении или на натоптанном "полу" могут получаться в силу природных факторов, например сезонных или дождевых замывов и натеков. Для выяснения причин их образования необходим планиграфический анализ этих микропрослоев, который способен выявить разницу или сходство их качественного и количественного состава (рис. 3). Только после этого возможно судить о временном разрыве или континууме [Леонова, Несмеянов, 1991; Stapert, 2001].

Так, например, на жилых площадках Каменной Балки II очень часты очаги, нижняя часть которых заполнена обычной очажной массой, а верхняя крупными фрагментами необожженной кости. В некоторых случаях четко прослеживается два микрогоризонта культурных остатков, один из которых связан с нижней, а другой с верхней частью очага. В данном случае мы с уверенностью можем говорить о двух эпизодах обитания, причем каждый из них мог быть и не слишком продолжительным.

Вернемся к вопросу о характере самого культурного слоя внутри этого участка, характеризующимся особым составом и распределением находок и наличием таких структурных элементов слоя как очаги или зольники и остатки строительных конструкций (если они есть). Естественно, что в закрытом объеме, вещи распространяются иначе, чем на открытом месте. Они значительно меньше перемещаются и концентрируются либо у очагов, либо в местах той или иной хозяйственно-бытовой деятельности. Как правило, у очагов, которые, располагались, по-видимому, в самых высоких частях жилого объема, концентрировалась большая часть общей жизни коллектива, находится большое количество целых и сломанных орудий, которые бывают разнообразны, целых и сломанных наковаленок и ретушеров, сверленных раковин, охры и пр. Если очагов несколько, то набор окружающих их предметов может быть сходным по составу или, напротив сильно отличаться. Каждый из очагов мог быть центром какого-то определенного вида работы или занятий. Так например, все три очага в овальном скоплении (жилище) на Каменной Балке I характеризуются самым разным

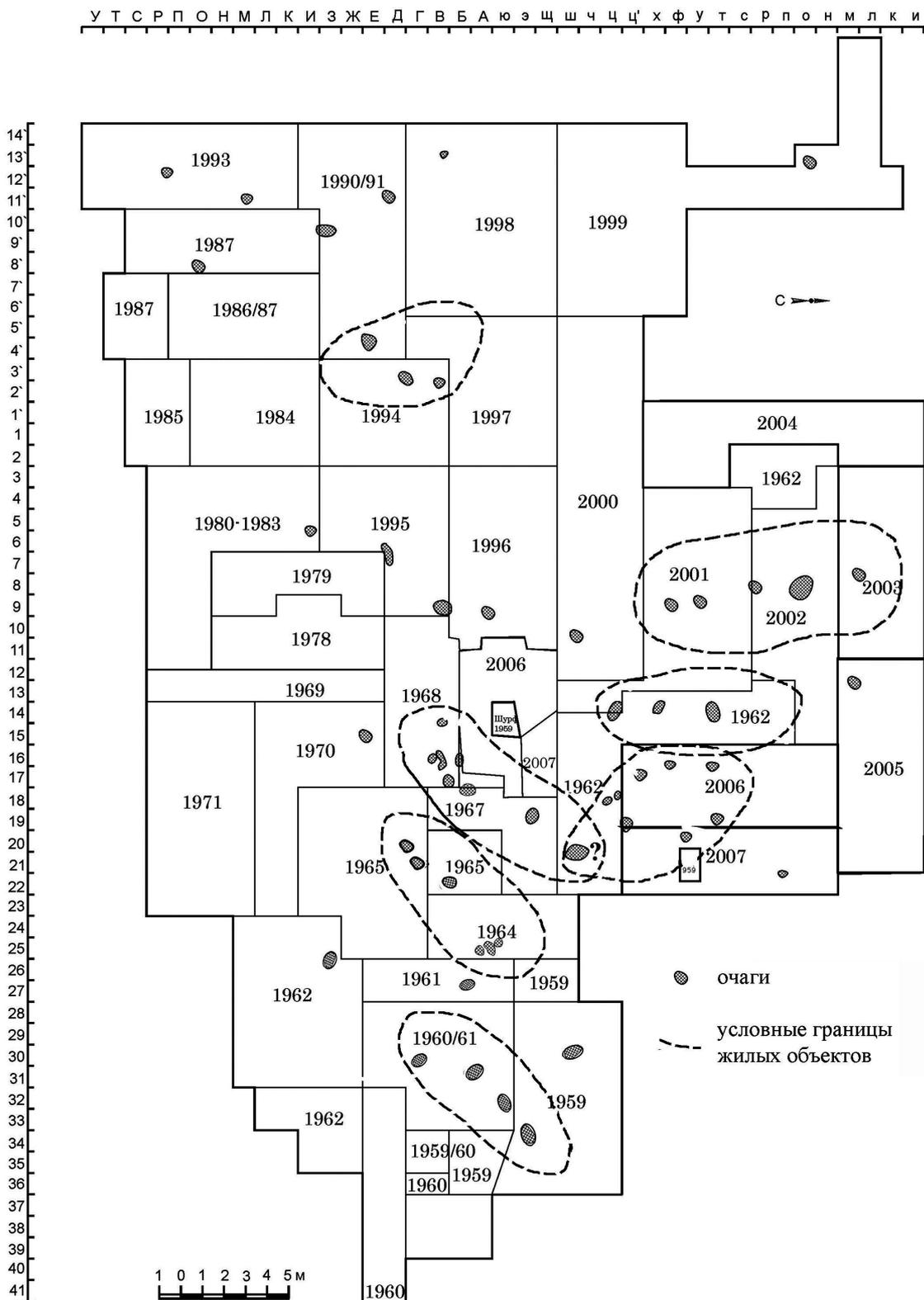

Рис. 2. План расположения жилых объектов на стоянке Каменная Балка II – второй (основной) слой

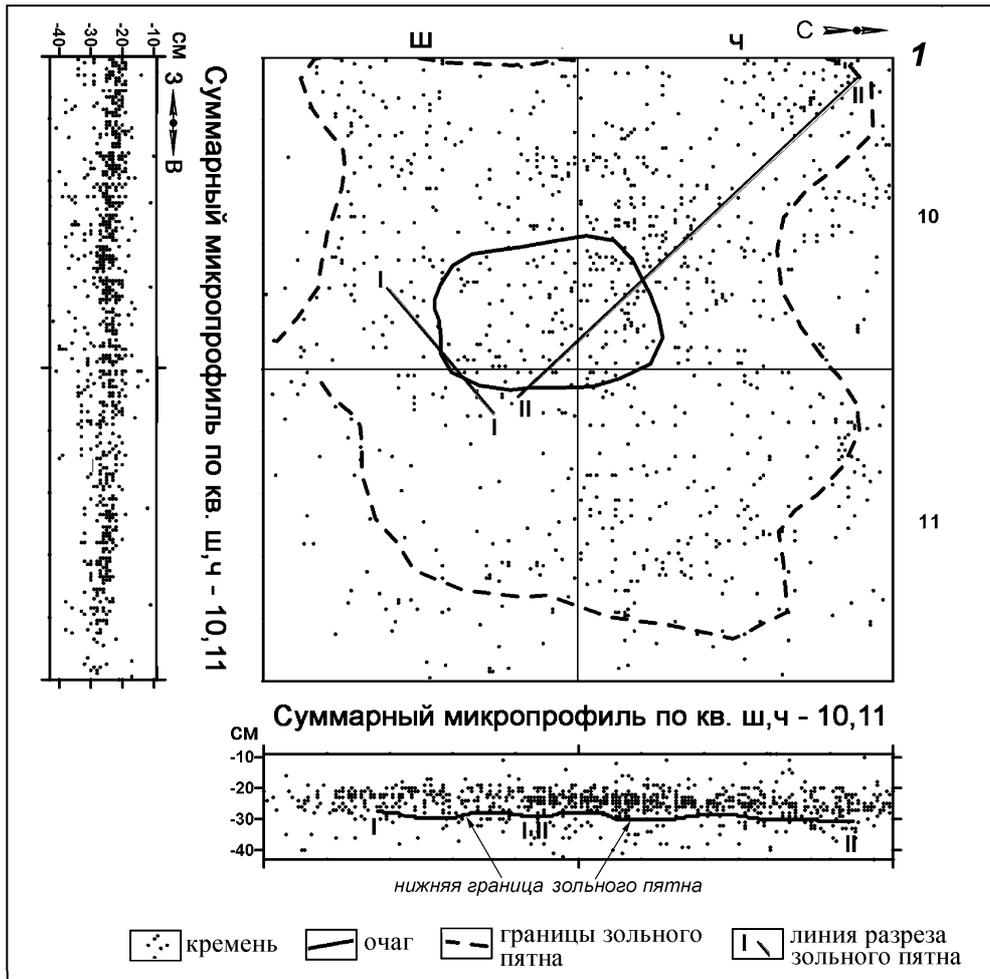

Рис. 3. Микростратиграфия очага на жилой площадке

окружением: первый северо-западный очаг был окружен огромным количеством микропластинок, вокруг второго - центрального - было немного мелких фрагментов расщепленной кости (кухонные отбросы) и практически отсутствовал кремнь, третий, напротив, был окружен скоплением кремня, в котором присутствовало 439 микропластинок с притупленным краем, мелкие отходы производства и фрагменты крупных трубчатых костей. Однако нельзя сказать, чтобы участки расположенные ближе к "стенкам", т.е. границам скопления были особенно бедны.

Состав "жилищных" кремневых ансамблей в целом разнообразен и может не полностью повторяться в каждом конкретном жилище даже на одном и том же памятнике. При этом, находки из жилищ всегда имеют характер особой отсортированности и не имеют ничего общего с набором предметов, содержащихся в "зонах эвакуации".

Для "жилищных" ансамблей, прежде всего, характерна высокая доля целых и сломанных орудий — до 15, а иногда и до 30%, и минимальная доля первичного расщепления и продуктов работы с нуклеусом — от 2 до 6-7%. Состав орудий, как правило, разнообразен. Лишь скребки занимают особую позицию — как правило, на жилых площадках скребки не многочисленны, обычно они группируются на периферийных зонах стоянок, что обусловлено спецификой выделки кожи и шкур. На жилых площадках, близ очагов, обычно встречаются мелкие и изящные формы. Кроме орудий значительную долю в кремневых "жилищных" ансамблях занимают заготовки для них и микродебитаж (мельчайшие чешуйки, осколки, микрорезцовые отщепки и пр.), которые группируются в определенных местах, где, по-видимому, эти орудия и производились. Эти наблюдения относятся к зоне непосредственно» жилища» - относительно небольшого скопления свальной формы.

Состав мелких скоплений, расположенных поблизости может быть совсем иным. В основной своей массе все категории расщепленного кремня связанные с расщеплением нуклеусов и производством

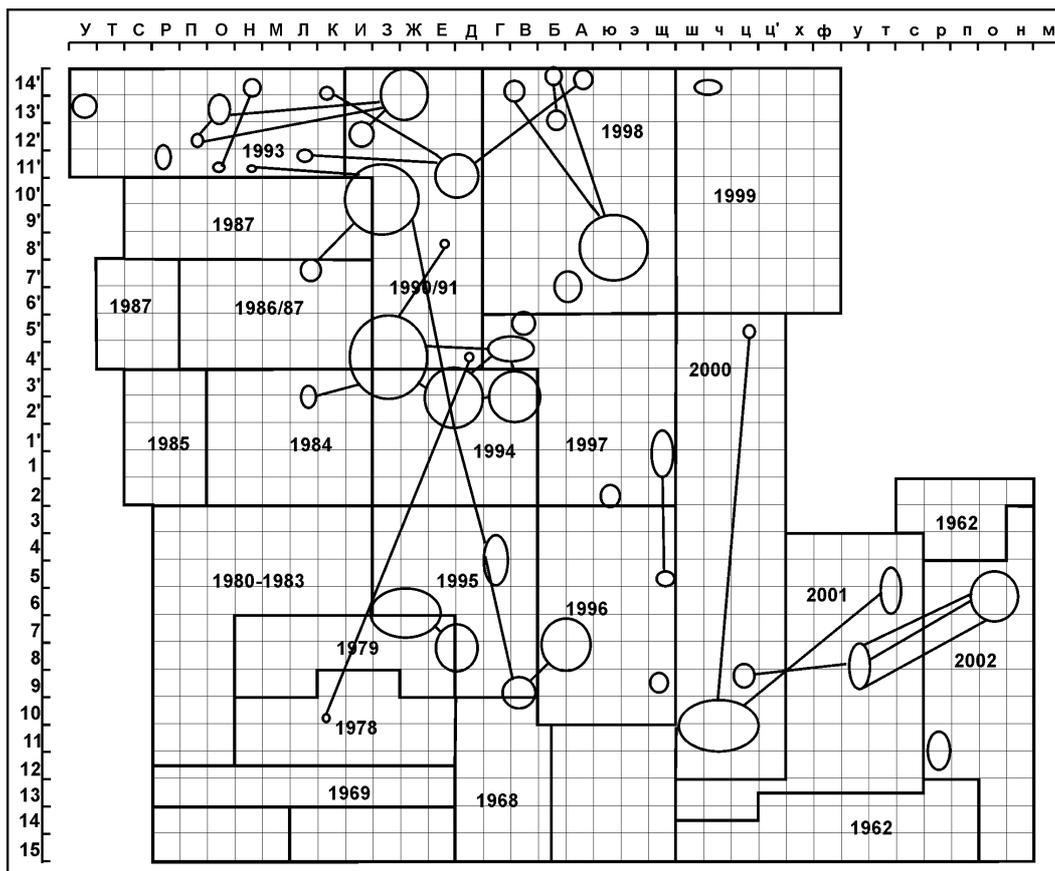

Рис. 4. Схематичный план жилой площадки и ее связей по ремонту

заготовок, располагаются в нескольких, небольших по площади, но, зачастую, очень насыщенных скоплениях — производственных центрах, расположенных в непосредственной близости от выделяемого объекта - овального скопления находок. То есть, по-видимому, основной объем работ по подготовке нуклеуса, его раскалыванию и переоформлению производился вне огражденного пространства.

Данные метода ремонта, в тех случаях, когда такие исследования проведены, показывают что эти небольшие скопления, имеющие ярко выраженный производственный характер, связаны с различными участками жилища и друг с другом (рис. 4). Таким образом, все они вместе образуют единый комплекс, который возможно называть жилой площадкой. Более подробная характеристика состава жилых площадок отражена в тексте Е.А. Виноградовой.

Многолетний археологический анализ 2-го культурного слоя стоянки Каменная Балка II позволил установить ее сложную производственно-хозяйственную планировку, включающую несколько жилых площадок, существовавших одновременно, и больших производственных участков, на которых проходила разнообразная хозяйственная деятельность. (рис. 2) Одним из очень ценных результатов проведенных исследований является выделение и описание объектов культурного слоя, которые могут быть идентифицированы как остатки стабильных жилых площадок или легких наземных жилищ.

Жилой объект, характерный для каменнобалковских памятников, представляет собой относительно небольшой — около 20-22 кв. м., овальный в плане участок, имеющий четкие пространственные границы по распределению находок. Четкие границы, по-видимому, были определены наличием ограждения, о котором зачастую свидетельствуют соответственно расположенные ямки с вкопанными костями, которые могли служить укрепленными упорами для центральных столбов и краевых столбиков. По длинной оси этого участка, или в его центральной части, расположено несколько очагов. Вокруг очагов, как правило, концентрировались различные участки, характеризующиеся интенсивным использованием разных групп орудий, хотя встречаются и

очаги вокруг которых имеются лишь кухонные отбросы. Скорее всего, такой овальный участок представляет собой остатки легкого наземного жилища.

Состав расщепленного кремня на таком объекте очень богат орудиями, в то время как продукты первичного расщепления представлены, как правило, значительно беднее.

В непосредственной близости от жилого объекта обычно располагалось несколько специализированных производственных центров, на которых происходила разнообразная работа в основном связанная с подготовкой и расщеплением нуклеусов. Расстояние, разделяющее жилище и производственные центры, невелико, оно колеблется от 2 до 8-10 метров. Таким образом, весь жилой комплекс, включающий жилище и его "округу, подворьем", невелик и не превышает 80-100 кв.м. Но связи показываемые ремонтом, внутри него, достаточно многочисленны.

Внутри таких выделенных участков возможен ряд наблюдений, основанных на методах микростратиграфии, которые могут позволить говорить об относительной долговременности того или иного объекта. Это, прежде всего, выделение, если она есть, микрослоистости зольных пятен или очажного заполнения — в этом случае мы можем говорить о неоднократных чистках очагов и повторности их использования. Напротив, наблюдения над фаунистическими остатками внутри предполагаемых жилых площадок или жилищ не дают основания судить о длительности бытования, так как трудно предположить, что небольшой закрытый объем превращался в свалку пищевых отходов. Наличие "зон эвакуации" или просто помоек, а также данные этноархеологии говорят о достаточно регулярных уборках жилого объекта.

Фаунистические остатки (рыба, водоплавающая птица, крупные грызуны) могут дать сведения о сезоне обитания, а также о работе по кости (крупные, отобранные фрагменты, кости с нарезками), если она велась тут.

То же самое можно заметить и о количестве артефактов, учитывая то, что помещение убиралось, исследователь никогда не имеет возможности судить обо всем объеме работ, которые были произведены в жилище, а имеет дело только с тем, что было в нем в момент оставления. По количеству предметов нельзя судить о длительности обитания, а лишь о характере и интенсивности жизнедеятельности.

Полученная модель жилого комплекса будет очень полезна при выделении таких же объектов на других стоянках той же культуры, сравнении их с материалами памятников других культур, что позволяет, и это кажется нам особенно важным, говорить об определенной домостроительной традиции в системе заселения района.

Список литературы

Колосов Ю.Г. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра – (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // Борисковский П.И., Праслов Н.Д., Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. – САИ. –1964. – Вып. А-1-5. – С. 42-49.

Леонова Н.Б. Жилые площадки и жилища. Особенности формирования культурного слоя (на примере памятников юга Восточной Европы) // Камяна доба України. – 2003. – Вып. 4. – С. 223-235.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 219-246.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). – М.: Научный мир, 2006. – 346 с.

Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. – Киев: Наукова думка, 1969. – 164 с.

Щелинский В.Е. Трасология, функции орудий и хозяйственно- производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины). – Автореф. дис. ... докт. ист. наук – СПб., 1994. – 40 с.

Binford L.R. Constructing Frames of Reference. An analytical Method for Archaeological Theory Building. Using Ethnographic and Environmental Data Set. University of California Press, 2001.

Leonova N. The Upper Paleolithic of Steppe Zone // Journal of World Prehistory. – June, 1994 – P. 3-50.

Leonova N. Dwelling in the Eastern "Steppe Zone"// Perceived Landscapes and Build Environments. The cultural geography of Late Paleolithic Eurasia. – BAR International Series. – № 1122. – 2003. – P. 17-24.

Leroi-Gourhan A., Brezillon M. Fouillies de Pincevent. Essai et analyse ethnographique d'Habitat Magdalénien (la section 36) // VIII supplement a "Gallia Prehistoire". – 1972.

Stapert D. Inside or outside? Some application of the ring and section method // XIV International Congress of Prehistoric and Protohistoric science. – 2001. – Liege. – P. 144.

**ЖИЛЫЕ ПЛОЩАДКИ КАМЕННОЙ БАЛКИ II
(особенности орудийного набора по данным раскопок 2000-2007 гг.)***

В литературе, посвященной исследованиям каменнобалковских верхнепалеолитических стоянок, понятие "жилая площадка" встречается довольно часто. Под жилой площадкой подразумевается, как правило, крупный структурный элемент культурного слоя, включающий в себя определенные его объекты [Леонова, 2003; 2008]. Жилая площадка характеризуется присутствием нескольких очагов, наличием ямок с вкопанными костями – упорами для столбиков строительных конструкций, многочисленными кремневыми находками и фаунистическими остатками. Границы жилых площадок определяются, как правило, по насыщенности материалом. На каменнобалковских стоянках границы жилых площадок нередко тождественны очертаниям выделяемых производственно-бытовых центров – крупных скоплений находок [Леонова, 1983]. Однако, чаще всего, производственно-бытовые центры включают в себя и жилую площадку, и прилегающие к ней специализированные производственные комплексы. Для каменнобалковской культуры типичны жилые площадки овальной формы, площадью 80-100 кв.м. На площади овального скопления располагается ряд достаточно глубоких очагов с выразительным заполнением. На каменнобалковских стоянках прослеживается особая система расположения очагов (линии очагов). Вокруг большого овального скопления располагается зона со значительно меньшей плотностью находок, которые часто образуют небольшие скопления, обычно производственного характера.

Как правило, именно качественный состав находок определяет особенности жилых площадок, поскольку он наиболее точно отражает специфику использования подобного пространства. Характер находок в скоплениях на жилой площадке отличается от окружающих участков содержанием большого количества орудий, их заготовок, мелкого инвентаря. Наиболее полно некоторые общие черты для жилых площадок Каменной Балки II и их отличия от окраинных частей стоянки прослеживаются при анализе распределения различных категорий орудий.

Для подтверждения этих предположений интересно привести результаты исследований различных по своей специализации участков Каменной Балки II. Для качественного анализа были выбраны 4 участка стоянки, два из которых представляли собой жилые площадки или их части (массивы данных 1 и 2), остальные два участка (массивы 3 и 4) являлись периферийными участками с разреженными находками (рис. 1). Все участки расположены в северо-восточной части стоянки, исследуемой с 2000 г. по настоящее время.

Массив 1 (участок жилой площадки, материалы раскопок 2006-2007 гг.)

Массив 1 – часть жилой площадки, вскрытой раскопками 1962, 1964, 2006 и 2007 гг. На участке, который исследовался в 2006-2007 гг., в его южной половине хорошо прослеживался контур овального скопления (жилой площадки), чрезвычайно богатого находками. Западный и южный края этого скопления были раскопаны М.Д. Гвоздовер в 1962 и 1964 гг. К сожалению, шурф 1958 года разрушил культурный слой овального скопления в северо-восточной части (рис. 1, 3), поэтому провести здесь его точную границу довольно трудно.

Культурный слой был представлен хорошо выраженной плотной поверхностью, созданной большим количеством разнообразных находок: - расщепленного кремня и раздробленной кости. Толщина культурного слоя на площади жилой площадки составляла от 5 до 20 м (рис. 2). На микропрофиле хорошо видно насколько плотно залегают культурные остатки. На некоторых участках находки, представленные расщепленным кремнем, фрагментами расколотой кости и раковинами моллюсков, образовывали сплошную брекчию, впущенную в окрашенную золой и охрой вмещающую породу, поэтому фиксация находок была произведена поэтапно по снятиям материала (рис. 3, 4).

На участке жилой площадки массива 1 располагалось 6 очагов, окруженные скоплениями расщепленного кремня и сгущениями фрагментов расщепленной кости (на кв. *m-16/17, m-19, ф-16, х-17, у, ф-20, ц'ц – 19/20*). Очаги имели неправильно-овальную форму и крутые бортики. В углистом заполнении очагов встречались фрагменты кремня и достаточно крупные фрагменты костей. Около

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 06-800-16, 08-06-10025, РГНФ № 08-01-18119.

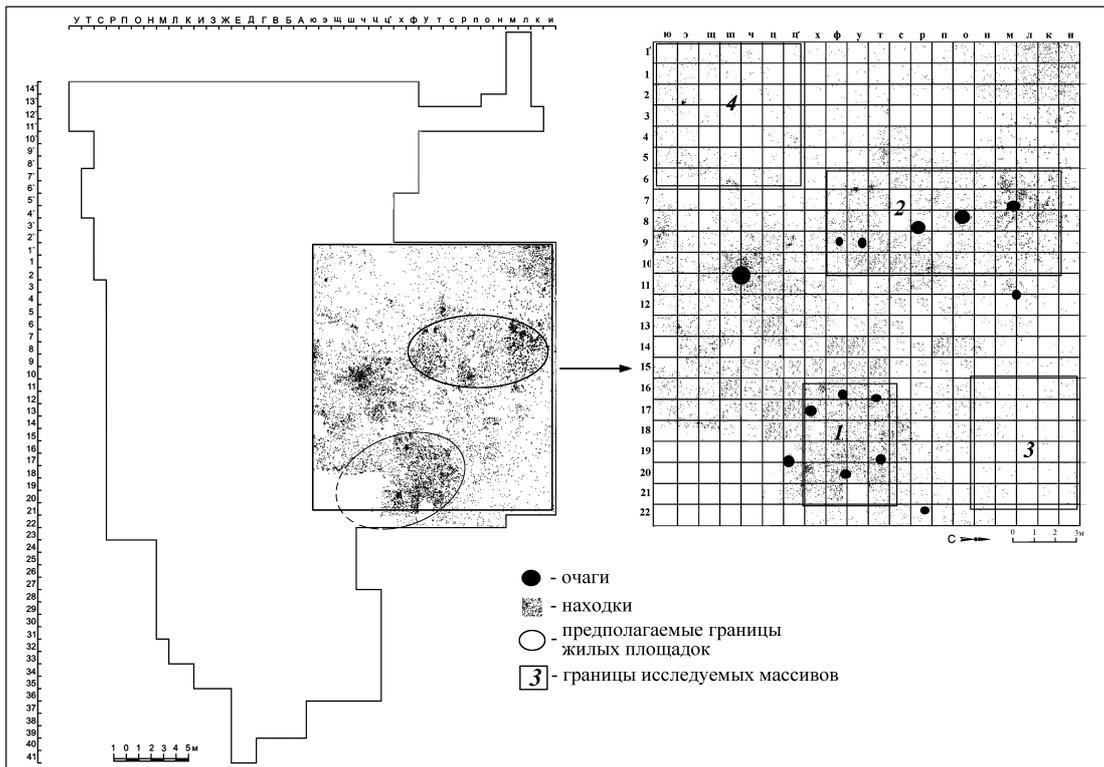

Рис. 1. Каменная Балка II. План стоянки и северо-восточный участок стоянки с находками

некоторых очагов имелись ямки с вкопанными костями (4 ямки на кв. *т-19,20, с-18, у-17, х-18*). Вмещающая порода имела серый цвет. Окрашенность не была равномерной, в некоторых местах она имела более интенсивный оттенок. Кроме того, выделялись пятна окрашенного охрой грунта, а также охра встречалась и в виде крупинки и комочков. Промывка вмещающей породы дала очень большое количество крупинки угля, охры, осколков раковин, мелких отходов производства и обломков микроорудий.

В пределах исследуемого участка выделялись несколько специализированных скоплений как на приочажных участках, так и вне их территории (рис. 5, а).

В заполнении очага на кв. *ф-16,17* было найдено 22 фрагмента кремня, семь из которых обожжены, в том числе - резец и резцовый отщепок. Всего же на этом квадрате было найдено 143 фрагмента расщепленного кремня (не считая результатов промывки), много орудий (11 экз.), среди которых 5 резцов и 3 микропластинки с притупленным краем. Найдено 8 резцовых отщепков и много фрагментов трубчатых костей. Это позволяет думать о специфической деятельности, имевшей место у этого очага.

Заполнение зольного пятна очага на кв. *т-17* содержит большое количество расщепленного кремня. Из очажного заполнения получено 46 предметов, в основном это осколки и отщепы и 3 фрагмента микропластинок с притупленным краем. Лишь только один предмет из заполнения очага обожжен, что может свидетельствовать о вторичном использовании старой очажной ямки для заполнения ее мусором. Такое использование очажных ямок хорошо известно на Каменной Балке II и говорит о сложном процессе формирования культурного слоя.

Рядом, на кв. *ф-21* располагалось выразительное сгущение находок, необычайно богатое орудиями. Здесь было найдено 10 ретушных (в том числе и двойных) резцов, много микропластинок с притупленным краем.

Вокруг очага на кв. *ц'/ц-19/20* найдено довольно много орудий, а также их обломки, заготовки и отходы производства, в основном мелкий и средний дебитаж. Среди орудий много микропластинок с притупленным краем, а также встречаются резцы, что, при наличии фрагментов раздробленных костей, позволяет предполагать присутствие здесь операций по обработке кости.

В заполнении очага на кв. *т-19* найдено 49 кремней, большинство из них обожжены. Среди находок – 6 орудий (4 микропластинки с притупленным краем, двойной резец и микропластинка с

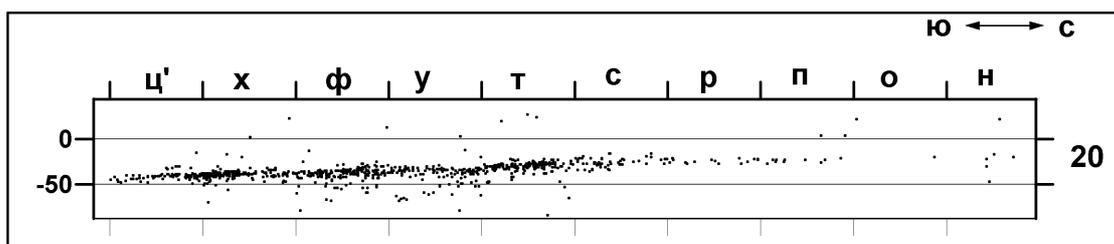

Рис. 2. Каменная Балка II. Микропрофиль участка жилой площадки по линии север-юг (2006 г.)

ретушь), большую часть других находок составляют отщепы (27 экз.) Округа очага богата разнообразными находками – вокруг очага и по его бортикам найдено 112 изделий, среди которых 10 орудий. Кроме того, найден кремневый желвак и разнообразные сколы, связанные с первичным расщеплением. Чуть дальше к югу, на кв. *у/ф-19* в слое ярко окрашенном охрой было найдено большое количество кремня, среди которого много орудий и очень мало предметов, связанных с первичным расщеплением. Кроме того, здесь найдено 20 целых раковин, часть из них с отверстиями, и их обломков. Чуть западнее на кв. *т-18* расположено скопление кремня, где высока доля продуктов всего цикла расщепления и много (около 8%) орудий, среди которых преобладают пластинки с притупленным краем.

На общей картине высокой насыщенности скопления находками выделялись отдельные, очень яркие, образования – так, на кв. *х-20*, был выявлен "точок" - крайне насыщенное маленькое скопление, в состав которого входили мелкие и очень мелкие сколы.

Выделяется участок на кв. *у/м- 20/21*, где была выявлена интенсивная окрашенность красной охрой.. Это маленький участок прилегал к очагу на кв. *у/м-19*, где также наблюдалась необычайно яркая окрашенность охрой приочажья и окружающих предметов, особенно фрагментов кости. Плотность находок внутри скопления чрезвычайно велика. Следует подчеркнуть, что количество раковин было гораздо больше обычного. Многие раковины сохранили искусственные отверстия, на некоторых видны следы красной охры.

Фаунистические остатки представлены большим количеством фрагментов костей крупных и мелких млекопитающих разной сохранности, в ямках с вкопанными костями сохранность кости гораздо лучше, чем в слое. Ямки с вкопанными костями располагались на кв. *т-19/20*, *с-18*, *у-17*, *х-18*. Палеонтологические определения показали наличие костей конечностей лошади и бизона. Кроме того, собраны многочисленные раковины моллюсков.

Таким образом, раскопанный в 2006-2007 гг. участок (массив 1) имеет все признаки и структурные элементы жилой площадки. Это наиболее насыщенное материалом скопление, имеющее внутри несколько различных участков производственной специализации (рис. 5, а). Средняя плотность находок в массиве 1 - 100 экз. на 1 кв.м. Площадь массива – 30 кв.м. Можно считать, что данный участок достаточно полно отражает всю специфику набора находок жилой площадки.

Массив 2 (жилая площадка, материалы раскопок 2001-2003 гг.)

Массив 2 представляет собой собственно жилую площадку овальной формы, площадью около 77 кв.м. (рис. 5, б). Средняя плотность – 60 находок на 1 кв.м. По длинной оси пятна находок расположены 5 очагов. Эта жилая площадка не являлась монолитным скоплением. На ее площади четко выделяются компактные стяжения кремня с различным составом находок. Можно сказать, что на этом пространстве был, не только представлен весь спектр операций по раскалыванию кремня – от подготовки нуклеуса до изготовления и использования орудий, но и деятельность по обработке кости. Непосредственно у окраины самого северного очага на кв. *к/л/м-6-10* находилось скопление находок. Центральным объектом этого скопления находок являлся небольшой очаг на пересечении кв. *м/л – 7,8*. Вокруг очага прослежено зольное пятно, распространяющееся в сторону востока и юго-востока. Очаг располагался на общей линии очагов жилой площадки, являясь самым северным из 5 ее очагов. В этом производственном комплексе была представлен весь спектр операций по раскалыванию кремня – от подготовки нуклеуса до изготовления и использования орудий. Непосредственно у южной окраины очага находилось небольшое скопление кремня, содержащее микропластинки с притупленным краем, стамески и орудия с выемками.

На кв. *т/у/ф-8-10* выявлены два небольших очага с практически не прослеживаемыми линзами. Большое количество фрагментов кости, в том числе и очень крупных, во многом объясняет состав

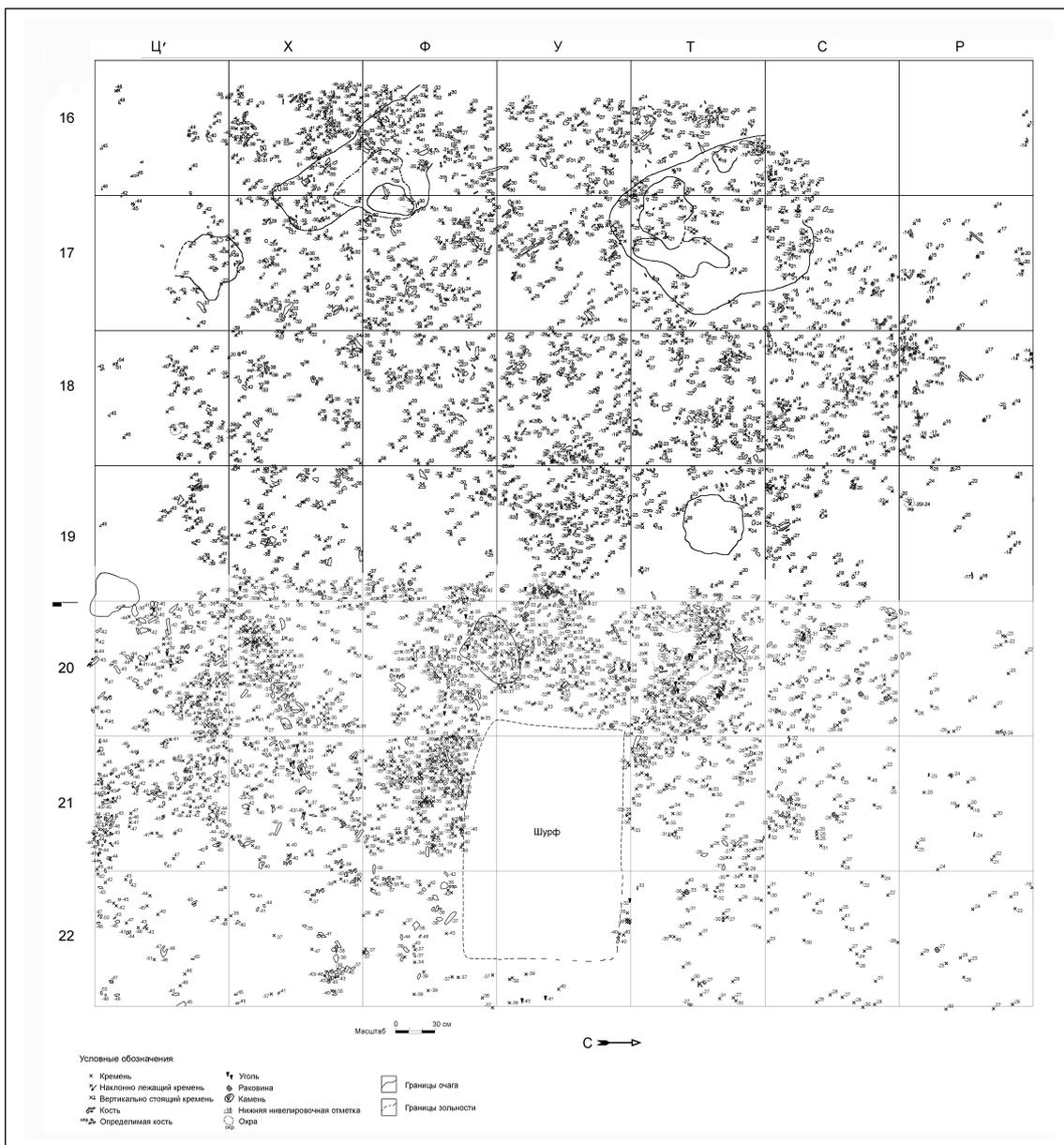

Рис. 3. Каменная Балка II. План участка жилой площадки, 1-е снятие. Раскопки 2006-2007 гг.

категорий изделий в этом объекте. В скоплении находится 42 резца, в том числе и комбинированные – двойные и тройные. Есть стамески и зубчато-выемчатые орудия. Очень много резцовых отщепков, микропластинки с притупленным краем единичны. Такой набор орудий типичен для скоплений, связанных с костеобрабатывающей деятельностью.

Пространственное единство исследованного участка культурного слоя в полной мере подтверждается данными ремонтажа. Ремонтаж выявил несомненные связи разных частей этого скопления [Леонова, Несмеянов, 2006, с. 242].

Массивы 3 и 4 представляют периферийные участки. Эти участки имеют площадь соответственно 36 и 49 кв.м (рис. 1). Плотность находок не превышает 17 предметов на 1 кв.м. На участках с разреженными находками особенно хорошо видны немногочисленные маленькие индивидуальные скопления. Наиболее четко выделяются "точки", специализированные на оформлении нуклеусов, производстве заготовок и орудий. Это объясняется тем, что при таких трудовых операциях получается наибольшее количество дебритажа. Микроскопления, где имела место деятельность по использованию готовых орудий, выделить значительно труднее, т.к. нередко свидетельствами такой деятельности в культурном слое остаются лишь единичные орудия, фрагменты кости, раковины и т.д.

В таблицах 1 и 2 представлен общее количество, состав находок и орудий для каждого из выбранных участков. Интересно, что общий состав находок (табл. 1) не показывает существенной разницы в процентном содержании разных категорий находок. Менее значимо на окраинных участках (массивы 3 и 4) представлены лишь резцовые отщепки.

Таблица 1. Каменная Балка II.

Состав находок исследуемых участков второго культурного слоя

Категория	массив 1		массив 2		массив 3		массив 4	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Всего находок	3069	100	4664	100	357	100	804	100
орудие	314	10,3	323	6,9	39	10,9	41	5,1
желвак, нуклеус	25	0,8	98	4,2	10	2,8	14	1,7
скол оживления нуклеуса	178	5,8	142	3	28	7,8	37	4,6
первичный скол	514	16,8	841	18	64	17,9	114	14,2
пластина, пластинка, микропластинка	678	22,2	1067	22,9	86	24,1	122	15,2
отщеп, осколок	1218	39,8	2005	43	120	33,6	465	57,8
краевой отщепок	13	0,4	-	-	1	0,3	-	-
резцовый отщепок	121	3,9	174	2,7	4	1,1	6	0,7
фрагмент известняка	2	0,1	2	0,1	5	1,4	5	0,6

Из таблицы 2 видны существенные различия в составе категорий орудий на представленных участках, что позволяет отметить как некоторые общие черты для участков, определяемых в качестве жилых площадок, так и их существенные качественные отличия от периферийных участков.

Таблица 2. Каменная Балка II.

Состав орудий исследуемых участков второго культурного слоя

Категория	массив 1		массив 2		массив 3		массив 4	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Всего орудий	314	10,3	323	6,9	39	10,9	41	5,1
резец	64	20,4	111	34,4	13	33,3	11	26,8
скребок	20	6,4	26	8	5	12,8	8	19,5
стамеска	7	2,2	21	6,5	3	7,7	2	4,9
проколка	5	1,6	5	1,5	1	2,6	-	-
острие	5	1,6	6	1,9	3	7,7	-	-
транке	10	3,2	14	4,3	-	-	1	2,4
комбинированное орудие	23	7,3	22	6,8	3	7,7	1	2,4
микропластинка с притупленным краем	100	31,8	43	13,3	2	5,1	4	9,8
пластинки с ретушью и следами использования	28	8,9	18	5,6	1	2,6	2	4,9
отщеп с ретушью и следами использования	25	8	2	0,6	2	5,1	5	12,2
зубчато-выемчатое орудие	4	1,3	4	1,2	1	2,6	1	2,4
зубчатое орудие	10	3,2	-	-	-	-	-	-
орудие с выемкой	2	0,6	20	6,2	-	-	4	9,8
долотовидное (чешуйчатое) орудие	2	0,6	2	0,6	1	2,9	1	2,4
ретушер	1	0,3	1	0,3	2	5,1	-	-
остальные орудия	8	2,6	28	8,7	2	5,1	1	2,4

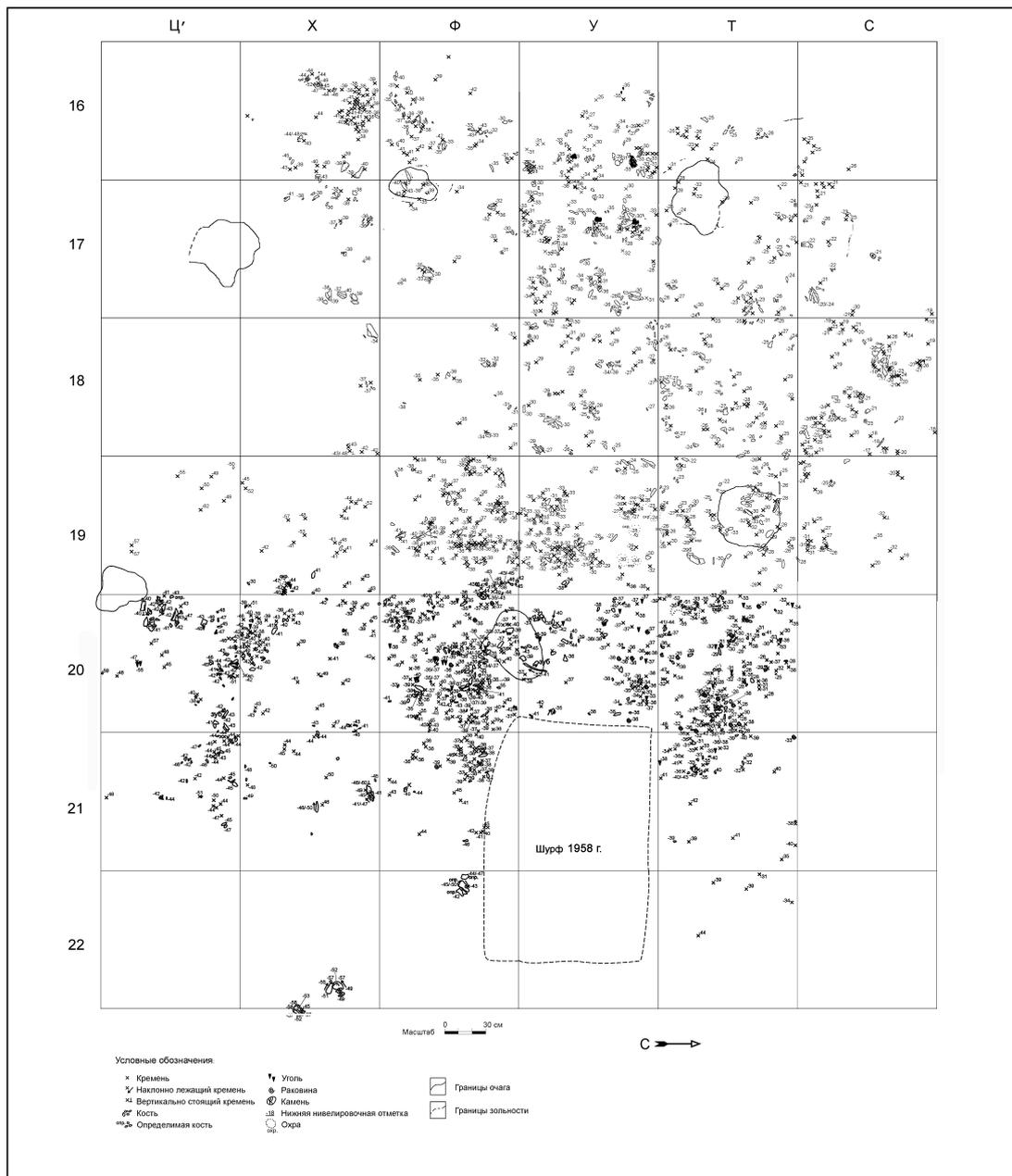

Рис. 4. Каменная Балка II. План участка жилой площадки, 2-е снятие. Раскопки 2006-2007 гг.

На периферийных участках представленный набор категорий орудий существенно беднее, чем на жилых площадках, однако их доля в общем составе находок довольно высока. Из всех категорий орудий только скребки, чаще встречаются на периферийных участках, чем в местах с высокой концентрацией находок.

Жилые площадки отличает, прежде всего, широкая представленность таких категорий орудий как микропластинки с притупленным краем, транке и комбинированные орудия (табл. 2). Причем наличие большого количества первых двух категорий говорит в первую очередь о том, что в пределах жилой площадки происходила активная деятельность по изготовлению и подправке резцов и производству микропластинок с притупленным краем. Места скопления резцов не всегда совпадают со скоплениями дебитажа, но, как правило, сопровождаются скоплениями резцовых отщепков. О деятельности по изготовлению вкладышевых орудий также свидетельствует большое количество микродебитажа, сконцентрированное в местах скопления микропластинок с притупленным краем [Хамакава, 2008, с. 94-97].

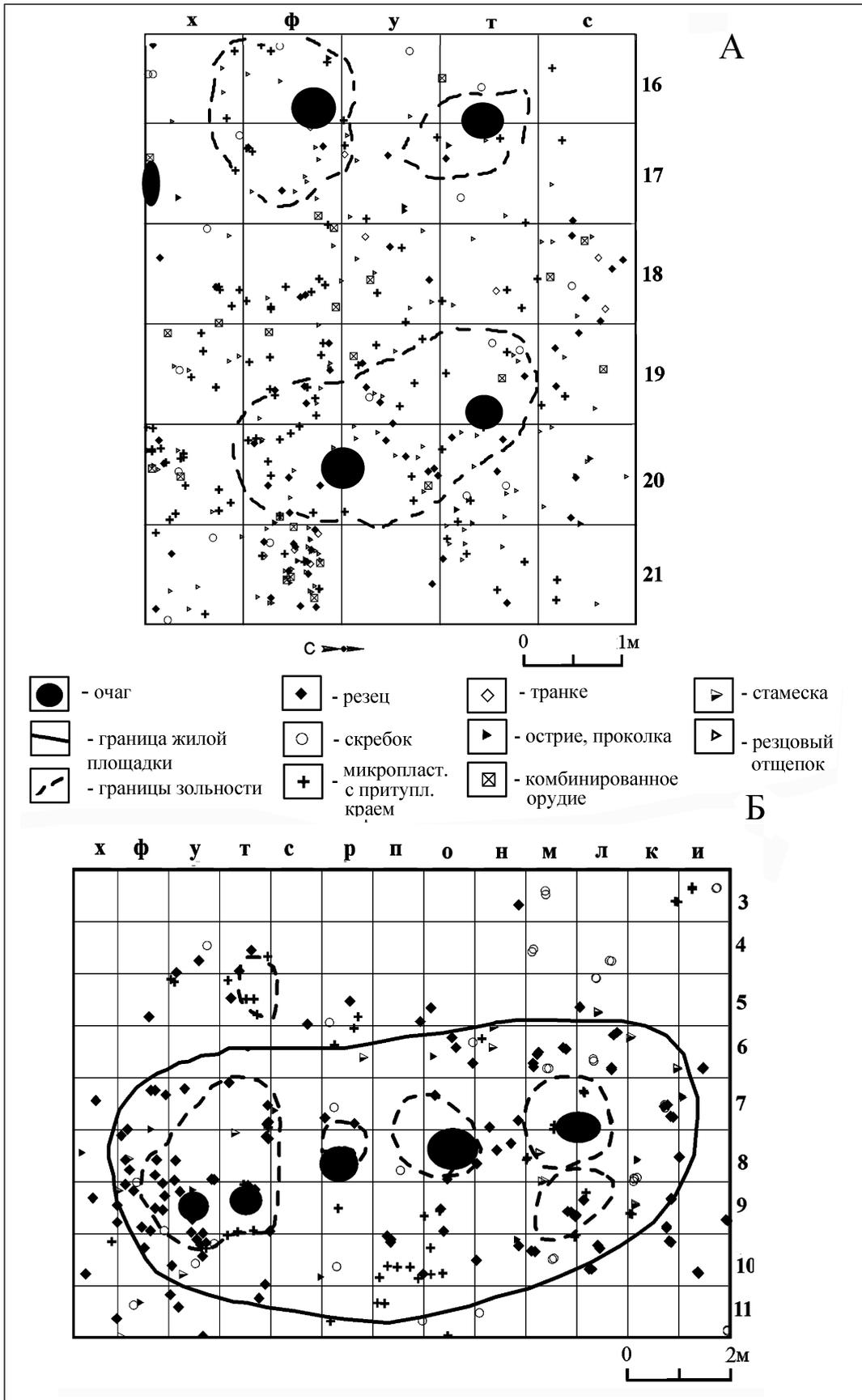

Рис. 5. Каменная Балка II. А - план участка жилой площадки (массив 1), Б - жилая площадки (массив 2)

Исходя из анализа планиграфии, количественного и качественного состава находок представленных участков можно отметить устойчивые характеристики распределения орудий на жилых площадках стоянки.

1. Примерно равномерное распределение орудий по площади. Это происходит из-за того, что пространство жилой площадки используется более интенсивно. Многоразовое использование несет за собой неоднократное наложение следов различных видов деятельности.

2. Большое разнообразие орудий, вследствие совершения разных операций.

3. Скопление большого количества одной категории орудий на конкретных участках как свидетельство традиционного использования одного и того же места для определенной деятельности или результата одновременной одинаковой работы нескольких людей.

4. Высокое процентное содержание мелких вкладышевых орудий, основные места концентрации таких находок – приочажные скопления.

5. Незначительное количество скребков. Наибольшее число этих орудий, как правило, расположено на участках с разреженными находками. Это свидетельствует о том, что производственные операции со скребками (выделка шкур) требовали свободного пространства.

Также можно выявить некоторые закономерности в использовании таких объектов, как очаги. Большинство исследуемых очагов жилых площадок использовались продолжительное время, сначала непосредственно для разведения и поддержания огня, а впоследствии – как зона эвакуации отходов. Оба этих этапа использования очагов отличает значительное количество находок, расположенных в его округе, как следствие интенсивной деятельности по раскалыванию кремня и обработке кости. Линза культурного слоя в местах приочажных скоплений всегда имеет наибольшую на территории всей жилой площадки толщину. При этом ее весьма трудно, а в большинстве случаев невозможно разделить на микропрослойки, соответствующие разным временным этапам использования этого места.

Не исключено, что подобные характеристики жилых структур могут прослеживаться и на других верхнепалеолитических стоянках степной зоны.

Список литературы

Леонова Н.Б. О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок // Вопросы антропологии. – 1983. – Вып. 71. – С. 104-110.

Леонова Н.Б. Жилые площадки и жилища: особенности формирования культурного слоя (на примере памятников юга Восточной Европы) // Камяна доба України, вып. 4. – 2003. — С. 223-235.

Леонова Н.Б. Организация жилого пространства на стоянках каменнобалковской культуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. – 2008. – М. – Т. I. – С. 135-139.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). – М.: Научный мир. – 2006. – 346 с.

Хамакава М. Специализация хозяйственной деятельности на стоянке Каменная Балка II на основе анализа распределения микродебитажа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда 2008. – М. – Т. I. – С. 94-97.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Памятники, относящиеся к верхнему палеолиту, известные в Волгоградской области немногочисленны, изредка освещаются только в региональных публикациях и практически не упоминаются в археологической литературе. Может создаться впечатление, что верхнего палеолита нет в Волгоградской области. Действительно, нет ни одного достаточно полно раскопанного памятника; одна стоянка вскрыта на минимальной площади, две предварительно обследованы, собран подъемный материал на нескольких местонахождениях. Тем не менее, даже столь немногочисленные данные заслуживают рассмотрения (рис. 1).

Известные стоянки расположены в бассейне Среднего Дона, в его нижней половине. Верхний палеолит нижней части Среднего Дона освещен настолько плохо, что в литературе при упоминании верхнепалеолитических памятников Среднего Дона подразумеваются памятники Костенковско-Борщевского района. Однако Средний Дон это не только Костенки. Костенки это только верхнее течение Среднего Дона. Цель настоящей публикации представить сведения о верхнем палеолите не только нижнего течения Среднего Дона, но и имеющиеся на сегодняшний день данные по основным памятникам верхнего палеолита Волгоградской области (рис. 1).

Рис. 1. Основные верхнепалеолитические памятники Волгоградской области

Новогригорьевская стоянка

Стоянка открыта в 1991 г. при проведении поисковых работ Среднедонской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). Памятник находится у северной окраины ст. Новогригорьевка (Иловлинский район Волгоградской области) и расположен на первой надпойменной террасе правого берега Дона высотой 5-6 м, изрезанной по кромке небольшими овражками. В одном из таких овражков, условно обозначенном № 1, был найден подъемный материал и верхнепалеолитический культурный слой. В 1991-2001 гг. в овраге №1 неоднократно производились сборы подъемного материала, также выполнено четыре зачистки [Нехорошев, 2006, с. 110-130; Вишняцкий, 2000].

Долина Дона в районе стоянки имеет четкое асимметричное строение (поперечный профиль): правый берег — крутой и обрывистый, левый — широкий и пологий. Четко выражена пойменная и первая надпойменные террасы. Ширина низкой поймы превышает километр, относительная высота — 4-6 м. Первая надпойменная терраса шириной 1-1,5 км хорошо выражена, с четким уступом, с относительной высотой 5-10 м. Возраст ее устанавливается как молодошекснинско-осташковский. Вторая надпойменная терраса развита не повсеместно, выражена нечетко, является, как и первая надпойменная терраса, аккумулятивной, высота ее над урезом воды составляет 18-20 м, возраст — микулинско-калининский.

В месте стоянки терраса выходит к широкой низкой пойме Дона. Поверхность террасы почти горизонтальная, с повышением к водоразделу. Других террасовых уровней не прослеживается. Крупные лога и балки расположены на значительном расстоянии от стоянки: балка Голая в двух км к ЮВ (ниже по течению Дона) и яр Сухоруков в 1 км к СЗ (выше по течению). Ситуация вовсе нестандартная — обычной приуроченности к мысу, логу или крутому склону не наблюдается.

Стратиграфия:

- 1) Современная почва — 0,5 — 0,1 м.
- 2) Суглинок светло-коричневый желтоватый — до 0,1 м.
- 3) столбчатой структуры пылеватый, легкий — 1,2 м.

Изделия верхнего палеолита залегают в верхней части светло-коричневого суглинка на глубине 1,2-1,4 м от современной поверхности горизонтом мощностью 20-30 см.

Угольков, костей, охры, золы, камней и т.п. не обнаружено. По суглинку, содержащему каменные изделия, А.И. Шлюковым получены термoluminesцентные даты: 07-Vol-01 (глубина от современной поверхности 1,36 м) — 49100 ± 3400 и 08-Vol-01 (глубина 1,72 м) — 46800 ± 3900 лн. Однако эти результаты вряд ли могут быть приняты, учитывая разброс ТЛ датировок, полученных по той же методике и тем же автором для стоянки Шлях.

В целом материал хорошей сохранности; подобались друг к другу три кремневых отщепе. Каменные изделия по сырью в 85% случаев представлены кварцитом светло-серого, иногда розоватого и желтоватого цветов, остальное — кремнь неоднородного серого цвета. Крупное месторождение кварцита выходит на современную поверхность в верховьях балки Голый Яр в 6-7 км к ЮЗ от стоянки; кремнь встречается по крупным балкам выше (в основном) и ниже стоянки. Всего найдено 3053 предметов орудия — 71, фрагменты пластин, пластинок и микропластинок — 403, прочие сколы — 526, нуклеусы — 6 и нуклеидные предметы — 5, отбросы производства — 2042: мелкие отщепы и осколки, чешуйки — 1991, куски и обломки без видимых следов обработки — 51. Орудия составляют всего 2,3% от общего количества инвентаря или 7% без учета отбросов. Среди изделий со вторичной обработкой наиболее многочисленны резцы — 15 экз. Преобладают ретушные резцы — 8 экз., есть также угловые — 4 экз., срединные — 2, плоский — 1. Отщепы с резцовыми сколами — 2 экз. Скребки — 3 экз., еще 5 орудий можно назвать скребковидными. Рабочий край одного из скребков оформлен брюшковой ретушью. Проколки — 2 экз.; продольное скребло на массивном отщепе. Фрагменты пластин с обработкой: — 16 экз.: с ретушью — 10 экз. (у трех ретушь с брюшка), с усеченными концами — 3 экз., с притупленным краем — 1 экз., с маленькими ретушированными выемками — 2 экз. Отщепы с ретушью — 9 экз. Массивный фрагмент отщепе, по форме напоминающий тесло, с чередующейся зубчатой ретушью по "лезвию" — 1 экз. Осколки с ретушью — 16 экз.

Пластины и (микро-) пластинки хотя и многочисленны — 40% без учета отбросов, но представлены преимущественно фрагментами, целых — всего 5. На 87% сохранившихся площадок представлены четкие следы верхнепалеолитической техники скола, причем, на некоторых площадки не только редуцированные, но и выпуклые. Ширина отдельных кварцитовый пластин достигает 4 см. Пластинки (ширина 0,7-1,4 см) по сравнению с мезолитическими пластинки грубее и более массивны, т.е. определенно изготавливались ударом, а не отжимом. Микропластинки (ширина до 0,7 см) немногочисленны и, возможно, имеют случайное происхождение, поскольку не найдено нуклеусов для

их изготовления, хотя они могли получаться и при изготовлении резцов. Прочие сколы, как и пластины, представлены, в основном, фрагментами. Среди них можно особо выделить сколы подправки площадок нуклеусов — 26 экз., резцовые сколы — 11 экз. (три с ретушью) и полурезерчатые — 39 экз. Площадки, как правило, гладкие и естественные, редуцированных всего 15%.

Нуклеусы: одноплощадочный и полюсные призматические (2 экз.), двусторонний противоположащего скальвания и два фрагмента, один из которых несет следы использования в качестве отбойника.

Таким образом, условия залегания археологического материала в суглинке первой надпойменной террасы Дона, типология орудий и характер технических приемов снятия сколов-заготовок четко указывают на верхнепалеолитический возраст стоянки.

Культурная принадлежность памятника пока не определена, поскольку даже типологически выразительные орудия, в целом, достаточно обычны для стоянок верхнего палеолита, хотя примечательно полное отсутствие в инвентаре долотовидных орудий или изделий, использовавшихся в качестве таковых.

Стоянка Александровка 1

Вторая верхнепалеолитическая стоянка, представившая относительно многочисленный материал, Александровка 1, обнаружена краеведом-любителем В.И. Куфенко в 1982 г. [Куфенко, 1990]. Расположена у с. Александровка Жирновского района Волгоградской обл., т.е. на севере области, почти на водоразделе Дона и Волги (рис. 1). К Волге стоянка находится даже ближе, чем к Дону, но гидрологически относится к бассейну Среднего Дона. Памятник расположен на правом берегу р. Медведицы (левый приток Дона) и приурочен к приустьевому мысу Малого Каменного оврага, выходящего в долину Медведицы.

Каменные изделия происходят из отвала траншеи, которая была проложена нефтяниками для отвода воды от скважины. Траншея вскрыла культуросодержащий слой на протяжении 20 м. Каменные изделия залегали на глубине 0,7–0,8 м в горизонте размыва мощностью 3 см — в желтовато-сером песке, включающим мелкую гальку и щебень.

Сырьем для обитателей памятника служил местный кремний в виде желваков, плиток и конкреций, иногда кварцит и доломит. Выходы кремня находятся в том же Малом Каменном овраге выше по руслу, а кварцита — на водоразделе в 2-х км к СЗ от устья оврага. Однако подготовка кремня к расщеплению производилась прямо на выходах сырья, а не на стоянке: на самом памятнике практически нет кремневых изделий с желвачной коркой. Все каменные изделия хорошей сохранности, без следов окатанности и оглаженности, не патинизированы, как правило, частично покрыты карбонатным налетом.

Каменный инвентарь насчитывает около 250 изделий: 16 орудий, 7 нуклеусов, а также пластины, отщепы и осколки.

Орудия.

Долотовидные — 2 экз. Одно на отщепе (рис. 3, 9); лезвие оформлено двусторонними снятиями со следами забитости и заломов. Второе — на плитке кремня.

Концевые скребки — 3 экз. У первого скребка, изготовленного на фрагменте отщепа, лезвие оформлено мелкой крутой ретушью (рис. 2, 1). Второй скребок выполнен на отщепе; лезвие оформлено неровной крутой ретушью, смещено влево, справа выделено выемкой (рис. 2, 4). Последний — также на отщепе с несколько смещенным влево лезвием (рис. 2, 9). Боковой скребок представлен фрагментом; лезвие оформлено крутой ретушью (рис. 2, 3).

Комбинированные орудия — 2 экз. Одно представляет собой боковой скребок со следами использования в качестве долотовидного орудия (рис. 2, 7). Другое — также боковой скребок, но совмещенный с острием (рис. 2, 11).

Выемчатое орудие с выделенным "углом" (рис. 2, 10). Выемка обработана крутой ретушью. Фрагмент пластины с ретушью (рис. 2, 8) — один край обработан крутой, другой — пологой ретушью. Отщепы с ретушью — 2 экз. Первый оформлен крутой и пологой ретушью, причем последней частично обработана и вентральная сторона (рис. 2, 2). У второго мелкой отвесной ретушью обработан правый край с бруска, а на левом, возможно, ретушь утилизации (рис. 2, 6). Пластины с ретушью утилизации (?) — 3 экз. (рис. 3, 6–8). Одно изделие по форме напоминает концевой скребок (рис. 3, 8). Отщеп с ретушью утилизации (?) по форме напоминает концевой скребок (рис. 2, 5).

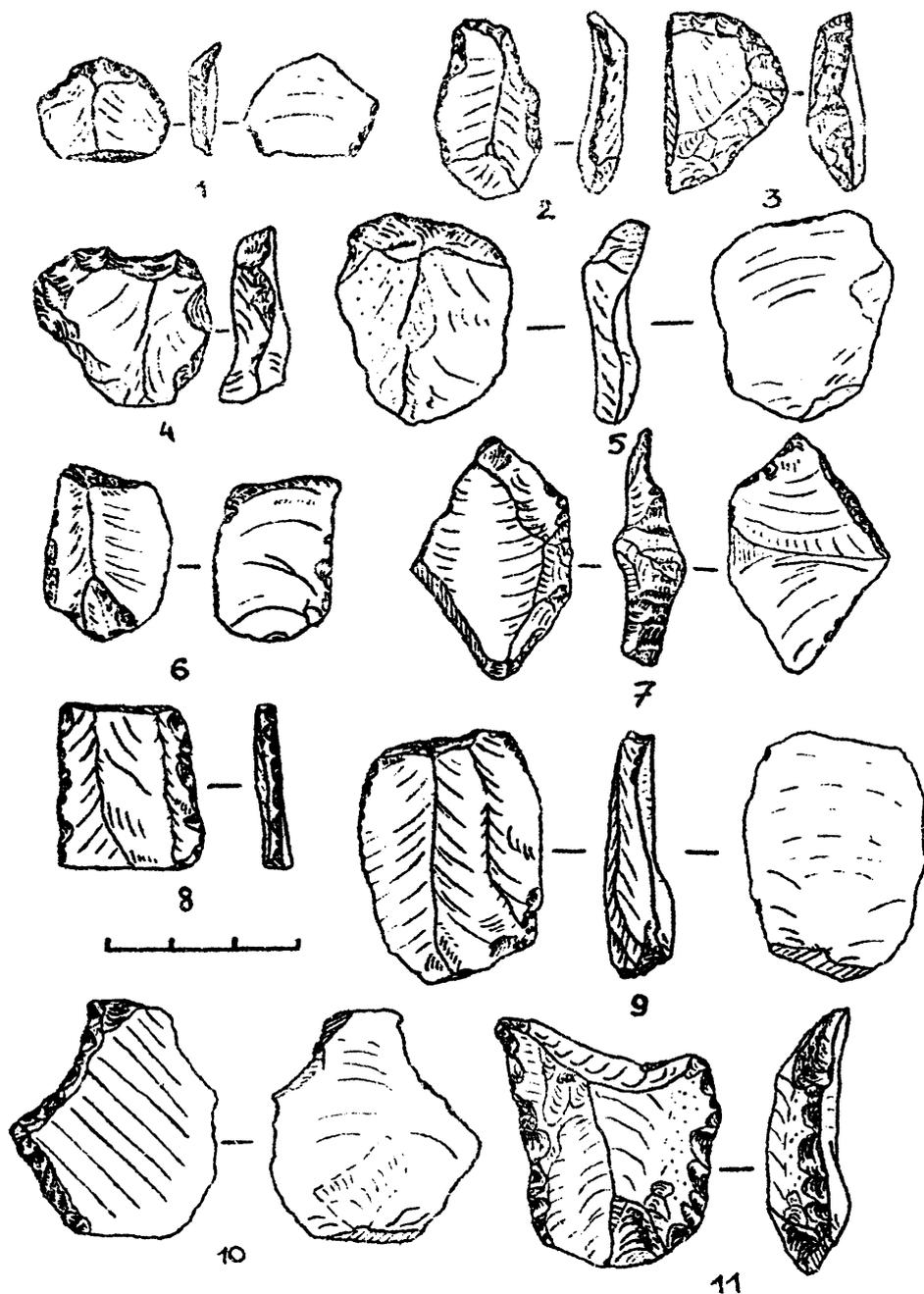

Рис. 2. Александровская верхнепалеолитическая стоянка [по: Куфенко, 1990]. Каменные изделия: 1, 4, 9 — скребки, 2, 6 — отщепы с ретушью, 3 — боковой скребок, 5 — отщеп с ретушью утилизации, 7 — боковой скребок-долотовидное орудие, 8 — фрагмент пластины с ретушью, 10 — выемчатое орудие, 11 — боковой скребок-острие

Все нуклеусы призматические, одноплощадочные, как правило, со скошенной к тыльной стороне площадкой (рис. 3, 1). Первичное расщепление направлено на получение пластин (рис. 3, 5) и пластинчатых отщепов средних (рис. 3, 2-4) и малых размеров с тонким сечением. Однако пластины далеко не всегда имеют правильное ограничение спинки, а их профиль заметно изогнут, что прямо соответствует одноплощадочному скалыванию, поскольку, как известно, двуплощадочное встречное скалывание позволяет получать пластины с прямым профилем.

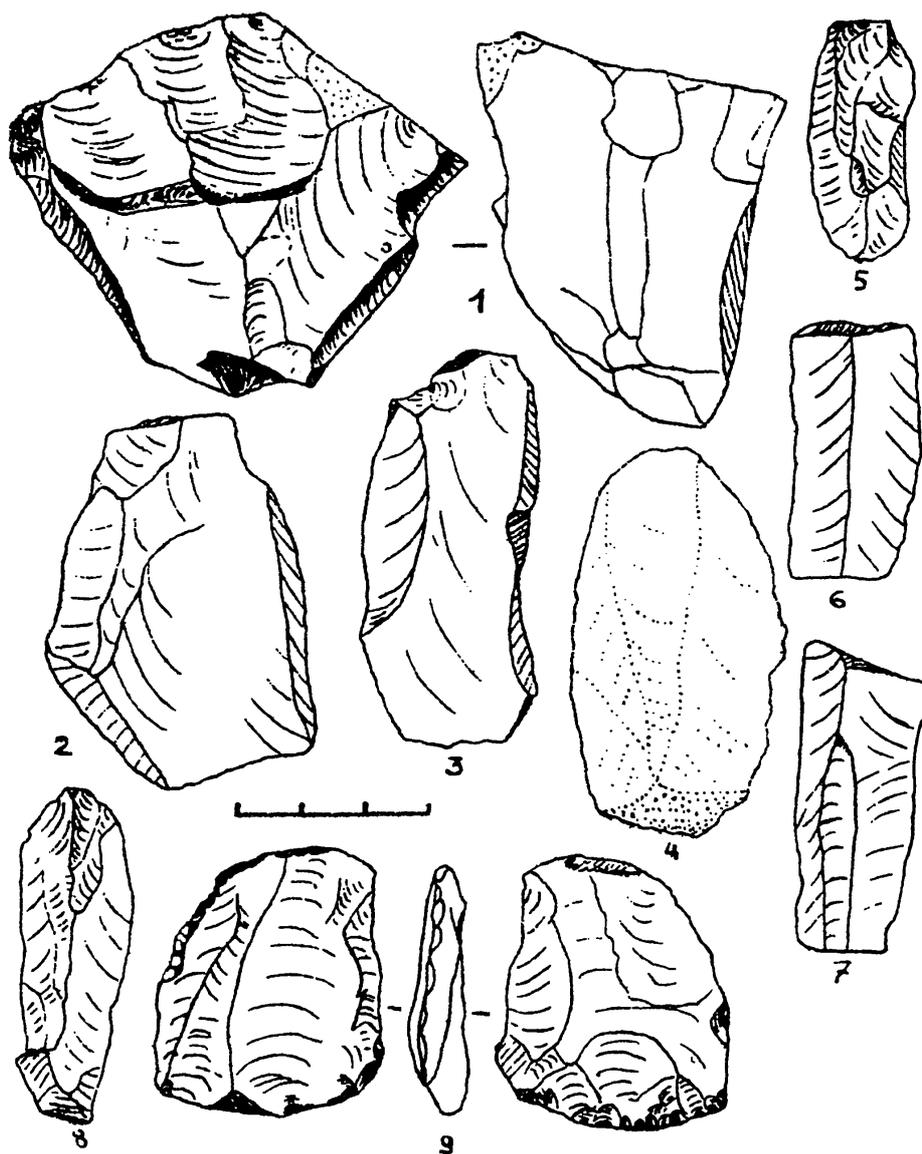

Рис. 3. Александровская верхнепалеолитическая стоянка [по: Куфенко, 1990]. Каменные изделия: 1 — нуклеус, 2–4 — отщепы, 5 — пластина, 6–8 — пластины с ретушью, 9 — долотовидное орудие

Каменный инвентарь, без сомнения относящийся по условиям залегания и типологическому облику к верхнему палеолиту, пока не дает возможности соотнесения памятника с какой-либо известной верхнепалеолитической культурой, поскольку даже типологически выразительные орудия, в целом, достаточно обычны для стоянок верхнего палеолита. Примечательно отсутствие в инвентаре резцов и вообще применения приема снятия резцового скола.

Стоянка Шлях

Третий памятник, представивший верхнепалеолитический материал — это стоянка Шлях [Нехорошев, 2006, с. 27-61]. Памятник Шлях находится во Фроловском районе Волгоградской области и приурочен к крутой излучине левого берега балки Паники в 2,5 км выше по руслу от хут. Шляховского (1,5 км к северу) и примерно в 13,5 км к СВ от Дона (рис. 1).

В толще рыхлых четвертичных отложений стоянки общей мощностью до 5 м, залегающих непосредственно на глинах верхнего карбона, выделено 9 слоев аллювиального и делювиального

генезиса (суглинки, супеси, песок, галечник), в восьми из которых был обнаружен археологический материал. Верхнепалеолитические изделия обнаружены в слоях 4С и 6.

Слой 4С обнаружен только в раскопе 2 (18 м²) на площади 3 м². Помимо каменных изделий было расчищено зольно-углистое пятно и пятно ярко желтой охры. Никаких костных остатков найдено не было. Раскопки культурного слоя, залегающего *in situ* мощностью 3–5 см, показали, что его основная часть уничтожена карьером — слой сохранился полосой до 1 м вдоль кромки карьера.

Всего найдено 150 предметов. Состав коллекции следующий: грубое зубчатое скребло — 1, фрагмент пластины — 1, пластинка — 1, фрагмент пластинки — 1, медиальная часть микропластинки — 1, отщепы — 10, мелкие отщепы — 20, чешуйки — 111, осколки — 3, кусок песчаника — 1. Значительная часть отщепов — 16 экз. — собрались в 2 подборки — 13 и 3 экз. На многих отщепах четко фиксируется применение верхнепалеолитической техники скола.

Каменный инвентарь недостаточно выразителен для его определения его культурной принадлежности. Можно уверенно сказать, что, судя по верхнепалеолитической технике скола, применявшейся при обработке камня, комплекс относится к верхнему палеолиту. Об этом же свидетельствует и определение его возраста (32–33 тыс. л.н.), установленное по результатам естественнонаучных анализов.

Слой 6. Все каменные изделия происходят из щебнистого горизонта (горизонт размыва) слоя 6 раскопа 3 (30 м²). В массе кремневого оглаженного щебня практически по всей площади раскопа, но особенно в южной и юго-западной части, встречаются немногочисленные кремневые артефакты. Некоторые из них оглажены, но большинство хорошей сохранности. Материал в подавляющем большинстве мелкий — самый крупный отщеп 5 × 6 см и, без сомнения, переотложен еще в древности. Всего найдено 86 предметов: отщепы (крупнее 3-х см) — 6, фрагмент пластины (ширина больше 1,5 см) — 2, фрагменты пластинок — 11 (ширина меньше 1,5 см), фрагменты микропластинок (больше напоминают обломки чешуек) — 7, мелкие отщепы, фрагменты мелких отщепов и чешуйки — 60. В целом материал невыразительный, хотя по облику некоторых пластин и пластинок можно отнести его к верхнему палеолиту, а абсолютный возраст, находится в диапазоне 34–36 тыс. л.н.

Помимо стоянок, необходимо упомянуть три местонахождения с относительно показательным каменным инвентарем.

Похлебин I [Береговая, 1984, с. 124; Праслов, 1967, с. 124]. Местонахождение обнаружено Н.Д. Прасловым (ЛОИА АН СССР) в 1 км к северу от хутора Похлебин Котельниковского района в волноприбойной зоне высокого уровня Цимлянского водохранилища (рис. 1). Собрано около 70 кремневых предметов: призматические нуклеусы, многочисленная группа резцов (боковых, срединных, угловых, комбинированных), редкие и маловыразительные скребки, пластины и отщепы. Изделия не окатаны, многие со следами тонкой известковой корочки. Развитый уровень пластинчатого расщепления, разнообразие типов резцов свидетельствуют о верхнепалеолитическом облике каменной индустрии.

Ежовка. Местонахождение находится в районе хутора Ежовка, расположенного недалеко от поселка им. Максима Горького Городищенского района (рис. 1). Сборы выполнены краеведом-любителем С.Г. Краснобаевым в 1988 году. Всего найдено 33 кремневых и кварцитовых предмета. Среди находок выразителен сильно сработанный призматический нуклеус. Орудия представлены тремя боковыми и одним концевым скребками, боковым резцом. Сколы подразделяются на отщепы (15 экз.) и пластины (3 экз.). Есть также два реберчатых скола с редуцированными площадками. На семи кремневых обломках имеются следы вторичной обработки. Судя по набору орудий, технике расщепления местонахождение имеет верхнепалеолитический возраст.

Бекетовка. Местонахождение находится в поселке Бекетовка Кировского района города Волгограда (рис. 1). Расположено на склоне Ергенинской возвышенности. Сборы Н.Д. Праслова и С.Г. Краснобаева 1971 г. доставили более 80 предметов. Среди них нуклеусы плоскостного, призматического (рис. 4, 1) и бессистемного принципа расщепления, скребловидные орудия, клювовидное изделие, боковой резец (рис. 4, 2), пластины с ретушью (рис. 4, 3) и заготовки орудий, отщепы и пластины. Кроме этого, среди материалов сборов имеется 16 сильно минерализованных осколков костей животных. Местонахождение относится исследователями к эпохе верхнего палеолита.

Есть также ряд менее значительных местонахождений, с невыразительным каменным инвентарем, характерным для мастерских и относимых к верхнему палеолиту.

Родниковая балка (рис. 1). Местонахождение расположено в верховьях Родниковой балки и находится между селом Пичуга и хутором Челюскинец Дубовского района. В 1982 г. Л.В.

¹ Авторы выражают благодарность Н.Д. Праслову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

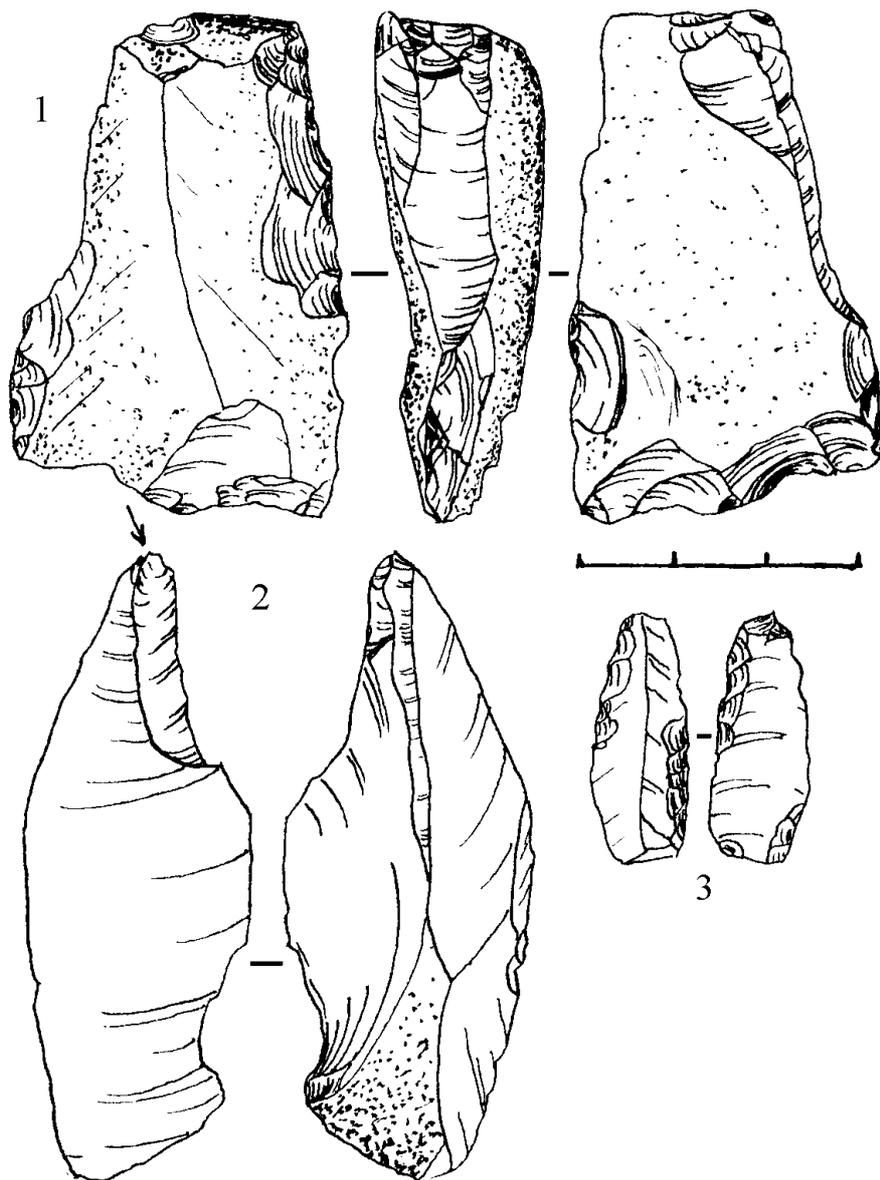

Рис. 4. Верхнепалеолитическое местонахождение Бекетовка. Каменные изделия: 1 — торцовый призматический нуклеус, 2 — резец, 3 — пластина с ретушью

Кузнецовой [1982, 1984] в этом месте был произведен сбор подъемного материала. Находки лежали на поверхности мыса и были зафиксированы в стенке овражка. Здесь в 1983 г. была заложена траншея площадью 14 м² и в желтовато-коричневой супеси на глубине 0,7–1,3 м найдено 126 кремневых и кварцитовых предметов. Находки равномерно залежали в содержащем их слое, не образуя каких-либо горизонтов. Это позволяет предположить, что слой с обломочным материалом и находками, переотлагаясь, постепенно сползал вниз по склону. Среди находок выделяется группа призматических нуклеусов (25 экз.); есть полоторцовые и бессистемного скальвания. Сколы (72 из кремня и 22 из кварцита) представлены отщепами (83 экз.), чешуйками (11 экз.) и пластинами (6 экз.). Вторичную обработку имеют 3 отщепа. Судя по тому, что все находки состоят из нуклеусов и сколов с них, можно охарактеризовать местонахождение в Родниковой балке как мастерскую по первичному расщеплению

камня. Отсутствие геологической привязки и датировки этого слоя, невыразительность каменного инвентаря ориентировочно определяет возраст мастерской как не древнее эпохи верхнего палеолита.

Большая Козловая балка I [Береговая, 1984, с. 33; Палеолит СССР, с. 95; Праслов, 1967, с. 120-126; 1968, с. 135]. Балка Большая Козловая впадает затопленную ныне долину реки Курмоярский Аксай ("Курмоярское убежище") в 5-7 км севернее хутора Похлебин Котельниковского района (рис. 1). Местонахождение приурочено к береговому обнажению мариининской террасы Дона. Под обнажением террасы мощностью 20 м Н.Д. Прасловым собрано около 20 кремней. Пять отщепов и шаровидный нуклеус сильно окатаны и происходят, вероятно, из аллювия. Остальные находки относятся, по всей видимости, к покровным отложениям. Это 2 шаровидных нуклеуса, обломок остроконечника, скобель на удлиненном пластинчатом отщепе, массивное скребло со слегка выпуклым рабочим краем и около 10 отщепов. Находки не окатаны и не патинизированы. По мнению Н.Д. Праслова, возможна их принадлежность к верхнему палеолиту.

Городище. Местонахождение на юго-восточной окраине районного центра, поселка Городище (рис. 1). Сборы проведены С.Г. Краснобаевым в 1970-1971 гг. Всего найдено более 170 предметов. Подавляющее большинство (140 экз.) составляют отщепы, среди остальных находок несколько сработанных призматических нуклеусов и бифасиальное изделие. Местонахождение можно отнести к верхнему палеолиту.

Ивановка I-III [Береговая, 1984, с. 78; Праслов, 1967]. Позднепалеолитические местонахождения на берегу опытного бассейна у с. Ивановка Светлоярского района (рис. 1). Первые находки, около 100 каменных изделий сделаны А.А. Йессеном в 1929 г. В 1965 г. окрестности села Ивановка были обследованы Н.Д. Прасловым. Находки залегают в желто-буром суглинке позднечетвертичного времени.

Ивановка I расположена примерно в 100 метрах ниже плотины опытного бассейна в ложе спускового лотка. По всей видимости, именно это местонахождение было установлено А.А. Йессеном. В 1965 г. здесь были найдены нуклеус, скребок, несколько расщепленных фрагментов кремня. Кремь не окатанный, покрытый известковой коркой.

Ивановка II. Местонахождение открыто Н.Д. Прасловым в 1965 г. В выкидах из окопов и блиндажей времен Великой Отечественной войны собрано несколько кремней, в том числе концевой скребок на отщепе. В береговом обрыве здесь же на глубине около 0,3 м в желто-буром суглинке, подстилающем современную почву полного профиля, найдено несколько расколотых фоссилизированных костей животных.

Ивановка III. Местонахождение также открыто Н.Д. Прасловым в 1965 г. Собрано 7 осколков кремня со следами обработки. На глубине около 1,5 м обнаружены кварцитовая патинизированная пластинка и кремневый отщеп, покрытый известковой корочкой.

Подгородниченково [Береговая, 1984, с. 78; Праслов, 1967, с. 126]. Местонахождение обнаружено Н.Д. Прасловым в 2,5 км к северо-востоку от устья Большой Козловой балки (рис. 1). В устье небольшой, но древней балочки, выходящей в затопленную ныне долину р. Курмоярский Аксай, на левом берегу найдено несколько изделий из кремня, датированных поздним палеолитом.

Антиповка. Местонахождение в окрестностях села Антиповка Камышинского района (рис. 1). В волноприбойной зоне Волгоградского водохранилища (рис. 1) сотрудником Волгоградского областного краеведческого музея А.А. Ярковым в 1984 г. найдено 5 предметов из кремня и кварцита. Среди находок призматический нуклеус, грубопризматический и нуклеус плоскостного принципа расщепления, а также нож с обушком и фрагмент пластины.

Колпачки [Горецкий, 1952; Праслов, 1967, с. 122]. В 1934 году геологами С.С. Прониным и З.Н. Барановской в 9 км от г. Калач-на-Дону, на берегу речки Карповки, левого притока Дона, в местности Колпачки были найдены 3 удлиненных кремневых отщепов со следами неглубокой патины, предположительно отнесенных к верхнему палеолиту (рис. 1). Отщепы найдены *in situ* в лессовидных суглинках и супеси второй надпойменной террасы на глубине около 9 м несколько выше луговой погребенной почвы, мощностью до 2 м, в которой найдены кости грызуна — суслика рыжеватого (*Citellus rufescens Keys et Blas*), типичного представителя верхнепалеолитического фаунистического комплекса.

Похлебин II [Береговая, 1984, с. 124; Праслов, 1967, с. 124]. Местонахождение, найденное Н.Д. Прасловым, расположено под обнажением второй надпойменной террасы между хутором Похлебин и устьем впадающей в Курмоярский Аксай речки Сибиречной (рис. 1). Кремневый нуклеус и нуклеидный обломок найдены на высоте около 2 м над урезом водохранилища. Призматическая техника оформления нуклеуса позволяет это местонахождение, по определению Н.Д. Праслова, "предположительно отнести к позднему палеолиту".

Таким образом, даже, несмотря на относительно немногочисленный материал, не содержащий каких-либо специфических типов орудий, выделяются верхнепалеолитические памятники двух типов:

1) Типа Новогригорьевки, где многочисленны резцы и представлены скребки, отсутствуют долотовидные орудия при развитом пластинчатом расщеплении. Также сюда можно отнести Похлебин 1, возможно Ежовку и Бекетовку.

2) Типа Александровки, в инвентаре которой отсутствуют резцы, хорошо представлены боковые скребки при неразвитом пластинчатом расщеплении. Возможно, к этой группе относится стоянка Шлях, сл. 4С, и Большая Козлова балка. Археологический материал Александровки, как и стоянки Шлях, сл.4С, залегает в горизонте размыва. Горизонт размыва в окрестностях Александровки, как указывает исследователь памятника В.И. Куфенко [1990, с. 68], в других обнажениях этого района на таком уровне не обнаруживается. Возможно, он связан только со склоновыми отложениями балок и, в таком случае, не исключено, может быть сопоставлен по возрасту с отложениями слоя 6 стоянки Шлях, который датируется 34–36 тыс. л.н. В таком случае Александровка и слой 4С стоянки Шлях представляют комплексы ранней поры верхнего палеолита.

Ряд местонахождений, такие как Родниковая балка, Городище и некоторые другие могут быть определены как мастерские по первичной обработке камня.

В целом верхнепалеолитические памятники Волгоградской области, при всей своей немногочисленности и плохой изученности показывают как культурное, так и хозяйственное разнообразие, а также представляют хорошие перспективы для дальнейших исследований.

Список литературы

- Береговая Н.А.** Палеолитические местонахождения СССР. – Л.: Наука, 1984. 171 с.
- Вишняцкий Л.Б.** Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда Среднедонской палеолитической экспедиции в 2000 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, КП 5301. – 24 с.
- Горецкий Г.И.** Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА. – 1952. – т. XVI.
- Кузнецова Л.В.** Отчет о разведках памятников палеолита в Волгоградской области в 1982 г. // Архив Самарского краеведческого музея.
- Кузнецова Л.В.** Отчет о раскопках мастерской каменного века у с. Пичуга Дубовского района Волгоградской области в 1983 г. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1.
- Куфенко В.И.** Александровка I – памятник эпохи верхнего палеолита на р. Медведице // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 1. – Волгоград: Волг. госпединститут, 1990. – С. 64-71.
- Нехорошев П.Е.** Стоянка Шлях // Археология Нижнего Поволжья. Том 1. Каменный век. Волгоград: Волг. научное изд-во, 2006а. – С. 27-61.
- Нехорошев П.Е.** Новогригорьевская стоянка // Археология Нижнего Поволжья. Том 1. Каменный век. Волгоград: Волг. научное изд-во, 2006б. – С. 75-79.
- Палеолит СССР.** Археология СССР. М.: Наука, 1984.
- Праслов Н.Д.** Отчет о поисках палеолита в Волго-Донском междуречье в 1965 году // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1.
- Праслов Н.Д.** Поиски палеолита в Волго-Донском междуречье // БКИЧП. – 1967. – № 34. – С. 120–126.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. – МИА. – № 157. – 1968. – 135 с.
- Праслов Н.Д.** Археологические разведки на юго-востоке Приволжской возвышенности // АО 1969 г. –1970. – С. 85-86.
- Ремизов С.О.** Палеолитическое местонахождение в Ерзовской балке // Древности Волго-Донских степей. — Вып. 4. — Волгоград: Перемена, 1994. – С. 88-91.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА: К 70-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ С.Н. БИБИКОВА

Семьдесят один год назад на "II конференции Комиссии ископаемого человека АИЧПЕ было постановлено организовать систематические поиски палеолита в неисследованных районах, к числу которых был отнесен и Южный Урал" [Бибиков, 1940, с. 35]. В том же 1937 г. по приглашению Челябинского областного музея С.Н. Бибиков совершил первую ознакомительную поездку на Южный Урал для изучения Усть-Катавской костеносной пещеры и прошел "небольшим разведочным маршрутом" в окрестностях г. Усть-Катав [Бибиков, 1941, с. 64]. Основными результатами работ того года стало обнаружение первых кремневых верхнепалеолитических материалов и подготовка к планомерному изучению долины реки Юрюзань в 1938-1939 гг., в ходе которых были открыты и исследованы пещерные стоянки эпохи позднего палеолита [Бибиков, 1950а; Карачаровский, 1951]. Одним из важнейших итогов проведенных исследований было выявление "связующего звена между двумя очень обширными палеолитическими областями Европейской и Азиатской частей СССР" [Бибиков, 1950а, с. 104]. С.Н. Бибиков, несмотря на короткое время полевых работ в горно-лесной зоне Южного Урала, составил ценный и актуальный до сегодняшнего дня план дальнейших работ по изучению региона. Когда образовалась Южно-Уральская экспедиция МГУ, одним из важнейших направлений ее деятельности стало продолжение исследований Южного Урала на основе результатов работ С.Н. Бибикова.

Работы по изучению пещерных памятников в бассейнах рек Ай и Юрюзань Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ проводятся с 1999 г. на таких памятниках как: пещеры Сикияз-Тамак I, V и X, Бурановская и Ключевая.

Пещера Бурановская

Пещера Бурановская расположена на левом берегу р. Юрюзань (левый приток р. Уфа, бассейн р. Белая), в 27 км северо-западнее г. Усть-Катав, на высоте 15-20 м от береговой линии р. Юрюзань.

Перед пещерой располагается площадка – размером не более 20 м². "Вход в пещеру обращен на юго-восток. Ширина входа до 3,5 м, высота 2,30 м. Пещера коридорного типа..." [Бибиков, 1950а, с. 85].

У входа, на правой стене пещеры располагаются рисунки, выполненные пигментом красного цвета – "верхнее изображение воспроизводит, вероятно, наконечник гарпуна... На 3-4 см ниже изображения гарпуна нанесено второе изображение какого-то животного..." [Бибиков, 1950б, с. 100]. К сожалению, топографическое положение рисунков – практически на уровне капельной линии, а климатический фактор, как и постоянно увеличивающийся поток туристов, не способствуют сохранению рисунков.

К юго-восточной границе раскопа С.Н. Бибикова был прирезан разведочный раскоп, площадью около 7 м², вскрыт участок культурного слоя голоценового времени, практически идентичный тому, что исследован в 1938-1939 гг. [Бибиков, 1950б].

Значительная рыхлость грунта, вертикальное положение некоторых фрагментов керамики и костей, залегающих в темно-серой сухой пылевидной супеси и темно-сером опесчаненном легком суглинке, свидетельствует о значительной переотложенности культурного слоя. Фрагменты керамики (определение Е.Е. Кузьминой, Н.С. Савельева) относятся – в том числе – к федоровской культуре бронзового века, иткульской культуре раннего железного века, караякуповской культуре эпохи раннего средневековья.

Зафиксировано 10 предметов каменной индустрии, среди которых половина – 6 экз. – представлены фрагментами ножевидных пластинок (некоторые с ретушью) из яшмоидной породы зеленого цвета, аналогичные найденным в 1938-1939 гг. Длина пластинок варьирует от 1,2 см до 3,5 см, ширина – от 0,5 до 1,8 см. Кроме того, обнаружены каменные изделия из многоцветной яшмы – скребок и три отщепы.

Были найдены несколько галек; фрагмент одной из которых имеет следы сильного термического воздействия, а цвет идентичен охре из погребения и пигменту писаницы [Житенев,

2004]. Необходимо отметить, что при изучении культурного слоя у Бурановской II писаницы, рядом с развалом сосуда энеолитической эпохи "зафиксировано скопление галек длиной от 2 до 9 см. Многие из них расколоты, вероятно, вследствие нагрева: их поверхность обожжена" [Широков, 2004, с. 309].

С.Н. Бибиков сообщает о том, что находок охры (в каком бы то ни было виде) в изученном им культурном слое сделано не было [Бибиков, 1950б, с. 105]. Тогда как, в погребении охра находилась в виде компактного скопления в специальной ямке под черепом. Исходя из этих наблюдений, С.Н. Бибиков считал одновременными (и более ранними, чем материалы культурного слоя) погребение и наскальные рисунки. В итоге комплексных исследований было убедительно доказано сходство образцов красителей Бурановской I писаницы и материалов из культурного слоя пещеры (пережженные гальки, фрагменты твердых охр, порошок охры из ямки с черепом погребенного).

Пещера Ключевая

Пещера Ключевая расположена в Салаватовском районе Республики Башкортостан на левом берегу р. Юрюзань. Археологическое исследование пещеры было произведено С.Н. Бибиковым в 1938-1939 гг. [Бибиков, 1940].

Шурф (4м²) был заложен на привходовой площадке (закрытой валом обрушения) и прирезан к южной стенке раскопа С.Н. Бибикова. Вскрытый участок является границей привходовой площадки и склона. Культурные остатки, обнаруженные в светло-желтом суглинке, представляли собой отдельные тонкие скопления незначительного количества углей, редкие фрагменты костей животных (в т.ч., *Equus sp.*, *Rangifer tarandus L.*, *Ursus arctos*) и единичные кремневые предметы [Житенев, 2007б].

Каменные изделия позднепалеолитического времени представлены более разнообразно, чем в материалах из раскопок С.Н. Бибикова. По всей видимости, это связано не с разницей в методике проведения работ, а с функциональной особенностью исследованного участка, расположенного на границе капельной линии, хорошо освещенного и уже практически не доступного сырому прохладному воздуху из пещеры.

В результате исследования обнаруженного материала с помощью бинокулярного микроскопа (Н.Н. Скаун, ИИМК РАН) были выявлены следы использования, которые свидетельствуют об употреблении остря на неправильной пластине с высокой спинкой и крутой ретушью по одной стороне и участками крутой ретуши по другой в качестве проколки для шкур; а фрагмент пластинки с двумя участками ретуши по обеим сторонам и ретушированной выемкой – является обломком скобеля по дереву с тремя рабочими краями.

По всей видимости, время посещения человеком Ключевой пещеры может быть определено поздней порой верхнего палеолита, сравнимого в абсолютных датах со временем образования культурного слоя в Игнatieвской и ряде других пещер [Житенев, 2007б].

Материалы из Ключевой пещеры иллюстрируют привычную картину незначительного количества каменного инвентаря в большинстве известных пещерных палеолитических памятников Южного Урала, что связано, по всей видимости, с функциональными особенностями стоянок [Бибиков, 1950а; Широков, Косинцев, 1997; Щелинский, 1997].

Сикияз-Тамакский пещерный комплекс

Сикияз-Тамакский пещерный комплекс находится в Саткинском районе Челябинской области, в 26 км к северо-западу от г. Сатка, на южных отрогах хребта Туйтубе, в известняковых скалах крутых сухих логов и правого скалистого берега реки Ай (левый приток р. Уфа, бассейн р. Белая).

Пещера Сикияз-Тамак I (Сквозная им. А.Д. Сысоева) – лабиринтного типа, она расположена на высоте 50 м от уровня р. Ай. Основным объектом исследований был зал № 8. Культурный слой исследован в северо-западной части зала на участке около 10 м² [Житенев 2006, 2007а].

Археологические материалы представлены: двумя отщепами, а также острием на симметричной пластинке с высокой спинкой и крутой ретушью по обоим краям из высококачественного черного кремня, представляющим собой (по определению В.Е. Щелинского, А.К. Филиппова, Г.Ф. Коробковой) "стреляный" наконечник. Кроме того, найден фрагмент костяного наконечника (?). Для культурного слоя получена дата - 11690 ± 70 л.н. (GrA-18661), однако, не исключена возможность некоторого омоложения возраста из-за загрязненности образца.

На черепе пещерного медведя (*Ursus spelaeus*), обнаруженном спелеологами в 1996 г., и некоторых костях из культурного слоя были зафиксированы нарезки, произведенные каменными орудиями. Более того, в результате исследований с помощью бинокулярного микроскопа (Н.Н. Скаун, ИИМК РАН), а затем и методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии, удалось определить и

аналитически доказать факт преднамеренного окрашивания (отдельных участков?) черепа медведя красной охрой.

Пещера Сикийз – Тамак Х расположена рядом с северным входом в пещеру Сикийз-Тамак I, у подножия скалы правого борта круглого сухого лога. Работы ведутся в верхнем и нижнем залах пещеры. В верхнем зале в пределах раскопа (8 м²) вскрыта толща позднеплейстоценовых отложений на глубину до трех метров от уровня современной дневной поверхности. На глубине чуть более 1,2 м от современной дневной поверхности на ограниченном участке были обнаружены ряд костей очень крупной особи северного оленя (*Rangifer tarandus* L., определение Э.А. Вангенгейм, ГИН РАН), редкие древесные угольки и орудие на отщепе из горного хрусталя. В результате его изучения с помощью бинокулярного микроскопа (Е.Ю. Гиря, ИИМК РАН) были выявлены следы длительного использования – резание мягкого материала (мяса?). Данный комплекс находок позволяет предполагать наличие остатков разрушенного (?) культурного слоя или горизонта обитания/посещения.

Изучение напластований в рекогносцировочном раскопе у южной стены нижнего зала было проведено на площади около 10 м², а шурф доведен до глубины 2,3 м от современной дневной поверхности.

На глубине 1,70 м от нижней границы гумусированного слоя в толще светло-желтого суглинка был зафиксирован горизонт посещения (в виде незначительного количества древесных угольков и кремневых чешуек) позднепалеолитического времени. На уровне кровли горизонта посещения был обнаружен вывалившийся из стены фрагмент известняка, покрытый с одной стороны красной охрой (5,4 × 4,9 см; высота – 3,5 см). Результаты аналитических исследования подтвердили данный вывод и показали существенное отличие (в т.ч. микроэлементного состава) этого пигмента от железистых натечков, имеющих на стенах ряда пещер Сикийз-Тамакского комплекса. Стратиграфическое положение исключает пост палеолитическое происхождение и попадание в слой этой находки. По всей видимости, данный фрагмент известняка сохранил часть изображения, нанесенного на южную стену нижнего зала пещеры.

Открытие новых фактов использования охры в верхнем палеолите Южного Урала позволяет дополнительно укрепить статус региона как отдельного очага палеолитического пещерного искусства. К известному изобразительному комплексу Каповой пещеры, ряду изображений Игнatieвской пещеры, Серпиевской 2 (?) прибавляется свидетельство практики нанесения изображений на освещенные дневным светом стены привходовой части пещеры и окрашивания черепов крупных хищников - пещерных медведей [Петрин, 1992; Петрин, Широков, 1990; Щелинский, 2001].

Минеральные краски пещерных памятников Южного Урала

Открытия свидетельств новых форм использования охры в верхнем палеолите Южного Урала выявило острую необходимость широкого исследования и сравнения минеральных красок из разных памятников каменного века данного региона [Житенев, 2006, 2007a].

В буквальном переводе с греческого слово "охра" обозначает бледно-желтый цвет. Со временем охрами стали называть различные по происхождению, как правило, глинистые породы, окрашенные в желтые, коричневые и красные цвета окислами и гидроокислами железа. Состав и пигментные свойства охр определяются наличием в них чистых окислов (гематит) или гидроокислов (гетит, лимонит, лепидокрокит) железа, а также глинистых минералов (каолинит, монтмориллонит, хлорит...), кварца, талька, слюды... [Chalmin et al., 2003, p. 215].

Изучение охр из культурного контекста основано на том, что всякий неорганический красочный пигмент состоит из одного или нескольких основных элементов. Выявление в анализируемом образце соответствующих элементов в надлежащих пропорциях позволяет идентифицировать ключевые вещества, использованные для приготовления основы красочного пигмента. Определение примесей позволяет реконструировать рецептуру приготовления краски.

Искусственно привнесенные примеси служили в качестве наполнителей (позволявшие регулировать текучесть и насыщенность цвета краски) и связующих. Более того, в некоторых случаях, наличие тех или иных примесей позволяет использовать полученные результаты для решения вопросов относительной хронологии и культурного родства памятников [Clottes, 1997].

Первоначально, изучение минерального состава образцов красных красок, обнаруженных в результате исследования на памятниках Сикийз-Тамакского пещерного комплекса, было связано с необходимостью сравнения охр между собой и с естественными пигментами, встречающимися на остеологических материалах и стенах карстовых полостей. Однако уже первые результаты, полученные при аналитическом изучении (сканирующая электронная микроскопия,

рентгенофлуоресцентная спектрометрия, рентгеноструктурные методы) красочных пигментов, оказались настолько неожиданными, что стала очевидной необходимость детального исследования и сравнения образцов красочных пигментов с большего числа памятников.

Результаты изучения образцов красной краски с черепа пещерного медведя из пещеры Сикияз-Тамак I и части изображения с поверхности вывалившегося фрагмента известняка из стены привходового зала пещеры Сикияз-Тамак X убедительно показало незначительную роль окислов или гидроокислов железа в минеральном составе данных пигментов.

В качестве сравнительного материала на следующем этапе исследованы образцы охры из (заведомо не палеолитического возраста) культурного слоя и погребения Бурановской пещеры, а также красочного пигмента из Бурановской I писаницы [Бибиков, 1950б].

В итоге комплексного исследования образцов красителей из Бурановской пещеры (пережженной гальки, фрагментов охры, порошка охры из ямки с черепом погребенного) и Бурановской I писаницы было убедительно доказано их сходство. Следует особенно отметить исчезающе малую долю окислов или гидроокислов железа в минеральном составе данных пигментов. Основа охристого пигмента из культурного слоя, погребения и писаницы у входа в пещеру была приготовлена одним способом – из измельченной доломитовой гальки, аналогичной обнаруженной в культурном слое; а для получения собственно краски (для изобразительной деятельности) был введен разбавитель – полевой шпат.

Более того, использование галек для приготовления красителей позволяет с новой стороны рассмотреть вопрос о значении вбитых у грудной части костяка из Бурановской пещеры трех удлиненных крупных "гольшей" [Бибиков, 1950б].

В связи с необходимостью увеличения сравнительного материала, были отобраны для предварительного исследования образцы пигментов из Игнatieвской, Серпиевской 2 и Мурадымовской 2 пещер.

Итоги изучения минерального состава красок из Игнatieвской пещеры, проведенные по инициативе В.Т. Петрина, опубликованы [Пальчик, 1992]. Результаты комплексного исследования пяти образцов из Игнatieвской пещеры, проведенных в ряде лабораторий МГУ, частично схожи с итогами работы предшественников. Идентифицированные основы пигментов – это кальцит, кварц и глинистые минералы, с примесями, в т.ч., гипса; содержание Fe крайне незначительно.

Следует особенно отметить сходство рецептуры изготовления (напр., использование полевого шпата как неорганической примеси - наполнителя) некоторых красящих пигментов в Игнatieвской и Бурановской пещерах. Аналогичность рецептуры позволяет вновь поставить вопрос о времени создания изображений в Игнatieвской пещере, особенно учитывая результаты прямого датирования росписей [Steelman et al., 2002]; и демонстрирует один из вариантов выявления и выстраивания относительной хронологии изобразительных ансамблей как внутри пещеры, так и в региональном контексте [Clottes, 1997; Nameau et al., 2001].

Исследованные пигменты из Серпиевской 2 и Мурадымовской 2 пещер представляют собой образцы красок, в основе которых окислов и гидроокислов железа практически нет.

Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о том, что окислы и гидроокислы железа отсутствовали в основе значительного количества рецептов красок, использовавшихся в монументальном искусстве Южного Урала на протяжении длительного времени, начиная с эпохи верхнего палеолита. Дальнейшие исследования красочных пигментов позволят более детально рассмотреть вопросы относительной хронологии и культурного родства изобразительных памятников Южного Урала.

Заключение

В результате многолетнего археологического изучения Южного Урала так и остается (за редчайшим исключением) незабытым тезис С.Н. Бибикина о кратковременном характере посещений пещерных палеолитических стоянок и малочисленности каменного инвентаря в культурном слое этих памятников. К сожалению, не удалось до сих пор в должной мере выполнить намеченный С.Н. Бибикиным план изучения "водораздельных плато, склонов возвышенностей и низин" с целью обнаружения долговременных палеолитических стоянок [Бибиков, 1940, с. 39].

Результаты рекогносцировочных исследований междуречья рек Ай и Юрюзань на участках, откуда поступает в музеи Республики Башкортостан и Челябинской области большое количество костных остатков мамонтовой фауны, видимо, позволяет надеяться на возможное в обозримом будущем обнаружение долговременных палеолитических поселений.

Список литературы

- Бибиков С.Н.** Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал) // КСИИМК. – 1940. – Вып. III. – С. 35-39.
- Бибиков С.Н.** Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе пос. Усть-Катав // МИА. – 1941. – № 2. – С. 61-64.
- Бибиков С.Н.** Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала (Экспедиционные исследования ИИМК Академии наук СССР и Областного Челябинского музея) // СА. – 1950а. – № XII. – С. 66-104.
- Бибиков С.Н.** Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. – 1950б. – № XIII. – С. 95-138.
- Житенев В.С.** Исследование пещерных стоянок в бассейнах рек Ай и Юрюзань // АО 2003 г. – М.: Наука, 2004. – С. 314-315.
- Житенев В.С.** Череп пещерного медведя с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России: Материалы I (XVII) ВАС. – Новосибирск, 2006. – Т. 1. – С. 201-203.
- Житенев В.С.** Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург – Сургут, 2007а. – С. 92-93.
- Житенев В.С.** Пещера Ключевая (р. Юрюзань, Южный Урал): новые материалы позднепалеолитического времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург – Сургут, 2007б. – С. 93-95.
- Карачаровский В.В.** Позднечетвертичная фауна пещер бассейна р. Юрюзани (Южный Урал) // МИА. – 1951. – № 21. – С. 244 – 269.
- Пальчик Н.А.** Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнatieвской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск, 1992. – С. 163-164.
- Петрин В.Т.** Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 205 с.
- Широков В.Н.** Уральские писаницы // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург, 2004. – С. 281-314.
- Широков В.Н., Косинцев П.А.** Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. – Уфа, 1997. – С. 26-29.
- Щелинский В.Е.** Загадочный палеолит Урала // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. – Уфа, 1997. – С. 13-15.
- Chalmin E., Menu M., Vignaud C.** Analysis of rock art painting and technology of Palaeolithic painters // Measurement Science and Technology. – 2003. – № 14. – P. 1590-1597.
- Clottes J.** New Laboratory Techniques and Their Impact on Paleolithic Cave Art // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. – SF, 1997.
- Hameau Ph., Cruz V., Laval E., Menu M., Vignaud C.** Analyse de la peinture de quelques sites postglaciaires du Sud-Est de la France // L'Anthropologie. – 2001. – Т. 105. – P. 611-626.
- Steelman K.L., Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R.** Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. – 2002. – Т. 76. – P. 341-348.

ПАЛЕОЛИТ УЩЕЛЬЯ ЕНИСЕЯ В ГОРАХ ЗАПАДНОГО САЯНА

На ранних этапах освоения территорий первобытными охотниками велика была роль природных условий, среди которых можно выделить горные хребты. В зависимости от их высоты, наличия пересекающих долин, географического расположения и направления – меридионального или широтного – они были серьезным фактором, чаще препятствуя связям. Один из таких районов – прорыв Енисея через горы Западного Саяна. Возможно ли было палеолитическому человеку обитать в его долине, или по крайней мере мигрировать из территории Тувы в Минусинскую котловину и наоборот?

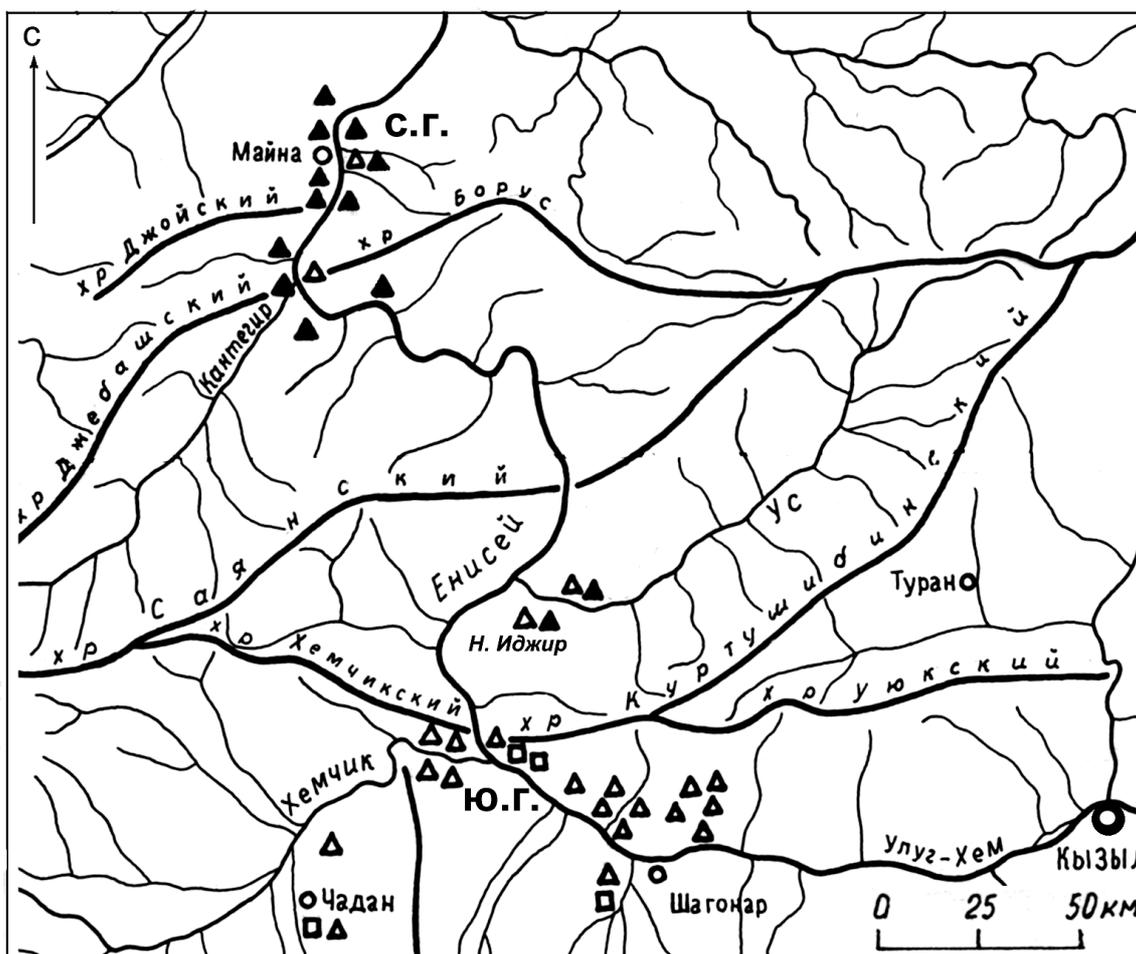

Рис. 1. Карта расположения стоянок в долине Енисея. Условные обозначения: ю.г. - южная группа, с.г. - северная группа палеолитических стоянок. ▲, △ - поздний палеолит с выраженным культурным слоем и поверхностным, □ - средний палеолит с поверхностным культурным слоем

Западный Саян вытянут субширотно и представляет собой систему довольно узких хребтов и горных цепей. Абсолютные высоты Саянского хребта достигают до 2500 – 3000 м. С юга на север горы прорезаны долиной р. Енисей, который и соединяет котловины Тувы и Хакасии. На 250 километровом участке прорыва через Западный Саян р. Енисей течет в узкой долине, местами типа каньона с

крутыми скальными берегами. Характер реки на этом участке горный, течение стремительное, имеются несколько порогов и десятки перекатов. На юге Минусинской котловины, у северного обрамления хребта и километров на 40 южнее имеется несколько десятков позднепалеолитических памятников, в том числе многослойных: Майнинская, Уй, Кантегир, Голубая и др. У южного обрамления, со стороны Центральной Тувы, найдено десятка два палеолитических памятников с поверхностным культурным слоем (аналогично Монгольским). Часть этих памятников протянулась цепочкой километров на 30 к северу. Внутри участка долины протяжением около 120 км, между северной и южной группами, несмотря на многолетние разведки, памятников не найдено. Есть одно исключение – Нижний Иджир 1 – но памятник приурочен к низовьям долины правого притока р. Ус, километрах в десяти от Енисея. В то место можно было попасть с юга через невысокие перевалы Кургушибинского хребта (рис. 1).

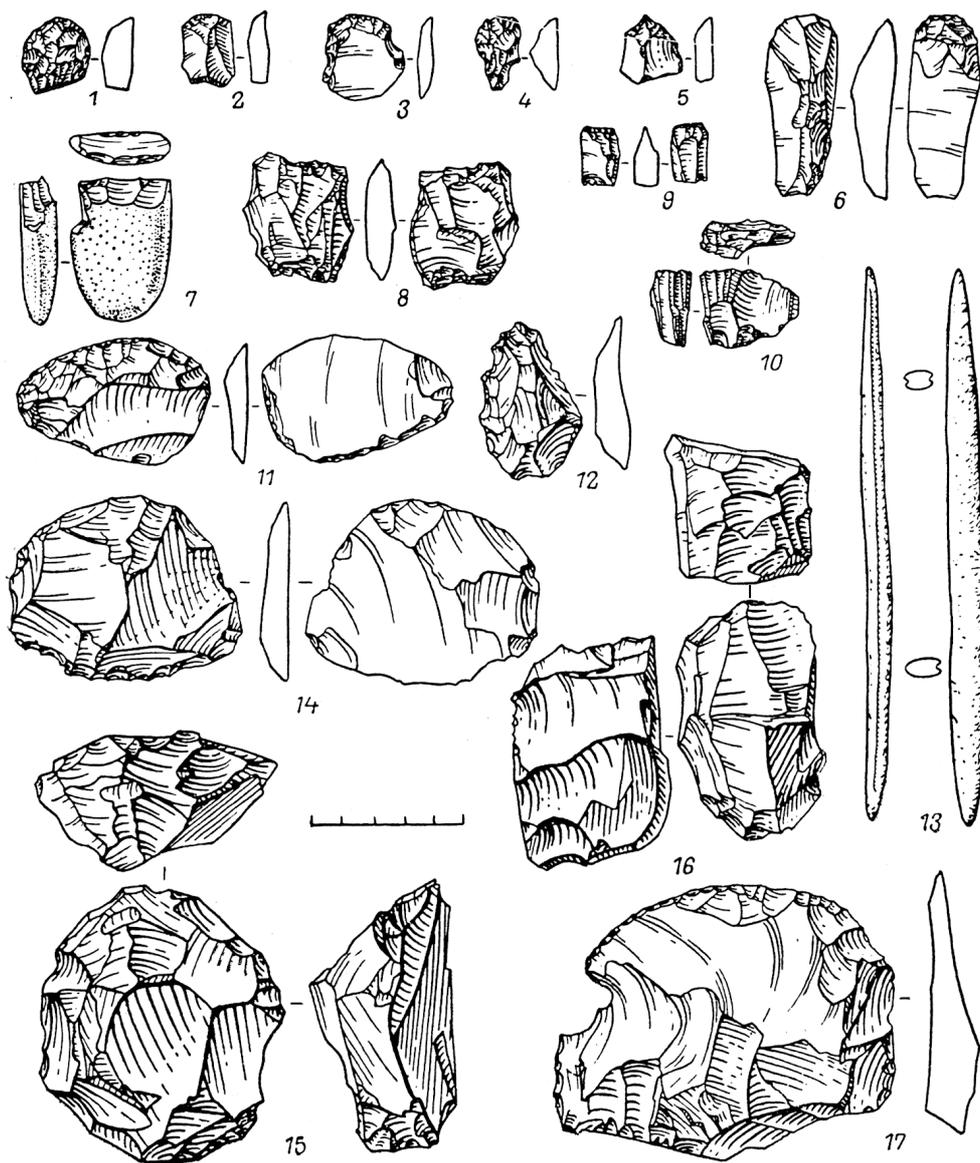

Рис. 2. Каменные и костяные изделия V слоя стоянки Кантегир.

1– 4 – скребки; 5 – проколка; 6 – орудие своеобразной формы; 7, 10 – торцовые микронуклеусы; 8, 9 – долотовидные; 11, 14, 17 –скребла; 12 – зубчато-выемчатое орудие; 13 – костяной наконечник с двумя пазами; 15 – двухплощадочный нуклеус с обработанной тыльной частью; 16 – двухплощадочный продольно-поперечный нуклеус

Для более позднего времени в "пустом" участке ущелья известны неолитические памятники. Отсутствие достоверных позднепалеолитических стоянок в центральной части каньона позволяет предполагать, что он не был транзитным коридором. Можно допустить, что продвижение по тропам через хребты было возможным.

Для проверки возможностей таких связей сравним археологические комплексы стоянок северной (С.Г.) и южной (Ю.Г.) групп позднепалеолитических памятников. Памятники северной группы представлены в основном многослойными стоянками, древнейшая из них Уй I, около 17-22 тыс. лет назад [Васильев, 1999], а завершает колонку финально- палеолитическая стоянка Сосновка Голованьская [Астахов, 1986а]. Преобладающее количество стоянок относится к периоду 16-12 тыс. лет назад (среди них Кантегир слои 2-5, Джой, Голубая I и восточный участок Майнинской слои 2-5).

Практически все памятники, исключая Уй I, нижний слой, и Голубая I, третий слой, относятся к афонтовской культурной традиции – уплощенные нуклеусы для снятия отщепов, клиновидные для микропластин, изготовление орудий на отщепах и резе на пластинах, преобладание в инструментарии скребел разных вариантов и скребков и т. д. Очень выразителен комплекс изделий стоянки Кантегир, 5 слой [Астахов, 1986а, б] (рис. 2), наиболее сходный с комплексами стоянок Уй II и Майнинской.

Северная группа стоянок, а их около трех десятков, начиная с границы Минусинской котловины с горами, как бы втягивалась в долину Енисея, имеющую здесь более мягкий рельеф и в силу этого более приспособленной для существования животных разных видов, в том числе и стадных. Так, в фауне стоянки Означенная, расположенной у выхода Енисея из гор, по определению Н.М. Ермоловой, преобладал северный олень (*Rangifer tarandus* L.), кулан (*Equus hemionus*), лось (*Alces alces*) (1 кость), птица (*Aves*). Фаунистические остатки нижних слоев Майнинской стоянки уже содержат в основном горные и лесные виды, доминирует сибирский козерог (*Capra sibirica*), бизон (*Bison priscus*) и благородный олень (*Cervus elaphus*), есть кости аргали (*Ovis ammon*), лося (*Alces alces*), лисицы (*Vulpes vulpes*), росомахи (*Gulo gulo*), зайца (*Lepus* sp.) и птиц (*Aves*) [Васильев, 1999, с. 22]. В расположенной рядом стоянке Уй I превалирует сибирский козерог (*Capra sibirica*) вместе с козлом или бараном (*Capra aut Ovis*), затем бизон (*Bison priscus*) и кулан (*Equus hemionus*) [Васильев, 1999]. В 3 слое стоянки Голубая I определен кулан (*Equus hemionus*), благородный олень (*Cervus elaphus*) и зубр или бизон (*Bos aut Bison*). В нижних слоях Кантегира - зубр (*Bos primigenius*), благородный олень (*Cervus elaphus*), сибирский козерог (*Capra sibirica*). Как видим, фауна смешанная, что характерно для предгорий: видовой состав фауны включает лошадь, кулана, зубра, аргали, благородного оленя, лося, сайгу – обитателей степных, тундровых, лесостепных или лесотундровых ассоциаций. Далее к югу в приустьевой части долины р. Ус (приток Енисея) раскопано одно жилище (охотничий лагерь) с остатками костей только сибирского козерога (*Capra sibirica*). Судя по строению долины Енисея, здесь вряд ли могли обитать стадные копытные.

Рассмотрим археологические комплексы южной группы - стоянок с поверхностным расположением культурного слоя, не сохранивших фаунистических остатков – это Куйлуг-Хем 1-3, Улуг-Хая 1-5, Усть-Хемчик 6 и Порог 1, Улуг-Бюк 1-4 в низовьях р. Хемчик (левый приток Енисея) (см. рис. 1 и 3).

Из-за отсутствия фауны на палеолитических памятниках этой группы можно лишь предполагать, что основной добычей были стадные животные или те, которые преобладали в ближайших окрестностях стоянки. Туве в отложениях, связанных с сарганским оледенением, найдены мамонт (*Mammuthus* Sp.), северный олень (*Rangifer tarandus* L.), лось (*Alces* L.), косуля (*Capreolus capreolus* R.), лошадь (*Equus caballus* R.), сурок (*Marmota sibirica* R.). В Тувинской котловине в осадках нижних террас в пыльцевом спектре преобладают травянистые растения [Ямских, 1969]. Условия для существования копытных были явно благоприятны.

Для индустрии южной группы в технике расщепления, как показывает анализ немногочисленных ядрищ и отщепов, преобладало снятие с одно- и двухплощадочных уплощенных и подпризматических нуклеусов. Характерно использование и торцового снятия с типичных клиновидных и полуконических ядрищ. Ведущая форма орудий: скребки, преобладают концевые и овальные на отщепах, есть высокой формы, на пластинах единичны. Скребла продольные и поперечные, маловыразительны и, в отличие от северной группы, малочисленны (может это результат изъятия их в более поздние эпохи?). В силу количественно несопоставимых коллекций и обоснованной детальной хронологии для южной группы провести прямые аналогии с комплексами северной группы (афонтовским вариантом) не представляется возможным. В принципе наблюдается какое-то единство в технике расщепления и основном наборе инструментария. Предполагать и прямые связи между группами из-за отсутствия необходимых данных нет оснований, долина Енисея скорее всего не была не только обитаема в позднем палеолите, но не была и транзитным коридором. Таким образом, палеолит ущелья Енисея представлен двумя группами стоянок, расположенных на крайних точках

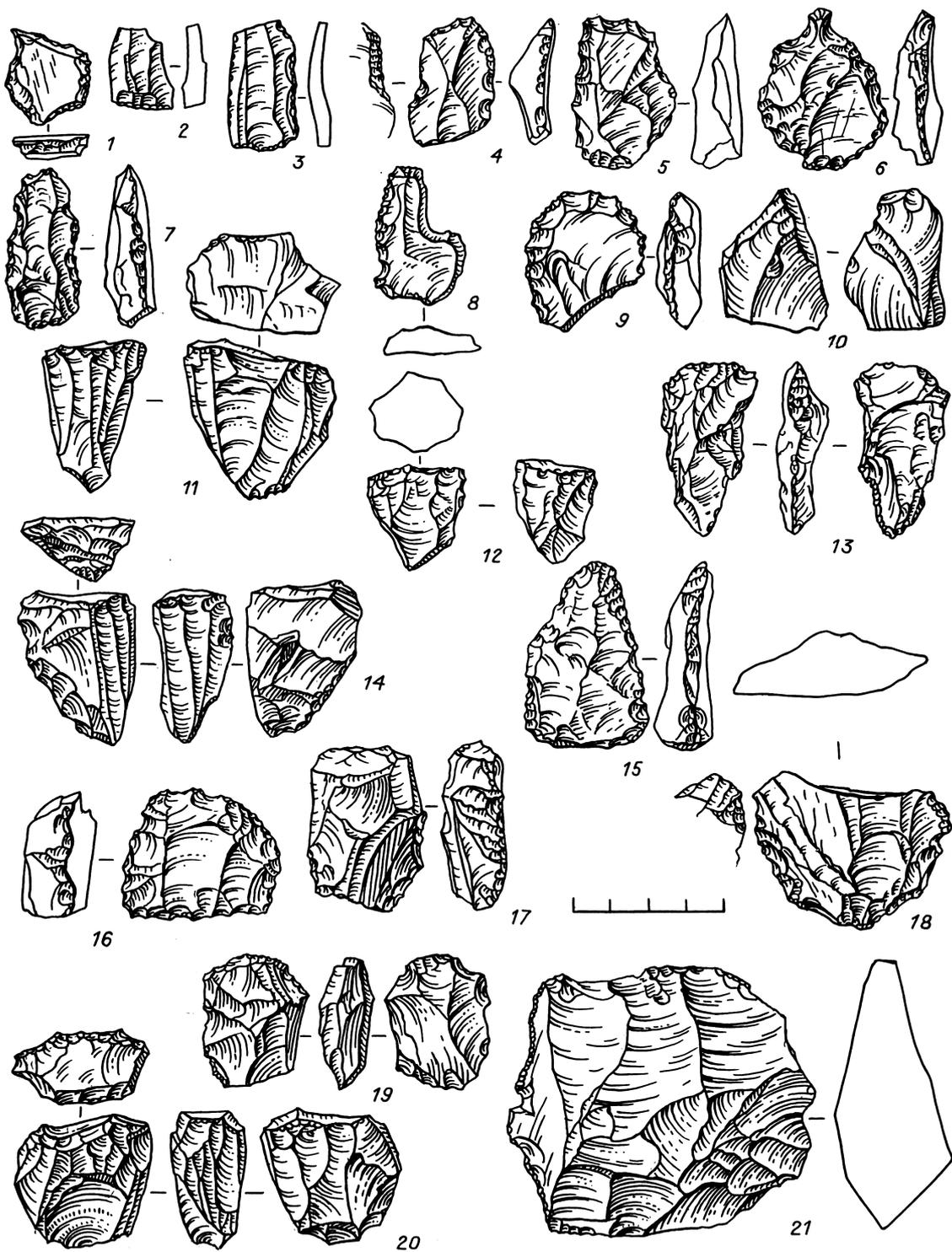

Рис. 3. Каменные изделия:

1, 9, 12, 13 – Куйлуг-Хем 2; 2, 3, 10, 14, 19, 20 – Пестуновка 2; 4, 5, 16, 17 – Усть-Хемчик 6;
 6 – Куйлуг-Хем; 7, 11, 21 – Куйлуг-Хем 1; 8, 18 – Куйлуг-Хем 3; 15 – Улуг-Хая 3.

ущелья в относительно благоприятных для жизни районах. Продвижение палеолитического населения шло с севера и юга носителями разных, как пока представляется, вариантов позднего палеолита Среднего Енисея и севера внутренней Азии.

Почему палеолитический человек не смог адаптироваться к обитанию в центральной части каньона Енисея?

Можно выдвинуть несколько предположений о причинах этого явления. Транспортная причина – долина в средней части практически непроходима, но можно идти по горам, обходя отвесные скальные борта. И можно, как в случае с Иджиром, проникать, хотя и в немногочисленные, но пригодные для обитания участки, по притокам Енисея. Климатическая – в конце плейстоцена горы были покрыты ледниковыми шапками, но ведь в это же время существовали же памятники в предгорьях и на переходе гор в равнины. И, наконец - отличия в стратегии охоты и способах добывания пищи на разных территориях.

Напрашивается вывод, что ущелье Енисея в палеолите не было освоено человеком из-за того, что там не было животных, на которых он привык охотиться и которые его обеспечивали пищей в других ландшафтных зонах. Таким образом, перед нами пример своего рода невозможности обитания в подобного рода районах людьми позднего палеолита. В то же время мы видим и пример прекрасной адаптации к использованию ресурсов переходных зон от равнин к горам с богатым и разнообразным фаунистическим набором. В мезолите и неолите освоение ущелья стало возможным при изменении стратегии образа жизни и, вероятно, социального устройства коллективов.

В данном конкретном случае получается, что хребты, отделяющие Тувинскую котловину от Минусинской, являлись серьезным барьером для палеолитических коллективов с определенной стратегией существования, которая не могла быть применена в каньоне Енисея.

Список литературы

- Астахов С.Н.** Палеолит Тувы. – Новосибирск: Наука, 1986а. – 174 с.
- Астахов С.Н.** Предварительные данные о стоянке Кантегир I // Палеолит и неолит. – Л.: Наука, 1986б. – С. 23-27.
- Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 226 с.
- Ямских А.Ф.** Геоморфология и палеогеографические условия формирования долины Енисея в пределах Саяно-Тувинской горной области. – Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Л., 1969. – 25 с.

ПРИЗНАКИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРАХ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЗАБАЙКАЛЬЕ*

Проблема раннего символизма актуализирована в рамках дискуссии о переходе от среднего к верхнему палеолиту и становлению культуры человека современного физического типа в Евразии. Знаковое (символическое, неутилитарное) поведение, свойственное ранней форме *Homo sapiens sapiens*, довольно устойчиво выглядит в археологическом контексте комплексов начала верхнего палеолита Евразии [Демещенко, 1999; Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004; Marshack, 1972].

Характеристики поведенческих стратегий человека современного физического типа составляют предметы с необычными физическим свойствам или случайной антропо (зоо) морфности; куски охры (гематита, лимонита и т.п.) и свидетельства их использования; "метки" (различные насечки, штрихи, углубления, пятна искусственного происхождения на костях, камнях, скальных поверхностях и т. д.); нательные системы (сверленные зубы животных, раковины, изделия из камня и кости); фигуративное творчество, выраженное в комплексах различных искусственных форм (скульптура, живопись, гравировка); музыкальные инструменты (например, свистки или флейты из костей птиц и др.); намеренные захоронения костей животных (хранилища костей) [Демещенко, 1999; Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004; Вишняцкий, 2005; Marshack, 1972; Mellars, 2005].

Забайкальские комплексы начальной поры верхнего палеолита укладываются в рамках термина "пластинчатые индустрии", в которых присутствуют продукты стадийного расщепления, свидетельствующие о намеренном производстве максимального количества пластинчатых снятий как определенного типа сколов-заготовок из одного субстрата и дальнейшая их утилизация. В технике первичного расщепления таких индустрий отмечаются сочетание леваллуазских традиций (в частности, подготовка фронта скалывания), переходной техники (параллельного принципа скалывания с переходом на дополнительный фронт на торце), верхнепалеолитическая техника (торцовые и протоклиновидные нуклеусы). В целом, в характеристиках технокомплексов отмечается изменение стратегии утилизации нуклеусов, которая выражается в переносе фронта с широкой плоскости на торец и получение большой серии заготовок. Орудийный набор комплексов и его характеристики дополняют информацию о технологическом облике таких индустрий. Среди приемов вторичной обработки наблюдается явное преобладание краевого дорсального ретуширования, в том числе и вентральное, выемчатый и резцовый скол, редка подтеска и зубчатая ретушь; наряду с ними имеет место оббивка, анкош, фрагментирование. Довольно высок процент инструментария в пластинчатых комплексах - 22,5-29,8%. Орудийный набор этой группы верхнепалеолитических комплексов представлен 15-19 типами изделий. Хорошо выражены группы ножей (однолезвийных обушковых, двухлезвийных), острий, скребел различных модификаций, скребковых форм, зубчато-выемчатых орудий, проколов, долотовидных и комбинированных орудий. В орудийном наборе выделяется мустьерская группа (скребла, остроконечники, обушковые ножи) (от 9,9 до 22,2%), присутствует зубчато-выемчатый компонент. Наиболее яркой чертой является резкое увеличение доли верхнепалеолитической группы (концевые скребки, долотовидные орудия, резцы, проколки) (до 48,4%). Расширяется ассортимент изделий из кости и рога, при этом отмечается появление модифицированных, сложно профилированных форм.

Особый интерес представляет как археологический контекст находок (собственно горизонты обитания, структуры культурного слоя, особенности размещения и т.д.), так и сами предметы. В структурах долговременных поселений Забайкалья (Подзвонкая, Хотык (3 и 4), Варварина Гора (2), Толбага и др.) и сезонных стоянок (Каменка-А) планиграфически четко выделяются рабочие зоны, зоны разделки туш, зоны ритуального комплекса, с оформлением каменной выкладкой (отделением от остального пространства -?). В.И. Ташаком описана специфика очаговых зон на поселении Подзвонкая,

---

□ Работы поддержаны грантами РГНФ № 06-01-00527а, проект ПСО № 21.1, интеграционный проект СО РАН № 7.3.

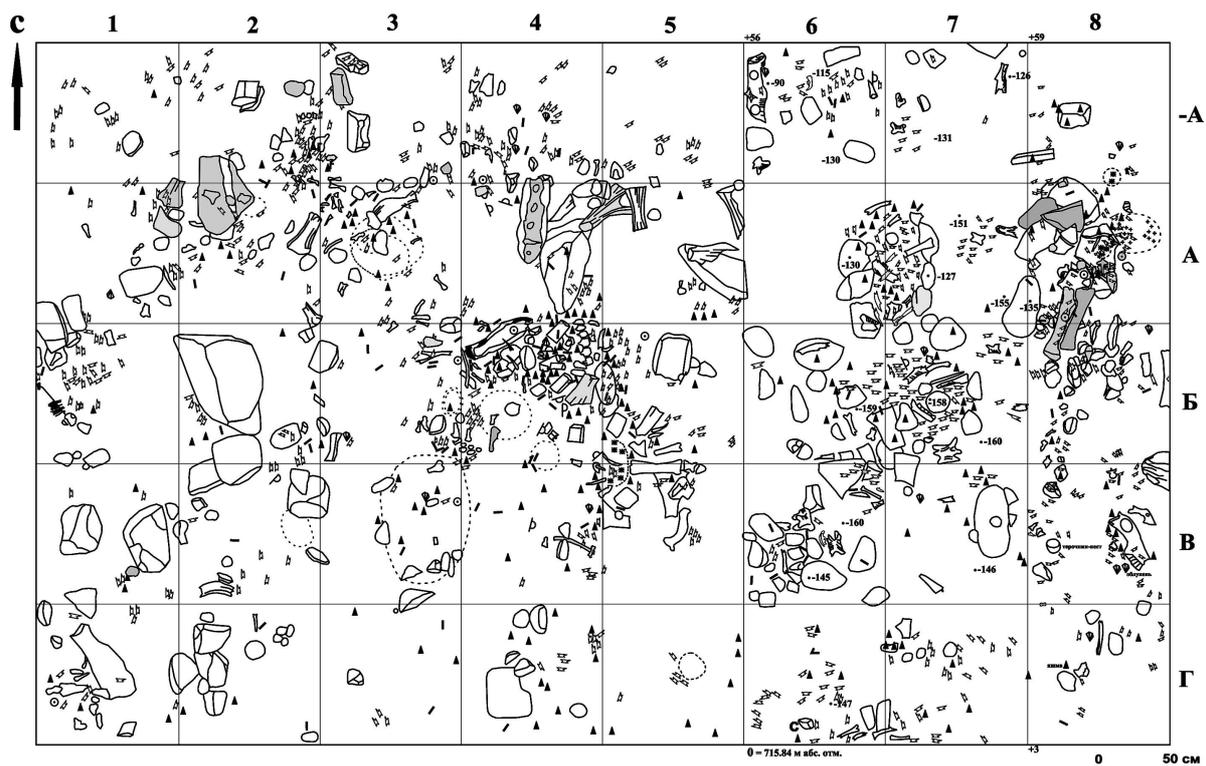

Рис. 1. План 3 культурного слоя поселения Хотык

демонстрирующие особое отношение человека к стихии огня. Интерес представляют так же конструкции из костей, напоминающие "натуральный макет" (комплекс Хотык) [Лбова, 2000; Ташак, 2003].

В частности, особый интерес представляет ситуация, отмеченная в культурном горизонте 3 многослойного поселения Хотык (рис. 1). В центральной зоне раскопа было обнаружено скопление костей, в котором планиграфически четко читались конечности лошади, установленные вертикально копытом вниз, позвоночный столб, на который был уложен череп лошади. Скопление сопровождалось пятнами черного, белого, розового, зеленого, желтого цветов, большим количеством гематитовой слюдки, обычной слюды и дымчатого кварца. Среди предметов, обнаруженных в скоплении выделены остроконечники (целые и сломанные), скребла, нуклеусы, предметы неутилитарного назначения (подвески, бусины, кольца из камня). Особый интерес вызывает концентрация экзотического сырья – кварца, в том числе и раух-топаза, а так же красной, желтой и зеленой яшмы. Восточнее в 2 м от этой зоны раскопом была выявлена иная оригинальная ситуация, которая может быть обозначена как "захоронение костей животных". В центральной зоне раскопа обнаружено намеренное захоронение в кладке из небольших плит ноги носорога с засыпкой охрой, сопровождающееся изделиями из цветной яшмы, кварца, изделиями из кости и бусинами. Нога изначально была уложена на довольно большую горизонтальную плиту, и впоследствии обложена небольшими плитками. Рядом, в 0,5 м восточнее обнаружена лопатка бизона с вырезанными "женскими знаками". В нашем случае очевиден результат ритуального поведения, возможно связанного с продуцирующими обрядами. По последним данным культурные остатки этого горизонта датируются в пределах 35-38 тыс.л.н. и свидетельствуют о довольно раннем этапе символической деятельности на северных территориях Центральной Азии [Лбова, 2008].

Куски красящих материалов (охры, гематита, лимонита и др.) или разноцветные пятна зафиксированы на всех объектах, относимых исследователями в начальной поре верхнего палеолита.

На сегодня коллекцию изделий, свидетельствующих о развитой знаковой деятельности в Забайкалье в эпоху начальной стадии верхнего палеолита, составляют более 60 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин. Предметы обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Каменка, Варварина Гора, Хотык, Подзвонкая и датированы в пределах 30-40 тыс. л.н. [Лбова 2000; Ташак, 2003]. Артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом

отношениях комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Морфологически и технологически артефакты представлены шестью основными вариантами [Лбова, Волков, 2007].

1-й вариант - предметы овальной формы из мелких и средних галек. Материал, из которого изготовлены артефакты, как правило, представлен мягкими породами разновидностей талька, агальматолита, стеатита различного цвета (молочно-белого, желтоватого, розового, зеленоватого, черного). Все изделия выполнены в единой технике: предварительная обработка поверхности гальки (раскалывание, или уплощение), пришлифовка выпуклых поверхностей и намеренное высверливание отверстия таким образом, что латераль изделия совпадает с краем отверстия, или приходится на его центр. Морфологически такие предметы имеют серповидную форму, или форму буквы "С", или "рогатых овалов".

2-й вариант представлен бусинами-пронизками округлой формы с центральным положением отверстия, выполненные из различных материалов – камня (риолит), кости, бивня, скорлупы (страуса или дрофы), раковины моллюска. Как правило, это небольшие плоские изделия, до 1 см в диаметре. Отверстия бусин, как правило, выполнялось проверткой из относительно твердого материала, или лучковым приспособлением, впоследствии изделие стачивалась на жестком абразиве и полировалось на мягкой коже.

3-й вариант по сути повторяет второй, но отличается размерами и технологией изготовления. Это кольца (фрагменты) с диаметром отверстия от 1 до 3 см. Такие предметы имеют объем, обусловленный, возможно технологическим моментом.

4-й вариант – представлен единственным предметом, выполненным из розового талька, по форме треугольный, линзовидный в сечении с биконическим отверстием. Формирование отверстия производилось с двух противоположащих плоскостей заготовки, проверткой с рабочим оборотом вокруг своей оси менее 180 градусов. Вторым этапом формоизменений артефакта явилась выравнивание его плоскостей посредством срезания незначительных выпуклостей и придание артефакту определенной, подтреугольной в плане формы. Обработка производилась на плоской, зернистой по структуре, жесткой абразивной поверхности.

5 вариант – предметы из трубчатых костей птиц, представляющие собой цилиндры с ритмичными насечками, со следами заполировки на поверхности, или их фрагменты. Размеры изделий от 3 мм до 3,5 см в длину, размеры ритмичных отметок, выполненных резцом, как правило, в пределах 1-2 мм или 5-7 мм. Насечки и нарезки, различаемые технологически, имеют четкий геометрический ритм интервалов и образуют разнообразные композиции графических линий.

6 вариант – плоские предметы из бивня мамонта, с биконическими парными отверстиями. Представлены во фрагментах.

Можно обозначить такую группу изделий в качестве маркеров личного статуса, групповой или индивидуальной самоидентификации, предметов культовых действий, украшений, способов передачи информации, музыкальных инструментов и т.п. [Barton et al., 1994; Mellars, 2005]. Изобразительные символы могли выступать как средство социальной коммуникации, имеющие адаптивное значение и играющие определенную роль в жизнеобеспечении и структуре верхнепалеолитических сообществ [Barton et al., 1994]. В дальнейшем, с развитием видов знакового творчества, вероятно, происходило и изменение основной функции предметов; традиционные формы могли утрачивать первичное значение и становились элементами иной культурной (знаковой) системы [Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004]. Необходимость выработки специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации является основным элементом в распространении поведенческого комплекса.

Представленные палеолитические объекты Западного Забайкалья, имеющие, несомненно, "индивидуальные портретные характеристики" в большей степени свидетельствуют о пространственных и культурных контактах широкого территориального масштаба. В целом, забайкальские материалы начальной стадии верхнего палеолита вполне корректно выглядят в стадийном и территориальном контексте этого хронологического этапа развития культуры в Северной Азии. В любом случае, мы имеем дело с фактами довольно раннего проявления комплекса символического поведения

Список литературы

Вишняцкий Л.Б. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21).

Демещенко С.А. Относительная хронология палеолитического искусства малых форм и художественно-стилистические традиции // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 1. – Кемерово: НИКАЛС, 1999.

- Лбова Л.В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В.** Ранняя символическая деятельность в комплексах начальной поры позднего палеолита в Забайкалье (структурно-семиотический подход) // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Омск, 2004. – С. 5-9.
- Лбова Л.В., Волков П.В.** Технологии изготовления предметов изобразительной деятельности в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Западном Забайкалье // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Труды САИПИ, вып. 3. – Барнаул, 2007. – С. 40-43.
- Ташак В.И.** Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15).
- Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С.** Происхождение знакового поведения. – М.: Научный мир, 2004. – 280 с.
- Barton С.М., Clark G.А., Cohen А.Е.** Art as information: explaining Upper Palaeolithic art in Western Europe // World Archaeology. – Vol. 26. – № 2. – 1994.
- Lbova L.** Problems of dating of the Upper Palaeolithic in the Transbaikal region // The current issues of Palaeolithic studies in Asia. – Novosibirsk, 2008. – P. 78-82.
- Marshack А.** Upper Paleolithic notation and symbol // Science. – Vol. 178. – № 4063. – 1972.
- Mellars P.** The Impossible Coincidence A Single – Species model for the Origins on Modern Human Behavior in Europe // Evolutionary Antropology. – vol. 14. – 2005. – P. 12-27.

Л.В. Лбова¹, Е.П. Рыбин¹, А.М. Клементьев²

Институт археологии и этнографии СО РАН

¹пр. ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: lbova@archaeology.nsc.ru, rybin@archaeology.nsc.ru

²Иркутский государственный политехнический университет

ул. Лермонтова, 89, Иркутск, 664000, Россия

E-mail: klem@mail.ru

ХАРАКТЕР ПОСЕЛЕНИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В РАННЕЙ ПОРЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (по материалам стоянок Каменка и Хотык)*

Введение

Наиболее ранние памятники ранней поры верхнего палеолита (около 48-43 тыс. л.н.) на территории Южной Сибири фиксируются на территории Российского Алтая. При формировании верхнего палеолита Горного Алтая сохраняются значительные элементы типично среднепалеолитического орудийного набора и леваллуазского расщепления, вошедшие в технологический "репертуар" верхнепалеолитических комплексов. Это позволяет предположить эволюционный путь развития верхнего палеолита данного региона. Около 43-40 тыс. л.н. следует довольно быстрое распространение пластинчатых индустрий верхнего палеолита на восток. Его этапы маркирует в Прибайкалье стоянка Макарово-4 (более 39 тыс. л.н.), в Забайкалье верхнепалеолитические комплексы появляются около 40 тыс. лет назад. Распределение древнейших объектов верхнего палеолита Южной Сибири привязано исключительно к низкогорным и среднегорным ландшафтам. Таким образом, горные системы Южной Сибири на протяжении ранней поры верхнего палеолита являлись своего рода естественным мостом, по которому осуществлялись древнейшие миграции самих людей и методов производства, приведших к формированию общности археологических культур раннего этапа верхнего палеолита в центре Евразии. Вместе с тем, открытым остается вопрос, как менялись способы жизнеобеспечения и характер мобильности древнего человека во время заселения этой обширной области со свойственными ей ландшафтными и климатическими контрастами. Территория Горного Алтая, ставшая исходной точкой миграционного маршрута популяций раннего этапа верхнего палеолита в позднем плейстоцене характеризовалась значительной мозаичностью природной среды. На большей части протяженности позднего плейстоцена для данного региона не отмечено катастрофических изменений в составе биоты, что делало эту территорию своего рода рефугиумом [Деревянко и др., 2003]. В пределах одних и тех же долин одновременно сосуществовали хвойно-широколиственные леса, мелколистная и черневая тайга, сухие степи и лугово-степные ассоциации, что позволяло древнему человеку выбрать наиболее благоприятные экологические ниши.

Западное Забайкалье расположено в зоне контакта крупных природно-ландшафтных областей субконтинентов Северной и Центральной Азии, в структуре географической системы которой нашли отражение основные черты природы бореально-таежного и бореально-степного планетарных азиатских типов. Преобладающими формами земной поверхности являются средневысотные горы, с господством северо-западного протяжения основных орографических линий. Большинство горных хребтов обладает пологими склонами и сравнительно низкими перевалами; их плоские массивы и отроги отделены друг от друга широкими падами. Между горными хребтами и их крупными отрогами лежат довольно глубокие и относительно широкие долины и межгорные понижения (700-600 м абсолютной высоты), большинство из которых являются ложем основных гидрографических систем. Именно с этими формами рельефа и связаны наиболее ранние верхнепалеолитические памятники Забайкалья. Начало последнего интерпленегляциала (каргинского этапа) (OIS-3) характеризуется сухим и прохладным климатом и распространением полупустынных ландшафтов, а для среднего периода каргинского

□ Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ "Начальная и конечная стадии ранней поры верхнего палеолита горного пояса Южной Сибири: эволюция каменной технологии и поселенческих систем древнего человека"; проекта РГНФ № 07-01-00417а; программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Историко-культурное наследие и духовные ценности России", в рамках проекта "Ранние формы обрядовой практики в культурах каменного века Сибири и сопредельных территорий", а также в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП " Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)" (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования.

времени (40-35 тыс. л.н.) реконструируется более гумидный и теплый климат, и распространение степных ландшафтов [Lbova, 2007].

Одной из важнейших задач исследований в области археологии палеолита является реконструкция систем жизнеобеспечения, стратегий мобильности человека и поселенческих систем. Выбор территории исследования (западное Забайкалье) объясняется исключительной важностью этого региона как одного из центров становления верхнего палеолита на пространствах Евразии, занимающего географически наиболее удаленную на восток область распространения пластинчатых индустрий ранней поры верхнего палеолита (далее в тексте РВП). Задачей исследования является характеристика структуры индустрий РВП западного Забайкалья путем анализа интенсивности обработки орудий и процессов утилизации камня на памятниках в сопоставлении с особенностями планиграфии объектов и палеозоологическими реконструкциями. Работа, следующая в указанном русле, уже была предпринята на основе материалов ряда объектов среднего – ранней поры верхнего палеолита Центральной Азии [Рыбин, Колобова, 2004; Деревянко и др., 2007]. Сравнение данных, полученных при анализе индустрий, относящихся к одной культурно-исторической общности (центрально-азиатскому РВП), могло бы стать весьма плодотворным в отношении выявления общего и особенного в структуре и функциональной специфике комплексов. В рамках этой идеи намечены подходы к решению вопроса о степени влияния климатических условий (более суровых и аридных по сравнению с территорией Горного Алтая) и открытых ландшафтов на способы жизнеобеспечения и характер мобильности древнего человека в ранней поре верхнего палеолита Западного Забайкалья.

Источниковой базой для настоящего исследования стали материалы трех индустрий ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья. Это горизонты 2 и 3 стоянки Хотык и комплекс А (С) стоянки Каменка (рис. 1).

Методика исследования

При работе с комплексами мы оперируем следующими показателями (подробнее см. [Рыбин, Колобова, 2004]): на первом этапе анализа задействованными оказываются все орудия технокомплекса. На основании морфологии орудия разделяются на две категории – *формальные* и *неформальные*. К последним отнесены артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении и изготовлении, не образующие устойчивых серий и не имеющие специфичных морфологических культуроразличающих признаков (например, зубчато-выемчатые орудия, сколы с ретушью, ножи на краевых сколах, простые формы резцов и т.д.). Под формальными понимаются орудия, относящиеся к развитым и стандартизированным технико-морфологическим типам. К ним относятся ретушные и срединные резцы, скребки, острия на пластинах и тщательно обработанные скребла, орудия, несущие следы переоформлений, комбинированные орудия, орудия с интенсивной вторичной обработкой. По мнению ряда авторов [Binford, 1979; Henry, 1989; Kelly, 1988] неформальные орудия были использованы и оставлены непосредственно на месте их производства, применение их в работе длилось незначительную продолжительность времени. Формальные орудия, как считают указанные специалисты, изготавливались в расчете на использование при необходимости, которая может возникнуть в будущем, могли входить в транспортируемый орудийный набор. Хотя прямое отождествление данных категорий орудий с определенными типами мобильности сомнительно, все же, по нашему мнению, изучение соотношения формальных и неформальных орудий в комплексе с другими факторами может дать определенную информацию о характере жизнедеятельности человека на конкретной стоянке. Оценить затрату труда, и, соответственно, определить вероятную роль артефакта в трудовых процессах может способствовать анализ интенсивности вторичной обработки. *Степень модифицирования ретушью поверхности орудия* определялась как слабая, средняя и сильная. *Протяженность ретуши на заготовке* указывалась, как определенный участок периметра. В качестве дополнительного показателя был введен количественный *критерий однородности вторичной обработки* каждого изделия, учитывающий не только наличие различных элементов вторичной обработки на орудии, но и участки с ретушью, обладающей различными характеристиками. Этот показатель может дать определенное представление о разнообразии операций и неоднократных переоформлениях.

Оценить эффективность и интенсивность деятельности по производству орудий и расщепления в анализируемой индустрии призван второй блок показателей. Кроме данных, касающихся удельного веса трех основных составляющих комплекса (нуклеусы, сколы и орудия) нами были подсчитаны отношения категорий инвентаря. Эти показатели следующие: *отношение нуклеусы/орудия* - или сколько единиц орудий приходится на одно ядрище. Этот показатель позволяет вычислить эффективность утилизации нуклеусов на памятнике. Другим показателем

является *отношение орудий к не ретушированным сколам и нуклеусам*: сколько на одно орудие приходится предметов дебитаж. Этот показатель должен способствовать определению интенсивности деятельности по оформлению орудий в индустрии, а также позволяет предположить (в случае наличия значительных статистических отклонений от ожидаемого значения) долю унесенных, или произведенных на стороне орудий; *отношение нуклеусов к не ретушированным сколам и орудиям* может помочь при определении интенсивности первичного расщепления на памятнике.

Вариабельность комплексов ранней поры верхнего палеолита западного Забайкалья

В схеме технологической вариабельности РВП Забайкалья прослеживаются две традиции. Первая – выделяемая в индустриях памятников Каменка А (С), Подзвонкая, Хотык (горизонты 2-3), Варварина Гора (горизонт 2), Толбага - ведущей является техника параллельного расщепления (подпризматические ядрища, плоскостные нуклеусы с переходом на дополнительный фронт на торце, крупные удлиненные пластины, как основной продукт раскалывания) [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Лбова и др., 2003]. Эта технология близка по своим особенностям пластинчатому индустриям начала верхнего палеолита Центральной Азии. Орудийный набор характеризуется сочетанием среднепалеолитических типов орудий (интенсивно обработанных скребел различных модификаций), верхнепалеолитических типов орудий (резцы, концевые скребки, долотовидные орудия), представительной зубчато-выемчатой группы изделий, своеобразной группы острий и остроконечников, находящихся близкие параллели в других индустриях РВП Центральной Азии. Второй технико-типологической традицией определяется индустрия комплексов Хотыка (4), Каменка (Б), Мухор-Тала-4 и Елань (4, 5). Для нее характерно сочетание леваллуазских ядрищ, долечного расщепления, нуклеусов радиального и ортогонального, а также бессистемного принципов скалывания, преобладание отщепов среди отходов раскалывания, небольшой процент изделий на пластинах и их фрагментах, наличие продуктов микрорасщепления. Доля готовых орудий ниже почти в два раза; преобладают скребки и скребла различных модификаций, значительны группы зубчатых и выемчатых орудий.

Местонахождение **Хотык** (рис. 1) расположено в Онинской впадине, которая представляет собой фрагмент Средне-Удинской межгорной депрессии. Протяженность впадины – около 22 км при ширине 7,5 км. К центральной части ее днища приурочены низовья долины р. Оны, которая является одним из полноводных правых притоков р. Уды. Местонахождение Хотык расположено на южном склоне одноименного остепненного среднегорного массива, на правом берегу р. Она. Гипсометрия зоны распространения археологического материала в пределах относительных отметок 15-40 м (абсолютных 700 – 735 м); отмечается лучшая сохранность культурных горизонтов в верхней части предгорного шлейфа (отн. отметки 30-35 м). Слои 2 имеет ¹⁴C даты 28770 ± 245 л.н. (СОАН-5082), 26220 ± 550 л.н. (АА-32669) 32700±1400 ВР (АА-60266); слой 3 датирован с помощью того же метода, 32120 ± 340 л.н. (СОАН-5496), 29310 ± 370 л.н. (СОАН-5495), 38200±2800 л.н. (АА-60267). С учетом характеристик литолого-фациального, спорово-пыльцевого и палеопедогумусового анализа отложений по разрезу возраст отложений, содержащих гор. 3 должен приближаться к 35 – 40 тыс. лет назад [Лбова и др., 2003; Kuzmin et al., 2006].

Местонахождение **Каменка** (рис. 1) расположено в центральной части Ново-Брянской впадины (левый борт Удинской впадины), шириной от 3 до 5 км, окруженной средневысотными холмами (100 – 150 м), превышающими дно депрессии, имеющей высоту 580 – 590 м над уровнем моря. Палеолитические слои погребены под полигенетическими отложениями предгорного шлейфа юго-восточной экспозиции г. Каменка и субаквальных образований реки пра-Брянки. Слои приурочены к отложениям литологического слоя 6, в верхней части которого залегают остатки культурного комплекса Б, ниже залегают артефакты комплекса А (С). Разброс дат для отложений, содержащих комплекс А (С) довольно широк, но достаточно неплохо коррелируются данные в пределах 30 - 31 тыс. л.н. и 35 - 40 тыс. л.н. В настоящее время, с учетом серии данных естественных наук, открытий хронологически и стратиграфически близких комплексов, предпочтительны более древние даты в пределах 35-40 тыс. лет назад [Лбова, Базаров, 2004].

Вторичная обработка и структура индустрий

Анализ морфологии орудий в рассматриваемых комплексах позволяет отметить следующие характерные черты: некоторым преимуществом (в 13%) неформальных орудий характеризуются индустрии Хотык (3) (см. табл.1). Формальных орудий в индустрии Хотык (2) на 12% больше, чем неформальных орудий. Подавляющее большинство (69%) в комплексе Каменка А (С) имеют формальные орудия (рис. 2).

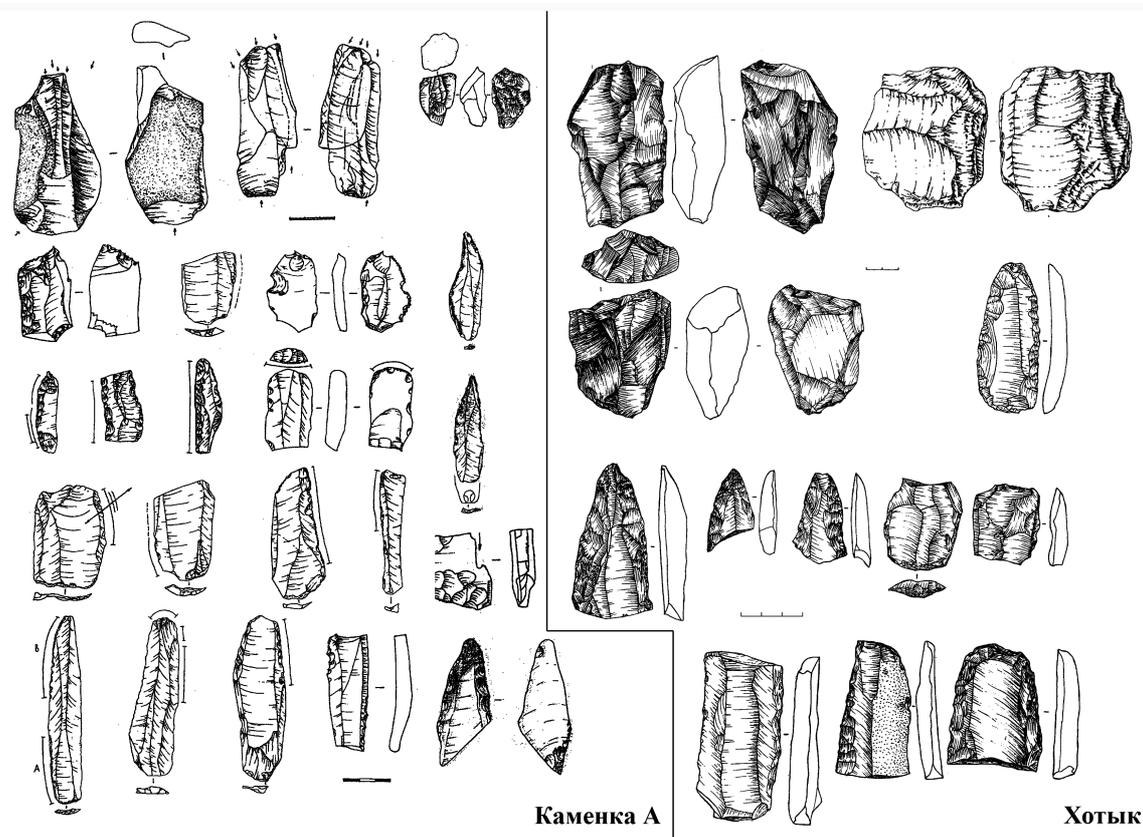

Рис. 2. Каменная индустрия ранневерхнепалеолитических слоев стоянок Хотык и Каменка

Сравнение интенсивности вторичной обработки или удельного веса слабо модифицирующей ретуши (далее СМ) и средне/сильно модифицирующей ретуши (далее ССМ) позволяет определить больший удельный вес ССМ во всех рассматриваемых комплексах, начиная от соотношения 78-79% ССМ к 21-22% СМ в Хотыке (2) и Каменке А (С) до менее выраженного преимущества ССМ (58% от всех ретушированных орудий комплекса) в индустрии Хотыка (3). Стабильно высокие показатели ретуши, занимающей половину и более протяженности периметра орудия, отмечены во всех анализируемых индустриях. Удельный вес протяженной ретуши везде занимает не менее 62% от всех учтенных орудий, с наибольшим удельным весом в комплексе Каменка А (С), где он достигает 73%. Показатели разнообразия вторичной обработки и сложности формообразования орудий во всех комплексах очень близки. Доля орудий, имеющих два и более элемента ретуши с различными характеристиками, колеблется от 38 до 41% орудий комплекса. Дополняет эту характеристику данные по удельному весу комбинированных орудий, как правило, являющихся продуктом неоднократных переоформлений и, очевидно, предметами полифункционального назначения: в комплексе Хотык (2) они составляют 19,6% от всех учтенных орудий, в индустрии Хотык (3) их доля насчитывает 14%, в комплексе Каменка А (С) их удельный вес достигает 28,5%. Следы преднамеренной фрагментации имеют 40,2% учтенных орудий стоянки Каменка А (С), в индустриях Хотык (2) этот показатель составляет 19%, Хотык (3) – 24%.

Таблица 1.
Вторичная обработка и структура выбранных палеолитических индустрий

Стоянки	Каменка	Хотык	
		гор.2	гор.3
слои	А (С)	гор.2	гор.3
всего учитываемых артефактов, экз.	970	675	491
неформальные орудия, %	31,00	43,20	56,00
формальные орудия, %	69,00	56,80	44,00
ретушь слабо модифицирующая, %	20,70	21,60	42,00
ретушь средне/сильно модифицирующая, %	79,30	78,40	58,00
периметр ретуши менее 1/2, %	27,00	37,30	32,00
периметр ретуши 1/2 и более, %	73,00	62,70	68,00
один элемент вторичной обработки, %	58,60	60,80	62,00
орудия, имеющие более одного элемента, %	41,40	39,20	38,00
нуклеусы: орудия	1:8,3	1:6,4	1:4
орудия: отходы расщепления+нуклеусы	1:2,7	1:3,6	1:3,3
нуклеусы: сколы+орудия	1:32	1:28	1:16,5
нуклеусы, доля в комплексе, %	2,6	2,8	5
сколы, доля в комплексе, %	74,4	79	74,5

Согласно полученным в ходе анализа данных по вторичной обработке можно выделить предварительную группировку ассамбляжей: наиболее выявленные черты интенсивной, разнообразной вторичной обработки, занимающую наибольшую протяженность периметра орудия демонстрирует индустрия стоянки Каменка А (С). Все, без исключения, показатели, свидетельствующие о максимально тщательной и сложной вторичной обработке, многократных переоформлениях и связанной с этими процессами преднамеренной фрагментации орудий, взятые нами для сравнения, имеют свои максимальные значения в комплексе данной индустрии. Комплексы горизонтов 2 и 3 стоянки Хотык, в целом, относительно показателей индустрии стоянки Каменка позволяют отметить менее интенсивную вторичную обработку, формальных орудий в этих индустриях заметно меньше, хотя комплекс Хотык (2) имеет схожие с вышеупомянутым памятником показатели применения сильно модифицирующей и разнообразной ретуши. В то же время, ассамбляж Хотык (3) по сравнению с вышележащим слоем имеет несколько больший удельный вес предметов с протяженной вторичной обработкой и столь же высокий вес орудий с разнообразной вторичной обработкой.

Метрические показатели орудий могут дополнить сведения об интенсивности вторичной обработки. Если исходить из предположения, что в процессе утилизации орудия, и следующих в ходе работы переоформлений и ретушных подправок последовательно уменьшается длина и ширина сколов, на которых изготавливались орудия, то комплексы с меньшими средними метрическими показателями должны быть отнесены к категории памятников, где использование орудий происходило более интенсивно. Вместе с тем, к применению этого критерия следует относиться с известной осторожностью, так как существует ряд факторов, которые препятствуют прямой корреляции размеров орудий и особенностями деятельности человека на стоянке. Свою роль могут сыграть особенности технологии, качество сырья, значительные статистические отклонения из-за разницы в размерах орудий, значительная доля унесенных со стоянки предметов.

Таблица 2.
Средние размеры орудий в палеолитических комплексах Хотык и Каменка

комплекс	Средняя длина / Стандартное отклонение (мм)	Средняя ширина / Стандартное отклонение (мм)
Хотык (2)	59,8/24,7	34,4/19,9
Хотык (3)	46/21,5	35/10,7
Каменка А (С)	46/20,8	24/13

Приведенные данные свидетельствуют о меньшем размере орудий в комплексе Каменка А (С), что вряд ли является случайным, учитывая в целом лучшее, чем в индустриях Хотык качество сырья в этом комплексе и исключительно "пластинчатую" ориентацию технологии. Очевидно, неожиданно меньшие размеры орудий в данном комплексе могут быть связаны с более интенсивной редукцией. Однозначного объяснения максимальных, среди рассматриваемых комплексов, размеров заготовок в индустрии Хотык (2) нет – возможно, свою роль сыграли значительные девиации размеров орудий.

Интенсивность первичного расщепления, характерную для того или иного комплекса, отражает показатель отношения нуклеусов к сколам и орудиям (подсчеты всех сколов здесь и далее производятся без учета чешуек, осколков и обломков). Максимальный показатель фиксируется в индустрии Каменка А (С), где на один нуклеус приходится 32 скола. Несколько более низкая интенсивность раскалывания отмечена в ассамбляже Хотык (2), и резко, в два раза, сокращается этот показатель в комплексе Хотык (3), где фиксируется соотношение 1:16,5. Эффективность утилизации нуклеусов мы реконструируем, исходя из соотношения нуклеусов и орудий. Наибольший показатель отмечен в индустрии Каменка А (С), где количество орудий, приходящихся на один нуклеус, составляет 8,3 единицы. Несколько меньшие показатели мы находим в комплексе Хотык (2), своего относительного минимума это значение достигает в индустрии Хотык (3) – одно ядрище соответствует четырем орудиям. Интенсивность деятельности по производству орудий определяется по отношению орудий к не ретушированным предметам, т.е. сколам и нуклеусам, что, иными словами, позволяет предположить, насколько реализована была древними мастерами возможность переоформления продуктов первичного расщепления в предмет, непосредственно связанный с трудовыми процессами. Как и в случае со всеми предыдущими показателями, наиболее высокое значение отмечено в коллекции стоянки Каменка, где он составляет 2,7. Впрочем, достаточно велико оно и в других анализируемых комплексах – 3,6 и 3,3 не ретушированных предмета, соответствующих одному орудью в индустриях Хотык 2 и 3 соответственно. Во всех индустриях очень высок удельный вес орудий, колеблющийся от 23% в Каменке А (С) до 18% в индустрии Хотык (2).

Обсуждение

Полученные данные свидетельствуют об определенной близости структуры индустрии и характера деятельности по обработке орудий в анализируемых комплексах. Однако, существующие, тем не менее, различия, касающиеся принципиально важных статистических показателей, позволяют выявить группировки индустрий. Формирование облика каменного инвентаря в значительной степени объясняется не только культурным своеобразием памятников, но и сочетанием разнонаправленных векторов условий жизни древнего населения. Под последними мы понимаем качество, доступность каменного сырья и расстояние до его источников, продолжительность заселения стоянки, специфика жизнеобеспечивающей деятельности и объектов охоты. Сырьевой и временной факторы наиболее отчетливо могут быть вычленены при анализе структуры индустрии. Население, оставившее артефакты комплекса Каменка А (С) в качестве сырья для производства артефактов использовало преимущественно кремневые туфы (риолиты) – 75% всех артефактов индустрии (рис. 3).

Это высококачественное пластичное сырье, с малым количеством внутренних трещин позволяло производить удлинённые сколы правильных очертаний. Это сырье происходит из Мухор-Талинского месторождения туфов¹, расположенного в 40-50 км восточнее Каменки. Таким образом, индустрия данного памятника представляет собой уникальный для среднего и ранней поры верхнего палеолита Центральной Азии пример массового использования столь удаленного материала². Стадию первичной обработки и декортикации желваки сырья проходили за пределами памятника, вероятно, непосредственно на месте добычи. Предметы со следами галечной и желвачной корки составляют лишь 3,4% орудий комплекса, причем корка занимает не более четверти поверхности этих немногочисленных изделий. Как уже отмечалось, максимальная интенсивность первичного раскалывания фиксируется именно в материалах данной стоянки. Морфология нуклеусов подтверждает приведенные нами статистические данные – все ядрища Каменки крайне истощенные, своеобразная бипродольная технология расщепления была ориентирована на получение максимально возможного количества сколов. Все остальные структурные показатели деятельности человека по

¹ Кроме того, Мухор-Талинское месторождение туфов служило одним из источников сырья и для другой палеолитической стоянки, Варварина Гора

² Например, в ряде РВП индустрий Горного Алтая (Денисова пещера, Кара-Бом) встречаются примеры использования сырья, происходящего с расстояния 50-100 км, но ни в одном комплексе удельный вес таких предметов не превышает 1 – 2%

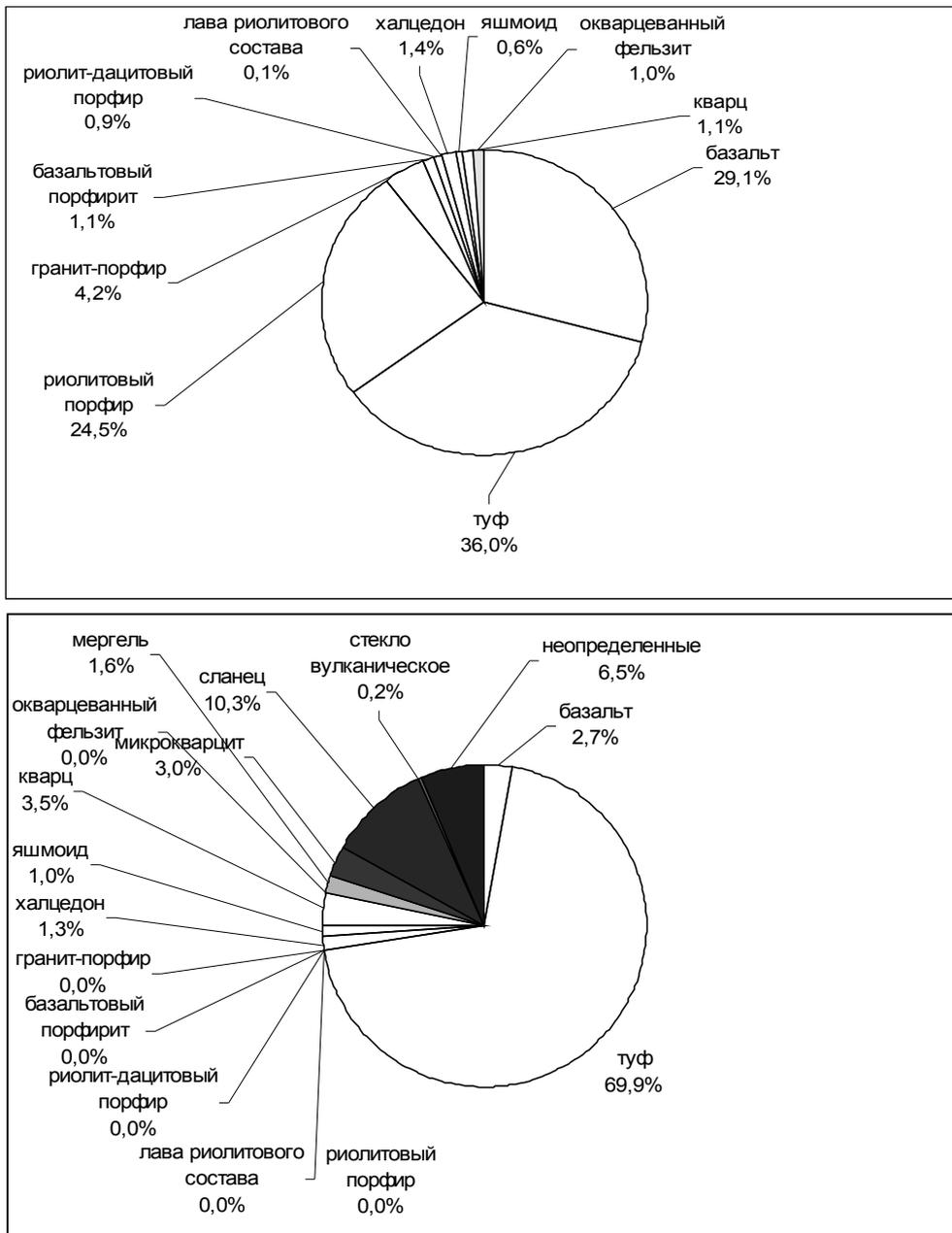

Рис. 3. Петрографический состав пород коллекций артефактов

утилизации камня также свидетельствуют о стремлении человека к максимальной эффективности утилизации нуклеусов и интенсивности деятельности по производству орудий – на одно орудие приходится лишь около двух предметов из состава не ретушированных изделий. Не противоречит структурным показателям и характеристика вторичной обработки. Резкий перевес формальных орудий, сильно модифицирующая и протяженная по периметру вторичная обработка, обилие преднамеренно фрагментированных, комбинированных орудий с многоэлементной, разнообразной морфологически ретушью позволяют предположить о приспособленности функционального набора к типичным охотничьим стратегиям выживания человека, предусматривавшим перемещение части орудий в готовом виде. Сопоставление данных Каменки с материалами индустрий среднего и ранней поры верхнего палеолита Центральной Азии демонстрирует близость к выделенной ранее на основе изучения каменного инвентаря [Рыбин, Колобова, 2004] функциональной категории 2 – кратковременные, охотничьи стоянки с интенсивным циклом утилизации камня и оформления орудий,

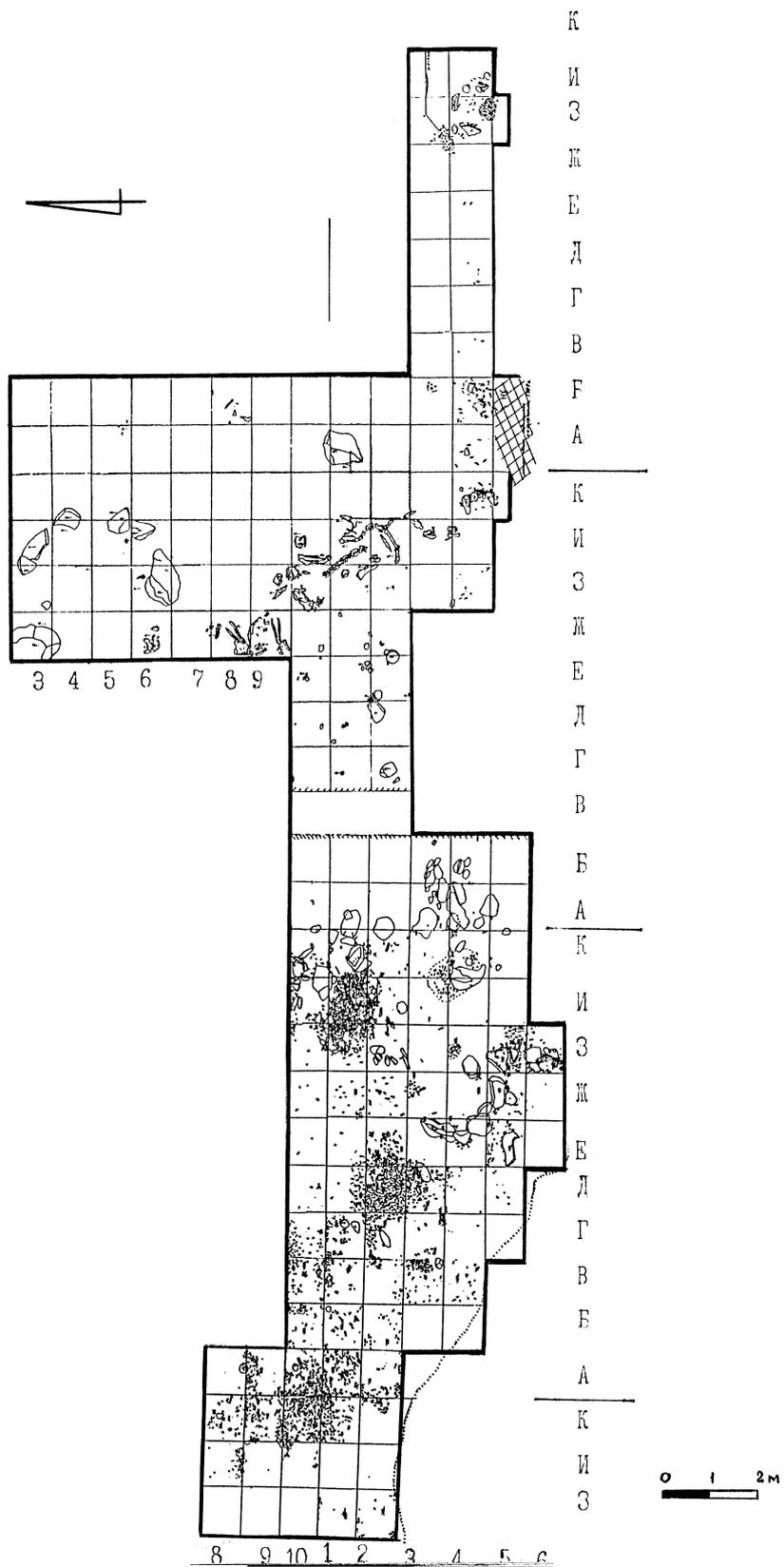

Рис. 4. Каменка. Общая планиграфическая ситуация комплекса А

связанные с первичной переработкой туш животных, а также дробному подразделению этой категории - типу А (сырье для изготовления орудий доставлено с определенного, больше 1 км, расстояния).

Положение культурного слоя стоянки Каменка, вмещенного в маломощные стратиграфически согласованные оглиненные прослои, относительная немногочисленность инвентаря (общее количество 1622 экз.) позволяют предположить одновременность и относительную кратковременность процесса формирования культурных остатков. Предполагаемая площадь распространения культурного слоя не менее 500 кв. м; вскрыто - 210 кв. м. Геологические особенности залегания культурного слоя, обеспечившие его сохранность, небольшая его мощность (3-5 см, в ямах до 30 см), позволяют производить достаточно корректные реконструктивные построения. В целом, планиграфический анализ комплекса А дает возможность характеризовать как памятник со сложной планиграфической структурой, предполагающий наличие хозяйственно-бытовых комплексов со следами замкнутых производственно-бытовых циклов, рабочих мест, полукруглых каменных конструкций, очагов и ям (последние, глубиной до 25 см и 50 см в диаметре, содержали остатки костей и каменные артефакты) (рис. 4) [Лбова, 2000].

Выводы, сделанные на основе изучения морфологии каменного инвентаря, возможно проверить на основе данных зооархеологического анализа [Germonpre, Lbova, 1995]. Общее количество костей составляет около 4 тыс. экземпляров. Все разновидности крупной, а также мелкой фауны (полевка Брандта, предпочитающая засушливые условия), обнаруженные на стоянке, относятся к обитателям сухой степи [Lbova, 1999]. Два основных вида млекопитающих служили добычей человека. Это лошадь (*Equus caballus*) – 12 особей и дзерен (*Procavia gutturosa*) – 8 особей. Кости сильно фрагментированы, только 8,1% костей целые, 17,1% остеологического материала сохранили следы воздействия человека (кости обожженные, несущие следы дробления, спиралевидные отщепы), из них 1% имеет следы резания, судя по их локализации, связанные с первичной разделкой туши и снятием шкуры. Вероятно, отмеченная система может свидетельствовать о кратковременности деятельности человека на стоянке. Части скелета дзерена представлены в полном комплекте, что говорит о том, что животные были убиты вблизи территории стоянки и в целом виде были доставлены для разделки. Несколько иная ситуация прослеживается при анализе костного набора *Equus caballus*. Части позвоночного столба и осевого скелета представлены не полностью, хотя имеется и образец целого аксиального скелета. Видимо, туши лошадей были доставлены на стоянку уже в разделанном состоянии, хотя нельзя исключать возможность того, что недостающие кости были слишком сильно фрагментированы для их достоверной идентификации [Marean, Kim, 1998]. На основе данных по прирастанию эпифизов посткраниального скелета дзерена удалось реконструировать и то, что функционирование стоянки было приурочено к определенному сезону, когда животные находятся в хорошей физической кондиции – это позднее лето/осень, или начало зимы. Таким образом, палеозоологические данные подтверждают нашу атрибуцию стоянки, проведенные на основе особенностей каменного инвентаря, как кратковременную, охотничью стоянку с интенсивным циклом утилизации камня и оформления орудий, связанную с первичной переработкой туш животных.

Особенности использования литоресурсов индустрии стоянки Хотык отличаются от картины, реконструированной нами для комплекса Каменка А (С). В комплексе Хотык (2) 5,8% орудий имеют следы галечной/желвачной корки на поверхности, в индустрии Хотык (3) таких предметов 12%, тем самым, доля таких артефактов выше, чем в комплексе Каменка А (С). Преимущественной ориентации на один тип высококачественного сырья не прослеживается (рис. 5). В индустрии Хотыка выявлено использование 11 различных горных пород. Ведущими являются базальты (29%), туфы (37%), риолитовые порфиры (24%). Остальные виды сырья имеют удельный вес от 4,3% до 0,1%. Как следует из приведенных данных, не существовало и одного, основного месторождения ресурсов камня. Скорее всего, система обеспечения сырьевым материалом складывалась в результате использования целого ряда источников, посещавшихся коллективами во время их передвижений. Полученными из наиболее отдаленных местонахождений могли быть кремнеземные туфы, близкие по своим характеристикам Мухор-Талинским, находящимся на расстоянии около 60 км от Хотыка. Остальные породы, использованные человеком, встречаются в пределах дня пути от стоянки – выходы их в рассеянном состоянии находятся как непосредственно около памятника, так и на расстоянии около 15-20 км. Соотношение основных категорий инвентаря в слоях Хотык (2) и (3) довольно близко структуре индустрии Каменки А (С), хотя показатели интенсивности деятельности и эффективности расщепления нуклеусов несколько ниже на Хотыке. Единственным, и заметным исключением является относительно низкая интенсивность раскалывания в горизонте 3 Хотыка, где количество сколов приходящихся на один нуклеус в два раза меньше чем на Каменке (хотя нельзя исключать и тот факт, что это может объясняться

спецификой раскопанного участка). То же самое касается и особенностей вторичной обработки. Если индустрия Хотык (2) показывает обработку менее интенсивную и разнообразную, чем орудия в комплексе Каменка А (С), то в комплексе Хотык (3) эти показатели еще ниже. Причины такого своеобразия, возможно, могут быть выявлены при сопоставлении с другими индустриями Центральной Азии. В комплексе стоянки Хотык (2) все показатели разнообразия, степени модификации, протяженности вторичной обработки, интенсивности и эффективности расщепления и производства орудий относятся к категории высоких и выше средних. Сравнение по указанным параметрам позволяет выявить наибольшее сходство со слоем 11 Денисовой пещеры. Эта индустрия, относится к категории 2 (кратковременные, охотничьи стоянки с интенсивным циклом утилизации камня и оформления орудий, т.е., той же, к которой был отнесен ассамбляж Каменки А (С)), но принадлежит к типу Б (использующим местное сырье). Несколько менее выявленное сходство прослеживается с индустрией среднепалеолитического слоя 2 стоянки Кара-Бом, где сырье доставлялось с расстояния около 5 км. Такой композиции территорий добычи сырья и мест поселения (стоянок) в среднем палеолите и ранней поре верхнего палеолита Горного Алтая, как та, которая была показана нами для Хотыка, до сих пор не было отмечено. Поэтому, максимальное сходство, проявляемое с памятниками, относящимися к разным сырьевым группам, является вполне естественным, так как обитатели забайкальской стоянки эксплуатировали литоресурсы, расположенные как в непосредственной близости от памятника, так и удаленные на средние (от одного до пятнадцати километров) и дальние дистанции³. Характер индустрии Хотыка (2), таким образом является результатом "усредненной" картины жизнедеятельности популяции во время передвижений по освоенной территории.

Индустрия Хотык (3) в сравнении с центрально-азиатскими комплексами демонстрирует следующие показатели: степень модифицирования ретушью краев орудий и протяженность ретуши по периметру заготовки высокая и очень высокая, разнообразие вторичной обработки и удельный вес формальных орудий имеет средние показатели. Эффективность расщепления ядрищ и интенсивность первичного расщепления – средние и ниже среднего, интенсивность деятельности по производству орудий высокая. Таким образом, при относительно низких показателях эффективности утилизации нуклеусов отмечается высокая интенсивность переоформления сколов в орудия. Во время сезонного (?) заселения производилась неспециализированная деятельность по раскалыванию камня и производству орудий, возможно, связанной, не с первичной разделкой добычи, а, отражающей обычную поселенческую активность. Этот тип памятников связан с более продолжительным периодом проживания, и низкая эффективность расщепления ядрищ связана именно с этим фактором – население не сталкивалось с временными стрессами, и орудия изготавливались ситуационно, в соответствии с возникшей надобностью, в то же время, чем дольше период заселения территории стоянки, тем выше вероятность того, что скол будет переоформлен в орудие.

Планиграфическая ситуация, фиксируемая в анализируемых слоях стоянки Хотык, имеет следующие особенности: уровень 2 представляет собой сложный поселенческий комплекс [Лбова и др., 2003]. Скорее всего, заселение площадки было неоднократным, территория стоянки являет собой палимпсест повторяющихся эпизодов жизнедеятельности. В раскопе вскрыто четыре крупных скопления артефактов. Выделяются искусственные валы из крупных костей животных и каменных глыб длиной до нескольких метров; хозяйственные ямы, обставленные плитами глубиной 50-60 см, с наполнением крупных частей (черепов, костей конечностей) и артефактов с уровня горизонта обитания, характерным моментом является сохранение анатомического порядка некоторых частей посткраниального скелета животных. Преобладают остатки растительноядных копытных, так же как и на Каменке, обитателей открытых пространств: дзерена (*Procapra gutturosa*) – определено наличие 18 особей, лошади (*Equus sp.*) – 5 особей, носорога (*Coelodonta antiquitatis*) – 5 особей, аргали (*Ovis ammon*) – 2 особи, благородного оленя и бизона по одной особи. Обнаруженные в отложениях стоянки Хотык остатки грызунов показывает широкое распространение в районе стоянки степных ландшафтов и аридном климате [Хензыхенова, 1999]. Анализ принадлежности остатков костей дзерена, лошадей и аргали к тому или иному отделу скелета свидетельствует утилизации туши в целом (табл. 3).

¹³ Как было показано [Рыбин, Колобова, 2004], для центральноазиатских стоянок местным может считаться сырье, удаленное от территории жизнедеятельности не более чем на 1-2 километра. Индустрии, в которых использовалось сырье, происходящее с большего расстояния, уже заметно отличались особенностями структуры индустрии и вариантами вторичной обработки

Таблица 3.
Количество скелетных элементов *Procapra gutturosa* из 2-го и 3-го уровней стоянки Хотык

Скелетный элемент	Культурный горизонт 2	Культурный горизонт 3	Скелетный элемент	Культурный горизонт 2	Культурный горизонт 3
Роговой стержень	4/3*	3/2	Бедро	33	12
Зубы	131	37	В т. ч. проксимал	17/9	3/2
В т. ч. МЗ нижний	11/7	6/5	дистал	16/8	6/5
другие	120	31	Коленная чашечка	2/1	1/1
Фрагменты черепа	45	20	Голень	31	21
Нижняя челюсть	29/9	15/6	В т. ч. проксимал	15/9	9/5
Позвонки	91	57	дистал	16/8	12/7
В т. ч. атлант	3/3	2/2	Карп./ тарс.	32	24
эпистрофей	3/3	7/7	В т. ч. пяточная	14/7	10/7
Лопатка	37/18	24/13	астралгал	12/8	5/4
Плечо	34	17	другие	6	9
В т. ч. проксимал	7/4	4/3	МТ	19	13
диафиз	1/1	2/2	В т. ч. цельный	6/4	4/3
дистал	26/15	11/6	проксимал	8/5	8/4
Локоть	17/9	9/6	дистал	5/3	1/1
Луч	26	24	МР	13	9
В т.ч. проксимал	14/7	9/5	Фаланги	79	63
диафиз	2/1	3/2	В т. ч. 1 фаланга	49	35
дистал	10/6	11/7	2 фаланга	25	21
МС	17	23	3 фаланга	5	7
В т.ч. цельный	5/4	3/2			
проксимал	4/3	10/8			
дистал	8/5	10/8			
Газ	38	14	ИТОГО:	675/18	251/13

* В числителе показано количество костей, в знаменателе – особей.

Возрастной состав копытных зверей довольно разнообразен. Лошади, носороги, дзерены, бараны представлены животными разного возраста, молодыми, взрослыми и старыми особями. Определение примерного возраста молодняка *Procapra gutturosa*, позволяет говорить о круглогодичной добыче дзерена в окрестностях массива Хотык. На летнее время (июнь – начало осени) приходится 43% добытых животных, на весну и зимнее время приходится по 28,5% (табл. 4).

Планиграфия уровня 3 стоянки Хотык в целом производит впечатление более гомогенного, чем уровень 2 поселенческого комплекса. Горизонт обитания 3 выражается в виде скоплений артефактов с четкими границами, приуроченных к каменным конструкциям, образованным вертикально установленными плитами. В подобных скоплениях довольно многочисленны кости основных промысловых животных (носорога, лошади, дзерена). Выявлен участок, связанный с вероятной символической деятельностью. Скопление артефактов и фаунистических остатков сконцентрировано на площади около 2 кв. м, при этом зона расчистки насыщена разнообразными по оттенку пятнами. К этому скоплению приурочены находки предметов неутилитарного назначения, орудий, осколков яшмы, горного хрусталя, слюды, гематита (подробнее см. статью Л.В. Лбовой в настоящем сборнике). Фаунистический состав и предпочтительные промысловые виды животных близки уровню 2 стоянки. Наиболее многочисленны остатки дзерена (13 особей), лошади (6 особей) и носорога (2 особи). Кости сильно раздроблены, хотя так же, как и во втором горизонте, можно отметить утилизацию туши в целом (табл. 3). Сезонность добычи дзерена в 3 уровне выражена более явно – 67% молодых особей были добыты в течение лета, добыча остальных производилась в конце зимы – ранней весной (табл. 3).

Таблица 4.

Период добычи дзерена (*Procapra gutturosa*) на палеолитической стоянке Хотык (Уровни 2 и 3)

Элемент скел ета или кост и	<i>Procapra gutturosa</i> (Хотык)				Gazella gazella, возраст прирастания эпифиза к диафизу (месяцев); [по: Davis, 1980: Germonpre, Lbova, 1996]
	Уровень 2		Уровень 3		
	n	Период добычи	n	Период добычи	
Низ плечевой	7/4*	Середина августа - начало сентября	3/2	Середина августа - начало сентября	~ 2
Фаланга 1	4/2	Ноябрь – декабрь			~ 5-8
Низ голени	3/2	Февраль – март	1/1	Февраль – март	~ 8-10
Верх бедренной	3/2	Апрель – май			~ 10-16
Низ бедренной	2/1	Апрель – май	1/1	Апрель – май	~ 10-18
Пяточная	3/2	Апрель – май			~ 10-16
Низ МР	2/1	Апрель – май			~ 10-16
Верх локтевой	2/1	Июнь – июль	2/1	Июнь – июль	~ 12-18
Верх голени	2/1	Июнь – июль	1/1	Июнь - июль	~ 12-18

* В числителе показано количество костей, в знаменателе – особей.

Трасологический анализ инструментария 2 и 3 горизонта стоянки Хотык, был произведен П.В. Волковым [Лбова и др., 2003]. Отмечается ориентация на монофункциональную деятельность, не связанную с производством орудий, изготовление которых производилось вне вскрытой раскопом территории. На площади памятника происходила утилизация и поджигление ранее уже созданных орудий. Основным видом хозяйственной деятельности, была первичная переработка мясных продуктов, разделка мясной добычи, подготовка ее для дальнейшей транспортировки или консервации, что, по мнению П.В. Волкова, в этом аспекте напоминает стоянку Кара-Бом. Однако, осуществлялись и другие виды деятельности, наборы орудий 2-го и 3-го уровней самые разнообразные по составу инструментария среди всех комплексов памятника. Интересным выглядит наблюдение, что наименее интенсивное использование претерпели инструменты из технокомплекса 3-го уровня, следы интенсивного износа отмечены только на 2% изделий. Более половины "мясных ножей" подвергались регулярному поджиглению лезвий. В результате неоднократных повторений подобных действий значительная часть разделочных ножей была оставлена в силу невозможности применения приостряющей ретуши.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, можно отметить следующие характерные черты поведенческих стратегий древнего населения Юго-Западного Забайкалья во время ранней поры верхнего палеолита:

1. Хозяйственная деятельность человека была основана на интенсивной охотничьей деятельности, ориентированной на два основных вида стадных травоядных млекопитающих – обитателей открытых пространств.

2. Технокомплексы, привлеченные для анализа, продемонстрировали особенности вторичной обработки орудий и структуры индустриального набора, характерные для а) кратковременных охотничьих стоянок и б) сезонных охотничьих поселений. Такие определения функционального типа памятников находят свое подтверждение как в планиграфических характеристиках объектов, так и в данных палеозоологических и трасологических исследований.

3. В отличие от алтайских стоянок ранней поры верхнего палеолита в забайкальском палеолите отмечается большая степень ориентации человека на использование каменного сырья, полученного с удаленных местонахождений. Этот факт, нашедший свое отражение в высокой интенсивности обработки орудий и раскалывания камня может свидетельствовать о более масштабных и регулярных передвижениях человеческих коллективов, и, следовательно, о большем размере освоенной территории, чем тот, что может быть реконструирован для Горного Алтая. Вероятно, человек был просто вынужден совершать регулярные удаленные маршруты, и значительные размеры территории, охваченной регулярными маршрутами, могут быть результатом не только необходимости в получении высококачественного сырья, но и адаптации человека к специализированной охоте на

высокоподвижных стадных млекопитающих. Забайкальские комплексы позволяют предположить существование более выраженной, чем на Алтае специализации систем поселений в число которых входят как сезонные охотничьи лагеря, так и кратковременные эфемерные стоянки, а также значительно более сложное структурирование жилого пространства стоянок, наличие выраженных зон и искусственных сооружений на территории поселений. Заметные отличия по сравнению с Горным Алтаем прослеживаются и в определенном уровне специализации в добыче промысловых животных. Подобной избирательности жизнеобеспечивающего поведения на территории Алтая не прослеживается как в среднем, так и в ранней поре верхнего палеолита. Во время всех климатических флуктуаций позднего плейстоцена ландшафты Горного Алтая характеризовались в высшей степени мозаичными и разнообразными комбинациями лесных, лесостепных и степных растительных сообществ. Эти биомы служили средой обитания разнообразных видов средних и крупных млекопитающих. На пересеченной территории гор и предгорий в пределах небольшой территории долины реки сосуществовали различные биотопы, что позволяло находить необходимые для пропитания животные или растительные ресурсы, высокоподвижные человеческие популяции эксплуатировали ограниченные микрорегионы. Среди прочего об этом говорит преимущественное использование местного каменного сырья, независимо от его качества. Это может объясняться адаптацией древнего человека к разнообразным ландшафтам низкогорий, которые позволяли обеспечивать жизнедеятельность коллективов, не требуя протяженных передвижений. Таким образом, несмотря на близость каменной технологии в ранней поре верхнего палеолита этих двух регионов Южной Сибири, отличие в поселенческих системах и способах эксплуатации источников каменного сырья является весьма заметным.

Список литературы

Дервянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Дервянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсүрэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. - № 1 (29). – С. 16-38.

Клементьев А.М. О возможном промысловом значении дзерена в палеолите Западного Забайкалья // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. – С. 171-176.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ-Чита: Изд-во ЧГПИ, 1994. – 180 с.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 59-75.

Лбова Л.В., Базаров Б.А. Хронология и палеоэкология начального этапа верхнего палеолита в Забайкалье // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж. Истоки, 2004. – С. 104-107.

Лбова Л.В., Базаров Б.А., Клементьев А.М., Савинова В.В. Природные ресурсы и поведенческие модели человека начальной стадии верхнего палеолита (Западное Забайкалье, Удинский бассейн) // Экология древних и современных обществ. – Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – С. 61-65.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (западное Забайкалье и юго-восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. - № 4 (20). – С. 20-34.

Хензыхенова Ф.Э. Грызуны стоянки Хотык-3 и их палеогеографическое значение // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 44-47.

Binford L.R. Organization and Formation Processes: Looking at Curated Technologies // Journal of Anthropological Research. – 1979. – vol. 35. – P. 255-273.

Germonpre M., Lbova L. Mammalian Remains from the Upper Paleolithic Site of Kamenka, Buryatia (Siberia) // *Journal of Archaeological Science*. – 1996. – № 23. – P. 35-57.

Henry D.O. Correlation Between Reduction Strategies and Settlement Patterns // *Alternative Approaches to Lithic Analysis*. – Boulder: Westview Press, 1989. – P. 139-212.

Kelly R.L. The Three Sides of a Biface // *American Antiquity*. – 1988. – vol. 53. – P. 717-734.

Kuzmin Ya. V., Lbova L.V., Jull T.A.J., Cruz R.J. The Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in Transbaikal, Siberia: The Khotyk Site Chronology and Archaeology // *Current Research in the Pleistocene*. – vol. 23. – 2006. – P. 23-26.

Lbova L.V. The palaeoecological model of the Upper Palaeolithic site Kamenka (Buryatia-Siberia) // *Sbor. Geol. Ved. Antropozoikum*. – № 23. – Praha, 1999. – P. 181-191.

Lbova L.V. Geochronology and Paleogeography of the Early Upper Paleolithic in the Trans-Baikal, Russia // *Current Research in the Pleistocene*. 2007. – vol. 24. – P. 39-41.

Marean C.W., Kim S.Y. Mousterian faunal remains from Kobeh Cave (Zagros Mountains, Iran): Behavioral implications for Neanderthals and early modern humans // *Current Anthropology*. – 1998. – vol. 39. – P. 79–114.

ОСНОВНІ ДЕМОГРАФІЧНІ ТА СОЦІОЛОГІЧНІ ПАРАМЕТРИ СІМ'Ї ОБЩИНИ РАНЬОМЕЗОЛІТИЧНОГО НАСЕЛЕННЯ ЛІСОСТЕПОВОГО ЛІВОБЕРЕЖЖЯ ДНІПРА

Вивчення решток житлових і господарських об'єктів стоянки зимівниківської культури В'язівок 4а у Посуллі висвітило багато аспектів життя та побуту мисливців раннього голоцену. Зокрема, виконано реконструкцію зовнішнього вигляду та організації внутрішнього простору помешкань [Гавриленко, 2000а; 2001], зроблено спробу визначити чисельність їхніх мешканців і статевіковий склад відповідних соціальних одиниць [Гавриленко, 1995; 2000б; 2003; 2007].

Здійснені дослідження спиралися на аналіз розмірів жител, планіграфічного розташування культурних решток, складу господарського та побутового інвентарю, насамперед, кількісного співвідношення основних категорій крем'яних виробів. Ці дані вказують не тільки на кількість мешканців, але й на структуру соціальних груп, дозволяють окреслити відмінні за призначенням частини помешкань і визначити таким чином функції, які виконувалися різними членами колективу.

Ми дійшли думки, що менші з жител (площею від 9,6 до 12,6 м²) слугували помешканнями для однієї бездітної сім'ї, більші (площею від 23,8 до 28,3 м²) – для двох сімей з дітьми кожне.

Співвідношення "чоловічих" (нуклеуси, мікроліти) та "жіночих" (скребачки) крем'яних виробів окремо за групами малих і великих жител виявилося майже тотожним. При цьому потреба мешканців малих жител у продуктах розщеплення кременю та вістрях стріл була нижчою, порівняно з простеженою у великих житлах у 2-3 рази, тоді як кількість скребачкових інструментів і, відповідно, інтенсивність операцій з обробки шкур тварин – меншою в 5-6 разів.

Поділу площі великих жител на чоловічу / жіночу половини не спостерігалось. Натомість простежувався розподіл на сімейні половини, в яких на одне "чоловіче" місце приходилося не менше трьох місць, пов'язаних із вичинкою шкур. Тож у великих житлах мешкало по двоє чоловіків і 5-6 осіб, що займалися обробкою шкур й іншими домашніми промислами, а саме дві дорослі жінки та до чотирьох дітей працездатного віку, з яких і склалися дві окремі сім'ї. Останні, згідно даних етнографії, найвірогідніше, перебували між собою у близькому родинному зв'язку.

Таким чином, основним структурним елементом ранньомезолітичних общин виступали групи простих сімей, пов'язані близькими родинними стосунками та господарськими інтересами. Поруч з об'єднаннями сімей мешкали окремі сім'ї, які не входили до ядра общини. Серед імовірних причин окремого проживання бездітних сімей назвемо нестійкість таких шлюбних пар, нижчий соціальний статус молодих мисливців порівняно зі старшими, відсутність чи слабкість їх родинного зв'язку з сім'ями, що утворювали серцевину общини. В останньому випадку мова йде про сиріт або чужинців. Вказані чинники могли діяти як окремо, так і в різних поєднаннях.

Ця стаття спрямована на подальший аналіз і конкретизацію основних характеристик давнього колективу, з існуванням якого пов'язана пам'ятка.

Статевікова структура, кількісний склад общини

Безпосередньо реконструювати чисельність "в'язівочкої" общини неможливо. По-перше, є вагомий підстави вважати, що існування стоянки пов'язане з життєдіяльністю лише частини даного колективу (детальніше про це – нижче), по-друге, пам'ятка розкопана не повністю, і ми не знаємо всієї кількості житлових об'єктів, по-третє, навіть при цілковитому розкритті площі надзвичайно складною для розв'язання залишиться проблема визначення синхронності різних житлових і господарських споруд, які виникали, це можна вважати доведеним [Гавриленко, 2000б, с. 98], при поверненні впродовж кількох років на місце стоянки її мешканців для зимівлі. Тож ми змушені обмежитися міркуваннями загального плану.

Мисливсько-збиральницьке господарство встановлювало екологічно зумовлені межі чисельному росту колективів [Кабо, 1986, с. 6]. Тому розміри первісних соціальних груп, попри значні коливання щільності населення, відрізнялися значною сталістю. Більшу частину життя люди проводили в общинах розміром від 15 до 75 чоловік, в середньому 25-30 [История..., 1986, с. 430; Симченко, 1976, с. 185-186], 20-50 [Андрианов, 1985, с. 10], 35-50 [Берндт, Берндт, 1981, с. 30; Кабо, 1986, с. 245]. Така чисельність общин – універсальна, поширена на всій земній кулі.

Продуктивність і стабільність природного середовища впливали на розміри общин як лімітуючі чинники. Більші групи (50-60 і, навіть, 100 чол.) зустрінуті у відносно забезпечених харчовими ресурсами районах: на морських узбережжях, у долинах великих рік, тропічних лісах та, частково, в лісостепах [История..., 1986, с. 430]. І навпаки: чим менше їжі, тим общини дрібніші [Кабо, 1986, с. 23-24; Nassan, 1981, с. 56]. Приміром, в Австралії і Тасманії групи з 2-4 сімей зустрічалися в екстремальних ситуаціях обмеженості продуктів харчування. Там, де природні умови були кращими, общини зростали до вказаного оптимального розміру [Липс, 1954, с. 125].

Менший розмір виступав показником несприятливості середовища і завжди загрожував існуванню групи внаслідок, наприклад, можливої гибелі чоловіків на полюванні. Адже для нормального ведення мисливського господарства й оборони від ворога, за даних екологічних умов і рівня соціально-економічного розвитку, необхідна наявність в общині мінімум 4-6 дорослих мисливців [Гладких, 1989, с. 17; Залізник, 1998, с. 41; История..., 1986, с. 430-431; Кабо, 1986, с. 262-263]. До речі, смертність від випадкових причин була досить частою. Так, у ескімосів 15% смертей чоловіків зумовлювали нещасні випадки на полюванні [История..., 1986, с. 442]. У давніх соціумах загибель у результаті катастроф, травм, утоплень і т. п. теж могла виступати основною причиною смерті [Россет, 1981, с. 169; Федосова, 1994, с. 71].

Розміри общин збільшувалися, наскільки дозволяли природні ресурси освоєної території. Однак зі значним зростанням чисельності виникали проблеми з управлінням групою, координацією дій її членів, посилювалася внутрішня соціальна напруга, втрачалася економічна ефективність. Відсутність або недосконалість транспортних засобів, необхідних для експлуатації віддалених угідь, теж стримувала зріст груп [Залізник, 1989б, с. 156; Залізник, 1991, с. 133; Залізник, 1998, с. 41]. Тож, при відхиленнях від оптимальної, чисельність общин відновлювалася шляхом перерозподілу їхніх членів [Брюсов, 1952, с. 10; Залізник, 1998, с. 41; Кабо, 1986, с. 74, 124, 142, 261; Роуз, 1989, с. 237].

У лісовій зоні та на півночі лісостепової у мезоліті поширилося переважно індивідуальне полювання на нестадних лісових тварин. Відповідний йому спосіб життя не сприяв утворенню великих соціальних об'єднань. Проте для підтримки свого існування общини мусили досягати хоча б мінімального життєздатного розміру, адже украй нечисленна група не в змозі виконати необхідні господарські та соціальні завдання. Оптимальний розмір общини доби палеоліту–мезоліту визначається в 5-7 сімей, або 25-30 осіб [Залізник, 1989б, с. 155; Залізник, 1990, с. 71; Залізник, 1991, с. 97-98, 130; Залізник, 1998, с. 41; Массон, 1976, с. 135; Шнірельман, 1992, с. 19; Birdsell, 1968, р. 235, 239].

Крім збереження необхідної чисельності, важливе значення мало підтримання в общинах певної статевікової структури [Сукерник, Кроуфорд, Осипова, 1988, с. 21].

Аж до оформлення класового суспільства основною демографічною ланкою виступала популяція, складена переважно з дієздатних членів колективу, з малим відсотком старих і високою дитячою смертністю [История..., 1988, с. 313]. Населення мезоліту палеодемографи відносять до стаціонарного типу, коли відсутній приріст населення та не змінюється порядок вимирання за віковими групами [Кислый, 1995, с. 120; Россет, 1981, с. 183]. Хоча ці схеми не враховують реальної динаміки зміни чисельності населення, вони характеризують добу в цілому. Тому допустимо вважати, що близько 1/3 членів мезолітичної общини, як і пізньопалеолітичної [Гладких, 1989, с. 17], складали діти, 1/3 – мисливці, що постачали основний продукт споживання (в мезоліті мисливство починає суттєво доповнюватися рибальством), 1/3 – особи, зайняті збиральництвом, домогосподарством і доглядом за дітьми.

Визначення кількості мешканців за площею жител із залученням відповідних етнографічних паралелей не є надійним. Надто вже варіативним було це співвідношення у різних народів, а в межах окремих етносів – залежним від ряду обставин, насамперед сезонної зміни типів помешкань і ступеню скупченості людей у них.

У випадку ж із В'язівком 4а ми отримали добру нагоду визначити кількість мешканців жител за числом робочих місць з урахуванням можливої присутності недієздатних осіб. Розмір великих жител дозволяв проживати там двом сім'ям із загальною чисельністю мешканців близько 10 (максимально 14) чоловік, а малі житла слугували помешканнями однієї (бездітної?) подружньої пари кожне [Гавриленко, 2003, с. 132].

До складу общини входили як сім'ї, представлені шлюбними угрупованнями, котрі щойно склалися, так і бездітні, а також родини з одним, двома і т. д. дітьми. Важливо пам'ятати, що одна пара батьків приходилася на 4-5 сімей їхніх дітей, тому врахування для кожної сім'ї наявності одного з престарілих батьків є грубою помилкою. Зважаючи на динаміку розвитку нуклеарної сім'ї, крайні межі якої 2-6 осіб, розмір середньої сім'ї слід уважати рівним 4 [Колесников, 1993, с. 36-37].

Статевікові відмінності індивідів, як і вузи кривності, виконуючи різні функції в організації

суспільного життя та по-різному структуруючи суспільство, взаємодоповнювали одне одного у функціонуванні конкретних соціальних систем первісності. Разом із тим, статевікові й кривородинні начала протистояли між собою як різні та, до певної міри, самостійні й альтернативні принципи соціальної організації давніх суспільств. Протиборство між ними простежувалося протягом усієї первісної доби і є однією з найважливіших її колізій [Балакин, 1991, с. 97; Бунятян, 1985, с. 125].

Сезонні зміни у складі общини

Будучи порівняно стабільним утворенням, община виступала водночас сукупністю рухомих груп із змінним складом і розміром. У сезони поганої забезпеченості їжею община розділялася на групи з однієї або кількох сімей. Останні розсіювалися територією общини і знову збирались у більш продуктивні промислові сезони у місцях концентрації харчових ресурсів, при чому чисельність таких об'єднань і їхня тривалість прямо залежали від забезпеченості продуктами [Андрианов, 1985, с. 209; Артемова, 1987, с. 27; Кабо, 1986, с. 258; 1989, с. 19; Косвен, 1957, с. 141; Липс, 1954, с. 160; Роуз, 1989, с. 219; Файнберг, 1991, с. 66]. Під час збору общини відбувалися такі важливі для первісного суспільства акції як встановлення шлюбних зв'язків, весілля, культові свята, обмін сировиною (кременем, вохрою), виробами, продуктами харчування тощо зі спеціально прибулими представниками сусідніх общин. Для подібного розділу року запропоновані терміни *фаза приватного життя* і *фаза суспільного життя* [Кабо, 1986, с. 189; Кротова, 1994, с. 27].

Річний господарський цикл ранньомезолітичної людності північної смуги лісостепу складався, певно, з двох періодів: зимового мисливського та літнього мисливсько-рибальського. Стоянка В'язівок 4а – типове зимове мисливське стійбище. Пам'ятка сформувалася внаслідок багаторазового повернення на місце минулорічного проживання одного первісного колективу. Кількість жител при повторному заселенні стійбища не була постійною, окремі сім'ї будь-коли могли приєднатися до нього або відкочувати. Різноманітно орієнтований мисливський промисел доповнювало рибальство. Наявність кісток дрібних риб вказує на вірогідність застосування найпростіших пасток, сплетених із прутів. Великі ж рибини могли здобуватися індивідуально методами активного лову (гарпун, лучення тощо) [Гавриленко, 2006, с. 98]. На літо мешканці стоянки, скоріше за все, переселялися у місця традиційної рибалки на берег більшої річки (Сули).

Імовірно, подібно лісовим мисливцям [Залізник, 1991, с. 94; Залізник, 1997, с. 18], часом збору сімей в єдиному общинному поселенні ставало літо. Рибальство, особливо ефективне влітку, забезпечувало общину стабільними харчовими ресурсами. А промисел риби за допомогою пасток вимагав кооперації праці й об'єднання зусиль багатьох людей. Зимом ж, навпаки, значно легше прожити невеликою групою, адже в холодну пору, коли улов зменшувався, більш залежне від різного роду випадковостей полювання [про це див., напр.: Анисимов, 1966, с. 107, 100, 113] не могло прохарчувати великий колектив у одному місці. Скорочувався взимку і радіус доступної для експлуатації мисливської території. Тому з настанням холодів мисливці лісів помірної зони розпорозувалися невеликими господарськими групами общинною територією з метою максимального її опроміщення [Залізник, 1991, с. 94, 128, 134, 138; 1993, с. 7; 1997, с. 18; История..., 1986, с. 201; Кольцов, 1989, с. 84; Хикерсон, 1978, с. 168]. Міжобщинні контакти, також, не могли здійснюватися зимою, адже сніговий покрив різко зменшував рухливість населення.

Тож стоянка В'язівок 4а виникла, найвірогідніше, в результаті дисперсного розселення відповідної мезолітичної общини у глибині лісових мисливських угідь узимку, при цьому на поселенні мешкала лише частина общини. На нашу думку, вважати пам'ятку рештками общинного селища, де кожне житло належало окремій родині [див.: Коєн, 1997, с. 29], є помилкою.

Неодноразове повернення мешканців (у складі резидентної групи) на стоянку у визначений період року є показником не хаотичного та безсистемного, а ритмічного, суворо обумовленого сезонним циклом і порівняно тривалого освоєння общиною навколишньої території. Переміщення первісних мисливців мали цілеспрямований, періодичний характер, циклічно повторюючись рік у рік так, що кожного сезону колектив знаходився в найбільш забезпеченому їжею місці в межах общинних земель. У літературі подібні факти розглядаються як свідчення належності общині певної промислової території, котру вона економічно освоювала, періодично переміщуючись із одного місця на інше, розділюючись у разі необхідності на господарські групи [Залізник, 1989а, с. 19; Кабо, 1986, с. 208, 215].

Існує думка, що за рухливого чи напіврухливого способу ведення господарства у власності людей перебувала не територія, а тільки ті тварини й рослини, які виступали безпосередньою здобиччю [Генинг, Павленко, 1984, с. 70-71; Гладких, 1989, с. 21]. Однак рухливий спосіб життя зовсім не означав постійних безладних переміщень. Упродовж річного циклу мезолітичні общини відвідували різні ділянки в межах певної території, повертаючись у зручні місця протягом багатьох років. Таким

чином, здійснювався зв'язок общини із землями, що контролювалися нею, а отже, могли формуватись уявлення про їхню належність групі. Общини мисливців і збирачів різних природно-географічних зон ідентифікували себе зі своєю мисливською територією і, як правило, мали назву та самоназву за домінуючою в даній місцевості річкою, озером, горою, лісом і т. д. [Зализняк, 1989б, с. 156; David, 1973, р. 88].

Структурні елементи общини

Первісний лад – складне, багаторівневе явище, де функціонували різноманітні структури, а людина одночасно перебувала членом кількох із них, підтримуючи стосунки як з окремими особами, так і з різними їх об'єднаннями. Провідним соціально-економічним інститутом, властивим усім суспільствам і однотипним у головних своїх ознаках, виступала община – найдинамічніша економічна та соціальна ланка, здатна до демографічного відтворення і самостійного розвитку [Артемова, 1987, с. 24-26; Берндт, Берндт, 1981, с. 30; Кабо, 1986, с. 4-6; Крупник, 1989, с. 25; Социально-экономические..., 1986, с. 101]. Як господарський колектив община, відповідно до статевікового розподілу праці, розпадалася на кілька компонентів: дорослих працездатних чоловіків і жінок, непрацездатних стариків – зберігачів знань, виробничих навичок, соціальних й етнічних норм та дітей і підлітків, які не досягли ще робочого віку [Крупник, 1989, с. 25; Кушнер, 1925, с. 98].

Неодмінними елементами соціальної структури виступали сім'ї, а також резидентні (господарські) та цільові групи. Порівняно з общинами, господарські групи – утворення менш постійні. Динаміку їхніх розмірів зумовлювали екологічні чинники. Групи розпадались і складались знову в іншому складі, в них не існувало чітких принципів побудови, щоправда в кожній мусили витримуватися певні пропорції між старими й молодими, дорослими і дітьми [Артемова, 1987, с. 27]. Загалом, господарські групи, на які община періодично розділялась у сезони розпорошеності харчових ресурсів, об'єднувались на сімейному принципі; цільові, призначені для виконання разових господарських або інших завдань (збройних сутичок, полювання, збиральництва), – на статевовіковому.

Суміщення двох тенденцій – стабільності та стійкості, з одного боку, непостійності та мінливості, з другого, – робило общину гнучким соціальним утворенням, здатним перебудовуватись відповідно до змін в оточуючому середовищі, демографічній ситуації, а насамперед – у зв'язку з вимогами господарської діяльності [Кабо, 1989, с. 19].

Община, господарська група та сім'я – угруповання, що найбільш чітко окреслювали коло людей, з котрими окремим особам доводилося контактувати протягом життя. Як і в усіх первісних суспільствах, первинною ланкою угруповань мезолітичних мисливців виступала сім'я.

Усі згадані компоненти взаємодіяли між собою як частини одного цілого. При цьому сім'ї, общині, сукупності общин, зрештою і племені (при всій дискусійності цього поняття для доби мезоліту), була притаманна територіальність, тобто зв'язок з територією, яку та чи інша соціальна спільнота економічно освоювала [Артемова, 1987, с. 19, 27; Кабо, 1986, с. 7, 190, 203, 249, 258-260; Массон, 1976, с. 116, 183; Проблемная..., 1988, с. 229].

Ступінь консолідації та стійкості соціальної організації давніх суспільств певною мірою залежав від характеру господарства. У народів, котрі існували за рахунок індивідуального полювання чи збиральництва, що теж не потребувало кооперації зусиль кількох людей або розподілу між ними функцій у процесі трудової діяльності, спостерігалася аморфна та нестійка організація. Суспільства, для яких основними формами господарства виступали мисливство, рибальство чи морський звіробійний промисел, де колективна праця була продуктивніша за індивідуальну, мали менш аморфну соціальну організацію, а склад общин – більш постійний [История..., 1986, с. 143-144].

На думку багатьох авторів, витіснення наприкінці палеоліту общинних жител маленькими хижками й різноманітними видами тимчасових сховищ відображає зміни соціального устрою, зокрема у співвідношенні общини та сім'ї. У зв'язку з вимиранням великих звірів, зростанням ролі полювання на дрібніших тварин і рибальства у складі общини виділялися дрібні сімейні та виробничі ланки. Зростало економічне значення окремих сімей, які більшу частину року полювали у складі невеликих груп сімей, або й осіб, через що внутрішні общинні зв'язки слабшали [Зализняк, 1989б, с. 166; 1990, с. 80; 1991, с. 135; История..., 1986, с. 210-211; Матюшин, 1976, с. 276; Станко, 1982, с. 121].

Дужче згруповані соціальні утворення фінальнопалеолітичних мисливців при переході до мезоліту в лісовій зоні поступилися місцем общинам, що більшість часу існували розділеними на невеликі сімейно-господарські групи. Ступінь консолідації общин був невисоким, їхній склад – непостійним. Ядро общини складало сім'ї близьких родичів. Окремі сім'ї легко могли приєднуватися до інших общин. Зміна общинної належності окремими індивідами могла виступати й фактором зниження соціальної напруги. Общини не були структурно пов'язаними одна з іншою. Проте

нечисленність общин змушувала їх підтримували активні комунікаційні контакти, обмінюватися шлюбними партнерами. Саме широка соціальна мережа, яка могла будуватися лише на основі кривності, за тих умов слугувала ефективним засобом подолання спорадично виникаючих господарських, соціальних чи демографічних криз. В умовах сезонних природних коливань, нерідких стихійних лих, постійних змін демографічної ситуації і т. п. община не могла вижити без контактів, без підтримки й допомоги сусідніх груп [История..., 1986, с. 358, 462-463].

Зростанню економічної незалежності сім'ї (або групи сімей, об'єднаних тісними родинними зв'язками) в общині сприяли такі чинники, як можливість виконання багатьох трудових процесів (полювання, збиральництво, деякі види рибальства) окремою людиною чи сім'єю, нескладність засобів виробництва, що в більшості випадків виготовлялись і використовувались індивідуально [Кабо, 1986, с. 69].

У випадку з в'язівською стоянкою можна бути цілковито впевненим, що різноманітність і доступність ресурсів дозволяли кожній сім'ї власними зусиллями забезпечувати себе багато чим, необхідним для життя – їжею, шкурами, кам'яною та кістяною сировиною, паливом для вогнищ. Чоловіки займалися полюванням, промислом риби, виготовленням кам'яних і кістяних знарядь. Заняттями жінок, при залученні дітей, виступали вичинка шкур, пошиття одягу, інші домашні промисли, приготування їжі. Проте виникали й ситуації, котрі вимагали трудової кооперації. Наприклад, спорудження зимових жител, принаймні більших за площею. Колективності потребували також окремі моменти у полюванні та рибальстві.

Лісові мисливці полювали не лише поодиночі, але й парами або невеликими групами. Певною мірою у них зберігалася колективна мисливська діяльність. Саме таким був, як правило, промисел крупних тварин. Узимку одним із головних методів полювання виступали колективні гони копитних по снігу на лижах. У лісостепу ж, порівняно з лісовою зоною, загонні методи, що вимагали великого числа загонців і мисливців, могли мати ще більше поширення [Зализняк, 1989б, с. 166; 1991, с. 74-76, 110, 127]. Об'єднання спільних зусиль вимагалось й при перенесенні забитих тварин, таких великих як лось, наприклад, хоча самого звіра міг забити один мисливець. Якщо ж тварина була впольована надто далеко від поселення, споживалися не всі частини туші, а лише найпоживніші. Цим полювання на великих тварин поступалося промислу дрібнішої дичини, на пошуки якої кілька чоловіків могли вирушити одночасно в різні місця.

Збір общини у повному складі влітку був зумовлений, поміж іншого, необхідністю об'єднання зусиль під час лову риби сітками та іншими пастками, адже широка кооперація праці є неодмінною умовою багатьох видів риболовлі. Так, промисел риби за допомогою плетених пасток виступав общинною справою для індіанських і ескімоських племен півночі Канади. При цьому спорудження для колективного лову, приміром запруди, вважались власністю всієї общини [Гурина, 1956, с. 163; История..., 1986, с. 201, 207; Хикерсон, 1978, с. 164].

Що ж до споживання продуктів, то первісній общині притаманне було поєднання рівнозабезпечуючого (але не зрівняльного) їх розподілу з деякими перевагами людей старшого віку і спеціалістів [Кабо, 1986, с. 260; Социально-экономическое..., 1986, с. 100, 212].

Мезолітичні общини були невеликими. А відомо, що масштаб соціального утворення (тобто, в кінцевому рахунку, кількість людей, які входили до його складу) впливав на складність форм регулювання суспільного життя [История..., 1986, с. 431; Куббель, 1988, с. 31]. Крім того, орієнтація на максимально повне охоплення всього розмаїття наявних природних ресурсів формувала мобільну, але аморфну економічну структуру, що, будучи націленою на вирішення актуальних господарських завдань, не мала якогось суттєвого "запасу міцності". У системах життєзабезпечення, побудованих на деконцентрації виробництва, дисперсному розселенні та рухливому способі життя, не існувало передумов становлення скільки-небудь складного й розвинутого соціокультурного комплексу [Бердт, Бердт, 1981, с. 94]. Тож ранньомезолітичні общини лісостепової смуги України були егалітарними і не мали складної соціальної ієрархії, що ґрунтувалася б на володінні та розподілі ресурсів.

Список літератури

Андріанов Б.В. Неоседлое население мира (Историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1985. – 280 с.

Анисимов А.Ф. Духовная жизнь первобытного общества. – М.-Л.: Наука, 1966. – 243 с.

Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. – М.: Наука, 1987. – 199 с.

Балакин С.А. Социально-экономические условия возникновения древнейших мезолитических могильников // Древняя история населения Украины. – Киев, 1991. – С. 92-100.

Бердт Р.М., Бердт К.Х. Мир первых австралийцев. – М.: Наука, 1981. – 447 с.

- Брюсов А.Я.** Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Изд.-во АН СССР, 1952. – 261 с.
- Бунятян Е.П.** Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). – Киев: Наукова думка, 1985. – 227 с.
- Гавриленко І.М.** Про статевовікову структуру ранньомезолітичної общини (за матеріалами поселення В'язівок 4а у Посуллі) // Проблеми археології, древньої і середньовекової історії України. – Харків, 1995. – С. 7-8.
- Гавриленко І.М.** До реконструкції житлових споруд мезолітичної стоянки В'язівок 4а // Археологія і древня архітектура Левобережної України і сусідніх територій. – Донецьк, 2000а. – С. 52-53.
- Гавриленко І.М.** Зимівниківська археологічна культура (до історії ранньомезолітичного населення Лівобережної України). – Полтава: АСМІ, 2000б. – 128 с.
- Гавриленко І.М.** Житлово-господарські комплекси мезолітичної стоянки В'язівок 4а: спроба реконструкції // *Vita antiqua*. – № 3-4. – Київ: Стилос, 2001. – С. 180-188.
- Гавриленко І.М.** Організація житлового простору та кількість мешканців жител мезолітичної стоянки В'язівок 4а // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2003. – Вип. 2. – С. 126-135.
- Гавриленко І.М.** Житла мезолітичної стоянки В'язівок 4а: планіграфія та статеві-віковий склад їх мешканців // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2007. – Вип. 10. – С. 131-147.
- Генинг В.Ф., Павленко Ю.В.** Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 60–109.
- Гладких М.І.** Соціально-економічна інтерпретація пізньопалеолітичних жител та поселень // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 17-26.
- Гурина Н.Н.** Оленеостровский могильник. – МИА. – 1956. – № 47. – 431 с.
- Залізняк Л.Л.** Закономірності в розміщенні стоянок кам'яного віку // Археологія. – 1989а. – № 2. – С. 11-20.
- Залізняк Л.Л.** Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. – Киев: Наукова думка, 1989б. – 175 с.
- Залізняк Л.Л.** Социальная структура общества позднепалеолитических охотников приледниковой Европы // Каменный век на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 71-81.
- Залізняк Л.Л.** Население Полесья в мезолите. – Киев: Наукова думка, 1991. – 160 с.
- Залізняк Л.Л.** Річний господарський цикл мисливців лісової зони Європи в мезоліті // Археологія. – 1993. – № 4. – С. 5-13.
- Залізняк Л.Л.** Способи життя мисливських суспільств України на межі плейстоцену та голоцену // Археологія. – 1997. – № 1. – С. 17-28.
- Залізняк Л.Л.** Передісторія України X–V тис. до н.е. – Київ: Вид-во "Бібліотека українця", 1998. – 305 с.
- История** первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986. – 573 с.
- История** первобытного общества. Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – 568 с.
- Кабо В.Р.** Первобытная доземледельческая община. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
- Кабо В.Р.** Предисловие // Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-24.
- Кислый А.Е.** Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // РА. – 1995. – № 2. – С. 112-122.
- Коен В.Ю.** До проблеми типології етнічних спільностей (за матеріалами фінального палеоліту Середземноморської області) // Археологія. – 1997. – № 3. – С. 25-32.
- Колесников А.Г.** Трипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социальных реконструкций в археологии. – Киев: Наукова думка, 1993. – 152 с.
- Кольцов Л.В.** Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 68-86.
- Косвен М.О.** Очерки истории первобытной культуры. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.
- Кротова О.О.** Виробництво та суспільні відносини населення Північного Причорномор'я в добу пізнього палеоліту // Археологія. – 1994. – № 1. – С. 19-31.
- Крупник И.И.** Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
- Куббель Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 270 с.

- Кушнер П.** Первобытное и родовое общества. – М.: Изд-во ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1925. – 398 с.
- Липс Ю.** Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. – 487 с.
- Массон В.М.** Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 191 с.
- Матюшин Г.Н.** Мезолит Южного Урала. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
- Проблемная ситуация в современной археологии.** – Киев: Наукова думка, 1988. – 288 с.
- Россет Э.** Продолжительность человеческой жизни. – М.: Прогресс, 1981. – 383 с.
- Роуз Ф.** Аборигены Австралии. Традиционное общество. – М.: Прогресс, 1989. – 320 с.
- Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии (Этнографическая реконструкция). – М.: Наука, 1976. – 311 с.
- Социально-экономические отношения и соционормативная культура.** – М.: Наука, 1986. – 239 с.
- Станко В.Н.** Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1982. – 176 с.
- Сукерник Р.И., Кроуфорд М.Г., Осипова Л.П. и др.** Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики // Экология американских индейцев и эскимосов. – М.: Наука, 1988. – С. 19-32.
- Файнберг Л.А.** Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). – М.: Наука, 1991. – 184 с.
- Федосова В.Н.** Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) // РА. – 1994. – № 1. – С. 67-76.
- Хикерсон Г.** Племя чиппева с севера Великих озер: очерк социополитических перемен // Североамериканские индейцы. – М.: Прогресс, 1978. – С. 158-192.
- Шнірельман В.О.** Господарські системи як фактор соціальної диференціації // Археологія. – 1992. – № 1. – С. 16-22.
- Birdsell J.** Some predictions for the Pleistocene Based on Equilibrium Systems among Recent Hunter-Gatherers // *Man the Hunter*. – Chicago, 1968. – P. 229-241.
- David N.** On Upper Palaeolithic Society. Ecology and Technology Change: The Noaillian Case // *The Explanation of Culture Change*. – London, 1973. – P. 85-112.
- Hassan T.** Demographic Archaeology. – New York: Academic press, 1981. – 300 p.

Д.К. Черновол¹, Е.В. Пичкур¹, П.С. Шидловский², А.В. Дяченко¹

¹ Институт археологии НАН Украины
пр. Героев Сталинграда, 12, г. Киев, 04210, Украина
E-mail: sekretar@iananu.kiev.ua

² Киевский Национальный университет имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 60, г. Киев, 01033, Украина
E-mail: arch@univ.kiev.ua

НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

В полевом сезоне 2007 г. отрядом Института археологии НАН Украины проводились охранные исследования памятника Йосиповка-I у с. Йосиповка Буського района Львовской обл. Отряд входил в состав экспедиции Научно-исследовательского центра "Рятивна Археологічна Служба" ИА НАНУ (директор – О. Осаульчук, начальник экспедиции – Т. Милан). В ходе работ выявлено новое поселение культуры линейно-ленточной керамики. Памятник занимал пологий мыс на юго-западной окраине села. Отрядом исследованы остатки одного жилища.

Контуры постройки прослежены по ровикам, ограничивавшим ее внешний периметр, и остаткам сгоревшей боковой стены. Жилище ориентировано длинной осью по линии север – юг. Ровики длиной 12 м и шириной 0,4 – 1,5-2 м находились вдоль западной и восточной границ жилища. Глубина ровиков колеблется в пределах 0,2 – 0,5 м. У западного ровика зафиксированы остатки стены в виде слоя обожженной глины размерами 9x2 м. Длина короткой оси жилища (расстояние между западным и восточным ровиками) составляет 8 м, размеры длинной оси установить не удалось.

Остатки стены представляли собой завал фрагментов обожженной глиняной обмазки, плавно понижавшейся с востока на запад на глубину 20 – 30 см, повторяя линию древнего горизонта. Края завала четких контуров не имели. Толщина слоя обмазки составляла 5 – 8 см, лишь в северной части образован "гребень" толщиной 10 – 15 см (рис. 1).

В состав глиняной массы, которой был обмазан деревянный каркас конструкции, входила значительная примесь половы ячменных злаков (определение Г.А. Пашкевич). Отпечатки дерева читались слабо, поэтому четко проследить особенности каркаса не удалось. Лишь на отдельных фрагментах удалось зафиксировать отпечатки прутьев и расколотых плашек шириной 1,5 – 2 см. Их характер позволяет с большой долей вероятности говорить о плетеной деревянной конструкции стены.

В северной части жилища выявлены остатки открытого очага в виде слоя невыразительных фрагментов обожженной глины толщиной около 15 см. Под слоем глины обнаружена яма округлой в плане формы, заполненная остатками сгоревшего дерева. Диаметр ямы – 0,5 м, глубина – 0,35 м (рис. 2).

В заполнении ровиков, а также за их пределами, у восточного и западного края сооружения, концентрировались фрагменты керамики, изделий камня и кремня (рис. 3).

Керамика представлена фрагментами сосудов (968 экземпляров). Анализ керамики включает характеристику трех ее главных признаков – техники и технологии изготовления (состав формовочной массы, особенности обжига и обработки поверхности), морфологических (формы сосудов) и стилистических (орнаментация) особенностей.

По составу глиняной массы в керамике выделяется две больших группы – столовая (76%) и кухонная (24%). Большинство столовых сосудов (более 84%) изготовлены из глины со значительными примесями мелкозернистого песка. Реже в состав теста добавлялись крупнозернистый песок (около 4%) или белый шамот и незначительные примеси мелкозернистого песка (около 4%). Также встречены фрагменты керамики с вкраплениями толченой раковины (до 2%). Отдельную подгруппу находок составляют изделия из хорошо отмученной глины или глины с примесями мелкого песка, скорее всего, являвшегося природным компонентом формовочной глины (около 6%).

Столовая посуда изготовлена в окислительном режиме. Обжиг неравномерный. Также встречаются фрагменты изделий, обожженных без доступа кислорода. Для керамики характерен серо-желтый или коричневый, реже – темный, почти черный цвет. Поверхность столовых сосудов шершавая (около 60%), заглаженная (около 20%) или тщательно залощена (7%). Около 13% изделий покрывались ангобом.

Главной технологической особенностью кухонной керамики поселения являются примеси остатков обмолота злаковых культур в составе глиняной массы. Иногда они комбинировались с измельченной травой. Изредка встречаются фрагменты с примесями песка (главным образом, вместе с травой), дресвы или толченой раковины.

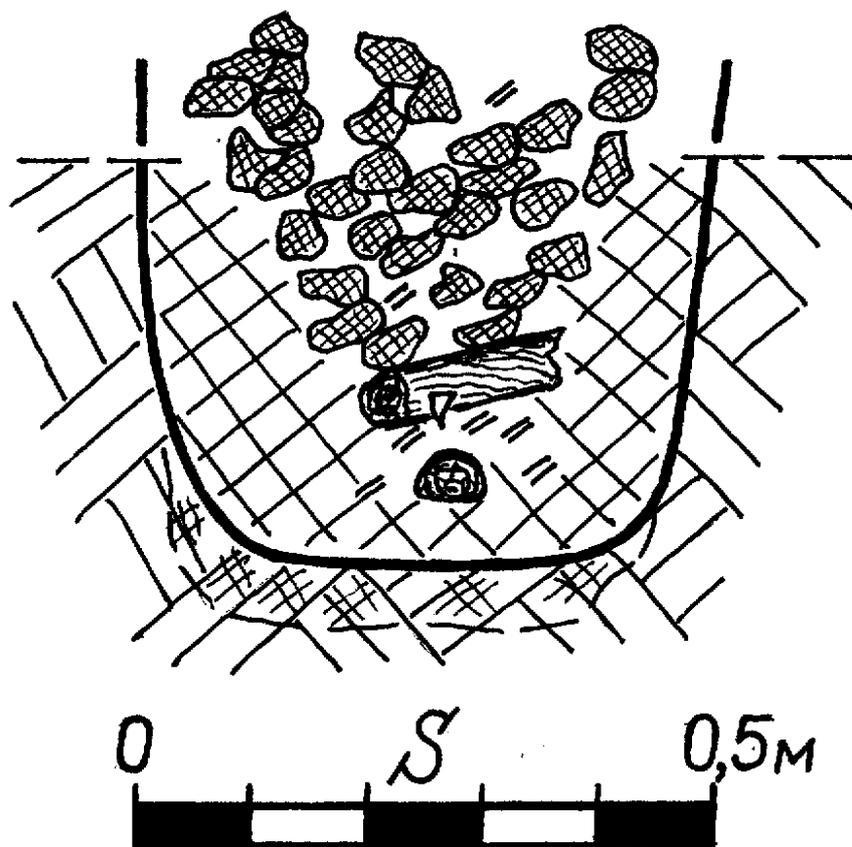

Рис. 2. Очаг

Почти вся кухонная посуда обожжена в окислительном режиме. Обжиг неравномерный. Керамика бурого или серого, реже – черного цвета. Поверхность сосудов шершавая (более 75%) или заглаженная (до 25%).

Следует отметить, что прослеженные закономерности в распределении кухонной и столовой керамики по признаку обработки поверхности могут быть связаны с состоянием сохранности находок, а удельный вес сосудов с шершавой поверхностью в керамическом комплексе поселения обусловлен высоким содержанием щелочи в местных почвах.

Керамика отличается округлыми формами, близкими к сферическим или полусферическим. Большинство форм сосудов не поддается реконструкции, однако характер материала позволяет говорить об относительно небольшом разнообразии форм, что в целом согласуется с керамическими комплексами других поселений КЛЛК [Ларина, 1999, с. 59]. Изделия преимущественно толстостенны. К тонкостенной керамике, в основном, относятся сосуды, изготовленные из хорошо отмученной глины (рис. 4, 2-7).

Среди типов столовых сосудов можно выделить конические и полусферические миски, а также миски с выпуклыми стенками и сосуды со сферическим туловом и прямым или чуть отогнутым наружу венчиком, венчиком полусферической формы.

Миски, как правило, большого диаметра. Часто встречаются фрагменты изделий со сферическим туловом и налипными ручками разных размеров с одним, реже – двумя отверстиями. Ручки крепились немного выше изгиба тулова. Особенное внимание привлекают фрагменты развала сосуда со слегка выпуклым венчиком, четко выраженной конической горловиной, округлым туловом, плавно переходящим в дно, и выступами-упорами по изгибу тулова (рис. 4, 9) (тип IV по О.В. Лариной) [Ларина, 1999, с. 59-60, рис. 48, IV], а также подтреугольных контуров фрагмент (нижняя часть) достаточно редкого мешковидного сосуда (рис. 4, 4). Аналог последнему происходит с поселения Незвиско [Черниш, 1962, рис. 13, 8].

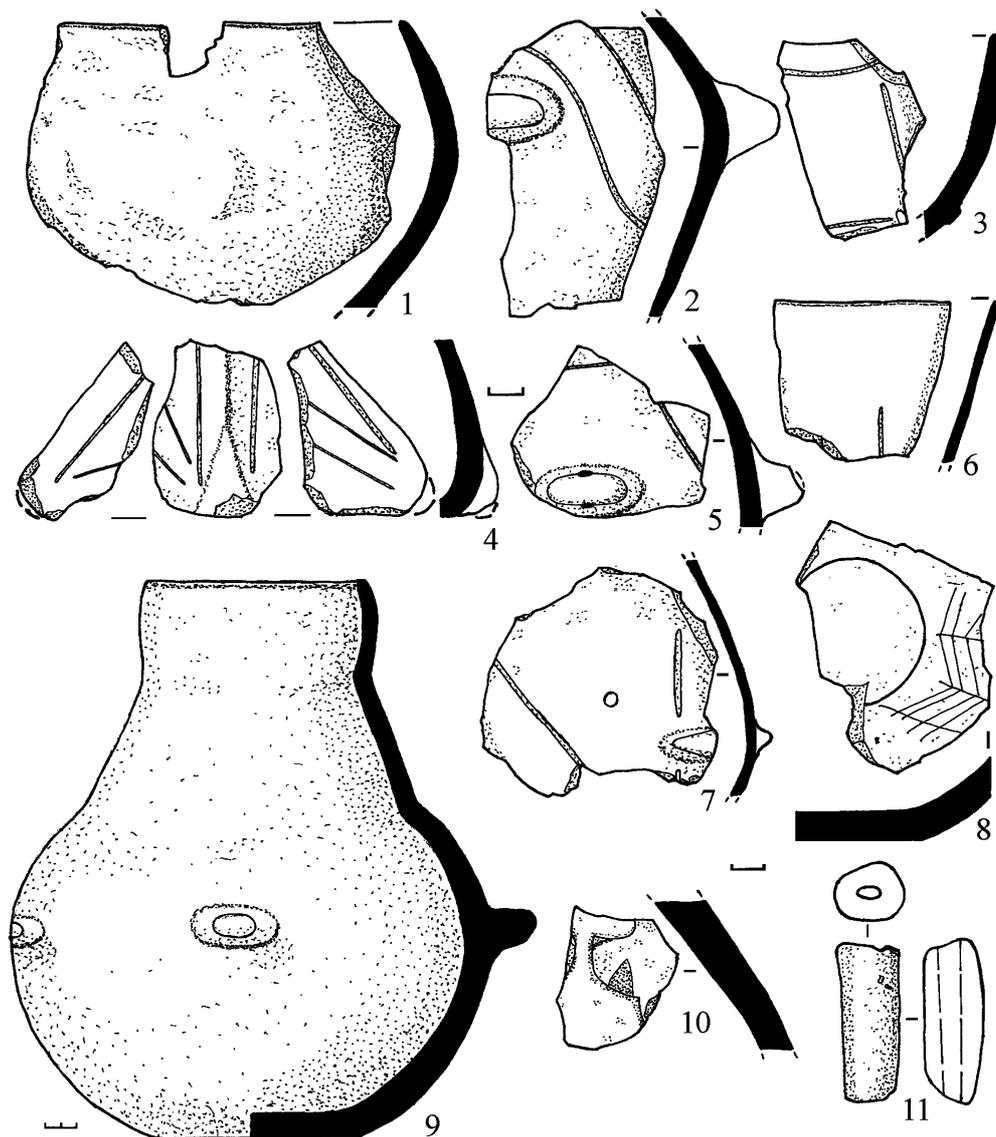

Рис. 4. Керамика.

Изделия, изготовленные из хорошо отмученной глины, как правило, имеют округлые формы (Рис. 4, 2, 3, 5, 7).

Фрагменты кухонной керамики гораздо менее информативны относительно морфологических особенностей изделий. Среди находок можно отметить фрагменты развала сосуда с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, фрагменты развала миски (не поддаются графической реконструкции) и сосуд подшаровидной формы (рис. 4, 1) (тип I по О.В. Лариной) [Ларина, 1999, с. 60, рис. 48, I].

По технике исполнения орнамент керамики КЛЛК делится на пластический (валики, налепы) и углубленный (углубленные линии, пальцевые или ногтевые вдавления) [Ларина, 1999, с. 62]. Пластический орнамент керамики Йосиповки-I представлен налепами разнообразных форм. Углубленный – пальцевыми, реже – ногтевыми вдавлениями. Можно выделить варианты комбинации пластического и углубленного орнамента: простое соединение налепов с пальцевыми или ногтевыми вдавлениями; налепные валики, состоящие из округлых фигур с пальцевыми вдавлениями.

Для лощеной и ангобированной керамики, изготовленной из хорошо отмученной глины, характерны композиции из тонких линий, однако без характерного для столовой посуды КЛЛК "нотного" орнамента. Встречаются фрагменты изделий этой подгруппы, на которых углубленные

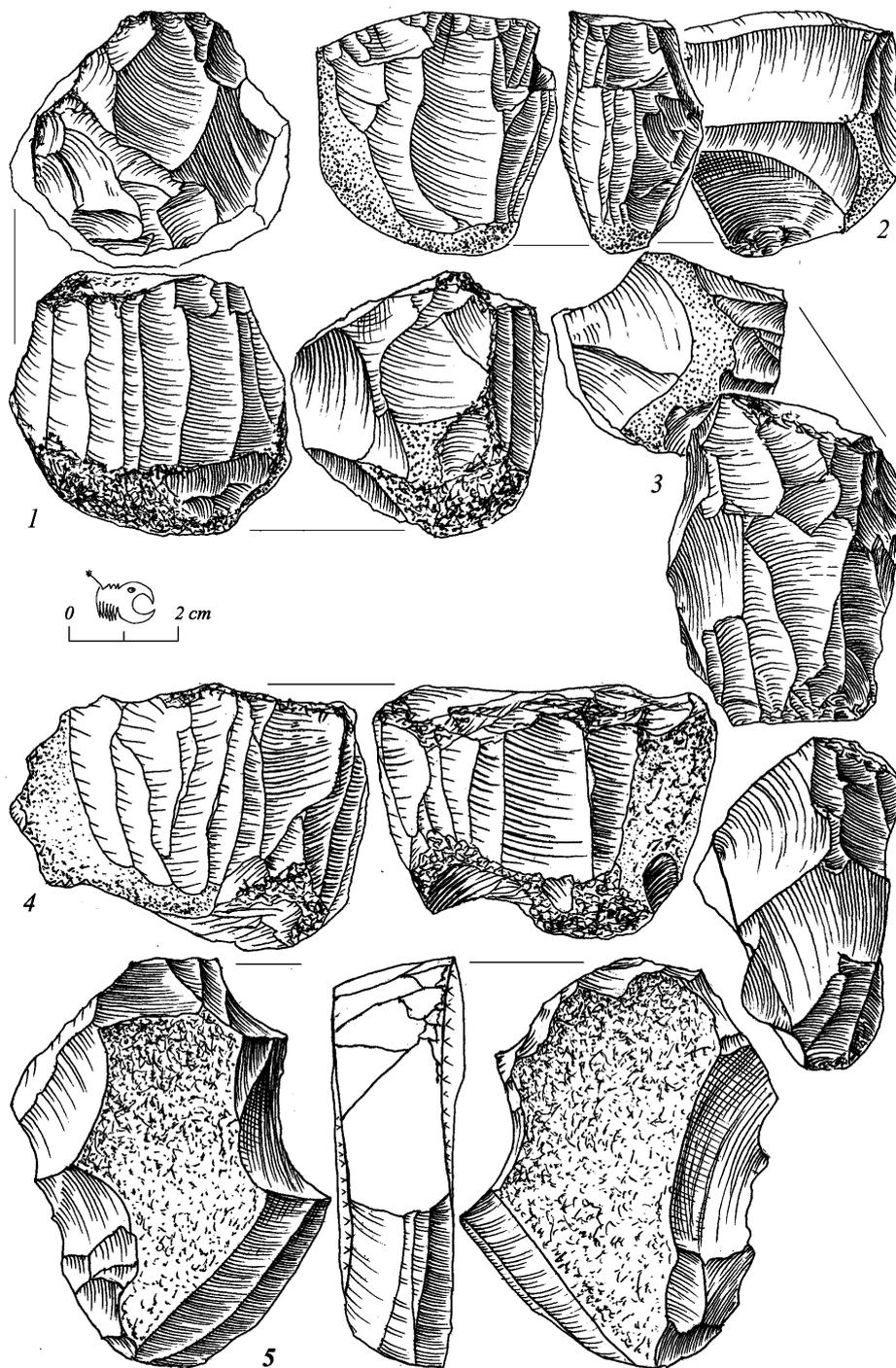

Рис. 5. Йосиповка-I. Нуклеусы

линии встречаются вместе с функциональными или декоративными ручками, в частности – т.н. "рогатыми", на изгибе тулова сосудов. Следы ремонта (отверстие для связывания веревочкой) на одном из фрагментов таких изделий (рис. 4, 7) могут свидетельствовать об их высокой ценности у носителей КЛЖК.

Врезной орнамент зафиксирован только в одном случае. На фрагменте придонной части сосуда сохранилась композиция из тонких линий, заполняющих пространство между более толстыми линиями

(рис. 4, 8). Одной из наиболее интересных находок является фрагмент столовой керамики с пластичным антропоморфным изображением (?) (рис. 4, 10).

Для кухонной керамики характерен пластичный орнамент, представленный срезано-коническими налестками. Углубленный орнамент представлен на единичных фрагментах сосудов.

Интересны находки "носиков чайников", представленные фрагментами керамических цилиндров небольшого диаметра со сквозными продольными отверстиями, изготовленные в восстановительном режиме из глины с примесью мелкозернистого песка (рис. 4, 11).

Анализ керамического комплекса памятника позволяет отнести его к первой (ранней, до нотной) фазе развития КЛЛК. На это указывают отсутствие "нотного" орнамента, значительные примеси половецких злаковых в тесте кухонной посуды, что является одним из признаков архаичности [Котова и др., 2007, с. 413]. Такой датировке отвечают развал сосуда со слегка выпуклым венчиком, четко выраженной конической горловиной, округлым туловом, плавно переходящим в дно, и выступами-упорами по изгибу тулова, а также довольно архаичный врезной орнамент на одном из фрагментов керамики.

На площади раскопа в процессе раскопок была собрана значительная коллекция **кремневых и каменных изделий** общим количеством 1387 экз. Кремневые и каменные изделия были расположены по площади раскопа неравномерно. Они сосредотачивались в нескольких концентрациях, а также находились в распыленном состоянии по всей площади исследуемого участка.

Наибольшая концентрация кремневых изделий (75,4 %) наблюдалась в квадратах d 8 – Б 6 в пределах остатков постройки. Кроме того, в квадрате А 4 было обнаружено углубление, в пределах и рядом с которым в компактном скоплении находилось 14 изделий (т. наз. объект "клад 1"). В квадрате Д 6 находилось второе скопление кремневых изделий, представленных преимущественно крупными обломками кремневого сырья ("клад 2").

Производственный инвентарь Йосиповки-I представлен отходами производства и орудиями труда. Отходы производства (всего 78%) представлены нуклеусами, нуклеидными обломками, отщепами, пластинчатыми изделиями, чешуйками и обломками сырья.

Нуклеусы (26 экз. – 24%) представлены в основном большинстве призматическими типами (19 экз.). Среди них преобладают одноплощадочные пирамидальные с прямой ударной площадкой (8 экз.) (рис. 5, 1, 2, 4). Также характерными являются двухплощадочные нуклеусы бипродольного скалывания (4 экз.) (рис. 5, 3) и многоплощадочные на последних этапах утилизации. Кроме того, в коллекции присутствуют: одноплощадочный нуклеус параллельного скалывания с уплощенной ударной площадкой, одноплощадочный торцевого снятия и двухплощадочный альтернативного скалывания.

Вторым типом нуклеусов являются дисковидные отщеповые, среди которых преобладают двусторонне обработанные радиальные, в том числе альтернативного скалывания (5 экз.). Также представлен 1 дисковидный нуклеус, переоформленный из торцевого отжимного (рис. 5, 5).

Нуклеидные обломки являются немногочисленными (12 экз. – 1%). Среди них преобладают обломки призматических одноплощадочных пирамидальных нуклеусов (3 экз.), 2 экз. являются обломками отбойников и 1 экз. двустороннего изделия.

Отщепы (534 экз. – 49%) представлены как сколами оформления нуклеусов (первичные, реберчатые и подправки площадки), так и отщеповыми заготовками. Среди них 36 экз. имеют следы использования.

Среди пластинчатых изделий (182 экз. – 17%) выделяются микропластины и их фрагменты (9 экз.), пластинки (66 экз.), среднеширокие пластины и их фрагменты (57 экз.) и макропластины (8 экз.). Под термином "макропластина" авторы понимают массивные пластинчатые заготовки, ширина которых превышает 2 см. Кроме того, в комплексе присутствуют пластинчатые изделия, которые относятся к сколам оформления нуклеусов – реберчатые пластины (17 экз.). Среди пластинчатых изделий 19 экз. является первичными и 19 экз. – с ретушью от использования.

Чешуйки составляют 19% от суммы отходов производства (207 экз.), из них 11 экз. первичных.

Орудия труда составляют 22% из всего комплекса каменных изделий Йосиповки-I (299 экз.) и представлены кремневыми изделиями с вторичной обработкой, шлифованными изделиями из других кристаллических пород, а также орудиями по обработке кремневого сырья.

Наиболее многочисленны в комплексе изделия с вторичной обработкой. Ретушированные отщепы составляют 23% из всех орудий (68 экз.). Среди этой категории изделий преобладают экземпляры с параллельной огранкой с нерегулярным ретушированием по спинке (22 экз.). Также имеются двусторонне обработанные изделия, попеременно тронкированные по дистальной части

(7 экз.), фрагменты орудий (8 экз.) и ретушированный отщеп подправки площадки нуклеуса. Также в коллекции представлено 4 экз. (1,3%) ретушированных обломков сырья.

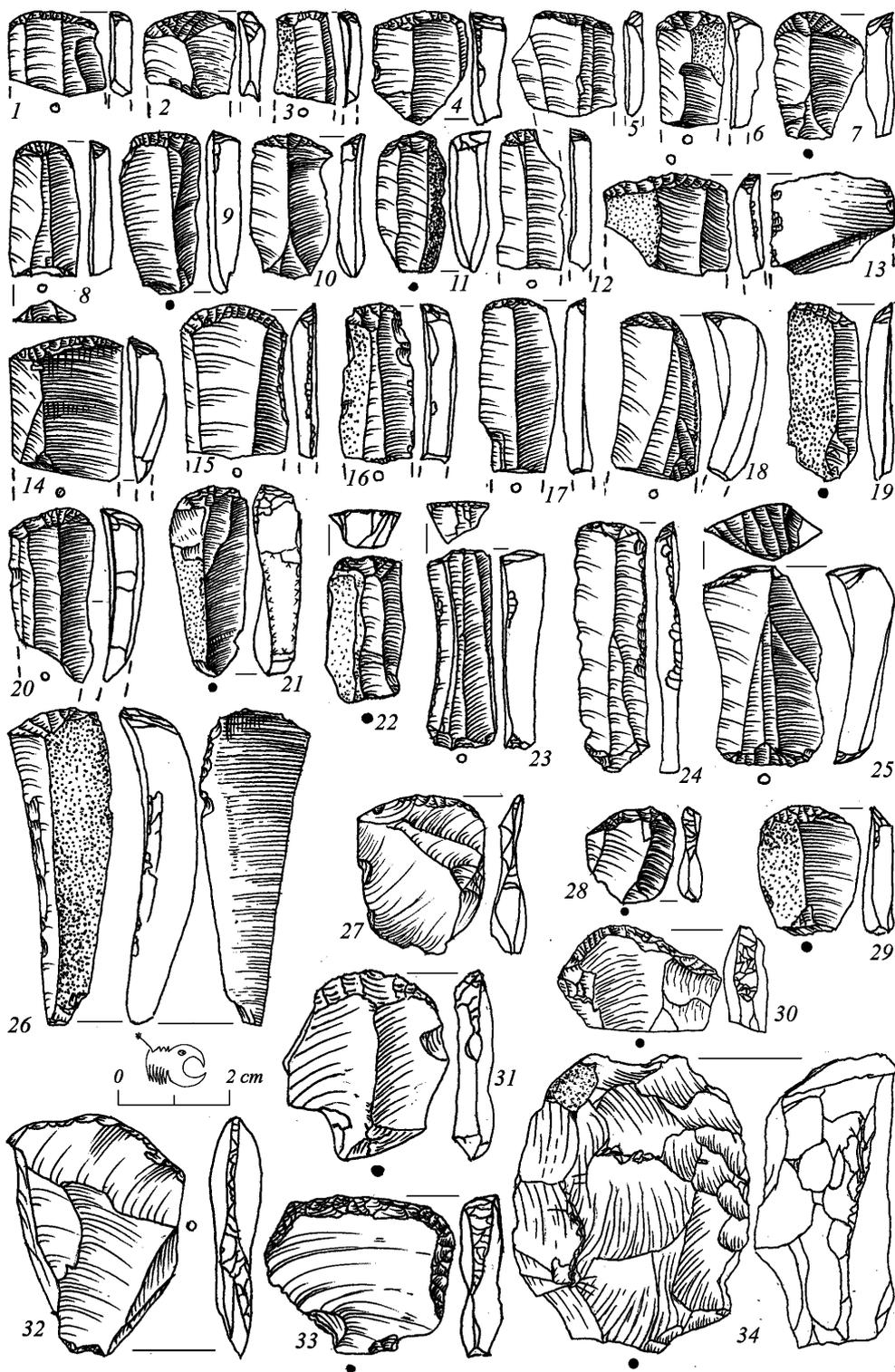

Рис. 6. Скребки

Второй по численности категорией изделий (48 экз., 16%) являются скребки, которые разделяются по своей морфологии на несколько групп. Подавляющее большинство (28 экз.) представлено концевыми типами на пластинчатых заготовках (рис. 6, 1-26). Среди них имеются сформированные на пластинках (рис. 6, 3), на среднешироких пластинах и на макролитических пластинчатых заготовках (рис. 6, 13-14). Также есть два экземпляра двойных скребков на пластинах (рис. 6, 23, 25). Большинство относятся к низким формам, и только единичные изделия сформированы крутым веерообразным высоким ретушированием (рис. 6, 18, 22-23, 25-26).

Скрепки на отщеповых заготовках также представлены преимущественно концевыми типами (16 экз.), среди которых имеются как ногтевидные формы (рис. 6, 28), так и изделия на массивных отщеповых заготовках. Подавляющее большинство этих изделий изготовлено на отщепах с параллельной огранкой спинки с сохранением ударного бугорка.

Также выделяется группа скребков, отнесенных к ряду макролитических (3 экз.), – изготовленных на массивных отщепах подправки площадки нуклеуса (рис. 6, 34) и на обломке отжимного одноплощадочного нуклеуса, сформированные крутым высоким ретушированием. Имеется также один боковой скребок на отщепе (рис. 6, 32).

В комплексе в значительной мере (38 экз.) представлены ретушированные пластинчатые изделия, которые составляют 13% из всех орудий. Подавляющее большинство из них является ножевидными пластинами с краевой ретушью (25 экз.) как по спинке, так и по брюшку (рис. 7, 1, 9, 10, 14, 16). Среди этих изделий имеются целый экземпляр с плоским ретушированием по краю и с тронкированной проксимальной частью, ножевидное изделие на реберчатом сколе, макропластина с жемчужным ретушированием по краю и по дистальной части (рис. 6, 17). Некоторые изделия этой категории имеют тронкированную дистальную часть (рис. 7, 10, 17). Безусловно, что часть ножевидных пластинчатых изделий и их сечений являются фрагментами вкладышей серпов (рис. 7, 5, 7, 9-11, 14, 16).

Среди ретушированных пластин выделяется серия поперечно тронкированных изделий (13 экз., рис. 7, 2-7, 13), представленных пластинами (8 экз.), макропластинами (3 экз., рис. 7, 18) и пластинками (2 экз.). Подавляющее большинство имеет поперечное ретуширование по дистальной части.

Довольно значительной (18 экз., 6 %) категорией изделий с вторичной обработкой являются вкладыши к серпам (рис. 8). Эта категория изделий состоит из двух ярко выраженных групп. Вкладыши первой группы (10 экз.) являются трапециевидными и сегментовидными изделиями на пластинчатых заготовках, один край которых сформирован высоким ретушированием, а второй – нерегулярной плоской подтеской или оставленный без обработки, которая придает этим изделиям признаки микролитов (рис. 8, 1-5, 7-9). Такие вкладыши изготовлены на пластинах шириной преимущественно 1,3 – 1,8 см, и только два экземпляра сформированы на макропластинах шириной больше 2 см (рис. 8, 9). Длина целых экземпляров колеблется в пределах 3,2 – 5,0 см. Обычно подобные изделия имеют люстраж только по углу заготовки, что указывает на их использование в наборных серпах "карановского типа". Вкладыши второго типа (8 экз.) имеют подчетыреугольную форму и изготовлены преимущественно на макропластинах шириной 2,5 – 2,8 см (рис. 8, 11-14). Рабочий край этих изделий сформирован зубчатым ретушированием, некоторые изделия имеют притупленный ретушью противоположный лезвийный край. Некоторые изделия имеют прямо и косо тронкированные концы, что приближает их к трапециевидным первой группы (рис. 8, 11, 14). Длина таких вкладышей колеблется от 5,5 см до 7,5 см. Люстраж на этих орудиях присутствует по всей длине зубчатого лезвия.

К категории скобелей отнесены выемчатые орудия на отщепах (11 экз., 3,7%). К категории перфораторов (проколов) отнесены изделия с выделенным жалом, которое сформировано притупляющим ретушированием (10 экз., 3,3%). Большинство изделий этой категории изготовлено на отщепах (рис. 9, 31), незначительное количество изделий сформировано на пластинчатых заготовках (рис. 9, 28). Обычно рабочий край таких орудий оформлен крутым ретушированием по спинке или альтернативной ретушью.

Небольшой серией (8 экз., 2,7%) представлены резцы. Подавляющее большинство резцов изготовлено на пластинах. Среди этих изделий 3 экземпляра принадлежат к боковым ретушным типам (рис. 9, 29-30, 34), 3 экземпляра изготовлены на углу сломанной пластины (рис. 7, 8; 9, 32). Присутствует многофасеточный ретушный резец на первичном отщепе комбинированный со скобелем (рис. 9, 33). Подавляющее большинство резцов являются однолезвийными, представлены также двулезвийные и многолезвийные.

Незначительной серией (6 экз., 2%) представлены рубящие орудия, к которым отнесены макролитические изделия, сформированные на массивных отщепах с пристраиваемой подправкой по

брюшку (рис. 10). Среди этих изделий обращает на себя внимание типичный топорик-транше трапецевидной формы, изготовленный на отщепе двусторонней обработкой (рис. 7, 12). Также присутствует макролитическое изделие с несколькими резцовыми сколами (рис. 10, 2) и первичный

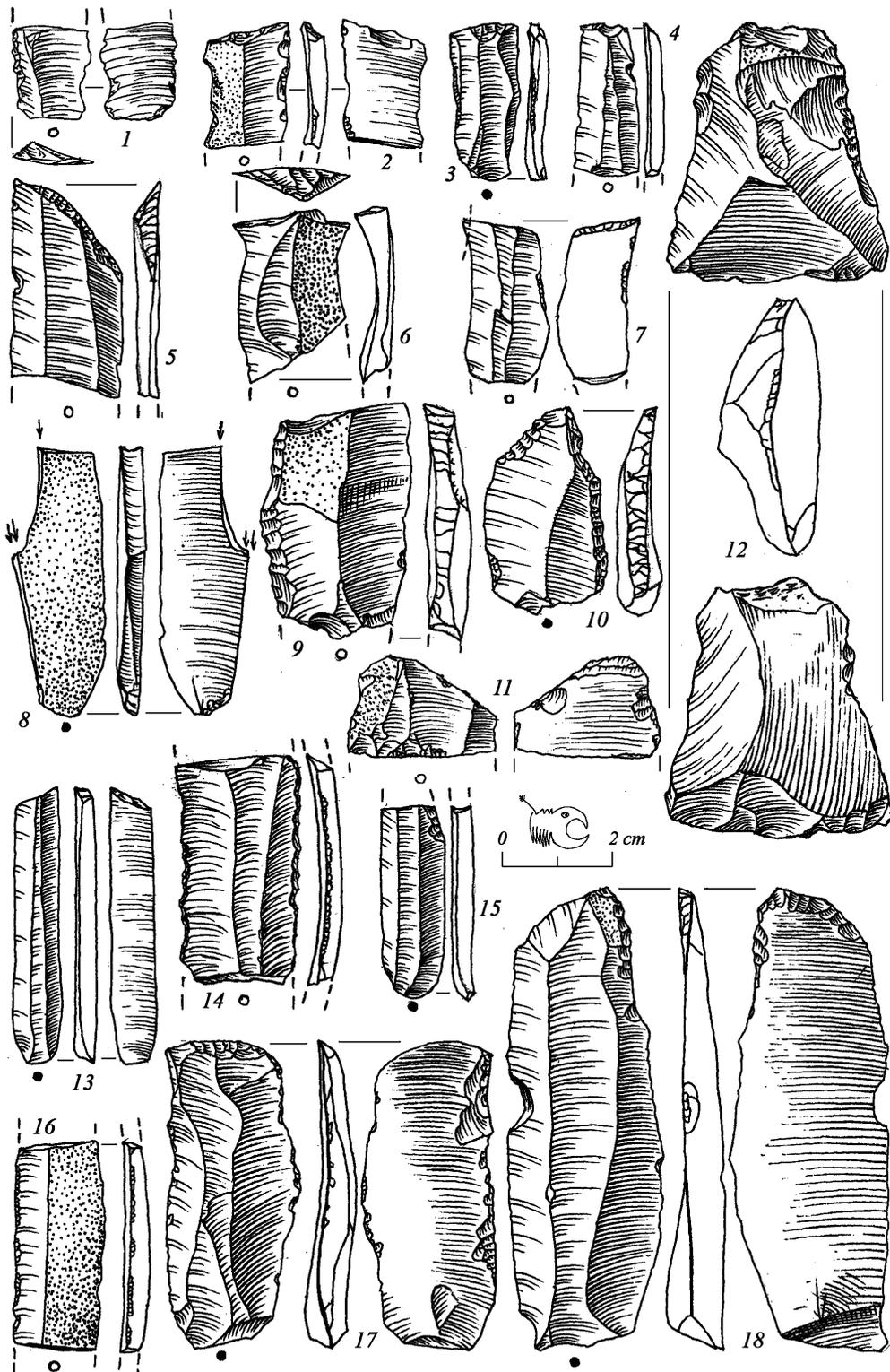

Рис. 7. Кремневые орудия

отщеп с рабочим краем, образованным плоским ретушированием по брюшку (рис. 10, 4). Незначительным количеством представлены скребловидные изделия (2 экз. – 0,7%) на отщепах.

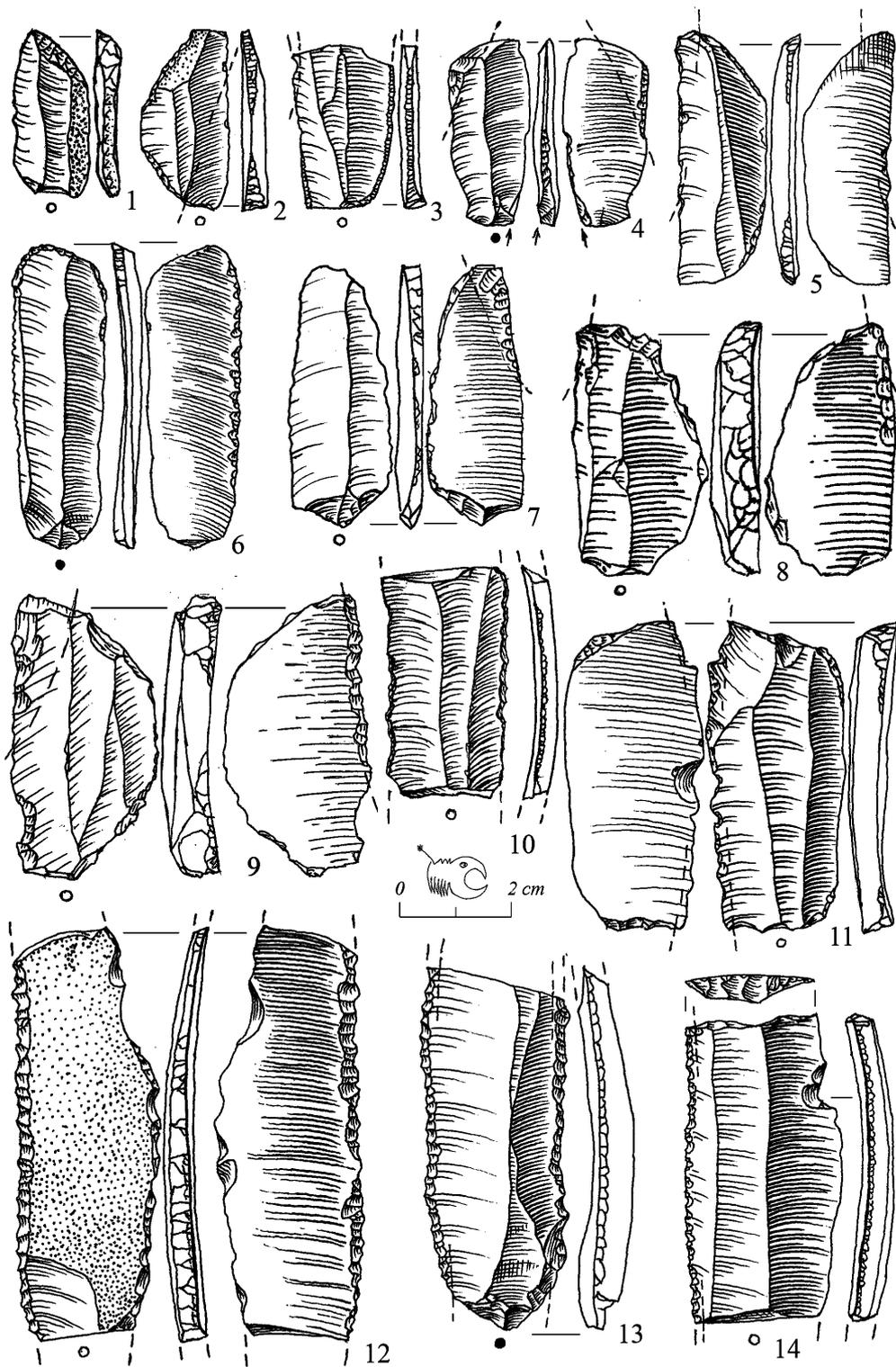

Рис. 8. Вкладыши серпов

Репрезентативной серией (27 экз. – 9%) представлен микроинвентарь комплекса, который состоит из двух ярко выраженных групп микролитов. Наиболее численной группой являются разнообразные трапеции, изготовленные на сечении пластин (17 экз.; рис. 9, 1-18). Они представлены преимущественно среднеширокими формами. По характеру изготовления выделяются:

ретушированные по обоим краям спинки, альтернативно ретушированные и ретушированные по одному краю и сломанные – по другому. По размерам представлены как достаточно мелкие экземпляры шириной до 1,0 см, так и массивные изделия около 2 см по ширине.

Вторая группа микролитических изделий являет собой серию негеометрических острий на пластинках (10 экз., рис. 9, 19-27). Среди них выделяется 4 экз. иволистных острий, 2 из которых имеют выделенный черешок, оформленный ретушированием по спинке и плоской подтеской по брюшку с сохранением ударного бугорка (рис. 9, 23-24), что приближает эти изделия к остриям свидерского типа. 2 других экз. являются фрагментами подобных изделий (рис. 9, 21-22). Еще 2 экз. являются остриями со скошенным краем (рис. 9, 19, 25). Остальные 3 экз. острий сформированы ретушированием по обоим краям спинки ("игловидные"). Одно из них имеет выделенный черешок (рис. 9, 27), второе – подтреугольное острие с сохраненным отбивным бугорком (рис. 9, 20), 3-й экз., изготовленный на реберчатой пластинке, является фрагментом подобных изделий (рис. 9, 26). Последний тип острий, возможно использовался в качестве перфораторов.

В комплексе представлены также орудия для обработки кремневого сырья. Отбойники составляют довольно многочисленную группу (29 экз. – 10%). В качестве отбойников были использованы призматические нуклеусы и нуклеидные обломки (11 экз.), отжимные нуклеусы (8 экз.) (рис. 5, 1, 4), каменная галька (2 экз.). 7 экз. отбойников являют собой кремневые орудия округлой формы с характерной забитостью по всей площади. Также имеются 3 экз. ретушеров на нуклеусах и 1 отжимник.

Среди материалов Йосиповки -I представлена репрезентативная коллекция (14 экз. – 4,7%) изделий со шлифованной поверхностью из некремнистого сырья. Самую численную группу составляют тесловидные изделия и их фрагменты (7 экз.). Среди них представлены 2 экз. целых подчетырёхугольных уплощенных тесел с асимметричным лезвием и 1 фрагмент подобного орудия (рис. 11, 2, 4, 6). Также присутствуют 2 фрагмента рабочих частей тесловидных изделий других типов (рис. 11, 1, 5), 1 экз. – обушковой части (рис. 11, 8) и массивное тесловидное изделие из кварцита со следами сверления и забитыми рабочим лезвием и обушковой частью (рис. 11, 9).

Присутствует зернотерка (фрагмент) из песчаника с двумя стертymi в процессе использования рабочими сторонами (рис. 10, 5) и растиральник из гранита с зашлифованными рабочими частями (рис. 11, 7). Также в коллекции имеются два абразивных изделия (рис. 11, 3), 1 неопределенное шлифованное изделие и один отщеп, снятый со шлифованного орудия.

Все, без исключения, кремневые изделия Йосиповки-I изготовлены из высококачественного волынского мелового кремня серого цвета, полупрозрачного, иногда с дымчатыми темно-серыми разводами внутри, и с меловой коркой извне. Такой кремь распространен на территории Волыни и частично Подолья, геолого-литологические характеристики которого обстоятельно описаны в специальной литературе [Петрунь, 2004]. Наивысшие качества, свойственные ему, обусловили его широкое использование как в более раннее (относительно неолитической эпохи), так и в более позднее время. Авторами (П.С. Шидловским и Е.В. Пичкуром) была проведена разведка, которая имела целью поиски выходов этого сырья в непосредственной близости от поселения. Однако она не дала ожидаемых результатов – мощных выходов кремневого сырья в радиусе нескольких километров вокруг Йосиповки-I зафиксировано не было. В современных карьерах неподалеку от памятника встречались единичные обломки кремня и мелкая кремневая галька. Но материалы Йосиповки-I свидетельствуют об использовании в качестве сырья кремневых желваков, плиток и массивных конкреций. Можно предположить, что места добычи кремневого сырья жителями поселения либо не попали в наше поле зрения, либо кремь поступал сюда из относительно отдаленных мест. Известно, что население КЛЛК не использовало некачественного сырья, и в случае необходимости транспортировало кремь и обсидиан на огромные расстояния, что неоднократно подтверждалось археологически [Гаскевич, 2003, с. 53; Конопля, 1999, с. 132].

Собственно использование качественного сырья было обусловлено спецификой кремнеобрабатывающей индустрии носителей КЛЛК в целом и населения Йосиповки-I в частности: в качестве основных заготовок для орудий труда доминируют пластины. Первичное раскалывание кремневого комплекса поселения характеризуют пластины и пластинки правильной огранки и пропорциональных размеров, снятые преимущественно из призматических одно- и двухплощадочных нуклеусов продольного или бипродольного скалывания. Имеются также плиточные нуклеусы торцевого снятия для пластин.

Засвидетельствовано и присутствие в комплексе микропластин, хотя специфические конические и карандашевидные нуклеусы для получения этого типа заготовок здесь отсутствуют. Кроме того, в комплексе представлены нуклеусы для отщепов: дисковидные на плитках или отщепах, пирамидальные и аморфной формы.

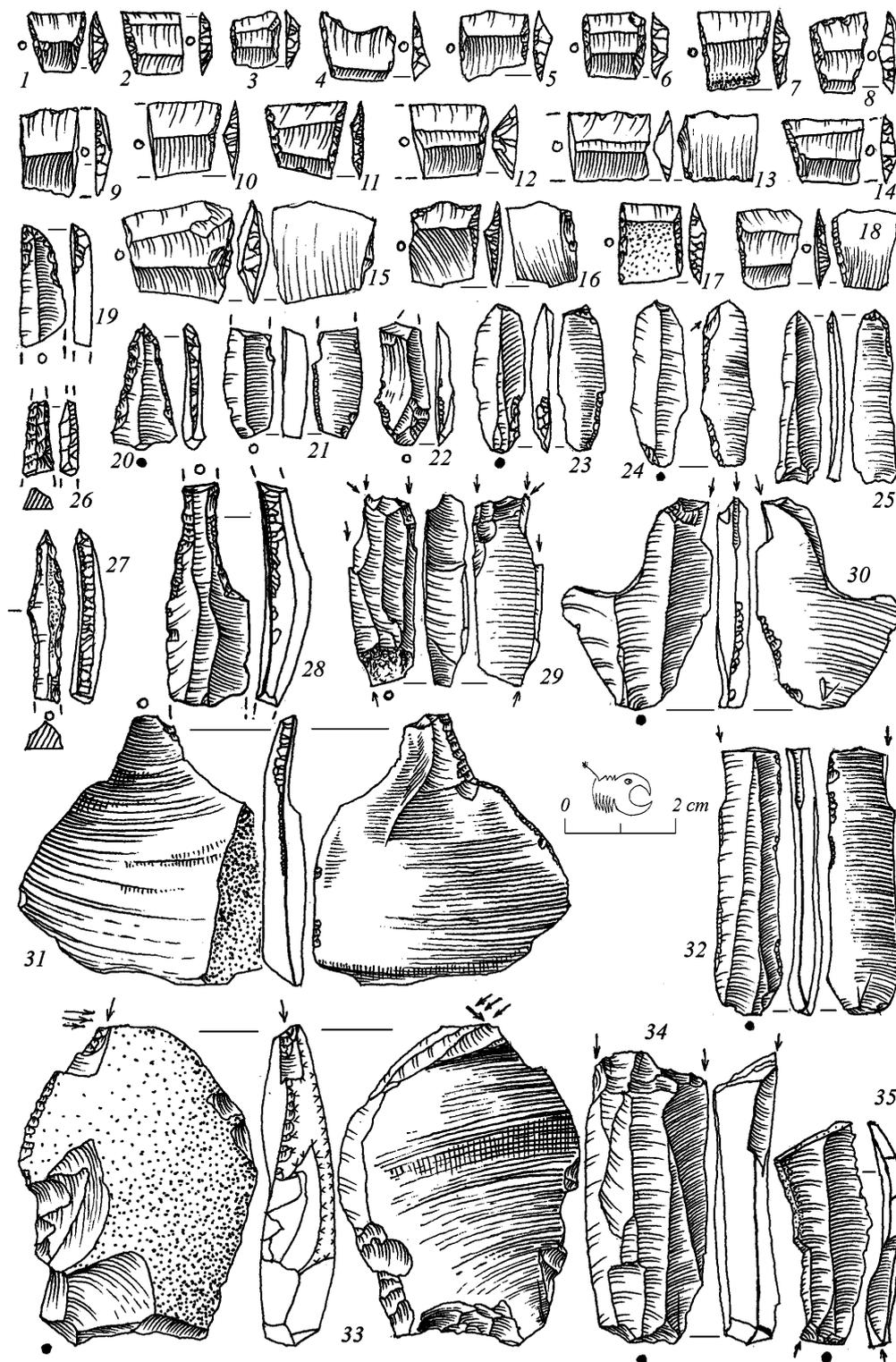

Рис. 9. Кремневые орудия

Оформление нуклеусов, подготовка площадки и ребра происходила преимущественно с помощью твердого отбойника. Об этом свидетельствует характер снятых сколов: остатки площадки, четко выделенный ударный бугорок. Во многих случаях на брюшках сколов присутствует так называемая "фасетка изьянца", что является признаком использования именно твердого отбойника.

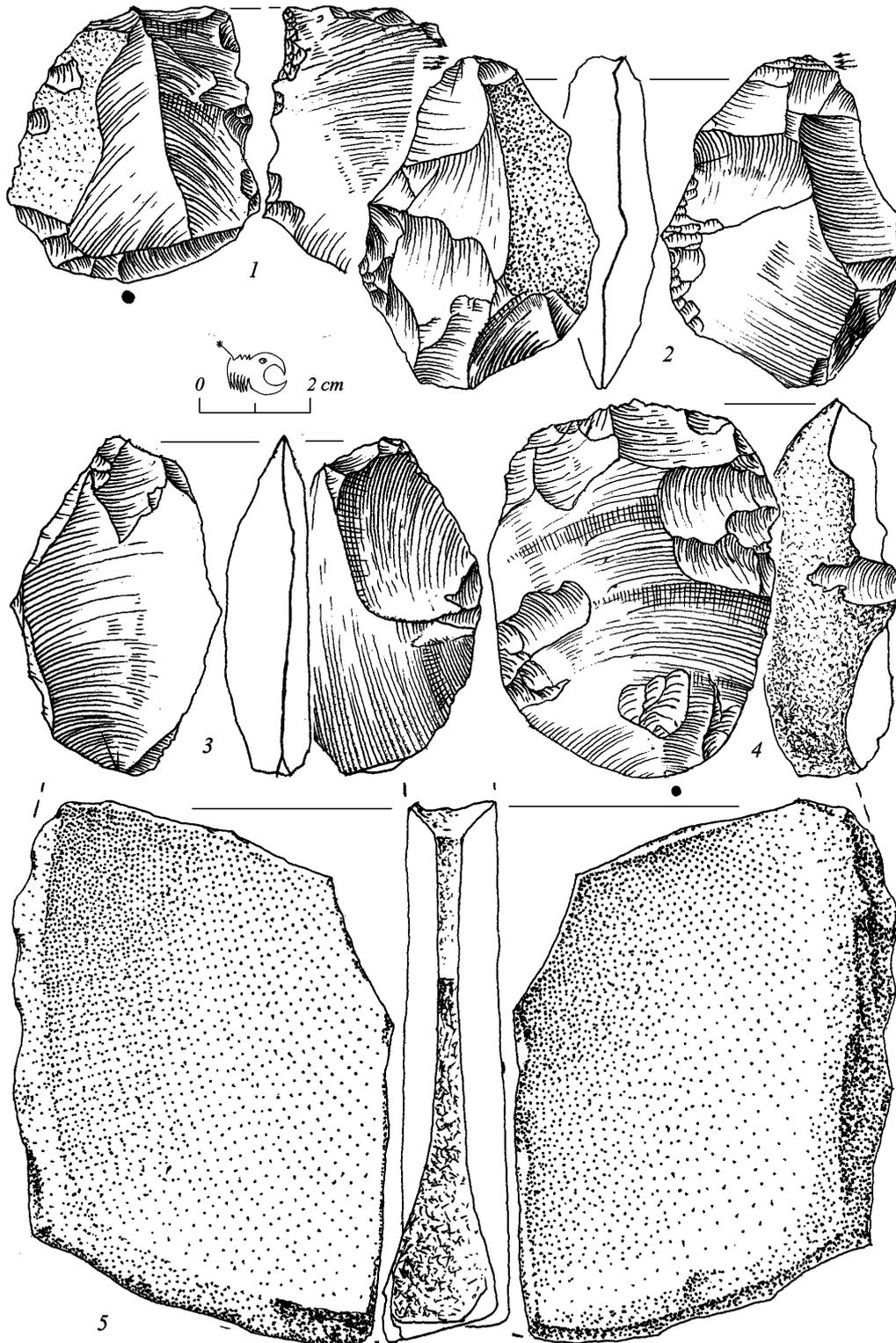

Рис. 10. Рубящие орудия и зернотерка

В подавляющем большинстве случаев карниз нуклеуса не подправлялся перед ударом, вместо этого достаточно часто использовался прием фасетажа ударной площадки. Есть случаи использования в качестве ударной площадки естественной поверхности ядрища. Кроме того, в процессе раскалывания площадки нуклеусов неоднократно подправлялись и переоформлялись: в комплексе Йосиповки-I среди

отщепов значительный процент составляют именно отщепы подправки и переоформления площадок нуклеусов.

Снятие пластинчатых заготовок происходило с помощью разных приемов. Доминируют сколы, изготовленные в отжимной технике. Основной заготовкой для большинства типов орудий выступает среднеширокая отжимная пластина с параллельными краями и ровной огранкой спинки.

Технику вторичной обработки можно охарактеризовать как "позднемикролитическую" (по В.Н. Даниленко), которая характеризуется использованием разнообразных вкладышей для изготовления различных орудий труда. В данном случае, под термином "микролит" авторы понимают определенную категорию вкладышевых орудий, изготовленных путем сочетания притупленных ретушью поверхностей с острым лезвием призматической заготовки, которое выступает рабочим краем орудия [Нужный, 2008, с. 7]. Именно в такой технике изготовлены трапеции, которые использовались в качестве трансверсальных наконечников стрел и сегментовидные и трапециевидные вкладыши серпов "карановского типа".

Что касается вкладышей серпов, необходимо отметить две выразительные группы этих изделий – небольшие изделия с угловой заполировкой лезвия и изделия на макропластинах с люстражом по всей длине лезвия. Вкладыши первого типа широко представлены в материалах различных памятников раннеземледельческих культур Запада Украины. КЛЛК: Уличне [Конопля, 1999, с. 131], Голишев II, Гирка Полонка [Охрименко, 2001, с. 90-91]; Трипольская культура: Лука-Врублевская [Бібіков, 1949, с. 237], Озаринцы, Ленковцы, Сабатиновка II, Греновка [Винокур, Борковський, 1973, с. 59], Поливанов Яр III (1-ый культурно-хронологический комплекс) [Попова, 2003, с. 23].

Трапециевидные вкладыши с прямо или косо ретушированными слонами характерны для памятников КЛЛК Волыни и Верхнего Поднестровья, в то время как необработанные сечения пластин с угловой заполировкой встречаются на памятниках Среднего Днестра и Молдовы. По мнению Д.Л. Гаскевича, кремневый инвентарь Волыни и Верхнего Поднестровья находит аналогии в однокультурных памятниках Малопольши и Куяв [Гаскевич, 2003, с. 6].

Присутствие двух типов этой категории изделий характерно для таких памятников, как Уличне, Гирка Полонка (КЛЛК) и Поливанов Яр (ТК). Подобная вариабельность объясняется различными способами крепления вкладышей в оправу [Конопля, 1999, с. 131; Попова, 2003, с. 23], а так же различным функциональным назначением жатвенных орудий.

С.Н. Бибиковым была предложена схема развития жатвенных орудий в нео- и энеолитическое время. Наидревнейшим типом автор считает пластинчато-зубчатый серп сборной конструкции. Для реконструкции этого варианта орудия берутся во внимание кремневые пластины с угловой заполировкой, выявленные на памятниках раннего Триполья. Второй тип серпа, бытовавший в эпоху развитого и позднего Триполья, состоит из пластин-вкладышей со следами заполировки по длинным краям [Бибиков, 1962, с. 4-8]. Таким образом, присутствие в комплексе Йосиповки-I вкладышей для серпов обоих типов может выступать и в качестве культурно-хронологического признака.

Большая часть кремневых изделий связана с объектом "Площадка 1" и приурочена к западной части остатков жилища. Однако вне пределов жилища в углублениях культурного слоя выявлено два компактных скопления изделий названных "клад 1" и "клад 2". Первое скопление представляет собой 14 изделий, среди которых присутствуют 6 отжимных пластинок и столько же отжимных пластин. По характеру сырья можно предположить, что они сняты с одного нуклеуса, хотя в процессе ремонта подтвердить это не удалось. Кроме того, в "кладе 1" присутствует один вкладыш серпа и одна трапеция. С нашей точки зрения, в данном случае мы имеем дело с местом обработки нуклеуса и производства орудий. Второе скопление, в котором находились крупные обломки кремня, с нашей точки зрения является местом складирования сырья для дальнейшей обработки.

На территории поселения Йосиповка-I мы наблюдаем полный цикл обработки и утилизации кремневого сырья. Имеет место складирование необработанных крупных обломков ("клад 2"), место первичной обработки нуклеуса и изготовления орудий ("клад 1"), а также территория использования орудий труда, связанная с объектом "Площадка 1".

Таким образом, материалы памятника говорят о его неординарности. Керамический комплекс свидетельствует о принадлежности его к раннему, "до нотному" периоду развития культуры линейно-ленточной керамики по разработанной периодизации. Памятников КЛЛК этого периода на территории Украины известно всего несколько, в то время как большинство известных поселений относится к классическому, т.н. "нотному" этапу развития культуры [Ларина, 1999, с. 16, рис. 5]. К сожалению, датировка для данного памятника пока еще не проведена, что затрудняет окончательное разрешение

вопроса о принадлежности его именно к раннему этапу развития КЛЛК. Несколько необычным

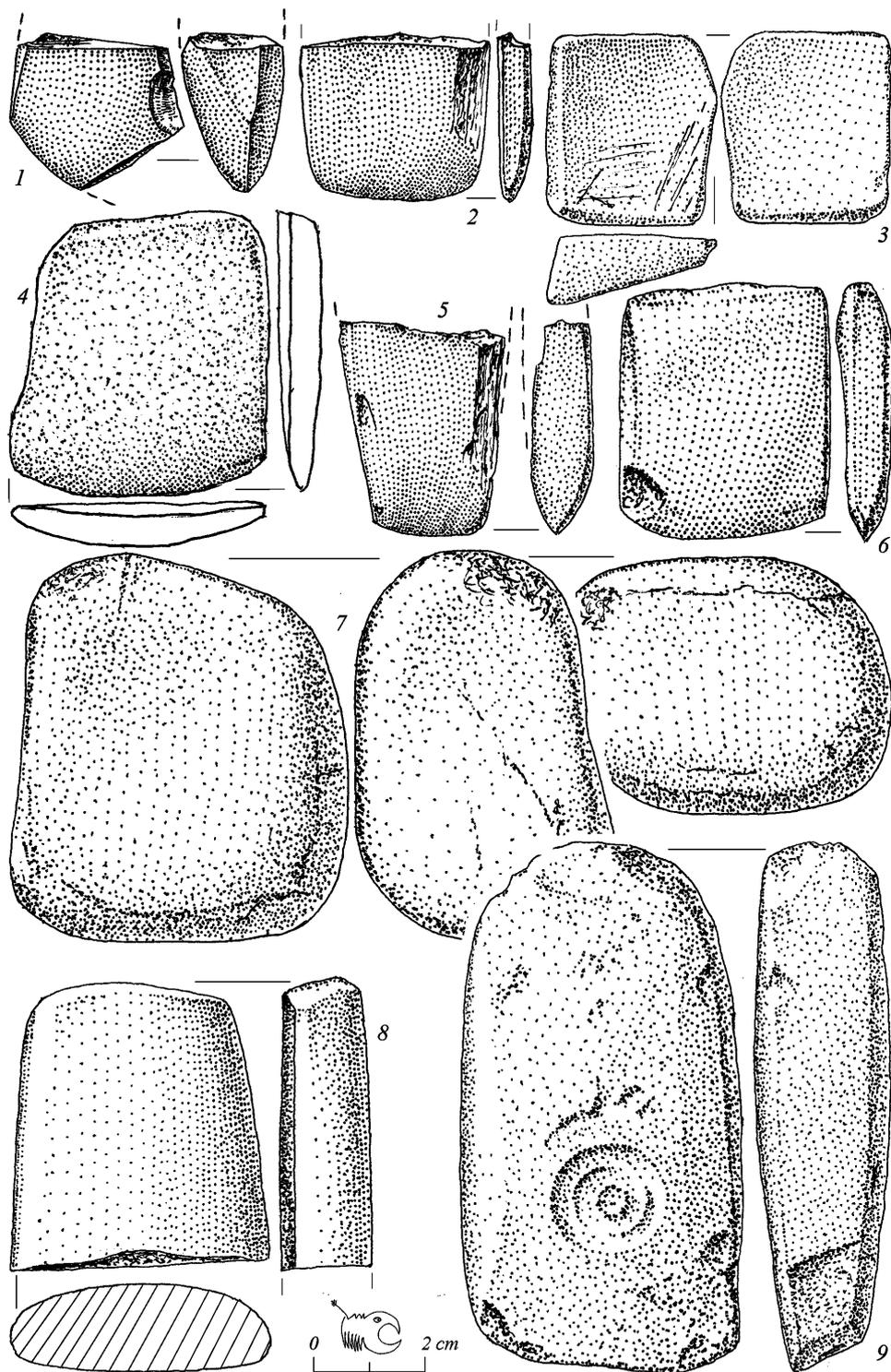

Рис. 11. Шлифованные изделия

является кремневый инвентарь памятника с достаточно значительным микролитическим комплексом. Необычным, по нашему мнению, является сочетание в данном комплексе двух ярко выраженных групп микролитов, что, в общем-то, не характерно для памятников этой культуры на территории Украины.

Список литературы

- Бібіков С.Н.** Дотрипільське поселення Лука-Врублівецька на Середньому Дністрі // АП. – 1949. – Т. 2. – С. 226-242.
- Биби́ков С.Н.** Из истории каменных серпов на Юго-востоке Европы // СА. – 1962. – № 3. – С. 3-25.
- Винокур І.С., Борковський М.С.** Нові знахідки на трипільських поселеннях Подністров'я // Археологія. – 1973. – № 12. – С. 58-61.
- Гаскевич Д.Л.** Крем'яний інвентар неолітичних культур України. – Дис. ... канд. іст. наук. – Киев, 2003.
- Конопля В.** Нове поселення культури лінійно-стрічкової кераміки у Верхньому Подністров'ї // Львівський археологічний вісник. – Вип. 1. – Львів: Українські технології, 1999. – С. 130–137.
- Котова Н., Ковалюх М., Манько В., Охріменко Г.** Про датування Волино-Поліських неолітичних пам'яток та культури лінійно-стрічкової кераміки // Олександр Цинкаловський та праісторія Волині. – Луцьк, 2007. – С. 409-424.
- Ларина О.В.** Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона // Stratum plus. – 1999. – № 2. – С. 10-140.
- Нужний Д.Ю.** Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. – Киев: КНТ, 2008. – 308 с.
- Охріменко Г.В.** Культура лінійно-стрічкової кераміки на Волині. – Луцьк: Волинська обл. друкарня, 2001. – 140 с.
- Петрунь В.Ф.** Використання мінеральної сировини населенням трипільської культури // Енциклопедія Трипільської цивілізації. – Киев, 2004. – Т. I. – С. 199-219.
- Попова Т.А.** Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. – СПб: МАЭ РАН, 2003. – 240 с.
- Черныш Е.К.** Неолитическое поселение у с. Торское на Днестре // КСИА АН СССР. – 1962. – Вып. 92. – С. 83-86.

ОБРЯДОВЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТА ОЛЕНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ

Культ оленя играл значительную роль в мифоритуальной практике древнего населения Евразии. Пережитки этого культа сохранились в верованиях северных народов вплоть до XX века. Изучение этих пережитков дает нам возможность составить представление об основных компонентах культа, которые дошли до нас в первичном виде.

Основными аспектами культа оленя были мифы и обряды. Они составляли соответственно вербальную и действенную стороны культа. Еще одна сторона культа – предметная. Это святилища, на которых осуществлялись обряды [Басилов, 1993, с. 113-115].

Мифы об олене были двух категорий. Первая – космологические – мифы о Вселенной. В наиболее ранних мифах Вселенная состояла из трех частей, каждая из которых имела вид оленя. В более поздние времена появились представления, в которых олень ассоциировался с солнцем или созвездиями. В так называемых мифах о небесной охоте охотник каждый день догонял солнце или созвездие в виде оленя. Эти мифы послужили основой для представлений об олене-проводнике, которые сохранились вплоть до позднего средневековья. В таких мифах олень приводит людей на новую родину. В христианских и ламаистских преданиях олень приводит святых к вере [Окладников, 1950, с. 286-303; Михайлова, 1999, с. 33-45].

Вторая категория мифов – тотемистические. Основное их содержание это происхождение людей от оленей. Персонаж такого мифа – человек-олень, который вступает в супружеские отношения с человеком и становится предком определенной общности людей. Как правило, супруг нарушает табу, и человек-олень погибает, то есть возвращается в мир животных [Чарнолусский, 1965; Михайлова, 1999, с. 33-45].

С мифами были связаны обряды. Обряды – это способ урегулирования отношений между профанным и сакральным мирами. Первобытные обряды проводились по схеме, которую разработал всемирно известный этнолог Ян Ван Геннеп: 1) изоляция объекта (separation) – 2) переходный период (margo, limen) – 3) возвращение, возрождение, в новом статусе (reaggregation) [Тернер, 1983, с. 168-189].

По такой схеме проводились обряды жизненного цикла людей, так называемые обряды перехода (liminal rituals). В период перехода (limen) люди переживали "временную смерть" – физические испытания, которые имитировали "расчленение" и заглатывание человека тотемным животным, после чего они обретали новый статус [Тернер, 1983, с. 168-189].

По нашему мнению, такую же цепь акций имели промысловые обряды, связанные с природным циклом. У охотников на северного оленя обряды проходили так: 1) убиение священного оленя – 2) разделка туши и коллективное поедание – 3) возвращение останков (рогов, конечностей и других семантически важных частей скелета) сакральному миру. То есть сохранение останков культового животного на святилищах. Из них должны были возродиться живые олени (рис. 1, 1, 2).

Мы изучили этнографические свидетельства тотемистических обрядов, и связанных с ними святилищ у современных северных народов. Используя эти данные можно провести анализ археологических святилищ культа оленя.

Наиболее архаичными являются обряды саами – реликтового населения Европы. У саами полностью сохранился цикл мифов о людях-оленях.

Интересен для нас древний обряд "Жертвоприношение первого оленя". Он проводился в конце лета, перед открытием сезона охоты. Участники – мужчины одного рода, которые убили первого оленя. Они строили ограду из прутьев, прутья изнутри мазали кровью оленя. Внутри ограды они разделявали оленя, варили мясо и коллективно ели. После этого участники обряда складывали кости оленя в анатомическом порядке и накрывали шкурой, то есть создавали "натуральный макет" оленя [Чарнолусский, 1966, с. 310-315] (рис. 1, 3).

Наше внимание привлекла сакральная площадка, огражденная прутьями, маркированными изнутри оленьей кровью. По нашему мнению, она была символом тотемного животного. Охотники как бы находились "внутри" оленя, "были проглочены" им. Таким образом, в то время как охотники ели сакрального оленя, "олень проглатывал" их. В конце обряда кости и рога сохранялись как символ возрождения тотемного животного.

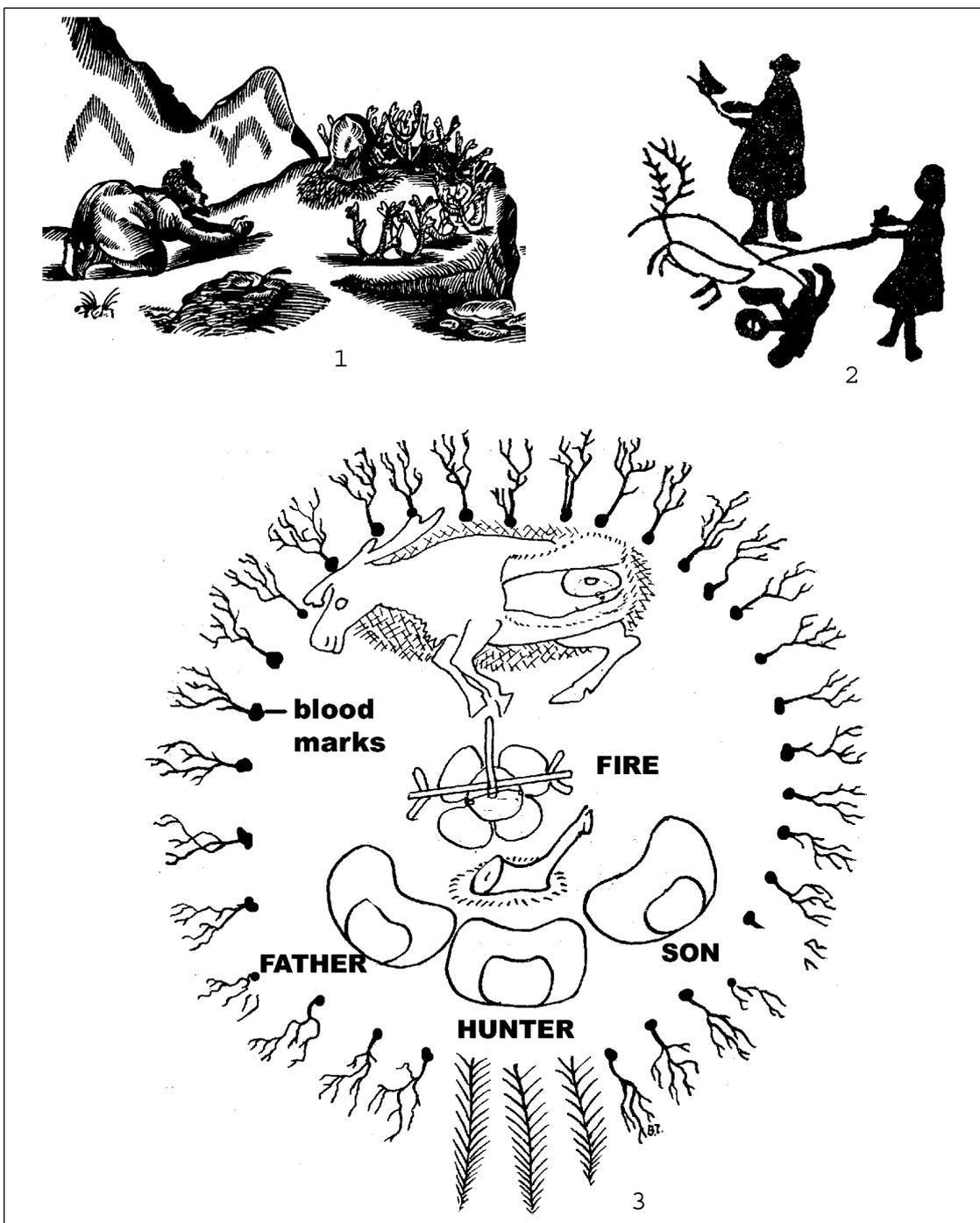

Рис. 1. Жертвоприношения оленей: 1 – Святилище лопарей [по: Симченко, 1976]; 2 – Принесение в жертву оленя у хантов [по: Иванов, 1954]; 3 – Жертвоприношение первого оленя у лопарей [по: Чарнолусский, 1966]

Некоторые похожие архаичные элементы обрядов сохранились в ритуалах народов Сибири, например, чукчей, эвенков, ненцев. Материальный результат обряда – скелет или рога оленя, которые сохранялись на святилищах [Анисимов, 1958, с. 26-37; Долгих, 1960, с. 74-80].

Далее рассмотрим тотемистические обряды, которые должны были стимулировать плодородие оленей.

У саами тотемистические обряды сохранились в виде народных игр. Происходили они в далеких тайных местах – например, на островах. Участники обрядов танцевали обнаженные,

прикладывая к голове оленьи рога. Иногда люди имитировали убийство и разделку "олений". После обряда они складывали рога в пещере. Это пережитки древних тотемистических ритуалов *Intichium*, которые проводили для усиления плодородия. Они состояли из имитации спаривания оленей, убийства, разделки и сохранения костей и рогов для возрождения. В результате таких обрядов были собраны огромные кучи оленьих рогов в важных для оленей и людей местах: в пещерах, на островах, в местах рождения оленей, у водопоев, на путях миграций оленей [Чарнолуцкий, 1966, с. 310-311; Харузин, 1890, с. 340-383] (рис. 2, 1).

В обрядах народов Сибири охотники в масках оленей имитировали охоту на оленей. Иногда создавали из дерева макеты оленей (самцов и самок, или самок с детенышами). В Сибири обряды проводились возле скал "Бугады", где жила Верховная Мать-Олениха Бугады-Энинтын. На скалах рисовали изображения лосей и оленей, часто парами. Рисунки сохранились со времени неолита. Это говорит о том, что ритуалы проводились непрерывно с древних времен [Анисимов, 1958, с. 26-37].

После обрядов кости и рога жертвенных оленей "возвращались сакральному миру". Ненцы насаживали черепа оленей на шесты, якуты и эвенки складывали черепа и кости ног на помосты, саами закапывали кости оленей в землю или спускали шкуры по реке [Анисимов, 1958, с. 26-37; Гурвич, 1962, с. 248-250; Долгих, 1960, с. 74-80] (рис. 1, 1).

Люди вступали в контакт с сакральным "миром животных" напрямую, без посредников.

Позже развились анимистические представления о духах-хозяевах. Они были медиаторами между людьми и верховным Богом-оленем. Духи-хозяева "жили" в больших камнях, скалах, на островах и других примечательных элементах ландшафта [Симченко, 1976, с. 255-258]. На этих местах приносили в жертву священных оленей. Ритуал имел такую структуру: животных убивали ритуальным копьем, разводили ритуальный огонь, мясо оленя варили и раздавали участникам обряда. После обряда на жертвеннике оставляли кости оленей, атрибуты ритуала (копье, огниво, посуду), а также дары духу-хозяину (стрелы, украшения, монеты, произведения искусства, например, бронзовые пластины "пермского стиля", на которых часто изображали человека-лося). Ритуалы проводились сотни лет. В результате образовались крупные святилища на всей территории проживания охотников на оленя. Наиболее известные из них – жертвенные комплексы на островах Вайгач и Ямал [Успенский, 1979, с. 36-39; Михайлова, 2008, с. 220-232].

Итак, по этнографическим данным можно выделить три типа святилищ, связанных с культом оленя. Первый тип – скопления рогов северного оленя в пещерах, на островах и важных местах жизни оленей. Второй тип – семантически значимые части скелета оленей или лосей поднятые над землей на шестах и платформах или наоборот, закопанные в землю. Третий тип – большие открытые святилища на местах обитания "духов-хозяев". Они стали племенными культовыми центрами.

Теперь рассмотрим археологические памятники, которые можно трактовать как святилища.

В пещерах позднего палеолита франко-кантабрийской зоны позднего палеолита Франции и Испании изображения оленей не доминируют среди изображений других животных. Однако, по нашим наблюдениям, фигуры оленей изображались в семантически важных частях пещер – возле входа, на переходах между камерами и в удаленных труднодоступных участках. А. Леруа-Гуран писал, что олени – это животные "*entrée et de fond*" [Leroi-Gourhan, 1965, p. 441-446, 259]. Такие места были границей между миром людей и миром животных, живых и мертвых [Михайлова, 2008, с. 30-41] (рис.2, 3).

Кроме того, существовали отдаленные камеры, заполненные изображениями оленей, например, "*cervid gallery*" в Альтамире. В таких местах также часто концентрировались произведения мобильного искусства с изображениями самок оленей, в частности, в Альтамире, Эль Кастильо и др. [Quiros, 1991, p. 88].

В пещере El Jujo в Испании было найдено так называемое "Святилище" с большим количеством костей оленя, в котором находилась оленья лопатка с изображением оленя и оленьи рога [Freeman, Gonzales Echegaray, 1995, p. 25-43].

Таким образом, в пещерах франко-кантабрийской зоны позднего палеолита Франции и Испании есть свидетельства сакрального отношения к оленю.

В позднем палеолите на некоторых территориях Евразии существовали пещеры, в которых были собрано много сброшенных рогов оленя. Это Уньинская и Медвежья на Урале, Ашенштайн в Южной Германии, Пещера Северного оленя в Шотландии. Рога принадлежали женским особям и молодым оленям. Это говорит о том, что памятники функционировали весной или в начале лета, когда самки сбрасывают рога [Гуслицер, Канивец, 1965; Lawson, Bonzall, 1986, p. 1-7; Tromnau, 1991, p. 22-38; Михайлова, 2007, с. 191-203].

Наиболее выразительна из них – Уньинская пещера на Северном Урале. В четырех плейстоценовых слоях пещеры было найдено много сброшенных рогов северного оленя. Следов культурного слоя в пещере обнаружено не было, однако, авторы раскопок Б. Гуслицер и В. Канивец считают, что, несомненно, рога были принесены человеком. В культурных слоях эпохи бронзы и раннего железа среди костей животных также были сброшенные олени рога. Наиболее интересен средневековый слой Уньинской пещеры. В нем были найдены следы ритуального огня и кучи костей культовых животных (медведя, северного оленя, бобра, куницы). Возле огня лежало 36 костяных наконечников стрел, много бронзовых и серебряных вещей, монеты и изделие в "Пермском стиле". Все эти артефакты типичны для святилищ Урала. Авторы раскопок считают, что Уньинская пещера была сакральным местом, и сравнивают ее с другими подобными пещерами Урала [Гуслицер, Канивец, 1965, с. 31-34, 79-83].

Очевидно, рога оленя в плейстоценовых слоях Уньинской пещеры были собраны с культовой целью. В эпоху бронзы-железа и средневековья на месте древнего святилища также проводились ритуалы. Они имеют ярко выраженные свидетельства – огонь, кости культовых животных, наконечники стрел, и, главное – произведение искусства в "Пермском стиле". Изделия в этом стиле являются атрибутами жертвенных мест.

Нам кажется возможным, что святилище существовало много тысяч лет. Сакральные места, которые функционировали столь длительное время известны на Урале и Севере Евразии.

Еще одна пещера на Урале – Медвежья. Позднепалеолитический слой в ней датируется 16130 ± 150 BP (Ле-3060) и 17980 ± 200 BP (Ле-2876). Археологический инвентарь культурного слоя представлен немногочисленными кремневыми и костяными изделиями, а также фаунистическими остатками. Среди последних около 43% составляют кости северного оленя, из которых, в свою очередь, больше половины это сброшенные рога. Однако, следы обработки рога отсутствуют [Гуслицер, Канивец, 1965, с. 99-100] (рис.2, 2).

Авторы раскопок Б.И. Гуслицер и В.И. Канивец считают пещеру стоянкой. В отличие от них, П.Ю. Павлов интерпретирует скопление рогов как культовое место, и в доказательство приводит археологические и этнографические аналогии – сакральные места, где складывали головы и рога оленей [Павлов, 1996, с. 76-78]. По нашему мнению, гипотеза о наличии стоянки в пещере не противоречит сакральности рогов оленя. В этнографии известны случаи жертвоприношения рогов возле жилища. В то же время, в пещере нет никаких свидетельств обработки рогов.

Пещера Ашенштайн в Германии подобна Медвежьей по возрасту и составу находок. Культурный слой имеет дату 16870 ± 180 BP. Среди фаунистического материала присутствовали более 360 рогов благородного оленя. Наибольший интерес среди находок представляет предмет в форме буквы "Т" из штанги рога оленя с обрезанными и заполированными отростками. По мнению автора раскопок Г. Тромнау, он похож на колотушки саамских шаманов. Он считает, что наличие шаманского атрибута и большое количество рогов свидетельствует о культовом назначении памятника [Trompau, 1991, с. 33]. Похожий Т-видный предмет был в неолитическом погребении на Оленьем острове на севере России. Многочисленные аналогии есть также на украинских стоянках позднего палеолита Мезин и Межирич [Trompau, 1991, табл. 29-32].

Пещера Северного оленя в Шотландии является средней из трех пустот карстового комплекса. Она состоит из внутренней и внешней камер. Во внешней камере в слое щебня были найдены фрагменты рогов от 480 особей северного оленя и немного оленьих костей. Дата рогов 10080 ± 70 BP [Morrison, Bonsall, 1989, p. 36].

Исследователи Пещеры Северного оленя, К. Бонзалл и А. Моррисон, интерпретируют памятник как хранилища сырья, и связывают его с комплексом стоянок на севере Шотландии [Lawson, Bonsall, 1986, p. 85-88].

На наш взгляд, нет оснований считать пещеру складом сырья. В весенне-летний период рога можно было собирать в тундре в большом количестве. Охотники пребывали в зоне летних пастбищ несколько месяцев, а на зиму мигрировали на юг. Сброшенные рога не могут храниться долгое время – они теряют пластичность. В случаях, когда рога собирали для производства орудий, их хранили прямо на стоянках (Штельмоор, Стар Карр) [Gronnow, 1987, p. 152-161; Legge, Rowley-Conwy, 1988, p. 106]. Таким образом, возможно, в пещере Северного оленя собирались рога, которые использовались для проведения ритуалов. В пещере отсутствуют орудия труда и ярко выраженный культурный слой. Кроме того, пещера расположена в далеком, труднодоступном месте, что характерно для сакральных мест.

Итак, палеолитические пещеры с оленьими рогами Северной Евразии можно рассматривать как свидетельства тотемистических ритуалов возрождения оленей. Они подобны многочисленным пещерам с оленьими рогами Лапландии.

Большие скопления оленьих рогов известны на археологических памятниках доисторического времени в Америке. Известны два скопления в Монтане и одно в Северном Вайоминге. На стоянке Dead Indian Creek (4000-4500 лет назад) были найдены останки 50 оленей убитых зимой. В яме поблизости от жилища были обнаружены несколько вершук черепов оленей с рогами. Один прекрасный экземпляр находился в углублении в центре другие – по сторонам. Известный американский исследователь Дж. Фризон считает, что рога имели сакральное значение. Он при этом ссылается на этнографические материалы индейцев кроу [Frison, p. 174-175].

Теперь рассмотрим археологические свидетельства сохранения останков оленей. Наиболее ранним из них, датируемым финальным палеолитом, является череп северного оленя на деревянном столбе со стоянки Штельмоор в Германии. Столб находился на краю болота. Автор раскопок, А. Руст, трактует его как жертвенный. Он создал реконструкцию, которая напоминает черепа оленей на шестах у ненцев и других народов Сибири [Rust, 1943, p. 216-220].

На территории Северной Евразии часто находят кости оленей в ямах. Наиболее ранний памятник – яма с костями северного оленя со стоянки Тудугу. Автор раскопок А. Окладников считает захоронение ритуальным. В более позднюю эпоху неолита захоронения костей оленей и косуль довольно часто встречались на сибирских памятниках. Такие проявления культа оленя закономерны в Сибири, где олень имел важное экономическое значение до позднего времени [Конопацкий, 1982, с. 30].

На неолитическом поселении Вучедол в Сербии было обнаружено захоронение скелета благородного оленя, возле которого находилась глиняная фигурка оленя с чашей на голове – очевидно, ритуальный сосуд [Jurisic, 1990, p. 17-31].

На энеолитическом поселении Альслебен в Германии была обнаружена яма, дно которой было обложено камнями. На дне находились фрагменты керамики, целый сосуд с внутренними ручками, кости животных и людей. Выше, над слоем земли без находок лежали очень крупные рога благородного оленя. Для того, чтобы разместить рога в горизонтальном положении, в стенках ямы был сделан подбой. Вероятно, на дне ямы находились остатки жертвоприношений людей и животных [Dohle, Wagner, Weigelt, 1992, p. 51-69]. Возможно, Альслебен представляет собой прообраз жертвенных колодцев кельтов.

Известны погребения оленей в курганах эпохи бронзы в Крыму. В железном веке есть многочисленные свидетельства погребений оленей и жертвоприношений рогов. Иногда вместо оленей закапывали деревянные макеты оленей [Щепинский, 1959, с. 67-72; Даниленко, 1969, с. 113; Русанова, 2002, с. 32, 73-74].

Частые свидетельства жертвоприношений оленей в земледельческих культурах можно понять, если привлечь этнографические материалы бушменов и американских индейцев. Оленей или антилоп закапывали в землю для того, чтобы увеличить урожай злаков [Thackeray, 2005, p. 12]. В охотничьих обществах в землю закапывали останки оленей для их возрождения. После перехода к земледелию этот обряд сохранился. Теперь его исполняли для стимулирования плодородия. Поэтому олень стал покровителем плодородия, а его рога ассоциировались с деревом жизни.

Теперь рассмотрим археологические открытые святилища, на которых проходили коллективные обряды.

В Европе наибольший интерес представляет неолитический слой всемирно известного сакрального комплекса Стоунхендж. В то время святилище представляло собой округлый ров с несколькими входами. Возле северо-восточного входа на дне рва были обнаружены следы от костров и концентрации оленьих рогов, многие из которых принадлежали убитым животным. Очевидно, рога составляли основу первоначального святилища. Им поклонялись люди при входе и при выходе из сакрального пространства. Значение древнего святилища было столь велико, что в более позднее время на его месте был сооружен грандиозный каменный комплекс [Thomas, 1991, p. 172]. В Европе хорошо известны случаи, когда на месте оленьих жертвенников воздвигались храмы.

В Азии наиболее ранними были неолитические памятники Урала и Сибири. Жертвенник Писаный Камень на Среднем Урале находился на небольшой площадке под отвесной скалой, со всех сторон окруженной водой. На скале были нанесены петроглифы, с изображениями лосей. Материалы жертвенника представляли кости лосей, многочисленные стрелы, посуду, кремневые орудия. Очевидно, лосей приносили в жертву зооморфным духам, изображенным на скале. Святилище содержит также археологические материалы бронзы и железа [Бадер, 1954, с. 241-259].

Жертвенник Хейбидя-Педар в Большеземельской тундре функционировал с неолитического времени до средневековья. На нем были найдены кости лося, наконечники стрел, обломки керамики,

монеты и украшения. Наиболее выразительные находки – многочисленные изделия "Пермского звериного стиля". На многих из них изображались лоси или люди-лоси [Чернов, 1955, с. 291-321].

Итак, в жизни древних жителей Евразии важнейшую роль играл олень и/или лось, что нашло отражение в идеологии. Важным аспектом культа оленя были ритуалы, направленные на успех в охоте и плодородие оленя. О проведении ритуалов говорят многочисленные святилища, которые были обнаружены на территории Евразии. Возможно, уже в позднем палеолите существовали тотемистические обряды. Охотники имитировали поведение оленей, используя при этом сброшенные оленьи рога. Охотник, подобный оленю, становился медиатором между мирами. Рога имели магическую силу. После окончания обряда рога передавали сакральному миру. Их складывали в далеких и труднодоступных местах, например, в пещерах, передавали Небу (помещая на шестах или платформах) или Земле. Захороненные кости должны были обеспечить возрождение оленей.

Обряды жертвоприношения оленей ради всеобщего благоденствия сохранились у многих народов Евразии до новейшего времени. У некоторых народов севера Европы и на Кавказе были известны мифы о добровольном приходе оленей на заклание. На Кавказе сохранились грандиозные святилища из оленьих рогов. В христианское время на местах таких жертвенников были построены церкви [Шаповалова, 1973, с. 217]. У славян, в частности, украинцев, вместо реальных животных для жертвоприношений стали изготавливать статуэтки оленей из сыра. На Пасху оленей, как символ возрождения, рисовали на расписных яйцах.

Список литературы

- Анисимов А.Д.** Религия эвенков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
- Археология Венгрии. Каменный век.** — М.: Наука, 1980. – 104 с.
- Бадер О.Н.** Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – 1954. – т. XXI. – С. 241-259.
- Басилов В.Н., Тульцева Л.А.** Культ (религиозный) // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – Вып.5. – М.: Наука, 1993. – С. 113-115.
- Богораз-Тан В.Г.** Чукчи. Религия. – Ч. II. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 196 с.
- Вдовин И.С.** Религиозные культы чукчей. // Памятники культуры народов Сибири и Севера. – Сборник музея антропологии и этнографии. – т. XXXIII. – 1964.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1989. – 240 с.
- Генинг В.Ф.** Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере // СА. – т. XXI. – 1954. – С. 259-281.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УРО РАН, 1995. – 607 с.
- Гурвич И.С.** Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. – вып. IV. – М., 1962. – С. 248-250.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов-оленьеводов. – М.: Наука, 1977.
- Даниленко В.Н.** Неоліт України. – Київ: Наукова думка, 1969. – 257 с.
- Долгих Б.О.** Принесение в жертвы оленей у нганасан и энцев // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – 1960. – № 33. – С. 74-80.
- Канивец В.И.** Канинская пещера. – М.: Наука, 1964.
- Кузнецова В.Г.** Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленьих чукчей // Сибирский этнографический сборник, вып. II. – М.-Л., 1957.
- Липский А.Н.** Древнейшие енисейские изваяния – таг-ээзи // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 112-116.
- Михайлова Н.** Міфи про оленя у народів Євразії // Vita Antiqua. – 1999. – Вип. 2. – С. 38-45.
- Михайлова Н.** Печери з оленьчими рогами у давніх мисливців Північної Євразії // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2007. – С. 191-203.
- Михайлова Н.** Олень у палеолітичному наскельному мистецтві франко-кантабрійського регіону // Студії мистецтвознавчі. – Київ: Видавництво ІМФЕ, 2008. – Вип.1 (21). – С. 30-41.
- Норденшельд А.Э.** Путешествие вокруг Европы и Северной Азии. – СПб., 1881.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – МИА. – 1950. – № 18.
- Ояева Е.И.** О назначении предметов художественной металлической пластики в жизни народов Прикамья I – начала II тысячелетия н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Т. 37. – 2005. – С. 131-144.
- Павлов П.Ю.** Палеолитические памятники Северо-востока Европейской части России. – Сыктывкар, 1996.

- Русанова И.П.** Истоки славянского язычества. – Черновцы: Прут, 2002. – 172 с.
- Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 310 с.
- Спицын А.А.** Гляденовское костыще // Записки Русского археологического общества. – Т. XII. – Вып. I и II. – 1901.
- Студзицкая С.В.** Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи неолита и раннего металла) // Проблемы первобытной археологии Евразии. – М.: ИА РАН, 2004.
- Тиваненко А.В.** Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.
- Успенский С.М.** Гибидеи – ритуальные жертвенники ненцев // Природа. – 1979. – № 7. – С. 36-40.
- Харузин Н.** Русские лопари // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского Университета. – 1890. – 472 с.
- Цветкова И.К.** Скульптура лося с неолитической стоянки Володары // Slovenska archeologia. – № XXI (2). – 1973. – S. 422-428.
- Чарнолуцкий В.В.** О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. – Таллин, 1966. – С. 301-315.
- Чернов Г.А.** Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. – 1955. – №. XXIII. – С. 291-321.
- Шаповалова Г.Г.** Северорусская легенда об олене // Фольклор и этнография русского Севера. – М., 1973.
- Шмидт А.В.** Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК. – Т. XIII, Вып. 1-2. – 1932. – 45 с.
- Щепинский А.А.** Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму // КСИА АН УССР. – Вып. 9. – 1959. – С. 67-72.
- Эдинг Д.Н.** Резная скульптура Урала // Труды Государственного исторического музея. – Вып. 10 – 1940.
- Behrens H.** Cervidenskelette aus der steinzeit und fruhen Metallzeit Europas. Eine kulturgeschichtliche Studie // Varia archeologia. – 1964. – P. 62-65.
- Dohle H.-J., Wagner K., Weigelt J.** Eine Opfergrube der Baalberger Kultur von Alsleben, Ldkr. Bernburg // Jahresschrift fur Mitteldeutsche Vorgeschichte, 1992. – Bd. 75. – P. 51-69.
- Freeman L., Gonzalez Echegaray J.** The magdalenian site of El Juyo (Cantabria, Spain); Artistic documents in context // Bolletino del Centro Camuno di Studi Preistorici. – Vol. XXVIII. – 1995. – P. 25-42.
- Frison G.** Survival by hunting. – Berkley – Los Angeles – London.
- Gronnow B.** Meiendorf and Stelmoor revisited. An Analysis of Late Palaeolithic Reindeer exploitation // Acta Archaeologica. – V. 56. – 1987. – P. 131-166.
- Jurisc M.** Ukopi zivotnia na Vucedolu // Opuscula archeologica. – 1990. – № 14. – P. 17-31.
- Lawson T., Bonzall C.** The Palaeolithic in Scotland, a reconsideration of Evidence from reindeer Cave, Assynt // Quaternary Newsletter. – 1986. – Vol. 49. – P. 1-7.
- Leroi-Gourhan A.** Prehistoire de l'art occidental. – Paris, 1965.
- Morrison A., Bonsall C.** The early post-Glacial Settlement of Scotland, a Review // The Mesolithic in Europe. – Edinburgh, 1989. – P. 134-143.
- Oshibkina S.V.** The material culture of the Veretye Type Sites in the region to the east of Lake Onega // The Mesolithic in Europe. – Edinburgh, 1989.
- Quiros B.** Reflections on the art of the Cave of Altamira // Proceedings of the Prehistoric Society. – 1991. – V. 57. – Part. 1.
- Rust A.** Die Alt- und mittelzereinzeitlichen Funde von Stelmoor. – Newmunster, 1943.
- Thomas J.** Understanding the Neolithic. – London-New York, 1999.
- Tromnau G.** Archaologische Funde und Befunde zum Schamanismus (Schamanen. Mittler zwischen Menschen und Geistern). – Duisburg, 1991. – P. 22-38.

**ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА
И ЕЕ СОСЕДИ**

ГРЕБЕНИ НА ДНЕПРЕ – ПОСЕЛЕНИЕ ТРИПОЛЬСКОЙ ОБЩНОСТИ (исследователи и проблемы)

В 2008 году исполнилось 115 лет со дня открытия Викентием Хвойкой памятников трипольской культуры и 100 со дня рождения Сергея Николаевича Бибикова – одного из выдающихся ее исследователей.

Родившись в Севастополе 14 сентября 1908 года, в юношеские годы он встречается с крупным археологом и удивительным человеком Г.А. Бонч-Осмоловским, что определило его дальнейшую судьбу.

Открытие в послевоенные годы поднепровских поселений прекукутенской культуры или Раннего Триполья, по терминологии советских археологов, не могло не привлечь внимания Сергея Николаевича к столь уникальному и загадочному явлению археологии. В 1945 г. он начинает многолетние исследования раннетрипольского поселения Лука-Врублевская на Среднем Днестре, вписавшего яркую страницу в изучение Триполья. В монографии о Луке-Врублевской на широком фоне археологических и этнографических источников, С.Н. Бибилов анализирует материалы и одновременно решает ряд общих проблем Триполья [Бибилов, 1953]. Особое место в творчестве ученого занимает анализ идеологических представлений древних земледельцев. Главы, посвященные духовной жизни древнего человека, – блестящий пример проникновения исследователя в этот мир. На основе изучения антропоморфной пластики он приходит к выводу о ее связи с культом плодородия. Задолго до Б.А. Рыбакова Сергей Николаевич увидел в славянской обрядности отзвуки древнейшего земледельческого культа. Исследователь стремится понять общие черты закономерности развития трипольской культуры и выделить особенности ее регионов. Раскопки поселений Попенки и Журы дали интересный материал со своеобразными этнографическими чертами. Исследования автора раскопок и его последователей позволили выделить на Днестре локальный вариант трипольской общности [Бибилов, 1954, с. 104-110; Палагута, 1997, с. 50-60; Рыжов, Шумова, 1999, с. 41-55].

Триполье Поднепровья С.Н. Бибилов называл "классическим", понимая его своеобразие и отличие от других регионов общности. Именно поэтому в 60-е годы его внимание привлек район Среднего Поднепровья.

Изучение собственно трипольской культуры было начато в Среднем Поднепровье. В связи со строительством Каневской ГЭС было необходимо исследовать разрушаемое трипольское поселение у с. Гребени Кагарлыцкого района Киевской области. Здесь Сергей Николаевич проводит многолетнюю экспедицию (1961-1963 годы) по раскопкам вышеуказанного памятника.

Открытое В.В. Хвойко в конце XIX века поселение дважды упоминается в литературе [Труды археологического съезда, 1901, с. 121-122, 793]. В. Хвойко знал, что у с. Гребени находится трипольское поселение, вероятно, встречал там выходы культурных остатков на поверхности почвы, но, по мнению С.Н. Бибилова, специальных земляных работ в этом пункте не проводил. В каталогах выставки, устроенной к XI Археологическому Съезду, и в музейных собраниях археологических предметов из Гребеней не значится. Вторично трипольское поселение Гребени было обнаружено в 1960 г. Н.М. Шмаглием при обследовании берегов Днепра в связи со строительством Каневского водохранилища.

В экспедиции Института археологии АН УССР принимали участие много молодых археологов: Н.М. Шмаглий, В.Н. Гладилин, Б.Г. Збеневич, И.И. Мовчан, Е.В. Цвек, С.Н. Смирнов, А. Николенко и др. Сергей Николаевич не побоялся студентам и выпускникам Киевского Университета им. Т.Г. Шевченко поручить раскопки трипольских объектов. Под его руководством эти работы стали настоящей школой изучения памятников древности. Мы благодарны судьбе, что она свела нас с выдающимся ученым и незаурядным человеком. Благодаря Сергею Николаевичу на всю жизнь мы усвоили методику раскопок археологических объектов и историческую интерпретацию полученного материала.

Поселение расположено на высокой правобережной террасе Днепра (60-70 м), которая прорезана неглубокой балкой с вытекающим из нее ручьем. Оно находится на плато, в 800 м на восток от села Гребени направо от дороги Ржищев-Стайки.

Исследование поселения Гребени проводилось при помощи щупа, разведывательных траншей и раскопок. В результате этих работ в настоящее время можно представить планировку поселения (рис. 1). Постройки были расположены по овалу, что характерно для трипольских поселений этого района. Северо-восточная его часть частично разрушена обвалом края плато. Наибольшая концентрация построек наблюдается в северо-западной и западной части. Жилища здесь располагались вдоль балки и тяготели, вероятно, к источнику воды (пл. 4-9; 11-17). Объекты находились на небольшом расстоянии друг от друга. Залегание площадок (пл. 13-15; 21-22) в восточной части несколько глубже, чем предыдущих, обеспечило им хорошую сохранность конструктивных деталей и поражаало обилием керамики и инвентаря. Интересной деталью планировки поселения является наличие построек внутри овала. Возможно, площадки 24-26, где были поставлены шурфы, представляли собой одно сооружение типа раскопанного пятикамерного жилища 2 (рис. 4). Жилые сооружения, по наблюдению авторов раскопок, были обращены входом к центру поселения. В настоящее время памятники трипольской общности исследуются более совершенными методами. В.П. Дудкин археомагнитным методом исследовал планировку поселения Гребени и получил интересные результаты [Дудкин, 2004, с. 132]. Но расположение площадок за балкой, обнаруженное В.П. Дудкиным, несколько не характерно для планировки единого поселения в этом районе. Аномалии указанного участка образуют отдельный круг. Возможно, это другое трипольское поселение. Кустообразное расположение памятников трипольской общности известно и для днепровского региона. Не обнаружены во время раскопок и ямы, упомянутые В.П. Дудкиным. Решить этот вопрос могут только стационарные раскопки вновь выявленных объектов.

В процессе раскопок 1962-1963 гг. были исследованы более 20 глинобитных построек, которые разнятся размерами, конструктивными деталями, количеством инвентаря и, вероятно, назначением. Зафиксированы остатки крупного обжигательного комплекса (пл. 1, 10).

Жилые сооружения наземные, прямоугольные в плане, площадью от 57 до 168 м² имели от 2 до 5 помещений. Некоторые из них служили амбарами или для хранения продуктов. На тонкой обожженной глиняной подмазке пола возвышались детали интерьера: купольные печи, украшенные карнизами, хозяйственные возвышения, лежанки, алтари.

Ниже даем описание наиболее интересных из выявленных объектов.

Жилище 17 из Гребеней – двухкамерная, прямоугольная постройка площадью 57 кв. м (11 м x 5,2 м). Глубина залегания обмазки 0,7 м. Выше всего залегала ошлакованная обмазка от свода печей (0,18 м - 0,20 м от современной поверхности). Поперечная перегородка делила жилище на два помещения.

В углу первой (большей) камеры находилась довольно крупная (2,20 м x 1,60 м) печь, представленная рухнувшими сильно ошлакованными остатками свода и обожженными бурокрасными, рыхлыми вальками с примесью половы от стен печи. Ее устье в древности украшал карниз, остатки которого были выявлены рядом с печью. Завал ее свода и стен перекрывал под и примыкавшее справа овальное возвышение 1, с оконтуривающим его карнизом (Н-0,2). На возвышении выявлена зернотерка (38 см x 26 см) и растиральник. Рядом - скопление сосудов: кратер, два больших сосуда с расчесами по поверхности, коническая миска; пифосообразный светло-глиняный с лощеной поверхностью и небольшой горшковидной формы с ручкой сосуда. Перед устьем печи находились наковаленка и светло-глиняный кувшин. Печь № 2 была расположена у продольной стены, ближе к перегородке. Она меньше по размерам (1 м x 0,5 м) и хуже сохранилась. Найдены отдельные фрагменты от ее свода, стен и пода. Слева к печи № 2 примыкало сохранившееся частично (2 м x 0,8 м) двухслойное возвышение (№ 2) более сложной конструкции, чем первое. Верхний его слой сильно растрескавшийся (Н – 2-4 см) имел обе гладкие поверхности. Верхняя поверхность нижнего (Н - 4 см) была гладкой, а снизу он был шероховатый. Сильно обожженный в центре верхний слой имел толщину 4 см, к краям он становится тоньше, уменьшаясь до 2 см. Между слоями выявлена тонкая нивелировочная прослойка светло-желтой окраски и слабого обжига. Еще глубже залегали вальки из рыхлой обмазки с примесью половы. Аналогичную конструкцию Т.С. Пассек наблюдала в Коломыйщине II [Пассек, 1949]. Вокруг возвышения находились небольшая мисочка, красноглиняный и большой светло-глиняный сосуда. Сохранившийся участок перегородки (2,7 м) дает представление об ее конструкции. Она состояла из двух рядов плотной обмазки (толщина 2,5 - 3 м), стоящей вертикально. Пространство между рядами отстоявшими друг от друга на 18-20 см, было заполнено вальками обожженной, рыхлой обмазки с примесью половы. В некоторых местах перегородка достигала ширины 30 см. С внутренней стороны ее обмазка имеет отпечатки прутьев, с внешней стороны она хорошо заглажена и оштукатурена. Довольно плотная, светло-желтого цвета, обмазка перегородки имеет незначительную примесь половы. Высота ее сохранившейся части достигает 21 см. Верхняя часть перегородки (11 см) обожжена сильнее. В том месте, где она примыкала к полу, ее светло-желтый цвет постепенно книзу становится темным и переходит в сажистый. Почти не обожженная обмазка в нижней части перегородки достигает 8 см толщины.

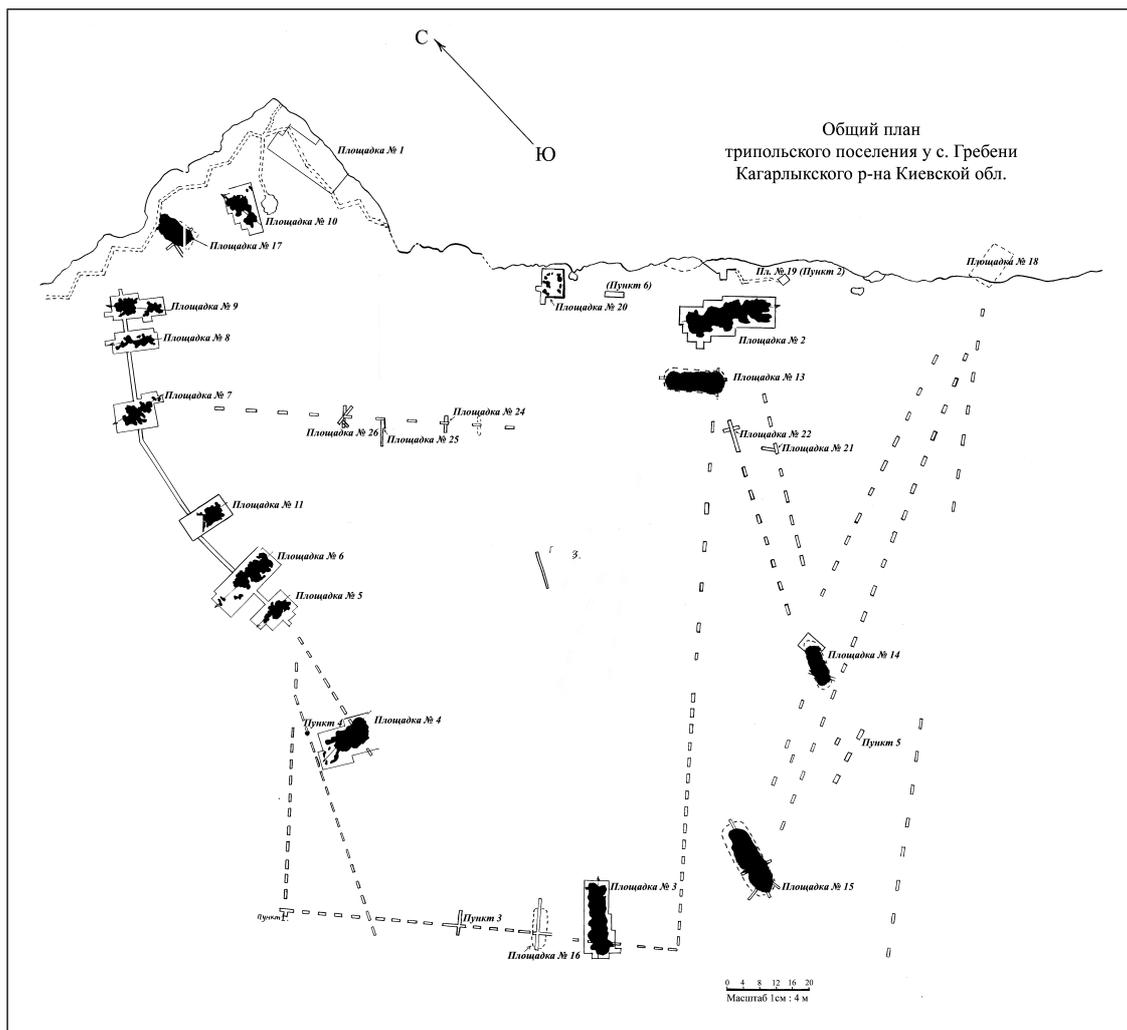

Рис. 1. План поселения Гребени

Завал простенка частично перекрыл вторую (меньшую) камеру. В ее интерьере в углу у поперечной стены фиксируется печь № 3, а правее - возвышение рядом с печью. Печь сооружена на хорошо утрамбованном фундаменте из земли и черепков, который был перекрыт двухслойным подом. Верхний его слой, мелко растресканный, розовато-коричневого цвета (Н - 2 см), имел обе гладкие поверхности. Нижний – светло-коричневого цвета был несколько толще (Н - 3,5 см), с верхней гладкой поверхностью. На нижней шероховатой поверхности имелись отпечатки земли. Плитки нижнего слоя пода выполнены, также как и верхнего, из глины с примесью песка и сильно обожжены. В центре толще и плотнее, к краям он делается тоньше и обжиг его здесь слабее. Плитки пода имели в изломе книзу темную сажистую окраску. Устье печи было обращено к центру камеры. В древности оно было оформлено красно-коричневым карнизом (толщиной 3 – 4 см), напоминающим округлый венчик сосуда. Интересной деталью печи № 3 является фрагмент дымового отверстия. Аналогии карнизу и дымоходу мы находим среди печей Шкаровского и Клищевского поселений. Справа от печи расположено глинобитное возвышение. Его сохранившаяся часть (4 м x 2 м) примыкала к поперечной стене и возможно служила в древности лежанкой. Перед печью выявлен участок так называемого "нижнего" пола, который представлен тонкой, желтого цвета, сильно растресканной, глиняной подмазкой. "Нижний пол" залегал на 20 см ниже завала перегородки, к которой он подходил вплотную. На этом участке и перед возвышением (№ 3) выявлено скопление сосудов: крупная светло-глиняная лощеная миска, два сосуда с полосчатым сглаживанием поверхности. Здесь же находились светло-глиняный сосуд, еще одна миска, а рядом с ними перевернутая рабочей поверхностью книзу зернотерка с растиральником. Земляные полы жилища 17 были в древности промазаны тонким слоем глинистой подмазки. На уровне этих полов строились печи и глинобитные возвышения. На полу

находился и хозяйственный инвентарь. Под некоторыми развалами сосудов (6, 7 и др.) глиняная подмазка пола сохранилась *in situ*. По периметру здания (пл. 17), как и на других постройках восточно-трипольской культуры зафиксированы граниты, некоторые из них пережжены. Здесь же отмечена светло-желтая рыхлая, слабо обожженная обмазка от стен жилища. Земля под площадкой была сильно утрамбована и включала небольшие фрагменты обмазки и керамики.

Жилище 4 из Гребеней - прямоугольная, трех камерная постройка общей площадью 97,5 кв. м (19,5 м x 5 м). Ориентирована площадка с запада на восток и залегает в слое чернозема на глубине 45-50 см от современной поверхности. Конструктивно она очень сложна. Однослойные залегания плитчатого пола и обмазки сменяются многослойными залеганиями печины - ошлакованной обмазки и плитчатых наслоений. Верхний ее слой представлен залегающей бессистемно плитчатой и вальковой обмазкой различных желто-кирпичных тонов. Над общим завалом на 25-35 см возвышается сильно ошлакованная, иногда остеклованная, обмазка от развала печей. В некоторых местах под обмазкой прослеживаются горизонтально залегающие плитки или утрамбованная земля. По периметру жилища выявлены граниты и светло-желтая обмазка с примесью половы от стен дома. У восточного края площадки удалось обнаружить скопление гранитных камней, которые, как предполагал С.Н. Бибиков, служили порогом. Стало быть, вход в жилище был с восточной стороны обращенной к центру поселка. По конструктивным деталям и концентрации находок жилище 4 можно разделить на три части восточную, западную и центральную.

Крайняя (восточная) камера имела в древности глинобитную тонкую (1-2 см), слабообожженную подмазку пола, на которой находились печи, возвышения, зернотерки, развалы сосудов. После снятия завала обмазки у поперечной стены помещения выявлен интересный хозяйственный комплекс. Возле небольшого двухслойного глинобитного возвышения (толщина его плитчатой обмазки 3-4 см) найдена миска, орнаментированная круглыми вдавлениями по краю. Под ее развалом фиксируются остатки глиняной слабообожженной подмазки пола. Рядом располагались наковальня и отбойник. Неподалеку была обнаружена вмазанная в пол зернотерка с залощенной до блеска рабочей поверхностью и сильно сработанный растиральник. Здесь же находился развал миски, крупного красноглиняного сосуда и небольшая еще одна миска с лощеной поверхностью и насечками по краю венчика. Более значительное по площади возвышение, выявлено по центру камеры. Один из его хорошо сохранившихся участков имел пятислойную подмазку. Верхние слои толщиной (3 см) были гладкими с обеих сторон. Нижний, более тонкий (Н-2 см) из плотной глины желтого цвета сверху, книзу становился слабообожженным, рыхлым и имел черную окраску. Он лежал на земле и не имел отпечатков плах. В других частях возвышения плитки лежали в три слоя и были несколько тоньше (2 см). Вокруг этого возвышения также группировался хозяйственный инвентарь. Здесь найдена, прямоугольной формы (20см x 37; Н-7 см), вмазанная в пол гранитная зернотерка рядом с нею лежал на боку горшок с расчесами и ракушкой в тесте. Внутри него и вокруг сосредоточены ракушки *Unio*. В двух местах на площадке было обнаружено скопление толченых ракушек, рядом с которыми находились наковальня и растиральные камни. С противоположной стороны возвышения у продольной стены - скопление из 18 сосудов, возможно, они в древности стояли на полке. Здесь найдены лощенная красноглиняная миска с насечками по краю, два горшка с примесью ракушки в тесте, один из них на 4^х ножках, с расчесами на внутренней и внешней поверхности. По краю венчика и плечикам сосуд орнаментирован вдавлениями палочки. В этом же скоплении два кувшина. Чуть далее лежали три миски, в одной из них обнаружен кубок. Рядом с мисками - горшок с ракушкой в тесте. Возле возвышения в небольшом углублении (0,25 м), имеющим обожженную глиняную обмазку выявлен развал зерновика (№13) со сложным смысловым орнаментом, выполненным в углубленной технике и передающим сцену танца среди снопов (рис. 4) [Цвек, 1969, с. 76-82]. На небольшом расстоянии от зерновика найдена крышка со ступковидным навершием и зернотерка. Особо следует отметить единственный в жилище сосуд с росписью, выполненный темно-коричневой краской. Скопление керамики залегало на тонкой глиняной подмазке пола. У продольной стены несколько в удалении от основной группы сосудов, найден слабо обожженный, горшок с ракушкой в тесте. Напротив большого возвышения в углу камеры фиксируется печь. Под завалом буро-лиловой ошлакованной обмазки с примесью половы и с отпечатками дерева от свода и стен печи выявлен ее под. Небольшой его участок (40 x 20 см) состоял из буро-лиловой, намазанной в два слоя глиняной подмазки. Под плитчатой обмазкой пода обгоревшая земля с вкраплениями золы и перегоревших костей. В районе печи найдены миниатюрная мисочка, костяное шило и уникальная находка – оправа серпа из рога оленя с пазухами для кремневых вкладышей. Здесь же находились развал светло-глиняной, лощеной миски, остатки желто глиняного кувшина и днище серо-глиняного лощеного сосуда на ножках.

Центральная камера была отделена от вышеописанного помещения плохо сохранившейся перегородкой, которую удалось проследить по земляному перерыву (ширина 0,4 м) идущему поперек

здания. В некоторых местах зафиксированы участки вальков красно-бурого и светло-желтого цвета с сильной примесью половы от забутовки перегородки. Ее плитчатая оболочка рухнула в середину помещения и перекрыла развалы сосудов. В северо-восточном ее углу, вдоль перегородки концентрировались сосуды: развал тонкостенного маленького горшочка, фрагменты толстостенного сосуда. Здесь же светло-глиняный, лощеный кувшин с сосковидным рельефным выступом. Далее у перегородки еще одно скопление сосудов: кратер с углубленным орнаментом, серо-глиняная, светло-глиняная лощеные миски и красноглиняный сосуд. Недалеко - два красноглиняных кувшина, один из них двуручный. Рядом находились зернотерка с растиральником. Внутри одного сосуда были выявлены кальцинированные мелкие кости животных. По определению В.И. Бибиковой, они принадлежали овце-козе и быку. В углу, у перегородки, отделяющей центральную камеру от следующей, условно названной западной, располагалась довольно большая печь. В этом месте ошлакованная, местами остеклованная печина возвышалась на 0,35 м над общим уровнем завала. Здесь встречена обмазка разного характера: вальки буро-лилового цвета сильно обожженные с примесью половы; плотная оливково-серого цвета обмазка хорошего обжига с отпечатками прутьев, некоторые ее фрагменты остеклованы; обмазка красно-бурая очень рыхлая, рассыпающаяся в руках. Вышеописанный завал, как можно предполагать, от свода и стен печи перекрывал двухслойный под. Площадь его сохранившегося участка 2,2 м x 1,3 м). Место, где была в древности сооружена печь, предварительно было забутовано плитками и черепками. Выровненная поверхность промазывалась тонким слоем (1,5-2 см) глины и обжигалась. Сверху были уложены еще два слоя глины. Верхний – плотный, розово-палевого цвета сильно обожженный имеет обе гладкие поверхности (Н-4-5 см). Нижний слой обожжен слабее, неравномерно. В изломе книзу имеет почти черный цвет. По краям пода зафиксирована лилово-бурая сильно обожженная, с примесью половы, но довольно плотная обмазка от основания стен печи. Под завалом стен и свода найден миниатюрный горшочек на четырех ножках. Внутри печи, в центре пода, под завалом свода выявлены развалы горшков с примесью ракушки в тесте. Сосуды были хорошо высушены, но не обожжены. При промывке фрагменты рассыпались в воде. Вблизи печи найдены аморфные фрагменты керамического шлака оливково-серого цвета, пористые окаменевшие со следами остеклованности. Устье печи было обращено к центру камеры. Перед ним в небольшой овальной ямке - скопление ракушек *Unio*. Здесь же сосредоточены сосуды: два кувшина, один из них толстостенный, двуручный. Рядом с ними выявлен небольшой серо-глиняный тонкостенный кубок. Сбоку к печи примыкало двухслойное возвышение (1,4 м x 0,8 м). Верхний слой имеющий светло-желтую окраску и гладкую поверхность, сильно разрушен. Нижний слой был гладким только с верхней стороны. Его окрашенность в изломе неравномерная, верхняя поверхность плиток желтая, а книзу темная. Рядом с возвышением найдены кремневая пластинка с ретушью и несколько развалов сосудов: толстостенная миска, красноглиняный кувшин, горшок с ракушкой в тесте и серо-глиняный сосуд. Особо следует отметить стоявшую на возвышении небольшую чашу с углублениями по венчику и ручкой в виде стилизованной головки быка.

Западная камера, значительно меньшая по площади, также отделена перегородкой от центральной. В годы Великой Отечественной войны она частично была разрушена воронкой от снаряда, но сохранившаяся обмазка по периметру стен позволила оконтурить это помещение. По завалу лилово-бурой ошлакованной обмазки в углу камеры фиксируется печь. Рядом с нею обнаружена округлой формы зернотерка и несколько развалов сосудов: зерновик с углубленным орнаментом, фрагментированная толстостенная корчага, развалы двух мисок и кубок. При разборке установлено, что сосуды залегали на тонкой глиняной, слабообожженной подмазке, так называемом "нижнем" полу. С.Н. Бибиков считал, что в этой камере также был хозяйственный центр, о чем свидетельствуют упомянутые выше зернотерка с растиральником, наковаленка с битком и группа крупных сосудов.

Площадка 3 расположена на южной окраине поселения у самой дороги Гребени-Стайки. Длина площадки около 20 м, ширина 5 м. Площадка однослойная. В большей своей части она перекрыта завалом обмазки, покрывающей или значительные части земляного пола, или глиняные "точки" - участки выровненные и обмазанные тонким слоем глины. На площадке хорошо сохранились печи, очаги, пол. Необычным явлением для трипольских площадок является то, что на этой площадке было очень мало керамики (11 развалов сосудов) и других находок. Предположительно можно сделать вывод, что в этом жилище жизнь была приостановлена раньше, чем она закончена на поселении [Бибиков, Шмаглей, 1964, с. 133, 135].

Площадка 2 из Гребеней - пятикамерная, прямоугольной формы постройка, площадью 168 кв. м (28 м x 6 м), ориентирована с запада на восток (рис. 2). Сохранились следы внешней стены, прослеживаются перегородки делящие дом на пять помещений. Фиксируется вход в жилище, здесь сохранился порожек примыкавший к стене. Под ним найден череп собаки. В первом помещении выявлены следы купольной печи. Прослежены остатки печей в третьем и втором помещении

(центральная часть). В интерьере этих камер также фиксируются возвышения в виде плитчатых наслоений глины и следы поперечной перегородки. Четвертое и пятое помещение были более облегченной конструкции, возможно, они являлись амбарной и хозяйственной частью дома. Следует обратить внимание на интересную деталь этого жилищно-хозяйственного комплекса. С правой стороны от входа (крыльца) снаружи у внешней стены выявлено несколько крупных сосудов (до 1 м и более высотой), которые стояли, вероятно, под навесом вдоль стены. Как предполагает С.Н. Бибииков, они предназначались для хранения воды. В одном из помещений встречены обломки моделей жилищ, погремушка в виде птички и свернутая в завиток медная проволока [Бібіиков, Шмаглії, 1964, с. 132, 133, 135]. Всего в доме найдено более 100 развалов сосудов.

В северо-западной части поселения были выявлены монументальные сооружения производственного назначения (пл. 1, 10). Площадка 1, сильно поврежденная окопом военного времени - монументальное, прямоугольное в плане сооружение. Площадку можно расчленить на функционально различные части. В северо-западной сохранилось значительное количество обмазки. Залегающей на одно-двух плитчатых напластованиях. При разборке этого участка под полом обнаружены кости собаки - берцовая, плечевая и часть таза, принадлежавшие одной особи. В центральной части, в сильно разрушенном состоянии, выявлен крупный производственный, обжигательный центр. Он состоял из трех сооружений - двух печей (одна из них, возможно, горн) и открытого очага овальной формы с красивым бортиком. К этим сооружения примыкали возвышения. Под мощной печи (горна) состоял из пятислойных плиток с уходящим глубоко под землю массивным фундаментом. Фундаменты под подами печей представляют собой вальцовую подкладку, в свою очередь подстилаемую утрамбованной землей, смешанной с бесформенной обмазкой, старыми плитками и черепками (строительный мусор) [Бібіиков, Шмаглії, 1964, с. 135]. Под фундаментом был обнаружен небольшой биконический горшочек. Близкую конструкцию гончарных горнов мы наблюдали на памятниках восточно-трипольской культуры (далее ВТК) (Шкаровка и др.; [Цвек, 2004, с. 28-31]). Неподалеку от площадки 1 обнаружена площадка 10 с печью аналогичной конструкции. Монументальность печей расположение сооружений на окраине поселения говорит в пользу того, что они служили своеобразным обжигательным комплексом по производству керамики.

Обобщение данных по домостроительству построек Гребеневского поселения позволяет выделить наиболее характерные его черты. Основанием некоторых частей жилища служил глиняный настил-фундамент. Он сооружался под основными деталями интерьера: печами, особенно мощным он был под производственными объектами (пл. 1, 10), различными возвышениями. В жилых домах поселения не обнаружено сплошного залегания глинобитных полов. Различные возвышения и печи располагались или непосредственно на земле, или на глинобитных настилах фундаментах, вероятно, в зависимости от производственного назначения. Участки между ними имели тонкую (1,5 - 2,0 см), слабообожженную подмазку (пл. 2, 3, 4, 11, 17). Такого характера пол наблюдался нами на многих поселениях ВТК (Березовка, Шкаровка, Мирополье и др.). Отмечает тонкий пол, называя его "нижним", Т.С. Пассек для Коломийщины II и I [Пассек, 1949].

Очень часто глинобитный настил служил основанием стен и перегородок. По новому реконструировал конструкцию деревянно-глинобитных стен С.Н. Бибииков именно во время раскопок в Гребнях. "При сооружении внешних стен между плетневой основой применялась своеобразная забутовка кусками обожженной глины. Эти куски глины обжигались на стороне и закладывались вместе с земляной засыпкой между лицевыми плетневыми конструкциями. Таким образом, сейчас находят свое объяснение огромные скопления на трипольских площадках так называемой глиняной обмазки. Эта обмазка, как выяснилось, составляла не строительный мусор, образовавшийся в результате обжига стен или пожарищ, а служила строительным материалом. Применение забутовки из обожженных рваных кусков глины облегчало конструкцию стен, создавало воздухопроницаемость и теплоизоляцию сооружения, а, следовательно, устраняло и сырость" [Бібіиков, Шмаглії, 1964, с. 135].

О потолочном перекрытии и кровле судить трудно, но последняя, судя по найденным обломкам модели, вероятно, была двухскатной. Обжиг полов, возвышений и других деталей интерьера производился до постройки стен и кровли, до начала функционирования дома, что подтверждает изучение фундаментов площадок 1, 4, 14, основания перегородок (пл. 17). Конструктивные детали домов из Гребеней и способ их возведения имеют много общего с жилыми сооружениями поселений ВТК, что свидетельствует о культурном и этническом единстве их создателей [Цвек, 2003, с. 159-176].

Ряд площадок (2, 3, 4, 11) дали представление о хозяйственно-бытовом членении дома. Вокруг печей и прилегающих к ним возвышений сосредоточены были сосуды и хозяйственный инвентарь. Особый интерес представляет сельскохозяйственный комплекс, расположенный в северо-западной части площадки 2. В состав комплекса входили: 4 растиральника из песчаника. Рабочая часть двоих из них сильно заполирована, молот для разбивки зерна из оленьего рога с просверленным отверстием для

ручки. Весь инвентарь находился на площади 60 см x 60 см. Вблизи выявлена зернотерка с вогнутой, хорошо отшлифованной рабочей поверхностью (рис. 3) [Бібіков, Шмаглій, 1964, с. 134]. Уникальной находкой является рукоять серпа из рога благородного оленя с разработанным пазом для закладки вкладышей (пл. 4). Это первая достоверная находка для Триполья жатвенного орудия - изогнутого серпа дала основание провести его реконструкцию [Бибиков, 1962, с. 3-24]. На площадке 6 также была выявлена редкая находка - медный наконечник дротика, который свидетельствует о роде занятий древнего населения.

Не менее интересна конструкция - навес с южной стороны площадки 2. На плитчатой вымостке вне дома выявлены развалы крупных сосудов "пифосов" (до 1 м высотой), вероятно для хранения воды. Находки зернотерок дают возможность предполагать, что здесь производился и ряд хозяйственных работ. Открытое хозяйственное помещение - навес было обнаружено на поселении ВТК Шкаровка.

Особое внимание С.Н. Бибиков уделял ремеслу и его становлению. Он сразу обратил внимание на необычность конструктивных деталей пл. 1 и 10. Мощность этих строительных сооружений, самого горна с прилегающими вспомогательными площадками, открытым очагом и возвышениями позволила ему интерпретировать их как обжигательный комплекс [Бібіков, Шмаглій, 1964, с. 132, 135]. О гончарном производстве у населения гребеневского поселения свидетельствуют и находки на других площадках. В жилище 4 в трех местах выявлены фрагменты керамического шлака. В большой печи этого дома были обнаружены необожженные сосуды с примесью ракушки в тесте, помещенные туда, вероятно, для просушки. На площадке также выявлены скопления ракушки. Рядом с ними находилась наковальня и растиральники. Можно предполагать, что они служили для размельчения ракушки, которая использовалась как примесь в глину для сосудов.

Гончарное производство характеризует и керамический комплекс поселения (рис. 5). В жилых домах найдено от 11 до 170 различных сосудов. Это зерновки с крышками, кратеры, пифосы украшенные углубленно-желобчатым орнаментом, столь характерным для комплексов ВТК (рис. 4, 5, 2, 10). Своеобразна и керамика с примесью ракушки в тесте. Сосуды горшковидной формы украшались расчесами, букраньями. Иногда они имели ножки (рис. 5, 8, 9). Встречен отпечаток шнура. Среди керамического комплекса большой процент сосудов со светлой или серой лощеной поверхностью. Чаще они не имели орнамента, некоторые украшались ямками, насечками. По форме это амфоры, кубки, миски (рис. 5, 4, 5, 6). Увеличение их количества связано с усилением влияния, а, возможно, и с проникновением в Поднепровье отдельных групп населения из культуры энеолита Польши и Волыни (Малица. Волыно-люблинская).

Сосудов с росписью мало (менее 1%-2%), чаще они встречаются в виде отдельных фрагментов. Импортировались они с поселений трипольской общности соседней каневской группы или с Побужья.

Следует также подчеркнуть, что характерной чертой некоторых групп керамического комплекса Гребеней является зооморфизм сосудов. Чаще это мисочки на ножках, передающие образ быка, барана (рис. 5, 3, 7). Сопоставление керамических комплексов из Гребеней с керамикой, например, из Коломийщины II, по мнению С.Н. Бибилова, поражает своей однотипностью. Она видна не только в формах сосудов, их выделке и составе глины, но и в деталях отделки и орнаментации. Порой создается вполне определенное впечатление, что, например, сосудики типа горшочков с защипами в виде бантика (может быть, стилизованные изображения головки быка), найденные в Коломийщине II и Гребенях, являются изделиями одного мастера. Или сноповидные изображения, сопровождающиеся точечными вдавлениями, идущими по контуру коротких врезных параллельных линий, составляющих "сноп", настолько однотипны, что могут считаться вышедшими из одной мастерской. Эти наблюдения позволили исследователю прийти к выводу о наличии в Поднепровье центра по производству керамики особого типа [Бібіков, Шмаглій, 1964, с. 135]. Этот вывод Сергея Николаевича в последующие годы подтвердили исследования керамического производства племен трипольской общности. Были выделены Шкаровский, Веселокутский, Владимировский, Кошиловецкий и другие центры. Керамические комплексы Поднепровья объединены в Коломийщенский центр [Цвек, 2004, с. 47-55].

Собранные в результате раскопок в Гребенях материалы дают возможность более обосновано подойти к решению проблемы хозяйства древних коллективов. Работы, проведенные на трипольских памятниках Поднепровья и Поднепровья, позволили Сергею Николаевичу впервые в российской и украинской науке поставить проблему палеоэкономики в археологии. Его исследования показали, какие огромные возможности для освещения экономики и социального устройства древнего общества содержат в себе археологические материалы. Исследователь неоднократно подчеркивал, что постановка экономических разработок должна учитывать конкретную среду, время, природную

обстановку, растительный мир и другие региональные особенности [Бибиков, 1965, с. 48-62]. В его работах по экономике племен трипольско-кукутенской мега общности дается как общая характеристика хозяйственной деятельности, так и выясняется уровень развития и соотношения основных направлений экономики - земледелия и скотоводства. Значительное внимание уделено ремеслу - основной части палеоэкономики. Концепция С.Н. Бибикова о становлении ремесла, особенно общинного, получила серьезное обоснование в его работах. Прослежен сложный процесс зарождения и развития ремесел [Бибиков, 1970, с. 3-6]. Наличие общинного ремесла в гончарном производстве Триполья в настоящее время подтверждено открытием гончарного центра в Жванце [Мовша, 1971, с. 228-234], производственного комплекса с мастерскими, сушильной камерой и двухъярусными обжигательными горнами в Веселом Куте [Цвек, 1994, с. 79-81; 2004, с. 33-34, 38-41]. Открытие кремнеобрабатывающего комплекса с шахтами и мастерскими в Коробчино [Цвек, 1990, с. 83-84; 2005б, с. 80-96], исследование мастерских по обработке кремня в Поливановом Яру [Попова, 1980, с. 145-163] и Бодаках [Скакун, 2005, с. 64-79] также подтвердили блестящее предположение С.Н. Бибикова о высоком уровне кремнеобрабатывающего производства [Бибиков, 1966, с. 3-6].

При исследовании сложнейших вопросов социальной организации древнего общества С.Н. Бибиков считает необходимым учитывать данные экономики и демографические подсчеты. Изучение палеоэкономики Триполья позволило ученому сделать вывод о том, что трипольский поселок принадлежал роду, объединившему большие семьи, которые, в свою очередь, состояли из парных семей. Он приходит к заключению о том, что уже в ранне-трипольском обществе существовали ярко выраженные патриархальные отношения, что сейчас общепризнанно. Раскопки позволяют сказать, что на поселении жили племена земледельцев, которые вели интенсивное хозяйство. Поселение у с. Гребени было, вероятно, тесно связано с населением Коломийщины II, памятника Юшки и ряда других трипольских поселений, расположенных в этом регионе. Можно предполагать, что они, относились к одному племенному объединению. Продолжает эти разработки Сергей Николаевич А.Г. Корвин-Пиотровский [Колесникгов, 1993], В.А. Круц [Круц, 2008, с. 85-89], Дяченко [Дяченко, 2008, с. 34-42].

Важные результаты получены и для характеристики идеологических представлений жителей гребеневского поселения. Найденные под полом площадок 1 и 2 захоронения собак Сергей Николаевич считал ритуальными, подобными встреченному в Луке-Врублевской. Он связывает их с апотропеическим культом, являющимся одним из проявлений культа плодородия, благополучия и достатка. Возможно, что к тому же ритуалу, как считает исследователь, относятся кости от нескольких особей поросят, обнаруженных в сосуде на площадке 2. Таким же образом можно объяснить и закладку целых сосудов, встреченных под обжигательным сооружением на площадке 1 [Бибиков, Шмаглій, 1964, с. 136]. Последнее получило подтверждение в археологических исследованиях других авторов на Украине [Цвек, 1990, с. 55-56; 2004, с. 38-44] и в Молдове [Бикбаев, 1990, с. 146-152], что и позволило связать этот ритуал с производственным керамическим культом (Цвек, 2005а, с. 160-167). Под полом многих жилищ из Гребеней встречены миниатюрные сосуды (биконические горшочки, мисочки), статуэтки (Пл. 6). Повторяемость этого явления позволяет допускать, что сосуды попали туда не случайно. На поселениях ВТК этот обряд получил широкое распространение (Шкаровка, Веселый Кут и др.). Возможно, эти действия были связаны со строительством и культом домашнего очага [Цвек, 1993, с. 74-93; 2005, с. 160-167].

В западной части площадки 2 встречены 16 обломков моделей жилищ разной конструкции: открытых с двухскатной кровлей, окрашенных и без краски. Некоторые из них имели округлое окно. Они аналогичны модельке из Коломийщины II [Бибиков, Шмаглій, 1964, с. 133]. Древние мастера уделяли большое внимание оформлению моделей. Многим из них придавали зооморфную форму, снабжали сакральными деталями и орнаментом – оберегом [Пассек, 1939, с. 186-192; Гусев, 1996, с. 15-29]. Функциональное назначение моделей пока дискуссионно. Но большинство авторов считает, что они передают конструктивные (базовые) детали реально существовавших жилищ [Шатило, 2008, с. 209-211].

С целью познания мифотворчества жителей гребеневского поселения интересен зерновик, орнаментальная схема которого передает танцующих под облачным небом среди снопов женщин. Антропоморфные изображения гармонично вписаны в спиральный углубленный орнамент сосуда (рис. 2; 6, 2). Можно предполагать. Что на сосуде из Гребеней запечатлен момент ритуального танца, связанного с культом плодородия [Цвек, 1964, с. 76-81]. Не случайно изображение женщин исполнены на сосуде для зерна. Очень часто возле зерновиков и зернотерок находят антропоморфные статуэтки. Один из таких моментов запечатлен в амбаре на поселении ВТК в Мирополье. Здесь возле алтаря посыпанного охрой найдена своеобразная рогатая статуэтка и зерновик [Цвек, 2005, с. 160-167]. Смысловую нагрузку несет и декор других сосудов из Гребеней. В орнаменте "пифоса" (пл. 2) под лентой – небом изображены символы домов, фронтоны которых увенчаны стилизованными рогами

(Рис. 6, 1). Культ быка, являясь одним из ведущих элементов в мировоззрении населения трипольской общности, наложил отпечаток на оформление их зданий [Цвек, 2007, с. 78]. Мастера-профессионалы в орнаменте – обереге передавали свое видение мира.

Проведенные работы позволяют сделать предварительные выводы о датировке поселения у с. Гребени. Оно относится к рубежу среднего и позднего этапов Триполья (В II – СІ, т.е. 3800-3850 гг. до н.э). Большинство сосудов аналогично с керамикой поселения Коломийщина II, Юшки и др. В целом можно говорить о принадлежности всех построек поселения к одному возрасту. Однако, оставлены они, видимо, не одновременно. Площадки 1 и 3 покинуты, возможно, раньше, чем остальные. Они содержат очень мало инвентаря, к тому же не пригодного для употребления. Наоборот площадки 2 и 4 дают несравненно больше инвентаря, причем вполне пригодного к дальнейшему использованию. Это особенно касается площадки 4. Создается впечатление, что поселение было оставлено постепенно. Не в результате какого-то стихийного бедствия, что отмечалось для некоторых поселений в Поднепровье [Бібков, Шмаглій, 1964, с. 135]. Не одновременность существования жилищ была зафиксирована нами на поселении ВТК Харьковка.

Сергей Николаевич Бибилов неоднократно подчеркивал специфику Триполья Поднепровья. Понять причину своеобразия и раскрыть генезис и становление этого района Кукутено-Трипольской мега общности удалось после проведения новых археологических исследований в Буго-Днепровском междуречье и Побужье его ученикам. Раскопки в Гребенях определили направленность исследований одного из авторов этой статьи. Было не ясно, почему такое разительное отличие керамических комплексов памятников восточной зоны от западной, каково их происхождение, и какие исторические судьбы их населения, почему С.Н. Бибилов трипольские памятники Поднепровья называет "классическими". И началось планомерное исследование этой территории и Восточного Триполья, которое продолжается и по сей день [Цвек, 1980, 1985, 2004, 2008]. Изучение происхождения и своеобразия трипольских памятников Поднепровья было затруднено неравномерностью исследования территории между Южным Бугом и Днепром. И только многолетние (1963-2000) археологические исследования проведенные в Восточном регионе Триполья позволили по новому подойти к этой проблеме и объединить ряд его памятников в восточно-трипольскую культуру, показать ее структуру, формирование и особенность. Восточно-трипольская культура занимала территорию между средним течением Южного Буга и Днепра. Ее население объединяет общность происхождения и идеологических представлений, традиции в хозяйстве и производстве – особенно керамическом. На протяжении многовекового существования (около 1000 лет) население ВТК стойко сохраняло оформление керамики углубленно-желобчатым орнаментом, что и являлось ее ярким этнографическим своеобразием. В ходе своего развития культура не была единой и монолитной. В период развитого Триполья в рамках ВТК выделяется четыре локальных варианта. Каждый из них обладал своей территорией, характерными чертами материальной и духовной культуры, по-разному развивалась их история, различными были судьбы [Цвек, 1999, с. 28-37; 2006; 2008, с. 188-208]. На среднем этапе развития племени ВТК освоили всю территорию Буго-Днепровского междуречья. В этот период получают распространение крупные по размерам поселения с большим количеством жителей (В. Кут, Гарбузин, Мирополье), возрастает население ВТК.

В связи с исследованием трипольской культуры Сергеем Николаевичем была предпринята теоретическая разработка проблемы миграций в древности. Давление избытка населения на производственные силы является сутью механизма, приводившего в движение массы древнего населения и вызывавшего необходимость миграций для освоения новых территорий, что мы и наблюдаем при изучении памятников ВТК. Усугублялся этот процесс продвижением с запада племен с расписной керамикой [Рыжов, 2007, с. 437-477]. Под давлением сложившихся обстоятельств общины ВТК переселяются на средний Днепр в район Обухова.

Освоение территории Поднепровья было постепенным. Первыми сюда проникли переселенцы с поселений шкаровского типа, создав здесь поселения типа Щербаневки, затем появились выходцы с памятников типа Веселого Кута, ими было основано поселение у с. Веремья. Под давлением носителей западно-трипольской культуры общины ВТК чуть позднее уходят на Днепр. Оставшееся коренное трипольское население Буго-Днепровского междуречья было ассимилировано пришельцами с запада. Здесь на Днепре племена ВТК продолжают свое развитие и создают памятники коломишинской группы [Мовша, 1985, с. 220-223] ее Днепровского локального варианта [Цвек, 1999, с. 28-37]. Сосуды с поселений этой группы памятников, оформленные неповторимым по своей красоте и информативности желобчато-углубленным орнаментом, не известны не в одной из культур мега общности [Цвек, 1964, с. 81-87; 2007, с. 57-60]. Такова краткая история этих ярких памятников, к которым относится и Гребени.

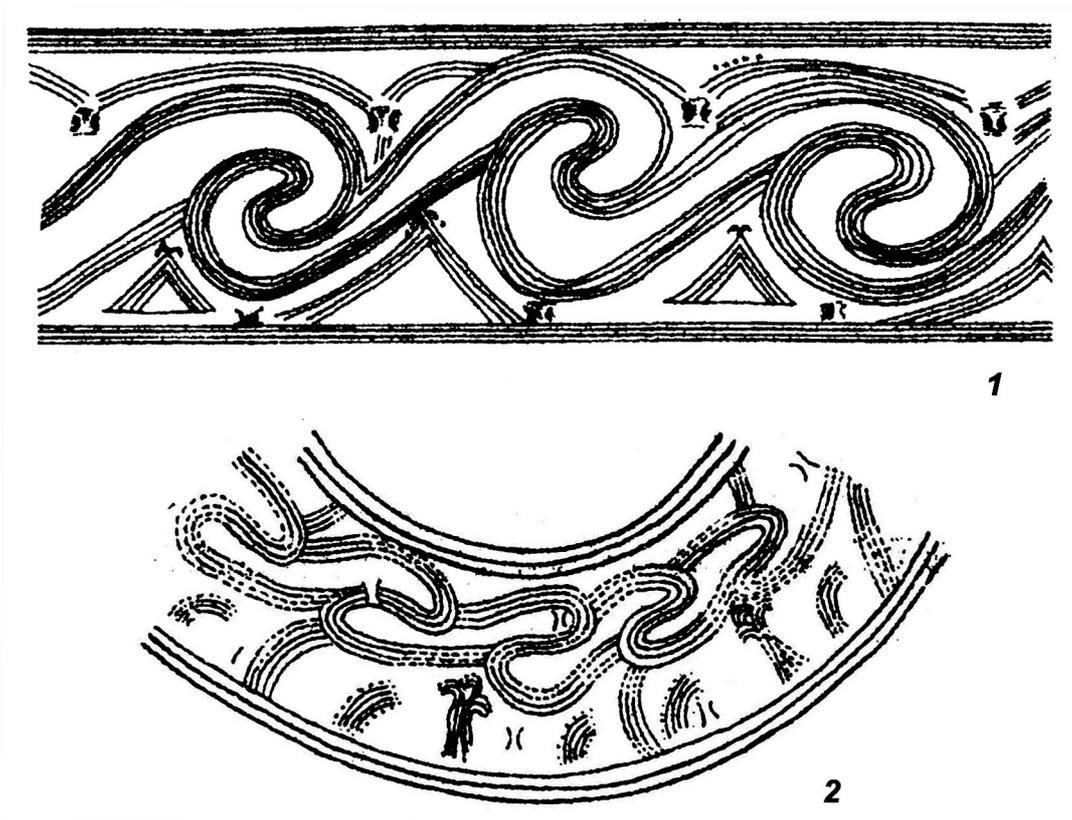

Рис. 6. Орнаментальные композиции сосудов 1. Пифос пл. 2; 2. Зерновик пл. 4

Собранные в результате раскопок в Гребенях материалы значительно расширяют наши представления о культуре трипольцев на среднем этапе их истории, позволяют глубже и основательнее подойти к решению вопросов хозяйственного и социального устройства общества. Значительные данные получены по домостроительству: уточнена техника сооружения и планировка жилищ, решен вопрос о входе в жилище, зафиксированы у домов открытые хозяйственные навесы. Важным явилось новое понимание структуры внешних стен. Яркой, уникальной особенностью Гребеней является то, что на поселении жил и творил незаурядный мастер, который создал сосуды – шедевры со смысловым содержанием композиций (Рис. 4, б). Он пытался освоить и новую технологию расписного орнамента. На одном из сосудов сочетается необычная для группы расписной керамики форма горшка из массы традиционной для сосудов колумийщанской группы, но декорированная еще не совершенной росписью. Композиция декора близка расписной керамике памятников Среднего Побужья (рис. 5, 1).

Своеобразны артефакты отражающие мировоззрение жителей Гребеней. Они передают сакральные традиции свойственные более ранним памятникам ВТК, но в то же время здесь уже свое видение мира ощущается и влияние ближайших соседей, особенно общин появившихся ниже по Днепру каневской группы Триполья [Овчинников, 2007]. Благодаря раскопкам в Гребенях и последующим работам в Буго-Днепровском междуречье удалось выяснить происхождение памятников Среднего Поднепровья, выделить восточно-трипольскую культуру и показать ее эволюцию. Раскопки в Гребенях не только решили ряд проблем но и поставили ряд новых вопросов, требующих своего решения. Среднее Поднепровье и по сей день привлекает интерес исследователей. В настоящее время открыты новые памятники. В районе Ржищева проводят раскопки Ю.М. Видейко, С.Н. Рыжов, получившие значительную информацию [Рижов, 2008, с. 140-157].

С.Н. Бибииков внес значительный вклад в развитие украинской и российской археологической науки. В его исследованиях наблюдается широта и разнообразие научных интересов. Работы Сергея Николаевича проникнуты историзмом, стремлением раскрыть логику и динамику изучаемых явлений. Он пытался извлечь из археологических материалов максимум научной информации для понимания исторических процессов, происходивших в древности. Путь ученого отмечен непрерывными поисками нового и многочисленными блестящими находками. Высоким профессионализм, широта

подхода к проблемам, новизна выводов и совершенство методики выдвинули С.Н. Бибииков в число выдающихся исследователей первобытной истории и археологии Европы.

Мы – ученики Сергея Николаевича всегда его помним и благодарны ему за все.

Список литературы

- Бибииков С.Н.** Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. – М.-Л., 1953. – 410 с.
- Бибииков С.Н.** Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 г. // КСИИМК. – 1954. – Вып. 56. – С. 104-110.
- Бибииков С.Н.** Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА. – 1965. – № 1. – С. 48-62.
- Бибииков С.Н.** Древние кремневые выработки в Среднем Поднепровье // Sb. Nar. Muz Praze. – 1966. – № 20. – С. 3-6.
- Бибииков С.Н.** О ранних формах ремесленного производства // Домашние промыслы и ремесло. – Л., 1970. – С. 3-6.
- Бібіков С.М., Шмаглій М.М.** Трипільське поселення біля с. Гребені // Археологія. – 1964. – № 16. – С. 131-136.
- Биббаев С.Н.** Данные к ритуалу, связанному с оставлением кукутено-трипольских гончарных печей // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры: Тез. докл. – Тальянки-Веселый Кут-Майданецкое, 1990. – С. 146-152.
- Гусев С.О.** Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV-III тис. до н.е. – Вінниця, 1995. – 208 с.
- Дудкін В.П.** Археоманітометричні дослідження поселення Гребені // Енциклопедія Трипільської цивілізації. – Киев, 2004. – С. 240.
- Дяченко А.К.** К вопросу об относительной плотности населения на поселениях трипольской культуры // Древние земледельцы Европы. – Киев: Корвин-Пресс, 2008. – С. 43-46.
- Колесников А.Г.** Трипольское общество Среднего Поднепровья (Опыт социальной реконструкции в археологии). – Киев: Наукова думка, 1993. – 152 с.
- Круц В.А.** Новые данные о планировке поселения-гиганта Тальянки // Древние земледельцы Европы. – Киев: Корвин-Пресс, 2008. – С. 85-89.
- Мовша Т.Г.** Гончарный центр трипольской культуры на Днестре // СА. – 1971. – № 3. – С. 228-334.
- Мовша Т.Г.** Средний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. – Киев: Наукова Думка, 1985. – С. 205-223.
- Овчинников Е.В.** Трипільське населення нижнього Поросся (етапи ВІІ - СІ). – Автореф. дис. ...канд. іст. наук. - Київ, 2007. - 20 с.
- Палагута И.В.** К проблеме связи Триполья-кукутени с культурами энеолита Северного Причерноморья // РА. – 1998. – № 1. – С. 4-15.
- Пассек Т.С.** Периодизация трипольских поселений. – МИА. – 1949. – № 10. – 245 с.
- Пассек Т.С., Безвенглинский Б.П.** Новые открытия трипольской археологической экспедиции в 1939 г. // Вестник древней истории. – 1939. – № 4. – С. 186-192.
- Попова Т.А.** Кремнеобрабатывающее производство трипольских племен по материалам поселения Поливанов Яр // Первобытная археология. Поиски и находки. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 145-163.
- Рижов С.М.** Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільності Кукутень-трипілья на території України // Ольжич. Археологія. – 2007. – С. 437-477.
- Рижов С.Н.** Домостроительство трипольского поселения Рипница I на Среднем Поднепровье // Древние земледельцы Европы, 2008. – С. 140-156.
- Рижов С.М., Шумова В.О.** Поселення Жури і його місце серед пам'яток розвинутого етапу трипільської культури Середнього Подністрів'я // Археологія. – 1999. – № 3. – С. 41-55.
- Скакун Н.Н.** Бодаки – один из центров кремнеобрабатывающего производства на Волыни // Бодаки. Киев-СПб.: Корвин-Пресс, 2005. – С. 64-80.
- Труды археологического съезда.** – М., 1901. – Т. I. – С. 793.
- Труды археологического съезда.** – М., 1902. – Т. II. – С.121-122.
- Цвек О.В.** Трипільська посудина з антропоморфними зображеннями // Археологія. – Вып. XVI. – С. 76-81.

Цвек Е.В. Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья / К вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье // Первобытная археология: поиски и находки. – Киев, 1980. – С. 163-185.

Цвек Е.В. Один из аспектов верований трипольских племен // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – Л., 1990. – С. 97-106.

Цвек О.В. Релігійні уявлення населення Трипільлі // Археологія. - 1993. - № 3. - С. 74-90.

Цвек Е.В. Некоторые аспекты домостроительства у племен восточнотрипольской культуры // Петербургская археологическая школа в изучении древних культур Евразии. – СПб., 2003 – С. 159-176.

Цвек Е.В. Гончарное производство племен трипольской общности. – Киев: Видавництво ВАТ "КПОТІ", 2004. – 70 с.

Цвек О.В. До питання виділення виробничих культур у населення трипільської спільності // Кам'яна доба на Україні. – Киев, 2005а. – С.160-167.

Цвек Е.В. Центры кремневой индустрии племен трипольской общности в Побужье и Поднепровье // Бодаки. Киев-СПб., 2005б. – С. 80-96.

Цвек О.В. Поселення східнотрипільської культури (Короткий нарис). - Киев: Видавництво ВАТ "КПОТІ", 2006. - 86 с.

Цвек Е.В. К проблеме изучения трипольского орнамента. – Луганск, 2007. – С. 54-61.

Цвек Е.В. Восточнотрипольская культура и некоторые аспекты структуры Кукутено-Трипольской мегаобщности // Древние земледельцы Европы. – Киев: Корвин-Пресс, 2008. – С. 188-208.

Шатило М. Модели построек как один из источников информации для реконструкции трипольского дома // Древние земледельцы Европы. – Киев: Корвин-Пресс, 2008. – С. 209-213.

РЕСТАВРАЦИЯ ЗЕРНОВНИКА С АНТРОПОМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ С. ГРЕБЕНИ

В 1961 г. во время раскопок трипольского поселения возле с. Гребени Кагарлыкского р-на Киевской обл. (рубеж В-II-С-I) под общим руководством С.Н. Бибикова в жилище № 4 – прямоугольной трехкамерной постройки общей площадью 97,5 м² (19,5х5 м), которая залегала в слое пахатного чернозема на глубине 45-50 см от современной поверхности, в вочточной камере жилища был найден зерновник с двумя антропоморфными изображениями. Фрагменты зерновника были найдены в месте скопления развалов 18-ти сосудов на границе квадратов В и Г-4 у продольной стены рядом с зернотеркой, двумя большими мисками и другими сосудами, один из которых, вероятно, был крышкой от зерновника [Бібіков, 1964, с. 131-136].

Зерновник представляет собой большой сосуд высотой 63 см, грушевидной формы, с двумя рядами симметрично расположенных ручек. Внешняя поверхность сосуда покрыта ангобом светлорусого цвета и залощена. Внутренняя поверхность обработана грубо, четко видны следы обработки инструментом в виде мелких углубленных полос шириной 0,2 см (прослеженная наибольшая ширина инструмента составляет 4 см). Тесто грубое, с примесью крупнозернистого песка, кровавика, небольшого количества толченой ракушки. Толщина дна 2,5 см, стенки неравномерной толщины – от дна 2 см с переходом в верхней части сосуда до 1 см. Центральная часть зерновника украшена орнаментальной композицией, выполненной углубленным орнаментом, верхняя часть которой заполнена спиралями, переходящими одна в другую, нижняя часть разделена тремя дугоподобными отрезками на три зоны, в двух из которых расположены антропоморфные изображения в движении, по обеим сторонам которых расположены стилизованные изображения снопов, в третьей зоне – одиночное изображение снопа.

Е.В. Цвек, под руководством которой проводились раскопки данного жилища, написала статью об этом зерновнике, опубликованную в 1964 г. в журнале "Археологія", где в своем резюме пишет, что "исходя из общей орнаментальной композиции, динамичной позы антропоморфных изображений, а также из аналогий, можно предположить, что на сосуде из Гребеней запечатлен момент ритуального танца, связанного с культом плодородия" [Цвек, 1964, с. 81]. Это подтверждается тем, что изображение сделано на сосуде, предназначенного для хранения обмолоченного зерна, на что указывает наличие в комплексе скопления, где был найден зерновник, зернотерки, а также двух больших мысок, в которых, по предложению С.Н. Бибикова, могли замешивать тесто (со слов Е.В. Цвек).

Зерновник поступил на реставрацию в Археологический музей в 2008 г. Ранее сосуд реставрировался дважды. Первая реставрация была выполнена реставратором Института археологии Е.К. Гончаровой, и в отчете о раскопках уже есть фотография отреставрированного сосуда [Бібіков, 1960 - 62/14, табл. IV, фото 2,1]. В 1964 г. зерновник был передан в Музей под открытым небом в г. Переяслав-Хмельницкий, уже повторно отреставрированный. Зерновник, очевидно, был разбит (когда и кем – неизвестно), что и потребовало повторной реставрации. Сосуд экспонировался в музее хлеба в открытой экспозиции в не отапливаемом помещении. Учитывая повторную непрофессиональную реставрацию, было решено отреставрировать сосуд к юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Бибикова. Перед проведением реставрационных работ сосуд был сфотографирован и описан. При тщательном осмотре и описании зерновника в заполнениях углубленного орнамента в некоторых местах было обнаружено наличие белой пасты. Судя по расположению следов белой пасты, можно предположить, что она заполняла весь углубленный орнамент. Размеры сосуда после повторной реставрации от описанных в статье Е.В. Цвек – высота составляла 62-65 см, вместо 63 см, ширина тулова 54-57 см, вместо 50 см, форма деформирована. Зерновник склеен из большого количества фрагментов блестящим, прозрачным в тонком слое, молочным в более толстом, вероятно, клеем ПВА. Склейка неудовлетворительная, между фрагментами просветы, клей выступает по стыкам фрагментов, размазан по полю черепка. Под слоем клея ПВА был обнаружен другой клей красно-коричневого цвета, вероятно БФ, следы которого также прослеживаются на поле фрагментов. Фрагменты сосуда находятся в разной степени сохранности, условно разделенной на три группы: фрагменты, сохранившие первоначальный обжиг – светло-охристые по цвету; пережженные – красного цвета и оплавленные, форма которых деформировалась – они стали более прямыми, а цвет более темным – до черного с желтым "закипевшим" налетом сверху. По краям фрагментов имеются многочисленные сколы, поле пережженных фрагментов

имеет множество трещин. Многочисленные утраты формы (приблизительно 35 – до 40 %) восполнены алебастровым раствором. Выполнения сделаны неаккуратно, гипсовый раствор заходит на поле черепка, обработан грубо. Тонирование проведено неравномерно, не в тон. Сосуд покрыт пыле грязевыми наслоениями, клеевыми, гипсовыми (в некоторых местах фрагменты покрыты слоем гипсового раствора); по полю черепка есть следы черной краски, внутри сосуда имеются остатки пластилина. Зерновник внутри имел крепеж в виде двух скрещивающихся деревянных палок, которые были прикреплены к стенкам сосуда алебастровым раствором. Вверху на венчике черной тушью написан полевой шифр: Гр-61; пл.4; кв. В-4; с.13, № 1.

После обследования предмета была составлена программа проведения реставрационных работ:

1. Удаление нестойких пылевых наслоений в местах наличия белой пасты и укрепления ее поверхности.
2. Демонтаж и удаление загрязнения: а) пыле грязевых; б) клеевых; в) гипсовых; г) известковых;
3. Укрепление поверхности и стыков фрагментов.
4. Подбор и склейка фрагментов.
5. Мастиковка швов и сколов.
6. Восполнение утрат.
7. Тонирование восполнения.

Согласно программе проведения реставрационных работ, сначала мягкой кистью обеспыливалась поверхность в местах наличия белой пасты, и проводилось закрепление пасты в углубленном орнаменте 2%-ным раствором ПВБка (поливинилбутиралем клеевым) в этиловом спирте. Демонтаж проводился вначале с помощью бытового парогенератора. Сосуд был расшит на крупные сегменты, состоящие из склеенных между собой более мелких фрагментов. Затем проводился демонтаж крупных сегментов погружением их в емкость с кипяченой водой. Гипс размягчался и аккуратно механически удалялся. Также в емкости с теплой кипяченой водой удалялись мягкой щеткой пыле-грязевые наслоения и отслоившейся клей ПВА. Оставшийся в порах фрагментов клей ПВА удалялся механически стоматологической иглой и глазным скальпелем. Для удаления клея БФ применялись компрессы из ваты, пропитанные этиловым спиртом и накрытые полиэтиленовой пленкой. Оставшийся в углублениях клей также удалялся механически. Незначительные известковые наслоения удалялись в водном 3%-ном растворе лимонной кислоты. Затем фрагменты промывались в дистиллированной воде. Очищенные фрагменты погружались на сутки в дистиллированную воду, затем водная вытяжка проверялась на наличие ионов хлора 0,1-н раствором азотнокислого серебра. Хлориды не обнаружены. Поверхность и стыки просушенных и прогретых (до t° 30-35°C) фрагментов укреплялись 2%-ным раствором ПВБ в этиловом спирте дважды. Затем проводилась подборка фрагментов и их поэтапная склейка. Для склейки был выбран клей ПБМАвв (полибутилметакрилат высоковязкий) 25%-ный раствор в ацетоне - единственный клей, который при нагреве размягчается и позволяет корректировать склейку [Шиянова, 2004, с. 44]. Особенно это необходимо при склейке деформированных сосудов, наличии большого количества фрагментов и округлых форм, что присутствует у данного предмета. Мастиковка швов проводилась 15%-ным раствором ПБМАвв в ацетоне с наполнителем из сухих земляных пигментов. Утраты восполнялись водным раствором гипса (марка Г-10). Тонирование проводилось светостойкой акварелью, смешанной с ПВА белилами титановыми на пол тона ниже основного цвета фрагментов сосуда.

В результате проведенных реставрационных работ зерновик был демонтирован, отчищен от загрязнений, укреплен поверхность фрагментов, проведена склейка, восполнены и затонированы утраты, в результате чего он приобрел форму более близкую к оригинальной, учитывая значительное количество деформированных фрагментов. В процессе предреставрационного исследования в заполнении углубленного орнамента были обнаружены остатки белой пасты, что значительно обогатило декор зерновика. Отреставрированный зерновик экспонируется в Археологическом музее, пополнив уникальную коллекцию предметов, относящихся к трипольской культуре.

Список литературы

Бибиков С.Н. Отчет о работе Каневской первобытной экспедиции в зоне строительства Каневской ГЭС 1960-62 гг. // НА ІА НАНУ – Бибиков С.Н. ...1960-62/14; ф.е. 6115-6116.

Бібіков С.М., Шмаглій М.М. Трипільське поселення біля с. Гребені // Археологія. – т. XVI. – 1964. – С. 131-136.

Цвек О.В. Трипільська посудина з антропоморфними зображеннями // Археологія. – т. XVI. – 1964. – С. 76-81.

Шиянова Г. Клеї для реставрації археологічної кераміки // Український керамологічний журнал. – № 2-3 (12-13). – Опішне: Українське народознавство, 2004. – С. 43-46.

**К ПРОБЛЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ТОМАШОВСКОЙ И
КОСЕНОВСКОЙ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ЗТК
(палеодемографический аспект)**

Памятники западнотрипольской культуры (ЗТК) в Буго-Днепровском междуречье представлены поселениями владимировской, небелевской, томашовской и косеновской локальных групп, а также памятниками типа Кочержинцы-Шульговка. В образовании владимировской группы участвовало население, оставившее памятники типа Раковец, Мерешовка-Четэцуе III, постклишевские общины и носители восточнотрипольской культуры (ВТК). При активном участии западнотрипольских племен Поднепровья на основе владимировских памятников формируются небелевские, а на их базе – томашовские [Рижов, 2007, с. 453-457, 463-466]. В основе формирования косеновских памятников лежат памятники бронзовой группы Среднего Поднепровья [Мовша, 1985, с. 232-235; 1993, с. 32-56].

Существует две точки зрения относительно относительной хронологии памятников указанных генетических линий. По мнению Т.Г. Мовши, поселения косеновской группы определенное время сосуществовали с томашовскими, а затем томашовское население частично ассимилируется "косеновцами" и частично переселяется в Степь под их давлением. Основой этого утверждения послужили единичные находки томашовской посуды на поселении Косеновка и "подражания пластике в Аполянке" [Мовша, 1984, с. 60-83; 1990, с. 59]. Исходя из аналогий в керамическом комплексе позднепетренского памятника Стена IV, известных по данным раскопок Мошурова I, Майданецкого, Тальянок (третья фаза томашовской группы), В.А. Круц и С.Н. Рыжов полагают, что томашовское население отходит в западном направлении еще до появления косеновских поселений [Круц, Рижов, 1985, с. 54]. В.А. Круц подчеркивает, что резкое изменение культурного облика, в частности идеологических воззрений, невозможно даже со сменой среды обитания, в то время как томашовские памятники в степной зоне не представлены [Круц, 1989, с. 130-131]. С.Н. Рыжов исходит из предложенной В.А. Дергачевым методики анализа мегакомплексов памятников как совокупности простых компонентов в их генетических, хронологических и пространственных связях. Территориальное совпадение двух разнотипных групп предполагает их одновременность [Дергачев, 1980, с. 21-23, 86-87]. Присутствие в керамическом комплексе ранних косеновских поселений сосудов, морфология и стилистика орнаментации которых не характерна для керамики днепровских памятников, исследователь объясняет возможным перемещением будущих косеновских общин в регион через территорию чичельницкой группы (Побужье). Именно это население восприняло некоторые томашовские орнаментальные композиции, получившие дальнейшее распространение в керамике памятников типа Варваровки XV [Рыжов, 2000, с. 471; 2007, с. 469], с которыми (через памятники типа Старых Бадражей) связано происхождение бронзовой группы [Дергачев, 1980, с. 119].

Новый виток дискуссии вызван недавно полученными радиоуглеродными датами [Бурдо, Видейко, 1998, с. 23; Videiko, 1999, р. 40; Ткачук, 2003, с. 170]. Привлеченные вместе с результатами анализа некоторых "знаков" в орнаментации столовой посуды, эти даты позволили Т.Н. Ткачуку синхронизировать поселения третьей фазы томашовской и первой фазы косеновской групп [Ткачук, 2003, с. 170-173; 2007, с. 151-154]. Вслед за В.Г. Збеновичем, Н.М. Шмаглием и М.Ю. Видейко, исследователь допускает, что одним из факторов, стимулировавших возникновение крупных поселений, являлось противостояние населения различных локальных образований Кукутень-Трипольской общности [Збенович, 1990, с. 12; Ткачук, 2003, с. 173; 2007, с. 153].

Предполагаемое "чересполосное" расселение томашовских и косеновских общин предполагает последовательное поддержание состояния войны или близкого к войне состояния. Всеобъемлющие кампании, завоевание при племенной организации общества не могли быть обеспечены экономически. Предельными целями "первобытных войн" являются грабежи или сгон врагов с привилегированной территории [Service, 1962, р. 115]. Идентичным образом развиваются конфликты и в вождествах (chiefdoms) [Sherratt, 1972, р. 509-510]. Огромное значение здесь имеет демографический потенциал противостоящих социальных организмов. Таким образом, одним из подходов к проблеме частично синхронного или диахронного существования поселений косеновской и томашовской групп ЗТК является сопоставление показателей численности населения. Выборку составляют памятники с установленными относительной хронологией и размерами.

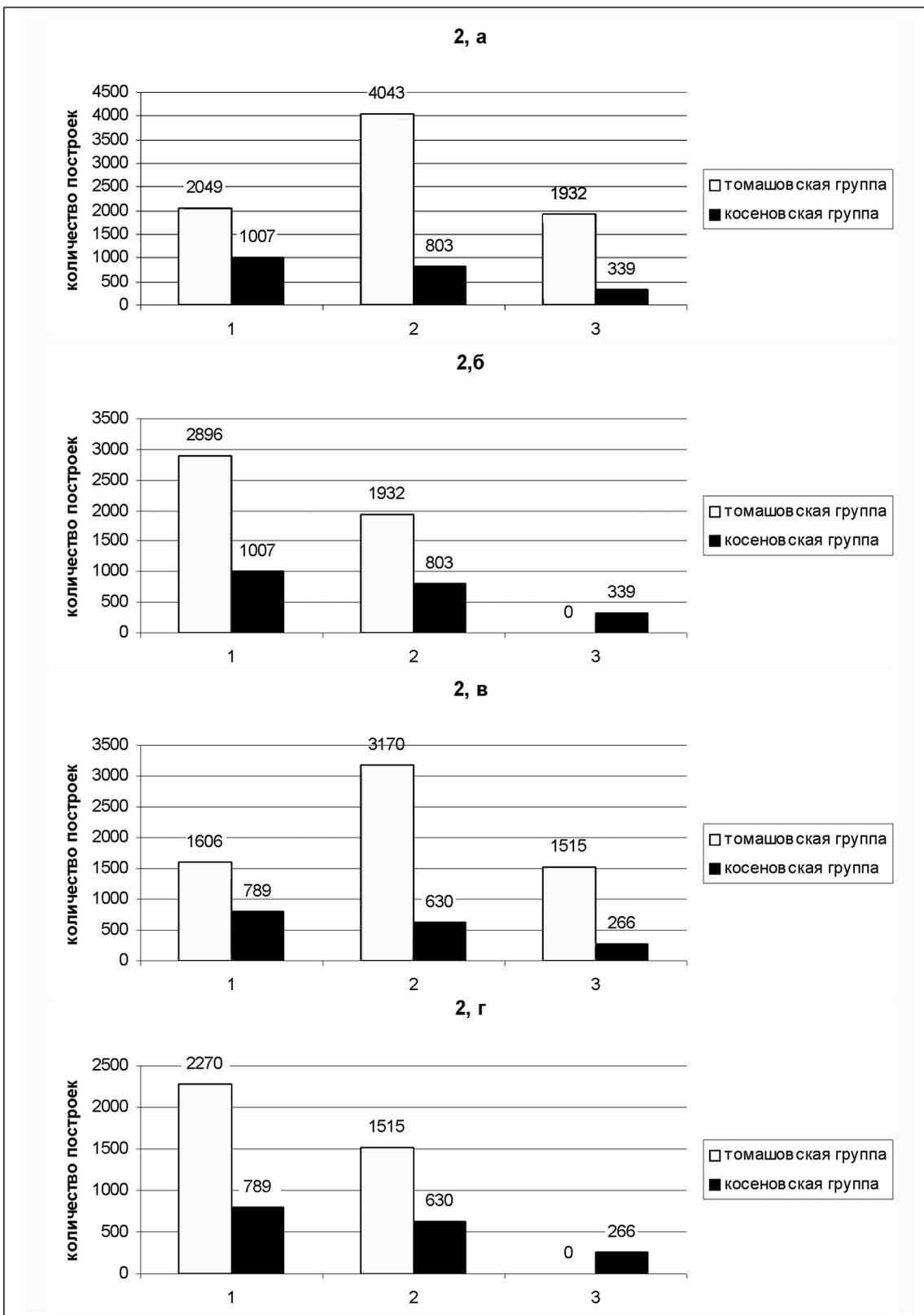
Таблица 1. Число построек при условии их синхронного или диахронного функционирования в пределах поселений

Памятник	Локальная группа, фаза развития	Количество сооружений (при условии синхронного функционирования)	Количество сооружений (при условии диахронного функционирования)
Тальянки	Томашовская, 3	2049	1606
Майданецкое	Томашовская, 3	1873	1468
Романовка	Томашовская, 3	615	482
Васильков	Томашовская, 3	1147	899
Мошуров 1	Томашовская, 3	50	39
Тальное 2	Томашовская, 3	49	38
Тальное 3	Томашовская, 3	31	24
Кочержинцы, Паньковка	Томашовская, 3	278	218
Томашовка	Томашовская, 4	1192	935
Черноводы 2	Томашовская, 4	8	6
Лебедин	Томашовская, 4	31	24
Бондарка 2	Томашовская, 4	127	100
Городница	Томашовская, 4	198	155
Рахны Собоные	Томашовская, 4	376	295
Косеновка	Косеновская, 1	382	299
Аполянка	Косеновская, 1	466	365
Коржова	Косеновская, 1	159 (61)	125 (48)
Ольховец 1	Косеновская, 2	518	406
Ольшана Слободка	Косеновская, 2	238 (92)	187 (72)
Завадовка	Косеновская, 2	47 (18)	37 (14)
Черноводы 1	Тип Кочержинцы-Шульговка	119 (46)	93 (36)
Кочержинцы, Шульговка	Тип Кочержинцы-Шульговка	20 (8)	16 (6)
Шарин	Тип Кочержинцы-Шульговка	119 (46)	93 (36)
Дубова	Тип Кочержинцы-Шульговка	49 (19)	38 (15)
Бондарка 1	Тип Кочержинцы-Шульговка	12 (5)	9 (4)
Юрковка	Тип Кочержинцы-Шульговка	20 (8)	16 (6)

Проблемы палеодемографии трипольского общества уже неоднократно поднимались в литературе [Пассек, 1949, с. 150; Бибигов, 1965, с. 51-52; Массон, Маркевич, 1975, с. 31-32; Массон, 1980, с. 204-210; Шмаглий, 1980, с. 202; Шмаглий, Відейко, 1987, с. 69; 2001-2002, с. 202; Круц, 1987, с. 133-135; 1989, с. 117-126; 1993, с. 30-35; Колесников, 1987, с. 69-70; 1993а, с. 17-19; 1993б, с. 36-41; Колесников, Ткачук, 1993, с. 48-49; Відейко, 1992, с. 9-11; 2003, с. 98-102; Сапрон, 1993, с. 45-46].

Численность населения в регионе обычно определяют как произведение коэффициента средней густоты застройки на суммарную площадь поселений и среднее количество жителей одного дома.

Таблица 2. Соотношение числа построек (плотность застройки малых поселков косеновской группы, вариант 1): а-б. синхронное функционирование построек; в-г. диахронное функционирование построек

Поскольку в разные периоды соотношение поселений различных размеров варьирует, целесообразно использовать коэффициент средней густоты застройки для памятников каждой из групп, выделенных по признаку площади [Дяченко, 2008а, с. 5]. Плотность застройки поселений владимировско-томашовской линии рассчитана по геомагнитным планам поселений Федоровка, Глубочек, Ямполь [Дудкин, 2007, с. 62, 63, 70], Песчаная. Косеновских – по планам Косеновки и Ольховца 1¹. Данные по Мошурову 1, Ольховцу 1, Тальянкам и Майданецкому опубликованы [ЕТЦ, с. 99-100, 357; Круц, 1989, с. 124; Шмаглий, Видейко, 2001-2002, с. 113]. Визуальные планы (Попудня, Сушковка, Владимировка и др.) не использовались, поскольку они, как правило, не в полной мере отражают застройку поселений [Дудкин, 2007, с. 57]. Таким образом, получены следующие показатели по памятникам владимировско-томашовской линии: для поселений размерами 210-350 га – 7,38 площадки на 1 га, 100-125 га – 10,15, 35-80 га – 10,65, до 30 га – 10,1. Плотность застройки косеновских поселений площадью свыше 100 га составляет 4,4, 40-80 га – 3,6 постройки на 1 га. Геомагнитная съемка малых памятников косеновской группы не проводилась. Заметим, что густота застройки поселений средних размеров владимировско-томашовской линии в 2,96 раза, а крупных поселений – в 2,31 раза превышает соответствующие показатели по косеновским памятникам (в среднем: $(2,96+2,31) / 2 = 2,6$). Если малые поселки косеновской группы были застроены плотнее, искомый показатель приравнивался к соответствующей цифре для владимировских, небелевских и томашовских поселений. Если же, как и для этих групп, показатели относительной плотности застройки поселений разной площади не имеют существенных отличий, коэффициент (указан в скобках) делился на 2,6. Исходя из этих данных рассчитано число сооружений на поселениях (табл. 1).

Ощутимая разница в демографических оценках разных исследователей обусловлена различными подходами к определению среднего числа жителей одного дома (количественного состава семьи). В то же время, этот показатель является условно постоянным для всех фаз развития памятников генетической линии, а потому на этапе выяснения общих тенденций в демографических процессах его можно опустить. Следует отметить, что высказывалось мнение о том, что в постройках небелевской группы жилыми могли быть оба этажа (в отличие от томашовских, где жилым был только второй этаж) [Черновил, 2006, с. 52]. Однако это предположение строится на неоднозначном факте находок открытых очагов на уровне первого этажа, а потому вызывает некоторые сомнения.

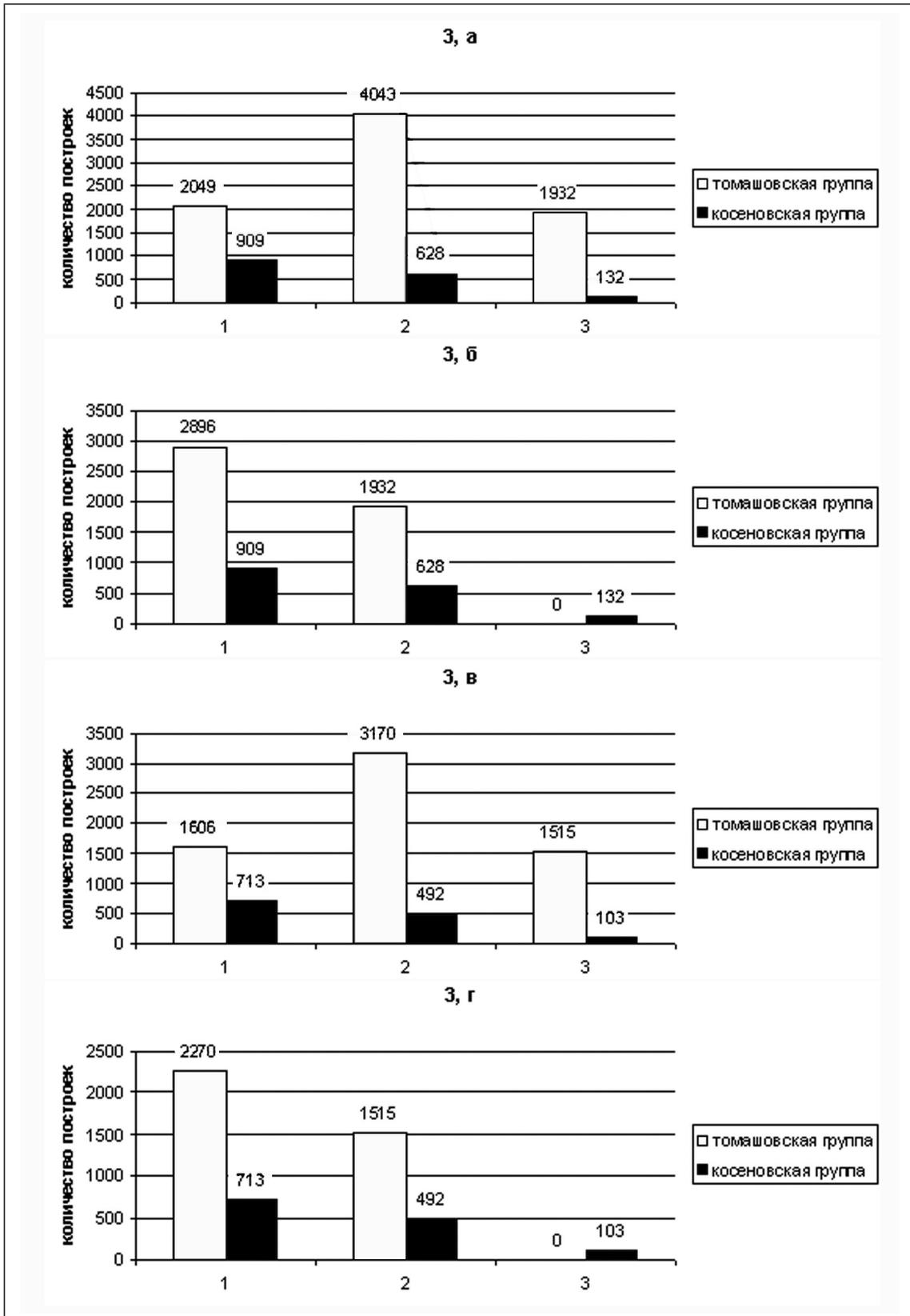
Количество построек определено с учетом новых данных по площади памятников [Дяченко, в публикации]. Поселения обеих локальных групп примерно одинаково представлены в выборке (томашовская группа – 58% поселений, косеновская группа и памятники типа Кочержинцы-Шульговка – 60% от общего количества известных пунктов), что позволяет сопоставлять количество построек без привлечения дополнительных математических методов.

С учетом локализации косеновских памятников, число построек западного ареала томашовских поселений сравнивалось с количеством косеновских жилищ первой фазы развития локальной группы, число построек всех томашовских поселений – с количеством косеновских жилищ второй фазы и памятников типа Кочержинцы-Шульговка. В расчетах учтена возможность сосуществования ранних косеновских пунктов с томашовскими первой (Тальянки) (табл. 2, а, в; 3, а, в) или второй ступени третьей фазы (Майданецкое, Романовка и др.) (табл. 2, б, г; 3, б, г). Число построек сопоставлялось при условии их синхронного (табл. 2, а, б; 3, а, б) или диахронного (табл. 2, в, г; 3, в, г) функционирования в пределах поселений, с учетом двух возможных коэффициентов относительной плотности застройки малых поселков косеновской группы (табл. 2, 3). Количество одновременно функционирующих сооружений при условии их диахронности рассчитано исходя из вертикальной стратиграфии Майданецкого [Шмаглий, Видейко, 1990, с. 93-94; 2001-2002, с. 121-122]. Синхронно функционирующими, очевидно, следует считать около 78,4% построек [Дяченко, 2008б, с. 15].

Результаты сравнительного анализа показывают, что количество томашовского населения, как минимум, вдвое превышало число косеновского при условии одновременного существования поселений первой или второй ступени третьей фазы томашовской группы пунктам первой фазы косеновской группы (табл. 2, а-г, 1; 3, а-г, 1). Исходя из идентичного коэффициента относительной застройки малых поселений обеих локальных групп, численность томашовских общин превосходит численность косеновских в 2,5 – 5 раз на второй ступени третьей фазы или четвертой фазе томашовской группы – второй фазе косеновской группы (табл. 2, а-г, 2) и в 5 раз – на четвертой ступени томашовской – третьей ступени косеновской группы (памятники типа Кочержинцы-Шульговка) (табл. 2, а-г, 3). Исходя из коэффициента относительной застройки косеновских поселков малых размеров общим тенденциям застройки поселений локальной группы, численность

¹ Выражаем признательность В.А. Круцу за любезно предоставленные геомагнитные планы Песчаной и Косеновки.

Таблица 3. Соотношение числа построек (плотность застройки малых поселков косеновской группы, вариант 2): а-б. синхронное функционирование построек; в-г. диахронное функционирование построек

томашовских общин превосходит численность косеновских в 3 – 6 раза на второй ступени третьей фазы или четвертой фазе томашовской группы – второй фазе косеновской группы (табл. 3, *a-z*, 2) и в 15 раз – на четвертой ступени томашовской – третьей ступени косеновской группы (табл. 3, *a-z*, 3). Такое соотношение числа построек поселений анализируемых локальных групп ставит под сомнение гипотезу об их сосуществовании. Кроме того, тенденции демографического развития косеновских общин не передают аномально высокого прироста населения, который бы вызвала ассимиляция "томашовцев" (табл. 2; 3). Тенденции демографического развития "томашовцев" и локализация оставленных ими поселений, наоборот, свидетельствуют об оттоке этого населения из региона на четвертой фазе развития локальной группы (табл. 2; 3). Возможно, начало данного процесса следует относить и к более раннему времени – началу первой ступени третьей фазы. Это хорошо коррелируется с появлением томашовских керамических традиций на чичельницких памятниках Побужья [Рыжов, 2000, с. 471; 2007, с. 469]. Таким образом, палеодемографические данные свидетельствуют в пользу диахронного существования томашовских и косеновских поселений, подтверждая выводы В.А. Круца и С.Н. Рыжова. Отметим, что крупные томашовские поселения Тальянки и Майданецкое, с которыми сторонники синхронности памятников указанных локальных групп увязывают "защиту" территории от мигрантов с запада, по-видимому, оставлены группами населения, генетически связанными с жителями более ранних Сушковки и Добровод. Поэтому формирование поселений крупных и средних размеров (по крайней мере, в междуречье Южного Буга и Днестра) вряд ли стоит рассматривать в контексте противостояния общин различных локальных образований Кукутень-Трипольской общности.

Остановимся на анализе основных аргументов сторонников сосуществования поселений томашовской и косеновской групп – радиоуглеродных датах и возможных керамических импортах.

Не отрицая необходимости использования естественнонаучных методов в археологических исследованиях, не следует забывать о том, что проблемы существуют во всех отраслях научного познания. Поэтому, более корректными представляются корреляция археологических "дат" с радиоуглеродными и поиск дополнительных аргументов, если таковые необходимы, а не абсолютизация одного из методов в построении хронологических цепочек.

Большинство импортов и подражаний в керамическом комплексе Майданецкого, интерпретируемых Т.Н. Ткачуком в качестве косеновских влияний [Ткачук, 2007, с. 154, рис. IX], датируются шире и имеют аналоги среди материалов более ранних памятников типа Варваровки XV, а отчасти и среди материалов позднепетренского поселения Варваровка VIII. Можно предположить, что какая-то часть мигрантов из Поднепровья, влившихся в томашовскую среду на второй ступени третьей фазы развития локальной группы, приходит с поселений, предшествующих Варваровке XV. Освоение же Буго-Днепровского междуречья общинами косеновской группы – восточного ответвления бронзовской, происходит уже после оставления региона "томашовцами". Косвенным подтверждением такому пониманию характера миграций является заселение междуречья Южного Буга и Днестра носителями ЗТК. Расписная посуда появляется в регионе еще на памятниках второго (среднего) этапа ВТК (Шкаровка, Клищев, Веселый Кут) [Цвек, 2006, с. 68-71]. Отдельных памятников мигранты с запада не оставляют. Через некоторое время в регионе формируются поселения владимировской группы ЗТК. Таким образом, продвижение трипольских племен в исследуемый регион начинается с проникновения небольших групп населения в местную среду, а затем формируются пункты, оставленные только пришлым населением. Удельный вес мигрантов из Поднепровья на третьей фазе развития томашовской группы, по-видимому, не превышал 1-2%. Безусловно, данное предположение требует дальнейшей проверки результатами анализа керамического комплекса поселений.

Таким образом, результаты палеодемографического анализа подтверждают мнение В.А. Круца и С.Н. Рыжова о диахронном развитии поселений томашовской и косеновской локальных групп ЗТК в междуречье Южного Буга и Днестра. Анализ тенденций демографического развития представляется одной из важных составляющих в проверке гипотез о конфликтах древних обществ, возможной ассимиляции "коренного" населения пришлым.

Список литературы

Бибиков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА. – 1965. - № 1. – С. 48-62.

Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю. Основи хронології Кукутень-Трипілля // Археологія. – 1998. – № 2. – С.17-29.

Відейко М.Ю. Економіка та суспільний лад трипільського населення Південного Побужжя (етапи VII – CI). – Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Киев, 1992.

- Відейко М.Ю.** Трипільська цивілізація. – Київ, 2003.
- Дергачев В.А.** Памятники позднего Триполья. – Кишинев, 1980.
- Дудкін В.П.** Магнітометричні дослідження поселень трипільської цивілізації // Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. – Київ, 2007. – С. 57-70.
- Дяченко О.В.** Тенденції змін чисельності населення володимирівсько-томашівської лінії розвитку західнотрипільської культури // Археологія. – 2008а. – № 4. – С. 3-12.
- Дяченко А.В.** Крупные поселения в системе относительной хронологии западнотрипольских памятников Буго-Днепровского междуречья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганськ, 2008б. – № 8. – С. 10-19.
- Дяченко О.В.** До проблеми систематизації поселень західнотрипільської культури у Буго-Дніпровському межиріччі. – В печаті.
- Енциклопедія** трипільської цивілізації, т. 1-2. – Київ, 2004. – 422 с.
- Збенювич В.Г.** К проблеме крупных трипольских поселений // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тезисы докладов I полевого семинара. – Тальянки-Веселый Кут-Майданецкое, 1990. – С. 10-12.
- Колесников А.Г.** О демографической структуре трипольского населения Среднего Поднепровья // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1987. – С. 69-70.
- Колесников О.Г.** До питання кількісної оцінки общини (за матеріалами трипільських поселень) // Трипільська культура на території України. – Львів, 1993а. – С. 17-19.
- Колесников А.Г.** Трипольское общество Среднего Поднепровья (опыт социальных реконструкций в археологии). – Київ, 1993б.
- Колесников О.Г., Ткачук Т.М.** До питання мікрохронології трипільських поселень (на матеріалах Бернашівського поселення етапу В/П-С/І) // Подільська старовина. – Вінниця, 1993. – С. 44-48.
- Круц В.А.** Крупные трипольские поселения (к истории энеолитического населения Буго-Днепровского междуречья) // Задачи советских археологов в свете решений XXVII съезда КПСС. – М., 1987. – С. 133-135.
- Круц В.А.** К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра // Первобытная археология. Материалы и исследования. – Київ: Наукова думка, 1989. – С. 117-132.
- Круц В.О.** Питання демографії трипільської культури // Археологія. – 1993. - № 3. – С. 30-36.
- Круц В.О., Рижов С.М.** Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи // Археологія. – 1985. – Вип. 51. – С. 45-56.
- Массон В.М.** Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология: поиски и находки. – Київ, 1980. – С. 204-212.
- Массон В.М., Маркевич В.И.** Палеодемография Триполья и вопросы динамики развития трипольского общества // Тез. докл. конф. "150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР". – Київ, 1975. – С. 31-32.
- Мовша Т.Г.** Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1984. – С. 60-83.
- Мовша Т.Г.** Поздний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. Медный век. – Київ, 1985. – т. 1. – С. 232-235.
- Мовша Т.Г.** Косеновская локальная группа трипольско-кукутенской общности // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. – Белгород-Днепровский, 1990. – С. 57-59.
- Мовша Т.Г.** Трипільсько-Кукутенська спільність – феномен у стародавній історії Східної Європи (до проблеми виділення культур) // ЗНТШ. – Львів, 1993. – т. ССХХV. – С.32-56.
- Пассек Т.С.** Периодизация поселений трипольской культуры (III-II тыс. до н.э.). – МИА. – № 10. – 1949.
- Рыжов С.Н.** Расписная керамика томашевской локально-хронологической группы трипольской культуры // Stratum Plus. – 2000. – № 2. – С. 459-473.
- Рижов С.М.** Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільності Кукутень-Трипільля на території України // О.Ольжич. Археологія. – Київ, 2007. – С. 437-477.
- Сапрон І.Г.** Щодо реконструкції демографічної структури общини ранньотрипільського поселення Бернашівка, що на Вінничині // Подільська старовина. – Вінниця, 1993. – С. 44-48.
- Ткачук Т.М.** Великі поселення томашівської групи у світлі радіокарбонного датування // Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції. – Київ, 2003. – С. 170-173.
- Цвек О.В.** Поселення східно трипільської культури. – Київ, 2006.
- Черновол Д.К.** Порівняльна характеристика споруд небелівської та томашівської локальних груп трипільської культури // Тези доп. міжнар. наук.-практ. конфер. "Технології і проблеми

культурної адаптації населення південно-східної Європи в епоху енеоліту". – Вишнівець, 2006. – С. 51-52.

Шмаглий Н.М. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга // Первобытная археология: поиски и находки. – Киев, 1980. – С. 198-204.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Пізньотрипільське поселення поблизу с. Майданецького на Черкащині // Археологія. – 1987. – Вип. 60. – С. 58-71.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Микрохронология поселения Майданецкое // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине (Тез. докл. I полев. семинара). – Тальянки-Веселый Кут-Майданецкое, 1990. – С. 91-94.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Майданецкое – трипольский протогород // Stratum Plus.– 2001-2002. – № 2. – С. 44-140.

Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. – N.Y., 1962.

Sherratt A.G. Socio-economic and Demographic Models for the Neolithic and Bronze Age of Europe // Models in Archeology. – L., 1972. – P. 477-542.

Tkachuk T. Ceramic imports and imitations in Tripolye culture at the end of period C I – period C II (3900-3300 BC) // Трипільська культура в Україні. Пошуки, відкриття, світовий контекст. – Киев, 2007. – С. 147-156.

Videiko M.Yu. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture // Baltic-Pontic studies. – Poznan, 1999. – Vol. 7. – P. 34-71.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТРИПОЛЬСКОГО АРЕАЛА В ПЕРИОД VII

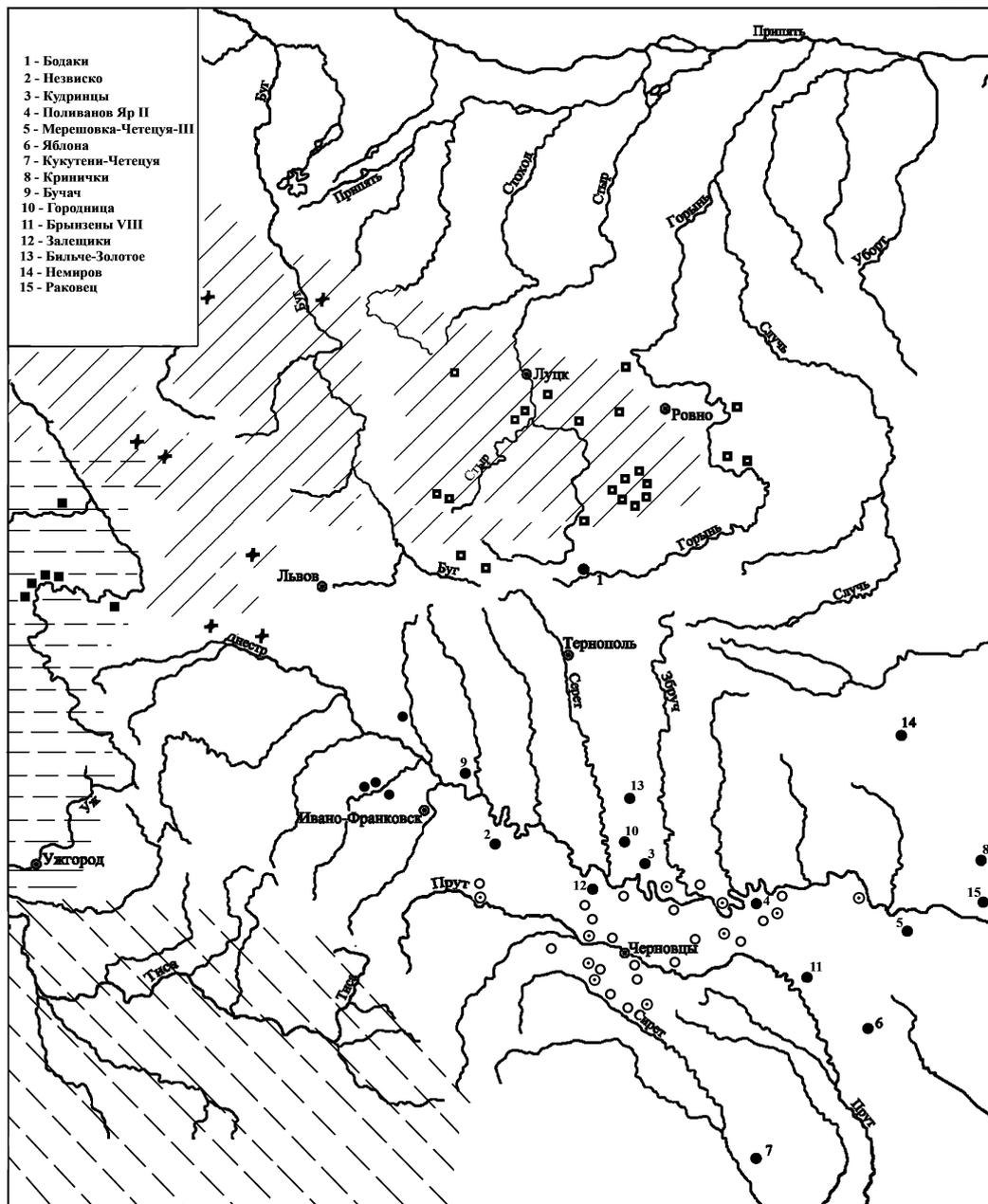
Территория трипольской культуры к концу среднего периода ее развития значительно расширилась, в связи с этим четче обозначились локальные особенности разных районов. В это время племена трипольцев заселили северные и северо-западные районы: Верхнее Поднестровье и Подольскую возвышенность (рис. 1). При синхронизации трипольских памятников данного региона с поселениями остальной части ареала необходимо учитывать неравномерность развития его центра и периферии. Пограничные области, как правило, дольше сохраняли архаичные традиции, но, в то же время имели тесные контакты с племенами соседних культур. Об этом свидетельствует наличие большого количества импортной и подражательной керамики, которая, как правило, в той или иной мере влияла на формирование местных керамических комплексов, что является важным хронологическим маркером для синхронизации Триполья с соседними культурами.

В этом отношении большой интерес представляет изучение керамики с углубленным орнаментом, распространенной на трипольских памятниках среднего периода. Некоторые исследователи трипольской культуры объясняют распространенность углубленного орнамента в средний период на восточных территориях "отсталостью" этих районов из-за их удаленности от центра [Dumitrescu, 1963, p. 306]. Е.В. Цвек, напротив, считает керамику с углубленным декором особенностью данного региона и на этой основе выделяет самостоятельную восточно-трипольскую культуру, сформировавшуюся на раннетрипольских традициях, и частично под влиянием соседних племен [Цвек, 1980, с. 106-107].

К сожалению, рассматриваемый период по сравнению с ранним и более поздним менее изучен и наличие множества информационных лакун не дают пока полного представления о трипольских памятниках этапов VII и переходного VII–CI. Кроме того, многообразие материала на обширнейшей территории затрудняет определение общих критериев для выделения и характеристики различных локальных вариантов, при этом довольно трудно определить границы между группами, так как многие памятники могут обладать чертами различных соседних локальных вариантов.

На Вольнь и Подольскую возвышенность трипольские племена пришли только в финальной фазе среднего периода, где наиболее известным памятником этого времени является поселение Бодаки [Попова, Черныш, 1967; Skakun, 1996, p. 223-235; Скакун, 1998, с. 65-68; 2004, с. 57-79; Скакун и др., 1995, с. 124]. Наиболее активное заселение этих районов происходило в начале позднего Триполья. Автор раскопок энеолитических памятников в северо-западных областях ареала Н.А. Пелещишин исследовал здесь около 30 трипольских поселений. На основании анализа керамического материала он выделил в междуречье Стыри и Горыни три локально-хронологических типа: тип Бодаки (рис. 2) в верховьях Горыни и Случи, памятники типа Хорив в среднем течении реки Горынь, памятники типа Листвин в междуречье Горыни и Стыри [Пелещишин, 1989, с. 16]. Первый тип представлен лишь одним памятником Бодаки. Однако надо заметить, что в результате разведок 1977 года в бассейне р. Случь в В.А. Круцом и С.Н. Рыжовым было открыто трипольское поселение у с. Коржовка и зафиксировано еще 18 поселений по обоим берегам Случи, где, по свидетельству исследователей, найден археологический материал аналогичный материалам Бодаков [Круц, Рыжов, 1978, с. 341]. Наличие памятников, одновременных Бодакам, в этом районе может служить доказательством того, что заселение Подольской возвышенности произошло еще в период VII, а не позднее, как предполагалось ранее.

В 1990-е гг. В.А. Круц и С.Н. Рыжов, исследуя периферийные группы трипольских памятников в Верхнем Поднестровье, выделили верхнеднестровскую группу, существование которой приходится на средний период, от этапа VI-VII до перехода от VII к CI [Круц, Рыжов, 1997, с. 23-31]. Характерными чертами этой группы являются: площадь поселения до 5 га, упрощенная конструкция построек со слабо развитым интерьером, малое количество пластики, длительное сохранение в керамике "залещицких" черт, влияние полгарских и лендельских гончарных традиций и развитая кремнедобывающая отрасль хозяйства. Хронология этой группы основывается на особенностях керамических комплексов. К этапу VII отнесены поселения Буковна-28, Коржова-1, Чернятин, Балинцы, Залесье, Сокол-1, Беремьяны-1, имеющие круглоблочную керамику с "залещицкими" элементами, в орнаментации преобладает монохромная роспись темно-коричневой краской, а также

- Памятники Триполья ВІІ (раскопки)
- Памятники ВІІ (разведки)
- ⊙ Памятники СІ (разведки)
- Памятники типа Гоща-Вербковица
- ✦ Памятники типа Зимно-Злота
- Малицкая группа (культура Малица)
- ▨ Люблинско-Волынская культура
- ▤ Лендельская (Лендельско-Полгарская) культура
- ▧ Культура Бодрогкерестур

Рис. 1. Памятники северо-западной части трипольского ареала и окружающих культур

сочетание коричневой и белой красок. К переходному этапу ВІІ–СІ отнесены поселения Грушов, Белелуя-6, Бовшов-5, Викторов-1, 21, Комаров, для которых характерна остро реберная посуда и монохромная роспись [Круц, Рыжов, 1997, с. 24]. К сожалению, в этих разработках отсутствует детальное описание керамических комплексов.

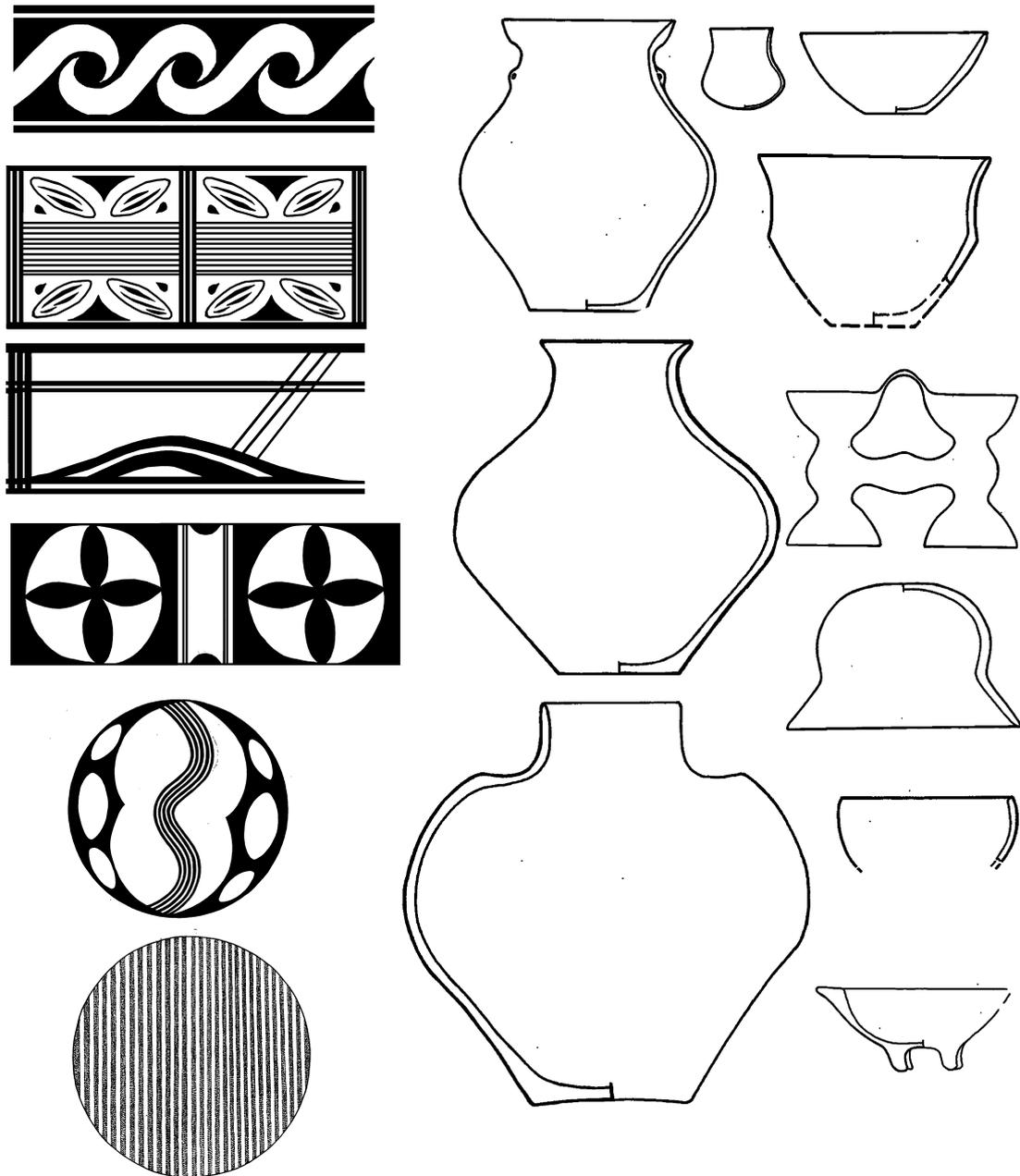

Рис. 2. Основные формы и декор столовой керамики поселения Бодаки

Следует отметить, что "залещицкими" чертами на этапе VII обладает и керамика со среднеднепровских поселений. Что же касается полгарских влияний, то и более северные трипольские памятники, в частности Бодаки, имеют эту особенность. Так, в Бодаках были найдены несколько фрагментов стенок сосудов с ручками клювовидной формы, а также подпрямоугольными в профиле, с горизонтальными отверстиями (рис. 3, 3, 5). Основными определяющими признаками этой посуды (5–7% от всего объема нерасписной керамики) являются: тщательно обработанная лощением серовато-коричневая поверхность, плотное, хорошо промешанное тесто с примесью мелкого шамота. Среди сосудов выделяются две основные формы — горшки и миски [Скакун, Старкова, 2003а, с. 132-139; 2003б, с. 156, 158].

При проведении статистического анализа никаких закономерностей в планиграфии фрагментов данной категории керамики выявить не удалось. В одних помещениях были найдены

фрагменты от 10–15 сосудов, в других ее не было совсем. Вероятно, это связано со сравнительно небольшой выборкой, а также с общей картиной распределения находок на поселении, когда в большинстве случаев мы имеем дело с единовременными выбросами битой посуды в заброшенные постройки. Можно предполагать, что вышеназванная категория керамики достаточно высоко ценилась местными жителями, поскольку, вероятно, служила предметом обмена с соседними племенами и из-за высокого качества вполне могла использоваться наравне с традиционной трипольской столовой посудой. Отметим, что отдельные фрагменты импортной посуды встречаются также в культурном слое, вне жилищ и хозяйственных ям.

Анализ керамических материалов с памятников соседних одновременных Триполью культур позволяет предполагать, что появление данной керамики в Бодаках вызвано контактами с периферийными группами памятников лендельского круга, территория распространения которых с начала IV тыс. до н.э. простиралась от современной Венгрии до Польши и Западной Украины [Захарук, 1971, с. 206, 219; Пелещишин, 1974, с. 107-116; Пелещишин, 1985, с. 269; Титов, 1980; Черныш, 1982, с. 256-258; Конопля, 1990; 1995].

Непосредственный интерес для наших исследований представляют памятники типа Гоща-Вербковица (или Вербковица-Костянец) и Зимно-Злота на Западной Волыни, а также люблинско-волынская и малицкая культуры в юго-восточной Польше [Kamieńska, Kozłowski, 1970; Gurba, 1973; Kruk, Milisauskas, 1985, Zacoscielna, Gurba, 1995; Видейко, 2002, с. 60-62]. Сложность сравнительного анализа заключается в том, что в определении культурной и хронологической принадлежности вышеназванных групп существует множество разночтений. Так, например, памятники типа Гоща-Вербковица (или Вербковица-Костянец) и Зимно-Злота на Западной Волыни в свое время были выделены в отдельные культуры [Пелещишин, 1974, с. 107-116; Черныш, 1982, с. 256-258]. Позднее они стали считаться локальными вариантами лендельской культуры [Пелещишин, 1985, с. 269].

Несогласованность существует и в вопросах хронологии. Одни исследователи считали более ранними памятники Гоща-Вербковица и синхронизировали их с Трипольем А-В1, а поздние — типа Зимно-Злота — связывали с Трипольем ВП-С1 [Захарук, 1971, с. 206, 219]. Другие, напротив, считали более ранними памятники Зимно-Злота [Пелещишин, 1974, с. 115-116]. В.М. Конопля, оспаривая периодизацию Н.А. Пелещишина, полагает, что именно с костянецкой группы, синхронной Триполью ВП, начинается проникновение Ленделя на территорию Западной Волыни, а население группы Зимно появилось позднее, в период Триполья ВП-С1. Он же связывает происхождение памятников типа Гоща-Вербковица с малицкой группой, а Зимно-Злота с люблинско-волынской [Конопля, 1990, с. 17]. Эта точка зрения впоследствии была подтверждена польскими учеными. Ими в дальнейшем были уточнены соотношения некоторых групп и культур на интересующей нас территории. В частности, малицкая группа памятников определяется, как отдельная культура, древнейшая фаза которой соотносится с самыми поздними объединениями лендельской культуры [Kadrow, Zakościelna, 2000, p. 192, 196-197]. Польские исследователи также синхронизируют классическую фазу (Rzeszów phase Па) малицкой культуры и материалы классических комплексов люблинско-волынской с Трипольем периода ВП [Kadrow, Zakościelna, 2000, p. 221].

Очевидно, что и малицкая, и люблинско-волынская культуры изначально принадлежали единой культурной общности, на периферии которой на поздних этапах резче обозначились локальные различия, что позволило выделить несколько родственных археологических культур.

Анализ керамического комплекса Бодаков показал наличие в нем как малицких, так и люблинско-волынских импортов (рис. 3, 1, 3, 5-8). Непосредственное отношение к малицкой культуре имеют слабопрофилированные горшки с небольшими одиночными налечами по плечикам в сочетании с оттисками ногтя или с продолговатыми подпрямоугольными или овальными углублениями по плечикам и венчику, глубокие миски с орнаментом в виде одного или нескольких рядов округлых оттисков сверху по венчику (рис. 3, 6) [Kadrow, Zakościelna, 2000, fig. 10-e, 11-o, 12-b, e]. Для люблинско-волынской культуры характерны также ручки подпрямоугольной или квадратной в профиле формы от крупных горшков (в Бодаках сохранились только ручки с небольшим фрагментом стенки (рис. 3, 3, 5), глубокие миски с утолщением — прямым или изогнутым валиком, идущим от венчика с горизонтальными насечками (рис. 3, 7) [Kadrow, Zakościelna, 2000, fig. 16-b, 18-g].

Что же касается проблемы существования керамики типа Кукутени С в трипольских комплексах периода ВП, то, очевидно, что данная категория посуды так и не стала со временем восприниматься наравне с местной, и утрата устойчивых технологических приемов при ее изготовлении привела к достаточно свободному использованию на ней чужих элементов. В частности, примеры подобной "компоновки" разнокультурных элементов представляют миски поселения Кырничени-Холм II в Румынии. Это глубокие сосуды с гладкой поверхностью, которые по форме и орнаменту имеют полные аналогии в западных культурах лендельско-полгарского круга, но

изготовлены из теста с обильной примесью ракушки [Alaiba, Grădinari, 2001, p. 68, fig. 3: 1, 5, 7]. Конечно, есть доля вероятности, что в данном случае это может объясняться и какими-то контактами с синхронной культурой Чернавода I, керамика которой тоже имеет примесь мелкотолченой ракушки.

Подобные миски также есть и в Бодаках, где они изготовлены из мелкоструктурной глины без видимых примесей и входят в отдельную категорию посуды, вместе с лощеными сосудами с шайбовидными налестками (рис. 3, 1) [Скакун, Старкова, 2003, с. 136].

Таким образом, в трипольских керамических комплексах на этапе VII заимствованные западные и восточные (степные) элементы начинают взаимодействовать между собой, часто без участия трипольской керамической традиции, что свидетельствует о долговременных и прочных связях трипольцев с соседними племенами.

Помимо традиционной систематизации керамического комплекса из Бодаков по формам, типам орнаментации и обработки поверхности был проведен петрографический анализ специально отобранных образцов керамики [Ковнурко, Скакун, Старкова, 2005, с. 97-105]. Проведенное исследование показало исключительное многообразие формовочных масс, подтвердило наличие импортной керамики, а также выводы о сильной размытости границ между технологическими особенностями так называемой "ракушечной" керамики и традиционной трипольской. Приоритеты этих влияний зависели от географического положения поселения, спецификации местных глин, локальных особенностей хозяйства. Относительную устойчивость в традициях трипольского гончарного производства можно проследить лишь в приемах лепки и орнаментации сосудов.

Результаты петрографических исследований керамики с поселений среднего периода — Владимировки, Криничек, Немирова, Поливанова Яра II — также показали индивидуальные особенности состава формовочных масс на каждом поселении, что подтверждает наши выводы.

Наличие вышеназванной категории посуды на трипольских памятниках подтверждает устойчивые западные связи трипольцев с лендельско-полгарским населением, что, очевидно, объясняется налаженной системой товарообмена и сходными чертами в системе хозяйства [Skakun, 1996, p. 223-227; Цвек, 2000, с. 278; Скакун, Старкова, 2003, p. 136-138; Skakun, Samzun, 2004, p. 225-229].

Памятники Триполья VII–CI, по мнению большинства современных исследователей, синхронны генетически родственной Тисаполгару культуре Бодрогкерестур. Это время соответствует II-ой фазе развития Балкано-Карпатской металлургической провинции, когда активизируется торговля металлом, происходящим из тисско-трансильванского и среднедунайского регионов, и к сырьевому обмену добавляется обмен, как готовыми вещами, так и техническими достижениями [Рындина, 1998, с. 211, 213, 214].

По-видимому, как следствие контактов с вышеназванными регионами, можно рассматривать появление так называемых "туннельных" ручек на керамике типа "Кукутени С" и традиционной трипольской, а также дуговидных налесток (рис. 3, 2, 4) аналогии которым встречаются на керамике культур Тисаполгар и Бодрогкерестур [Старкова, 2008].

В итоге одной из основных проблем при попытке подобных сопоставлений остаются разночтения в относительной хронологии энеолитических культур территории Западной и Восточной Европы.

Перечисленные факты показывают, что в Бодаках мы имеем дело со смешанными импортами, не образующими целого комплекса, идентичного какой-либо одной группе западных энеолитических памятников.

Средний этап Триполья — эпоха расцвета культуры — до сих пор остается наименее изученным, по-видимому, по ряду объективных причин. В первую очередь это огромная территория, которую занимают поселения данного времени, большое разнообразие материала, сложного для сравнения, а также нечеткости границ внутри периода (на уровне этапов) и расхождения во мнениях разных исследователей при синхронизации памятников конца VII и начала CI.

Деление материала на различные группы в приблизительно едином временном срезе было и остается достаточно субъективным. Отбор признаков, дающих четкие основания для выделения того или иного локального варианта внутри археологической культуры, не могут быть едины во всех случаях. С одной стороны, это зависит от уровня изученности материала, с другой от индивидуального подхода к выборке значимых признаков каждого исследователя.

В целом трипольские памятники периода VII северо-западного региона имеют некоторые локальные особенности, на формирование которых повлияли различные факторы. В первую очередь, это удаленность от центра ареала и, в связи с этим, сохранение архаичных залешицких черт в росписи керамики, а также присутствие в декоре элементов ранней фазы шипинецкой группы, которая начинает формироваться в данный период в Верхнем Поднестровье [Ткачук, 1999, с. 11-14; Рижов, 2007, с. 128].

Во-вторых, наличие на северо-западных трипольских поселениях керамики лендельско-полгарского круга, что вполне очевидно из-за территориальной близости данных культурных общностей. Но процент импортной керамики на поселениях различен. Большое количество серо-лощеной посуды в Бодаках объясняется специализацией его жителей на производстве кремневых орудий и, соответственно, активным обменом ими с соседними племенами. В то же время, на поселении Незвиско количество керамики западных соседей незначительно, хотя самые близкие аналогии керамике из Бодаков найдены именно там, что свидетельствует о единых керамических традициях, объединяющих эти памятники в один локальный вариант на Северо-западе Украины [Попова, Черныш, 1967, с. 173-179].

Таким образом, при всей очевидности локальных отличий памятников северо-западной части ареала, процесс изучения среднего Триполья предполагает дальнейшее пополнение информационной базы о новых памятниках, которые впоследствии могли бы послужить связующими звеньями для создания более-менее общей картины интересующего нас периода.

Список литературы

Видейко М.Ю. Локальные группы трипольской культуры на Среднем Днепре // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.): Материалы III Международной конф. – Тирасполь, 2002. – С. 60-62.

Захарук Ю.М. Памятники типу Гоша-Вербковица // Археологія Української РСР. – Київ: Наукова думка, 1974. – Т. I. – С. 217-219.

Ковнурко Г.М., Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. Петрографический анализ керамического материала трипольского поселения Бодаки // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 году. – Киев-СПб., 2005. – С. 97-105.

Конопля В.М. Лендельская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. – Київ: Наукова думка, 1990. – С. 4-18.

Конопля В.М. Періодизація пам'яток лендельської культури заходу України і їхне хронологічне співвідношення зі спорідненими пам'ятками Центральної Європи // Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Львів: АН Укр. ССР, 1995. – Вып. 6. – С. 72-79.

Круц В.А., Рижов О.Н. Исследование памятников трипольской культуры в бассейне Случи // АО 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С. 341.

Круц В.А., Рижов О.Н. Верхньодніпровська локальна група пам'яток трипільської культури та нові дані про зв'язки трипільців з населенням полгарської і лендельської культур // Археологія. – 1997. – № 2. – С. 23-32.

Пелещишин М.А. Стародавні племена Прикарпаття і Західної Волині за доби неоліту та енеоліту // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. – Київ: Наукова думка, 1974. – С. 96-152.

Пелещишин Н.А. Лендельская культура // Археология Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1985. – Т. I. – С. 268-273.

Пелещишин Н.А. Население Западной Волыни и его этнокультурные связи (середина V – середина III тыс. до н. э.). – Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Киев, 1989. – 32 с.

Попова Т.А., Черныш Е.К. Трипольское поселение у с. Бодаки // ЗОАО. – 1967. – Т. II. – С. 34.

Рижов С.М. Вплив шипинецької локальної групи на формування пам'яток небелівської групи у Буго-Дніпровському межиріччі // ЗНТШ. – Праці Археологічної комісії ССЛШ. – Львів, 2007. – С. 127-139.

Рындина Н.В. О развитии металлообрабатывающего производства в системе Балкано-Карпатской металлургической провинции // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 202-211.

Скакун Н.Н. Некоторые итоги изучения трипольского поселения Бодаки // Поселения: среда, культура, социум: Матер. конф. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 65-68.

Скакун Н.Н. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита - бронзы). – СПб.: Европейский дом, 2004. – С. 57-79.

Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. К вопросу о межкультурных связях в эпоху развитого Триполья VII (по керамическим материалам поселения Бодаки) // Неолит-энеолит юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2003а. – С. 132-139.

Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. Особенности керамического комплекса трипольского поселения Бодаки // Трипільські поселення – гіганти: Мат. Міжд. конф. – Київ: Корвин Пресс, 2003б. – С. 148-160.

- Скакун Н.Н., Старкова Е.Г., Риндюк Н.В.** Северо-западные памятники Триполья и соседние культуры // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб., 1995. – С.45-46.
- Скакун Н.Н., Цвек Е.В., Круз В.А., Матева Б.И., А.Г. Корвин-Пиотровский А.Г., Самзун А., Яковлева Л.М.** Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. – Киев-СПб.: ИИМК РАН, 2005. – 124 с.
- Старкова Е.Г.** Керамика типа Кукутени С на трипольских памятниках периода VII-СІ // РА. – 2008 – № 3.
- Титов В.С.** Поздний неолит. Культура Лендьел // Археология Венгрии. – М.: Наука, 1980.
- Ткачук Т.М.** Керамичний комплекс з Незвиська III I його значення для генезису трипільської культури на території Галичини, Буковини і Подолля // Вісник Прикарпатського університету. Історія. – Вип. II. – Івано-Франківськ, 1999. – С. 11-12.
- Черныш Е.К.** Памятники синхронных Триполью культур Юго-запада СССР // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 253-263.
- Цвек Е.В.** Буго-Днепровский вариант восточно-трипольской культуры // Первобытная археология: поиски и находки. – Киев: Наук. думка, 1980. – 163-185.
- Цвек Е.В.** Восточно-трипольская культура и контакты ее населения с энеолитическими племенами Европы // АВ. – 2000. – № 7. – С. 272-287.
- Alaiba R., Grădinari I.** Noi descoperiri de ceramică de tip Cucuteni C în Podișul Moldovei // Thraco-Dacica. - București: Editura Academiei Române. - T. XXII, vol. 1-2. – P. 67-87.
- Dumitrescu V.** Origine et evolution de la civilization de Cucuteni-Tripolije (II) // Studii si cercetari de istorie veche. Bucuresti. - 2 anul, XIV. – Bucuresti: Institutul de Arheologie, 1963.- P. 285-308.
- Gurba J.** Kultura wołyńsko-lubelskiej ceramiki malowanej. // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. - Sektio F. 28. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1973.
- Kadrow S., Zakościelna A.** An Outline of the Evolution of Danubian Cultures in Małopolska and Western Ukraine // The Western Border Area of the Tripolye Culture. Baltic-Pontic Studies. - Vol. 9. - Poznaniu: Adam Mickiewicz University, Institute of Eastern Studies, Institute of Prehistory, 2000. – P. 187-255.
- Kamińska I., Kozłowski I.K.** The Lendyel and Tisza Cultures.// The Neolithic in Poland. - Wrocław, Warszawa, Krakow, 1970.
- Kruk J., Milisauskas S.** Bronocice osiedle obronne ludności kulturulubelsko- wołyńskiej (2800-2700 lat p.n.e.). - Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1985.
- Skakun N.** Le role et l'importance du silex le Chalcolithique de sud-est de l'Europe (sur la base du material provenant de fouilles du campement de Bodaki) // La Prehistoire au Quotidien. - Grenoble, 1996. – P. 223-235.
- Skakun N., Samzun A.** Preliminary results of the investigation of the Eneolithic site of Bodaki (Western Ukraine) with lithic workshops. // BAR International Series - № 1303. - 2004.- P. 225-229.

АНТРОПОМОРФНА ПЛАСТИКА СЕРЕДНЬОБУЗЬКОЇ ЛОКАЛЬНОЇ ГРУПИ ТРИПІЛЬСЬКОЇ КУЛЬТУРИ (ЕТАПИ VI-VII-CI)

На рубежі IV–III тис. до н.е. трипільсько-кукутенський етномасив мав два чітко виражені ареали – західний (кукутенський) та східний (трипільський). В середній течії Південного Бугу проходила зона їх культурного зіткнення і, як наслідок, тут склалася своєрідна середньобузька локально-територіальна група пам'яток Трипілля етапів VI-VII – CI, у якій переплелися риси обох ареалів. Синкретичний характер середньобузької групи проявився у співіснуванні столової кераміки з мальованим та заглибленим орнаментом, у технології гончарного виробництва, зокрема у додаванні жорстви до тіста столового посуду. У домобудівництві особливістю було спорудження невеликих за площею одноповерхових глинобитно-каркасних наземних жител поряд із землянками та напівземлянками. Мали свою специфіку крем'яні знаряддя праці, що виготовлялися переважно на основі довгих пластин з імпортованої спочатку із Середнього Подністрів'я, за тим – з Південно-Східної Волині сировини. Відрізняються самобутністю культові вироби (пластика, моделі жител, "біноклі" тощо).

На трипільських пам'ятках середньобузької локальної групи виявлено чимало людиноподібних скульптурок, які в числі керамічних виробів посідають друге місце за кількістю після посуду. Колекції антропоморфної пластики різняться за обсягом, що пояснюється масштабами розкопок та характером досліджених об'єктів (наземні житла, заглиблені споруди, ями). Чисельними є набори фігурок з Ворошилівки, Немирова та Сосон, де проводилися розкопки заглиблень і саме у них трапилося найбільше статуеток. На інших пам'ятках в розкопках і під час археологічної розвідки виявлено лише по кілька фігурок (табл. 1).

При описі найбільших збірок та окремих знахідок антропоморфної пластики ми ставили за мету виявити регіонально-часові особливості трипільської малої скульптури, дотримуючись відносно-хронологічної послідовності побутування пам'яток. За основу морфологічної класифікації взято схему, розроблену А.П. Погожевою [Погожева, 1983]. Разом з тим, звернуто увагу на окремі відмінності у формах, прийомах ліплення людиноподібних фігурок різних поселень в межах однієї територіально-хронологічної групи. Спираючись на фактичний матеріал ми також спробували пояснити деякі ритуальні дієства за участю статуеток.

Таблиця 1

тап	поселення	гал.	частини тулуба			підтип		орнамент		с идячі	ч олов.	г ігант.
			ерх.	ер.	иж.	2	3	ал.	аглиб.			
II-CI	В Курилівка		-	2	1		2	-	1	-	1	2
			-	1	-		1	-	-	-	(?)	1
II-CI	В Лисогірка	1	1	1	2		2	1	8	1	-	1
			7	0	4	9	6	5	1	3	1	4
II	В Немирів	51	2	3	8		1	9	-	-	3	2
			6	9	6	45	-	-	2	-	-	-
II	В Ворошилівка	1	5	6	-		-	1	-	-	-	-
			-	3	1	0	-	-	-	-	-	-
II	В Сосни		-	2	2		4	1	-	-	-	1
			-	-	1	2	-	-	-	-	-	
I-VII	В Цвіжин		-	-	1		1	-	-	-	-	-
			-	-	1	1	-	-	-	-	-	
I-VII	В Біликівці		-	-	-		-	-	-	-	-	-
			-	-	-	-	-	-	-	-	-	
I-VII	В Білозірка		-	-	-		-	-	-	-	-	-
			-	-	-	-	-	-	-	-	-	
I-VII	В Вишенька-2		-	-	-		-	-	-	-	-	
всього:		25	8	3	16	11	3	5	2	4	5	1

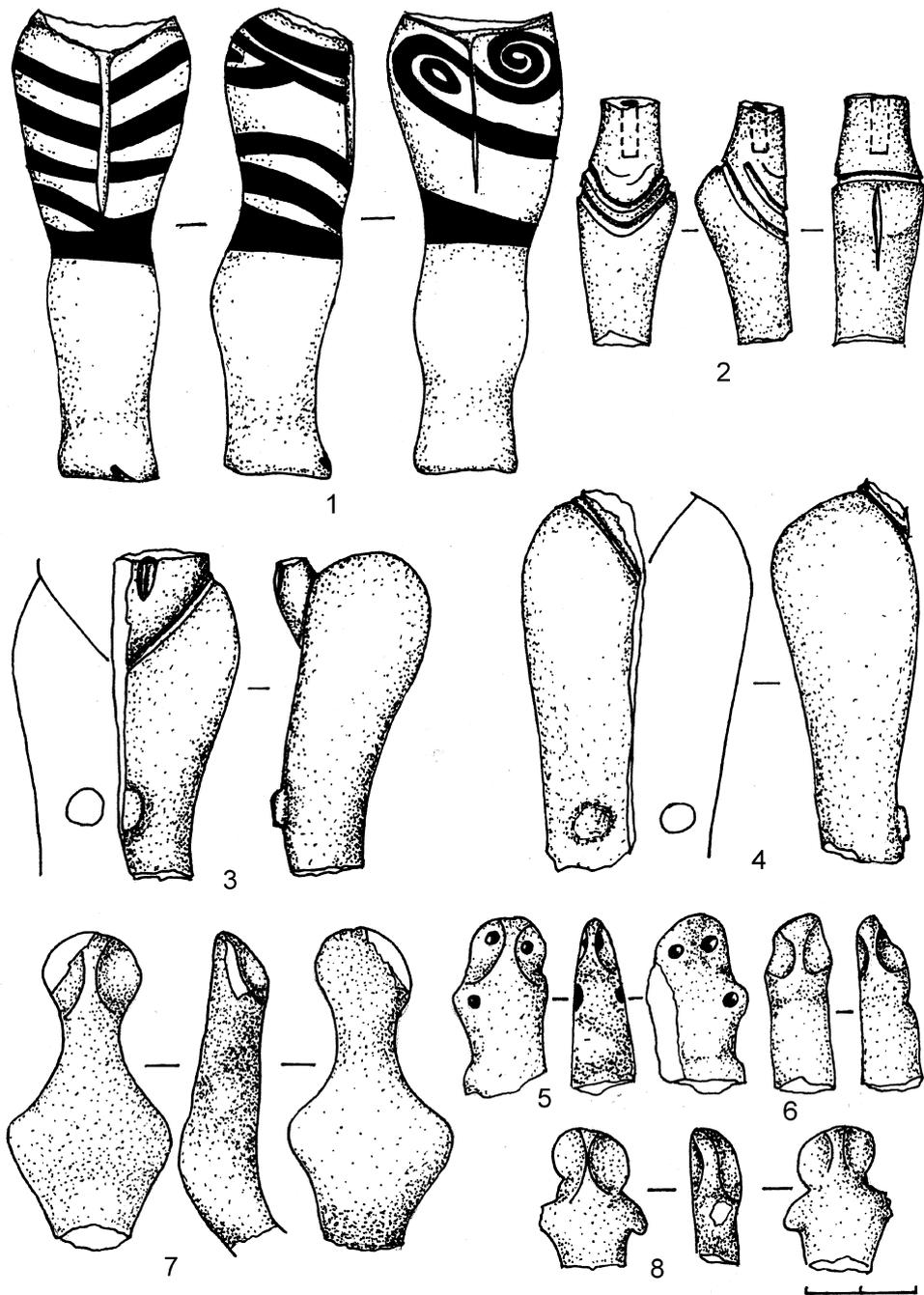

Рис. 1. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи. Цвіжин (1–4), Ворошилівка (5–8)

Ранні фази розвитку середньобузької локальної групи представляють поселення біликівського типу етапу VI–VII. Як на епонімній пам'ятці, так і на інших однотипних поселеннях виявлено мало антропоморфної пластики. Самими цікавими, по-суті, є фрагменти чотирьох жіночих фігурок із Цвіжина. Вони були виготовлені з високоякісного столового тіста (суміш тонкоструктурної глини, слюди і піску), мали задовільний випал, що забарвлював статуетки у світложовтий колір. Своєрідною є нижня частина статуетки середнього розміру, яка закінчувалася не характерною для веретеноподібного підтипу C_2 (за А.П. Погожевою) ніжкою-конусом, а мала пласку стопу з насічкою на місці великого пальця (рис. 1, 1). Вона могла цілком самостійно стояти на горизонтальній поверхні. Від тазу до колін

фігурка розмальовувалася чорнофарбовими смугами, які на сідницях завершувалися спіралеподібними закрутками, а спереду сходилися "зеброю".

Ще одна цвіжинська статуетка цікава тим, що жіноче лоно зімітоване двома дугоподібними врізними лініями ("фартушком") (рис. 1, 2). У зламі нижньої частини тулуба знаходилося заглиблення, чимось подібне до штифтового з'єднання при ремонті або ж статуетка ліпилася з "хребтом" з тонкої палички. Це є досить рідкісне явище у технології виготовлення трипільської антропоморфної пластики. Відомо лише декілька прикладів, коли голівка фігурки з Криничок, наприклад, закріплювалася на вертикальному стрижневі [Гамченко, 1926, с. 36, рис. 21], а фрагмент середньої частини статуетки з Флорешт мав наскрізний вертикальний отвір крізь увесь тулуб [Погожева, 1983, с. 34, рис. 9, 6].

Для всебічного розуміння ролі жіночої скульптури в ідеології носіїв трипільської культури справді унікальною знахідкою є фігурка з відбитком зернівки (рис. 1, 3). Стегнова частина лівої ноги належала статуетці середнього розміру підтипу С₂ з пласким торсом і яскраво вираженою стеатопігією. Коліно позначене невеликим горбиком. Фігурка, принаймі її нижня частина, ліпилася з двох половинок, що слід вважати швидше нетиповим для Середнього Побужжя прийомом виготовлення трипільських скульптурок. Однак головне не в цьому. У свіжу глину сформованої статуетки якраз на місці жіночого дітородного органу була втиснута зернівка ячменю голозерного (*Hordeum vulgare var nudum*). Ми повернемося до цього неординарного факту, оскільки рідкісне явище втискування однієї зернини у тіло жіночої фігурки повторилося ще на одному поселенні Середнього Побужжя – у Ворошилівці.

Четвертий фрагмент із Цвіжина відображає праве стегно схожого до вищеописаної зліпленої з двох частин статуетки підтипу С₂ (рис. 1, 4).

З усіх поселень середньобузької локальної групи найбільше антропоморфної пластики знайдено на еталонному поселенні етапу ВІІ Ворошилівка. Колекція нараховує 151 екз. Усі вони фрагментовані, причому переважають нижні частини фігурок (57%). Зовсім небагато голівок від статуеток (11,2%). Найкраще збережені ворошилівські статуетки правомірно віднести до типу С підтипів С₂ і С₃. Підтип С₂ представлений чисельними стрункими фігурками з веретеноподібною ніжкою, виразними плічками та стегнами. Голівка дископодібної форми з носом-защипом була посаджена на видовжену шию. На місці очей, плечей та стегон робилися, як правило, наскрізні проколи. Жіночі груди на приплюснутих торсах зрідка позначалися двома ледь помітними наліпками. В нижній частині тулуба живіт мав опуклість, а жіноче лоно досить часто імітувалося неглибокими трикутними прокресленнями. Також неглибока лінія у верхній частині стегон позначувала роздвоєння ніг спереду та ледь помітні сідниці ззаду. Коліна і литки зображені потовщенням, що звужується на конус. Ступня відсутня, однак окремі статуетки мали злегка загнутий вперед кінець конуса, а особливо ретельно виготовлені фігурки – навіть виділений насічкою великий палець (рис. 1, 5–8; 2, 3; 4, 1–6).

До підтипу С₃ у ворошилівській колекції належить лише кілька екземплярів, які мали циліндричну або ступкоподібну нижню частину, чимось нагадуючи довгу спідницю (рис. 4, 4). Нажаль, ми не можемо повністю відтворити вигляд фігурок підтипу С₃, оскільки жодної цілої не збереглося. Втім, беручи до уваги цілі ступкоподібні статуетки з інших регіонів, навряд чи вони кардинально відрізнялися від верхньої частини фігурок підтипу С₂. Та ж дископодібна голівка, плаский торс, проколи в районі очей і на тулубі. Варто відзначити, що статуетки великих і гігантських розмірів мали саме ступкоподібний низ, а їх ніжка-спідниця часто була пустотілою. Роздвоєння ніг в районі стегон спереду і ззаду імітувалося вертикальною заглибленою лінією лише до колін (рис. 6, 2, 3).

Не викликає сумніву, що статуетки на ступкоподібній ніжці трипільці використовували стоячими на пласкій поверхні, тоді як фігурки з веретеноподібною ніжкою не могли самостійно стояти. Їх потрібно було або встромлювати у м'який ґрунт, або підвішувати на мотузочці (одна з версій призначення отворів на тулубі), або ж вставляти у спеціальний пристрій для стійкості [Пассек, 1949, с. 95, рис. 50, 1]. Таким чином, правомірно припустити, що різні типи морфологічно статуетки на одному поселенні призначалися для різних варіантів ритуальних дійств.

Ворошилівські фігурки вироблялися з різноякісного тіста, характерного для столової кераміки. Це суміш добре просіяної глини з піском, слюдою, зрідка шамотом. Випалені вони посередньо, мають сіро-жовтий або жовтогарячий колір. Поверхня додатково не оброблялася і, як правило, не орнаментувалася. Осторонь загальної традиції стоять 4 фігурки. Три з них (рис. 3, 1, 2, 4) були виготовлені з якісного столового керамічного тіста, випалені рівномірно, але погано. Поверхня фігурок після випалу додатково ретельно залощувалася, що надавало їм своєрідного сіро-зеленого забарвлення. Заглибленими лініями позначувалися жіноче лоно і роздвоєння ніг. Статуетки мали сліди суцільного фарбування у червоний колір. В одній з цих фігурок з правого боку в районі литок зберігся чіткий відбиток крупної зернівки пшениці-двозернянки (*Triticum dicocum* L.) (рис. 3, 2). Оскільки зернівка

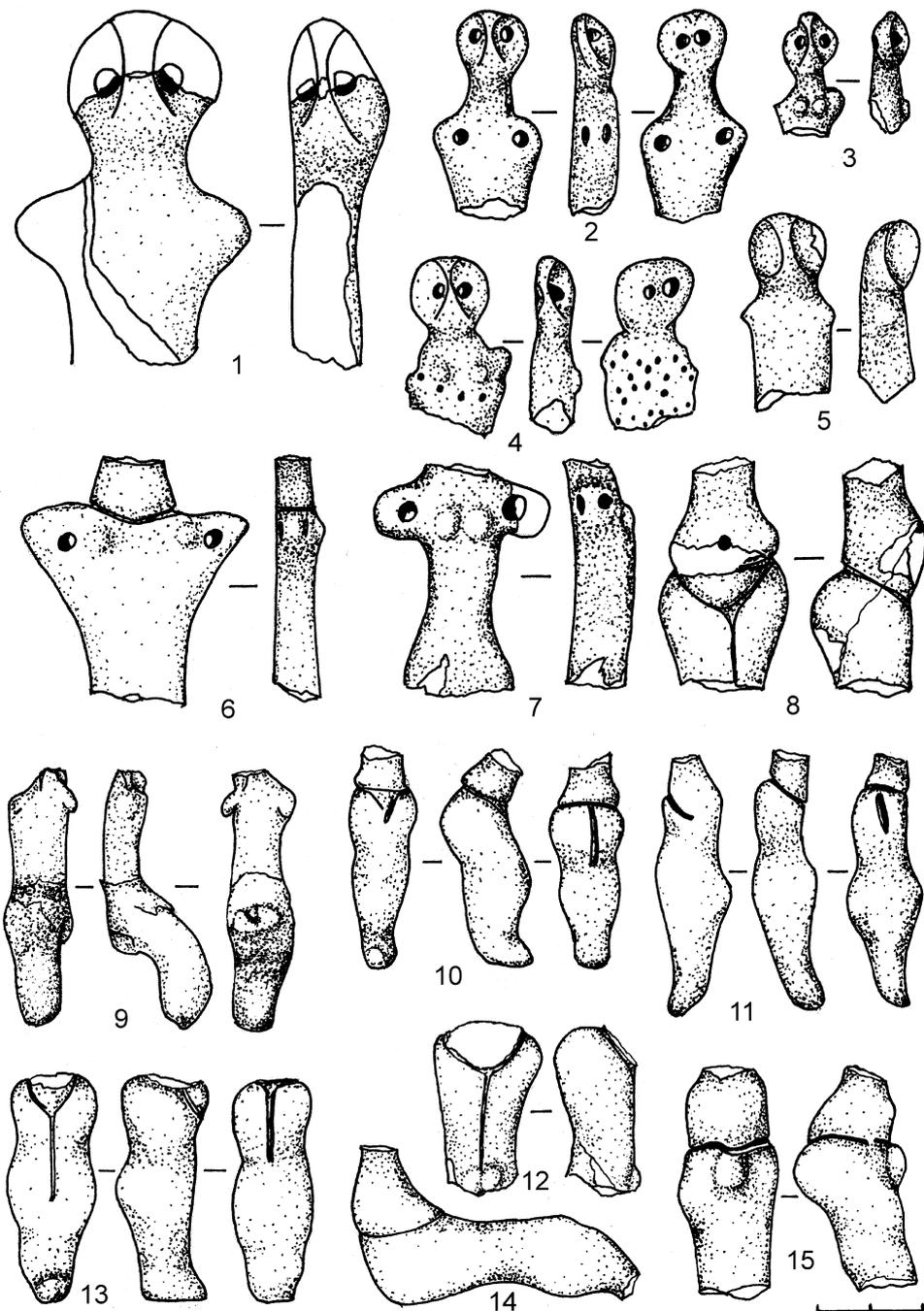

Рис. 2. Антропоморфна пластика середньбузької локальної групи. Ворошилівка

містилася на поверхні старанно виробленої і пофарбованої фігурки, втискування насінини злаку у свіже тісто, як і у випадку зі статуеткою з Цвіжина, було навмисним.

Фахівцям добре відомі приклади, коли на ранніх етапах своєї історії трипільці замішували зерно з керамічною глиною, призначеною для виготовлення скульптурок. Дослідження цього явища за матеріалами Луки-Врублевецької дозволили С.М. Бібікову дійти висновку, що жіночі зображення в трипільському суспільстві відображали, поряд з іншими, культ родючості та слугували амулетами, що викликали плодючість у жінок. Акт "засівання" глиняного тіста не тільки зерном, а й борошном, вчений розумів як одноразове ритуальне дійство, після чого статуетками більше не користувалися і про них забували. Так, принаймі, трипільці чинили з більшістю фігурок [Бибиков, 1953, с. 259].

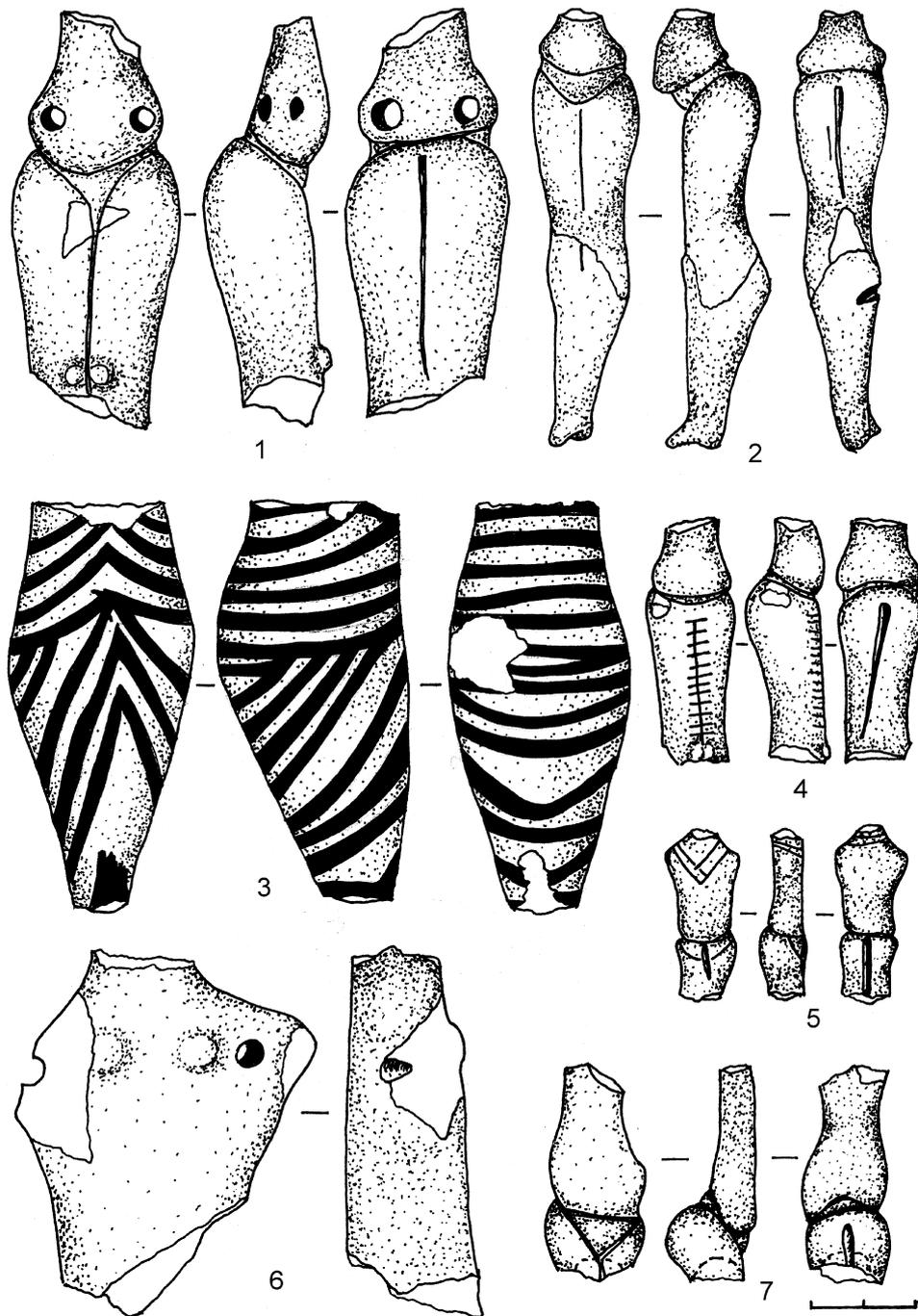

Рис. 3. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи. Ворошилівка

Після опублікування монографії С.М. Бібікова "Ранньотрипільське поселення Лука-Врублецька на Дністрі" (1953 р.) ідея зв'язку трипільської глиняної пластики із землеробською магією сумнівів ні у кого не викликала. Втім, багато хто вважав, що значну частину своїх статуєток трипільці використовували не одноразово, а досить довго [Мовша, 1953, с. 85-87]. Їх могли ставити у трипільському житлі як ідолів (Т.С. Пассек аргументувала це прикладом моделі хатки з Попудні), застосовувати у моліннях про достаток сім'ї та роду, бачити в них іпостасі предків, класти у поховання або ж носити при собі як амулет чи оберіг від злих духів. В усякому випадку фігурками користувалися деякий час і їх культове значення не обмежувалося актом "засівання", ліплення і ламання. Ми не

станемо наводити численні приклади, що доводять "довговічність" багатьох трипільських статуеток, а обмежимося принагідним фактом втискування окремої зернівки в тіло скульптурки. Одразу відкинемо вірогідність випадкового потрапляння зерна в глину, як це нерідко траплялося з посудом. Надто вже осмислено трипільці поміщали зернятка у фігурки з Гребенюкового Яру [Бурдо, 1997, с. 21, рис. 1, 5], Голеркан [Погожева, 1983, с. 25, рис. 4, 1], Данилової Балки [Симонович, 1987, с. 93], Вільшанки [Гусев, 1996, с. 105–109], не кажучи вже про відбиток у потилиці гарно виліпленої статуетки з Кадісвець-Бураківки [Мовша, 1969, с. 32, рис. 11] і вищеописані екземпляри з Ворошилівки та Цвіжина. Схожі явища відомі також у ранньоземлеробській енеолітичній антропоморфній пластиці Болгарії, Румунії. Скульптурні жіночі зображення з демонстративно втиснутим зернятком виразно говорять про тривалість їх використання, бо навіть і без зернівки, маючи чіткий її відбиток, ці трипільські Деметри не втрачали свого магічного значення і ще довго могли залишатися "заплідненими" символами родючості Жінки-Матері і Матері-Землі. Щоправда, з розвитком культури зазнав помітної еволюції сам землеробський ритуал: якщо на ранніх етапах Трипільля зерно домішувалося або втискувалося у тіло жіночих статуеток у великій кількості, то в середньому – на початку пізнього періоду було достатньо втиснути одну насінину, щоб його магія передалася усій статуетці, а ритуал набував глибокого сакрального змісту.

Однак повернемося до характеристики ворошилівської антропоморфної пластики. Схожа за формою до вищеописаної друга лощена фігурка веретеноподібного типу мала не притаманні для Ворошилівки заглиблені насічки поперек лінії, що роздвоювала ноги в області стегон (рис. 3, 4). Подібні прийоми оздоблення антропоморфних статуеток ("фартушок з тороками") знайомі на пам'ятках розвинутого Трипільля Середнього Подністров'я типу Поливанового Яру II [Попова, 2003, с. 192, 195]. Припускаємо, що статуетка виконана під впливом мотивів західних традицій декорування скульптурок.

Фрагмент третьої зеленувато-сірої лощеної статуетки демонструє частину стрункого жіночого стану з досить великими отворами на клубах тазу і підкресленою опуклістю низу живота (рис. 3, 1). Як і дві попередні, ця фігурка була суцільно пофарбована у червоне.

Інші особливості має четвертий фрагмент статуетки веретеноподібного типу. По-перше, вона виготовлялася з чужого для ворошилівської гончарної практики тіста (білуватого відтінку суміш глини, каоліну, піску, шамоту), мала гірчично-жовтий ангоб і гарний випал. По-друге, поверх ангобу був виконаний чорнофарбовий орнамент у вигляді стрічок, що ззаду оперізували литки і сходилися спереду, дещо піднімаючись догори (рис. 3, 3). Такий "збровий" орнамент досить часто трапляється на антропоморфній пластиці межиріччя Південного Бугу та Дніпра (Володимирівка [Пассек, 1949, с. 94, рис. 49], Кринички [Погожева, 1983, с. 73, рис. 21, 8, 9]. Для цього ж району характерне й керамічне тісто. Найвірогідніше, фігурка потрапила у Ворошилівку з поселень Буго-Дніпровського межиріччя як прямий імпорт.

Стилізованих фігурок чоловіків у Ворошилівці знайдено три. Вони досить невеличкі, пропрацьовані нашвидкуруч і зображені у сидячій чи напівсидячій позі (рис. 2, 9, 14, 15). На одній з них залишилися сліди червоної фарби (рис. 2, 9).

На Ворошилівському поселенні не трапилося жодної реалістичної статуетки. На фігурках немає імітованих зачісок, деталей вбрання чи будь-яких інших атрибутів, відомих за пластичними зразками східного трипільського ареалу. Лише на двох статуетках проглядаються нагрудні "підвіски", передані заглибленими лініями (рис. 2, 6; 3, 5). Привертає увагу фрагмент статуетки, тулуб якої спереду, а найбільше зі спини був густо поштриканий загостреною паличкою (рис. 2, 4).

Загалом, антропоморфні зображення з Ворошилівки характеризуються невеликими розмірами, досить стилізованими, іноді навіть недбалими прийомами виконанням фігурок жінок у стоячій позі переважно на веретеноподібній ніжці. В районі очей, стегон і тазу часто робилися наскрізні проколи. Рідкісним є прикрашання скульптурок фарбою або заглибленими лініями.

До ворошилівського типу середньобузької локальної групи належить трипільське поселення етапу VII Сосни, що на р.Згар. В ході археологічних досліджень цієї пам'ятки знайдено 9 антропоморфних статуеток. Переважають нижні частини фігурок на веретеноподібній ніжці (4 екз.), 3 голівки, фрагмент гігантської статуетки на ступкоподібній ніжці та 1 ціла невелика скульптурка підтипу С₂. Остання мала мініатюрну погано пропрацьовану дископодібну голівку з носом-защипом, ледь приталений тулуб і конічну ніжку з імітацією стопи (рис. 4, 12). Особливістю цієї фігурки та ще двох було те, що вони виготовлялися з керамічного тіста, типового для кухонного посуду, а не зі столового. Варто звернути увагу, що голівки Сосонських статуеток були посаджені на довгу шию, подібно до ворошилівської скульптурної традиції (рис. 4, 8, 9). Статуеткам велетенських розмірів, певно, належали

голова дископодібної форми (6,5 см у діаметрі) з товстим великим носом-защипом і без очей-проколів (рис. 4, 7) та уламок середньої частини циліндричної ніжки ступкоподібної фігурки підтипу С₃.

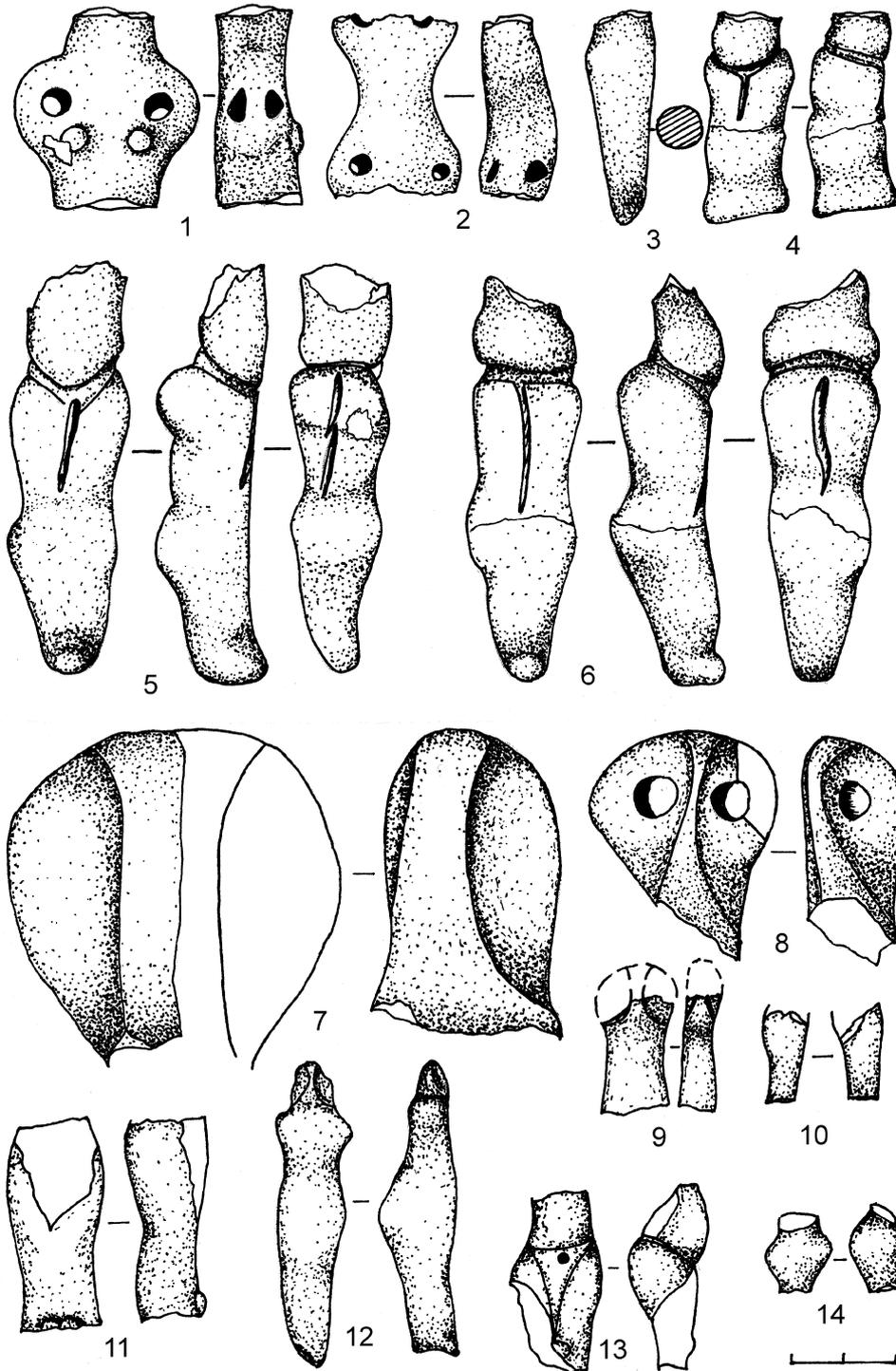

Рис. 4. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи. Ворошилівка (1–6), Сосни (7–14)

Досить чисельну збірку антропоморфної пластики виявлено під час досліджень трипільських пам'яток на території Немирівського скіфського городища VIII–VI ст. до н.е. Як з'ясувалося, на пагорбах всередині городища існувало два різночасових поселення. Перше відоме за польовою документацією та окремими публікаціями як Немирово, Вали або Малі Вали. Воно датується етапом VII. Про друге поселення етапу CI (ур. Могилки) фахівцям відомо менше [Гусєв, 1995, с. 73-80]. Археологічні розкопки під керівництвом С.С. Гамченка (1909 р.) та М.І. Артамонова (1946-48 рр.)

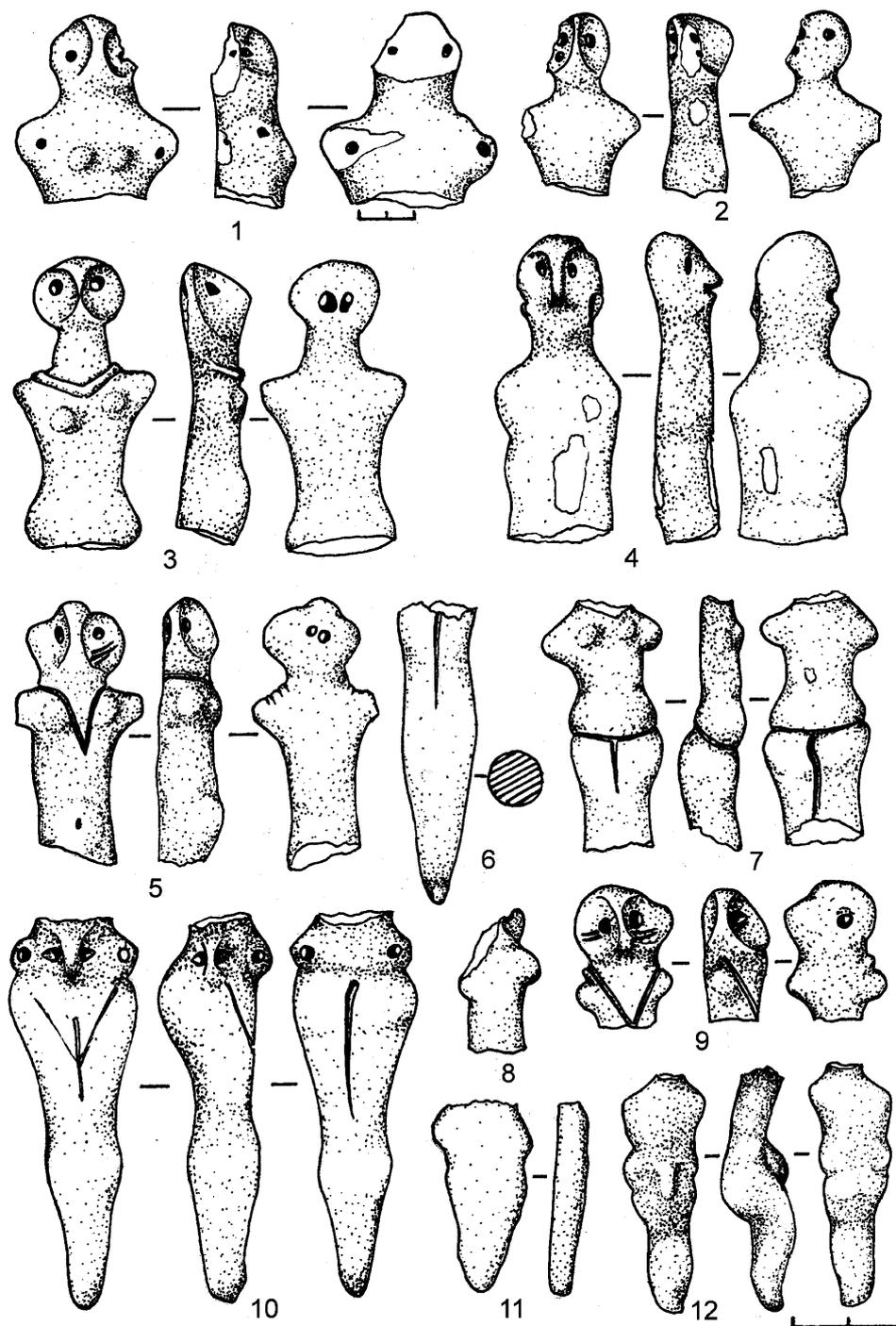

Рис. 5. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи. Немирів

провадилися в обох пунктах, але зібрання пластики, що налічує 51 екз., не розділене за місцем розкопок. Як єдину колекцію описала і частково опублікувала антропоморфні матеріали з Немирова й А.П. Погожева [Погожева, 1983; Pogoseva, 1985, s. 194–196]. Гадаємо, переважна більшість антропоморфних фігурок походять з поселення етапу VII (Вали).

Немирівські статуетки представлені невеликими стилізованими фігурками на веретеноподібній ніжці (підтип С₂) зі сплющеною дископодібною головою, просадженою, на відміну від пластики з Ворошилівки та Сосон, на коротку шию. На місці очей, плечей і тазу традиційно присутні наскрізні

отвори, а в одній зі статуеток під правим "оком" зроблений ще один прокол меншого діаметра (рис. 5, 2). Щоки двох голівок прикрашені "татуванням" у вигляді рисок, що сходяться до носа (рис. 5, 5, 9). Дві фігурки на спині мали "зачіску" у вигляді джгута волосся. На п'яточках статуеток прокресленнями або валиками на грудях передані підвіски, або ж, на думку А.П. Погожевої, вирізи одягу (рис. 5, 3, 5, 9).

В немирівській збірці є одна реалістична статуетка (рис. 5, 4), одна чоловіча сидяча фігурка (рис. 5, 12) та частина стегна пустотілої ніжки від фігурки велетенських розмірів (рис. 6, 4).

Цікавий фрагмент нижньої частини статуетки на веретеноподібній ніжці зберігається у фондах Державного Ермітажу [Фонди..., № ЮП II/1276]. Фігурку розламали ще свіжою і, ніби ненароком, наступили чи сіли на ніжку (помітні сліди тонкопрядної тканини), від чого вона сплюснулася (рис. 5, 11). Вже потім уламок потрапив у вогонь і добре випалився. Можливо це технологічний брак, але не варто забувати думку С.М. Бібікова про те, що трипільці деякі свої статуетки кидали у вогонь одразу після формовки, без попереднього просушування [Бибиков, 1953, с. 255-256].

Наприкінці опису антропоморфної пластики з Немирова відзначимо, що на 15-ти фігурках збереглися сліди суцільного фарбування у червоний колір. За пропорційним співвідношенням це більше, ніж на Ворошилівському поселенні майже у 5 разів. Загалом, колекції з Ворошилівки, Сосон та Немирова досить схожі. Не дивлячись на окремі відмінності, їх можна розглядати як еталонні для трипільських поселень етапу ВІІ Середнього Побужжя.

Завершальні фази існування середньобузької локальної групи представляють трипільські поселення курилівського типу етапу ВІІ–СІ. На епонімному селищі поблизу с.Курилівка виявлено три антропоморфні статуетки. Два фрагменти тазових частин належали фігуркам гігантських розмірів, причому один з них на сидниціх мав архаїчний заглиблений орнамент у вигляді концентричних кіл (рис. 6, 5), а другий – порожнину у нижній частині випуклого живота завбільшки із жолудь, що імітувала вагітність (рис. 6, 6). Третя курилівська знахідка зображала злегка підігнуту ліву ногу статуетки з роздвоєними ногами (рис. 6, 7). Вправно виліплена стопа з п'ятою і боковими кісточками. Коліно позначене наліпом. Припускаємо, що це була досить реалістична фігурка з роздвоєними ногами у сидячій чи напівсидячій позі, можливо чоловіча.

З поселення курилівського типу Лисогірка походить також тазова частина статуетки-гіганта. Сидниці виліплені невиразно, жіноче лоно ледь позначене кутом із заглиблених ліній, які обрамляють опуклий низ живота (рис. 6, 8). Скульптурне виконання лисогірської статуетки дуже нагадує фрагмент "вагітної" фігурки з Курилівки.

Серед антропоморфної пластики трипільських пам'яток Середнього Побужжя, як і в інших регіонах трипільсько-кукутенського ареалу, статуетки з опуклим животом далеко не рідкість. Зрозуміла семантика зображення – вагітність жінки або заплідненість (родючість) Матері-Природи. Деякі "вагітні" фігурки, на думку Т.Г. Мовші, відображали не ідею плодючості взагалі, а мали конкретніше призначення і використовувалися у моліннях про достаток води, зерна, металу (приклад зі статуеткою з Коломийщини ІІ, яка в животі мала мідну пластинку), приплід потомства тощо [Мовша, 1969, с. 33]. За зразками антропоморфної пластики з поселень середньобузької локальної групи не прослідковується якась закономірність у такій іконографіці. Опуклі і часто пустотілі животи мали фігурки як велетенських, так і невеликих розмірів, виготовлені ретельно і недбало, орнаментовані і неорнаментовані, з втиснутим зерном і без нього. Щоб зрозуміти семантику цього образу та трипільської малої скульптури в цілому потрібні додаткові дослідження, в тому числі в плані планіграфії знахідок.

Дослідники антропоморфної пластики Трипілья (Т.С. Пассек, Т.Г. Мовша, А.П. Погожева та ін.) неодноразово підкреслювали надзвичайну важливість точного встановлення під час археологічних розкопок місцезнаходження статуеток. Вивчення трипільських пам'яток у Середньому Побужжі дозволили простежити важливі закономірності у цьому плані: антропоморфні фігурки майже не траплялися у житлах, зрідка знаходилися на міжжитловому просторі (на подвір'ї), а зосереджувалися переважно у заглибленнях. Усі статуетки малих і середніх розмірів були переламані на 2-3 частини, а велетенські фігурки розбиті на шматки. Так, розкопуючи вал скіфського городища у Немирові, М.І. Артамонов натрапив на трипільську яму діаметром близько 4-х м з похилими стінками і нерівним дном. Вона була заповнена фрагментами кераміки, деревним попелом, кістками великих тварин (в т.ч. роги великого бика) і кількома десятками фрагментів антропоморфних і зооморфних фігурок [Артамонов, 1948]. У Ворошилівці поблизу житла № 4 на дні ями № 2 розміром 3 x 2,8 м, глибиною 0,8 м від денної поверхні містилися залишки багаття на глиняній вимостці, великий камінь, розвал кухонного горщика, кістки і щелепа бика, 14 глиняних пінтадерів, кілька "хлібців" та уламки від 93-х невеликих статуеток (62% від загальної колекційної кількості). На поселенні Сосни 6 з 9-ти фігурок

були виявлені у землянці № 2, що була обладнана кам'яною вимостою для багаття. Тут же знаходилося дві зооморфних статуетки і практично ціла велика миска з біхромним розписом. Гадаємо,

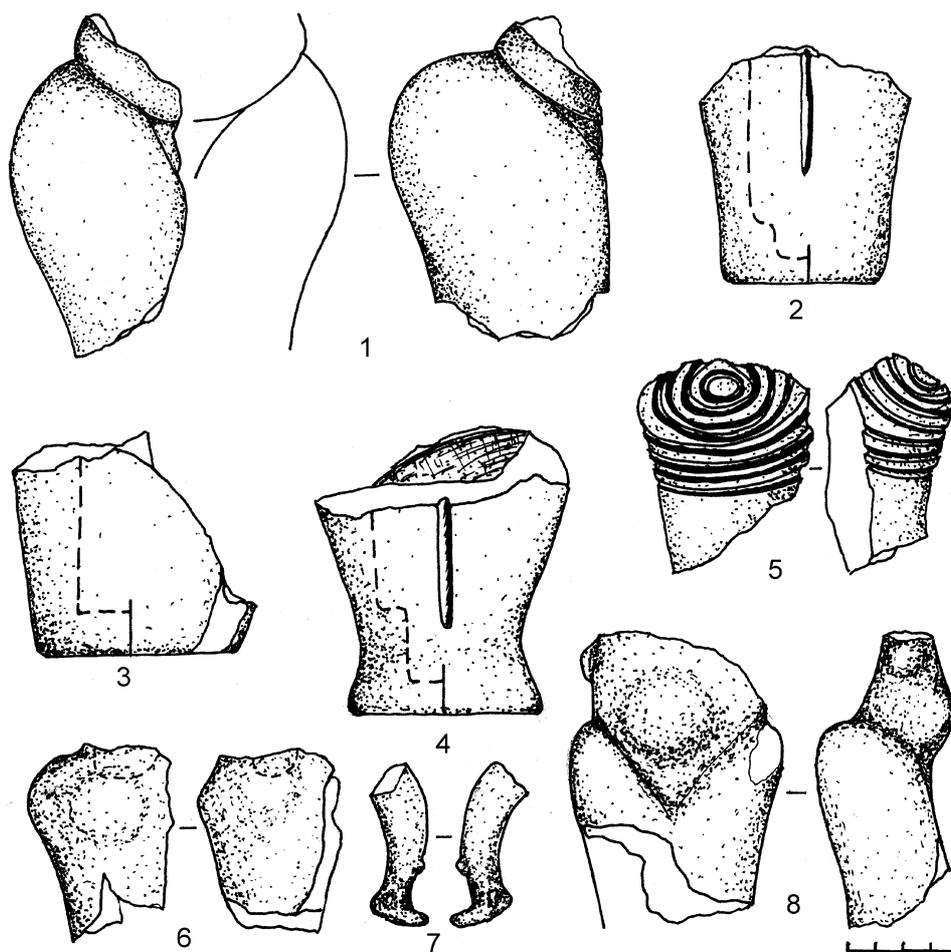

Рис. 6. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи. Ворошилівка (1–3), Немирів (4), Курилівка (5–7), Лисогірка (8)

якісь важливі ритуали трипільці відправляли довкола багаття в ямах чи землянках. Під час цих культових церемоній поряд із символами жіночого начала використовувалися чоловічі іпостасі в образі голови бика або його скульптурних зображень. Трипільські культові заглиблення з пластикою не йдуть в порівняння з монументальними святилищами жінки і бика стародавнього Сходу на кшталт Чатал-Гуюка [Mellaart, 1967], але певний зв'язок ідеологічних традицій носіїв трипільської культури з давніми ранньоземлеробськими центрами Анатолії та балкано-дунайського кола простежується. Археологічні матеріали середньобузької локальної групи розвинутого Трипілля чітко вказують на близькість образів жінки і бика (чоловіка) як двох начал культу родючості, а те, що церемонії зі статуетками відбувалися у певних місцях – заглибленнях, – цілком може бути пояснене регіональною особливістю.

Для антропоморфної пластики поселень Середнього Побужжя, як уже зазначалося, характерні фігурки малих і середніх розмірів. Окремі фрагменти (менше 5 % від кількості описаної пластики) належали статуеткам велетенських розмірів. Якщо повна висота реконструйованих фігурок становила від 5 до 20 см, то статуетки-гіганти з Ворошилівки, Сосон, Немирова, Курилівки і Лисогірки мали не менше 40–50-ти см заввишки, а один ворошилівський уламок (рис. 6, 1) міг належати скульптурці висотою 0,8–0,9 м. Відомі нам нижні частини статуеток-велетнів були ступкоподібними, з плоским "дном" і пустотілі всередині. Це вже не просто індивідуальні фігурки-амулету, а справжні жіночі ідоли. Ще у 1960-х роках Т.Г. Мовша припускала, що велетенські фігурки з пустотілими ніжками-стовпчиками у період розвинутого Трипілля були поширені саме на Південному Бузі та західніше від нього [Мовша, 1969, с. 24]. Зазначені знахідки на поселеннях етапів VII та CI Середнього Побужжя

однозначно підтверджують, що тут побутували великі скульптурні зображення жіночих ідолів і використовувалися вони, певно, у колективних культових церемоніях.

Таким чином, аналіз антропоморфної пластики середньобузької локальної групи трипільської культури дозволяє зробити висновки, що тут переважали фігурки середніх і малих розмірів на веретеноподібній ніжці, серед яких домінували стилізовані жіночі зображення у стоячій позі. Зустрічаються скульптурні жіночі ідоли й велетенських розмірів. В археологічних колекціях переважають фігурки без орнаменту або ж із суцільним фарбуванням у червоний колір. Чорнофарбовий стрічковий та заглиблений декор є рідкісним прийомом оздоблення антропоморфної пластики. Реалістична пластика, а також деталі одягу, взуття, зачіски практично відсутні. Іконографіка статуеток Середнього Побужжя більше нагадує західні пластичні традиції з рідкісним використанням східнотрипільських прийомів виготовлення і оздоблення. Чимало магічних ритуалів з пластикою відбувалися у спеціальних культових заглибленнях або у землянках.

При загальній характеристиці антропоморфної пластики ми не зупинялися на описі статуеток з поселень Біликівці, Білозіра, Вишенька-2, де знайдено по 1–3 екземпляри, оскільки вони надто фрагментовані й не дають додаткової принципово важливої інформації. Подальші дослідження своєї локально-територіальної групи Трипільля етапів VI–VII–CI та накопичення нових археологічних матеріалів дозволять більш детально з'ясувати особливості розвитку духовної культури давнього населення Середнього Побужжя як важливої складової усього трипільсько-кукутенського етномасиву.

Список літератури

- Артамонов М.И.** Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 г. // НА ІА НАН України. – 1948/4.
- Бибиков С.Н.** Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. – 1953. – № 38. – 460 с.
- Бурдо Н.Б.** Землеробство ранньотрипільських громад східного регіону // АДУ 1993 року. – Київ, 1977. – С. 21.
- Гамченко С.С.** Спостереження над даними дослідів Трипільської культури 1909–1913 рр. // Трипільська культура на Україні. – Київ, 1926. – Вип. I. – С. 31–42.
- Гусев С.О.** Трипільські поселення поблизу Немирова // Археологія. – 1995. – № 3. – С. 73–80.
- Гусев С.О.** Нові дані про культову пластику трипільської культури // Археологія. – 1996. – № 3. – С. 105–109.
- Мовша Т.Г.** К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики // КСИА АН УССР. – 1953. – Вып. 2. – С. 85–87.
- Мовша Т.Г.** Об антропоморфной пластике трипольской культуры // СА. – 1969. – № 2. – С. 15–34.
- Пассек Т.С.** Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетия до н.э.) // МИА. – 1949. – № 10. – 248 с.
- Погожева А.П.** Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск, 1983. – 145 с.
- Попова Т.А.** Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. – СПб., 2003. – 240 с.
- Симонович Е.О.** Ранньотрипільське поселення в с.Данилова Балка на Кіровоградщині // Археологія. – 1987. – Вип. 60. – С. 92–94.
- Фонди** Державного Ермітажу. Інв. № ЮП II/1276.
- Mellaart I.** Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. – L.- N.Y, 1967.
- Pogoseva A.P.** Die Statuetten der Tripollje-Kultur // Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – Bonn, 1985. – Bd. 7. – S. 95–242.

ТРИПІЛЬСЬКА КОЛЕКЦІЯ З ПОСЕЛЕННЯ БІЛЯ СЕЛА ГРИМ'ЯЧКА НА ХМЕЛЬНИЧЧИНІ (зі збірки Національного музею історії України)

Невелика трипільська колекція надійшла до Національного музею історії України у 1972 році з розвідок Ю.М. Малеева. Матеріали були зібрані на місці поселення в урочищі Монаски поблизу села Грим'ячка Віньковецького району Хмельницької області учителем із сусіднього села Зіньків Куземським Левком Миколайовичем. Від нього отримані Ю.М. Малеевим, який передав їх до археологічних фондів музею.

Про наявність поселення трипільської культури біля села Грим'ячка відомо зі зводу "Історія міст і сіл УРСР" [Історія..., 1971, с. 126]. Воно також включене у Реєстр трипільських пам'яток в Енциклопедії трипільської цивілізації [Енциклопедія трипільської цивілізації..., 2004, т. I, с. 656]. Щоправда, урочище не вказане. На жаль, у звітах Ю.М. Малеева цей пункт не згадується (пошуки у Науковому архіві Інституту археології НАН України не дали результатів).

Колекція нараховує 34 одиниці зберігання, складається переважно з фрагментів керамічного посуду, а також пластики, зняряд з кістки та каменю. Вона потребує введення у науковий обіг.

Аналіз матеріалів дозволяє припустити наявність на поселенні в урочищі Монаски двох шарів трипільської культури (або – двох окремих різночасових поселень): середнього та пізнього етапів.

До **середньотрипільського часу** належать 13 од. кераміки із заглибленим орнаментом у вигляді прокреслених жолобків, доповнених ланцюжками ямок. З форм представлені конічні покоришки (3), біноклеподібні посудини (2), кратероподібні широковідкриті посудини (3), бомбовидний кубок, амфороподібна посудина, а також 2 фрагменти стінок та денце посудин невизначених форм. Посуд виготовлений із глиняної маси здебільшого з домішкою шамоту.

Із трьох конічних покоришок одна майже ціла, з циліндричною масивною верхівкою та двома симетрично розташованими горизонтальними вушками, загостреними й напрямленими вгору. Зовні поверхня оздоблена заглибленим орнаментом у вигляді широких жолобків–борозенок, котрі утворюють спіраль на верхівці, два кільцеві пояси на шийці, навколо вушок – концентричні кола та заштрихований кут у проміжку. У жолобках – сліди білої фарби. Висота – 7 см, діаметр основи – 10 см, верхівки – 5 см (рис. 1, 1). Фото покоришки подане у Енциклопедії трипільської цивілізації як ілюстрація до теми "вольота" [Енциклопедія трипільської цивілізації..., 2004, т. 2, с. 108]. Решта – фрагменти покоришок. Порожниста біконічна верхівка із двома жолобчастими поясами на шийці та горизонтальним наскрізним отвором, згори оздоблена заглибленою стрічкою з увігнутими боками, заповненою навскісними рисками. Діаметр – 5,4 см (рис. 1, 2). Нижня частина покоришки, прикрашена широкими навскісними жолобками та ланцюжками ямок між ними. Діаметр основи – 12 см (рис. 1, 6).

Біноклеподібні посудини представлені двома фрагментами. Один – середня пласка ромбовидна перемичка, з витягнутим верхнім кутом та закругленим нижнім. Обабіч по центру – широкими жолобками зображено подвійну спіраль – "змій", вище, на трикутному виступі – по дві ямки з кожного боку. Розміри: 7,3x8x1 см (рис. 1, 3). Другий – фрагмент розтрубу із залишком нижньої сплющеної перемички. На зовнішній поверхні – горизонтальні паралельні жолобки та ланцюжок ямок по краю (рис. 1, 4).

Вінця двох широковідкритих кратероподібних посудин середньовисокі, потовщені зсередини, розхилені назовні. Зовнішня поверхня оздоблена горизонтальними жолобками та ланцюжком ямок по краю (рис. 1, 7, 10). Вінця з плічком від широковідкритої посудини S-подібного профілю короткі, плавно розхилені, зовні прикрашені жолобками, що сходяться під кутом, і ланцюжками ямок між ними (рис. 1, 5).

Кубка тонкостінного бомбовидного фрагмент нижньої частини: невеличке пласке денце з опуклими стінками біля дна. На стінках – орнамент із мілких дугастих жолобків–канелюр, доповнених ланцюжками із трьох ямок. Діаметр дна – 4 см (рис. 1, 11).

Амфори великої товстостінної фрагмент опуклої стінки з вертикальною ручкою-вушком. Крім шамоту, в глиняному тісті простежується домішка білої речовини (мергелю?). Зовнішня поверхня вкрита широкими навскісними жолобками–канелюрами, можливо, пальцевими? (рис. 1, 13).

Денце з частиною стінки біля дна від посудини середнього розміру. Масивне, пласке. На стінці по обводу біля дна – пояс із глибоких ямок, вище нього простежується залишок горизонтального жолобка (рис. 1, 12). Фрагмент стінки від великої товстостінної посудини, зовні оздоблений широкими та глибокими паралельними горизонтальними жолобками; ймовірно, належав великій тарній посудині–зерновику (рис. 1, 9).

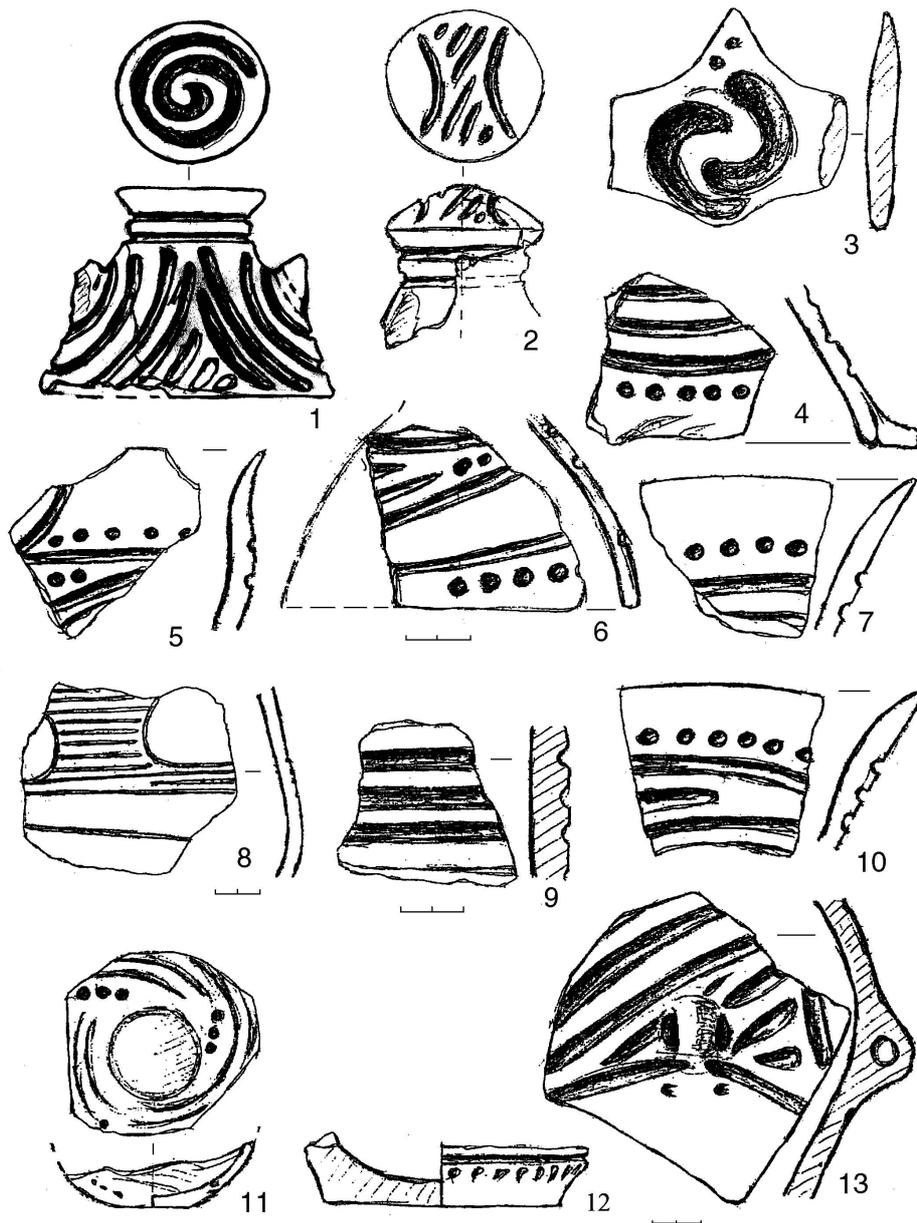

Рис. 1. Грим'ячка, урочище Монаски. Трипільля В І: 1-13 кераміка

Найвний також фрагмент стінки від опуклотилої посудини, дещо відмінний від інших. Оздоблений орнаментом з вузьких мілких жолобків у вигляді окреслених "порожніх" овалів, простір між якими щільно "заштриховано" горизонтально (рис. 1, 8).

Аналоги форм та орнаментатії посуду відомі у таких пам'ятках, як Миропілля і Шкарівка [Цвек, 1999, с. 30, рис. 2, 6, 13, 15, 16; Цвек, 2004, с. 619-620]; Борисівка [Радієвська, 2003, с. 29, Табл. І]; Долиняни [Діденко, Якубенко, 2004, с. 121-124; Діденко, Якубенко, 2004а, с. 153-155].

За сукупністю даних розглянуті вище матеріали належать до середнього етапу (фіналу VI) трипільської культури.

Решта колекції належить до **пізньотрипільського шару** поселення і репрезентована такими виробами: уламки посуду – столова розписна кераміка (11), кухонна кераміка (1); мініатюрна посудинка (1); пластика зооморфна (3) та антропоморфна (1); кістяні кинджал та шило; уламки кам'яних сокир (2).

Рис. 2. Грим'ячка, урочище Монаски. Трипільля С II: 1-10 – столова розписна кераміка, 11 – кухонна кераміка

Столовий посуд виготовлений із тонкоструктурної маси, черепок міцний, добре випалений, червоного кольору. Представлені такі форми: миски сферо-конічні і конічні, шоломоподібні покришки, посудини.

Вінця сферо-конічних мисок оздоблені обабіч монохромним розписом. Всередині під краєм – залиті "зубці", внутрішнє поле розбите на сектори подвійними смугами, між якими вписані дугасті стрічки або овали; зовні під вінцями – фестони зі стрічок (рис. 2, 1, 3). Одна стінка миски має "зубці" всередині під подвійною смугою (рис. 2, 5); друга – хрест із паралельних ліній всередині (рис. 2, 6). Також наявний фрагмент вінця великої миски із просвердленим наскрізним отвором (зустрічне свердлення) та конічною ямкою від початого свердлення другого отвору із зовнішнього боку (рис. 2, 2). Аналоги розписним мискам відомі у таких пам'ятках як Жванець, Старі Бадражі, Костешти IV,

Бринзени III, Писарівна [Мовша, 1970, с. 89-91, рис. 26, 2; 28, 3, 4; Маркевич, 1981, с. 34-48, рис. 40, 20; 71, 8, 13, 14; 57, 19; Якубенко, 2003, с. 35-37, рис. 4-6].

Шоломоподібні покришки представлені фрагментами: верхівка з біхромним розписом на горішній площині у вигляді хреста з паралельних смуг (чорною фарбою) на червоному тлі (рис. 2, 7); уламки нижніх частин – "вінець" із залишками розпису чорною та червоною фарбами (рис. 2, 8, 9). Хрест на покришках фіксується у пам'ятках кошиловецької групи [Рижов, 1998, с. 43-44; Tkachuk, 2005, Fig. 21, 13; Fig. 22, 4].

До столової групи також належать: стінка від великої товстостінної посудини з монохромним розписом по світлому ангобу (рис. 2, 10) та стінки посудин із залишками розпису чорною фарбою зовні, на одній – залишки червоної фарби (рис. 2, 4). Окремо слід виділити мініатюрну амфороподібну посудинку з двома вертикальними вушками і широко розкритими вінцями. Висота – 4 см, діаметр на рівні вушок – 4 см (рис. 3, 7). Вона також виготовлена зі столової глиняної маси, поверхня ретельно заглажена.

Кухонний посуд представлений фрагментом плічка опуклого горщика, оздобленого поясом із двох горизонтальних рядків відтисків шнура (рис. 2, 11). У глиняному тісті – домішка товченої мушлі-черепашки. Аналоги оздоблення шнуром широко відомі на пізнотрипільському кухонному посуді, перш за все – на пам'ятках жванецько-бринзенської групи [Мовша, 1970, с. 89, рис. 26, 6; Маркевич, 1981, с. 48, рис. 73, 4, 17, 21].

Три зооморфні статуетки, найімовірніше, зображують биків. Одна фігурка кращої збереженості: цілий тулуб із чотирма ніжками (голова й нижні частини кінцівок відбиті). Воло, хвіст та ознака статі оформлені за допомогою нігтьових защипів. Довжина – 6,4 см, ширина – 3 см, висота – 2,5 см (рис. 3, 4). Від другої фігурки збереглася нижня частина тулуба (спинка та ніжки відбиті). Защипами зображені воло й ознака статі на черевці, що виділена у вигляді пружка, оточеного з обох боків ланцюжком нігтьових вдавлін (разом нагадує "колос"). Довжина – 9 см (рис. 3, 6). Третя фігурка також фрагментована: тулуб на чотирьох широко розставлених ніжках, що частково збереглися, спинка збита. На грудях – виділений дрібними защипами валиковий виступ, що зображує воло, на черевці – защипом позначено стать, легким защипом із боків виділено хвостик. Довжина – 8,1 см (рис. 3, 8). Ніжки у всіх фігурок широко розставлені. Аналоги наявні у Кошилівцях, Косенівці, Трифауцах [Балабина, 1998, с. 85-90, рис. 38, 1; 39, 1, 3; 40, 1, 2; Олійник, 1998, с. 58-60, рис. 1, 1, 4; Куріло, 1998, с. 61-62, рис. 1, 3-5].

Антропоморфна схематизована статуетка, фрагмент – нижня половинка на стовпчастій ніжці, сплюснена з боків. У горішній частині спереду й ззаду збереглася врізна смуга навколо стегон. Спереду рисою у вигляді розділеного кута позначено жіночу стать. Висота 4,5 см (рис. 3, 3). Аналоги – у пам'ятках кошилівської групи [Олійник, 1998, с. 54-58; рис. 1, 3; 2, 3, 7].

Знаряддя з кістки та каменю

Шило кістяне двобічне: одна половина круглого перерізу, друга – прямокутного. Посередині потовщене, кінці загострені. Довжина – 7,4 см, товщина найбільша – 1 см (рис. 3, 2).

Кинджал кістяний сплюснений (збереглася середня частина). Лицьова поверхня кинджала опукла, має по вертикальній осі нервюру у вигляді опуклого закругленого пружка по всій довжині, задня – увігнута посередині. Клинок мав трапецієподібні обриси, звужений донизу (до кінчика), біля основи – розширений, на переході до руків'я плавно звужується. Руків'я прямокутне, оздоблене з лицьового боку заглибленими парними рисками (жолобками) обабіч нервюри, паралельно їй. Нижні кінці рисок відігнуті назовні, в місці розширення – переходу до руків'я від клинка. Поверхня гладенько шліфована. Довжина фрагмента – 9,6 см, ширина найбільша – 4,5 см, товщина – 0,7 см (рис. 3, 9). Найближчі аналоги форми та декору знаходимо у таких пам'ятках Подністров'я як Костешти IV, Бринзени III, Варатик-Холм [Маркевич, 1981, с. 38, рис. 50, 1, 4, 5].

Дві кам'яні шліфовані сокири з просвердленим отвором виготовлені з твердої кристалічної дрібнозернистої породи зеленкувато-сірого кольору. Обидві представлені половинними фрагментами (лезові частини), поперечний злам проходить через отвір.

1) Сокири з просвердленим отвором фрагмент, фронтальна площина гладенька, рівна, має трикутні обриси та чіткі ребра переходу до решти обтічної поверхні. Лезо опукле, досить гостре, звисає видовженим пружком зі зворотного боку, протилежного фронтальній площині. Поперечний перетин – трапецієподібних обрисів із закругленими кутами. Отвір знаходиться у найширшій частині сокири (ймовірно, посередині висоти), трохи зміщений ліворуч; просвердлений в один прийом, від фронтальної площини. Всередині отвору – кільцеві смуги від роботи свердла. Поверхня шліфована.

Довжина фрагмента – 10,7 см, ширина проти отвору – 5,3 см, товщина – 3,3–5,3 см, діаметр отвору – 1,8–2,0 см (рис. 3, 1).

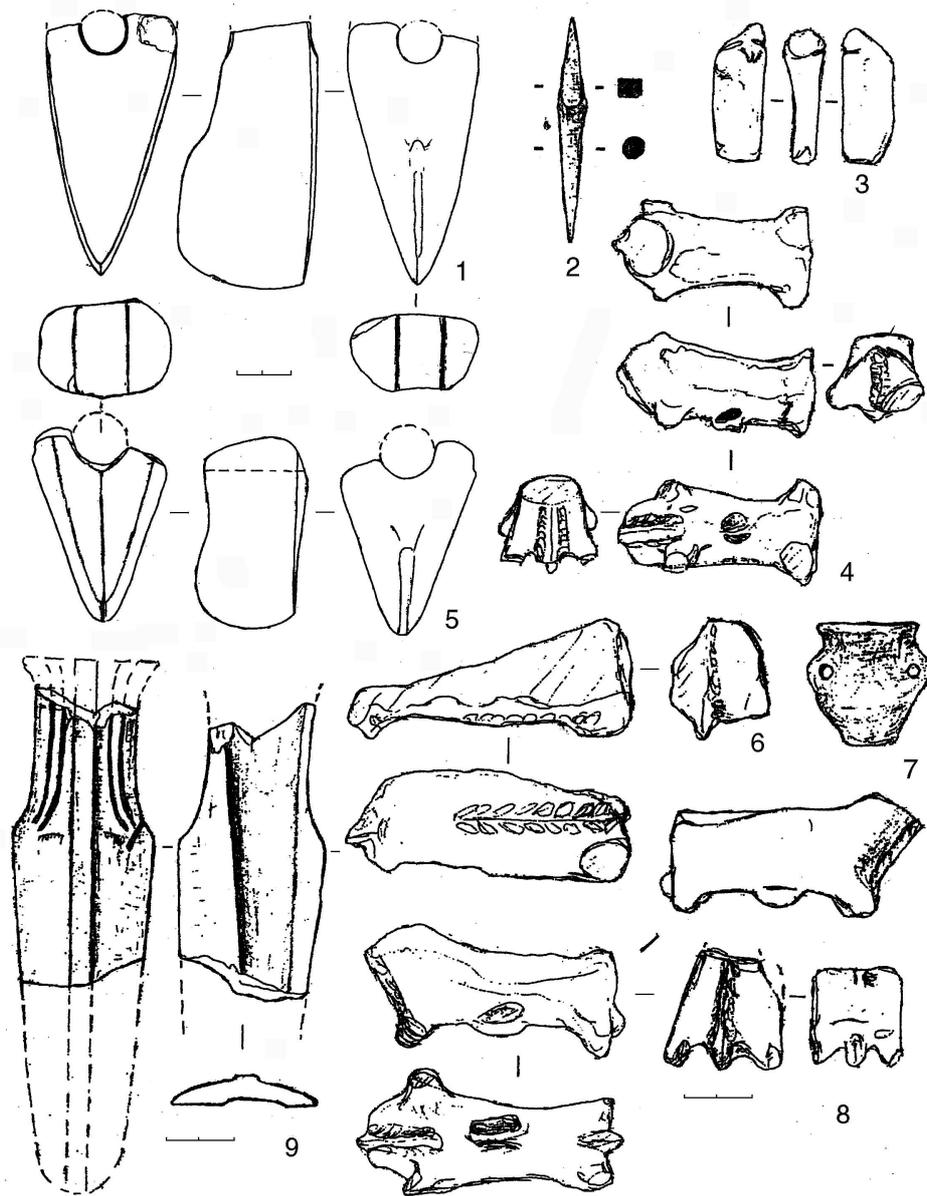

Рис. 3. Грим'ячка, урочище Монаски. Трипілля С II: 1, 5 – кам'яні сокири; 2– кістяне шило; 3– антропоморфна статуетка; 4, 6, 8– зооморфні статуетки; 7–мініатюрна посудинка; 9– кістяний кинджал

2) Сокири кам'яної з просвердленим отвором та звисаючим лезом фрагмент. На фронтальній площині по поздовжній осі сокири – ребро (нервюра), ще два негострих ребра, що розходяться кутом від леза, обмежують площину і відокремлюють її від решти обтічної поверхні. Лезо тупе, закруглене, провисає дугою зі зворотного боку. Поверхня сокири, а також всередині отвору гладенько шліфована. Округло зашліфований також вищий злам біля отвору, що вказує на спробу вторинного використання виробу, можливо, у якості товкача або розтиральника. Довжина фрагмента 7,9см, ширина проти отвору – 5,2 см, товщина – 3,9 см, діаметр отвору – 2,1см (рис. 3, 5). Обидві сокири, згідно з класифікацією Брюсова – Зіміної, належать до лопатевого типу [Брюсов, Зимина, 1966, с. 61, табл. 17].

Матеріали верхнього шару (пізнього етапу СII) поселення мають найближчі аналоги в пам'ятках жванецької (бринзенської) та кошиловецької груп. Тісні взаємовідносини та зв'язки населення цих груп, зафіксовані у предметах матеріальної культури, відзначала Т.Г.Мовша [Мовша, 1998, с. 18-20]. Отже, цікава двошарова пам'ятка Грим'ячка–Монаски заслуговує на докладне вивчення.

Список літератури

- Балабина В.И.** Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья.– М., 1998. – 270 с.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П.** Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР // САИ. –Вып. В4-4. – М., 1966.– 61 с.
- Діденко С.В., Якубенко О.О.** Долиняни // Енциклопедія трипільської цивілізації. – Київ, 2004а. – Т. II. – С. 153-155.
- Діденко С.В., Якубенко О.О.** Нові поселення трипільської культури біля с. Долиняни на Вінничині // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. – Київ, 2004б. – С. 121-124.
- Енциклопедія трипільської цивілізації.** – Т. I. – Київ, 2004. – 656 с.
- Історія міст і сіл УРСР.** Том "Хмельницька область". – Київ, 1971. –126 с.
- Куріло О.Ю.** Колекція зооморфної пластики з поселення кошиловецького типу Блищанка // Міжнародна археологічна конференція "Трипільське поселення Кошилівці–Обоз" (до 120–річчя відкриття). Наукові матеріали. – Заліщики, 1998. – С. 61-62.
- Маркевич В.И.** Позднетрипольские племена Северной Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1981.– 184 с.
- Мовша Т.Г.** Позднетрипольское поселение в с. Жванец // КСИА АН СССР. – № 123. – 1970.— С. 84-93.
- Мовша Т.Г.** Взаємовідносини між населенням кошиловецької та жванецької культур в трипільсько-кукутенській спільності // Міжнародна археологічна конференція "Трипільське поселення Кошилівці–Обоз" (до 120–річчя відкриття). Наукові матеріали. – Заліщики, 1998. – С. 18-20.
- Олійник В.І.** Трипільська антропоморфна і зооморфна пластика Заліщанщини (на матеріалах колекції Заліщицького краєзнавчого музею) // Міжнародна археологічна конференція "Трипільське поселення Кошилівці–Обоз" (до 120–річчя відкриття). Наукові матеріали. – Заліщики, 1998. – С. 54-60.
- Радієвська Т.М.** Багатошарове поселення Борисівка на Вінничині // Музей та його колекції. Тематичний збірник наукових праць – Київ, 2003. – С. 18-34.
- Рижов С.М.** Кераміка трипільського поселення кошиловецької групи Блищанка II // Міжнародна археологічна конференція "Трипільське поселення Кошилівці–Обоз" (до 120–річчя відкриття). Наукові матеріали. – Заліщики, 1998. – С. 43-44.
- Цвек О.В.** Структура східотрипільської культури // Археологія. – 1999. – № 3. – С. 28-40.
- Цвек О.В.** Шкарівка // Енциклопедія трипільської цивілізації. – Київ, 2004. – Т. II. – С. 619-620.
- Якубенко О.О.** Матеріали з нових трипільських пам'яток у Подністров'ї // Музей та його колекції. Тематичний збірник наукових праць – Київ, 2003. – С. 35-44.
- Tkachuk T.** Chronological phases of the Koshylyivtsy group of the Tripole culture // Sprawozdania archeologiczne. – № 57. – 2005. – P. 87-130.

МАТЕРІАЛИ ТРИПІЛЬСЬКОГО ПОСЕЛЕННЯ ГРИМ'ЯЧКА

У музеї трипільської культури Національного історико-етнографічного заповідника "Переяслав" зберігається невелика колекція матеріалів з трипільського поселення поблизу с. Грим'ячка Віньковецького району Хмельницької області, зібраних Т.Г. Мовшею під час археологічних розвідок у 1978 р. Поселення стаціонарно не досліджувалось. Відомості про нього в літературі вкрай обмежені.

Поселення знаходиться в басейні Дністра, у верхній течії його лівого допливу р. Ушиця, в середній течії р. Грем'ячка (лівий доплив Ушиці), в урочищі Монаски. Регіон близький від вододілу Дністра та Південного Бугу, можна визначити як проміжний між лівобережжям середнього Дністра та Побужжям. Вперше в літературі поселення згадується 1971 р. в "Історії міст і сіл УРСР. Хмельницька область" [Історія..., 1971, с. 126], звідки найзагальніша інформація про нього потрапила до переліку пам'яток в "Енциклопедії трипільської цивілізації" [Археологічні..., 2004, с. 656]. Відкриттям поселення ми завдячуємо відомому місцевому краєзнавцю (с. Зіньків) Левку Миколайовичу Куземському, який проводив на поселенні збори матеріалів. Вперше у 1972 р. колекція з Грим'ячки була передана Л.Куземським Ю.М. Малєєву, який того ж року здав її до фондів Державного історичного музею (НМІУ). Під час розвідок 1978 р. Т.Г. Мовша отримала матеріали з поселення, передані дружиною Л.М. Куземського.

Введення до наукового обігу нових матеріалів має значення для етнокультурного визначення пам'ятки та її датування. Колекція 1978 р. складається із 28 предметів: 17 уламків ліпного посуду, трьох пряслиць, одного грузила, сланцевого тесла, крем'яного віджимника-ретушера, двох відщепів кременю, цікавий уламок обмазки з відбитками зерен та по одному екземпляру унікальної реалістичної антропоморфної та зооморфної пластики.

Поселення двошарове, про що свідчить зібрана кераміка, яка відноситься до середнього та пізнього етапів трипільської культури. Колекція кераміки середньотрипільського часу представлена шістьма уламками ліпного посуду, які можна віднести до трьох груп: із заглибленою орнаментациєю, канельованого та т.зв. кухонного. Загальною ознакою для всіх груп є глиняна маса із шамотом.

Перша група представлена чотирма фрагментами посудин, прикрашених заглибленими жолобками, вдавленнями та наколами. Одна стінка посудини орнаментована дугоподібними та прямими відрізками заглиблених широких жолобків, згрупованих під різними кутами, та наколом, нанесеним між жолобками похилою круглою паличкою (d=4 мм). Глиняна маса із домішкою шамоту, вимішана і формована недбало, обпал рівномірний, колір світло-цегляний. Поверхня по орнаменту була вкрита шаром рідкої глини білувато-бежевого кольору. (рис. 1, 5).

Виділяється фрагмент нижньої частини посудини на піддоні із заглибленою орнаментациєю. Висота піддону не визначається. Внутрішня поверхня добре заглажена, зовні над піддоном – широкий жолобок, який оперізував дно посудини. В тісті – домішка дрібного піску та шамоту. Черепок нерівномірного обпалу від сірувато-коричневого до цегляного. (рис. 1, 2).

До цієї ж групи віднесені два фрагменти від товстостінних посудин з вертикально розміщеними масивними ручками-вухками, орнаментованими над ручкою оперізуючим рядом пальцевих вдавлень: перший досить великий фрагмент належить товстостінній посудині з частиною вінця та стінки із наліпною вертикальною ручкою, другий невеликий уламок стінки з ручкою (над якою помітне вдавлення, виконане пальцем). Глиняна маса обох фрагментів має значну домішку крупних фракцій шамоту, а вірніше – підсушеної глини, яка за складом та кольором не відрізняється від глиняного маси [Сайко, 1984, с. 131]. Внутрішня поверхня добре заглажена, зовнішня формована недбало. Зовні поверхня меншого фрагмента вкрита тонким шаром білувато-жовтої глини. На поверхні – дрібні тріщини, що утворилися під час обпалу, обпал рівномірний, колір цегляний. Форму посудин визначити складно – вони відносяться до рідкісних екземплярів: високе пряме вінце великого діаметру (50 - 54 см) та стінка з нахилом назовні і натяком на плічко дозволяє припустити кратероподібну форму або наближену до неї (рис. 1, 1, 3).

Друга група репрезентована одним уламком від вінця тонкостінного кубка зі злегка відігнутих заокругленим краєм, високим горлом, прикрашеним широкими і неглибокими горизонтально розміщеними канелюрами. Поверхня стерта, можливо, була підлощена. Глиняна маса з домішкою

дрібного піску та шамоту, тісто гарно вимішане, обпал рівномірний світло-цегляного кольору (рис. 1, 4).

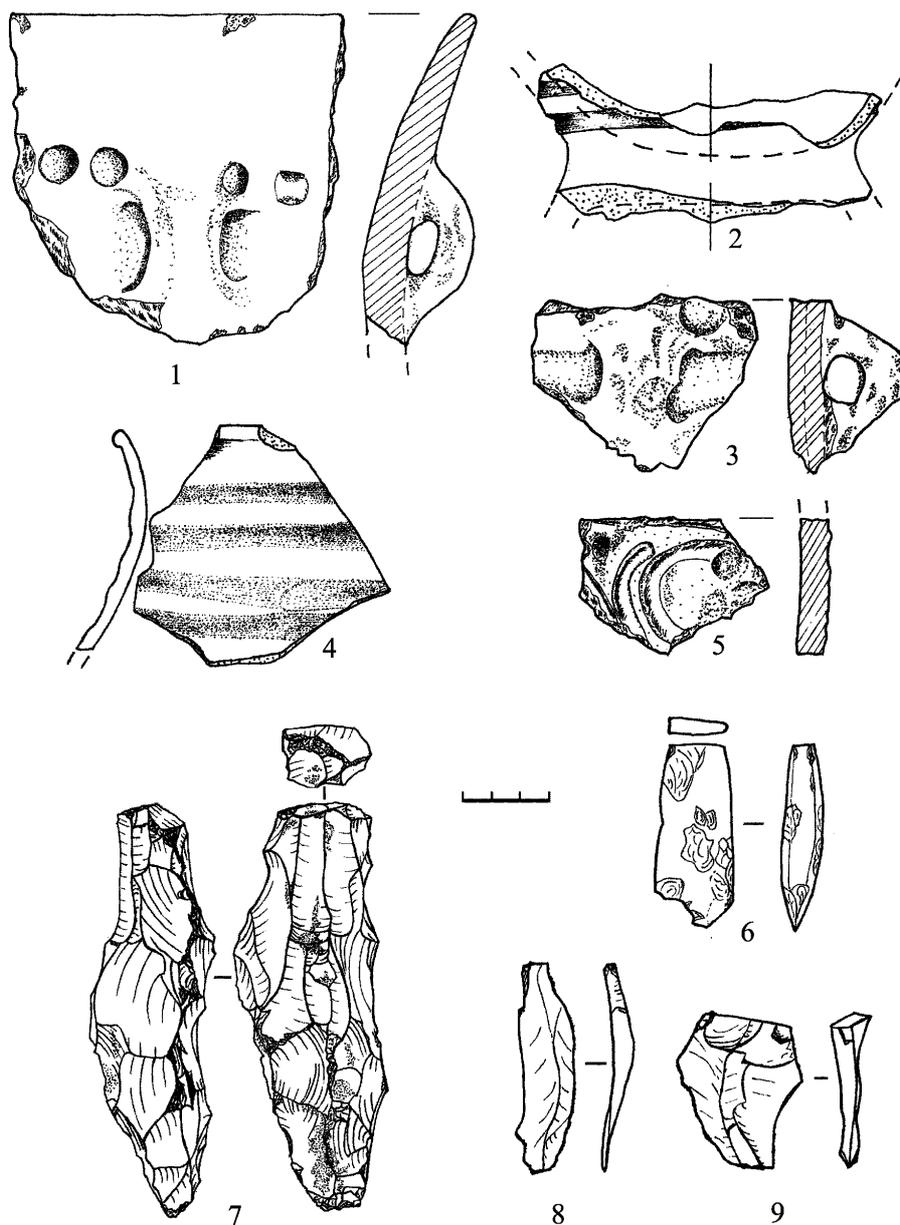

Рис. 1. Матеріали нижнього шару поселення Грим'ячка етапу VI

До третьої групи т.зв. кухонного посуду віднесене дно від крупної посудини, у глиняній масі якої, як і в попередніх, велика кількість шамоту, обпал світло-цегляний. Уламок показовий з огляду на технологію формовки посуду: дно виліплене з двох шарів глини, досить недбало, на останньому шарі помітні загладжування пальцями.

Всі означені особливості посуду – технологічні (насамперед, склад глиняної маси), оздоблення та форми, відповідають характеристикам керамічного комплексу пам'яток Подністров'я кінця етапу VI (дещо пізніше комплексу Борисівки) або другої ступені середнього етапу (за К.К. Черниш) [Черниш, 1982, с. 197-198].

До нижнього шару поселення можна віднести нечисленний кам'яний інвентар.

Сланцеве тесло односторонньо випукле з видовженим прямокутним обушком. Судячи із залишку відбитого леза, воно було напівовальне. Сланець світлий місцевий ("лупак"). Розмір 5,4x2x2,7 см. (Рис. 1, 6).

Два відщепи з непрозорого сірого кременю: один у формі видовженої пластини (7,8x2,1 см), другий – трапецієподібної форми (5,4x4,4 см) (рис. 1, 8, 9).

Віджимник має вигляд масивного видовженого стержня, вигнутого з однієї зі сторін, з поверхнею, вкритою численними повздовжніми та поперечними сколами. Звужений кінець знаряддя збитий, спрацьований, так само як і його ребристі виступи. Ударна площадка плоска, із слідами численних ударів. Кремінь темно-сірий, плямистий (рис. 1, 7). Знаряддя має близьку аналогію в колекції кременю з поселення Лука Врублівецька, опублікованої С.М. Бібіковим [Бібіков, 1953, с. 83, табл. 1, 1a].

Не зважаючи на незначну кількість матеріалу, він достатньо виразний, щоб попередньо віднести нижній шар поселення до середнього етапу трипільської культури VI, скоріше до його кінця. Певно, поселення входить до групи пам'яток Подністров'я, на яких переважає кераміка із заглибленою орнаментациєю, на відміну від тих, де побутує здебільшого мальований посуд. Поява нових матеріалів, що відносяться до періоду, недостатньо вивченого на Подністров'ї, як вважають дослідники, дозволить уточнити шляхи подальшого розвитку та розселення трипільського та кукутенського населення на цій та сусідніх територіях [Мовша, 1975, с. 71; Цвек, 1980, с. 182-183; Колесніков, 1985, с. 52].

До пізнього етапу відноситься 11 фрагментів ліпного посуду двох технологічних груп – мальованого столового (10 уламків) та кухонного (один уламок).

Столовий посуд виготовлений з добре випаленої тонкоструктурної глини світло-цегляних та світло-коричневих кольорів, із здебільшого лискованою поверхнею, оздобленою монохромним (темно-коричневою фарбою) та біхромним (один уламок з розписом темно-коричневою та червоною фарбами). Із форм визначаються опуклобоккі посудини великих і середніх розмірів, горщикоподібна посудина та сфероконічні миски.

Перша форма представлена 7 фрагментами стінок, орнаментованих по лощеній поверхні композиціями дугастих стрічок з кількох паралельних смуг, котрі сходяться під різними кутами, з використанням такого виразного елемента, як стрічка із зафарбованих трикутників (рис. 2, 4).

Одне вінець, розписане зовні і зсередини: зовні – від краю вінець спущені фестони, що складаються зі стрічок з чотирьох паралельних ліній; зсередини по внутрішньому краю вінець розміщена смуга густо нанесених зафарбованих трикутників, нижче яких знаходиться горизонтальна смуга з двох паралельних ліній (рис. 2, 1). Фрагмент належить широко відкритій горщикоподібній посудині рідкісної форми ("макітра"), яка зустрічається на пам'ятках жванецько-бринзенської групи, зокрема, на поселенні Бринзени III [Маркевич, 1981, с. 42, рис. 58, 14, 15].

Сфероконічні миски-чаші (два фрагменти) мають заокруглений край вінець злегка увігнутий досередини та розпис темно-коричневою фарбою (рис. 2, 2, 3). Розпис по ангобованій і підлощеній поверхні нанесений темно-коричневою фарбою, на одному із фрагментів зберігся частково. Узор на внутрішній поверхні мисок складається із дугоподібної горизонтальної стрічки, що складається з трьох широких паралельних ліній, від якої вгору до вінчика відходять короткі вертикальні смуги (на фрагменті помітно дві). Одна миска мала розпис зовні, який зберігся погано (рис. 2, 2).

Кухонний посуд репрезентований одним уламком денця з характерною для цієї групи домішкою товченої черепашки.

До керамічної колекції входять три пряслиця. 1) Бочкоподібної, майже круглої форми, із вертикальним наскрізним отвором. Бочок орнаментований по периметру нігтьовими вдавненнями. Колір обпалу нерівномірний, світло-коричневий. Глиняна маса добре вимішана, з тонкоструктурної глини. D – 3,5 см; d (отвір) – 1-1,1 см (рис. 2, 8). 2) У формі невисокого конуса із увігнутою основою (підшовою) та вертикальним наскрізним отвором. Орнаментоване дрібними наколами розміщеними радіально від отвору до окружності. Глина тонкоструктурна із незначною домішкою товченої черепашки. Обпал рівномірний, світло-коричневого кольору з білуватим відтінком. D – 3,9 см; d (отвір) – 0,8 см (рис. 2, 9). 3) Конусоподібної форми із увігнутою основою. Неорнаментоване, з тонкоструктурної глиняної маси, обпал рівномірний, світло-цегляного кольору (рис. 2, 10). Всі означені форми та орнаментация знаходять аналогії на бринзенсько-жванецьких та касперовських пам'ятках (Костешти IV, Бринзени III, Жванець, Городськ, Троянів тощо) [Маркевич, 1981, с. 41, рис. 55, 2,4,5,15,17; 49, рис. 75, 14, 17; Мовша, 1985, с. 235-239, рис. 63, 64].

Знайдене глиняне грузило від ткацького верстата. Воно має форму конуса з наскрізним отвором у верхній частині, розмірами H=6,5 см, D=5 см (рис. 2, 7). Аналогії знаходяться на пізньотрипільських пам'ятках Подністров'я (Жванець, Бринзени III) [Маркевич, 1981, с. 19, рис. 11, 2, 11].

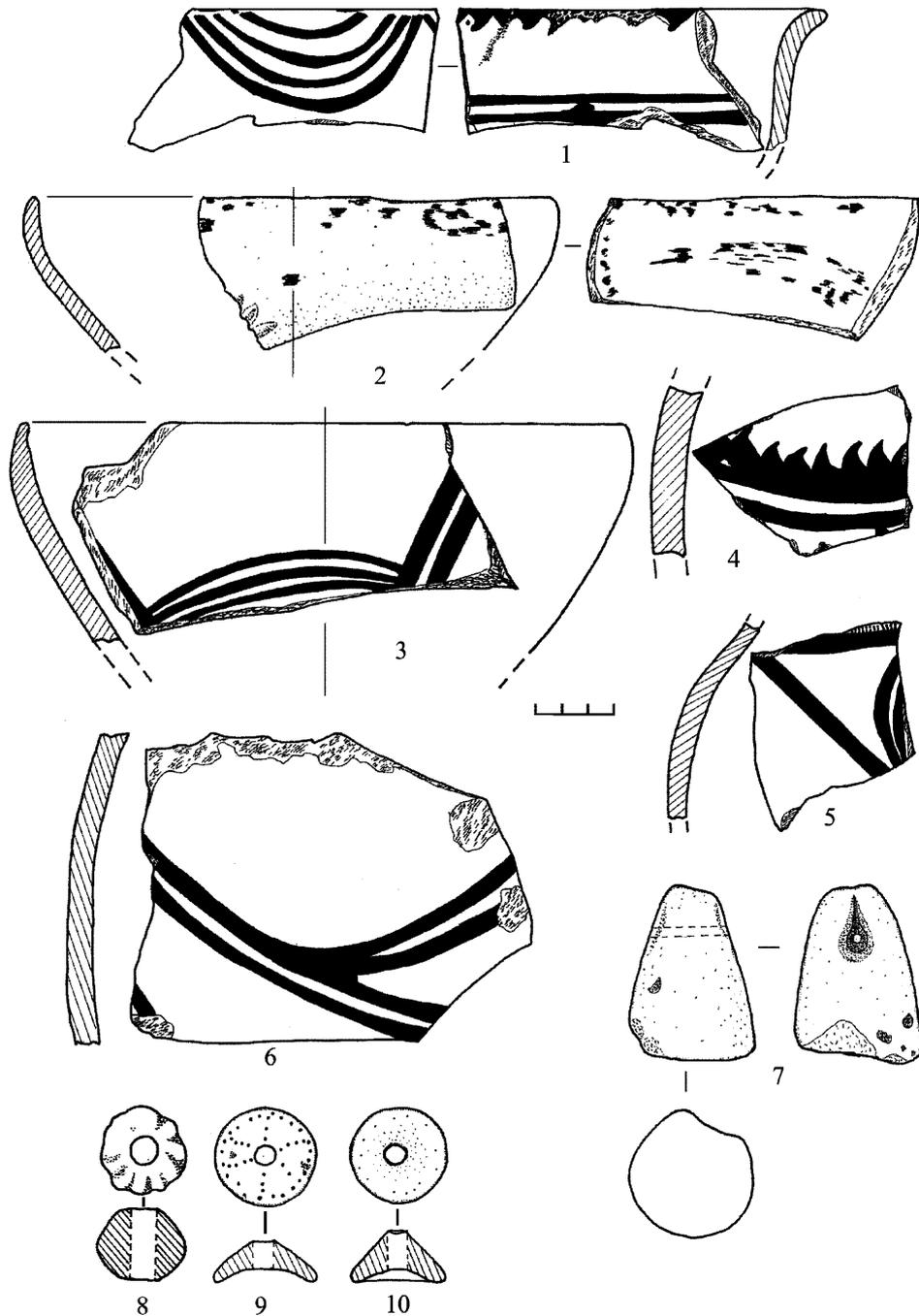

Рис. 2. Матеріали верхнього шару поселення Грим'ячка етапу СІІ

Пластика в колекції представлена унікальною антропоморфною голівкою та скульптурою бичка.

Виявлений на поселенні фрагмент антропоморфної скульптури належить до реалістичного стилю (рис. 3, 1; 4). Це голівка, посаджена на досить високу округлу шию із залишком плеча, від порівняно крупної жіночої статуетки, можливо сидячої. Розмір фрагменту: 5,8x4,5x4 см. Обличчя кругле, овал оформлено акуратними зачіпами, (підборіддя збите), ніс виконаний одним великим вертикальним зачіпом (кінчик відбитий), очі – двома неглибокими круглими наколами, рот зображено

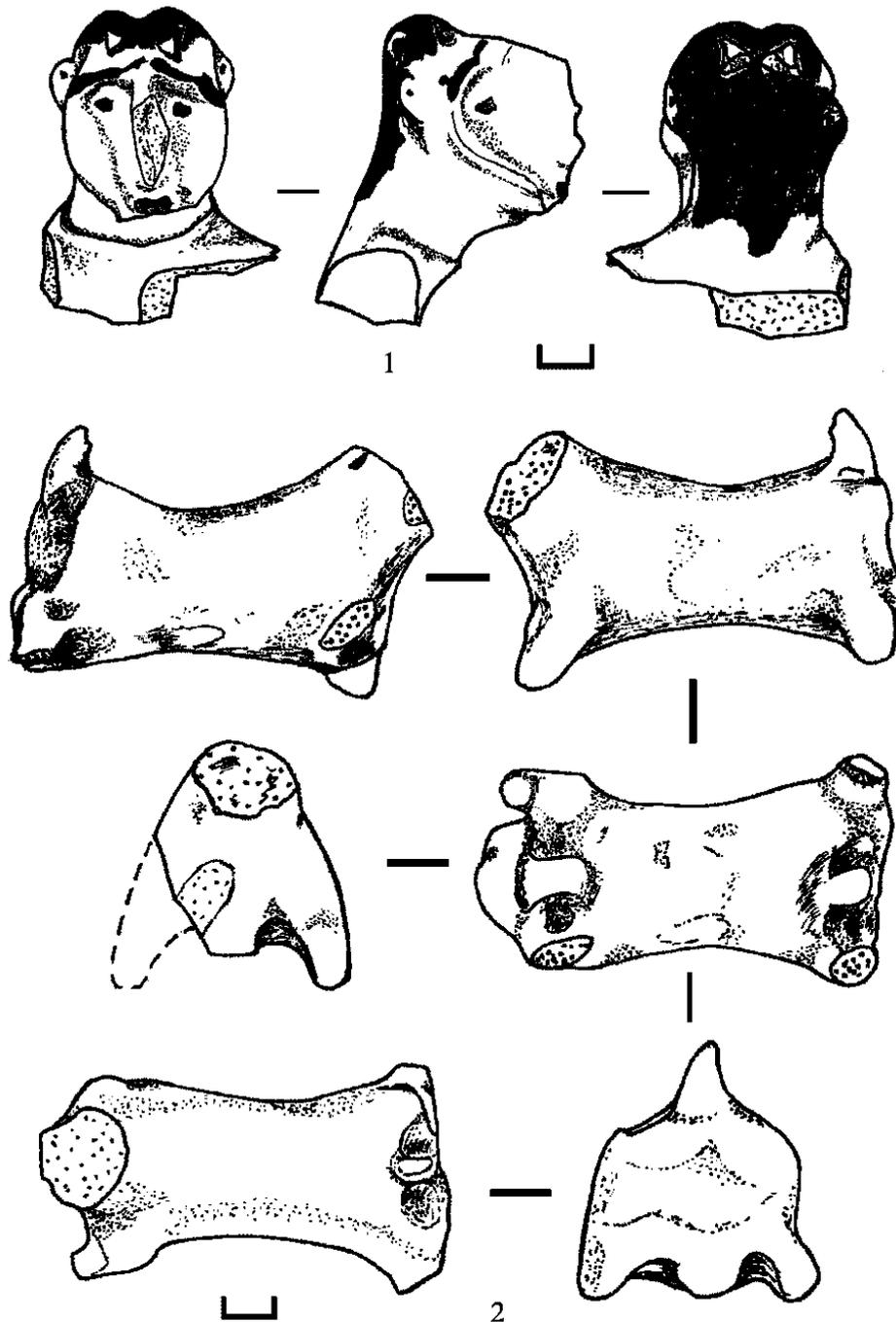

Рис. 3. Антропоморфна (1) та зооморфна (2) пластика. Грим'ячка

горизонтальним овальним наколом. Вуха – невеликі заокруглені виступи з наскрізними вузькими проколами. У верхній частині голови знаходиться виступ у вигляді двох півовалів із наскрізними трикутної форми проколами, що можна трактувати або як головний убір (ритуальний?), або як зачіску. Навколо шиї спереду помітний рельєфний валик, який може означати намисто або горловину одягу, на шиї зі спини валик відсутній, а поверхня заглажена. Темно-коричневою фарбою зображені брови у вигляді двох прямих товстих відрізків ліній, які майже сходяться на переніссі і косо направлені від перенісся до скронь. Зафарбовано виступи на голові та розписом зображено розпушене до плечей

позаду волосся. Оскільки волосся і виступи зафарбовані фарбою одного кольору ми схилиємося до трактування їх як зачіски. Глиняна маса добре вимішана. Обпал нерівномірний, зовні – цегляний, всередині – сірий. Як і всі відомі скульптури реалістичного стилю, вона оригінальна, і не має прямих аналогів. За манерою виконання, характером орнаменталізації її можна віднести до зразків розвинутого та пізнього етапів. Найближчі аналогії: відома скульптура з Бринзен III із одним півовальним виступом і отвором у ньому [Маркевич, 1981, с. 44, рис. 63, 5], який А. Погожева трактувала як зображення головного убору [Погожева, 1983, с. 89]; з подібним же виступом голівка скульптурки з поселення Паволоч [Макаревич, 1852, с. 101], скульптура з Бринзен IX із двома півовальними виступами [Маркевич, 1989, с. 32-34], овальний виступ без отвору присутній на голові фігурки з Костешт IV [Маркевич, 1981, с. 48, рис. 74, 9]. Доцільна також аналогія із відомими антропоморфними зображеннями на посуді жванецької групи у так званих "рогатих масках", що походять з пам'яток Костешти II, Костешти IV, Жванець-Лиса гора, і які Т.Г. Мовша пов'язувала з мисливськими обрядами та ритуалами [Мовша, 1991, с. 44, 36-37, рис. 1,2].

Фігурка бовина представлена тулубом, голова та передня права ніжка відбиті. Розмір: довж. 7,6 см, шир. 4,2 см, вис. 4 см. Тулуб масивний, на чотирьох коротких широко розставлених конічних ніжках. Задня частина плоска, короткий хвіст у вигляді конічного наліпу піднятий вертикально угору. Наліпом між передніми ногами позначено воло. Невисоким наліпом виділені ознаки статі. Глиняна маса із залізистими та вапняковими включеннями, добре вимішана. Колір випалу рівномірний, світло-коричневий. (Рис. 3, 2). Статуетки з подібними рисами зустрічаються на пам'ятках розвинутого та пізнього етапів на території Молдови та України [Маркевич, 1981, с. 30; Тваринництво..., 2004, т. 1, с. 156, 187]. Достатньо виразний матеріал дає підставу попередньо віднести нижній шар поселення Грим'ячка, ур. Монаски, до пам'яток жванецько-бринзенської лінії розвитку етапу СII.

Маловивчена двошарова пам'ятка трипільської культури Грим'ячка-Монаски становить значний інтерес і потребує досліджень.

Список літератури

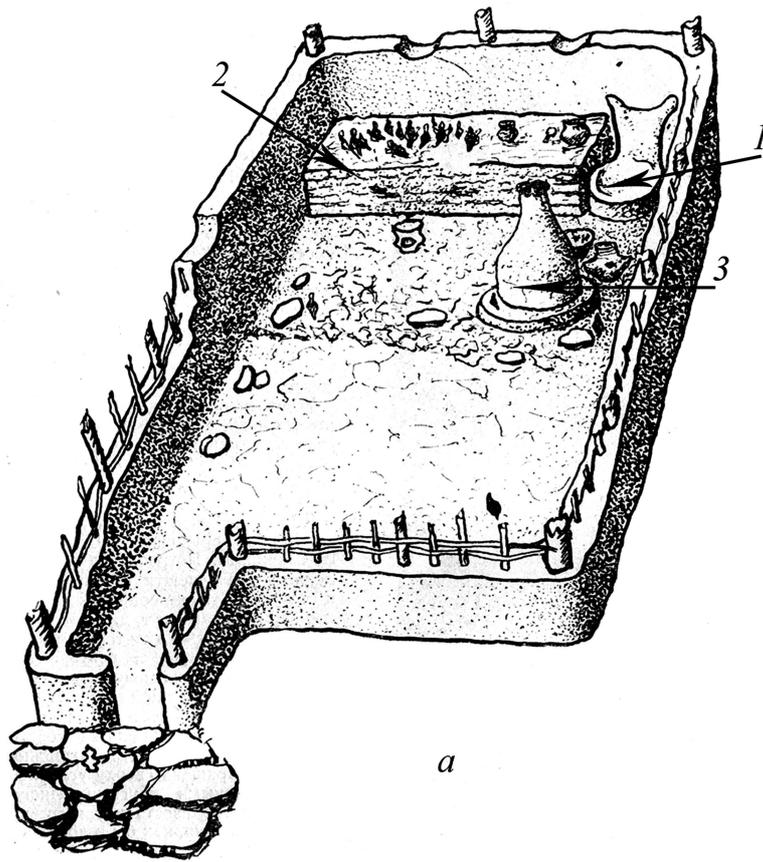
- Археологічні** пам'ятки трипільської культури на території України (реєстр) // Енциклопедія трипільської цивілізації. – Т. 1. – Киев, 2004. – С. 563-700.
- Бібіков С.Н.** Поселение Лука-Врублевская на Днестре. – МИА. – № 38. – 1953. – 460 с.
- Історія** міст і сіл Української РСР. Хмельницька область. – Киев: Наукова думка, 1971. – 706 с.
- Колесніков О.Г.** Нові поселення середнього Трипілля в Подністров'ї // Археологія. – 1985. – Вип. 49. – С. 49-52.
- Макаревич М.Л.** Трипільське поселення біля с. Паволочі // АП. – 1952. – Т. 4. – С. 96-103.
- Маркевич В.И.** Позднетрипольские племена Северной Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 196 с.
- Маркевич В.И.** Антропоморфизм в художественной культуре культуры Триполье-Кукутень // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. – Кишинев, 1989. – С. 26-36.
- Мовша Т.Г.** Две параллельные линии в развитии трипольской этнокультурной области (этапы VI - CI) // Новейшие открытия советских археологов (тезисы). – Киев, 1975. – Ч. I. – С. 69-71.
- Мовша Т.Г.** Поздний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. – Т. I. – Киев, 1985. – С. 232-255.
- Мовша Т.Г.** Антропоморфне сюжети на кераміці трипольско-кукутенської общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 34-47.
- Погожева А.П.** Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 145 с.
- Сайко Э.В.** Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // Studia Praehistorica. – 1984. – Вып. 7. – С. 131-152.
- Тваринництво** та мисливство у трипільських племен на території України // Енциклопедія трипільської цивілізації. – Т. 1. – Киев, 2004. – С. 152-198.
- Цвек Е.В.** Трипольские поселения буго-днепровского междуречья (к вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье) // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев, 1980. – С. 163-185.
- Черныш Е.К.** Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 165-252.

ІНТЕР'ЄР РАННЬОТРИПІЛЬСЬКИХ ЖИТЕЛ

Залишки наземних жител ранньотрипільського часу у вигляді площадок із перепаленої глини за даними археологічних досліджень знаходяться у вкрай зруйнованому стані незалежно від глибини їх залягання. Платформи глинобитних підлог рвані, іноді від них залишилися окремі аморфні фрагменти обмазки, які не дозволяють встановити реальні форми та розміри житла. Саме тому автори досліджень іноді вказують на приблизні розміри жител, які вони ймовірно мали в період свого функціонування. Виявлені площадки мають умовно прямокутні форми, обмазка по краям, тягнеться у різних напрямках, утворюючи абсолютно аморфні фігури. Особливо це стосується площадок Середнього Подністров'я, в зв'язку з чим у дослідників склалася думка про їх примітивізм, пов'язаний із зародженням будівельних традицій, що розвинулися потім у наступних фазах розвитку трипільської культури [Черниш, 1959, с. 40; Збеневич, 1989, с. 42]. Щоправда, на відміну від вищевказаних об'єктів залишки площадок раннього часу в Дністро-Бузькому межиріччі та у Побужжі відповідають їх класичному вигляду відомому з більш пізніх періодів. Це розкопки М.Л. Макаревича – поселення Сабатинівка II, розкопки А.Л. Єсипенка та потім К.В. Зіньківського – поселення Олександрівка, Н.Б. Бурдо – розкопки поселення Тимкове та Гребенюків Яр. Саме завдяки дослідженням у цьому регіоні археологам вдалося провести наступні реконструкції.

Вперше реконструкцію внутрішнього вигляду ранньотрипільського житла було запропоновано М.Л. Макаревичем. Ним було відтворено інтер'єр площадки № 3, поселення Сабатинівка II [Макаревич, 1960, с. 290]. У наступні періоди досліджень ранньотрипільських пам'яток ще одну реконструкцію було запропоновано Н.Б. Бурдо та М.Ю. Відейком на матеріалах розкопок поселення Тимкове, площадка № 2 [Бурдо, Відейко, 1985, с. 78].

Площадка № 3, поселення Сабатинівка II, мала розміри 7×9 м, орієнтована довгою стороною по лінії північ-південь (рис. 1). Зі східної торцевої сторони до неї примикав завал обмазки шириною 1,5-2,5 м, довжиною 4 м. Автором у публікації цей завал інтерпретується як вхідний коридорчик до споруди [Макаревич, 1948/1, с. 16]. Проте на глиняних фрагментах обмазки цього завалу були зафіксовані відбитки лози, характерні для стін. Перед завалом було виявлено кам'яну вимостку площею 8 м². Внутрішня забудова камери на думку автора ділилась на три частини, хоча як він сам стверджує, слідів перестінків ним виявлено не було. Вздовж північної довгої стіни, із права від входу, знаходився округлий в плані черинь купольної печі діаметром 1,1-1,2 м. Біля печі було пониження шару обмазки від ями, що знаходилась під глиняною платформою, хоча автор вважав це припінною ямою що відноситься до горизонту, де й було виявлено округлу піч. Вздовж західного торцевого боку будинку навпроти входу, на думку автора, знаходилися об'єкти сакрального походження. Це було підвищення розмірами 2,75×6 м, висотою 0,4-0,5 м із чотирьох-п'яти шарів глиняної обмазки. У північно-західному куті споруди на думку автора знаходився стільчик-троник, шириною в один метр. Цей стільчик ним було реконструйовано на зразок до стільчиків-підставок для антропоморфних статуєток. Щоправда, ці два об'єкти вимагають певних критичних зауважень, оскільки західну частину житла, де саме вони були розміщені, перетнула траншея часів другої світової війни і фактично зруйнувала східний бік підвищення. Не виключено, що вказане підвищення було рештками гребеня в торці площадки, утвореного в результаті руйнації житла під час горіння та падіння платформи В тексті звіту автор вказує саме на потужну шлакованість площадки із західного торцевого краю та на "зцементованість" і спаяність цих шарів обмазки, що залягають в 3-4 пласти та виклинюються по зовнішніх краях, де вже залягають в один шар. Також М.Л. Макаревич відмічає, що шлакований гребінь знаходиться не тільки з західної сторони траншеї, де фігурує на реконструкції підвищення, а й продовжується зі східної сторони траншеї на довжину 0,58 м у східному напрямку та перекриває плитчасту підлогу, що знаходилась по всій площі житла [Макаревич, 1948/1, с. 18]. Тож у звіті відсутня інформація про наявність тут певної конструкції, що відповідає реконструйованому пізніше об'єкту. Втім, у наступні періоди розвитку трипільської культури етапу В/І на поселеннях Поливанив Яр III [Пассек, 1961, с. 108] та Шкарівка [Цвек, 1976, с. 52] у торцях будівель навпроти входу були виявлені прямокутні підвищення, що інтерпретувались окремими авторами як вівтарі. Тож не виключено, що й на площадці №3 поселення Сабатинівка II було виявлено саме рештки прямокутного вівтаря. На жаль, досить слабка фіксація об'єкту не дозволяє дійти остаточних висновків з даного питання. При реконструкції

a

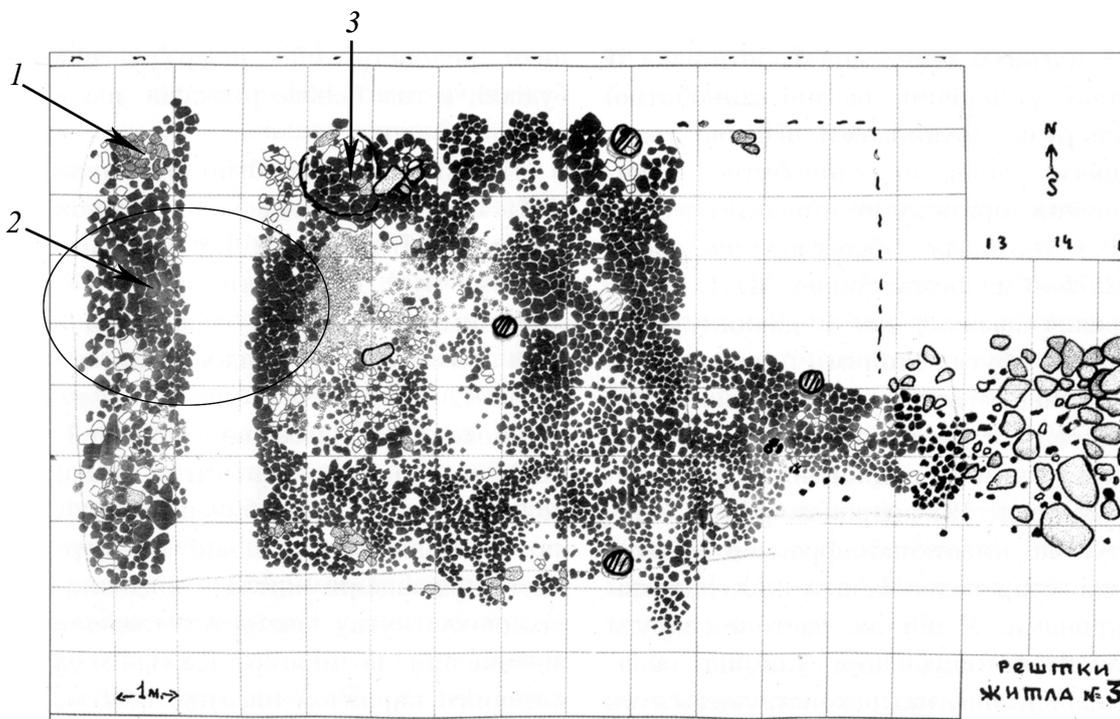

Рис. 1. Площадка № 3 поселення Сабатинівка II. а) реконструкція М.Л. Макаревич; б) креслення площадки: 1) крісло-троник, 2) підвищення в торці площадки, 3) піч

стілчика-троника ми зіштовхуємося знову ж з проблемою фіксації об'єкту, що не дає нам підстав погодитись з реконструкцією автора (рис. 2). З представленого фото можна лише стверджувати, що на цій площадці в північно-східному куті споруди знаходилась вимостка чи об'єкт, який, щоправда, дійсно міг нести сакральне навантаження.

Порівнюючи розташування деталей інтер'єру на площадці № 3 Сабатинівка II з розташуванням їх на глиняних моделях відкритого типу періоду С/І томашівської та чичельницької локальних груп, можна помітити певний збіг. Як в одному так і в іншому випадках піч розташовувалась з права від входу вздовж довгої стіни, а навпроти входу біля торцевої стіни розміщувався вівтар. Тож можливо припустити, що для трипільців існував єдиний принцип внутрішнього облаштування житлового простору другого поверху їх будівель на всіх етапах розвитку культури. Основною відмінністю можуть виступати лише форми, які надавали будівничі тому чи іншому об'єкту. На основі цих припущень можна спробувати умовно розподілити певні виявлені деталі інтер'єру на об'єкти господарсько-побутового та сакрального призначення, а також відносно їх розташування в будівлі визначити місце входу до неї. Тобто, виявлені об'єкти, що знаходились вздовж довгої стіни можна умовно вважати залишками печей, об'єкти що виявлені в торці площадок вздовж короткої стіни, умовно вважати вівтарем, щоправда з урахуванням їх розміщення відносно один одного. В такому разі інші об'єкти, зафіксовані в житлах, ймовірно, являлись господарськими за призначення та були задіяні в певних виробничих процесах.

Аналогічна за розміщенням деталей інтер'єру площадці № 3 поселення Сабатинівка II є площадка № 4 поселення Ленківці (розкопки К.К. Черниш). На цій площадці вздовж довгої північної стіни було виявлено одну вимостку, другу вимостку було виявлено в північно-західному куті площадки (рис. 3) [Черниш, 1959, с. 14]. Попередня реконструкція нам дає підстави припустити, що перша вимостка являлась залишками печі, а друга залишками сакрального об'єкту. Вхід у такому разі знаходився зі східного торця житла. Автор не подає ні розмірів, а ні форми об'єктів. На жаль, це стосується більшості виявлених деталей інтер'єру в ранньотрипільських житлах через їх сильну руйнацію та незадовільну збереженість самих площадок.

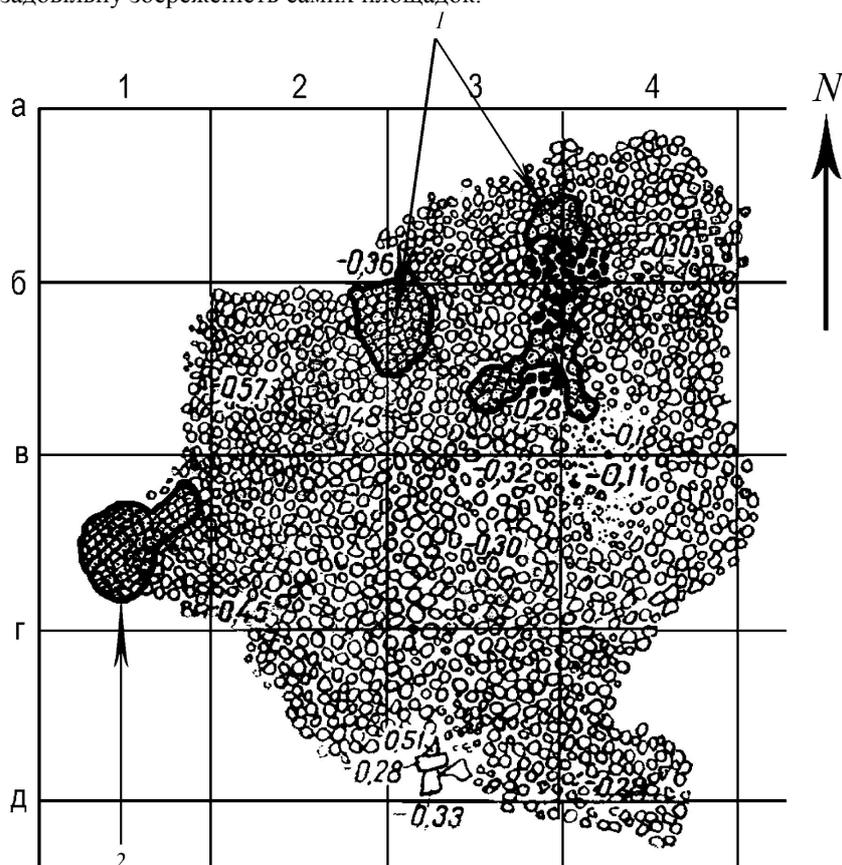

Рис. 3. Креслення площадки № 4 поселення Ленківці: 1) вимостка вздовж довгої сторони площадки, 2) вимостка в торцевій частині площадки

Обидві площадки розглядалися авторами як одноповерхові споруди, в яких дерев'яний настил був викладений на ґрунт та перекритий шаром глини. З часом ця концепція змінилася, дослідники дійшли висновку, що споруди являлись двоповерховими будівлями. Ні на які конструкції під глиняною платформою в цих спорудах, окрім ями на площадці № 3 поселення Сабатинівка II, ні в звітах, ні в публікаціях дослідниками вказано не було. В зв'язку з цим перший поверх, де інтер'єр здебільшого відсутній або представлений поодинокими вимостками та господарськими ямами, потрібно вважати господарським приміщенням.

Абсолютно інша за схемою та принципом розміщення деталей інтер'єру в житлі, запропонована Н.Б. Бурдо реконструкція площадки № 2 поселення Тимкове. Площадка № 2 мала розміри 6×6 м та утворювала не прямокутні форми житла, а підквадратну конструкцію, що є не типовим для будівлі трипільської культури. Вхід до житла на думку автора знаходився з західної сторони площадки. На першому поверсі в південно-східному куті житлової камери автором було виявлено конструкцію, що на його думку являлась залишками відкритого вогнища. Черинь цієї конструкції був виконаний з глини без домішок полови товщиною 0,05 м нанесений на землю. Його з трьох сторін оточував бортик, на думку автора припічок, висотою 0,2 м товщиною 0,1 м. В ньому були зроблені фігурні вирізи для встановлення туди невеликих посудин. Також на бортику знаходилась округла підставка, та він був прикрашений рогоподібними виступами, окремі частини конструкції спиралась на масивні ніжки (рис. 4) [Бурдо, Відейко, 1985, с. 79-80]. З огляду на те, що дана конструкція була прикрашена зооморфним та іншим різнохарактерним декором, можливо припустити, що вона виконувала не тільки певні господарсько-побутові функції, а й несла на собі певне сакральне навантаження. На першому поверсі було виявлено ще дві ями та дві глиняні ємкості підквадратної форми для сипучих речовин. На другому поверсі на думку автора було також виявлено відкрите вогнище, що знаходилось вздовж західного краю житлової камери. Воно було виконане з глини без домішок полови товщиною 0,03-0,04 м та розмірами 1×1 м. Винятковою особливістю цієї будівлі є те, що ймовірно за все, обидва поверхи в ній були задіяні як у певних господарських процесах, так і одночасно являлись житловими камерами. Такий принцип використання корисної площі споруди надалі з'являється в наступних фазах існування культури та стає притаманним пам'яткам типу Кліщів періоду В/І-В/ІІ в Побужжі, петренській локальній групі періоду В/ІІ-С/І в Подністров'ї, небелівській локальній групі періоду В/ІІ та косенівській локальній групі періоду С/І в Буго-Дніпровському межиріччі.

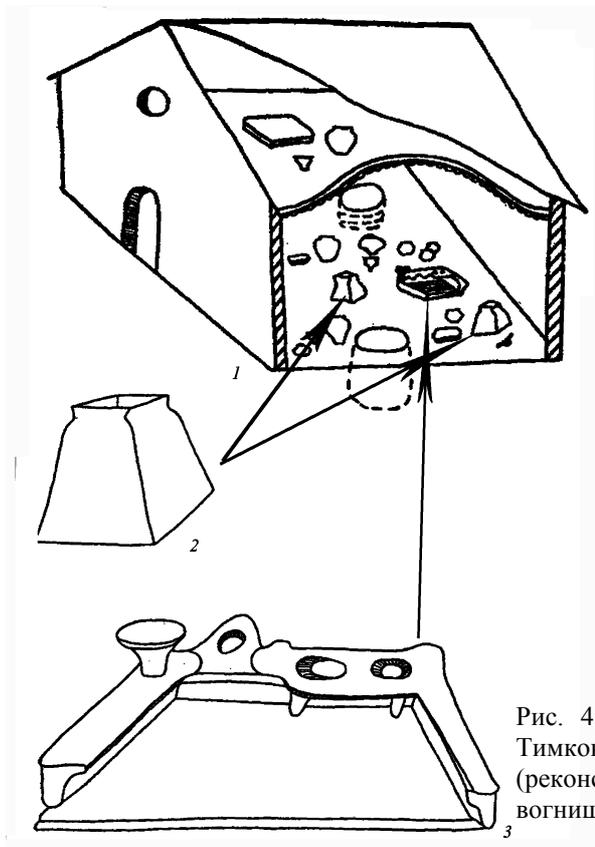

Рис. 4. Реконструкція площадки поселення Тимкове за Н.Б. Бурдо: 1) інтер'єр житла (реконструкція Н.Б. Бурдо), 2) відкрите вогнище, 3) ємність для відкритих грузів

Незважаючи на запропоновані авторами реконструкції, виявлені деталі інтер'єру в більшості інших досліджених споруд знаходились у вкрай фрагментованому стані, що стояло на заваді в їх подальших реконструкціях та інтерпретаціях. Причиною цьому було як стан площадок, на що вказувалось раніше, так і слабковираженність самих об'єктів дослідження у випадках їх виявлення, що залишає місце для дискусії. Фактично, в більшості випадків це були залишки так званих вимосток, виконаних з кількох тонких шарів глини без рослинних домішок, що добре простежувались на загальному фоні глиняної платформи міжповерхового перекриття чи на ґрунті під нею.

Конструкції, подібні до об'єктів у вищевказаних будівлях, було виявлено і на інших площадках раннього періоду. На площадці № 2 поселення Сабатинівка II знаходився черинь округлої в плані печі діаметром 1,8 м. Вона була виготовлена з глини без домішок полови, її черинь підвищувалась над рівнем глиняної підлоги на висоту 0,15 м [Макаревич, 1948/1, с. 2]. На поселенні Бернашівка, площадка № 2 (розкопки В.Г. Збеновича) також вздовж довгої сторони житла було виявлено об'єкт, який інтерпретувався автором як рештки округлої в плані печі. Це було кілька плоских вальків з жолобчатим заглибленням збоку, що стояли на ребрі та були начебто врізані в глиняну підлогу. Сам об'єкт мав підковоподібну форму з шириною устя близько одного метра [Збенович, 1980, с. 18]. Схожу конструкцію було виявлено на площадці №5 цього поселення, але із-за сильної її руйнації неможливо було провести реконструкцію. Відомо лише, що вона мала заокруглені грані [Збенович, 1980, с. 42]. В той же самий час автори досліджень ранньотрипільських пам'ятників вказують, що в будівлях були виявлені не тільки округлі черині купольних печей але й черині подібних об'єктів підквадратної форми. Такі були відкриті на поселенні Олександрівка, (розкопки А.Л. Єсипенка). На площадці № 1 цього поселення, її розміри становили 1,95×1,5 м, товщина 0,05-0,06 м [Єсипенко, 1953/23, с. 12], а на площадці № 2 подібний об'єкт мав розміри 2×2,1 м товщиною 0,02-0,03 м [Єсипенко, 1953/23, с. 17]. Автор вказує, що подібні черині печей були виявлені як на ґрунтовій підлозі під шаром обмазки, так і поверх глиняної платформи, тож інтерпретація цих об'єктів залишається під запитанням – чи дійсно вони виконували роль печей, чи були певними робочими місцями (рис. 5).

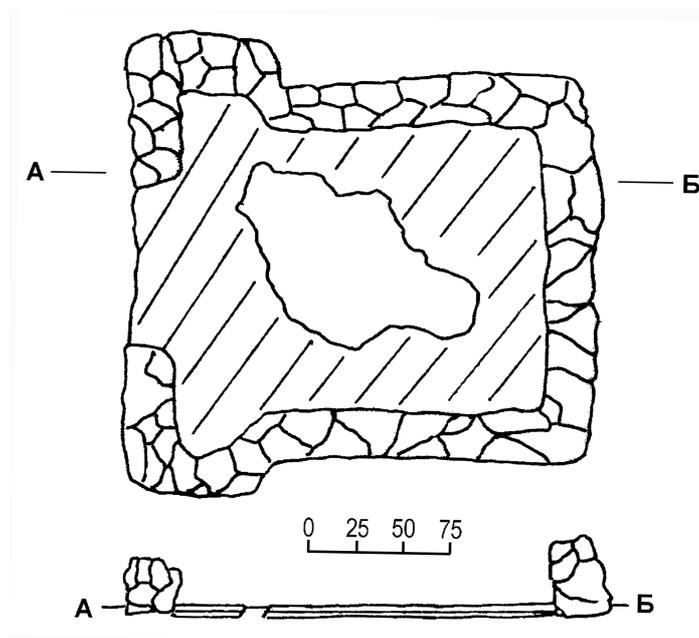

Рис. 5. Залишки печі з поселення Олександрівка (архів А.Л. Єсипенка)

Що стосується вівтарів у спорудах ранньотрипільського часу, то інформація що до цього питання практично відсутня. Окрім вищеописаних об'єктів на площадці № 3 Сабатинівка II та, можливо, площадці №4 поселення Ленківці на думку К.В. Зінківського, вівтар було виявлено на одній з площадок поселення Олександрівка. Він знаходився в торці площадки і був виконаний з плитковидної обмазки, ймовірно з глини без домішок полови, та мав підквадратну форму. Тож в разі виявлення

певних деталей інтер'єру з торцевого боку площадки та в разі впевненості, що вони знаходяться навпроти входу до споруди, їх умовно можна вважати об'єктами сакрального призначення.

До інших об'єктів інтер'єру господарсько-побутового призначення відносяться вимостки, що були виявлені як на першому так і другому поверхах будівель, робочі місця у вигляді коритець та господарські ями, що розміщувались виключно на першому поверсі під шаром глиняної платформи. Наприклад, коритця зафіксовані лише у двох випадках: на поселенні Бернашівка, площадка № 1, та поселення Окопи, розкопки В.Г. Збеновича. У першому випадку ним було виявлено бортик від невідомої конструкції в торці будівлі. Він мав висоту 0,07-0,08 м та довжину в один метр перпендикулярно довгій вісі площадки, за всіма ознаками це могли бути залишки коритця [Збенович, 1980, с. 15]. У другому випадку це була округла в плані конструкція, що знаходилась в торцевій частині будівлі. Її діаметр становив один метр, висота бортика 0,15 м, який зужувався до верху, товщина бортика в основі становила 0,05 м. Сам автор вважав цей об'єкт залишками відкритого вогнища [Збенович, 1989, с. 35]. Але розташування його в будівлі та відсутність шару обмазки з глини без рослинних домішок, що характерно для черіней подібних конструкцій, говорить про зворотне, що скоріше за все були рештки коритця.

Вищевказані об'єкти господарського призначення, такі як коритця і вимостки, в будівлях були виявлені в поодиноких випадках, оскільки їх збереженість була прямо пов'язана із збереженістю самих будівель. Однією з ймовірних причин слабкої збереженості споруд цього періоду та їх внутрішнього облаштування, вірогідніше за все є недостатньо високі температури при їх спаленні. Ранньотрипільські поселення за площею були невеликих розмірів та мали не досить щільну забудову, що не давало змоги утворитись на поселенні високотемпературним режимам під час їх горіння. В результаті цього термічна дія вогню на глину будівлі мала значно менший вплив, що не сприяло її подальшій збереженості. Також можливо, що при обрядовому спаленні житла в ранньому Трипіллі не завжди застосовувалось допоміжне паливо. Певним доказом цього можуть слугувати будівлі, що були виявлені тільки за насиченістю артефактами культурного шару та окремими слабо вираженими будівельними залишками. Такі споруди були виявлені на поселеннях Лука-Врублевецька (розкопки С.М. Бібікова), поселення Гайворон (розкопки М.Л. Макаревича), поселення Вороновиця (розкопки В.Г. Збеновича), поселення Ленківці (розкопки К.К. Черниш). Найяскравішим прикладом можуть слугувати розкопки на поселенні Ларга-Жіжія в Румунії, де при потужному культурному шарі не було виявлено ні заглиблених, ні наземних жител [Александреску, 1961, с. 21]. Невиключно, що на вищевказаних поселеннях окремо взяті споруди взагалі не підлягали спаленню. В будівлі ж на поселенні Сабатинівка II, де інтер'єр зберігся найкраще, автором навпаки відмічається потужне шлакування глиняної платформи на площадці, що ймовірно сприяло кращій збереженості виявлених деталей. Серед площадок раннього періоду відмічається певна кількість жител, в яких не було виявлено жодних інтер'єрних залишок, що також можна віднести до слабкої дії вогню на глиняні конструкції. Оскільки всі виявлені деталі інтер'єру, що виготовлені з глини, дійшли до нас лише завдяки дії високих температурних режимів. Якщо епіцентр пожежі знаходився на першому поверсі споруди, то температурний вплив на глиняні конструкції другого поверху відбувався скоріше за рахунок прокалювання платформи перекриття, а не завдяки дії відкритого полум'я. В такому разі, причиною відсутності на ранньотрипільських площадках деталей інтер'єру у деяких спорудах, можна вважати слабкі температурні режими, що не сприяло їх подальшій збереженості.

Незважаючи на досить обмежену інформацію щодо внутрішнього облаштування більшості жител ранньотрипільського часу можливо все ж таки вказати, що в цей період давнім будівничим були відомі всі основні технічні прийоми виконання об'єктів інтер'єру: вимосток, коритець черіней печей тощо. Також в ранньому Трипіллі виникають певні традиції до розміщення цих об'єктів у житлах, який зберігається протягом всього існування культури та, не виключено, регламентувався цілою системою табу. Звичайно, в наступні періоди відбувалися зміни та з'являлися інновації, але основні прийоми та принципи будівництва та внутрішнього облаштування жител виникають саме в ранній період існування культури.

Список літератури

- Александреску А.Д. О второй фазе докукунгенской культуры // *Dacia*. – 1961. – Т. 5. – Р. 21-38.
Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю. Ранньотрипільське поселення Тимкове в Одеській області // *Археологія*. – № 52. – 1985. – С. 78-85.
Есипенко А.Л. Отчет о раскопках древних поселений с. Александровки и с. Кириловки-2 в 1953 г. // *НА ІА НАНУ*, 1953/23. – 25 с.
Збенович В.Г. Поселение Бернашовка на Днестре. – Киев: Наукова думка, 1980. – 179 с.

Збенович В.Г. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1989. – 224 с.

Макаревич М.Л. Отчет Средне-Бугской экспедиции на поселении Сабатиновка II // НА ІА НАНУ, 1948/1. – 34 с.

Макаревич М.Л. Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗОАО. – 1960. – Т. 1 (34). – С. 290-301.

Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА – № 84. – 1961. – С. 5-203.

Цвек Е.В. Домостроительство и планировка трипольских поселений (по материалам раскопок в с. Шкаровка) // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев, 1976. – С. 46-57.

Черниш К.К. Ранньотрипільське поселення Ленківці на середньому Дністрі. – Киев: АН УРСР, 1959. – 107 с.

ДОСЛІДЖЕННЯ ЖИТЛА ТРИПІЛЬСЬКОЇ КУЛЬТУРИ НА ПОСЕЛЕННІ В С. БУША

В 30-ти км від Могилева-Подільського і в 20-ти від Ямполя Вінницької області розташована старовинна Буша. Там де в р. Мурафу впадає р. Буша (Бушанка) і розташоване сьогодні село, доля якого пов'язана з багатьма яскравими сторінками стародавньої та середньовічної історії Поділля.

На території Буші та її околиці зафіксовано велику кількість різночасових археологічних пам'яток. Найдавнішими є поселення трипільської культури: перше поселення в урочищі Підмета розташоване на правому березі р. Мурафи, на високому схилі корінної тераси; друге поселення в урочищі Причепилівка розташоване у північно-західній частині села; третє поселення - на місці злиття річок Бушанки й Мурафи [Винокур, 1991, с. 27-29, 99].

Провівши археологічні розвідки на території Буші та в її околицях, виявивши численний археологічний матеріал, І.С. Винокур встановив, що після трипільських племен тут проживало населення доби бронзи (II тис. до н.е.). Ним також виявлені поселення скіфського часу (VI-IV ст. до н. е.), поселення черняхівської культури (II-V ст. н.е.), ранньосередньовічне слов'янське селище (V-VIII ст. н.е.) та давньоруське поселення (XI-XIII). Отже, щонайменше, від V тис. до н.е. на території сучасної Буші безперервно проживали люди [Зінко, Косаківський, Степанчук, 2007, с. 224].

В польовому сезоні 2007 року експедицією Інституту історії, етнології і права Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського проведено стаціонарні розкопки на трипільському поселенні у с. Буша, під керівництвом В.А. Косаківського - старшого викладача кафедри етнології ШЕП ВДПУ ім. М. Коцюбинського.

Досліджуване трипільське поселення у с. Буша знаходиться на довгому мису утвореному в місці злиття річок Бушанки й Мурафи і розташоване там, де у пізньому середньовіччі знаходився замок м. Буші. Тут на площі підвищеного схилу в кілька гектарів, що прилягає до руїн замку при земляних роботах виявлено потужні культурні шари: раннього та середнього Трипілля. Знайдені численні уламки глиняної обмазки, багато фрагментів кераміки, відтязки до вертикального ткацького верстата та прясла до веретен, кременеві сокири, антропоморфну та зооморфну пластику.

У 2005 році С.М. Рижовим та М.В. Потупчиком було проведено розкопки однієї трипільської площадки на цьому поселенні.

Напередодні нової експедиції, у червні 2007 року, було проведено два виїзди на зазначене поселення з метою визначення місця майбутніх розкопок. Провівши шурфування окремих ділянок пам'ятки, а саме поблизу замкової вежі та біля розкопу 2005 року, було визначено місце нового розкопу. Під час шурфування було виявлено різноманітний археологічний матеріал, а саме фрагменти кераміки, знаряддя праці, глиняна обмазка тощо. Виявлений матеріал належав до часів існування трипільської культури та до XVII – поч. XVIII ст., коли Буша була містом.

Пошукові шурфи переросли в розкоп.

Розкоп № 2 (рис. 1) було закладено поряд з розкопом № 1 (2005 року) та неподалік від замкової вежі. Розмір розкопу 10x14 м (площа 140 м²). Більша частина розкопу № 2 розташована на сільському стадіоні, який було споруджено у середині 80-х рр. XX ст., а друга його частина у боковій стінці стадіону. При нівелюванні поверхні стадіону в північній його частині культурний шар знищено повністю. У південній і західній частинах стадіону культурний шар пам'ятки виявлено на значній глибині. Лише у східній частині стадіону частково порушено верхню частину культурного шару. Таким чином, сучасна денна поверхня над трипільською площадкою виявилася порушеною. Тому у цій частині розкопу знахідки було виявлено вже при першій прокопці на глибині 0,1-0,15 м. В той же час у боковій стінці стадіону культурний шар знаходився на глибині понад 1,5 м.

В ході господарської діяльності культурні шари, особливо верхні, були перевідкладені. Інколи трипільська кераміка знаходилася над матеріалами XVII – поч. XVIII ст.

В розкопі виявлено 4 культурних шари: пізньосередньовічний, черняхівський, чорноліський та трипільський - представлений житлом № 2, знаряддями праці та керамікою.

Житло № 2 являє собою складний житлово-господарський комплекс, який повністю не розкрито. Краї площадки оконтурені лише у південній та частково у південно-східній і південно-західній частинах розкопу. Розкопана частина площадки займає площу близько 105 м².

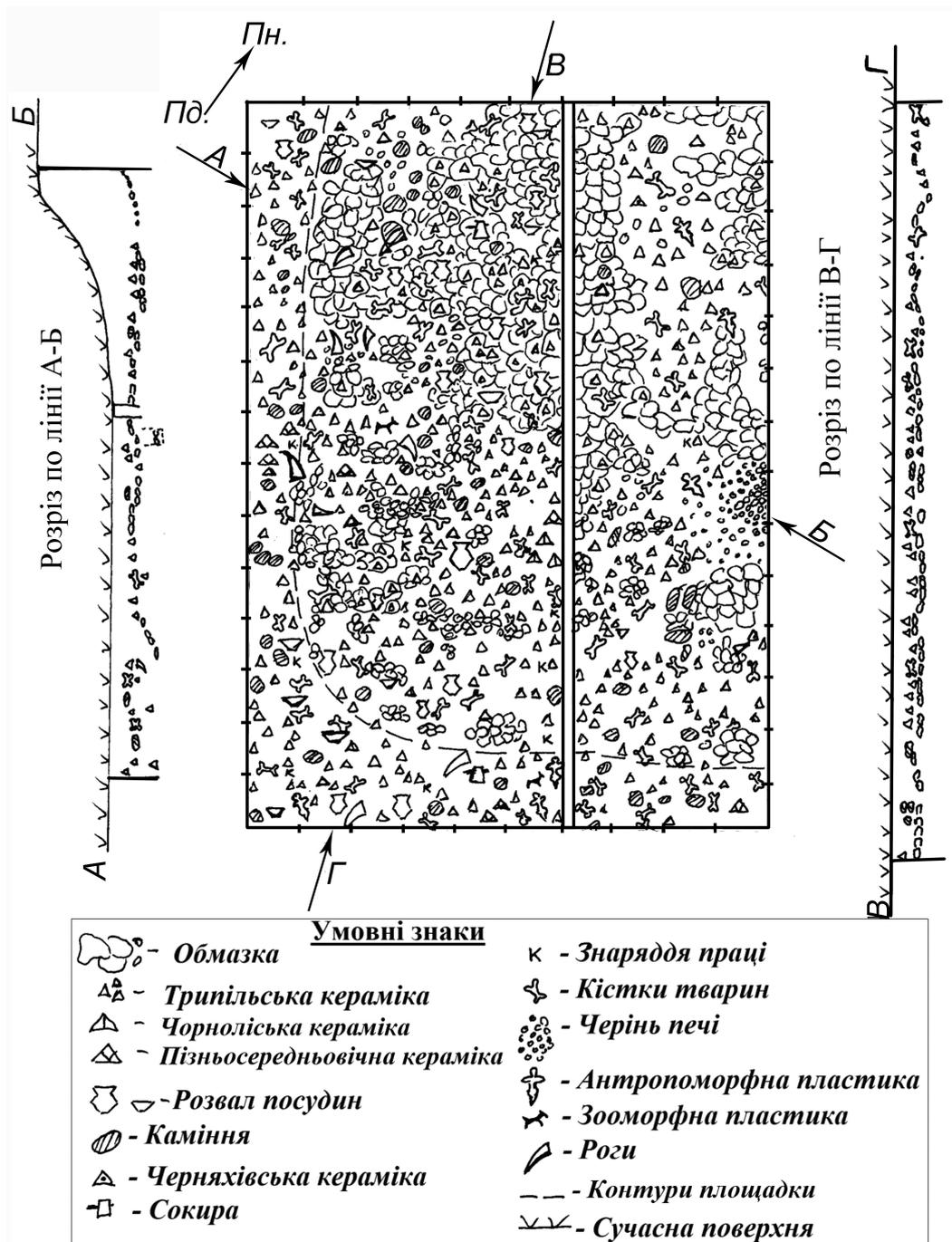

Рис. 1. План та розрізи розкопу № 2

В північно-західній частині розкопу виявлено цікаву деталь інтер'єру – вимостку, яка могла бути черинню від печі. Обмазка вимостки складається з глини і піску. Вона лежить на обмазці від житла.

Знайдені знаряддя праці виготовлені з кременю, рогу та кістки, глини та каменю. Кременні представлені ножевидними пластинками (рис. 2, 1-6), шкребками (рис. 2, 8-9), наконечником дротика (рис. 2, 7) та іншими виробами. Вони виготовлені з привізного волинського кременю чорного кольору та з місцевого дністровського кременю сіруватих відтінків. Знайдено також заготовку для нуклеуса із волинського кременю. Кременні та кам'яні сокири представлені трьома зразками різних розмірів. Кременні сокири побували у вогні і тому мають сіруватий відтінок та ряд мікротріщин. Вироби з рогу

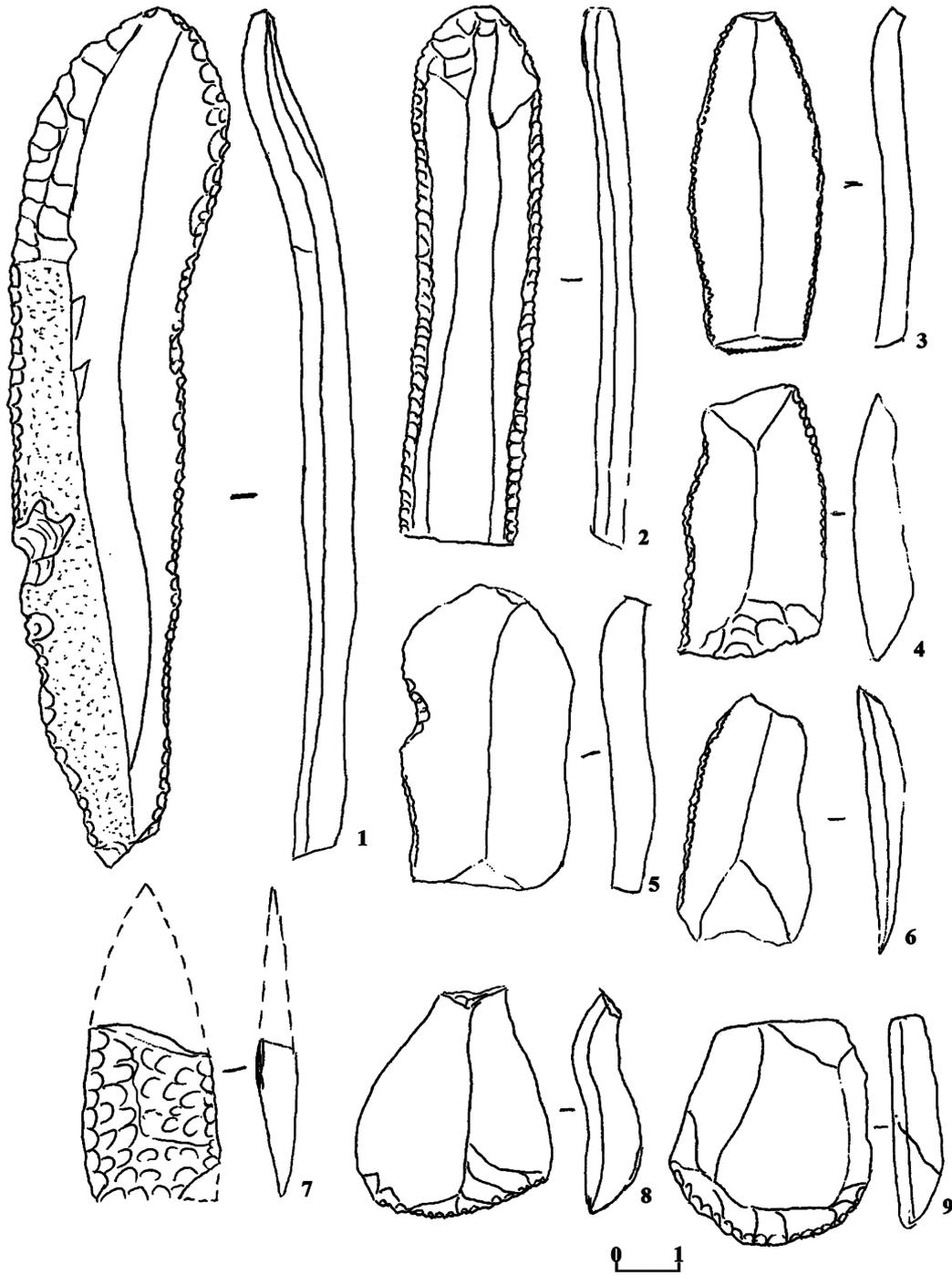

Рис. 2. Знаряддя праці з кременю (1-9)

та кістки – кістяне лощило, невелика рогова мотика та кістяна проколка. Виявлено керамічне прясло, прикрашене 4 заглибленими лініями.

Кераміка етапу VI представлена трьома групами: а) кераміка сірого та сіро – коричневого кольорів посереднього випалу, яка прикрашена канелюрами та гребінцевим штампом. Форми посуду – горщики із слабо профільованими вінцями, округлотілі із увігнутим в середину денцем. Орнамент становлять лінії канелюр, які обрамлені гребінцевим штампом (рис. 3, 1, 3); б) кераміка сірого, сіро – коричневого та коричнево – рудого кольорів із різним ступенем випалу. Глиняна маса різного складу.

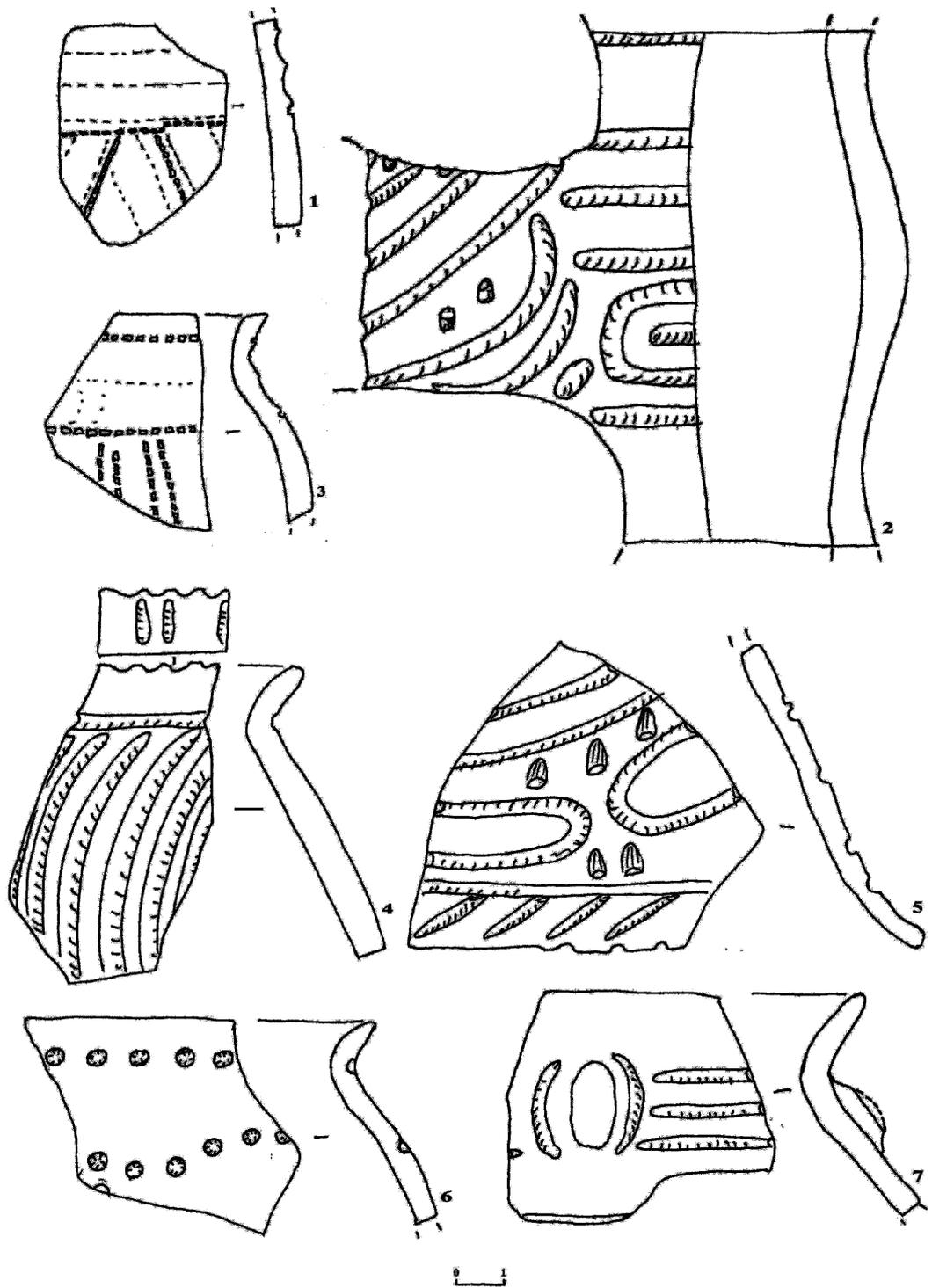

Рис. 3. Кераміка етапу VI (1-7)

Форми посуду – горщики з відігнутими назовні вінцями. Орнамент у вигляді прокреслених заглиблених ліній, рядків ямок (рис. 3, 4-7). Зрідка заглиблені лінії заповнені білою пастою. До цієї ж підгрупи слід віднести і фрагменти біноклеподібних посудин виготовлених з такої ж глиняної маси та прикрашених заглибленим орнаментом (рис. 3, 2); в) кераміка сірого, рідше сіро-коричневого кольору, в основній своїй масі неорнаментована. Глиняна маса з домішками дресви та грубозернистого піску. Зовнішня поверхня посудин шерохвата, оброблена погано. Переважна більшість форм посуду – горщики із нахиленими до середини вінцями.

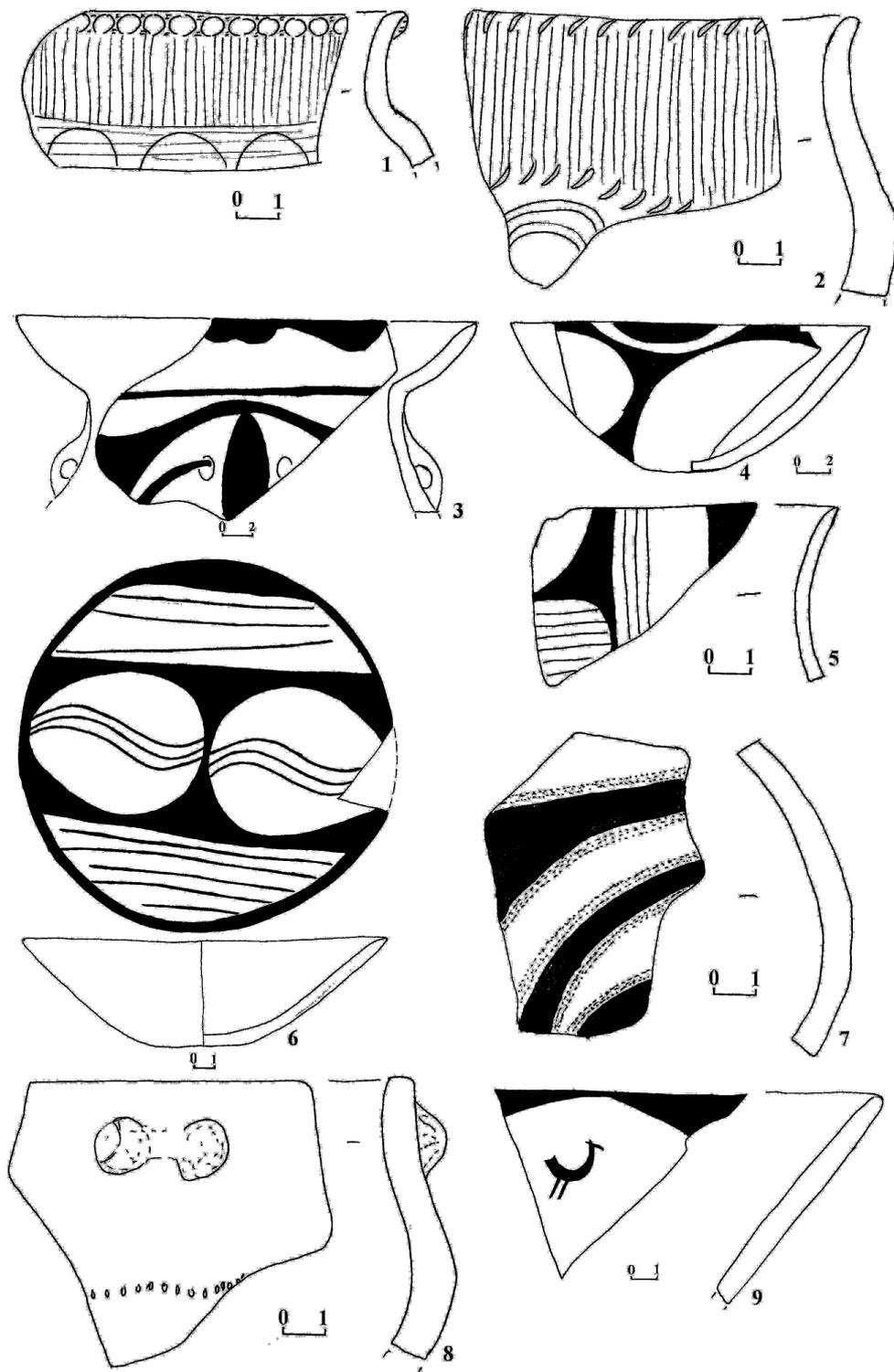

Рис. 4. Кераміка етапу VII (1-9)

Кераміка етапу VII представлена двома групами - кухонна та столова. Кухонний посуд – горщики з широкими і високими вінцями та округлими плічками. Вінця профільовані, відхилені назовні. Посуд цієї підгрупи виготовлений з глиняної маси до якої додано велику кількість товченої черепашки. Більшість вінців має орнамент у вигляді вертикальних розкосів. Верхній край вінця декорований рядком круглих наліпів, заглиблень, нігтевидних вдавлень. Зрідка такі вдавлення є у

нижній частині вінець. Верхня частина плічок орнаментована зрідка горизонтальними розчосами, зверху над якими простежується декор у вигляді рядків заглиблень, та півкіл нанесених відтисканням річкового моллюска (рис. 4, 1-2). Зрідка трапляються вінця та стінки без розчосів. На вінцях є парні наліпи (рис. 4, 8). В місці переходу вінець у тулуб – рядок заглиблень. Плічка з орнаментом у вигляді заглиблених ліній. Двома фрагментами представлені ніжки від зооморфних посудин, виготовлених із кухонного тіста.

Столова кераміка цього періоду представлена мисками, кубками, кубкоподібними та грушоподібними посудинами, амфорами, кратерами, біноклеподібними посудинами.

Найбільш чисельною категорією знахідок серед столового посуду є миски. Переважають - конічної форми з ледь відхиленими на зовні вінцями. Випал якісний. Колір черепка червоно-цегляний. Поверхня миски, яка розписана покрита ангобом. Розпис виконано чорною (темно-коричневою) фарбою. Орнамент у вигляді ліній та смуг (рис. 4, 4). На цілій мисці малюнок у вигляді з'єднаних овалів, які нагадують цифру 8 (рис. 4, 6). Овали об'єднані у одну широку смугу. В середині овалів потрійна хвиляста лінія. По сторонах від них – тонкі лінії. Цікавим є фрагмент миски із зображенням птаха, який віддалено нагадує лелеку (?) (рис. 4, 9). Частина мисок має розписи з обох сторін. На двох фрагментах мисок є отвори. Можливо це сліди ремонту тріснутих посудин, такі варіанти дуже часто зустрічаються на етнографічному посуді. Кількома фрагментами представлені миски сфероконічної форми великих розмірів із вінцями нахиленими до середини посудини. Одним фрагментом представлено миску конічної форми з профільованим вінцем, відхиленим назовні. Двома фрагментами представлено зооморфні миски на 4 ніжках.

Кубки - невеличкі посудини з S-видним профілем, тонкостінні. Глина добре вимішана, випал якісний. Орнамент метопний. Розпис чорною, червоною, зрідка чорною і червоною фарбами по ангобованій поверхні (рис. 4, 5). Кубкоподібні посудини за формою нагадують кубки, лише більші за розміром, товстостінні. Розпис чорною фарбою. Зрідка трапляються без орнаментів. Грушоподібні посудини представлені одним фрагментом вінця із розписом у нижній частині.

Амфори складають чисельну групу знахідок. Це посудини середніх і великих розмірів, випал черепка якісний. Розпис виконано чорною (темно-коричневою) фарбою по ангобованій поверхні. Вінця великі, сильно профільовані, відхилені на зовні, розписані з двох сторін. Ручки розміщуються під вінцями та посередині висоти тулуба посудини (рис. 4, 3). Кратери – посудини більших розмірів із великими сильно профільованими та відхиленими назовні вінцями. Розпис виконано чорною (темно-коричневою), зрідка червоною, фарбою по ангобованій поверхні. Основна орнаментальна схема S-видна петля. Також деякі посудини прикрашені розписом чорною та білою фарбами (рис. 4, 7). Чорна основна, а біла – допоміжна. Вона ніби оконтурює основний малюнок. Невеликою кількістю представлені фрагменти посудин, що прикрашені розписом червоною фарбою.

Серед столової кераміки виділено невеличку кількість фрагментів – імпортів. Глина цих посудин світло жовтого кольору, поверхня покрита ангобом коричнево-цегляного кольору, розпис виконано темно-коричневою фарбою. Поверхня посудин місцями обсипалась. Це може бути кераміка із пам'яток Буго-Дніпровського межиріччя.

Досліджені фрагменти біноклеподібних посудин товстостінні, випал черепка якісний. Орнамент нанесено чорною фарбою. Орнаментальна схема – "совинний лик".

Антропоморфна пластика представлена фрагментами жіночих статуєток на ступкоподібній та веретеноподібній ніжках. Голівки круглі, ніс сформований заціпом, очі – наскрізні проколи. Статуєтка періоду VI покрита заглибленим орнаментом (рис. 5, 4), а статуєтки етапу VII покриті чорно-білим та чорного кольору орнаментом (рис. 5, 1, 3). Деякі статуєтки не орнаментовані. Заглибленими лініями на них показано окремі частини людського тіла (рис. 5, 2).

Зооморфна пластика втілена у стилізованих зображеннях бика, бичка та можливо – свині. Статуєтки виготовлені із добре вимішаної глини, гарного випалу. Колір черепка червоно-цегляний, у двох великих статуєтках та сіруватий у маленькій. Великі статуєтки розписані темно-коричневою фарбою. Орнамент у вигляді смуг та косої сітки (рис. 5, 5-6).

Серед знахідок пізньосередньовічного шару – фрагмент підсвічника, люлька, цвях, кахлі, поливна та не поливна кераміка. Всі кахлі з рельєфним орнаментом, що виступає над загальною площиною. Орнамент геометричний та зооморфний. Поливна кераміка покрита поливою зеленого, коричневого та жовтуватого кольорів. Неполівна кераміка розписана ангобами білого та коричнево-цегляного кольору.

Знахідок часів черняхівської культури найменше - виявлено лише кілька фрагментів посудин – сірого кольору, які виготовлені на гончарному крузі та фрагменти античних амфор світло-коричневого кольору.

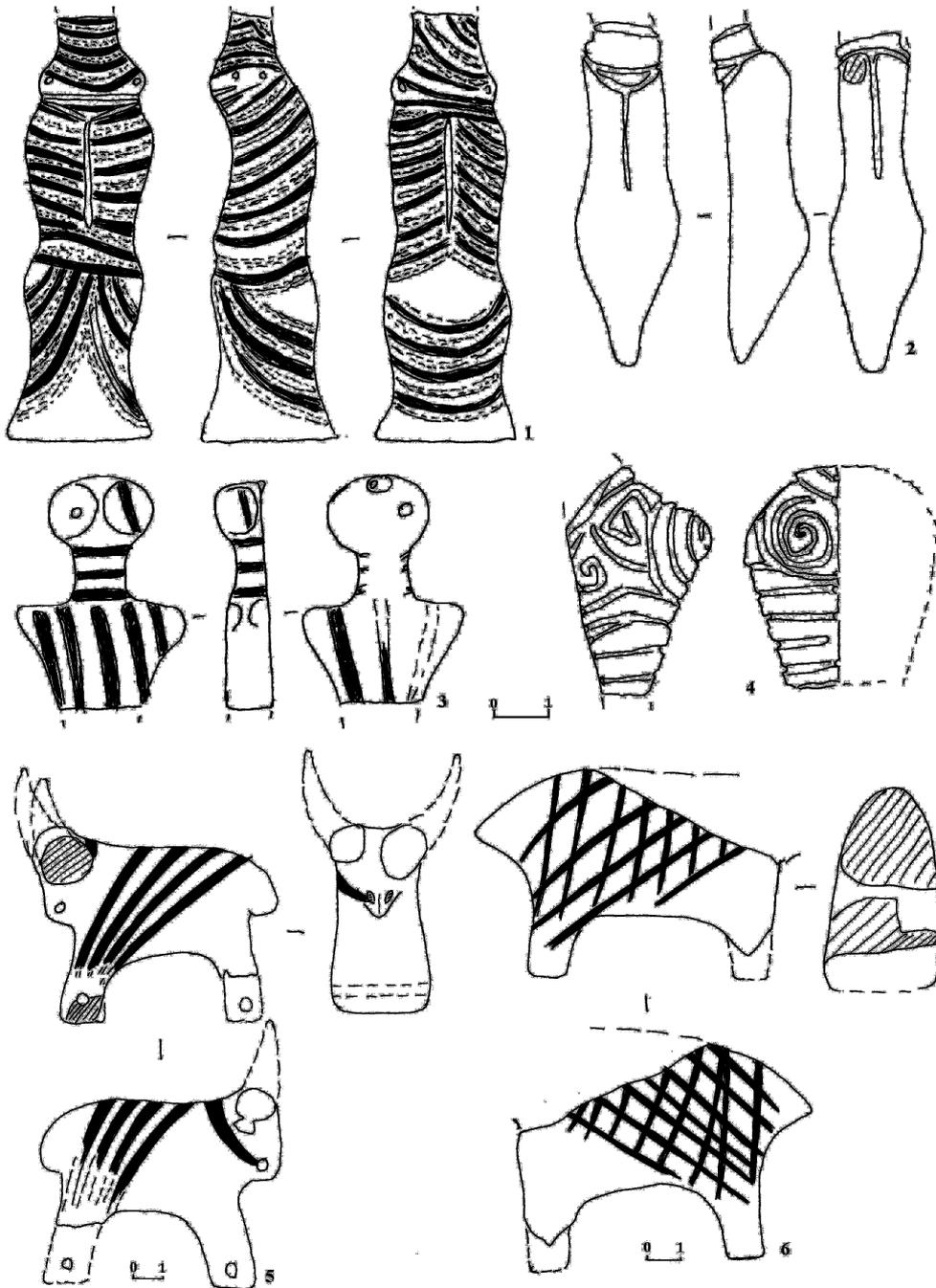

Рис. 5. Антропоморфна (1-4) та зооморфна пластика (5-6)

Знахідки чорноліського шару представлені фрагментами посудин сірого кольору із заглибленим орнаментом, не орнаментовані та ручками. Орнамент у вигляді горизонтальних смуг у які вписано трикутники і косі лінії.

Виявлений та досліджений матеріал відноситься до 4 культурних шарів: пізньосередньовічний шар із матеріалами XVII – поч. XVIII ст.; черняхівський (II-V ст. н.е.); чорноліський (X-VII ст. до н.е.) та трипільський. У останньому виявлено матеріали двох етапів Трипілля – VI та VII. Етап VI (4700-4200 до н.е.) представлений керамікою з канелюрами, штампом та заглибленим орнаментом. Ці матеріали можна віднести до пам'яток Борисівського типу. Знахідок етапу VII (4100-3700 до н.е.) – найбільше. Це глиняна площадка та мальована кераміка. Ці матеріали можна синхронізувати з

пам'ятками типу Ворошилівки на Південному Бузі. Більш точне датування можна буде зробити після повного дослідження цього унікального об'єкту.

Розкоп законсервовано. Площадка готується до музеєфікації.

Список літератури

Винокур І.С. та інші. Буша: історико – краєзнавчі нариси. – Хмельницький, 1991. – 152 с.

Зінько Ю.А., Косаківський В.А., Степанчук Ю.С. Буша: стан і перспективи археологічних досліджень // Матеріали XII Подільської історико-краєзнавчої конференції. – Кам'янець-Подільський, 2007. – С. 224-227.

О ГЛИНЯНОЙ МОДЕЛЬКЕ С ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ РОССОХОВАТКА НА ЧЕРКАСЩИНЕ

Найденная в 1974 г. Е.В. Цвек близ с. Россоховатка в Черкасской обл. глиняная моделька была опубликована как модель двухэтажного жилого дома [Археологія..., 1971, с. 192; Давня історія..., 1997, с. 281, рис. 92]. В этой интерпретации находка обошла многие научные издания и с соответствующей этикеткой стала экспонатом экспозиции Археологического музея Института археологии Национальной Академии наук Украины (рис. 1).

Находки моделей жилищ или их фрагменты не редки на трипольских поселениях: Ленковцы, Лука Врублевцевская, Солочены I, Владимировка, Коломийщина I и II, Ворошиловка, Сушковка, Попудня, Борисовка, Чичиркозовка [Мовша, 1964, с. 95 и библиография]. От всех этих поделок россоховатская моделька существенно отличается главной своей особенностью – двухъярусностью.

Достоверные данные о двухэтажных домах на трипольских поселениях отсутствуют [Корвин-Пиотровский, 2003, с. 6]: идея этажности в трипольском домостроительстве зиждется исключительно на умозрительных представлениях и, не в последнюю очередь, на самой россоховатской находке.

Между тем, такая конструктивная особенность как двухъярусность присуща другой категории объектов материальной культуры Триполья. Речь идет об одной из разновидностей керамических обжигательных горнов, обнаруженных на многих трипольских памятниках [Цвек, 2004, с. 33-37].

В россоховатской модельке присутствуют те же компоненты, что и в натуральных двухъярусных обжигательных горнах Триполья и их одновременных или более поздних археологических и этнографических аналогах: нижняя топочная камера, верхняя обжигательная камера купольной конструкции, междукамерный карниз и вертикальными ограничительными бортиками по краям, округлое вытяжное отверстие (рис. 2). Сходство оригинала и копии поразительное. Отличие лишь в размерах.

Каково назначение модельки?

Модели домов известны не только в трипольской, но и в других синхронных ей и более поздних археологических культурах с обрядом трупосожжения, где они служили погребальными урнами (оссуариями). Скорее всего, и трипольские модельки построек, во всяком случае, модели с кровлей, наряду с сосудами (обычными и специальными – зооморфными, териоморфными и дополненными различными антропоморфными элементами), являлись погребальными урнами. Видимо и россоховатская моделька керамического горна должна быть отнесена к этой категории находок. В действительности же, если иметь в виду значение огня и обжига глины в жизни трипольцев, сакральный подтекст модельки мог быть значительно шире: наверняка, семантику её следует искать в круге представлений, связанных не только с культом предков, но и с культом огня, – предтечи позднейшего огнепоклонничества.

Список литературы

Археологія Української РСР. – Т. I. – Киев, 1971.

Давня історія України. – Т. I. – Киев, 1997.

Корвин-Пиотровский А.Г. Теоретические исследования поселений-гигантов // Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції. – Киев, 2003. – С. 5-8.

Мовша Т.Г. О некоторых моделях трипольской культуры // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. арх. музея в 1962 г. – Одесса, 1964.

Цвек Е.В. Гончарное производство племен трипольской общности. – Киев: ВАТ "КІПО", 2004. – 70 с.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ДОСЛІДЖЕННЯ САКРАЛЬНОГО СВІТУ ТРИПІЛЬСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Сьогодні дослідження сакральної сфери давньоземлеробських суспільств, зокрема носіїв трипільської культури, стають вельми актуальним не тільки внаслідок підвищення інтересу до феномену духовного життя давніх народів, але й у зв'язку із все наростаючими хвилями дилетантських опусів, які буквально заповнили засоби масової інформації, популярні видання, та, навіть, підручники для середньої і вищої школи.

Дослідження духовної культури давніх народів із застосуванням археологічних джерел відноситься до інтерпретаційного та реконструктивного рівнів археології як історичної науки. Воно передбачає кілька послідовних ступенів аналізу та синтезу даних і можливе тільки за умови застосування для інтерпретації археологічних артефактів та об'єктів даних широкого кола суміжних наукових дисциплін. Кінцевий результат таких історичних реконструкцій значною мірою залежить від певних методологічних підвалин. Тому доцільно зупинитися на сучасних методологічних та методичних принципах вивчення сакрального світу трипільської культури. Термін "сакральний світ" виступає синонімом до більш звичних дефініцій "духовна культура" або "ідеологічні" чи "релігійні" уявлення. Як відомо, Е. Дюркгейм, ототожнював релігію із поняттям "священного", яке протиставлялося мирському.

Виходячи з методології марксизму, яка не втратила своєї актуальності у деяких аспектах сучасних досліджень, виробництво та економічні стосунки у суспільстві визначалися як базисні для ідеологічної "надбудови". Відповідно, релігія у філософському аспекті визначалася як "віра у неіснуючий, надприродний світ", "перекручене віддзеркалення дійсності" або "викривлена свідомість". У соціологічному аспекті релігія представлялася як шкідливе світосприйняття, а сутність релігійної ідеології визнавалася реакційною і протилежною до наукового мислення. Завданням радянської марксистської науки оголошувалася боротьба з релігійним світосприйняттям. Відповідно, й вивчення релігійних уявлень давніх народів зводилося переважно до демонстрації абсурдності світосприйняття людей архаїчного суспільства, як спотвореного віддзеркалення дійсності, що обумовлювалося "*безсилям дикуна у боротьбі із природою*" внаслідок занадто слабого розвиненням виробничих сил [Спутник атеїста, 1961].

Сучасні методологічні засади визначення релігії як соціального феномену в цілому близькі до марксистського, але теперішні вітчизняні філософи дещо інакше розставляють акценти у взаємодії економічної та соціальної сфер, які знаходяться не у простому підпорядкуванні останньої від першої, а поєднуються складним, в тому числі й зворотним зв'язком. Наведене визначення феномену релігії зараз розглядається як занадто прямолінійне використання радянськими вченими методологічних засад для спрощеного пояснення складних соціальних явищ, вивчення яких потребує застосування багаторівневих системних досліджень, що базуються на матеріалістичній методології. Дещо змінилися акценти у сучасних дефініціях релігії. Вони тепер корегуються у відповідності із досягненнями "буржуазної" соціології та феноменології релігії. Релігія визначається як світосприйняття та специфічна діяльність людини, що пов'язані із вірою в Бога. Вона "є духовною компенсацією життєвих втрат людини", "атрибутом людського суспільства" [Чекаль, 2002, с. 324], "органічним елементом культури будь-якого народу, однією з форм духовно-практичного освоєння світу, що ґрунтується на вірі в існування богів і надприродних сил" [Короткий..., 2003, с. 272].

У середині ХХ ст. на важливості дослідження вірувань давніх землеробських племен, зокрема трипільських, наполягав С.М. Бібіков. Він фактично започаткував у радянській історіографії цей напрямок, та у декількох працях обґрунтував методику вивчення духовної сфери давніх суспільств на археологічних джерелах. Дослідник констатує, що вивчення економіки ранніх землеробських суспільств значною мірою випереджує дослідження проблем, пов'язаних із світоглядними явищами [Бібіков, 1953, с. 193]. Певною мірою подібне положення спостерігається і у сучасному трипільствознавстві, хоча з часу виходу праці С.М. Бібікова минуло 55 років, а проблеми, поставлені дослідником, висвітлювалися у багатьох працях фахівців наступних років [Бурдо, 2004, с. 344-346].

Монографічне дослідження С.М. Бібікова, зокрема й вивчення проблематики духовної сфери трипільців, характеризується певними методичними засадами, які відкрили шлях для подальших

досліджень у цьому напрямку. Перший методичний аспект, який характеризує підхід С.М. Бібікова, це залучення всієї сукупності наявних на той час конкретних археологічних джерел. Другий найважливіший момент – порівняльний аналіз трипільських матеріалів з широким колом культур доби неоліту та мідного віку південного сходу Європи та Середземномор'я. І нарешті третя характерна риса дослідження С.М. Бібікова – залучення етнографічних даних для інтерпретації археологічних матеріалів.

Вивчаючи матеріали, отримані під час розкопок у Луці-Врублівецькій, С.М. Бібіков висловив низку ідей, які залишаються актуальними й через пів століття. Перелічимо найбільш важливі.

С.М. Бібіковим була запропонована інтерпретація знахідок людських кісток серед руїн жителів як жертв поховання традиція яких сягає часів палеоліту. Дослідник висловив також слушну думку про те, що обряд поховання у житлах свідчать про наявність у трипільців культу, що пов'язаний з ідеєю відродження, оборотності [Бібіков, 1953, с. 194-198].

Дослідник слушно звернув увагу на символічне навантаження різноманітних виробів з кісток, зубів, рогу, іклів, які інтерпретувалися ним як прикраси – обереги [Бібіков, 1953, с. 199]. Керамічні моделі будівель (по аналогії із оссуаріями) С.М. Бібіков розглядав, як атрибути культу предків, висловлюючи припущення, що моделі закритого типу мислилися як місце перебування душі померлого [Бібіков, 1953, с. 203-204].

Особливу увагу С.М. Бібіков приділив аналізу антропоморфної скульптури з поселення Лука-Врублівецька [Бібіков, 1953, с. 204-238]. Він запропонував інтерпретацію жіночих статуеток як поліфункціональних ритуальних предметів, пов'язаних із ідеєю родючості, святості вогнища та культом предків. Виявлення у масі, що була використана для виготовлення деяких жіночих фігурок із Луки-Врублівецької домішок борошна дозволила досліднику пов'язувати певну категорію пластики з календарними обрядами, у яких використовувався вогонь. Подібні статуетки, на його думку, могли бути атрибутами культу родючості та сакралізації сонця.

С.М. Бібіков запропонував реконструкції деяких образів антропоморфної пластики, які й досі залишаються актуальними. На його думку, жіночі фігурки могли бути посередниками у спілкуванні із всемогутніми духами. Втім вони не відображують божеств родючості, богинь-землі, богиню-мати і т.д.

На матеріалах трипільської пластики С.М. Бібіковим було поставлено питання про походження землеробської традиції, пов'язаної з ідеями плодючості. Дослідник дійшов висновку про стилістичну спільність жіночих статуеток різних територій - Месопотамії, Кіпру, Кіклад, Криту, Балкан та зв'язки трипільської сакральної традиції із східним Середземномор'ям, центральною та середньою Європою. На його думку витоки світоглядних ідей Трипілля слід шукати у давніх землеробських цивілізаціях. До південного сходу Європи вони проникли через давнє землеробське населення Балкан. У конкретних регіонах землеробської ойкумени статуетки набували конкретних рис, притаманних певним археологічним культурам.

Особливу увагу С.М. Бібіков звернув на знахідки черепів бика та собак, слушно розглядаючи їх як жертвоприношення, пов'язані з ідеями плодючості. На його думку, собака відігравала певну роль у сакральному світі трипільців та була пов'язана з уявленнями про хтонічні сили, а також виступала як тварина-оберег [Бібіков, 1953, с. 23].

Аналіз археологічних знахідок дозволив С.М. Бібікову зробити деякі загальні висновки щодо релігійних уявлень трипільців. На його думку, їм була притаманна найдавніша форма вірувань, що не розділяє чітко земні та небесні істоти, а усі виявлені ним сакральні артефакти трипільської культури певним чином пов'язані з культом родючості. Магічні обряди та календарні свята супроводжували виробничу діяльність трипільців, а образ жінки був у центрі релігійних уявлень та обрядів.

За минулі пів сторіччя з моменту виходу монографії ідеї, висловлені С.М. Бібіковим, не втратили свого значення, особливо з точки зору поставлених проблем та методики дослідження. Втім обсяг джерел для трипільської культури збільшилася відтоді на кілька порядків. Їх дослідження із застосуванням методів та ідей, запропонованих С.М. Бібіковим, відкриває нові горизонти у реконструкції духовного світу давніх землеробів. Сучасні реконструкції сакрального світу трипільських племен значною мірою базуються на методах, запропонованих у працях С.М. Бібікова. Розширення джерелознавчої бази та застосування системного культурологічного підходу до археологічних джерел дозволяє запропонувати певні моделі та реконструкції окремих аспектів священної традиції трипільців: сакральних образів, елементів міфів та ритуалів.

Зрозуміло, що лише мізерний відсоток проявів духовного світу знаходить відображення в археологічних артефактах, які не можуть стати історичними фактами для соціологічних реконструкцій без спеціальної процедури їх вивчення. Феномен сакрального світу кожного суспільства дуже багатогранний, тому може розглядатися у різних аспектах. Плідним виявляється підхід,

запропонований деякими дослідниками [Балабина, 1998], відповідно з яким наявна зображувальна традиція Трипілья розуміється як фрагменти певного сакрального невербального тексту.

Відтворювати певні моделі сакрального світу носіїв трипільської культури дозволяють деякі принципові загальні положення. Дослідники дійшли висновку про синкретизм, властивий для традиційних та архаїчних соціумів. Він проявляється у відсутності розподілу основних функцій культури у широкому розуміння цього терміну. Відповідно, для реконструкції священної традиції конкретного давнього суспільства необхідно досліджувати всі наявні джерела, що стосуються певної археологічної культури.

Встановлено, що феномен сакрального універсальний для людського суспільства. Саме це обумовлює притаманність сакральній традиції властивості формувати нові комплекси релігійних уявлень не відтиснюючи старих, а створювати синкретичні священні концепції, у яких різні традиції ніби нашаровуються та співіснують. Така закономірність дозволяє застосовувати широке коло аналогій для археологічних джерел незалежно від їх часового або просторового положення.

Конче необхідною умовою реконструкції окремих аспектів сакральної традиції трипільського суспільства залишається системне залучення усієї можливої джерелознавчої бази, забезпеченою археологічними методами. Процедура такого дослідження передбачає кілька ступенів. Перший етап – систематизація та формальна класифікація всіх наявних артефактів та об'єктів. Він забезпечує основу для подальших етапів, зокрема семантичного аналізу матеріалів, надає можливість реконструювати сакральні персонажі, встановити певні ритуальні комплекси, семантичні поля та зв'язки виявлених священних образів. Загальна модель сакральної традиції трипільської культури може бути побудована із застосуванням змістовних або формальних аналогій з етнології та вербальної міфологічної традиції із застосуванням ретроспективного, порівняльно-типологічного та історичного методів. Останній допоможе простежити трансформації понад двохтисячолітньої сакральної традиції трипільців.

Системний підхід до археологічних джерел дозволяє доповнити висновки щодо духовного світу давніх землеробів, зроблені багатьма науковцями впродовж понад столітнього періоду вивчення Трипілья.

Дослідження сакрального аспекту трипільських поселень та жител дозволяє стверджувати, що трипільському населенню був притаманний ритуал залишення поселень. Найхарактерніші риси цього обряду – зміна поселенською общиною місця проживання у відповідності до певного священного циклу, що відповідав 50-70 рокам, та знищення перед переселенням своїх домівок у жертвої ритуальній пожежі.

Вивчення різноманітних трипільських об'єктів дозволяє виявити серед них сліди обрядів жертвоприношення, зокрема тварин, людські або безкровні.

Аналіз трипільської антропоморфної пластики дозволяє виділити іконографічні типи, за якими можуть стояти певні священні образи або міфологічні сюжети, а також конкретизувати зміст деяких з них та дещо розширити коло сакральні персонажів, виявлених раніше. Певні семантичні та формальні паралелі трипільської зображувальної традиції в міфологіях Давнього Сходу та Середземномор'я дають можливість навіть припускати наявність дуже давніх міфологічних архетипів, що стоять за виділеними іконографічними типами ритуальних предметів трипільської культури.

Відомо, що трипільська теракота здебільшого виконана у схематично-натуралістичному стилі, втім майже повна відсутність реалізму компенсується символічним навантаженням ритуальних предметів. Глибокий та всеохоплюючий символізм взагалі притаманний архаїчним зображувальним традиціям, навіть у часи античності або середньовіччя. Очевидно, що конкретний зміст формально подібних символів міг бути специфічним для кожної культури і зрозумілим для кожного з її представників. Це дуже ускладнює розуміння невербальних текстів, що дійшли до нас як зображувальна традиція. Втім групування окремих символів у блоки, їх формальні зв'язки та аналогії дозволяють реконструювати певні фрагменти невербальних сакральних текстів та символіку образів і знаків.

Пануючим іконографічним типом антропоморфної скульптури є жіночий сакральний персонаж, який на нашу думку відповідає праобразу богинь, зафіксованих міфологією різних народів.

- Найбільш розповсюджений іконографічний тип статуєток – дівочі фігурки. Вони можуть відповідати образу священної *Диви* у різних ритуальних ситуаціях та іпостасях. Вона звертається до вищих сил схилена у молитовному уклоні, або здіймаючи обличчя та руки до небес, або перебуваючи у екстатичному трансі. Проте, ймовірно, сенс усіх цих поз відтворює спілкування з надприродним світом.

- З Богинею – Володаркою, яка втілюється в образі зрілої жінки шлюбного віку, можливо матері, від якої йде родовід, можуть бути пов'язані сидячі фігурки з прямим або відхиленим назад торсом. Вони поширені менше, ніж стоячі.

• Трипільські "мадонни" – один з самих архаїчних проявів цього образу на теренах Європи. Жіночі статуетки, які тримають в руках дитину виконані з різним ступенем стилізації.

• Образ вагітної ймовірно може відповідати образу Богині, що дає життя – потенціальної прародительки всього суцього.

• Різними трипільськими артефактами, зокрема керамічними моделями стільців-тронів, зафіксовано подвоєння Богині в образі Двох Богинь. Можливо, трипільська зображувальна традиція демонструє саме архетип пари богинь, подібних до еллінських Деметри та Кори-Персефони, які були головними персонажами втаємничених Елевсінських містерій та найвідоміших давньогрецьких міфів.

• Унікальний для Трипілля-Кукутень іконографічний тип – жіночі фігурки із зачіскою у вигляді довгого волосся з вузлом на спині – представлений з різним ступенем схематизму. Поєднання символіки місяця та богині у трипільській зображувальній традиції свідчить про архаїзм образу великих богинь світової міфології, які майже всі мали місячні епітети.

• Трипільські статуетки з реалістично модельованим обличчям, які мають майже портретні риси, красномовно свідчать про традицію сакралізації предків, що неодноразово відмічалось дослідниками Трипілля. Зауважимо, що серед так званої "реалістичної пластики" трапляються різноманітні іконографічні типи, за якими стоять жіночі, чоловічі або андрогінні сакральні персонажі.

Чоловічі зображення Трипілля – Кукутень відомі в обмеженій кількості, відповідно представлені кількома іконографічними типами.

• Чоловічі ігіфалічні статуетки та фігурки у "позі вершника" зазвичай пов'язують з втіленням сили, якої підвладна родючість всього живого.

• Теракоти чоловіка (або андрогіна) з одним оком – особливий сакральний образ, який може відповідати сакралізованому вождю-воїну.

• Чоловічі фігурки, які морфологічно відповідають жіночим розглядаються як парубки - кореляти Богині-Діви. Можливо, це – далекий праобраз супутника Великої Богині, сезонного юного бога, або царя-жерця, якого щорічно приносили в жертву. Він вмирав та воскресав подібно до самої природи.

• Іконографічний тип істоти з ознаками як чоловічої, так і жіночої статі відтворює дуалістичний образ андрогінного божества. У Трипілля-Кукутень статуетки андрогінів розповсюджені більше, ніж чоловічі. Образ андрогіна у притаманних людині термінах протиставлення чоловічого та жіночого символізує бездоганність, поєднання та наявність абсолютно всіх можливих проявів божества, а також рівновагу протилежних принципів. Зокрема й чоловічого та жіночого, активного та пасивного й тому подібне.

Трипільська зображувальна традиція багата на зооморфні образи, які представлено здебільшого теракотовою скульптурою, фігурними посудинами та малюнками або рельєфами на кераміці. Свого часу теріоморфним трипільським сюжетам приділяв увагу С.М. Бібіков [Бібіков, 1989]. Серед зооморфних зображень Трипілля виділяються овни та бовиди, бик і корова, баран, коза, свиня або вепр, собака, олень, ведмідь, птахи, змія є атрибутами, символами або втіленнями різноманітних божеств та пов'язані з різними ритуалами, зокрема жертвоприношенням. За чисельними варіаціями зооморфних зображень стоять образи, які мають певну сакральну символіку.

• Букраній – метафора Місяця, символ плодючих сил.

• Бик або могутні бичачі роги – символ Місяця – втілюють могутність та плодючу силу верховних богів у багатьох міфологічних традиціях. Він – втілення Верховного Бога, а також і жертвна тварина великих богів та великих ритуалів.

• Корова – дружина верховного бога, втілення Великої Богині і Великої Матері та символ вселенської родючості у багатьох міфологічних традиціях.

• Овен або баран – втілення Верховного Бога або богів, яких було принесено у жертву, у міфологічних традиціях Середземномор'я та Давнього Сходу. Символізує могутність, плодючість, сонце.

• Вепр – символізує могутність. Атрибут великих богів та достойна їх по жертва.

• Свиня (свиноматка або поросля) – символ плодючості, задіяна у обрядах Елевсінських містерій. Жертвна тварина.

• Собака – істота, пов'язана із семантичним колом Місяця, а у зв'язку з цим ідеєю відродження, потойбічним світом. Жертвна тварина.

• Олень – дуже архаїчний символ, пізніше асоціювався із сонцем, атрибут деяких божеств та жертвна тварина.

• Ведмідь, у Трипіллі частіше ведмедиця, – істота, пов'язана із семантичним колом Місяця та Артемідою як місячною богинею.

• Птаха, зокрема качка – дуже архаїчний символ у Європі, у трипільській культурі втілювала богиню та Місяць.

• Змія (дракон) – полісемантичний образ, істота, пов'язана із семантичним колом Місяця, води, жінки, смерті, відродження, потойбічного світу.

Особливу категорію зображень Трипілля складають синкретичні (міксаморфні, теріо-антропоморфні) зображення, які поєднують риси жінки і корови, жінки та птаха, жінки та змії, чоловіка та бика, або Місяця та змії, Місяця та птаха. Іконографічні типи теріо-антропоморфних зображень втілюють синкретичні сакральні образи: Богині-Корови (Великої Богині), Богині-Птахи, Богині-Змії. Серед розписних малюнків виділяються символічні знаки у стилістиці яких органічно поєднуються риси місяця та змії або місяця та птахи. Такі символи, на нашу думку, відповідають фантастичним сакральним персонажам, які умовно можна назвати Місячна Змія та Місячна Птаха.

Різні антропоморфні та зооморфні сюжети, зображення знаків "драбини" та "первісного пагорба" можуть бути пов'язані із фрагментами дуже архаїчних міфів, зокрема космогонічних.

Для орнаменталізації Трипілля-Кукутень в цілому характерні спіральні зміїні композиції, що символізують безкінечний рух, символіка Місяця у різних станах та фазах, маркування центру. Символічні знаки та їх блоки і сюжетні сполучення поєднуються у семантичні ланцюжки: жінка + змія, жінка + місяць, жінка + місяць + вода + змія, місяць + рослина + вода. Таке сполучення символіки в одне семантичне поле, на думку М. Еліаде, взагалі властиве для світогляду людини неолітичної доби [Еліаде, 1999, с. 294].

Аналіз зображувальної традиції Трипілля-Кукутень, що дійшла до нас переважно зафіксована у керамічних виробках та скульптурі, дозволяє стверджувати, що в неї превалує символіка Богині та Місяця, а також простежується контамінація символіки навколо Місяця. Місячні ознаки має більшість символів та образів – від Великої Богині до птахи. Панування місячної символіки, на нашу думку, обумовлено властивостями нічного світила до безкінечного циклічного оновлення, зміни станів у круговерті "вмирання" та "відродження".

Список літератури

Балабина В.И. Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. – М.: Старый сад, 1998. – 270 с.

Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре: К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. – МИА. – № 38. – 1953. – 460 с.

Бібіков С.М. Теріоморфні зображення в орнаменталізації Трипілля // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 6-11.

Бурдо Н.Б. Сакральний світ трипільської цивілізації // Енциклопедія трипільської цивілізації. – Киев: Укрполіграфмедіа, 2004. – Т. I. – С. 344-419.

Короткий енциклопедичний словник з культури. – Киев: "Україна", 2003. – 384 с.

Спутник атеиста. – М.: Госполитиздат, 1961. – 628 с.

Чекаль Л. Релігія // Історична наука: термінологічний довідник. – Киев: Вища школа, 2002. – 324 с.

Еліаде М. Трактат по истории религии. – М.: "Алетейя", 1999. – Т. I.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ КРЕМНЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА (геологические данные и этнографические параллели)

Высокие достижения в материальной и духовной культуры эпохи энеолита Юго-восточной Европы могут быть объяснены только при всестороннем раскрытии экономического потенциала, обусловившего их расцвет.

Одним из важнейших индикаторов степени развития общества является уровень его технической обеспеченности – орудиями труда и производством этих орудий. Несмотря на использование меди, основным сырьем для изготовления орудий даже на финальных этапах энеолита продолжал оставаться кремь, использовались также камень, кость и рог [Скакун, 2006]. Усовершенствование добычи кремня и производства кремневых орудий, выделение кремнеобработки из домашнего промысла в ремесленное производство, и раскрытие всех возможностей этого сырья длилось на протяжении всей эпохи энеолита [Скакун, 2000]. Процесс шел медленно и лишь в позднем энеолите документированы отдельные мастерские на поселениях [Матева, 2003, 2007, 2008; Скакун 1984, 1987, 1999, 2004, 2006; Skakun 1996; Цвек, Мовчан, 2005].

При исследовании таких энеолитических ремесленных производств, как кремнедобычи и кремнепроизводства трудно обойтись без использования геологических и этнографических данных, так как именно усилиями геологов открыто большое число месторождений кремня на территории Болгарии, а этнография этого района дает нам примеры производства кремневых артефактов вплоть до начала XX столетия.

Северо-восточная Болгария (рис. 2), по мнению многих авторов, является как раз тем районом, где добыча кремня и производства кремневых орудий достигли самого высокого уровня, а продукция распространялась на большой территории [Шкорпил, 1892; Попов, 1925-28; Явашов, 1930; Георгиев, 1958; Кънчев, Начев, Ковнурко, 1981; Скакун, 1984, 2004; Skakun, 1993a, b; Гацов, 1992]. Исследование этой проблемы неотделимо от исследования месторождений и мест первичной и вторичной обработки кремневого сырья [Скакун, 2006]. Значение этого факта нередко недооценивается в современной археологической науке, несмотря на то, что в ходе археологических раскопок и разведок последних лет добыт археологический материал, позволяющий произвести всесторонние исследования кремневых индустрий разнотипных энеолитических памятников на северо-востоке Болгарии.

По мнению геологов только три разновидности кремня: верхнеюрский, ниже-меловый и верхнемеловый могли иметь производственную ценность для древних мастеров [Начев, 2008б; Дистанов, 1974]. Кремь верхнеюрского возраста (оксфордский этаж) находится в западной части старопланинской зоны Болгарии [Начев, 2005, 2008а]. Эта разновидность кремня в эпоху энеолита почти не использовалась из-за плохой расщепляемости и небольшого размера конкреций, испещренных трещинами [Начев, 2008б]. Ареал распространения кремня нижемелового возраста (аптский этаж) полностью совпадает с географической областью Лудогорие [Nachev, Kanchev, 1984; Кънчев, 1985; Начев, 2008б]. Кремь в Лудогории встречается в виде единичных желваков или прослоек в известняке (первичные залегаия по берегам сухих сегодня речных долин) и в переотложенном виде (вторичные залегаия на плоскогорьях Разградского плато, Самуиловских возвышенностей и др.) [Кънчев, Начев, Ковнурко, 1981; Начев, 2008].

Кремь аптского времени, считается многими авторами, лучшим сырьем для производства орудий [Kunchev, 1976, 1984; Кънчев, Начев, Ковнурко, 1981; Скакун, 1984, 1985, 2006; Comsa, 1976; Тодорова, 1986 и др.]. Желваки крупные (20-70 см), правильной эллипсоидальной формы, трещины и инородные примеси встречаются крайне редко (рис. 3). Геолог Чавдар Начев считает, что их "высокое качество является результатом стечения ряда благоприятных геологических обстоятельств в эпоху раннего мела. Подобное этому счастливое сочетание очень редко в геологической истории, и поэтому этот кремь является единственным сырьем высшего качества для больших территорий Юго-восточной Европы и Малой Азии. С седиментологически-петрографической точки зрения это является единственным сырьем для макропластинчатой индустрии" [Начев, 2008б].

В 1976 г. Е. Комша сделал карту распространения артефактов из этого кремня на территории Румынии, называя его добруджанским кремнем, и впоследствии это название нашло широкое употребление в археологической науке. По сути дела оно является неправильным, так как

геологическое распространение аптского кремня не имеет никакого отношения к географической области Добруджа и к Добруджанскому плато. Поэтому позже делались попытки предложить другие названия [Кънчев, 1985, 1988; Начев, 2008б]. В геологической науке аптский кремень Северо-восточной Болгарии называется Лудогорский флинт, и, по-моему, мнению следует пользоваться им и в археологии, чтобы избежать разночтений при взаимном использовании результатов обеих наук.

В Лудогорье геологами зарегистрировано семь больших местонахождений кремня [Начев, 2008б (рис. 1)].

1. Долина реки Бели лом к северо-западу от г. Разград, где кремневые выходы укрыты толстым слоем гравия и леса.

2. Долины рек Русенски лом и Черни лом в Русенской области.

3. К северу от города Разград, в сухой ныне долине Топчийской реки в районе дер. Топчии, Каменово, Равно, Беловец, Тетово Русенской области и г. Кубрат, Разградской области.

4. Разградская возвышенность в непосредственной близости к северу от города ("Чуката"), и у дер. Недоклан и Мортагоново, Разградского района.

5. К югу и юго-западу от г. Исперих, Разградской области – возле дер. Малък Поровец, Голям Поровец, Владимировци и Ножарово Исперихского района.

6. К северу от г. Нови пазар, Шуменской области – самое известное месторождение Крива река, и выходы у дер. Лиси врех, Долина, Ружица, Хырсово, Становец и Черноглавци Шуменской области

7. Самые восточные выходы – в 40-45 км к западу от г. Добрич у дер. Карапелит, Черна и Житница, Добричской области.

В настоящее время известно, что в эпоху энеолита для добычи кремневого сырья использовались выходы из месторождений № 3 – у дер. Равно [Кънчев, 1988] и Каменово [Скакун, 1987; Матева, 2005] Русенской области; № 4 – "Чуката" у г. Разград [Кънчев, Начев, Ковнурко, 1981]; №5-между дер. Голям Поровец и Ножарово [Матева, 2003, 2007, 2008] и № 6 – Крива река [Кънчев, Начев, Ковнурко, 1981; Скакун 1985, 1987, 2006, Матева, 2007].

Отдельные авторы считают, что эксплуатация этих месторождений началась в раннем неолите, с приходом из Фракийской долины населения, имевшего традиции добычи кремня шахтным способом и обработки кремневого сырья [Тодорова, Вайсов, 1993]. Эта гипотеза является несколько упрощенной, так как результаты фундаментальных исследований кремневого инвентаря памятников неолита – бронзы Болгарии Н.Н. Скакун [Скакун, 1984, 1987, 1992а, б, 2006; Skakun, 1993а, б, с] и археологических разведок [Кънчев, Начев, Ковнурко, 1981; Матева, 2007], указывают, что на ранних этапах неолита на территории всей Болгарии использовался мелкогалечный переотложенный местный кремень. Пока нет никаких данных о добычи кремня шахтным способом в неолите.

Здесь нужно отметить, что на территории Северной и Северо-восточной Болгарии довольно широко распространен и третий вид кремня – мизийский (верхне-меловый кремень). Еще в конце XIX в. у города Шумен братья Шкорпил описали месторождения Чакмаклык гюзу (по-турецки "глаз кремня"), и месторождение Садовец в центральной части Северной Болгарии, которые, несмотря на свою легкую доступность и обилие довольно крупных желваков, были оставлены без внимания в доисторическое время. Братья Шкорпил, не без основания, предполагали, что причиной этому являлась плохая расщепляемость кремня из этих месторождений [Шкорпил, Шкорпил, 1898]. В настоящее время автором исследовано месторождение Сазлъка, недалеко от энеолитического поселения-телля Сазлъка, Самуиловского района Разградской области [Матева, 2007]. Это месторождение очень богато кремнем, желваки видны в меловых отложениях, как вкрапления в известняке, и на поверхности. Тем не менее, несмотря на тщательное обследование территории телля, месторождения, и их окрестностей, нигде не были замечены места выработок. Современные петрографические исследования [Начев, 2008б], указывают на то, что все эти месторождения являются источниками мизийского кремня. Его цвет варьирует от желто-коричневого до серого с белесыми пятнышками. Конкрекции неправильные, амебовидные, с множеством инородных включений и червеобразных пустот. Несмотря на то, что имеется известное сходство в цвете обоих разновидностей кремня, их можно отличить по морфологическим и структурным признакам. Мастера молотильных досок вплоть до начала XX в. хранили эти знания. Однако, как отмечает Ч. Начев, после братьев Шкорпил, различия между лудогорским и мизийским кремнем были совсем забыты [Начев, 2008б].

Первыми установили эти различия древние мастера в начале эпохи энеолита, когда вместе с выделением ремесла кремнеобработки улучшились старые и появились новые способы обработки этого сырья [Бибииков, 1970; Скакун, 1984, 1985, 1999, 2006; Pelegrin, 2002]. В это время началась и эксплуатация месторождений крупногалечного лудогорского кремня [Скакун, 1984]. Но добыча велась не в глубоких шахтах в меловой породе, как в Белоруссии, Спиенне и Польше [Гурина, Ковнурко,

1964], где прослойки кремня залегали на большой глубине, а в неглубоких ямах, не проникая в толщу меловых скал, так как лучший лудогорский кремень находится в плотных прослойках в выветренных

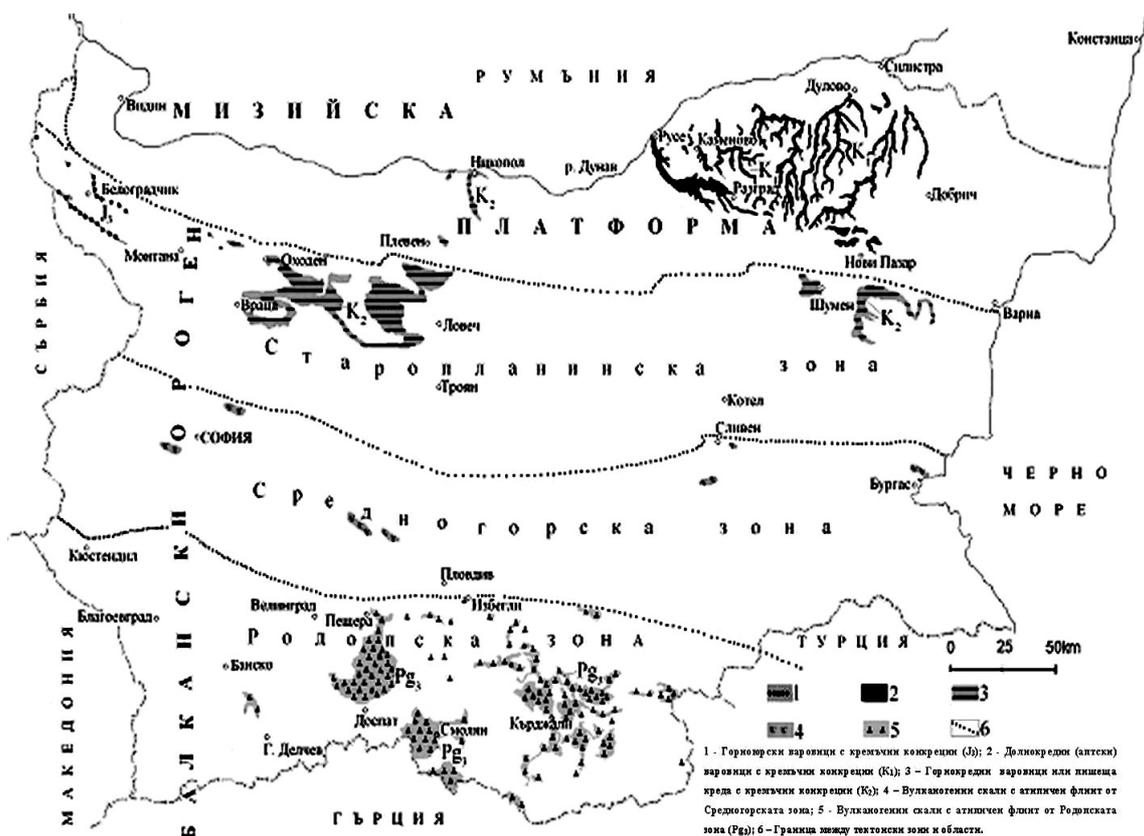

Рис.1. Геологическая карта распространения скал с высоким содержанием кремневых конкреций в Болгарии [по: Начев, 2008б]

пластах мела аптского возраста под покровом лесса (рис. 3). Наиболее качественный кремнь для производства макропластин происходит из месторождения Равно. В 1985 г. К. Кънчев выделил два месторождения – Равно I и Равно II, находящихся к западу и юго-западу от современного поселения, и описал их как палеолитические мастерские, вероятно, из-за отсутствия керамики. Более тщательная разведка по вспаханному полю показала другую картину.

Во-первых, оказалось, что очень трудно разделить Равно I и II так как их границы соприкасаются. Поле площадью около 100 гектаров усеяно скоплениями изделий первичной обработки кремня, отстоящими на 50-200 м одно от другого. Во-вторых, находки нуклеусов и орудий энеолитического времени указывает со всей определенностью на период существования этой огромной мастерской. Отсутствие керамического материала на месте первичного расщепления можно объяснить тем фактом, что само местонахождение отстоит всего на 3-4 км к западу от телья Каменово. Можно предполагать, что мастера с телья Каменово летом приходили добывать и обрабатывать кремнь сюда утром, а вечером возвращались домой в поселок (такие "походы на работу" осуществлялись еще на моей памяти в XX в., когда люди шли пешком на отдаленные поля). Здесь могли быть временки (шалаша), так как пространство, занятое местами первичной обработки – огромное, а длинный отвал отходов производства на территории, обозначенной Кънчевым как Равно II, доходит высотой до полутора метров. Урочище Равно I-II имеет точную параллель с местами первичной обработки, расположенными недалеко от города Избегли (Болгария, Пловдивский р-н) [Stojanova, Kunchev, 1984] и Муселиево (Болгария, Ловечский р-н) [Сиракова, 2006]. Вероятно, таким местом был и памятник Крива река до того, как его разрушили средневековой и современной промышленной добычей кремня. Геологи считают, что в энеолите мастера выбирали кремнь в ямах из выветрившегося слоя, и начали углубляться для его поисков только в XX веке, так как верхние залежи исчерпались.

Трудно представить, что огромные выработки Равно I-II являются делом мастеров, живших на небольшом, соседнем телье, даже если все они, вместе с дедушками, бабушками и детьми расщепляли кремнь в течение долгих лет. Вполне возможно, что сюда приходили сезонно добывать кремнь и

люди из более удаленных мест, унося с собой только заготовки – пластины и орудия [Скакун, 2006]. Находки большого количества конкреций, в том числе – огромной, весом в 45 кг (рис. 4), на телле Каменово указывает на то, что близко живущие мастера уносили с собой не только заготовки, но и подходящее сырье для работы в более комфортных для себя условиях. На поселениях Чакмака (Болгария, Исперихский р-н), трипольском поселении – мастерской Бодаки (Украина, Збаражский р-н) [Скакун, 2004] и др., находившихся на расстоянии в километр-полтора от выходов кремня, также обнаружены конкреции, пренуклеусы и полный набор заготовок и отходов производства. Возможность одновременного существования и сезонной добычи, и обработки кремня и круглогодичной в одном и том же месте имеет веские археологические аргументы.

В результате археологических исследований вырисовывается весьма сложная картина организации кремнедобычи и первичной кремнеобработки в энеолите. В настоящее время археологическим путем в Лудогорье зарегистрированы энеолитические мастерские по первичной обработке на поселениях Чакмака (культура Поляница IV–Боян IV), Каменово (культура К-Г-KVI), у места выходов кремня поблизости от поселений (Равно) и в местах выходов кремня в значительном удалении от поселений (Крива река). С большой уверенностью можно утверждать, что первопричиной разнотипности мастерских по первичной обработке кремня на сравнительно небольшой территории является стремление найти лучшее сырье для изготовления макропластин.

Первые два типа мастерских имеют параллели в конце XIX – начале XX вв., по описанию братьев Шкорпил. Поселение-мастерская по расщеплению кремня для молотильных досок в конце XIX столетия, описанное братьями Шкорпил указывает на специфическую последовательность операций расщепления кремня. Есть небольшое противоречие в сведениях этих авторов, опубликованных в 1892 и 1898 гг., касающееся места первичного расщепления. В первом [Шкорпил, Шкорпил, 1892] сообщается, что желваки приносились в деревню, где происходил весь процесс расщепления. Во втором [Шкорпил, Шкорпил, 1898] идет речь о том, что первичное расщепление происходило на месте добычи. Рабочие раскалывали кремневые желваки на две половины, потом хорошие, с ровными кромками и поверхностями раскалывания брали с собой в деревню, плохие же оставляли на месте. Возможно разные производители (информаторы авторов) поступали по-разному. В деревне расщепление осуществлялось на улице. Рабочий обертывал руку "мешинкой" (шкурой), кладя снизу мягкую дубленую шкуру, а сверху-толстую, чаще всего для этого брали шкуру буйвола. Потом сидя на коленях, он брал желвак и расщеплял его при помощи двух молотов из мягкого железа. Первым молотом с двумя широкими тупыми концами он производил первичное расщепление желвака на две половины с ровными поверхностями (ударными площадками) для раскалывания. После этого другим молотом, тоже с тупыми, но очень узкими концами ударяя по краям ровной площадки, отщеплял отщепы с ровными острыми кромками. На продажу шли лучшие (тонкие и прямые) и хорошего качества (более толстые), плохие же отщепы, как и остатки желваков после раскалывания шли в отходы. Все улицы деревни Крива река были покрыты кучами кремневых отходов [Шкорпил, Шкорпил, 1898]. Планиграфическое распределение кремневого материала из поселения мастерской XIX в. почти полностью совпадает с распределением находок с теллей Чакмака (Исперихский р-н) и Каменово (Кубратский р-н) [Матеева, 2003, 2008]. На этих поселениях в жилищах находились орудия и заготовки, а отходы производства и нуклеусы в основном были в междудомном пространстве.

Сделанное же братьями Шкорпил описание отдельных операций расщепления кремня в значительной степени совпадает с описанием экспериментов отдельных ученых, а также с предполагаемым способом первичного расщепления в энеолите, исходя из вида и количества отходов кремнепроизводства.

На этом этапе изучения довольно сложная схема организации кремнеобрабатывающего производства в энеолите Северо-восточной Болгарии, включающая не менее трех разных типов мастерских имеет отдельные пробелы, оставляя место для многих предположений и гипотез.

Тем не менее, она указывает как на высокую степень развитости самого ремесла кремнедобычи и кремнеобработки, так и на большую развитость хозяйства и экономических связей в энеолите в этой части Европы, особенно на его поздних этапах.

Список литературы

Бибиков С.Н. О ранних формах ремесленного производства // Домашние промыслы и ремесло. – Л., 1970. – С. 3-6.

Гацов И. Производство кремневых орудий в неолите на территории Северо-восточной Болгарии // *Studia Praehistorica*. – София, 1992. – Вып. 11. – С. 196-199.

Георгиев Г.И. Из живота и културата на първите земеделско скотовъдни племена в България // Археологически открития в България. – София, 1957. – С. 33-58.

- Гурина Н.Н., Ковнурко Г.М.** Шахты по добыче камня в Белорусии // СА. – 1964. – № 2. – С. 2–12.
- Дистанов У.** Особенности кремненакопление в морских платформенных бассейнах // Сырьевая база кремнистых пород СССР. – М., 1974. – С. 13-16.
- Кънчев К.С.** Кремъчните скали в България и употребата им // Архив АИМ БАН. – София, 1985.
- Кънчев К.С.** Кремъчни скали в Североизточна България и тяхната експлоатация през неолита и енеолита // Юбилейна научна сесия по случай 25 г ВТУ "Кирил и Методий". – В. Търново, 1988. – Т. 3. – С. 48.
- Кънчев К.С., Начев Ив., Ковнурко Г.М.** Кремъчните скали в България и тяхната експлоатация // Интердисциплинарни изследвания – София, 1981. – Вып. 7-8. – С. 41-59.
- Матева Б.И.** Раскопки поселения среднего энеолита в северо-восточной Болгарии // АВ. – СПб., 2003. – Вып. 10. – С. 75-79.
- Начев Ч.И.** Флинтът от района на пещерата "Козарника", Белоградчишко с оглед на неговата праисторическа употреба // Нац. теоретична конф. – Бургас, 2005. – С. 77-80.
- Начев Ч.И.** Геоложка характеристика на находища на флинт от района на Козарника, Северозападна България // Праисторическите проучвания в България, новите предизвикателства. – В. Търново, 2008а. – С. 148-154.
- Начев Ч. И.** Основните типове флинт в България, като суровини за направа на артефакти // Интердисциплинарни Изследвания, 2008б (in press).
- Попов Р.П.** Култура и живот на предисторическия човек в България. – София, 1925–1928. – Т. 1: Каменна епоха. – 158 с.
- Сиракова С.** Къснопраисторическа експлоатация на кремъчни находища по долините на реките Осъм и Вит, Северна България. – София, 2006. – 96 с.
- Скакун Н.Н.** Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла в Болгарии // III Seminar on retroarchaeology. – Plovdiv, 1984. – С. 83-92.
- Скакун Н.Н.** Новые данные о развии производств в эпоху энеолита на территории Болгарии // Археология. – 1985. – № 52. – С. 33-41.
- Скакун Н.Н.** Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Северо-восточной Болгарии. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 18 с.
- Скакун Н.Н.** Типолого-трасологически анализ на оръдията на труда от жилищното помещение // Разкопки и проучвания. – София, 1992а. – Кн. 25. – С. 102-107.
- Скакун Н.Н.** Результаты от трасологическото изследовани на кремъчните изделия от работилницата // Разкопки и пручвания. – София, 1992б. – Кн. 25. – С. 101-102.
- Скакун Н.Н.** Результаты исследования производственного инвентаря неолитическоо поселения Усое I (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. – СПб., 1994. – С. 85-118.
- Скакун Н.Н.** Прогресс техники в эпоху энеолита на Юго-Востоке Европы: (по материалам земледельческих культур Болгарии) // АВ. – 1999. – Вып. 6. – С. 287-307.
- Скакун Н.Н.** Эпоха энеолита – время возникновения ранних форм ремесла в земледельческих культурах Юго-восточной Европы // Судьба ученого. – СПб., 2000. – С. 235-243.
- Скакун Н.Н.** Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии. – СПб., 2004. – С. 57-80.
- Скакун Н.Н.** Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен юго-восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). – СПб.: Нестор-История, 2006. – 224 с.
- Тодорова Х.В.** Каменномедната епоха в България. – София, 1986. – 278 с.
- Тодорова Х.В., Вайсов И.А.** Новокаменната епоха в България. – София, 1993. – 288 с.
- Цвек Е.В., Мовчан И.И.** Энеолитический производственный комплекс по добыче и обработке кремня на реке Большая Высь // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – Киев, 2005. – С. 66-76.
- Шкорпил К., Шкорпил В.Х.** Североизточна България в географическо и археологическо отношение // Народни умотворения, наука и книжнина. – София, 1892. – С. 3-83.
- Шкорпил К., Шкорпил В.Х.** Могили. – София, 1898. – 176 с.
- Явашов А.И.** Разград-неговото археологическо и историческо минало. – Разград, 1930. – Ч. 1. – 290 с.
- Comsa E.** Les matieres premieres en usage chez les hommes Neolithiques de l'actual territoire Roumain // Acta Archaeologica Carpathica. – XVI. – Krakow, 1976. – P. 223-228.

- Kunchev K.S.** Microwear studies of weapons and tools from the Chalcolithic necropolis at the city of Varna // Варненский некрополь и проблемы халколита. – София, 1978. – Вып. 1–2. – С. 46–50.
- Kunchev K.S., Nachev I.** Aptian and Quaternary Flint in North-East Bulgaria // III Seminar on Petroarchaeology. – Plovdiv, 1984. – P. 65–82.
- Mateva B.I.** L'extraction de silex dans la Bulgarie De nord-est a l'epoque Chalcolithique // Reports of round table "Production of long blades in prehistoric Europe". – Tours, 2007 (in print).
- Mateva B.I.** Eneolithic flint workshop-settlements in North-eastern Bulgaria // BAR International series. – 2008. – № 173. – P. 187-188.
- Pelegrin J.** La production des grandes lames de silex du Grand-Prissingy // Materiaux productions du Neolithique a l'Age du Bronze. – Paris, 2002. – P. 131–147.
- Skakun N.** New implements and specialization of traditional industries in the Eneolithic of Bulgaria // Traces et fonctions: les gestes retrouvés: Colloque intern. de Liege. – ERAUL. – 1993a. – Vol.50. – P. 139–145, 303–307.
- Skakun N.** Tekniska framsteg inom jordbrukskulturerna i sydxstra Europa under kopparstenåldern // Forntida teknik. – Frasen, 1993 b. – № 1. – P. 4–24.
- Skakun N.** Results of traceological examination of flint implements in Western Bulgaria // Gatzov I. Neolithic chipped stone industries in Western Bulgaria. – Krakow, 1993c. – P. 52-55.
- Skakun N.** Le role et l'importance du silex le Chalcolithique de sud-est de l'Europe (sur la base du material provenant de fouilles du campement de Bodaki) // La Prehistoire au Quotidien. – Grenoble, 1996. – P. 223–227.
- Stojanova V., Kunchev K.S.** Exploitation of the siliceous rocks from Izbegli deport (Plovdiv district) // 3-th Seminar of petroarchaeology. – Plovdiv, 1984. – P. 282-300.

БРОНЗОВЫЙ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКА

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БУЛАВКИ С КОЛЬЦЕВИДНОЙ ГОЛОВКОЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В эпоху поздней бронзы (XIV – X вв. до н.э.) на Правобережной Украине, на территории Молдавии и восточной части Румынии получили распространение бронзовые булавки с круглым, постепенно сужающимся книзу стержнем и головкой в форме кольца (рис. 1, 2). Судя по результатам визуального осмотра, они были отлиты в двустворчатых формах, а иногда и по восковой модели. Этот вывод подтверждается находками нескольких каменных матриц с их негативами (Завадовка, Солоха и др.), а также данными пяти металлографических анализов [Bockarev, Leskov, 1980, taf. 8, 72в; 10, 84в; 15, 151в]. После отливки стержни булавок проковывались и слегка заострялись. В некоторых случаях они украшались резным орнаментом.

Всего на территории юго-западного региона Восточной Европы нами учтено 46 экземпляров таких булавок и три литейных формы для их производства (рис. 4). Подавляющее их большинство происходит из поселений и случайных сборов. Лишь пять или семь булавок найдены в погребениях и пять вкладах.

В морфологическом отношении эти булавки являются одними из самых простых украшений того времени. Поэтому их всегда рассматривали в целом, недифференцированно, и относили к одному типу или разряду [Черных, 1976, с. 128-129; Шарафутдинова, 1987, с. 75; Dergacev, 2002, s. 159-160; Лысенко и др., 2005, с. 157-160]. Столь же суммарно их датировали всем периодом эпохи поздней бронзы. Но как будет показано ниже, они не являются столь однородными и единообразными изделиями, как их обычно описывают в литературе. Среди них можно выделить несколько разновидностей, каждая из которых имеет свою историю.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что размеры этих булавок варьируют в довольно широких пределах. Их длина колеблется от 6 – 9 см до 30 – 32 см. Вслед за длиной изменяется толщина стержня, вес и некоторые другие параметры изделий. Анализ этих данных показал, что для классификации булавок наибольшее значение имеет изменение размеров их головок. По этому признаку они могут быть разделены на два типа. В первый из них вошли булавки, у которых внешний диаметр кольца головки равен 1,8 – 2,2 см, а внутренний – 1 – 2 см (рис. 1). У булавок второго типа эти параметры будут соответственно 1 – 1,6 см и 0,5 и 1 см (рис. 2). Одним из подтверждений достоверности этой классификации является график, на котором скоррелированы данные о длине булавок и внешнем диаметре их головок (рис. 3). На нем видно, что значки образуют две достаточно различимые группировки. Верхняя из них (затемненные кружки) соответствуют первому типу булавок, а нижняя (крестики) – второму.

Есть основание полагать, что зафиксированные различия не являются случайными. Они вызваны объективными причинами. Одна из них заключается в том, что способы использования булавок этих типов были разными.

Судя по таким изделиям, как подвесные украшения солонецкого типа (рис. 6, 4-7, 9), булавки с большой головкой (1 тип) являлись частью сложного составного убора [Тереножкін, 1964, с. 204, рис. 2]. Кроме булавки, в его состав входили треугольная рамка с кольцами по углам и крестовидные подвески, также снабженные кольцами. Чтобы все это устройство было единым целым и вместе с тем его составные части (булавка, рамка и подвески) оставались бы подвижными ("шумящими"), их скрепляли между собой с помощью свободно вращающихся колец. Эти соединительные кольца были важнейшим элементом всей конструкции. Их отливали в особых каменных формах (рис. 6, 1-3). Такие формы были найдены в районе г. Днепропетровска и на сабашиновском поселении в Береславе на Нижнем Днепре [Bockarev, Leskov, 1980, s. 12-13, taf. 3, 37; Шарафутдинова, 1987, с. 76-77, рис. 1, 13; Gerskovic, 1999, s. 19, taf. 7, 13]. Правда, они предназначались для соединения колец несколько большего диаметра, чем в Солонцах. Но это не меняет сути дела.

Особенностью таких форм является наличие в их центре сквозного отверстия, вокруг которого и располагался негатив кольца. Поскольку каждая такая форма состояла из четырех брусков (двух для левой створки и двух для правой), то она легко размыкалась как по вертикальной, так и по горизонтальной оси. Благодаря этому в ее центральное отверстие можно было вставить металлическое кольцо и оставить его там, вновь сомкнув створки. В таком виде форма была готова к работе. Ее заливали металлом и в итоге получали новое кольцо, прдетое в другое, которое уже находилось в

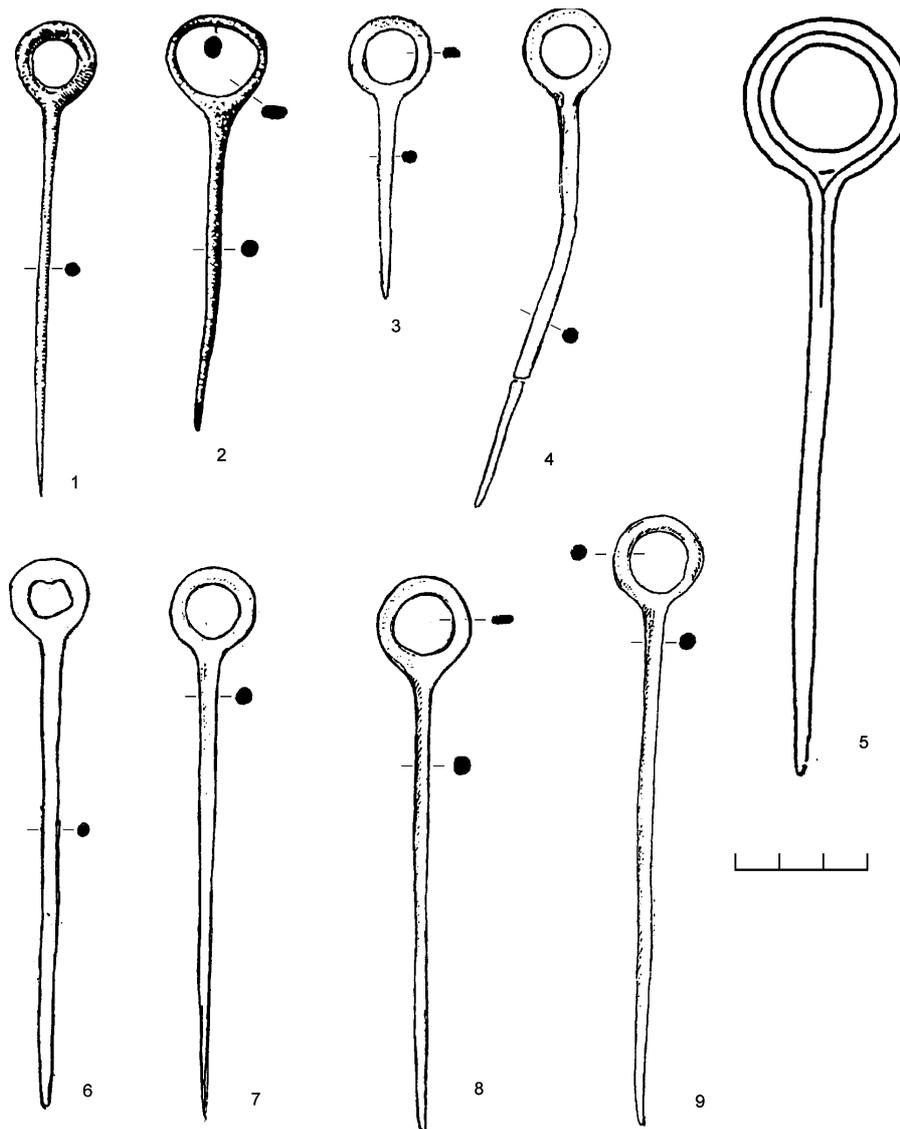

Рис. 1. Булавки с кольцевидной головкой I типа. 1 - Магала. 2 - Трушешти. 3 - Слободка-Шириуцы. 4 - Отрадное. 5 - Жабокруки. 6 - Гырбовэц. 7-9 - Данку

отверстия на форме (рис. 6, 11). Эта операция повторялась столько раз, сколько нужно было отлить соединительных колец или звеньев цепи. Была также возможность соединить одно кольцо сразу с несколькими кольцами. Это зависело от их размеров и диаметра отверстия на форме.

В эпоху бронзы описанная технология была известна в ряде областей Европы [Ebert, 1929, t. 2, s. 160]. В Карпато-Дунайском регионе ее использовали при изготовлении так называемых ниспадающих подвесок [Chidiosan, 1977, p. 55-70; Kacsó, 1995, s. 94-111, abb. 1-8]. Вероятно, отсюда она была заимствована мастерами культур ноуа и сабадиновки, которые создали свой вариант ниспадающих подвесок (солонецкий тип).

Следует сказать, что при всех достоинствах литья соединительных колец в каменных формах, эта технология имела ряд ограничений. В частности она не позволяла отливать маленькие кольца. Этому препятствовали как сама конструкция форм, так и их материал. Как показали несложные расчеты, внутренний диаметр таких колец не мог быть заметно меньше 8 – 9 мм. В конечном счете, это технологическое ограничение и предопределило появление у булавок первого типа крупных головок.

Естественно, далеко не всегда булавки и другие детали украшений солонецкого типа удавалось соединить друг с другом при помощи цельнолитых колец. Например, при поломках часто приходилось прибегать к более простым и доступным средствам ремонта. Известен по меньшей мере один случай, когда вместо кольца была применена скоба, согнутая из толстой проволоки (рис. 6, 5). Вполне

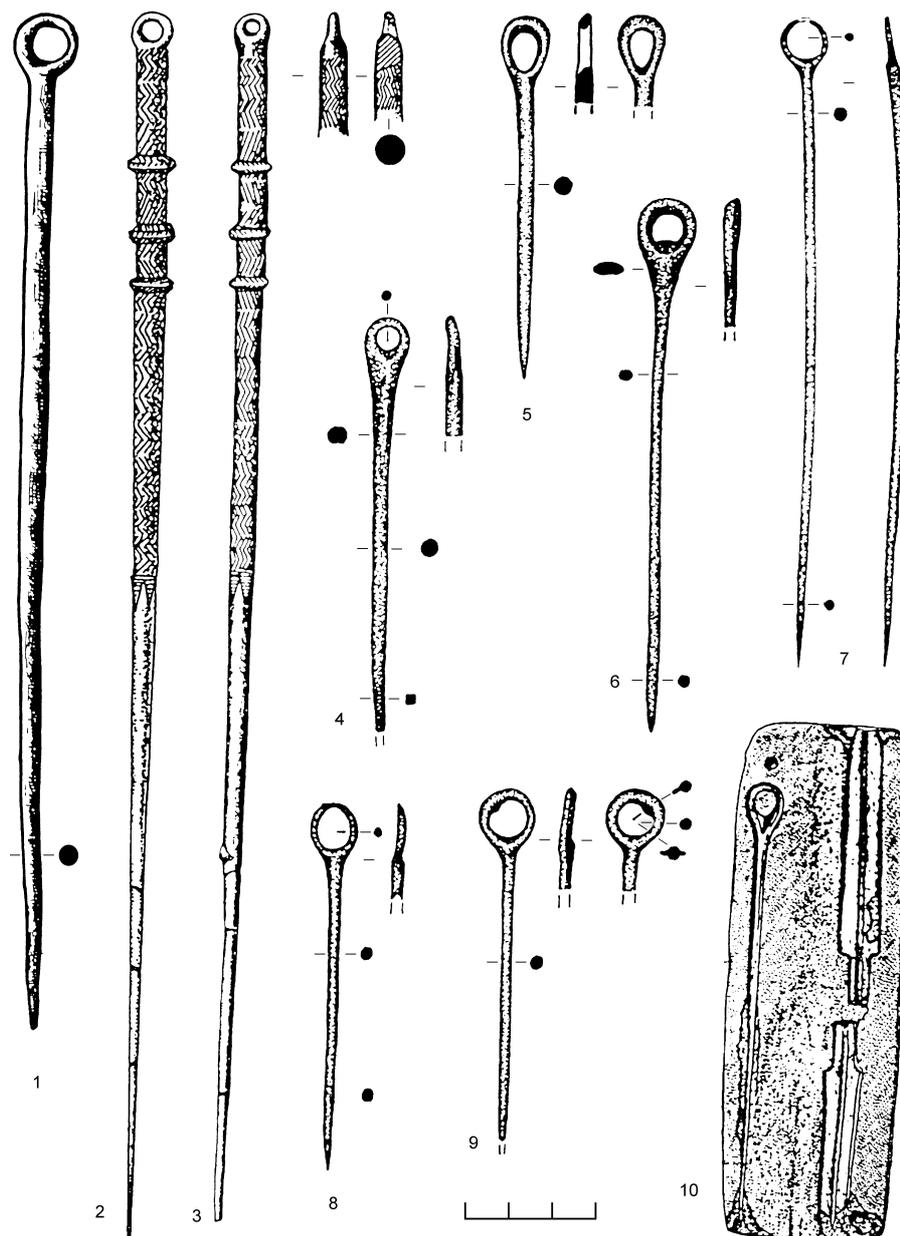

Рис. 2. Булавки с кольцевидной головкой второго типа. 1 - Диброво, 2, 3 - Гордеевка (по С. Березанской и В. Клочко); 4 - Кременчуг; 5 - М. Букрин; 6, 8 - неизвестного происхождения (НМИУ); 7 - Киев, Оболонь; 9 - Вишеньки; 10 - Завадовка (по В. Клочко и Я. Гершковичу). 4-9 по С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко и др.

вероятно, что в этих же целях могли использовать завязки из органических материалов (кожи, шерсти и т. д.). Но конечно, эти замены во всех отношениях уступали кольцам. Поэтому, вероятно, их рассматривали как своего рода суррогаты. Образцовым оставалось скрепление посредством цельнолитых колец. На них и были рассчитаны размеры головок булавок. По традиции их делали большими даже тогда, когда сами эти булавки носили по одиночке, без металлических подвесок. Впрочем, нельзя исключить, что и в этих случаях также были подвески, только они делались из каких-то мягких материалов (войлока, кожи, ткани). Для их размещения также необходимы были головки сравнительно большого диаметра. Завершая этот раздел, отметим, что какова бы не была причина появления у булавок крупной головки, для целей классификации важен факт наличия такой головки. Она сама является определяющим признаком булавок первого типа. По сравнению с этим вопрос об особой функции таких булавок также приобретает вторичный характер. Главным и первичным

остается то, что с формальной точки зрения эти булавки составляют отдельный и самостоятельный тип. Все остальное является его интерпретацией.

Отличительной чертой булавок второго типа является маленькая головка. По всей вероятности они использовались как обычные заколки. Во всяком случае, нет никаких данных о том, что они, подобно булавкам первого типа, входили в состав каких-то сложных металлических украшений. Правда, иногда, как показали материалы гордеевского могильника, их носило парами [Berezanskaia, Klocko, 1998, s. 11, 37, taf. 28, 1-2]. Однако это их основную функцию не меняло. Подобные случаи также зафиксированы в ряде других европейских культур эпохи бронзы [Harding, 2000, p. 374-376, fig. 11, 4, 2]. Надо полагать, что их использовали как застежки для плащей, накидок и других видов верхней одежды. Конечно, у больших и богато украшенных булавок могли быть и другие, дополнительные функции. В целом, все их можно относить к предметам галантерейной фурнитуры.

Чаще всего встречаются булавки, у которых внутренний диаметр кольцевидной головки равен 7 – 8 мм. Очевидно, их носили на довольно толстых шнурах, которые были сплетены из полосок кожи или прочных ниток. Отсутствуют сведения, что в их креплении использовался металл. Но это и не было нужно.

В типологическом отношении эти булавки не выглядят столь однообразно, как изделия первого типа. На корреляционном графике отчетливо видно, что по длине они разделяются на два варианта (рис. 3). Первый из них составляют изделия небольших и средних размеров. Лишь в одном случае их длина превышает 20 см. Они выделяются также тем, что имеют совершенно гладкий и неорнаментированный стержень (рис. 2, 1, 4-10). В этом отношении им идентичны булавки первого типа. От них они отличаются только меньшим размером головки. Всего учтено 11 экземпляра таких булавок.

Ко второму варианту относятся большие булавки. Их длина превышает 20 см. На поле графика их значки занимают правый нижний угол (рис. 3). Другим важным признаком является наличие на их стержне трех – четырех тонких параллельных валиков. Валики литые и располагаются несколько ниже шейки булавки (рис. 2, 2, 3). У пяти таких булавок (из шести известных сейчас) верхняя половина стержня украшена нарядным нарезным орнаментом. В двух случаях также орнаментированы головки изделия. Забегая вперед, отметим, что выделенные варианты отражают различия в локализации и культурной принадлежности булавок второго типа.

В нашем распоряжении имеется достаточное количество датированных памятников, чтобы в общих чертах определить хронологию и направление развития булавок с кольцевидной головкой. В основном, эти поселения принадлежат культурам ноа, сабаатиновской, белозерской и белогрудовской. Их временные рамки были установлены еще А.И. Тереножкиным [Тереножкин, 1965, с. 63-85; Смирнова, 1995, с. 33-53]. Первые две культуры синхронны и образуют раннюю группу. Ее относят к XIV – XIII вв. до н.э. Две другие составляют позднюю, белозерско-белогрудовскую группу, и датируются заключительным периодом эпохи поздней бронзы, т. е. XII-X вв. до н.э. В ряде случаев эти датировки удастся уточнить с помощью кладовых и погребальных находок, а также литейных форм. Все эти данные обобщены нами в отдельной таблице. В ней показано распределение булавок каждого типа по двум культурно-хронологическим группам (рис. 5).

Как можно видеть, все булавки первого типа, кроме двух, встречены в памятниках ранней, ноа-сабаатиновской группы. Важно подчеркнуть, что они уже есть в самых ранних поселениях культуры ноа [Florescu, 1991, fig. 108, 14]. К этому же времени (т.е. к XIV в. до н.э.) А.И. Тереножкин относил солонецкий клад, который, по его мнению, принадлежал ранней сабаатиновской культуре [Тереножкин, 1976, с. 190]. Два других клада с булавками первого типа (Бэлени и Данку) в рамках хронологической системы Рейнеке-Мюллера - Карпе уверенно датируются XIII в. до н.э. [Petrescu-Dimbovita, 1977, p. 73-78; Dergacev, 1991, p. 53]. Судя по этим данным, хронологический диапазон булавок первого типа охватывает два века начальной поры эпохи поздней бронзы восточного Прикарпатья и Северного Причерноморья (XIV – XIII вв. до н.э.).

Вместе с тем, несколько булавок этого типа как будто были зафиксированы в памятниках более позднего времени. Правда, надежно документировано только одна из них. На ней и следует остановиться. Она происходит из клада металлических изделий, найденного близ с. Жабокрук в Прикарпатской Украине [Zugowski, 1949, s. 175, t. 25, 7]. Согласно авторитетному мнению В. Бруна, этот комплекс следует относить ко времени HA1 и соответственно датировать XII в. до н.э. [Brunn, 1968, s. 56]. По всей вероятности, находка из Жабокрук свидетельствует о том, что булавки первого типа продолжали употребляться и на ранней фазе заключительного периода эпохи поздней бронзы. В Северном Причерноморье этой фазе соответствует кардашинско-новоалександровская группа, а на территории Молдавии группа голерканы-ханск [Бочкарев, 2006, с. 58-59; Levitki, 1994, p. 250-256]. В их материалах и особенно в первой из названных групп, еще нередко встречаются изделия типичные

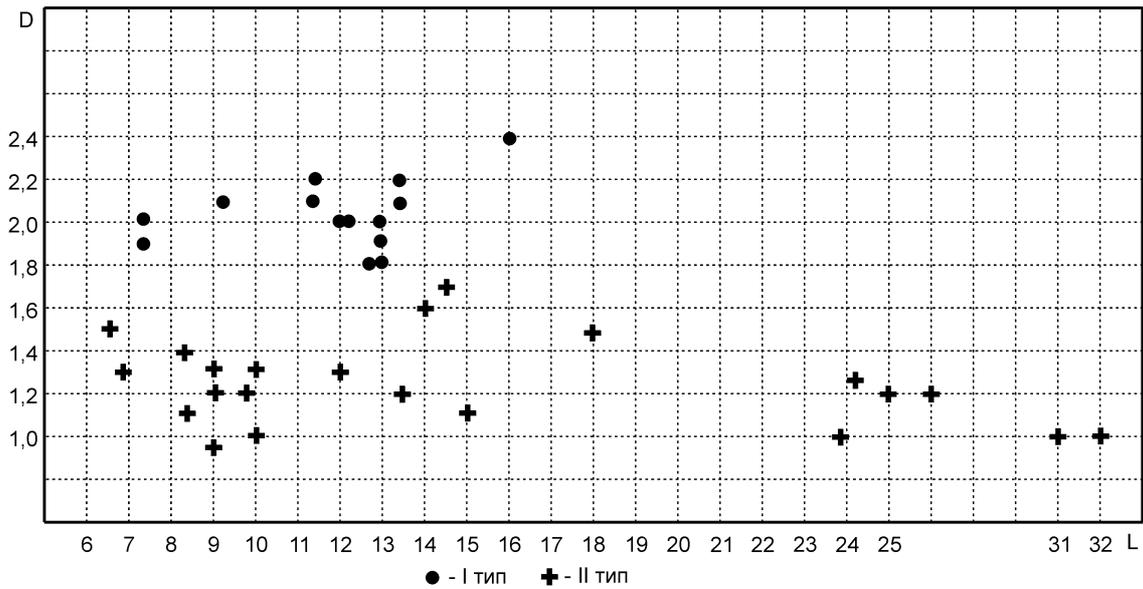

Рис. 3. График-корреляция булавок с кольцевидной головкой по длине (L) и диаметру (D)

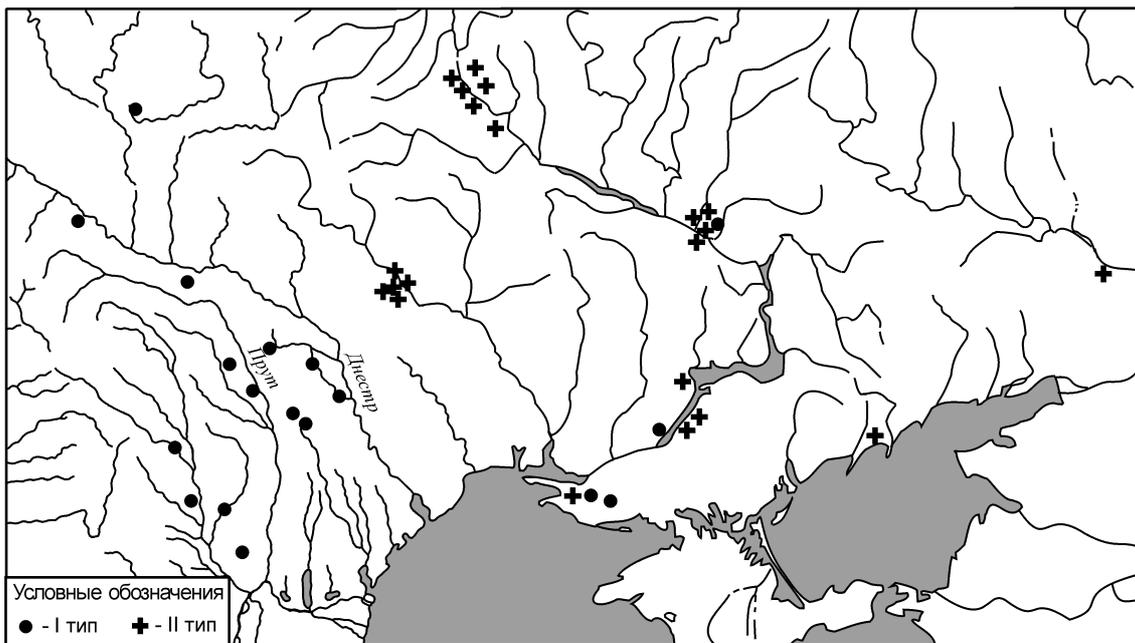

Рис. 4. Карта-схема распространения булавок с кольцевидной головкой

для предшествующего времени. Среди них могли оказаться также булавки с большой кольцевидной головкой. К числу характерных памятников этого времени относятся клады из Грушки и Жабокрук в верхнем Поднестровье, Мындрешть из Молдавии и Дикого Сада из Нижнего Поднепровья. В более поздних комплексах, синхронных заводской группе в Северном Причерноморье, булавки первого типа уже не встречаются. Надо полагать, что к этому времени они, как и подвески солонецкого типа, окончательно исчезают. Их полностью вытесняют булавки второго типа. Все их находки были зафиксированы только в памятниках поздней культурно-хронологической группы (белозерско-белогрудовской), которая в целом датируется XII – X вв. до н.э. Эта датировка действительна для обоих вариантов булавок второго типа. Правда, не исключено, что в лесостепной части Правобережной Украины булавки второго варианта могли использоваться и немного дольше. В пользу этого говорит

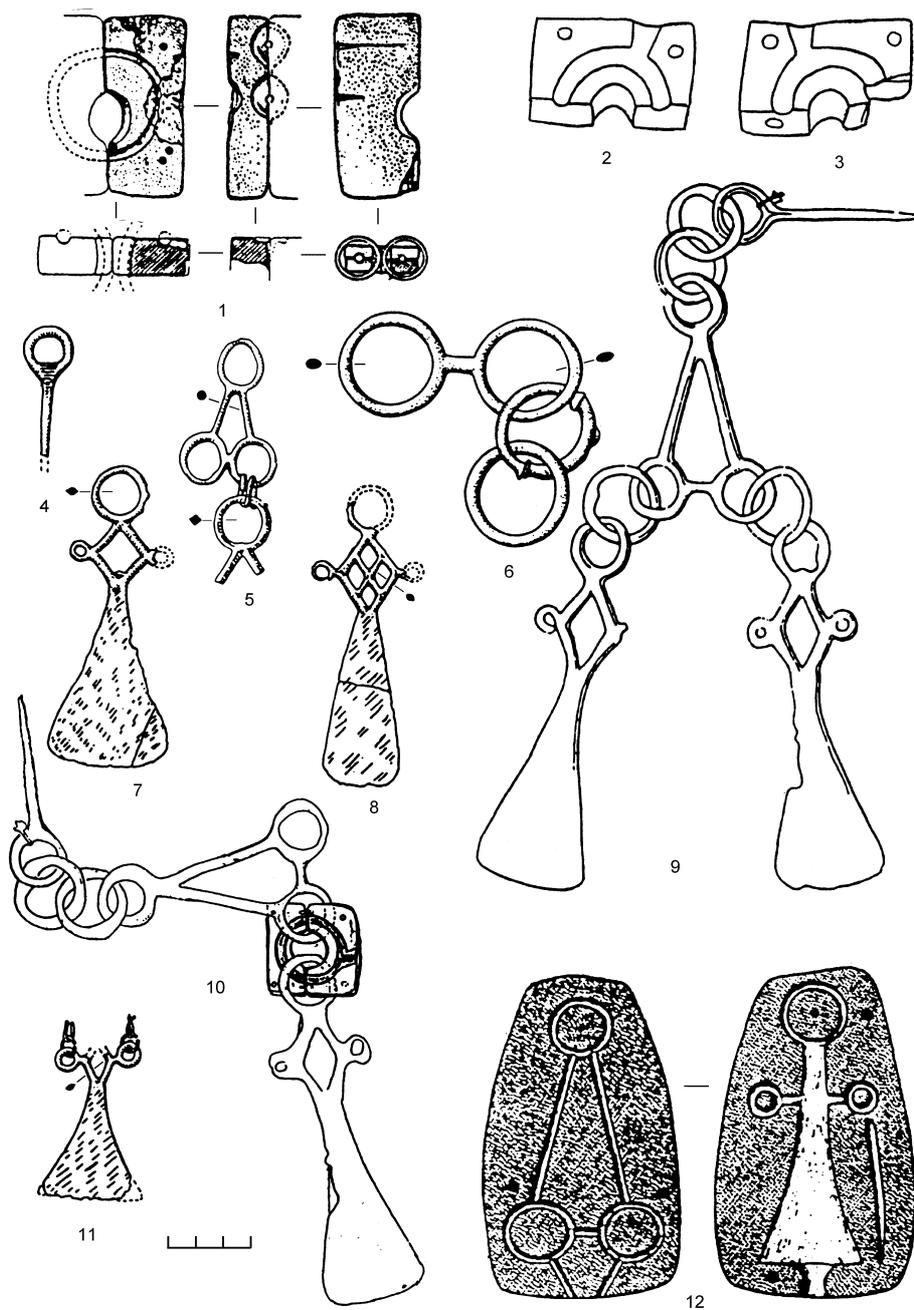

Рис. 5. Подвески солонецкого типа и литейные формы для производства их деталей. 1 - Берислав (по И. Шарафутдиновой); 2-3 - р-н Днепропетровска (по Кривцовой-Граковой); 4-8 - Бэлени (по И. Драгомиру); 9 - реконструкция способа отливки соединительных колец; 10 - Солонцы (по Тереножкину); 11 - Вышнетарасовка (по И. Шарафутдиновой); 12 - Мындрешты (по Дергачеву)

состав инвентаря некоторых погребений гордеевского могильника [Berezanskaia, Klocko, 1998, s. 12-13, 35-36, taf. 20, 3-7].

Итак, проведенный обзор позволяет заключить, что булавки с кольцевидной головкой в юго-западном регионе Восточной Европы существовали на протяжении 500 лет. В течение этого длительного времени они менялись, что фиксируют выделенные типы. Первый из них датируется начальным периодом эпохи поздней бронзы, а второй – ее концом. Смена типов проходила, видимо, постепенно, эволюционно. Вместе с этим мог также измениться антураж булавок. Булавки первого

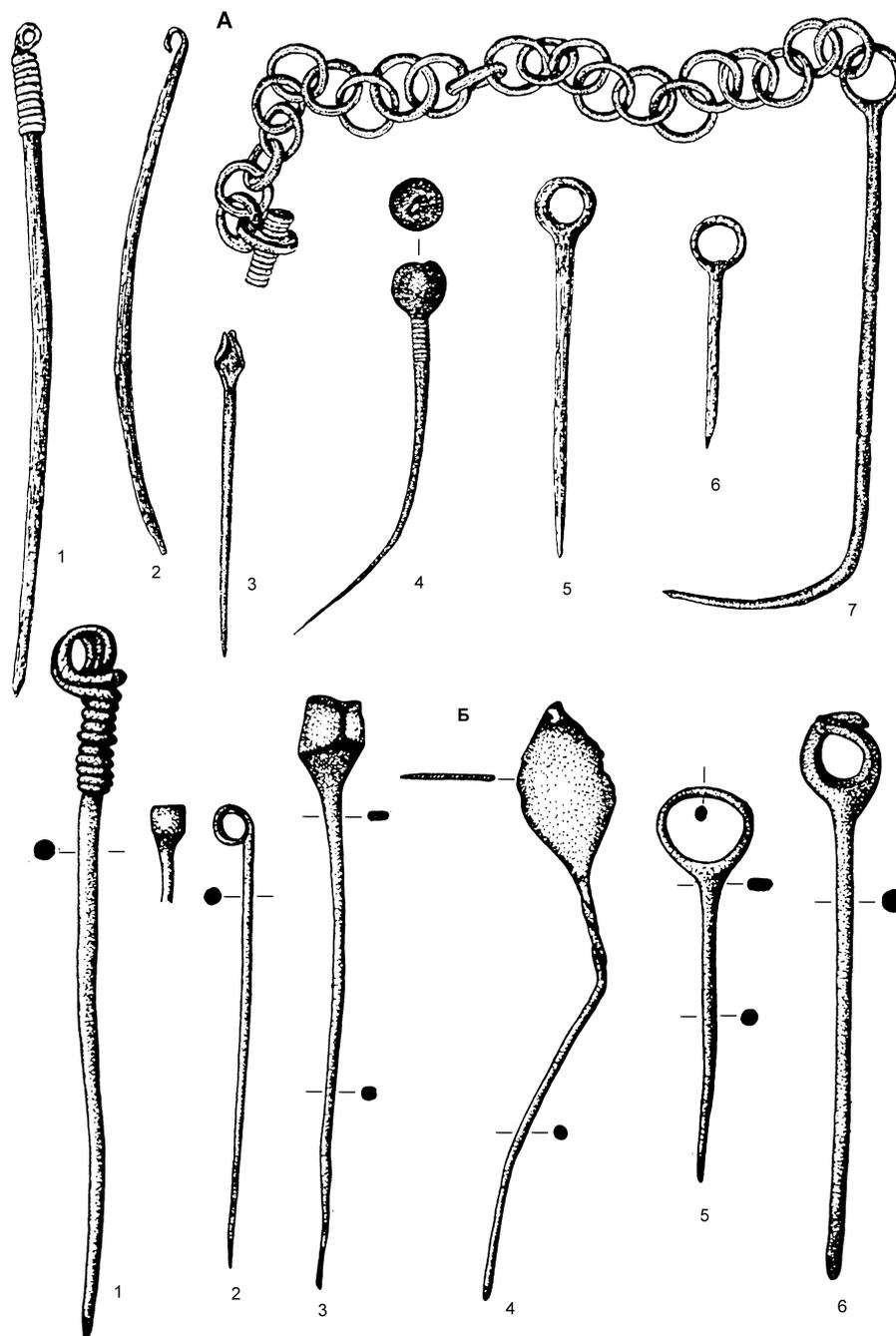

Рис. 6. Булавки культур ноа (Б) и унеицкой (А). А: 1 – Ладна; 2 – Леднице; 3 – Шардичка; 4 – Шлапанице; 5 - Крепице, Градиско; 6 - Опатовиче у Райграду; 7 - Трштеницы (по К. Тихелка). Б: 1,4 – Гырбовец; 2 - Полна Дильчешти; 3 – Глэвнешти; 4 – Вэлени (по А. Флореску). Масштабы разные

типа все или какая-то их часть использовались в составе сложных украшений. Кроме булавки, в них также входили и другие металлические детали, которые иногда, возможно, делались из мягких материалов: кожи, войлока, дерева и т. д. Насколько можно судить, ничего подобного у булавок второго типа не было. Они использовались только как закладки.

Булавки первого типа получили распространение у населения культур ноа и сабаиновской. Их находки встречаются на территории восточной Румынии, Молдавии и Северного Причерноморья (рис. 4). Они также есть в Среднем Поднепровье. Но здесь их культурная принадлежность остается

неизвестной, так как все они происходят из случайных сборов. Можно лишь предполагать, что их использовали люди восточно-тшинецкой культуры.

Ареал распространения булавок второго типа заметно меньше. Они отсутствуют на территории Румынии, Молдавии и прилегающих районов Северо-Западного Причерноморья. В основном их находки сосредоточены в Нижнем и Среднем Поднепровье (рис. 4). Здесь они связаны с памятниками белозерской и белогрудовской культур. Особо следует подчеркнуть, что все комплексные находки булавок второго варианта второго типа атрибутируются нами как белогрудовские. Хотя их известно пока немного (6 экземпляров), они, несомненно, составляют особый вариант. Этот вариант был справедливо назван гордеевским [Berezanskaia, Klocko, 1998, s. 11]. Он отражает культурные и локальные особенности производства булавок второго типа в лесостепной части Правобережной Украины. Очевидно он сформировался как под воздействием белозерского импульса (сама форма булавки), так и лужицкого влияния (орнаментация и размеры булавок).

В заключении затронем вопрос о происхождении и развитии булавок с кольцевидной головкой в Восточной Европе. Эта тема является актуальной, поскольку булавки как отдельная категория изделий и принадлежность костюма не были известны степному населению в эпоху средней бронзы. Их нет в катакомбных и бабинской культурах. Они также отсутствуют в срубных памятниках. В юго-западном регионе Восточной Европы булавки появились в эпоху поздней бронзы вместе с культурами ноуа и сабашиновской. Особенно популярны они стали в первой из них. В ней они представлены сравнительно многочисленной и разнообразной серией. Но легко обнаруживается, что типы многих из этих булавок были заимствованы извне или имеют отчетливые инокультурные прототипы. К числу таковых относятся булавки кипрского типа (младший вариант), булавки с трубковидными, роликовыми, шарообразными и плоскими, овальными головками. В этот же ряд следует поставить булавки с кольцевидной головкой.

Все они находят точные и многочисленные аналогии в Средней Европе. Особенно хорошо они представлены в унетичской культуре Чехии и Моравии [Tihelka, 1953, с. 267 – 272; obr. 22, 1-3, 6-8, 10; 23, 1, 2; 24, 2, 3]. По системе Рейнеке здесь они датируются периодом ВА2, т. е. 2000 – 1500 гг. до н. э. [Hansel, Hansel, 1997, s. 102-103, abb. 1]. Около середины II тыс. до н.э. в связи со сменой культур в Средней Европе большинство этих типов булавок, включая изделия с кольцевидной головкой, выходят из употребления. Но примерно в это же время или немного позже они появляются в Восточной Европе. Остается не вполне понятно, каким образом произошло это перемещение. По всей вероятности, в качестве трансляторов выступили такие карпатские культуры, как отомань, витенберг и монтеору. Они существовали длительный промежуток времени (от ранней до поздней бронзы), и некоторые из них имели хорошие связи как со Средней, так и с Восточной Европой. В этом отношении особо следует выделить культуру монтеору. Ее наследие сыграло большую роль в формировании культуры ноуа.

Таблица 1.
Распределение булавок I и II типов по культурно-хронологическим группам

Типы	Булавки I типа	Булавки II типа
Культурно-хронологические группы		
Ноуа-сабашиновская группа	17	
Белозерско-белогрудовская группа	1 (+1)	12

В целом не вызывает сомнений, что перечисленные выше типы булавок восходят к средневропейским образцам эпохи ранней бронзы. Они образуют самую позднюю и самую удаленную на восток филиацию этих изделий. Оказавшись в Восточной Европе, некоторые из них сравнительно скоро исчезают (булавки кипрского типа, с трубковидной головкой и т.д.). Но другие доживают до конца эпохи поздней бронзы и даже переходят в век железа (булавки с роликовой головкой). Изделия с кольцевидной головкой относятся к числу долгоживущих и развивающихся видов булавок. Как было показано выше, они делятся на два типа, один из которых состоит из двух

вариантов. Эти подразделения отражают локально-хронологические и культурные особенности развития этих булавок.

Сам факт появления металлических булавок в юго-западном регионе Восточной Европы говорит о тех значительных переменах, которые здесь произошли в эпоху поздней бронзы. Выше уже отмечалось, что эта категория изделий в предшествующее время практически не была известна местному степному населению. Массовое распространение булавок означало появление новой фурнитуры, что могло существенно изменить и весь облик традиционного костюма. Конечно, могло быть и наоборот – изменение в костюме повлекло за собой появление булавок. Но в любом случае можно предположить, что это не было ординарным событием.

Список литературы

- Бочкарев В.С.** Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, "дороги", ареал распространения. – СПб., 2006. – С. 53-65.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Диденко С.В., Якубенко Е.А.** Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века из фондов национального музея Украины // Проблемы археологии Среднего Поднепровья. – Киев-Фастов: ИА НАНУ, 2005. – С. 152-200.
- Смирнова Г.И.** Основы хронологии предскифских памятников Юго-запада СССР // СА. – 1995. - № 4. – С. 33-53.
- Тереножкін О.І.** Поховання епохи бронзи біля с. Солонець // Археологія. – № XVІ. – 1964. – С. 202-207.
- Тереножкин А.И.** Основы хронологии предскифского периода // СА. – 1965. – № 1. – С. 63-85.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 221 с.
- Черных Е. Н.** Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. - М.: Наука, 1976. – 302 с.
- Шарафутдинова И.Н.** Бронзовые украшения сабатиновской культуры // Межплеменные связи на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 69-86.
- Berezanskaia S., Klocko V.** Das Graberfeld von Hordeevka. – Leidorf, 1998. – 87 s.
- Bockarev V., Leskov A.** Jung- und spatbronzezeitliche Gussformen im nordlichen Schwarzmeergebiet. – Munchen: Beck, 1980. – 97 s.
- Brunn W.A.** Mitteldeutsche Hortfunde der Jungeren Bronzezeit. Romisch-Germanische Forschungen. – Berlin, 1968. – Vol. 20. – 275 s.
- Chidiosan N.** Depozitul de brozuri de la Misca // Studii si cercetari de istorie veche. – Bucuresti, 1977. – Т. 28. – Р. 27-52.
- Dergacev V.** Depozitul de bronzuri din satul Dancu – raionul Hincesti (R. Moldova) // Thraco-Dacica. – Bucuresti: AR, 1991. – Т. XІІ. – Р. 39-55.
- Dergacev V.** Die aneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. – Stuttgart, 2002. – 251 s.
- Ebert M.** Reallexikon der Vorgeschichte. – Berlin, 1929. – S. 160-161.
- Florescu A.** Repertoriul culturii noua – coslogeni din Romania. – Calarasi, 1991. – 414 p.
- Gerskovic J.** Stadien zur spatbronzezeitlicheh Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und der Westkuste des Asovshen Meeres. – Leidorf, 1999. – 103 s.
- Hansel A., Hansel B.** Gaben an die Gotter. – Berlin: SMPK, 1997. – 241 s.
- Harding A.** European societies in the bronze age. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 552 p.
- Kacso C.** Der Hortfund von Arpasel, Kr. Bihor // Bronzefunde aus Rumanien. – Berlin: WVS, 1995. – S. 81-130.
- Levitki O.** Grupul Holercani- Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallstadian timpuriu cu ceramica incizata // Relations Thraco-Illyro-Helleniques. – Bucurest, 1994. – p. 219-256.
- Petrescu-Dimbovita M.** Depozitele de bronzuri din Romania. – Bucuresti: AR, 1977. – 390 p.
- Tihelka K.** Moravska uneticka pohrebiste // Pamatky archeologicke XLIY. – Praga, 1953. – С. 229-328.
- Zurowski K.** Zabytki brazowe z mlodszej epoki brazu i wzenego okresu zelata z dorzecza gornego Dniestru // Przegljd Archeologiczny. – Poznan, 1949. – № 8. – S. 155-247.

К.И. Красильников¹, Н.Н. Скакун², А.С. Пробейголова¹, В.В. Терехина²

¹*Восточно-украинский филиал Института археологии
ул. Оборонна, 2, Луганск, 91011, Украина
E-mail: luda_kr90@mail.ru*

²*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: admin@archeo.ru*

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ДАВИДО-НИКОЛЬСКОЕ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Поселение Давыдо-Никольское, открытое К.И. Красильниковым, находится на правом коренном берегу р. Северский Донец, в 1 км к СВ от одноименного села (рис. 1). Оно занимает первую надпойменную мысовидную террасу, изрезанную многочисленными оврагами. С севера площадка памятника ограничена высоким коренным берегом р. Северский Донец, с востока – неглубоким оврагом, а с юга – поймой реки. Площадь памятника по предварительным подсчетам составляет 14000 м², из них исследовано только 194,5 м² (рис. 2). Стратиграфические наблюдения позволили выделить три культурно-хронологических горизонта: верхний принадлежит салтово-маяцкой культуре, средний – финалу эпохи бронзы, нижний – срубной культурно-исторической общности. Наиболее перспективным для дальнейшего изучения является слой финала позднебронзового века. Эти материалы происходят в основном из раскопа 4, расположенного на условно обозначенной нами восточной окраине поселения (рис. 2). Построек, связанных с этим горизонтом, пока не зафиксировано, но его культурный слой насыщен археологическими находками. Керамический комплекс – смешанный, в нем имеются материалы белозерской и бондарихинской культур. Общее количество сосудов, судя по числу венчиков, составляет примерно 160 экз. Среди белозерской керамики численно преобладает посуда профилированных форм: горшки (рис. 3, 5), горшковидные сосуды (рис. 3, 6, 11), кубки (рис. 3, 2, 7, 10). Баночная посуда представлена не большим числом фрагментов (рис. 3, 9). Некоторые сосуды имеют лощеную поверхность (рис. 3, 4, 10, 12, 13). Изделия украшены налепными валиками, (рис. 3, 9, 15), разнообразными вдавлениями, композициями из прочерченных линий, изображающие кресты, зигзаги, горизонтальные линии, в единичных случаях каннелюры (рис. 3, 12, 13).

Значительная по количеству коллекция керамики бондарихинской культуры (рис. 3, 16, 17) включает фрагменты горшков и тюльпановидных сосудов. Орнаментация состоит из двойных ("бантики") и одинарных пальцевых защипов, вдавлений круглой палочки с обратными негативами на внутренней стороне венчика, наклонных либо вертикальных оттисков щепки.

Ближайшие аналогии керамическому комплексу Давыдо-Никольского поселения происходят из поселения Ильичевка на Северском Донце (рис. 1), в частности среди материалов верхнего, белозерского горизонта [Шаповалов, 1976, с. 150-172], хронологическая позиция которого определяется в пределах XII–X в.в. до н.э. [Дубинец, 2003, с. 278-288].

Кроме керамики на поселении собран большой остеологический материал (118 экз.). При его разборке был выявлен ряд предметов из кости и рога со следами искусственной обработки (8 экз.). Среди них типологически выраженных орудия только два – это шилья, другие изделия представляют собой заготовки и предметы со следами искусственной обработки. Проведенные трасологические исследования позволили определить их функции, а также уточнить способы изготовления. Палеозоологические определения этим изделиям были даны А.К. Каспаровым (ИИМК РАН).

Одно из шильев изготовлено из грифельной (передней?) кости крупной лошади (рис. 4, 4). Длина орудия – 9,9 см, диаметр – 1 см. Рабочая часть была образована двумя боковыми срезами, а острие стержневидной формы обработано шлифовкой. В процессе утилизации рабочий кончик острия, применявшегося при обработке шкур, был сломан (диаметр кончика – 0,5 см), но шило продолжало использоваться, так как на месте слома хорошо видны следы износа. Эпифиз, подработанный плоскими срезами и пришлифовкой, служил обушковой частью, о чем свидетельствует залощенность его поверхности.

Второе шило изготовлено из нижней части расщепленной вдоль правой лучевой кости овцы (рис. 4, 3). Длина орудия – 7,7 см, ширина – 1,6 см, толщина – 0,3 см. Рабочее острие образовано двумя косыми срезами, затем пришлифовано и заполировано. Слабовыраженные линейные признаки позволяют говорить о том, что орудие применялось незначительное время при изготовлении изделий из шкур, для продельвания отверстий и их расширения. Обушковая часть аналогична вышеописанному орудью.

Рис. 1. Карта-схема месторасположения поселения поздней бронзы Давыдо-Никольское на р. Северский Донец

Третье изделие представляет собой фрагмент расщепленной верхней части передней левой метаподии коровы (рис. 4, 8). Длина его – 11,5 см, ширина – 2,4 см. Острие образовано двумя небрежными косыми сколами. Так как кончик орудия сломан, функцию его определить не удалось. На эпифизе имеются следы использования в качестве рукояти.

Следующий предмет представляет собой фрагмент расколотой задней метаподии крупного парнокопытного (лося или оленя) (рис. 4, 7). Длина изделия – 12,4 см, ширина – 2,1 см, толщина – 1,2 см. Рабочая заостренная часть орудия была образована с одной стороны длинным, с другой – коротким косыми срезами. Длина острия составила 0,6 см. В процессе использования в качестве шила для шкур рабочее острие закруглилось и с внешней и внутренней стороны заполировалось. Под биноклем на рабочей части прослежены короткие продольные линейные следы. На одном из участков, прилегающем к обушку, обнаружены мелкие ямки, напоминающие пикетажную обработку, большая часть обушка зашлифована.

Еще одно орудие изготовлено из пластины расщепленной трубчатой кости (рис. 4, 5). Длина орудия – 13 см, ширина – 2,5 см, толщина – 0,4 см. Вся поверхность пластины и границы боковых срезов пришлифованы. Выпуклая слегка приподнятая рабочая торцовая часть использовалась как лощило, а боковые стороны – в качестве скребкового орудия по обработке шкур.

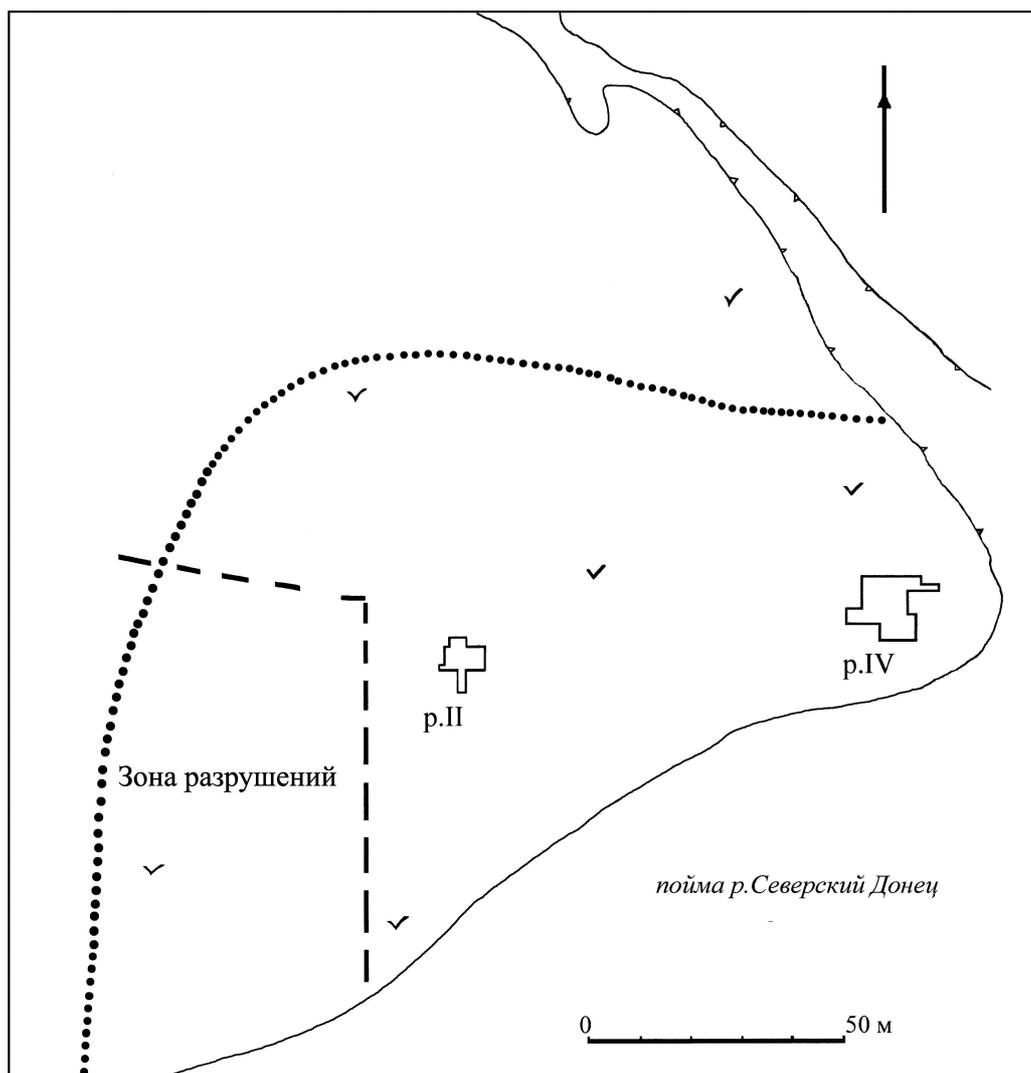

Рис. 2. План поселения поздней бронзы у с. Давыдо-Никольское

Особое внимание привлекает предмет из отростка рога лося (рис. 4, б). Длина его – 12,3 см, диаметр (в средней части) – 2 см, диаметр (у основания) – 3,6 см. Визуально и под бинокляром прослеживаются следующие приемы обработки изделия: надпил, затем надлом. Дальнейшая шлифовка кромки не позволяет определить каменным или металлическим инструментом был произведен надпил. Губчатая масса рога была выбрана на глубину – 6,1 см, толщина стенок при этом составила 0,5-0,7 см. Таким образом был получен конусовидный паз для металлического или каменного инструмента. Судя по залощенности, снивелированности естественного рельефа поверхности рога, рукоять использовалась длительное время, что привело к деформации кромки паза, поэтому была произведена попытка отпилить изношенную часть, о чем свидетельствуют следы неглубокого надпила на поверхности изделия. Видимо, после того как предмет перестал служить рукоятью, узкая часть отростка была оформлена одним косым срезом и использовалась в качестве тупика для сгонки волоса со шкур. В ходе работы конец изделия закруглился и заполировался. Отметим, что под бинокляром на этой части орудия были обнаружены крупинки охры.

Коллекцию дополняют две заготовки для орудий.

Первая – из трубчатой кости крупного животного (рис. 4, а), ее длина – 7,9 см, ширина – 2,6 см, толщина – 0,7 см. На внешней стороне с торца хорошо видны следы подготовки рабочего лезвия – продольные длинные срезы, с помощью которых образована желобчатая часть долотовидного орудия, не несущая следов утилизации. Обработка кости была произведена металлическим орудием.

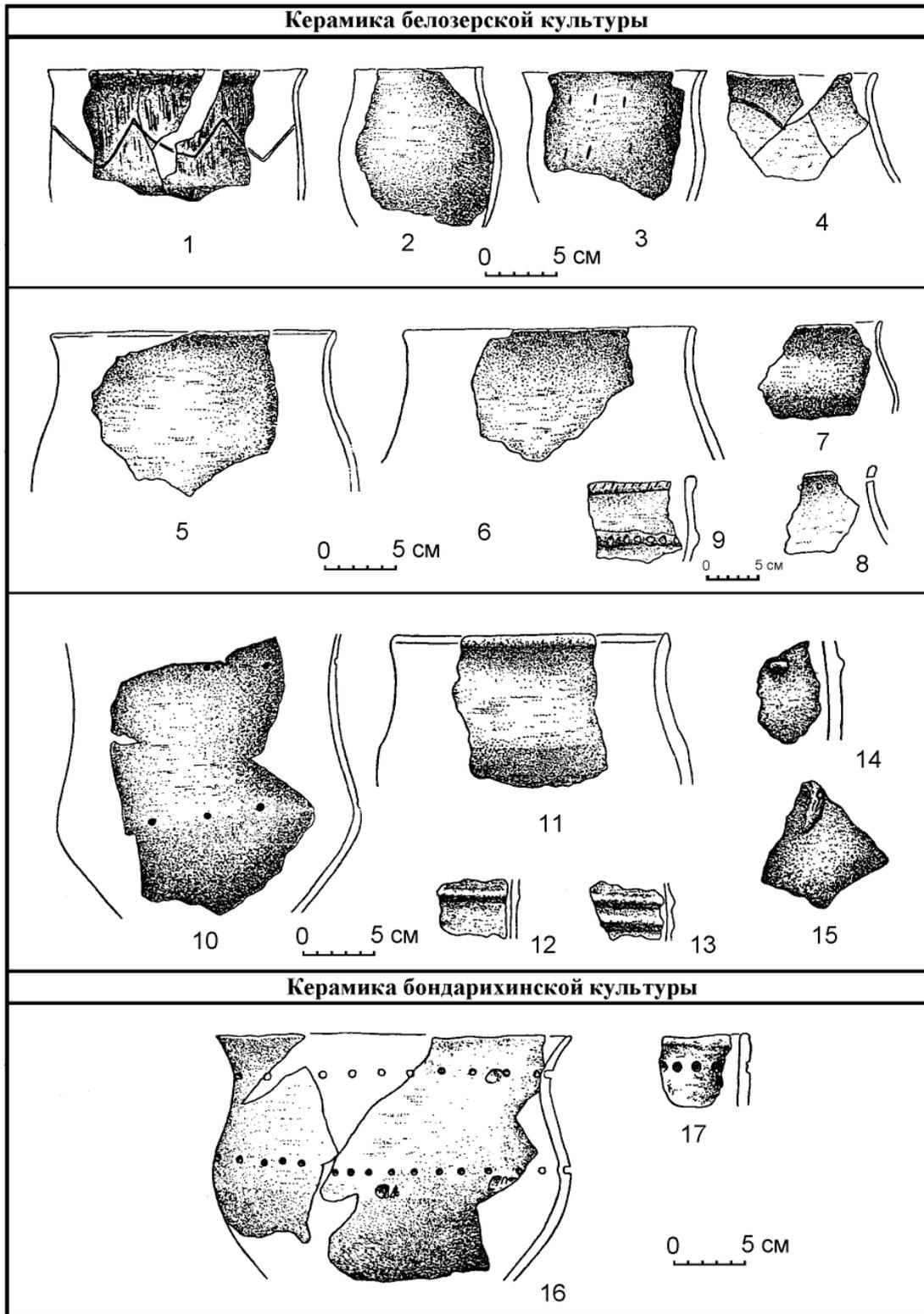

Рис 3. Керамический комплекс из слоя финала эпохи бронзы поселения Давыдо-Никольское: 1-15 – керамика белозерской культуры; 16-17 – керамика бондарихинской культуры.

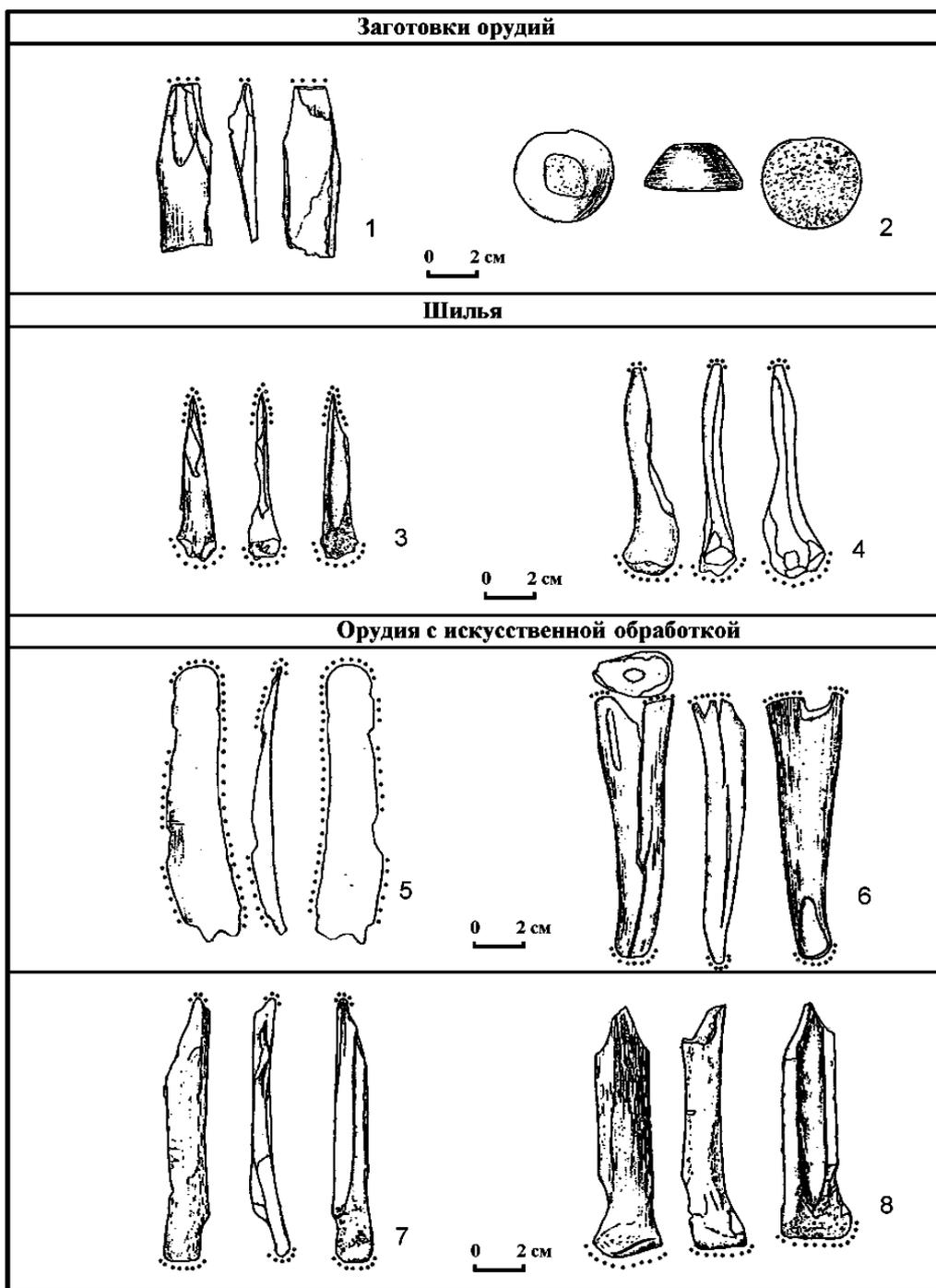

Рис. 4. Изделия из кости и рога из слоя финала эпохи бронзы поселения Давыдо-Никольское: 1, 2 – заготовки орудий (1 – заготовка долотовидного орудия; 2 – заготовка пряслица); 3, 4 – шилья (использовались для работы по шкурам); 5-8 – предметы с искусственной обработкой (5 – ложило для шкур; 6 – рукоять; 7 – шило для шкур; 8 – грубое прокалывающее орудие)

Другой заготовкой является предмет в виде усеченного конуса, сделанный из головки бедренной кости крупного парнокопытного (за исключением лошади) (рис. 4, 2). Диаметр основания – 4,7 см, малый диаметр – 2,5 см, высота – 2 см. Головка орудия уплощена с помощью горизонтальных надрезов и пришлифована по всей поверхности. Судя по форме данное изделие являлось заготовкой для пряслица.

Таким образом, на поселении финальной бронзы Давыдо-Никольское среди массового остеологического материала выделен ряд утилизированных орудий и заготовок. В технике их обработки прослежены приемы, характерные для обработки этого материала: пиление, резание, скалывание, шлифовка, заполировка, пикетаж. В качестве сырья использовались в основном кости крупных животных (олень, лось, корова). Большая часть изделий из проанализированной нами выборки предназначались для обработки шкур и кож. Дальнейшее изучение материалов из слоя финальной бронзы поселения Давыдо-Никольское позволит более подробно охарактеризовать хозяйственную деятельность его жителей.

Список литературы

Дубинець О.В. Комплекси заключного періоду доби бронзи поселення Іллічівка на Сіверському Дінці // Матеріали и исследования по археологии Восточной Украины. – Луганск, 2003. – Вып. 1.

Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев, 1976.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ НА КИЕВЩИНЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ – НАЧАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Объективным свидетельством занятием земледелием в прошлом являются палеоэтноботанические данные. Это, прежде всего, обугленные зерновки или семена растений, выявляемые при раскопках в различных контекстах, а также их отпечатки на глиняной посуде или в обмазке.

Палеоэтноботанические данные получены во время исследований керамики из многолетних раскопок около сел Ходосовка Киево-Святошинского района и Малополовецкое Фастовского района Киевской области (рис. 1). Начало этим исследованиям положено в 1994 г. во время изучения керамики поселения Малополовецкое-2А (1993 г.). На трех из пяти предоставленных для исследования фрагментах белогрудовского времени выявлены отпечатки зерновок такого состава. Один фрагмент стенки (№ 507)¹ имеет 5 отпечатков зерновок проса обыкновенного (рис. 2, 2); фр. № 1353 – один отпечаток зерновки ячменя пленчатого с прекрасно сохранившимися морфологическими особенностями (Рис. 2, 3); фр. № 1367 – отпечаток зерновки овса, определить принадлежность которого к определенному виду невозможно.

Исследования были продолжены в 2006-2007 гг. Исследовался большой массив керамики из раскопок 1992-1993 гг., а затем из раскопок 2006-2007 гг. поселения Малополовецкое-2А. За время исследований всего просмотрено 3393 фрагмента керамики белогрудовского типа.

На фрагменте керамики из объекта № 1 (1992 г.) выявлены отпечатки 2-х зерновок ячменя пленчатого размером 7,5x3,2 мм. На фр. № А8040 – отпечаток зерновки пленчатой пшеницы двузернянки размером 7,0x2,8 мм; на фр. № 1329 (1993 г.) – невыразительный отпечаток зерновки пшеницы, возможно голозерной?

На 665 просмотренных фрагментах керамики белогрудовского типа из раскопок 2006 г. (объекты № 14-17), выявлены отпечатки такого состава: отпечаток зерновки пшеницы двузернянки размером 6,0x2,2 мм; отпечаток зерновки ячменя пленчатого размером 7,0x2,0 мм; отпечаток зерновки ячменя голозерного размером 5,2x2,8 мм; отпечатки двух семян вики эрвиллии диаметром 4,0 мм и 5,0 мм (объект № 14). На днище хорошо видны отпечатки пленок и соломин злаков. На фрагменте керамики из объекта 17 (2006 г.) зафиксирован отпечаток зерновки ржи посевной размером 5,0x2,2 мм.

Из исследований 2007 г. просмотрено 130 фрагментов керамики белогрудовского типа из объекта № 20. На одном фрагменте выявлен отпечаток зерновки пшеницы двузернянки размером 6,0x1,8 мм.

Таким образом, на керамике белогрудовского типа поселения **Малополовецкое-2А** зафиксированы отпечатки двух зерновок пшеницы двузернянки, четырех зерновок ячменя пленчатого и одной зерновки ячменя голозерного, одной зерновки ржи, одной зерновки овса, неопределенного до вида, пяти зерновок проса посевного и двух семян бобового растения вики эрвиллии.

На фрагменте обмазки, найденной на могильнике **Малополовецкое-3** неподалеку от погребения 91 – захоронение головы коня с приставленным рогом быка (XVI в. до н.э.?) – обнаружен отпечаток части листа орешника (Рис. 2, 3).

На поселении Ходосовка-Диброва выявлены материалы нескольких археологических культур – триполье СП (софиевская культура), ранней (культура шаровидных амфор), средней (среднеднепровская культура шнуровой керамики) и поздней бронзы (бабинская, тшинецкая и белогрудовская культуры), материалы раннескифского времени.

Из раскопок I и II 2003 г. исследованы 1549 фрагмента керамики.

На фрагменте керамики софиевского типа (№ 1994) обнаружен отпечаток проса обыкновенного.

На фрагменте № 788, принадлежащем культуре шаровидных амфор, обнаружен отпечаток, вероятнее всего, косточки кизила размером 12x4 мм. На фрагменте № 2010 выявлено 2 отпечатка проса обыкновенного.

На сосуде из бабинского горизонта (№ 1917) выявлено 2 отпечатка проса обыкновенного на дне и 3 на стенках.

¹ Условия находки фрагментов с отпечатками представлены в Таблице 1.

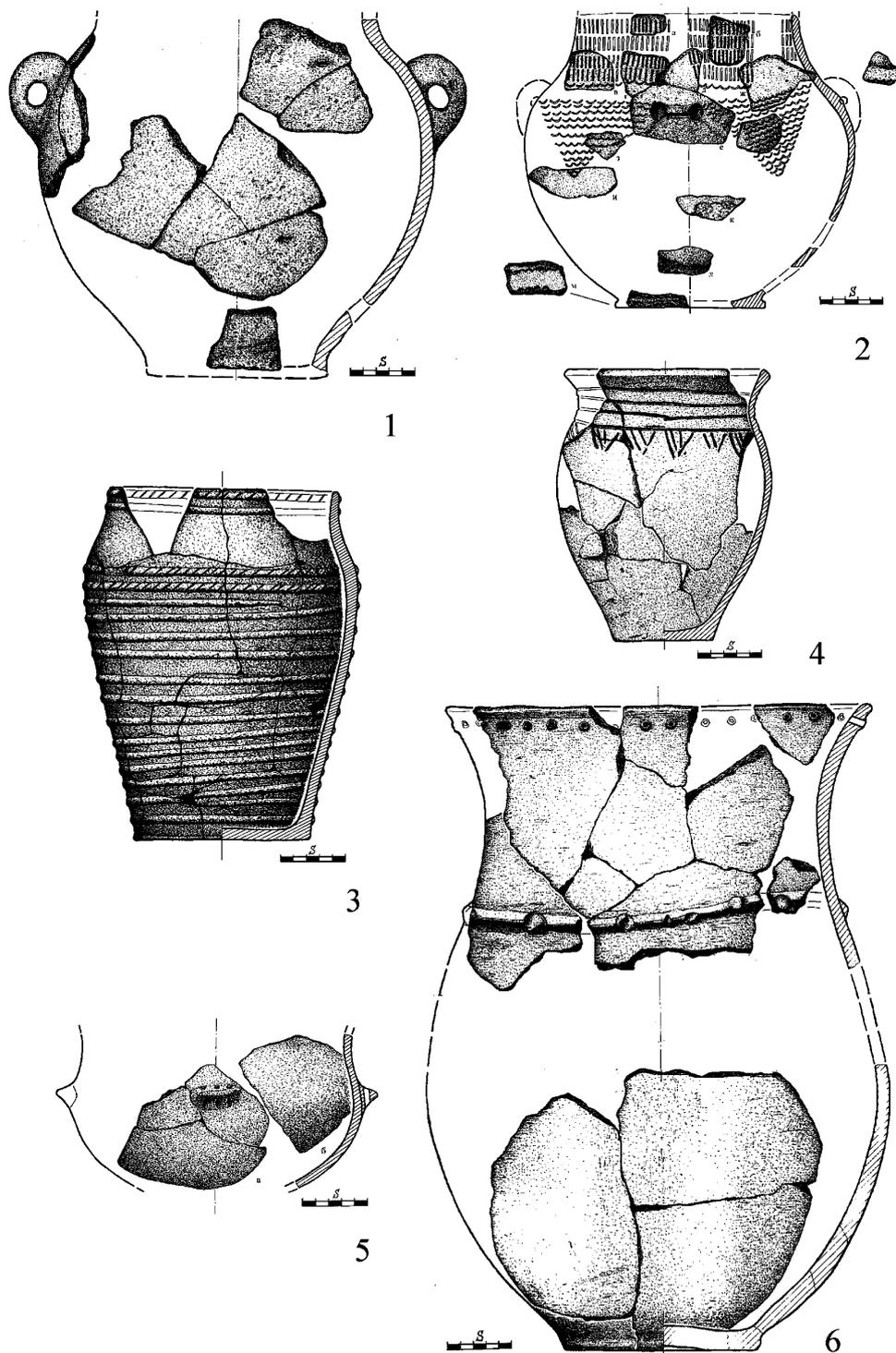

Рис.1. Ходосовка-Диброва: 1 – керамика софиевского типа; 2 – шаровидная амфора; 3 – керамика бабинского типа; 4 – керамика тшинецкого типа; 5 – керамика раннескифского времени. Малополовецкое-2А: 6 – керамика белогрудовского типа

На фрагментах керамики тшинецкого типа обнаружены: отпечаток части зерновки пшеницы однозернянки (№ 1460) отпечаток зерновки проса обыкновенного (№ 1543).

На внешней поверхности венчика сосуда (№ 1141) белогрудовско-чернолесского времени обнаружен отпечаток проса обыкновенного.

На керамике раннескифского времени выявлены отпечатки только одного злака – проса обыкновенного (33 отпечатка): №№ 25 (15 отпечатков), 61, 115, 1023, 1966, 1290 (14 отпечатков зерновок и множества чешуй на днище снаружи).

Из раскопок поселения Ходосовка в 2004 г. исследовано 468 фрагментов керамики.

На фрагментах керамики из развала горшка софиевского типа (№ 97) зафиксирован отпечаток зерновки пленчатого ячменя.

На фрагменте № 185, относящемся к раннескифскому времени, выявлен один отпечаток зерновки проса обыкновенного на внешней поверхности днища.

1514 фрагментов керамики поступило на исследование из раскопок 2005 года.

На керамике тшинецкого типа культуры обнаружены следующие отпечатки: зерновки ячменя голозерного размером 6,2x3,8 мм; основания колоска пшеницы однозернянки; зерновки ячменя пленчатого размером 7,2x4,0 мм.

На керамике раннескифского времени (№ 579) зафиксировано два отпечатка проса обыкновенного.

Из раскопок 2006 г. для исследования поступило 1202 фрагмента керамики. Они преимущественно принадлежат белогрудовской культуре: 10 отпечатков зерновок ячменя пленчатого; 2 отпечатка зерновок пшеницы двузернянки; 5 отпечатков зерновок проса обыкновенного; один отпечаток косточки кизила.

Таким образом, на фрагментах керамики поселения **Ходосовка-Диброва** выявлены отпечатки следующих растений:

- керамика софиевского типа: проса обыкновенного – 1, ячменя пленчатого – 1;
- культура шаровидных амфор: проса обыкновенного – 2, косточки кизила – 1;
- керамика бабинского типа: проса обыкновенного – 6;
- керамика тшинецкого типа: пшеницы однозернянки – 2, ячменя пленчатого – 1; ячменя голозерного – 1, проса – 1;
- керамика белогрудовского типа: пшеницы двузернянки – 2, ячменя пленчатого – 2, проса – 11, и косточки кизила – 1;
- раннескифское время – 36 отпечатков зерновок проса.

Свидетельством развития земледелия на Киевщине в эпоху поздней бронзы является также находка в комплексе 17 Малополовецкого могильника бронзового серпа ибракаевского типа (Рис. 3), хотя большинство серпов, происходящих с памятников Малополовецкого и Ходосовского археологических комплексов, остается кремневыми (Рис. 4).

Начало эпохи Бронзы определяется в пределах 3200-2900 cal BC (суббореальный период голоцена). Палинологические данные показывают изменения климата в сторону увеличения сухости в лесостепной и степной зонах. В лесостепи сокращаются площади, занятые лесной растительностью, а участки, занятые степной растительностью, увеличиваются [Кременецкий, 1991, с. 175].

Фаза среднесуббореального иссушения климата четко прослеживается по составу спорово-пыльцевых спектров в восточной части Украины – на Донбассе и в Приазовье. В спектрах, полученных для стоянок эпохи бронзы Безьянское I, II, Камышеватая XIV, XIX, Глубокое Озеро 2 и Рогалик 12 в интервалах по ¹⁴C: 3720±90, 3505±100, 3460±100 прослеживается резкое сокращение пыльцы деревьев и мезофитных трав [Герасименко, 1997]. Дерновинно-злаковые степи с высоким участием полыней занимают господствующее положение в Донецком бассейне, а в Приазовье – полынно-злаковые степи. Древесные группировки из дуба, липы, клена сохраняются только в плавневых лесах в долинах рек и в балках.

Ухудшение климатических условий в суббореальном периоде привело к изменениям в хозяйственной деятельности, постепенному падению роли земледелия и возрастанию роли скотоводства.

На обширной территории степи и лесостепи от Урала на востоке до Добруджи на западе расселяются племена ямной культуры. В украинских степях эти племена просуществовали на протяжении 400 – 500 лет, начиная со второй половины III тысячелетия до н.э. и до начала II тысячелетия до н.э. Несмотря на существующее мнение о том, что основным занятием этих племен было скотоводство, немногочисленные данные указывают на существование также

сельскохозяйственного производства. Благоприятные условия для такой деятельности могли складываться вдоль речных долин. Об этом свидетельствуют палеоэтноботанические материалы.

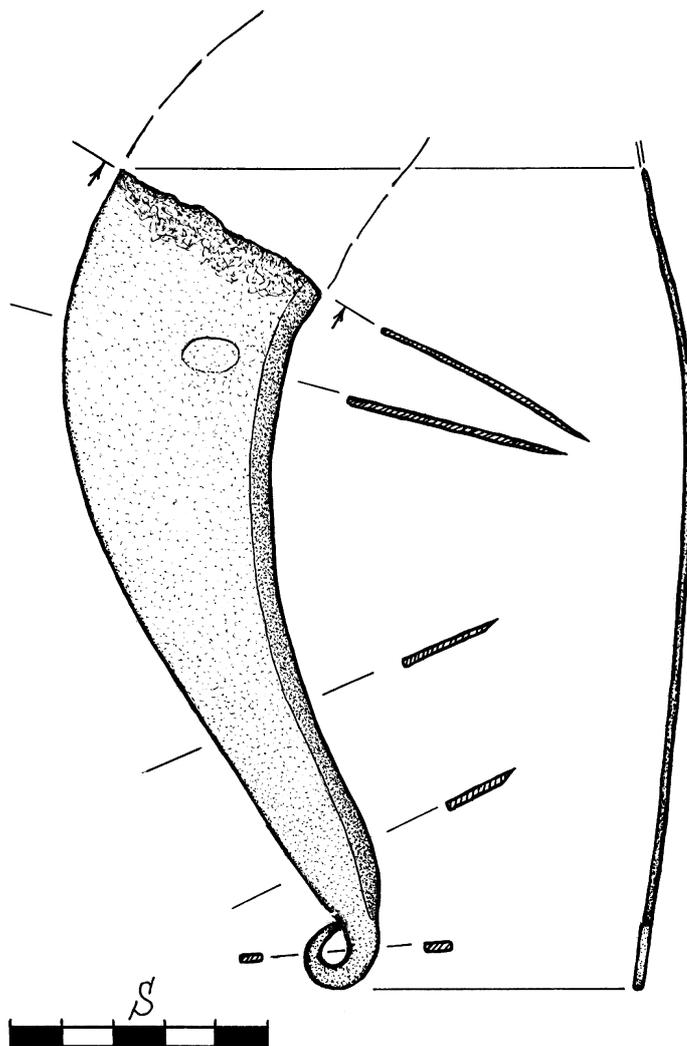

Рис. 3. Малополовецкое-3, комплекс 17, серп бронзовый

Отпечатки зерновок проса и голозерной пшеницы обнаружены Н. Кузьминовой на сосудах катакомбной культуры поселения Мирное, на керамике бабинского поселения Струмок выявлены отпечатки зерновок проса, на поселении Киселово – отпечатки зерновок пшеницы однозернянки и ячменя, неопределенного до вида [Кузьминова, Петренко, 1989, с. 120].

Ограниченный ассортимент выращивавшихся растений в период ранней бронзы (пшеница двузернянка, ячмень пленчатый, просо), вероятно, был вызван укладом жизни кочевых и полукочевых племен. Известно, что пшеница двузернянка нетребовательна к плодородию почвы и климатическим условиям [Столетова, 1924-1925]. Пленчатый ячмень легко переносит сухой климат и бедные почвы. К тому же, ячмень является одним из распространенных злаков, широко используемых в пищу не только людьми, но и на корм скоту. Просо преобладает среди злаков у традиционно кочевых племен благодаря своей высокой калорийности, короткому циклу развития, высокой засухоустойчивости, небольшому объему зерна, необходимого для посева [Вавилов, 1987, с. 65].

В интервале от 2800 лет до 2000 лет до н.э. в степи количество осадков было на 50 мм ниже, чем в настоящее время [Kremenetski, 2003, P. 14-15]. Период от 2800 лет до н.э. характеризовался неоднократными осцилляциями [Gerasimenko, 1997]. В интервале от 1500 до 900 лет до н.э. количество осадков было выше современного на 100 мм, температура июля была на 2⁰ ниже, января – на 1⁰ ниже. Увеличились площади лесов в долине Днепра.

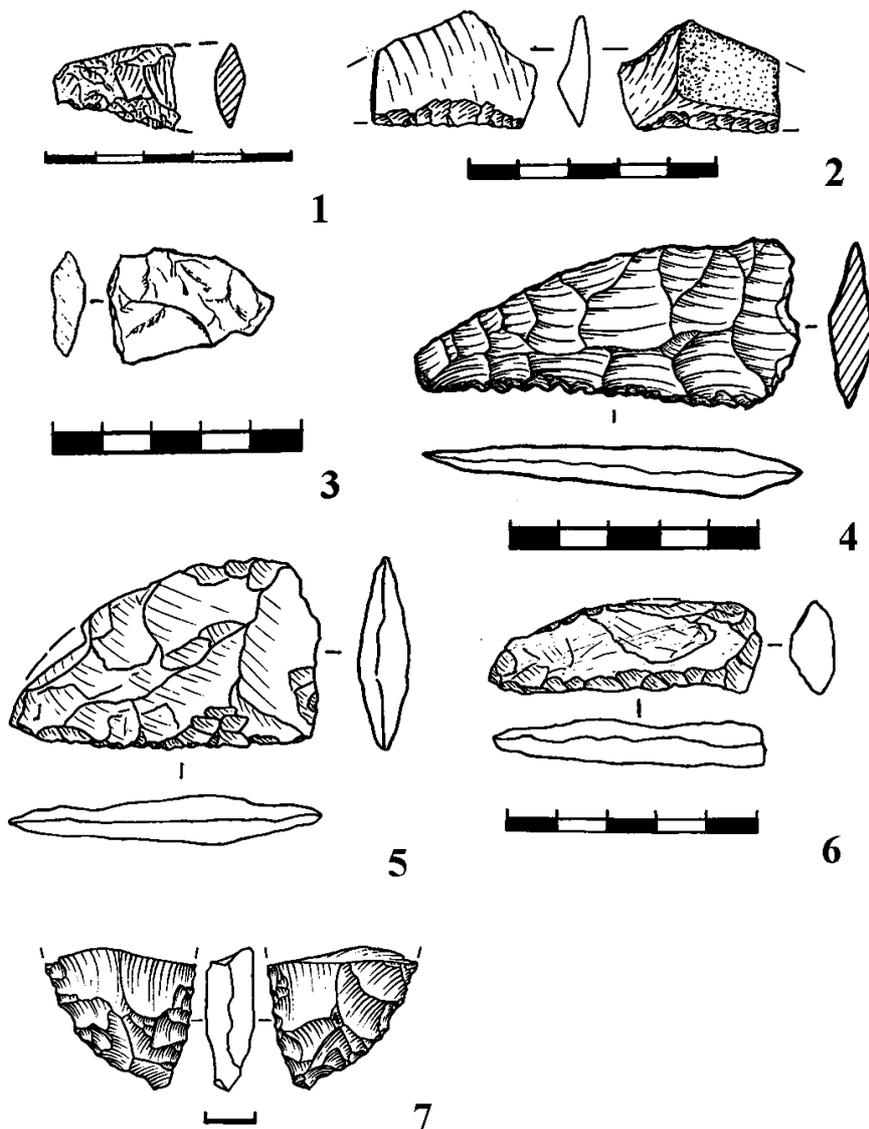

Рис. 4. Серпы кремневые: 1 – Малополовецкое-3, комплекс 6; 2 – Малополовецкое-3, погребение №63; 3 – Малополовецкое-2А, объект 1; 4 – Почуйки-1; 5-6 – Малополовецкое-4, объект 1; 7 – Ходосовка-Диброва, раскоп 1 (2003 г.)

В эпоху средней и поздней бронзы земледелие приобретает большее значение и становится весомым компонентом в экономике. Наиболее развитое земледельческое хозяйство было у сабашиновских племен, которые во II тысячелетии до н.э. распространились на юге лесостепной и в степной зонах.

Исследования тринадцати тысяч фрагментов керамики и 20 кг обзки из двенадцати сабашиновских памятников позволило прийти к заключению о выращивании следующих зерновых культур: пленчатой пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccon*), однозернянки (*Triticum monococum*), спельты (*Triticum spelta*), голозерной пшеницы (*Triticum aestivum s.l.*), голозерного и пленчатого ячменя, проса, а также бобовых, прежде всего гороха (*Pisum sativum*) и вики эрвиллии (*Vicia ervilia*). Этот список дополняли лен (*Linum usitatissimum*) и конопля (*Cannabis sp.*).

Вероятно, что три злаковые культуры: ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*), просо обыкновенное (*Panicum milliaceum*) и пленчатая пшеница двузернянка (*Triticum dicoccon*) были основными в посевах. Обугленные зерновки нескольких видов пшеницы *Triticum dicoccon*, *Triticum monococum*, *Triticum spelta*, *Triticum aestivum s.l.* и ячменя *Hordeum vulgare*, *Hordeum vulgare var. coeleste* выявлены также у ряда соседних племен Ноа (полагают, что это одна общность с сабашиновскими

племенами), распространявшихся к юго-западу. Состав установлен в результате исследования материалов из поселений Магала, Екатериновка, Слобода Шиурецы и др. [Янушевич, 1976, с. 32-34].

Хорошо прослеживается зависимость от природных условий на примере экономики большой общности срубной культуры. Наличие двух направлений в экономике большой срубной общности, по мнению В.В. Отрощенко, связано с распространением ее племен в различных физико-географических условиях. Полное отсутствие остатков культурных растений в материалах покровской срубной культуры может указывать на оседло-скотоводческое направление хозяйства. Для племен бережновско-маевской культуры характерен плавнево-земледельческий характер экономики. Широкий спектр растительных остатков выявлен в материалах Усова Озера в Донецкой области и на двух поселениях Безымянное I также в Донецкой области и Павлоград в Днепропетровской области [Пашкевич, 2003, с. 416]. Эти данные хорошо сопоставляются с земледельческим характером экономики сабашиновской культуры.

Таблица 1. Состав отпечатков растений на фрагментах керамики эпохи бронзы – начала раннего железного века с археологических памятников Киевщины

Археологическая культура, дата	Памятник, объект	Название растения	Код	Кол -во
Трипольская культура, этап СII, софиевский тип, конец IV тыс. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), с. 9, кв. А/3, № 1994	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	1
Трипольская культура, этап СII, софиевский тип, конец IV тыс. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2004 г.), кв. В/17, об. № 48 № 97; Рис.1, 1	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i>)	Hv	1
Культура шаровидных амфор, пер. половина III тыс. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), с.15, кв.А/5, № 2010	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	2
Культура шаровидных амфор, пер. половина III тыс. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), с.11, кв.Б/4, № 788; Рис.1:2е	Кизил настоящий (<i>Cornus mas</i>)	Cm	1
Бабинская культура, XVIII-XVII вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), с.4, об.10, № 1917; Рис.1:3	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	5
Бабинская культура, XVIII-XVII вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), с.13, кв. Г/1, № 2072	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	1
Тшинецкий культурный круг, XVI в. до н.э. (?)	МП-3 (2002 г.), кв.Т/33, 4 шт, рядом с погр.91	Орешник (<i>Corylus avellana</i>); Рис.2: 1	Ca	1
Тшинецкая культура, XV-XIII вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. I (2003 г.), с.4, кв. Г/4, гл. 0,25-0,5м, №1460; р. I (2005 г.), с.20, Г/4	Пшеница однозернянка (<i>Triticum monococum</i>)	Td	2
Тшинецкая культура, XV-XIII вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. I (2005 г.), с.11, кв. В/3	Ячмень голозерный (<i>Hordeum vulgare var. coeleste</i>)	Hvv	1
Тшинецкая культура, XV-XIII вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. I (2005 г.)	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i>)	Hv	1
Тшинецкая культура, XV-XIII вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. I (2003 г.), с.7, кв.А/1, №1543	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (1992 г.), р.А, кв. Д/3, гл. 0,25 м	Пшеница двузернянка (<i>Triticum dicoccon</i>)	Td	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2006 г.), объект №14	Пшеница двузернянка (<i>Triticum dicoccon</i>)	Td	1

Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2006 г.), объект №17	Пшеница двузернянка (<i>Triticum dicoccon</i>)	Td	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2007 г.), объект №20	Пшеница двузернянка (<i>Triticum dicoccon</i>)	Td	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II-2006, с. 30	Пшеница двузернянка (<i>Triticum dicoccon</i>)	Td	2
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (1993 г.), р. А, с.4, кв. Б/2, гл. 0,5-0,75 м, № 1329, А8612	Пшеница голозерная? (<i>Triticum aestivum</i> s.l.?)	Ta s.l.	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (1993 г.), р. А, с.4, кв. Г/2, гл. 0,55-0,75 м, № 1353	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i>); Рис.2: 3	Hv	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (1992 г.), объект № 1, гл. 0,5 м, № А8040	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i>)	Hv	2
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2006 г.), объект № 14	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i>)	Hv	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II, с.31, кв. Е/3; с. 32, В/2	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i>)	Hv	2
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2006 г.), объект №14	Ячмень голозерный (<i>Hordeum vulgare</i> var. <i>coeleste</i>)	Hvv	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (1992 г.), кв. А/3-4, гл. 0,25м, №507	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>); Рис.2: 2	Pm	5
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II, с. 27; с. 29; кв. А/4 (5 отп.); с. 30, кв. А/1-А/3; с. 31; с. 31, об. 92.	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	10
Белогрудовско-чернолесское время, XII-IX вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II, с.18, кв.Е/1, № 1141.	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (1992 г.), кв. В/2, гл. 0,15м, № 1367	Овес, не определенный до вида (<i>Avena s.p.</i>)	Asp.	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2006 г.), объект № 14	Вика эрвилия (<i>Vicia ervilia</i>)	Ve	2
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	МП-2А (2006 г.), объект № 17	Рожь посевная (<i>Secale cereale</i>)	Sc	1
Белогрудовская культура, XII-XI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II, А4	Кизил настоящий (<i>Cornus mas</i>)	Cm	1
Раннескифское время, VIII-первая половина VI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), тр.2, кв 5-7, №61; с.1, об. 2, № 1966 (Рис.1, 6); с.16, Д/5, № 1023; с.14, кв.А/1, № 1290 – 14 отпечатков; р. II (2005г.?) № 579 – 2 отп.; АХШ-29 (2004 г.), № 185	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	17
Раннескифское время, VIII-первая половина VI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. I I (2003 г.), № 115	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	1
Раннескифское время, VIII-первая половина VI вв. до н.э.	Ходосовка-Диброва, р. II (2003 г.), № 25	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Pm	15

Состав культурных растений, использовавшихся в эпоху бронзы племенами, населявшими Европу, установлен в результате изучения палеоботанических материалов [Wasylikowa et al., 1991]. Чаще всего встречается в материалах пшеница двузернянка. За нею второе место занимает пшеница однозернянка. Значительно большее значение, чем в неолите, имел ячмень пленчатый. Голозерные пшеницы отмечены чаще, чем в неолите, однако всегда в небольшом количестве. Возросла также роль проса. Чаще встречалась рожь, однако, по мнению Е. Гайналовой, этот злак все еще был засорителем посевов пленчатых пшениц или ячменя и не вошел в число выращиваемых культурных растений. Бобовые включали горох, чечевицу, вику эрвлию. Гораздо реже встречались бобы (*Vicia faba*) и нут (*Cicer arietinum*).

Палеопедологические [Матвіїшина, Пархоменко, Лисенко, 2005; 2006; 2008; Матвіїшина, Пархоменко, Бондар, Лисенко, 2005; Готун, Бондар, Лисенко и др., 2006; Лысенко, Лысенко, Матвишина и др., 2006; Лысенко, Матвишина, Пархоменко и др., 2006; Лысенко, Матвишина, Александровский и др., 2006; Матвіїшина, Пархоменко, Бондар, 2007], палеоландшафтные [Давидчук, Лисенко, Сорокіна, 2007], археозоологические [Журавлев 1997; 2001] исследования, проведенные в последние годы на памятниках эпохи бронзы Киевщины, фиксируют наибольшее увлажнение климата в середине – второй половине II тыс. до н.э. С подобными наблюдениями согласуются также результаты палеоботанических исследований. Если ранние периоды эпохи бронзы, вплоть до бабинского горизонта, на памятниках Ходосовского и Малополовецкого археологических комплексов, представлены преимущественно отпечатками проса обыкновенного, то в период поздней бронзы (тшинецкий и белогрудовский горизонты) ассортимент злаков становится гораздо разнообразнее. В раннескифское время ведущей культурой на Киевщине снова становится просо.

Исследователи полагают, что, несмотря на определенный прогресс, связанный с использованием бронзовых серпов, земледельческое хозяйство в эпоху бронзы было все еще на том же уровне, что и в V – IV тысячелетиях. Для него характерными были длительный период использования земли, примитивная технология выращивания растений. Изменяющиеся природные условия приводили к изменению хозяйственной деятельности, когда животноводство и земледелие могли уступать друг другу ведущую роль.

Список литературы

- Вавилов Н.И.** Происхождение и география культурных растений. – Л., 1987. – 440 с.
- Герасименко Н.Н.** Природная среда обитания человека на Юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 3–64.
- Готун І.А., Бондар К.М., Лисенко С.Д., Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Петраускас О.В.** Ходосівка-Діброва – унікальна пам'ятка бронзової доби // АДУ 2004-2005 рр. – Запоріжжя: Дике Поле, 2006. – С. 131-137.
- Давидчук В.С., Лисенко С.Д., Сорокіна Л.Ю.** Малополовецький археологічний комплекс. Ландшафтна структура території досліджень // АДУ 2005-2007 рр. – Запоріжжя: Дике Поле, 2007. – С. 470-475.
- Журавльов О.П.** Археозоологічні матеріали з поселення Малополовецьке-2. // Фастівський державний краєзнавчий музей, прес-музей. – №7. – Фастів, 1997. – С. 24-27.
- Журавлев О.П.** Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донецкого междуречья. – Киев: ИА НАНУ, 2001. – 200 с.
- Кременецкий К.В.** Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. – М., 1991. – 193 с.
- Кузьминова Н.Н., Петренко В.Г.** Культурные растения на Западе Северного Причерноморья в середине III – II тыс. до н.э. (по данным палеоботаники) // Проблемы древней истории и археологии Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 119–120.
- Лысенко С.Д., Матвишина Ж.Н., Александровский А.Л., Пархоменко А.Г., Балко А.И., Кириленко А.С.** Исследования Могилы Лядвига в 2006 г. // АДУ 2005-2007 рр. – Запоріжжя: Дике Поле, 2006. – С. 276-280.
- Лысенко С.Д., Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Бондарь К.М., Тимофеева Ж.Б., Балко А.И.** Предварительные исследования Могилы Лядвига // АДУ 2004-2005 рр. – Запоріжжя: Дике Поле, 2006. – С. 265-273.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Литвинова Л.В., Гаскевич Д.Л., Балко А.И.** Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2005 г. // АДУ 2004-2005 рр. – Запоріжжя: Дике Поле, 2006. – С. 258-264.

Матвіїшина Ж.М., Лисенко С.Д., Пархоменко О.Г. Результати палеопедологічного дослідження пам'яток Малополовецького археологічного комплексу у 2007 р. // Археологія. – 2008. – № 4.

Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Бондарь К.М., Лисенко С.Д. Палеопедологічні дані та магнітна сприйнятливість деяких ґрунтів на поселенні Ходосівка (ур. Діброва) // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. – Фастів, 2005. – С. 213-225.

Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Бондарь К.М. Палеопедологічні дані та магнітна сприйнятливість деяких ґрунтів на поселенні Ходосівка // Приложение 1 к статье Лысенко С.Д. Динамика развития тшинецкого культурного круга на границе Правобережной лесостепи и Полесья // Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. – Warszawa, 2007. – S. 378-385.

Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. Палеопедологічне вивчення голоценових відкладів археологічних пам'яток Середнього Подніпров'я (на прикладі Малополовецького археологічного комплексу) // Регіональні проблеми України: географічний аналіз та пошук шляхів вирішення. – Херсон, 2005. – С. 28-32.

Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. Археологічні пам'ятки Київщини і природні умови проживання людини // Київський географічний щорічник. – Вип.6. – Киев: КВ УГТ, 2006. – С. 82-101.

Пашкевич Г.А. Земледелие в степи и лесостепи Восточной Европы в неолите – бронзовом веке (палеозтноботанические свидетельства) // Stratum plus. – 2000. – № 2. – С. 404–418.

Столетова Е.А. Полба – эммер *Triticum dicocum* Shrank // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – Т. 14. – Вып. 1. – 1924-1925. – С. 27–105.

Янушевич З.В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев: Штиинца, 1976. – 213 с.

Gerasimenko N. Environmental and climatic changes between 3 and 5 ka BP in Southeastern Ukraine // Third Millenium BC. Climate change and Old World collapse. – Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 1997. – P. 371-399.

Kremenetski K. Steppe and Forest-steppe Belt of Eurasia: Holocene Environmental History // Prehistoric steppe adaptation and the horse. –Cambridge: McDonald Institute monographs. – P. 11-27.

Wasylikowa K., Cârciumaru M., Hajnalová E., Hartyányi P., Pashkevich G., Janushevich Z. East – central Europe. 1991 // Progress in Old World palaeoethnobotany. A retrospective view on occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany. – Rotterdam: A.Balkema, 2003. – P. 207-239.

ДРЕВНИЕ ПУТИ СООБЩЕНИЙ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

Данная статья посвящена, прежде всего, увязке памятников раннего железного века с сетью сухопутных коммуникаций. Поскольку для реконструкции вероятных направлений торговых трасс скифского времени на отдельных участках не хватает исследованных пунктов, подтверждающих прохождение здесь пути, считаю допустимым привлекать материалы и письменные источники более позднего времени. Уверенность в корректности подобного метода придает то обстоятельство, что система древних сухопутных коммуникаций, возникнув и сложившись в результате длительного периода поисков, использовалась многими последующими поколениями купцов. Иными словами, первопроходцы, отыскав наиболее оптимальные варианты прохождения трасс в ландшафте, обеспечили этим сухопутным магистралям существование на протяжении многих веков. Причем трассы части из них используются до сих пор. Ключевым условием пролегания трасс является их энергетическая целесообразность, сводящаяся к выбору маршрута с минимальным количеством спусков и подъемов. В степи наиболее удобными маршрутами являются водоразделы рек, тогда как в лесной полосе избирались прибрежные зоны, поскольку удаленные от русла местности заболочены [Шилик, 1981, с. 181].

Проблему поиска и реконструкции древних сухопутных коммуникаций для степи и лесостепи Восточной Европы трудно назвать разрешенной или разработанной. Хотя о существовании древних путей в той или иной мере упоминали многие авторы, чаще оперируя одним или двумя маршрутами. К примеру, Е. Миннс вскользь заметил, что в пределах Скифии со времени появления колесного транспорта вплоть до прокладки железных дорог древние пути использовались преимущественно для перевозки соли [Minns, 1913, с. 7].

Существование сети дорог для юга Украины исследователи фиксируют со времени поздней бронзы. Картографирование кладов эпохи поздней бронзы позволило реконструировать в Северо-западном Причерноморье маршрут торгового пути. Он начинался от наиболее удобной переправы¹ выше дельты Дуная (Орловка) и был прослежен до среднего течения Южного Буга. [Суботін, Черняков, 1982, с. 20-21]. Опираясь на памятники белозерской культуры, как на маркеры, дальнейшее продвижение этого пути на восток обозначил В.В. Отрощенко. Он доводит ответвление пути до основных переправ Нижнего Днепра, допуская его разделение на две ветви: южную - через Перекоп и Тамань, а восточную - вдоль северного побережья Азовского моря, и прослеживает маршрут до дельты Дона [Отрощенко 1986, с. 147-148]. Позднее В.В. Отрощенко, оперируя находками бронзовых клепаных котлов и элементами узды, обозначил два главных маршрута Восточной Европы, добавив к степному пути и лесостепной, соединявший Приуралье с Венгерской равниной [Отрощенко, 1995, с. 18-19]. Вариант субширотного трансъевропейского пути для эпохи бронзы - из-за Эльбы и за Волгу с использованием смешанного маршрута по Западному и Южному Бугу наметил О. Косьюк [2002].

Перспективный подход в изучение сухопутных путей Скифии применил Б.А. Шрамко. В монографии, посвященной Бельскому городищу, он увязал этот памятник с транспортной сетью Скифии. Автор использовал для этого средневековые свидетельства и картографические материалы, поскольку руководствовался тезисом о многовековом функционировании дорог и связи их с курганами эпохи бронзы [Шрамко, 1987, с. 19-22]. Позднее им была предложена карта-схема городищ и дорог Северного Причерноморья [Šramko, 1992, abb. 1].

Для левобережья Нижнего Днепра автор настоящей статьи предложил реконструкцию системы давних сухопутных путей, которая базировалась на взаимосвязи древних путей и курганов-гигантов [Болтрик, 1981; 1987; 1990, с. 31-34].

В обосновании схем древней торговли в Скифии ключевым и отправным пунктом в ряде работ выступает Ольвия, причем акцентируется внимание на векторе поставок из этого полиса, направленном на восток. Об этом писали М.И. Ростовцев, позже Б.Н. Граков [Ростовцев, 1912, с. 9; Граков, 1947, с. 23-37]. Н.Л. Членова удревнила дату этого и иных путей, отдав предпочтение речным и смешанным маршрутам [Членова, 1983, с. 54]. Отрицая использование водных маршрутов, К.К. Шилик обосновал доминирование сухопутных транспортных путей [Шилик, 1989, с. 175]. Ранее он предположил существование пути из Ольвии вдоль левого берега Южного Буга, к месту легендарного Эксампея, упомянутого Геродотом. Перекресток древних торговых дорог у Эксампея К.К. Шилик

¹ Скорее всего это была как раз та переправа, которой воспользовались войска Дария [Брюяко, Ярошевич, 2001, с. 23].

размещал в верховьях Гнилого Еланца и Мертвовода [Шилик, 1979, с. 450-456]. Изучению торговых коммуникаций Правобережной Скифии уделил внимание А.С. Островерхов, но значительную долю маршрутов он связывал с речными путями, хотя и отталкивался от "веера" сухопутных дорог, расхившихся от Ольвии [Островерхов, 1981, с. 84-94]. Была предложена и реконструкция транспортной сети в зоне правобережной прибугской степи близ Ольвии на основании анализа размещения курганов на крупномасштабных картах [Лисецкий, Бызов, 1992, с. 50-51]. Направления главных путей, уходивших от Николия и ряда иных античных поселений, находившихся в низовьях Днестра и Тилигула, были прослежены на основании анализа аэрофотоснимков [Бруяко, Назарова, Петренко, 1991, с. 37-44]. Используя картографирование археологических памятников, данные истории и топонимики я предложил вариант прохождения одного из основных путей, связывавших Ольвию с Пастерским и Матронинским узлами городищ [Болтрик, 2000, с. 121-130].

Таким образом, проблема реконструкции основных магистралей древней транспортной сети и вычленения памятников с ними связанных для эпохи раннего железа остается не решенной. На сегодняшний день очерчены преимущественно восточные направления продвижения товаров без уверенной привязки к местности или определенным археологическим объектам, или же прослежены небольшие короткие отрезки путей. Исключением являются степи Нижнего Днепра, где в V-III вв. до н.э. пребывал центр Скифии, обозначенный концентрацией сверхбольших курганов. Протяженные цепочки курганов маркируют собой трассы торговых путей, которые сходились к наибольшей в степной части Украины Капуловско-Каменской агломерации поселений, где сосредотачивалась политическая и торговая жизнь кочевого государства [Болтрик, 2004].

Если в Степной Скифии поселенческие структуры малочисленны, то в зоне Лесостепи, где доминировало преимущественно земледельческое население, известно около 130 городищ и 500 селищ. Понятно, что такое количество населенных пунктов должно было иметь свою систему коммуникаций, обслуживающую как внутренние, так и внешние торговые связи. К тому же через часть из этих населенных пунктов должны были проходить транзитные магистрали. Трассы этих магистралей были проложены в широтных направлениях, ими шли миграционные потоки, вражеские нашествия, а чаще всего торговые караваны. Западный вектор скифской интервенции демонстрируют находки оружия номадов в пределах лужицкой культуры [Bukowski, 1977, map 1], а на вероятные торговые контакты Ольвии указывают случайные находки монет III в. до н.э. в Лодзьком воеводстве Польши. Один ольвийский борисфен найден у дороги близ с. Иновлодзь, другой у местечка Сиерадж [Gurieniec, 1954, s. 27; t. 4, 4].

Основной целью статьи является попытка определить вероятные трассы торговых путей эпохи раннего железа в центральной части Правобережья с привязкой их к местности. Таковыми являются две основные магистрали, проложенные в обход бассейна Южного Буга с обеих его сторон (рис. 1). Но поскольку торговые пути использовали и как маршруты военных походов, индикаторами их прохождения на местности, помимо больших курганов, поселенческих структур, каменных изваяний, кладов, могут выступать и случайные находки оружия. Последние могут быть следами военных стычек на дорогах. Близ узлов сухопутных коммуникаций, помимо населенных пунктов и переправ, располагались святилища и культовые места. Такая взаимосвязь сохранялась и позднее. Много монастырей возникало на "соляных" и стратегических дорогах, размещаясь один от другого на расстоянии одного дневного перехода каравана возов (валка) [Мицько, 1993, с. 70-72].

Безусловно, сухопутная сеть скифского времени не была так развита, как в более позднее время. Но использование тягловых животных регламентировало дневные переходы дистанцией в 27–37 км. Это обстоятельство позволяет, зная отправную точку, попытаться "войти" в ритм движения обозов и определить места их дневок². Мы, к сожалению, ничего не знаем об инфраструктуре скифских дорог. Однако вполне возможно предположить, что определенные участки их имели своеобразные станции или заезжие дворы, следы которых еще предстоит найти или понять. Примером тому может служить персидская "Царская дорога" из Передней в Малую Азию [Геродот, V, 52-54]. Пока отсутствие дополнительной информации усложняет задачу.

---

² Измерение пространства "дневными переходами" использовал Б.А. Рыбаков в книге "Геродотова Скифия", анализируя информацию отца истории.

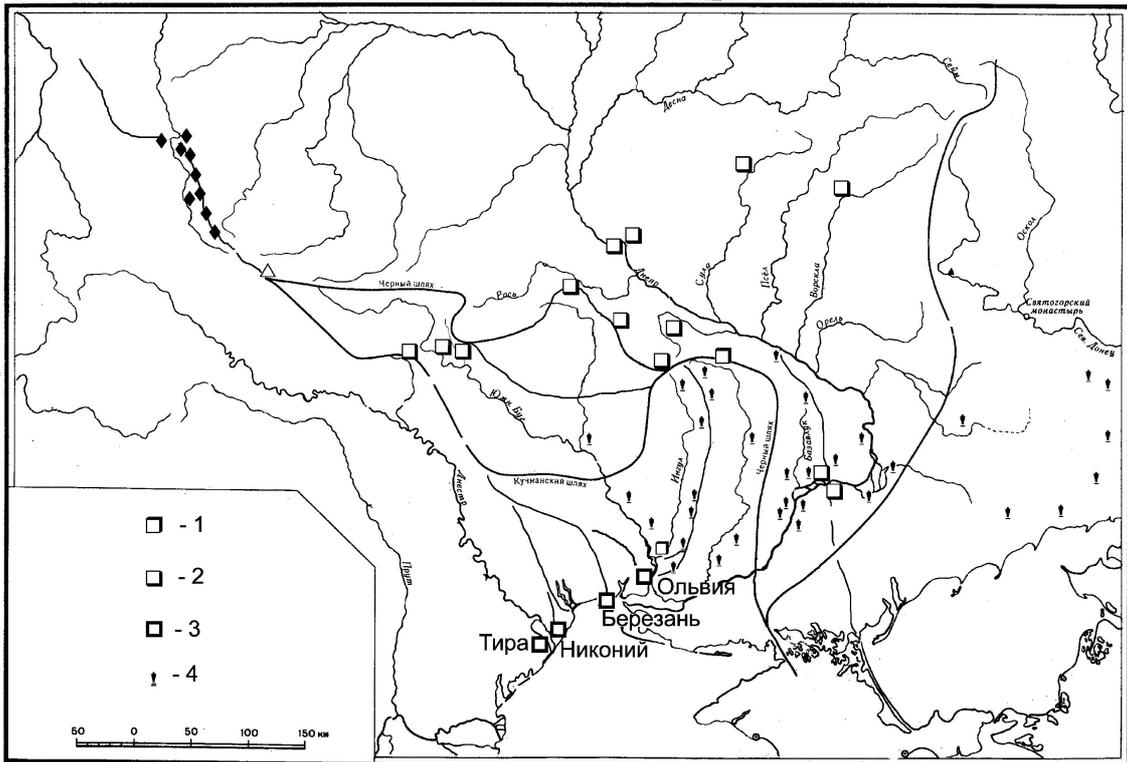

Рис. 2. Карта-схема реконструкции путей Скифии. 1 – городища предскифского времени. 2 – городища скифского времени. 3 – античные города. 4 – места находок монументальной скульптуры VII-VI вв. до н.э.

Историческая традиция не донесла до нас и наименований путей Скифии, в отличие от прекрасно мощеных Аппиевой, Соляной или Валериевой дорог Древнего Рима. Но благодаря Геродоту мы знаем дважды им упомянутую местность "Эксампей" - "Священные пути" [IV, 52, 81], которую считают культовым центром Скифии и важным перекрестком торговых путей. Фукидид сообщает о местности "Девять путей" во Фракии [I, 100; IV, 102]. Последняя своим сакральным наименованием напоминает "Священные пути" в Скифии. Учитывая, что древнегреческие и римские дороги, помимо их транспортного назначения, использовались как маршруты религиозных процессий, имеет смысл обратить внимание на взаимосвязь скифских дорог и культовых мест. Тут следует упомянуть уникальный комплекс из трех длинных курганов эпохи бронзы в окружении огромного количества небольших скифских курганов Мамай-Горы, который доминировал над переправами у Каменского городища. Эта возвышенность на старых картах называется "Святое место".

Возвращаясь к путям, уводящим на запад от устья Южного Буга, заметим, что они прослеживаются по обе стороны от бассейна этой реки. И здесь примечательно, что абрисы бассейна Буга совпадают со схемой Черного и Кучманского шляхов на карте французского военного инженера Гийома-Левассера де Боплана (1648-1650 гг.), чем иллюстрируется взаимозависимость водоразделов и пролегающих по ним трасс древних дорог (рис. 1).

За верховьями Буга, в районе г. Черный Остров, Западный и Восточный пути сходятся и уже как одна дорога уходят на запад, в направлении узкого прохода между верховьями Западного Буга и Стыря. Прохождение шляха на участке больше 160 км тут усложнено большим количеством русел мелких речек, которые расходятся к Днестру и Припяти. Этот отрезок маркирован археологическими памятниками, но их, к сожалению, не очень много, поскольку большинство исследований были проведены ближе к долинам больших рек. Учитывая длительное функционирование стародавних путей сообщений, их непосредственную локализацию на местности целесообразно проводить, руководствуясь находками кладов и монет римского времени. Картографированные в свое время М.Ю. Брайчевским пункты находок монет образуют цепочки, которые попадают в общую схему двух главных путей Правобережной Украины [Брайчевский, 1959].

Восточный маршрут начинался на левобережье Южного Буга напротив Ольвии и междуречьем Ингула и Ингульда уходил к Черному Лесу (рис. 2). Ранее мною уже подробно рассматривались реперные точки обозначенного участка, поэтому не стану вновь на них останавливаться. Замечу лишь, что этот путь был одним из стимулов возникновения греческой колонии Ольвия, как города-торжища, которое обеспечивало переправу через Южный Буг. Наиболее интенсивная эксплуатация участка пути Ольвия - Лесостепь происходила в VI-V вв. до н.э. [Болтрик, 2000, с. 128].

Возвращаясь к трассе нашего варианта пути, обходившего бассейн Южного Буга с востока, отмечу, что у Черного Леса он сливался со шляхом, известным в средние века, как Черный. Последний приходил от Кизикерменской переправы (современный г. Берислав) на Нижнем Днепре. По границе степи и лесостепи этот путь пролегал с юга вдоль Черного Леса, в котором находятся Чернолесское и Чутовское городища, а к западу от них находился Мельгуновский курган, и далее приближался к Лебединскому лесу с комплексом из четырех городищ (узел у Пастырского городища). На этом участке ряд источников называет путь Шпаковым. Дальнейшее продвижение шляха близ водораздела фиксируют Журжинецкое и (на расстоянии дня пути от него) Таращанское городище и, вероятно, связанные с последним валы у с. Лесовичи [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 150; Похилевич, 1864, с. 424-425].

В пределах Восточного Подолья Черный шлях проходит близ скифских курганов в Яцковичах (соврем. Долинка) и Новоселках [Bydłowski, 1904; 1905; Majeski, 1905; Бессонова, 1994, с. 4-29]. При выходе на левобережье р. Соб, левого притока Южного Буга, шлях оказывался в 10 км к востоку от узла городищ (или одного большого городища) у сел Кальник и Шабельня [Антонович, 1887, с. 761-765; Похилевич, 1864, с. 318-320]. Неподалеку от них располагалось поселение у с. Сорока IV-II вв. до н.э. [Хавлюк, 1979, с. 34-54]. Здесь же находятся останцы (высота 18 м, диаметр 150 м) кургана Сорока – крупнейшей насыпи на Украине, раскопанной в конце XVIII века французами, гостившими у графа Поттоцкого. Выше по реке Соб, в 11 км от кургана Сорока, находился восьмиметровый курган в местечке Ильинцы, известный своим золотым горитом чертомлыцкой серии. Судя по остаткам земляных укреплений и большим курганам, на р. Соб находилась мощная пространственная структура скифского времени, в которой угадываются следы регионального центра. Следует заметить, что для практически не исследованного Восточного Подолья, его центром традиционно считалось Немировское городище. Его грандиозные валы и наталкивают на подобный вывод. Жизнь городища в 6 в. до н.э. была прервана (вероятно, скифским нападением) и, похоже, не восстанавливалась позднее. А в 40 км к востоку от него, на речке Соб, в V-IV вв. до н.э. возник новый центр окрестных земель. Примечательно, что со временем здесь образовалось сотенное казацкое местечко Кальник. То есть историческая преемственность демонстрирует некие преимущества данной местности, среди которых, возможно, была и близость к трассе важного торгового пути. Косвенным подтверждением важности этой территории, помимо упомянутой золотой накладки горита из кургана в Ильинцах, служат два случая находок костей верблюдов в курганах в Яцковичах и Новоселице. Кости верблюдов, помимо указания на наличие следов караванной торговли в Скифии [Островерхов, 1981, с. 91], известны в Ольвии и других античных полисах Северного побережья Понта, а также на Каменском городище на Днепре [Цалкин, 1960; 1966], и таким образом вводят поселенческие структуры Кальника в этот круг.

Дальнейшее пролегание трассы Черного шляха к северо-западу, помимо карты Боплана, фиксирует случайная находка скифского кинжала с брусковидным навершием близ с. Вахнивка [Косаківський, 1998], что в 50 км от Кальника.

Западный маршрут, в средневековье разные его участки называли Татарским, Злодейским, но чаще употребляли наименование Кучманский. Он брал начало от побережья Черного моря - мест добычи самосадной соли и несколькими ответвлениями уходил в северном направлении на водораздел Днестра и Южного Буга (рис. 2).

Главной, вероятно, была ветвь, ориентированная на гавань борисфенитов (поселение на острове Березань, а со временем Ольвия). В целом, путь к западу от Гипаниса выступал в качестве своеобразной нити, которая как бы нанизывала земли четырех народов - каллипидов, ализонов, скифов-пахарей и невров [Геродот, IV, 17]. Именно замечание отца истории о том, что скифы-пахари сеют хлеб на продажу, является косвенным свидетельством того, что информацию об этих народах принесли купцы.

Вероятные направления дорог от побережья в глубь степи фиксируют цепочки курганов, которые выстраиваются субмеридионально. Такая ситуация фиксируется рядом с Кошарским поселением близ устья Тилигульского лимана (рис. 3) на его западном берегу [Бруйко, Назарова,

Рис. 3. Реконструкция аграрной системы и дорог у античного поселения Кошары (по данным И.В. Бруяко, Н.П. Назарова и В.Г. Петренко). 1 – поселение IV-III вв. до н.э. 2 – следы поселения сабастиновской культуры, 3 – зона современной застройки

Петренко, 1991, с. 42, рис. 4]. Топокарта 1907-1908 гг. фиксирует две плотных курганных цепочки, ориентированных на остров Березань (рис. 4). Учитывая современный взгляд на Березань, как на оконечность некогда существовавшего полуострова, подтвержденную космическими снимками (то есть поселение имело надежную связь с материком), вполне логично в этих линиях курганов усматривать следы существовавших некогда путей.

Множество направлений дорог фиксируют планы Ольвии XIX века. Соотнося их с ландшафтом, пытался проследить старые ольвийские пути А.С. Островерхов [1981]. В этой связи интересная и важная для понимания ситуации картина была зафиксирована в 15 км к западу от Ольвии,

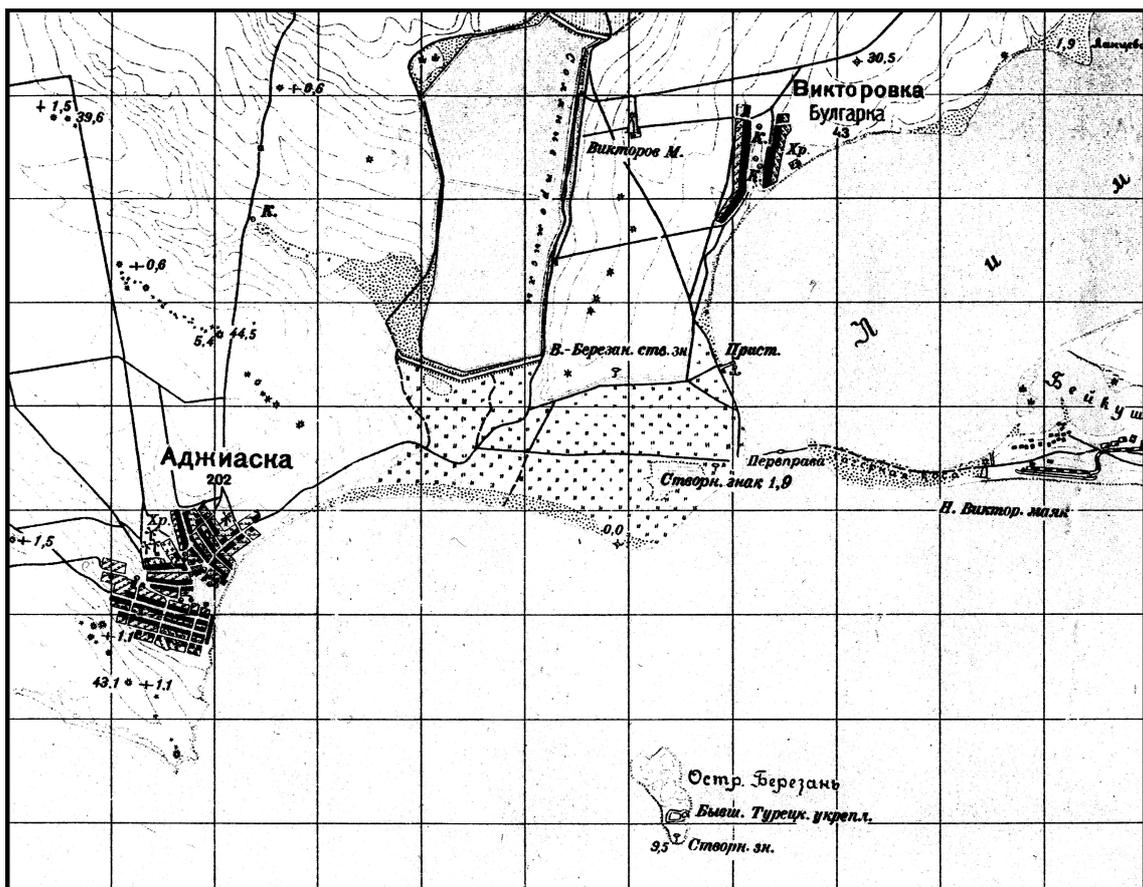

Рис. 4. Цепочки курганов? ориентированные на остров Березань, фиксирующие отрезки древних дорог. Фрагмент топографической карты 1907- 1908 гг.

рядом с с. Матросовка. Там удалось раскопать аллею курганов середины V в. до н.э. [Гребенников, 2008, с. 51], ориентация которой указывает, что она не связана с полисом (рис. 5), хотя и находится рядом с ним. Анализ топографической ситуации в этой местности указывает на согласование давнего пути, обозначенного курганами, с правым берегом Аджигольской балки. Корень названия балки ("аджи" – *тюркск.* – горькая) свидетельствует о наличии в ней соли. На склонах балки найдены следы 10 поселений, существовавших здесь в архаический и классический периоды [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 21-24]. Жители части из них могли обслуживать солепромыслы в нижней части балки и на побережье близ нее. Отметим, что солепромыслы около с. Аджигол (ныне Солончаки) существовали здесь до начала XX века.

Таким образом, жителей Лесостепи периода раннего железного века побережье близ устья Буга привлекало отложениями солей, о которых сообщает отец истории [Геродот, IV, 53]. Дион Хрисостом свидетельствует, что "ольвиополиты поставляли соль большинству варваров, эллинов и скифов, которые жили в Херсонесе Таврическом" [XXXVI, 3]. Солепромыслы на побережье между устьями Буга и Днестра были основными источниками этого минерала на юге Украины. Во времена скифов Сиваш не имел отложений соли и представлял собой заболоченную местность с пресными водами [Сташук, Супрычев, Хитрая, 1964, с. 164].

Степи к западу от Южного Буга почти лишены находок скифской материальной культуры. Тем красноречивее является тот факт, что ближайшую к его бассейну приморскую часть пути маркируют случайные находки: сложное бронзовое зеркало (хутор Анновка) и скифский конский наносник (Новопетровка) [Островерхов, Тошев, 1985]. Они найдены на водоразделе к востоку от р. Тилигул. Из района Тилигульского лимана происходит и бронзовое навершие конца IV в. до н.э. с изображением грифона, терзающего зайца (?), хранящееся в Одесском археологическом музее (инв. № 43861).

В 200-250 км от моря сеть второстепенных путей, разделенных долинами Тилигула, Куяльника и Хаджибея, за верховьями этих рек сливалась в единую магистраль. Дальше она узкой частью

пределах архаической Скифии, границы которой очерчивают находки монументальной скифской скульптуры VII-VI вв. до н.э. (рис. 2).

Завершая, отметим, что использование трасс торговых путей, известных из позднесредневековых источников, представляется весьма продуктивным. С одной стороны, этот подход систематизирует известные памятники и подчеркивает их значение, с другой стороны, помогает выявить новые пространственные структуры раннего железного века или же определить зоны их поиска.

Список литературы

Антонович В. Из археологической экскурсии. Село Кальник и его памятники старины // Киевская старина. – 1887. – т. 18, № 8 (август). – С. 761-765.

Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. – Киев, 1994. – С. 3-34.

Болтрик Ю.В. Об одном из вероятных торговых трактов Скифии // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. – Киев, 1981. – С. 59-60.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // Проблемы археологии Степной Евразии, ч. II. – Кемерово, 1987. – С. 3-5.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днестра) // СА. –1990. – № 4. – С. 30-44.

Болтрик Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в днепровское лесостепное Правобережье // РА. – 2000. – № 1. – С. 121-130.

Болтрик Ю.В. Місце Капулівських пам'яток в просторовій структурі Скіфії // Від Кіммерії до Сарматії. – Київ, 2004. – С. 12-15.

Брайчевський М.Ю. Римська монета на території України. – Київ, 1959. – 244 с.

Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – Киев, 1991. – С. 37-44.

Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. – Одесса, 2001. – 144 с.

Граков Б.М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям та Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. – 1947. – т. I. – С. 23-37.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX - III вв. до н.э.). – Николаев, 2008. – 192 с.

Ковальчук М. Историчні та геологічні передумови пошуку рудопроявів золота в осадкових товщах // Геолог України. – 2003. – № 1. – С. 76-84.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. – Киев, 1989. – 336 с.

Косаківський В.А. Скіфський кинджал з Вахнівки // Подільська старовина. – Вінниця, 1998. – С. 41-43.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – Киев, 1990. – 136 с.

Лисецкий Ф.И., Бызов А.А. Реконструкция транспортной сети степного Побужья // Киммерийцы и скифы. Тезисы конференции, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. – Мелитополь, 1992. – С. 50-51.

Мицько І. Монастирі Підгір'я XIII–XIV ст. // Міжнародна наукова конференція "Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції". Тези доповідей та повідомлення. – Львів, 1993. – С.70-72.

Острроверхов А.С. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. – Киев, 1981. – С. 88 -91.

Острроверхов А.С., Тошев Г.Н. Скифский конский налобник // Археология. – 1985. – № 49. – С. 54-56

Отрощенко В.В. Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев, 1986. – С. 117-152.

Отрощенко В.В. Пути обмена – пути миграций // Эпоха бронзы Донно-Донецкого региона. – Капитаново, 1995. – С. 18-19.

Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии или статистические, исторические и церковные заметки обо всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящиеся. – Киев, 1864. – 763 с.

Ростовцев М.И. Боспорское царство и южнорусские курганы. – СПб, 1912. – 21с.

- Стащук М.Ф., Супрычев В.А., Хитрая М.С.** Минералогия, геохимия и условия формирования донных отложений Сиваша. – Киев, 1964. – 164 с.
- Суботін Л.В., Черняков І.Т.** Новотроянівський скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи // Археологія. – 1982. – вип. 39. – С. 15-23.
- Хавлюк П.І.** Пізньоскіфське селище Сорока // Археологія. – 1979. – вип. 29. – С. 34-54.
- Цалкин В.И.** Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА – № 53. – С. 7-109.
- Членова Н.Л.** Предыстория "торгового пути Геродота" (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. – 1983. – № 1. – С. 60-73.
- Шилик К.К.** Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // Проблемы античной истории и культуры, ч. II. – Ереван, 1979. – С. 450-456.
- Шилик К.К.** Влияние природных условий на выбор трасс древних транспортных путей // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. – М., 1981. – С.178-187.
- Шилик К.К.** Еще раз о "торговом пути Геродота" // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 90-летию Б.Н. Гракова). I Граковские чтения. – Запорожье, 1989. – С.175-176.
- Шрамко Б.А.** Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев, 1987. – 183 с.
- Bukowski Z.** The Scythian influence in the area of Lusatian culture. – Wrocław -Warszawa - Kraków-Gdańsk, 1977. – 378 s.
- Bydłowski A.** Mogily w Novosiolce // Swiatowit. – 1904. – Т. 5. – S. 59-80.
- Bydłowski A.** Mogily w Novosiolce // Swiatowit. – 1905. – Т. 6. – S. 1-30.
- Gupieniec A.** Przewodnik po dziale numizmatycznym muzeum archeologicznego w Łodzi. – Łodz, 1954. – 147 s.
- Koško A.** Fluted mages in cultural sustems of the borderland of Eastern and Western Europe: 2350 – 800 B.C. Taxonomy, genesis, funxction // Baltik – Pontik Studes. – 2002. – Т. 2. – S. 31-81.
- Majeski E.** O charakterze starszych Kurhanow grupy Jackowichiej // Swiatowit. – 1905. – Т. 6. – S. 47-72.
- Minns E.** Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913. – 720 p.
- Šramko B.A.** Die osteuropäische Steppe und Waldsteppe in Ihren Wecheselbeziehungen Während der Frühen Eisenzeit // Archeaeologische Mitteilungen aus Iran. – 1992. – Bd 25. – S. 47-63.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести
АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО – Археологические открытия
АП – Археологічні пам'ятки УРСР
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМОИП – Бюллетень Московского общества испытателей природы
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ЗНТШ – Записки Наукового товариства ім. Шевченка
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ – Ленинградский Государственный Университет
НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології НАН України
МАИЧП – Международная ассоциация по изучению четвертичного периода
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
ТЗИИ – Труды Зоологического института АН СССР
BAR – British Archaeological Reports
ERAUL – Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Толочко П.П., Кулаковська Л.В. Сергій Миколайович Бібіков (1908–2008)	9
Бібліографія праць С.М. Бібікова	12

С.Н. БИБИКОВ – УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Платонова Н.И. Г.А. Бонч–Осмоловский и его сотрудники	20
Васильев С.А. С.Н. Бибилов: ленинградский период жизни и творчества	29
Любин В.П. Штрихи к портрету С.Н. Бибилова	32
Збенович В.Г. Трипольское наследие С.Н. Бибилова	35
Мацкевий Л.Г. Сергій Миколайович Бібіков і питання археології заходу України	39
Косаківський В.А. Бібіков С.М. та Заєць І.І. – наукові та дружні взаємини через призму епістолярної спадщини	43
Черняков И.Т. С.Н. Бибилов и Одесса	47

КАМЕННЫЙ ВЕК

Анойкин А.А. Древнейшие человеческие популяции на территории Приморского Дагестана: развитие материальной культуры	50
Любин В.П., Беяева Е.В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите	59
Кулаковская Л.В. Королево: хронология раннего и среднего палеолита	87
Усик В.И. Хроностратиграфия раннего среднего палеолита (Королево, слой V)	101
Вотьякова О.Л. Історія дослідження Рокосовських місцезнаходжень на Закарпатті	109
Степанчук В.Н., Рыжов С.Н., Матвишина Ж.Н., Кармазиненко С.П. Новые данные к изучению палеолитических памятников в бассейне Южного Буга	115
Палієнко С.В. Культурно–історичні реконструкції в пострадянському палеолітознавстві та деякі актуальні проблеми археологічної методології	120
Аникович М.В. Начало верхнего палеолита в Восточной Европе и в Южной Сибири: сходства и различия	124
Кротова А.А. Хранение продуктов и адаптация обществ эпиграветтских охотников Восточной Европы	129
Коваленко С.И. О многослойности верхнепалеолитической стоянки Рашков 8	141
Оленковский Н.П. Об эколого-адаптивных возможностях человека в позднем палеолите (на примере территории Нижнеднепровской левобережной равнины)	146
Манько В.А. Проблемы финального палеолита юга Украины	151
Кононенко О.М. Вістря верхньопалеолітичної стоянки Радомишль І: техніко-типологічна характеристика	165
Залізняк Л.Л., Ветров Д.О. Нові дослідження граветської стоянки Троянове 4 під Новомиргородом у 2007 році	174
Беяева В.И. Некоторые обобщения полевых исследований в Пушкарях I	181
Ахметгалеева Н.Б. Интерпретация предметов неутилитарного назначения на основе трасологического анализа (по материалам стоянок Посеймья Быки)	188
Леонова Н.Б. Жилые площадки каменнобалковской культуры	195
Виноградова Е.А. Жилые площадки Каменной Балки II (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000-2007 гг.)	202
Нехорошев П.Е., Ремезов С.О. Верхнепалеолитические памятники Волгоградской области	210
Житенев В.С. Верхний палеолит Южного Урала: к 70-летию исследований С.Н. Бибилова	219
Астахов С.Н. Палеолит ущелья Енисея в горах Западного Саяна	224
Лбова Л.В. Признаки символического поведения в культурах начальной стадии верхнего палеолита в Забайкалье	229

Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Клементьев А.М. Характер поселений и использование каменного сырья в ранней поре верхнего палеолита западного Забайкалья (по материалам стоянок Каменка и Хотык)	229
Гавриленко І.М. Основні демографічні та соціологічні параметри сім'ї й общини ранньомезолітичного населення Лісостепового Лівобережжя Дніпра	247
Черновол Д.К., Пичкур Е.В., Шидловский П.С., Дяченко А.В. Новый археологический комплекс культуры линейно-ленточной керамики в Верхнем Поднестровье	254
Михайлова Н.Р. Обрядовый аспект культа оленя по материалам археологических памятников Евразии	269

ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ СОСЕДИ

Цвек Е.В., Мовчан И.И. Гребени на Днепре – поселение трипольской общности (исследователи и проблемы)	277
Шиянова А.В. Реставрация зерновника с антропоморфными изображениями из с. Гребени	289
Дяченко А.В. К проблеме относительной хронологии памятников томашовской и косеновской локальных групп западнотрипольской культуры (палеодемографический аспект)	291
Старкова Е.Г. Проблема формирования локальных вариантов в северо-западной части трипольского ареала в период VII	299
Гусев С.О. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи трипільської культури (етапи VI-VII-СІ)	306
Якубенко О.О. Трипільська колекція з поселення біля села Грим'ячка на Хмельниччині (зі збірки Національного музею історії України)	317
Бузян Г.М., Білоусько В.М. Матеріали трипільського поселення Грим'ячка	323
Черновол Д.К. Інтер'єр ранньотрипільських жител	329
Косаківський В.А., Рудь В.С. Дослідження житла трипільської культури на поселенні в с. Буша	336
Гладилин В.Н. О глиняной модельке с трипольского поселения Россоховатка на Черкасщине	344
Бурдо Н.Б. Актуальні проблеми дослідження сакрального світу трипільської культури	345
Матева Б. К вопросу об организации первичной обработки кремня в эпоху энеолита (геологические данные и этнографические параллели)	350

БРОНЗОВЫЙ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКА

Бочкарев В.С. Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы	357
Красильников К.И., Скакун Н.Н., Пробейголова А.С., Терехина В.В. Изделия из кости и рога из поселения Давыдо-Никольское и их функциональное определение	366
Лысенко С.Д., Пашкевич Г.А. К вопросу о земледелии на Киевщине в эпоху бронзы – начале раннего железного века	372
Болтрик Ю.В. Древние пути сообщений Правобережной Украины	381
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	390

С.Н. БИБИКОВ И ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Оригинал-макет А.Б. Вольновой

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Элексис-Принт», СПб., ул. Моисеенко, 10

Формат 60x84 1/8. Объем п.л. Тираж 300 экз. Заказ №